

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2020

№ 65

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., директор Института Дальнего Востока РАН (Москва); **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекебай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрялов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета;
Румянцев Петр Петрович, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета;
Рындина Ольга Михайловна, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета;
Троицкий Евгений Флорентьевич, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета;
Фурсова Елена Федоровна, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета;
Чиндина Людмила Александровна, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus’» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Rumyantsev Peter P., PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeny F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Григорьева Н.В. Исторические этапы формирования органов конституционного контроля в России	5
Зайков К.С. Миграционные процессы и этнокультурный ландшафт северного фронта России и Норвегии в XVIII – начале XIX в.	13
Кириченко С.В., Плеханова А.М. Советские идеология и культура в 1920–1930-х гг.: воспитание «нового человека»	20
Красильников С.А. Право на заступничество: из переписки В.А. Обручева об арестованных геологах Сибири (1949–1954)	27
Петин Д.И. Военный инженер и педагог полковник Павел Павлович Голышев: аспекты биографии и служебной деятельности	35
Романова В.В. Дальний Восток и европейские евреи в годы нацизма (1933–1945)	42
Соловенко И.С., Рожков А.А., Коркина Т.А., Лойко О.Т. Интеллектуально-инновационный потенциал горных инженеров как фактор эффективного развития угольной промышленности в период «перестройки»	51
Федоров С. Г. Материалы волостных судов южноуральского региона как исторический и юридический источник	60
Чуркин М.К., Умнов Е.Е. Воспоминания как эго-текст: детская тыловая повседневность сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны	69
Нагорных О.С., Шок Н.П. Командировки советских врачей в КНР в 1950–1960-е гг.: реализация планов сотрудничества в сфере медицины и здравоохранения	75

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гарри И.Р. Хорский монастырь Нинцо-Гонпа: история и современность	86
Хакимов А.Ш. Первый год президентства Хасана Роухани: противостояние реформистов и консерваторов по вопросу ядерной программы Ирана (2013–2014)	95
Янгутов Л.Е., Марханова Т.Ф. Легизм и буддизм в истории формирования империй Цинь и Суй	101

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Баяндин В.И., Катюнов О.Н. Военные действия и военные объекты на картах Сибири и Дальнего Востока (XVIII – начало XX в.)	111
Веселова А.П. Уголовное законодательство дореволюционной России как источник по истории детства и материнства	120
Герш К.В., Свешников А.В. Политическая публицистика И.М. Гревса	129
Майничева А.Ю., Талапов В.В. Информационное моделирование зданий и сооружений: «умные памятники деревянного зодчества»	135
Михайленко В.И. Ренцо де Феличе: историк, изменивший Италию	141

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Natalia V. Grigorieva. Historical stages of the formation of constitutional control bodies in Russia	5
Konstantin S. Zaikov. Migration processes and the ethno-cultural landscape of the northern frontier of Russia and Norway in the 18th – early 19th centuries	13
Svetlana V. Kirichenko, Anna M. Plehanova. Soviet ideology and culture in the 1920s and 1930s: upbringing a «new man»	20
Sergey A. Krasilnikov. The right for intercession: V.A. Obruchev's correspondence concerning arrested Siberian geologists (1949–1954)	27
Dmitriy I. Petin. Military engineer and educator colonel Pavel Pavlovich Golyshev: aspects of biography and performance	35
Viktoria V. Romanova. The Far East and European jews during the nazi period (1933–1945)	42
Igor S. Solovenko, Anatoliy A. Rozhkov, Tatyana A. Korkina, Olga T. Loyko. Smart and innovative potential of mining engineers as a factor of effective development of the coal industry in the period of «Perestroika»	51
Sergey G. Fedorov. Materials of volost courts of the Southern Trans-Urals region as a historical and legal source	60
Mikhail K. Churkin, Egor E. Umnov. Memories as ego-text: children's rear everyday life of the Siberian province during the Great Patriotic War (World war II)	69
Olga S. Nagornyykh. Nataliya P. Shok, The business trips of the Soviet doctors to the PRC in the 1950s–1960s: implementation of cooperation plans in the field of medicine and healthcare	75

PROBLEMS OF WORLD HISTORY
AND INTERNATIONAL RELATION

Irina R. Garri. Hor monastery Nyintso-Gonpa: history and modernity	86
Azizjon Sh. Hakimov. The first year of the presidency of Hassan Rouhani: confrontation between reformists and conservatives on the issue of Iran's nuclear program (2013–2014)	95
Leonid E. Yangutov, Tatiyana F. Markhanova. Legism and buddhism in the history of the Qin and Sui dynasties's formation	101

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY,
SOURCE AND METODOLOGY OF HISTORY

Vladimir I. Bayandin, Oleg N. Kationov. Military actions and military structures on the maps of Siberia and the Far East (the XVIII – the beginning of the XX century)	111
Anna P. Veselova. The criminal law of pre-revolutionary Russia as a source of the history of childhood and motherhood	120
Kseniya V. Gersh, Anton V. Sveshnikov. Political journalism of I.M. Greys	129
Anna Yu. Mainicheva, Vladimir V. Talapov. Information modeling of buildings and structures: “smart monuments of wooden architecture”	135
Valeriy Iv. Mikhaylenko. Renzo de Felice: the historian who changed Italy	141

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Власова В.В. Саамы и коми-ижемцы с. Ловозеро: формирование образов <i>коренного</i> и <i>пришлого</i> народов	146
Дацышен В.Г., Кутилова Л.А. Китайцы в Приенисейской Сибири в конце 1910-х – 1920-е гг.: исследование регионального варианта общины мигрантов и уточнение концептуальных понятий	154
Герасимова В.А., Ключева В.П. Антисемитизм в позднем СССР в представлении сибирских евреев: предварительные наблюдения	165
Саввинова Г.Е. Историко-этнографические аспекты эпического сказительства Вилюйского улуса Якутии	171
Садовой А.Н., Белозёрова М.В., Зиновьев В.П., Кулемзин В.М. Исторический и этносоциальный аспекты анализа эффективности национальной политики российского государства XIX–XXI вв.	178

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Феклова Т.Ю. Возвращение имени. Г.А. Фритше – организатор метеорологических станций в Сибири	190
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Шерстова Л.И. Этнокультурная мозаика Горной Шории	195
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	198
----------------------------------	-----

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Victoria V. Vlasova. Saami and Komi-izhemtsy of Lovozero: forming of images of <i>indigenous</i> people and <i>newcomers</i>	146
Vladimir G. Datsyshen, Larisa A. Kutilova. Chinese in Prieniseyskya (Enisey-side) Siberia in the late 1910s – 1920s: the study of the regional version of the migrant community and clarification of conceptual notions	154
Victoria A. Gerasimova, Vera P. Kliueva. Anti-semitism in the late USSR in the perception of Siberian jews: preliminary observations	165
Gulnara E. Savvinova. Historical and ethnographic aspects of the epic tales of the Vilyui ulus of Yakutia	171
Alexander N. Sadovoy, Marina V. Belozeroва, Vasily P. Zinoviev, Vladislav M. Kulemzin. Historical and ethnosocial aspects of analysis of the efficiency of the Russian state national policy of the XIX–XXI centuries	178

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Tatyana Yu. Feklova. The name's return. G.A. Fritsche – the founder of meteorological stations in Siberia	190
--	-----

REVIEW

Lyudmila I. Sherstova. Mountain Shoriya ethnocultural patchwork	195
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	198
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 342.4

DOI: 10.17223/19988613/65/1

Н.В. Григорьева

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ

Рассматривается история формирования органов конституционного контроля в России. В советский период на разных этапах предпочтение отдавалось парламентской и американской моделям, в период с 1989 по 1990 г. был сформирован квазисудебный орган, на современном этапе предпочтение отдается европейской модели конституционного контроля. На федеральном уровне в качестве такого органа выступает Конституционный Суд РФ, на региональном уровне конституционные и уставные суды сформированы не во всех субъектах, поэтому процесс их формирования считается незавершенным.

Ключевые слова: конституционализм; конституционный контроль; история; Конституционный Суд РФ.

Истории возникновения и развития института конституционного контроля посвящены исследования многих зарубежных и отечественных ученых, которые можно разделить на два периода. Первый период объединяет работы, написанные до формирования органов конституционного контроля в нашем государстве: «Судебная охрана Конституций в буржуазных государствах и в Союзе ССР» В.К. Дябло [1], «Конституционный контроль в капиталистических государствах» М.А. Нуделя [2], «Конституционный контроль в буржуазных и развивающихся странах» В.В. Маклакова [3]. Можно констатировать, что работы данного периода были малочисленными и формирование органов конституционного контроля рассмотрено в них с точки зрения советской идеологии, в работах присутствует критика зарубежных органов конституционного контроля.

Работы второго периода отражают этапы формирования и деятельности органов конституционного контроля в РФ. В исследованиях М.С. Саликова [4], Н.В. Кряжкова, [5] М.А. Митюкова [6], Б.С. Эбзеева [7], Ж.И. Овсепян [8, 9], Л.В. Лазарева [10] обсуждается порядок формирования и деятельности органов конституционного контроля. Также заслугой перечисленных ученых является вклад в обоснование формирования новой процессуальной отрасли – конституционного судебного права. Несмотря на единый предмет исследования, ученые по-разному обосновывают название данной отрасли. Например, Н.В. Витрук [11. С. 23] называет данную отрасль конституционным правосудием, М.С. Саликов [4. С. 119] – конституционным судебным процессом, Ж.И. Овсепян – конституционной юстицией, считая необходимым изучать деятельность не только Конституционного Суда РФ, но и конституционных и уставных судов субъектов РФ [9]. Данную точку зрения поддерживает и В.К. Боброва, определяя особую роль уставного суда субъекта Российской Федерации [12]. Б.С. Эбзеев также говорит о конституционной юстиции, отмечая, что она включает

два уровня – федеральный и субъектов, включая в конституционный процесс конституционные и уставные суды субъектов федерации [13].

Необходимость существования данного института впервые обосновывал Г. Кельзен в своей работе «Чистое учение о праве». Он определяет соотношение государства и права, отдавая приоритет Основному закону государства и его особой защите. Г. Кельзен оказал значительное влияние на понимание противоречия в праве и необходимости формирования в государстве иерархической системы права. Его взгляды оказали влияние на формирование первого Конституционного суда Австрии в 1919 г. [14. С. 28–37].

В науке существует обоснование трех форм осуществления конституционного контроля: американской, европейской и смешанной. Их развитие происходило в разные исторические периоды и связано с особенностями развития государств. Американская модель считается более ранней, поскольку была впервые применена в 1803 г. Джоном Маршаллом в известном решении по делу «Мербери против Медисона». Европейская модель стала складываться в Европе после Первой мировой войны, и ее основоположником считается Г. Кельзен. Отличием данных моделей друг от друга стало то, каким органом контроль осуществляется. В американской модели это суды общей юрисдикции и верховный суд государства, в европейской модели – специальный орган конституционного контроля, конституционный суд. Появление третьей модели было связано с развитием идей конституционализма в современных государствах, и такой контроль сочетает элементы американской и европейской моделей (например, в Португалии). В государствах, в которых отсутствует конституционный контроль, используется парламентский контроль.

Особое место в таком правовом регулировании занимает принятие нормативно-правовых актов, определяющих систему управления государством. В опреде-

ленные периоды истории такими актами выступали различные положения, указы, своды законов. Однако с развитием демократических ценностей, закреплении принципа разделения властей в качестве таких актов стали выступать конституции. Конституция – это основной закон государства; в ее понятие заложено закрепление в данном акте основ устройства государства и общества. Следовательно, конституции выступают в качестве основных нормативных актов государства и требуют особого закрепления, сохранения и соблюдения их норм.

Концепций обустройства государства на основе конституции в России было достаточно много, к ним мы можем отнести, например, проекты М.П. Бестужева-Рюмина, М.М. Сперанского, П.И. Пестеля, Н. Муравьева. Некоторые мысли об осуществлении конституционного контроля прослеживаются в их идеях и конституционных проектах. Например, М.М. Сперанский в своем конституционном проекте неоднократно подчеркивал необходимость конституционного устройства и особой формы охраны закрепленных принципов.

Доминирующие идеи конституционного контроля в дореволюционной России, как правило, связаны с идеей правового государства. Концепция правового государства в империи до 1917 г. развивалась в том же направлении, что и на Западе, но со своей спецификой: одной из центральных проблем ее социально-политического развития в конце XIX – начале XX в. было отсутствие конституции, что и стало предметом дискуссий не только политических деятелей, но и правоведов. Обсуждалась не только необходимость конституционного устройства государства, но и дальнейшая охрана данной конституции. Многие представители русской правовой мысли, учитывая американский, английский и европейский опыт конституционализма, отстаивали идею судебной охраны конституции, предлагали различные ее варианты (В.Н. Дурденевский, М.М. Ковалевский, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, С.А. Муромцев, Л.А. Шаланд) [15]. Русские ученые достаточно критично относились к западным моделям конституционного устройства и предлагали свои, в частности обосновывали необходимость предварительного абстрактного конституционного контроля и осуществление толкование конституции в специальной процедуре. Следует согласиться с исследованиями данных ученых, поскольку такая форма контроля достаточно удобна и позволяет избежать дополнительного толкования при дальнейшем использовании нормативно-правовых актов.

Однако в дореволюционный период специальный орган конституционного контроля в России сформирован не был, а Правительствующий сенат очень часто шел на уступки и компромиссы с властью и не справлялся с функцией парламентского контроля. Поэтому, анализируя дореволюционный период, ученые придерживаются точки зрения о том, что отсутствие конституции в Российской империи не позволило сформировать особую систему конституционного контроля на данном этапе.

В этой связи, определяя основные периоды формирования органов конституционного контроля, исследова-

тели обращаются к периоду принятия первой Конституции РСФСР 1918 г. Специальных исследований данного периода по представленной проблематике недостаточно, однако теоретические взгляды на формирование органов конституционного контроля все же были представлены в работах некоторых советских ученых. Например, судебный контроль рассматривался в исследованиях В.К. Дябло «Судебная охрана конституций в буржуазных государствах и в Союзе ССР» [1], М.А. Свистуновой «Проблемы конституционного надзора в СССР» [16]. Среди современных ученых значительный вклад в исследование данного периода внес М.А. Митюков, отнеся его к предыстории конституционного правосудия и считая, что в эти годы отмечались только попытки формирования идей и взглядов на специальную охрану конституции [17. С. 3]. Также некоторые исторические аспекты отражены в работах В.А. Кряжкова и Л.В. Лазарева [5, 18], Н.В. Витрука [11. С. 32–35], М.С. Саликова [4. С. 2–7]. Таким образом, часть ученых, освещая данный период, констатируют факт отсутствия специального органа конституционного контроля.

Однако появление конституции в государстве влечет за собой определенную ответственность, связанную с соблюдением закрепленных в ней норм. Иное означало бы бессмысленность существования данного основного закона. В ходе развития идей конституционного устройства государства формируется и порядок охраны действующей конституции. Этот факт подтверждает дальнейшее развитие идей конституционализма в России и последующее формирование Конституционного суда.

Анализ существующих моделей конституционного контроля свидетельствует о том, что в нашем государстве на разных этапах действовали американская, европейская и парламентская модели конституционного контроля. В некоторых случаях конституционный контроль заменялся конституционным надзором.

В частности, в период принятия первой Конституции РСФСР в 1918 г. особого органа, осуществляющего конституционный контроль, в государстве не было, однако попытки осуществления такого контроля все-таки присутствуют. Например, некоторые исследователи отмечают, что Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов выступал в качестве законодательного органа, поскольку это был временный орган; в периоды между сессиями его функции выполнял Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). Именно он взял на себя функцию контроля за соблюдением законодательства и, по существу, выполнял функцию парламентского контроля. Таким образом, Всероссийский съезд советов и ВЦИК наделялись функциями по утверждению и изменению Конституции, а ВЦИК обладал исключительным правом изменять Конституцию и ратифицировать мирные договоры. Данные положения закреплялись в ст.ст. 24–36 главы 6, а также в ст. 31 главы 7 Конституции РСФСР 1918 г.

Такая форма контроля используется и настоящее время, например около 30 современных государств используют эту форму. Однако не всегда такой мони-

торинг парламента по толкованию законодательства можно назвать полноценной формой конституционного контроля, поскольку функция законодательного органа, как правило, сводится либо к отмене противоречащих законов, либо к принятию новых. Поэтому принятие первой Конституции РСФСР 1918 г. не способствовало формированию специальных органов конституционного контроля. Однако сам факт принятия конституции в качестве основного закона государства уже был достаточно большим шагом на пути развития конституционализма.

Следует заметить, что на данный период в Европе уже очень широко обсуждались идеи Г. Кельзена «о чистой теории права» и возможности учреждения специального органа конституционного контроля – конституционного суда. Первый такой суд был сформирован в 1919 г. в Австрии и представлял собой новую модель осуществления конституционного контроля – европейскую, для которой характерно осуществление конституционного контроля специальным органом. Важным аспектом формирования данного органа в Австрии стало включение нормы о нем в содержание конституции. В советском государстве данные идеи не были приняты, хотя отдельные предположения о конституционном контроле были высказаны М.А. Рейснером, Г.С. Гурвич.

Принятие новой конституции в государстве предполагает изменение не только самого содержания конституции, но и формы контроля за ее соблюдением. Многие исследователи данного периода отмечают, Конституция СССР 1924 г. закрепила не форму конституционного контроля, а форму конституционного надзора. Например, Н.А. Митюков в своей работе «Судебный конституционный надзор 1924–1933 гг.» [17. С. 74] отмечает, что Верховный Суд Союза ССР выполнял ряд функций по рассмотрению соответствия законодательства Конституции СССР 1924 г. Ученый в процессе исследования данного периода приходит к выводу об ограниченности полномочий Верховного Суда Союза ССР. Кроме того, частично функции конституционного контроля были даны органам прокуратуры. Следовательно, анализируя данный исторический отрезок, можно предположить, согласно существующим типам моделей конституционного контроля, что в СССР были сформированы органы конституционного контроля по типу американской модели осуществления конституционного контроля, в соответствии с которой конституционный контроль в государстве осуществляется либо судами общей юрисдикции, либо верховным судом. Поэтому отрицать существование конституционного контроля в данный период не совсем правильно. Специалисты, не признающие такую форму конституционного контроля, чаще говорят о недостатках данной формы проверки нормативных актов на соответствие конституции. Основанием такой точки зрения выступает формальный анализ нормы. Также можно отметить соперничающую деятельность в этой сфере Верховного Суда Союза ССР и органов прокуратуры. Прокуратуре СССР была определена функция осуществления надзора за соответствием Конституции СССР и постановлениям Правительства СССР

постановлений и распоряжений отдельных ведомств Союза ССР, союзных республик и местных органов власти [Там же. С. 84].

Конституция СССР 1924 г. стала документом, в котором закреплялся статус федеративного государства, а в качестве субъектов данного государства выступили союзные республики. Согласно теории федерализма субъекты в федеративном государстве обладают самостоятельностью в регулировании вопросов своего ведения. Данные положения отразились в содержании Конституции СССР 1924 г., поскольку она состояла из двух разделов: «Декларации об образовании СССР» и «Договора об образовании СССР». Однако с точки зрения формирования специального механизма конституционного контроля в данных субъектах относительно конституций республик не было. В соответствии с «Договором об образовании СССР» законодательство и контроль за ним находились в исключительном ведении СССР. В Конституции СССР 1924 г. не было предусмотрено права союзных республик опротестовывать или пересматривать акты союзных органов [Там же. С. 89].

Таким образом, следует предположить, что Конституция СССР 1924 г. не устанавливала особой формы осуществления конституционного анализа норм. Однако, сравнивая различные модели конституционного контроля, нужно отметить, что, отдавая функции толкования законов Верховному Суду Союза ССР, законодатель установил проверку норм права по американскому типу, когда функцией толкования конституции наделяются верховные суды государства либо суды общей юрисдикции. Согласно сложившейся практике в СССР на данный период времени конституционный контроль осуществлялся по американской модели, наделяя Верховный суд правом толкования норм. Данное положение можно подтвердить содержанием ст. 43 Конституции СССР 1924 г., в которой говорится о компетенции суда: «Верховный Суд СССР наделяется правом давать верховным судам союзных республик руководящие разъяснения по вопросам союзного законодательства». По мнению М.А. Митюкова, значение деятельности Верховного Суда СССР в 1924–1933 гг. как органа, осуществляющего конституционный контроль, достаточно завышена [6. С. 4]. Деятельность Верховного Суда СССР во многом носила консультативный характер, большая часть его решений была рекомендательной. Такой точки зрения придерживается ряд исследователей, изучающих данный период (М.А. Митюков, В.Ф. Коток, Н.Я. Куприцин, М.А. Свистунова).

Принятие Конституции СССР 1936 г. послужило следующим этапом формирования конституционной юстиции в нашем государстве, поскольку функция толкования была передана другими органам. Основным законом не закреплял специальных органов конституционного правосудия, однако согласно сложившейся практике эту функцию выполнял Президиум Верховного Совета СССР, обладающий правом толкования законов и отмены противоречащих Конституции актов союзного и республиканских совнаркомов. Президиум был органом Верховного Совета СССР, который вы-

ступал в качестве законодательного органа. Верховный Совет СССР имел двухпалатную структуру: Совет Союза и Совет Национальностей. Верховный Совет СССР не обладал правом проверки на конституционность собственных законодательных актов. Таким образом, в соответствии с действующим законодательством, на данный период времени был вновь установлен парламентский контроль.

Отличительной особенностью парламентского контроля является выборность норм, подлежащих толкованию, поскольку законодатель четко определяет вопросы, выносимые на такое толкование, часто ограничивая субъектов, которые могут обратиться за таким толкованием. В частности, парламентский контроль не предполагает обращения за таким толкованием граждан и их объединений.

Согласно главе 11 Конституции СССР 1936 г., высший надзор за исполнением законов всеми органами закреплялся за Прокурором СССР, что, по существу, устанавливало конституционный надзор. Понятие конституционного контроля и надзора различны. Конституционный контроль проверяет нормы на соответствие Конституции, а надзор осуществляется с целью соблюдения законов и норм конституции. Таким образом, согласно Конституции СССР 1936 г., специального конституционного контроля не устанавливалось, в исключительных случаях применялся парламентский контроль, а в целях соблюдения Конституции СССР Прокурором СССР осуществлялся конституционный надзор.

Конституция СССР 1977 г. функцию осуществления конституционного контроля оставила в числе полномочий Президиума Верховного Совета СССР, т.е. также закрепляла парламентскую форму осуществления конституционного контроля. Данная Конституция СССР установила определенную иерархию нормативно-правовых актов и приоритет норм Конституции. Президиум Верховного Совета СССР наделялся приоритетом контроля за соблюдением Конституции СССР и обеспечением соответствия законов союзных республик Конституции и законам СССР. Особой функцией, которой наделялся данный орган, стала функция толкования законов СССР, постановлений и распоряжений Совета Министров союзных республик в случае несоответствия закону. Президиум Верховного Совета СССР также мог издавать указы и постановления по поводу внесения изменений и дополнений в действующие нормативные акты. Особенностью Конституции СССР 1977 г. стало наделение местных советов народных депутатов контролем за соблюдением законов на своей территории. Данное положение свидетельствует о попытке наделения органов субъектов некоторой самостоятельностью в процедуре применения и использования норм закона.

Так же как и по предыдущей Конституции, органы прокуратуры наделялись правом конституционного надзора за соблюдением органами власти, учреждениями и организациями, гражданами Конституции СССР и действующих законов. Таким образом, Конституция СССР 1977 г. не изменила практику осуществления конституционного контроля, оставив его за представи-

тельно-законодательным органом – Президиумом Верховного Совета СССР. Конституционный надзор осуществлялся органами прокуратуры.

Особенностью Конституции СССР 1977 г. было то, что она была достаточно гибкой, и это дало возможность внести в нее значительное число поправок в связи с реформами, начатыми в государстве М.С. Горбачевым. Одной из таких поправок стало положение об учреждении специального органа, контролирующего соблюдение Конституции, – Комитета конституционного надзора СССР (ККН). Поправка была внесена ст. 119, которая закрепляла структуру и основные функции данного органа. Предполагалось учреждение такого органа сроком на 10 лет. На ККН была возложена проверка на соответствие Конституции СССР, а также и обычным законам, не только нормативных актов высших органов государственной власти, но и их проектов, внесенных на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР. Также в декабре 1989 г. был принят закон «О конституционном надзоре в СССР» [18].

Анализируя полномочия данного органа, следует предположить, что он был сформирован как самостоятельный орган и по своей организации был похож на орган конституционного контроля, сформированный по европейской модели осуществления конституционного контроля. Однако изучение полномочий данного органа дает основания полагать, что его следует характеризовать как квазисудебный орган, потому что его решения носили рекомендательный характер. В частности, ККН, установив несоответствие, мог рекомендовать издавшим или подготовившим соответствующие акты органам устранить его, а в случае отказа – переносить вопрос об исправлении или отмене таких актов в Верховный Совет, Совет Министров СССР или даже на Съезд народных депутатов СССР, которые принимали окончательное решение по поставленному вопросу. Окончательное решение данный орган мог принимать только в случае рассмотрения вопросов о правах человека [5].

Квазисудебный характер деятельности ККН вызывал разногласия в соблюдении принятых решений и часто приводил к критике данного органа и бесполезности его деятельности, поэтому многие политические деятели, специалисты в области права высказывались о замене ККН на Конституционный Суд. Замена данного органа произошла после распада СССР и учреждения в 1991 г. Конституционного Суда РФ.

Наиболее известными решениями ККН считаются: заключение «О разрешительном порядке прописки граждан» от 11 октября 1991 г., когда была отменена разрешительная система прописки, которая необоснованно ограничивала свободу передвижения граждан; заключение «О правилах, допускающих применение неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан» от 29 ноября 1990 г. – это решение стало первой попыткой придания значения международным документам, что позволило установить трехмесячный срок для официального опубликования данных законов. Всего Комитетом конституционного надзора СССР было принято 23 решения.

Таким образом, в период с 1989 по 1991 г. в СССР был сформирован специальный орган конституционного контроля – ККН, который можно характеризовать как квазисудебный орган, сформированный по европейской модели. Обычно данный орган сравнивают с моделью конституционного контроля во Франции – Конституционным Советом Франции.

Политические изменения, происходившие в государстве, оказали влияние и на формирование специального органа конституционного контроля – Конституционного Суда. Данные изменения были связаны с распадом СССР и созданием самостоятельной системы органов государственной власти. Первые попытки учредить Конституционный Суд были предприняты в декабре 1990 г., когда была внесена поправка в Конституцию РСФСР 1978 г. об учреждении Конституционного Суда (поправка от 15 декабря 1990 г.). Процесс дальнейшего формирования данного органа был продолжен в 1991 г., когда в Конституцию РСФСР 1978 г. была внесена еще одна поправка о Конституционном Суде РСФСР как части судебной системы, высшем судебном органе конституционного контроля, осуществляющем судебную власть в форме конституционного судопроизводства.

Следующим этапом формирования данного органа стало принятие специального закона «О Конституционном Суде РСФСР» от 12 июля 1991 г., который утвердил численный состав суда, порядок его организации и деятельности. Согласно поправкам к Конституции РСФСР 1978 г. и принятому закону «О Конституционном Суде РСФСР», в нашем государстве на данном этапе был сформирован полноценный орган конституционного контроля, соответствующий европейской модели. Были избраны судьи, назначен председатель В.Д. Зорькин. Данный орган начал свою деятельность с 14 декабря 1992 г. рассмотрением своего первого дела. Однако существует точка зрения о том, что датой создания Конституционного Суда следует считать 30 октября 1991 г., когда было проведено первое совещание судей.

Конституционный Суд Российской Федерации наделялся следующими полномочиями: разрешение дел о конституционности законов и иных правовых актов Российской Федерации и ее субъектов, правоприменительной практики, а также о конституционности политических партий и общественных объединений; разрешение споров о компетенции между органами государственной власти. Кроме того, в полномочия Конституционного Суда были включены: дача заключений об отрешении от должности ряда должностных лиц Российской Федерации и ее субъектов, право законодательной инициативы, ежегодное направление парламенту Российской Федерации послания о состоянии конституционной законности в России (подлежавшего срочному рассмотрению) и т.д. За период своей деятельности данный орган рассмотрел 27 дел, из них 19 – по ходатайствам о проверке конституционности правовых актов, 8 – по индивидуальным жалобам граждан.

Таким образом, Конституционный Суд, сформированный в России в период 1991–1993 гг. стал полно-

ценным органом конституционного контроля, осуществляющим свою деятельность на основе Конституции РСФСР 1978 г. и специального закона о данном органе. По своему типу данный Конституционный Суд был сформирован как специальный орган конституционного контроля и может быть отнесен к европейской модели конституционного контроля, он обладает всеми признаками характерными для данного типа органов.

К сожалению, его деятельность была непродолжительной, поскольку она была основана на нормах старой Конституции РСФСР 1978 г., которые уже значительно устарели и требовали замены. Особенностью данного периода истории стало то, что в фактически в новом государстве – Российской Федерации – еще в течение двух лет действовала старая Конституция РСФСР 1978 г., хотя и со значительными поправками, внесенными в нее. Поэтому возникла необходимость принятия новой конституции и определения статуса органов власти на основании нового Основного закона. Все эти обстоятельства повлияли на принятие Конституции Российской Федерации 1993 г. и учреждение Конституционного Суда РФ на основе ее норм. Президентом был принят ряд указов, способствующих проведению данной реформы, в частности указы от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в РФ» и от 7 октября 1993 г. «О Конституционном Суде РФ». Также после принятия нового Основного закона государства закон «О Конституционном Суде РСФСР» был признан недействующим.

Конституция РФ 1993 г. определила новый статус органа конституционного контроля в ст. 125 главы 7, закрепив не только порядок образования Конституционного Суда РФ, но и возможность учреждения в субъектах РФ конституционных и уставных судов. Порядок создания органов конституционного контроля в субъектах отличается от федерального, субъект сам вправе определять вопрос об учреждении такого органа. Именно поэтому на сегодняшний день остается актуальным вопрос учреждения органов конституционного контроля в субъектах; пока они созданы только в 16 регионах. В историческом аспекте формирование органов конституционного контроля в субъектах РФ обычно делят на три этапа. Первый этап – до принятия Конституции РФ 1993 г., когда проявлялись первые попытки формирования данных органов в субъектах. Обычно данный период обозначают 1991–1993 гг., когда в отдельных субъектах были сформированы конституционные суды и уставные палаты. Юристы называют данный период нелегитимным, поскольку не существовало достаточных правовых оснований создания данных органов, т.е. правовыми нормами этот процесс не регламентировался. Второй этап – 1993–1996 гг., когда правовые основы создания органов конституционного контроля были закреплены в Конституции 1993 г. Третий этап – с 1996 г. до настоящего времени – характеризуется принятием рекомендательной нормы по формированию конституционных и уставных судов РФ на основе ст. 27 ФКЗ «О судебной системе РФ», закрепления положений о создании таких органов в конституциях и уставах субъектов РФ

и принятием специальных законов о данных органах в субъектах РФ. Таким образом, процесс создания органов конституционного контроля в субъектах РФ можно считать составной частью формирования органов конституционного контроля в России в целом.

Основные процессуальные принципы и правила осуществления конституционного судопроизводства содержатся в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. Статья 4 Закона «О судебной системе Российской Федерации» относит Конституционный Суд РФ к федеральным судам. Компетенция данного судебного органа установлена ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [19]. Порядок его образования и деятельности определяется также Конституцией РФ и Законом о Конституционном Суде РФ.

Однако и на современном этапе возникла необходимость реформирования органа конституционного контроля. В январе 2001 г. срок полномочий судей, назначенных на должность Советом Федерации, был продлен с двенадцати до пятнадцати лет [20]. Новые поправки, внесенные в марте 2005 г. в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», установили, что полномочия судьи Конституционного Суда РФ перестали быть ограниченными определенным сроком.

Следующие изменения законодательной основы осуществления конституционного правосудия имели место зимой 2007 г. Статья 115 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», устанавливающая место постоянного пребывания Конституционного Суда, была изложена в следующей редакции: «Местом постоянного пребывания Конституционного Суда Российской Федерации является город Санкт-Петербург». Указанная поправка вступила в силу 5 февраля 2007 г., а уже с 21 мая 2008 г. конституционное судопроизводство стало осуществляться в комплексе исторических зданий Сената в центре Санкт-Петербурга.

Новое совершенствование Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» произошло в июне 2009 г. [21]. Законодатель предусмотрел новый порядок назначения на должность председателя Конституционного Суда и его заместителей, которых стало два, так как вместо должности судьи-секретаря была введена должность второго заместителя председателя Конституционного Суда РФ. Отныне и председатель, и два его заместителя назначаются на свои должности Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации. Срок их полномочий составляет шесть лет, но по истечении этого срока они вновь могут быть назначены на занимаемые должности. Также были приняты поправки в 2010 г., они затронули вопросы совершенствования процедуры конституционного судопроизводства. В частности, Конституционный Суд получил возможность при определенных условиях разрешать дела без проведения слушаний. Это позволит Суду, сократив сроки рассмотрения ряда категорий дел, повысить оперативность и эффективность защиты нару-

шенных прав и свобод граждан Российской Федерации. Кроме того, поправки коснулись отдельных вопросов совершенствования порядка обращения в Конституционный Суд и внутренней организации его деятельности; поправки вступили в силу с 9 февраля 2011 г.

Последней, достаточно важной поправкой стала дополнительная глава XIII.1 «Рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека» Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». [22]. Новые нормы позволяют рассматривать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека (в данном случае это решения Европейского Суда по правам человека), вынесенного по жалобе гражданина РФ. Принятие данной поправки означает, что при признании такого решения не соответствующим Конституции РФ решение межгосударственного органа не может быть исполнено. На сегодняшний день Конституционным Судом РФ на основании данной поправки уже вынесен ряд постановлений. В частности, Постановление от 19 января 2017 г. по вопросу о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», постановление по делу «Анчугов и Гладков против России» и др.

Таким образом, исследуя историю формирования органов конституционного контроля следует выделить следующие основные этапы формирования данных органов.

Первый период (1918–1989) – чаще его называют советским – характеризуется формированием парламентского контроля и конституционного надзора, а также передачей части полномочий по толкованию Основного закона государства Верховному Суду СССР. Анализируя исторический опыт зарубежных государств, следует заметить, что такая модель осуществления конституционного правосудия схожа с американской моделью конституционного контроля и содержит присущие ей признаки. Исследуемый период можно разделить на отдельные этапы, обозначенные принятием новых конституций. Каждая конституция меняла порядок осуществления конституционного контроля, при этом не устанавливала специальных органов, осуществляющих данный контроль. Поэтому указанный период характеризуется передачей полномочий по толкованию Конституции РСФСР, Конституции СССР и законов различным органам.

Второй период (1989–1991) связан со значительными изменениями в системе органов власти и совпадает с периодом перестройки. Характеризуется формированием квазисудебного органа конституционного контроля – Комитета конституционного надзора. Считается, что данный период самый непродолжительный, поскольку Комитет конституционного надзора был подвергнут критике и упразднен.

Третий период начинается с 1991 г. формированием Конституционного Суда РФ, продолжается до сегодняшнего дня и представляет европейскую модель осуществления конституционного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дябло В.К. Судебная охрана конституций в буржуазных государствах и в Союзе ССР. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. 118 с.
2. Нудель М.А. Конституционный контроль в капиталистических государствах. М. : Юрид. лит., 1968. 223 с.
3. Маклаков В. В. Конституционный контроль в буржуазных и развивающихся странах. М. : ВЮЗИ, 1988. 55 с.
4. Саликов М.С. Конституционный судебный процесс : учебник для вузов / отв. ред. М.С. Саликов. М. : Норма, 2003. 416 с.
5. Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М. : Бек, 1998. 439 с.
6. Митюков М.А. Предтеча Конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30 – начало 90-х гг. XX в.). М. : Формула права, 2006. 179 с.
7. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд : учеб. пособие для вузов. М. : Закон и право ; ЮНИТИ, 1997. 349 с.
8. Овсепян Ж.И. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Правовая защита Конституций. Ростов н/Д : Литера-Д, 1992. 332 с.
9. Овсепян Ж.И. Становление конституционных и уставных судов в субъектах РФ (1990–2000 гг.). М. : МарТ, 2001. 672 с.
10. Лазарев Л.В. Некоторые спорные вопросы теории и практики конституционного правосудия. // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 21–22.
11. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс : учеб. пособие. 2-е изд. пераб и доп. М. : Юрист, 2005. 527 с.
12. Боброва В.К., Кровельщикова В.В., Митюков М.А. Закон об Уставном суде субъекта Российской Федерации: каким он может быть (модель закона, анализ зарубежного и отечественного опыта, нормативные акты, комментарии и пояснения) / отв. ред. М.А. Митюков. М. : Моск. обществ. Науч. фонд, 2000. 20 с.
13. Эбзеев Б.С. Конституционный Суд Российской Федерации – судебный орган конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 2-3. С. 66–72.
14. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. 2-е изд. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
15. Митюков М.А. Истоки конституционного правосудия в России // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. В.Ф. Воловича. Томск, 2000.
16. Свищунова М.А. Проблемы конституционного надзора в СССР : автореф. ... канд. юр. наук. М., 1971. 17 с.
17. Митюков М.А. Судебный конституционный надзор 1924–1933 гг. : вопросы истории, теории и практики. М. : Формула права, 2005. 208 с.
18. Лазарев Л.В., Слива А.Я. Конституционная реформа – первый этап // Советское государство и право. 1989. № 3. С. 3–14.
19. О Конституционном Суде РФ : федеральный конституционный закон от 21.07.1994 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 1.
20. О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде РФ» : федеральный конституционный закон РФ от 15.12.2001 № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4854.
21. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федеральный конституционный закон РФ от 02.06.2009 № 2-ФКЗ // Рос. газ. 2009. 4 июня.
22. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федеральный конституционный закон РФ от 14.12.2015 № 7-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51, ч. I. Ст. 7229.

Natalia V. Grigorieva, Transbaikal State University (Chita, Russia Federation). E-mail: ashatan-75@mail.ru

HISTORICAL STAGES OF THE FORMATION OF CONSTITUTIONAL CONTROL BODIES IN RUSSIA

Keywords: constitutionalism, the constitutional review, the types of constitutional control, the main historical stages of formation of bodies of the constitutional control.

The article refers to the phased formation of the constitutional control bodies in the Russian Federation. Historiographic analysis showed that for a long time the ideas of constitutional control were considered in the context of the ideas of constitutionalism and the development of constitutional law as a science. The main research in this problem was developed in the late 20th and early 21st century in connection with the formation of the Constitutional Court of the Russian Federation.

As an exploratory goal, the author attempted to analyze all stages of the development of the bodies of constitutional control within the framework of the characteristics of the models of constitutional control used at this or that stage of development of the state.

The application of the comparative-historical method, the interdisciplinary method allowed the author to conclude that it is possible to use different models of constitutional control at different historical stages. Using the normative legal acts, the theoretical justification for creating bodies of constitutional control in the Russian Federation, the author singled out three main forms of exercising constitutional control in Russia at different historical stages: parliamentary, quasi-judicial, constitutional. Based on the analysis of the Constitutions that operated in the territory of Russia, on the laws on the Constitutional Court of the Russian Federation, the regulations of these courts, it was concluded that the constitutional control in the Russian Federation was carried out by the parliament (VTsIK) and the Supreme Court of the USSR, the quasi-judicial body (the Committee for Constitutional Oversight), and by the Constitutional Court. The peculiarity of the formation of constitutional control bodies in Russia is the transition from one model of constitutional control to another. In particular, the author suggested that during the period of the Constitution of 1918, 1924, 1936, 1977, Constitutional control was carried out by the All-Russian Central Executive Committee and the Supreme Court, which gives grounds to characterize these bodies in terms of the type of implementation of constitutional control under the American model of constitutional control. With the introduction of amendments to the Constitution of the USSR in 1977, the Committee for Constitutional Control was established, that is called as quasi-judicial body. At the present stage of development with the formation of the Constitutional Court, we have formed a European model for exercising constitutional control.

Analyzing the main stages in the formation of bodies of constitutional control in Russia, one can agree with the assertion that different models of constitutional control were used in different periods of its historical development in Russia, which is not characteristic of other states. The use of this or that model of exercising constitutional control was connected with the peculiarities of the development of the state at a particular historical stage.

REFERENCES

1. Dyablo, V.K. (1928) *Sudebnaya okhrana konstitutsiy v burzhuaznykh gosudarstvakh i v Soyuze SSR* [Judicial protection of constitutions in bourgeois states and in the USSR]. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu RSFSR.
2. Nudel, M.A. (1968) *Konstitutsionnyy kontrol' v kapitalisticheskikh gosudarstvakh* [Constitutional control in the capitalist states]. Moscow: Yurid. lit.
3. Maklakov, V.V. (1988) *Konstitutsionnyy kontrol' v burzhuaznykh i razvivayushchikhsya stranakh* [Constitutional control in bourgeois and developing countries]. Moscow: VYuZi.
4. Salikov, M.S. (2003) *Konstitutsionnyy sudebnyy protsess* [Constitutional Litigation]. Moscow: Norma.

5. Kryazhkov, V.A. & Lazarev, L.V. (1998) *Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional justice in the Russian Federation]. Moscow: BEK.
6. Mityukov, M.A. (2006) *Predtecha Konstitutsionnogo pravosudiya: vzglyady, proekty i institutsional'nye predposylki (30- nachalo 90-kh gg. XX v.)* [The Forerunner of Constitutional Justice: Views, Projects, and Institutional Prerequisites (1930 – early 1990s)]. Moscow: Formula prava.
7. Ebzeev, B.S. (1997) *Konstitutsiya. Pravovoe gosudarstvo. Konstitutsionny sud* [Constitution. Constitutional state. Constitutional Court]. Moscow: Zakon i pravo, YuNITI.
8. Ovsepyan, Zh.I. (1992) *Sudebnyy konstitutsionnyy kontrol' v zarubezhnykh stranakh. Pravovaya zashchita Konstitutsii* [Judicial constitutional review in foreign countries. Legal protection of the Constitution]. Rostov-on-the Don: [s.n.].
9. Ovsepyan, Zh.I. (2001) *Stanovlenie konstitutsionnykh i ustavnykh sudov v sub"ektakh RF (1990–2000g.)* [The formation of constitutional and charter courts in the constituent entities of the Russian Federation (1990–2000)]. Moscow: MarT.
10. Lazarev, L.V. (1997) *Nekotorye spornye voprosy teorii i praktiki konstitutsionnogo pravosudiya* [Some controversial issues in the theory and practice of constitutional justice]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 3. pp. 21–22.
11. Vitruk, N.V. (2005) *Konstitutsionnoe pravosudie. Sudebno-konstitutsionnoe pravo i protsess* [Constitutional justice. Judicial constitutional law and process]. 2nd ed. Moscow: Yurist".
12. Bobrova, V.K., Krovelitsikova, V.V. & Mityukov, M.A. (2000) *Zakon ob Ustavnom sude sub"ekta Rossiyskoy Federatsii: kakim on mozhet byt' (Model' zakona, analiz zarubezhnogo i otechestvennogo opyta, normativnye akty, kommentarii i poyasneniya)* [Law on the Statutory Court of a Subject of the Russian Federation: what it can be (Model of the law, analysis of foreign and domestic experience, regulations, comments and explanations)]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr nauchnykh i uchebnykh programm.
13. Ebzeev, B.S. (1995) *Konstitutsionny Sud Rossiyskoy Federatsii – sudebnyy organ konstitutsionnogo kontrolya* [The Constitutional Court of the Russian Federation – the judicial body of constitutional control]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 2–3.
14. Kelsen, H. (2015) *Chistoe uchenie o prave* [Pure Doctrine of Law]. 2nd ed. Translated from German by M.V. Antonov, S.V. Lezov. St. Petersburg: Alef-Press.
15. Mityukov, M.A. (2000) *Istoki konstitutsionnogo pravosudiya v Rossii* [The origins of constitutional justice in Russia]. In: Volovich, V.F. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Svistunova, M.A. (1971) *Problemy konstitutsionnogo nadzora v SSSR* [Problems of Constitutional Supervision in the USSR]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
17. Mityukov, M.A. (2005) *Sudebnyy konstitutsionnyy nadzor 1924-1933 g.: voprosy istorii, teorii i praktiki* [Judicial Constitutional Supervision 1924–1933: Questions of History, Theory and Practice]. Moscow: Formula prava.
18. Lazarev, L.V. & Sliva, A.Ya. (1989) *Konstitutsionnaya reforma – pervyy etap* [The first stage of constitutional reform]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 3–14
19. The Russian Federation. (1994) *O Konstitutsionnom Sude RF: federal'nyy konstitutsionnyy zakon [ot 21 iyulya 1994]* [On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law [of July 21, 1994]]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – The Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 1.
20. The Russian Federation. (2001) *O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v FKZ “O Konstitutsionnom sude RF”*: feder. konstituts. zakon Ros. Federatsii [ot 15 dekabrya 2001 № 4-FKZ: prinyat Gos. Dumoy 28 noyabrya 2001 g.: odobr. Sovetom Federatsii 5 dekabrya 2001 g.] [On amendments and additions to the Federal Law on the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 4-FKZ of the Russian Federation [of December 15, 2001; adopted by the State. Duma as of November 28, 2001; approved by The Federation Council on December 5, 2001]]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – The Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 51. Art. 4854.
21. The Russian Federation. (2009) *O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy konstitutsionnyy zakon “O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii”*: feder. konstituts. zakon Ros. Federatsii [ot 2 iyunya 2009 g. № 2-FKZ: odobren Gos. Dumoy 22 maya 2009 g.: odobr. Sovetom Federatsii 27 maya 2009 g.] [On amendments to the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”: Federal Constitutional Law No. 2-FKZ of the Russian Federation [dated June 2, 2009; approved by the State Duma on May 22, 2009; approved by The Federation Council on May 27, 2009]]. *Rossiyskaya gazeta*. 4th June.
22. The Russian Federation. (2009) *FKZ ot 14 dekabrya 2015 g. №7-FKZ O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy konstitutsionnyy zakon “O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii”* [Federal Constitutional Law No. 7-FKZ dated December 14, 2015, on Amendments to the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – The Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 51(1). Art. 7229.

УДК 94(470+481)(045)
DOI: 10.17223/19988613/65/2

К.С. Зайков

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРНОГО ФРОНТИРА РОССИИ И НОРВЕГИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 17-78-10198
«Политические и этнокультурные границы Российской Арктики: от концептуализации к реконструкции
процесса пространственной социализации».*

Изучены малоизвестные страницы истории российско-норвежского пограничья (Северного фронта), представлена комплексная картина миграционных процессов и этнокультурного ландшафта Северного фронта в хронологических рамках XVIII – начала XIX в. Результаты исследования позволяют произвести комплексную реконструкцию эволюционного развития российско-норвежского пограничья от зоны с фронтальной конфигурацией к территории с четкими политическими границами в конце XVIII – начале XIX в.

Ключевые слова: российско-норвежское пограничье; этнокультурный ландшафт; саамы; Северный фронт; Финнмарк; общие округа; скольты.

Центральное место в российско-норвежских отношениях XVIII–XIX вв. занимал вопрос о разграничении Северного фронта – территории современного российско-норвежского пограничья вдоль рек Нявдема (норв. – Нейден), Паз / Паес (норв. – Пасвиг) и Печенга (норв. – Пейсен)¹, где с XIII в. располагались «общие владения» Норвегии, Швеции и Великого Новгорода, позднее переданные Российской Империи и Дании-Норвегии².

И хотя вопрос о разграничении Северного фронта на финальной стадии его делимитации в 1822–1826 гг. подробно освещен в отечественной и зарубежной историографии, этнокультурный ландшафт и миграционные процессы оспариваемого пространства остаются неизученными в современном историческом североведении [1. Р. 1164–1172]. В то же время именно локальные промысловые конфликты между коренными жителями (скольтами) и пришлым населением (норвежскими колонистами, морскими и горными норвежскими саамами) в 1821 и 1822 гг. стали предлогом для начала дипломатических переговоров между Российской империей и Швецией-Норвегией, завершившихся разграничением фронта и демаркацией российско-норвежской границы в 1826 г. [2. Р. 38–59].

В этой связи остается актуальной задача реконструкции этнокультурного ландшафта и миграции на территории Северного фронта в XVIII–XIX вв. Полученные результаты позволят произвести комплексную реконструкцию процесса эволюции российско-норвежского пограничья, а также существенно улучшить интерпретационную модель процесса разграничения Северного фронта в конце XVIII – начале XIX в.

Изначально территория Северного фронта (XIII в.) охватывала весь Финнмарк (Samri) – береговую линию приблизительно от современного Тромсе (Люнген фиорд) в северной Норвегии до горла Белого моря на

востоке, а также огромные территории во внутренних районах северной Фенноскандии и Кольского полуострова. На протяжении XVI–XVII вв. в результате поселенческой и монастырской колонизаций, вооруженного решения пограничных вопросов размер фронта интенсивно сокращался. К 1613 г. его площадь включала небольшой район между рек Нявдема, Паз и Печенга на территории современного южного Варангера. В XVIII – начале XIX в. эти территории входили в состав Кольского уезда Архангельской губернии (Российская империя) и в состав провинции Финнмарк (Дания-Норвегия; Швеция-Норвегия) [3. Р. 19–37].

В рассматриваемый исторический период на данной территории располагались земли (сийтов / погостов) восточной православной группы саамов (скольтов). В российских источниках данные территории именовались «двоеданные погосты»³, в норвежских источниках они известны как «общие округа» [Ibid. Р. 19–37; 4. Р. 1044–1062]. В период Новгородской земли «погостом» называлось место сбора дани и организации княжеского суда. Уже с раннего Средневековья этот термин стал употребляться для обозначения не только фискальной податной единицы, но и самой нижней единицы административно-территориального деления Новгородской земли. Позднее эта система была заимствована Русским государством, а затем и Российской империей [5. С. 173–184; 6. С. 94–96].

Территория проживания скольтов делилась между тремя большими семьями с соответствующими погостами: Нявдемским, Пазрецким и Печенгским, которые и составляли так называемые «двоеданные погосты» / «общие округа» (рис. 1) [7. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125, 127, 129, 9571; Ф. 4. Оп. 2. Д. 273; Ф. 4. Оп. 3. Д. 642; Оп. 7. Д. 512; 8. Ф. 1. Адм. дела. II-6. Д. 75. Ч. 1. Л. 140–145; Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701].

Рис. 1. Карта погостов скольтов, составлявших «общие округа» России и Дании-Норвегии в XVII – начале XIX в. 1 – Нявдемский погост, 2 – Пазрецкий погост, 3 – Печенгский погост

Скольты находились под гражданской и церковной юрисдикцией России и двойной фискальной юрисдикцией. И Россия, и Дания-Норвегия имели право сбора налогов с коренного населения. Территория проживания скольтов не имела четкой административной юрисдикции между Россией и Данией-Норвегией [3. С. 23–30], поэтому в политико-экономическом смысле географическое пространство «общих округов» / «двоеданных погостов» представляло собой буферную зону с неопределенным политическим статусом и низким уровнем территориально-административного контроля, что позволяет определить историко-географическую форму организации данной территории как фронтир, зону без четких политических границ и открытую для хозяйственного освоения [9. Р. 606–632].

Первые письменные упоминания о промысловых миграциях датско-норвежских подданных на территории скольтов встречаются в источниках XVI в. [10]. Из более поздних документов, а именно протоколов майора Петера Шнитлера, члена совместной шведско-датской экзаменационной пограничной комиссии (1742–1745), известно⁴, что еще со времени основания крепости Вардехус, расположенной на территории северного Варангера (1330), подданные датской короны, а именно варангерские горные и морские саамы и норвежские колонисты, приезжали летом на побережье южного Варангера для ведения речного и лесного промыслов [ibid.].

Причина крылась в бедности природных ресурсов северного Варангера, где преимущественно проживали горные и морские саамы и колонисты. В то же время близлежащий южный берег фиорда (южный Варан-

гер, где располагались «двоеданные погосты» / «общие округа») изобиловал этими ресурсами, так необходимыми для выживания и процветания норвежских поселений (Киберга, Вадсе и Варде).

Природа подталкивала норвежских колонистов к заселению южного Варангера. Согласно материалам, собранным норвежским исправником восточного Финнмарка (фогдом) Ведеге в 1747 г., норвежские колонисты ежегодно приезжали на побережье всех трех погостов. Районом их хозяйственной активности были фиорды и устья рек, расположенные на территориальном пространстве от Верес губы до Печенгской губы⁵ (рис. 2) [11. Р. 70–76].

Отметим, что выбор островов в дельте рек Нявдема и Паз для организации норвежских поселений был неслучайным. Торговая компания, расположенная в норвежском городе Вадсе, обладала государственной монополией Дании-Норвегии на торговлю и промысел по берегам Нявдемского и Пазрецкого погостов и пыталась организовать постоянное поселение в целях развития промысла с коренными жителями, у которых купцы приобретали семгу, сельдь и строевой лес (рис. 3) [12. ST/T/FA. Voks 37; 13. Р. 27–28].

Самой большой группой датско-норвежских подданных, мигрировавших на территорию скольтов, были так называемые варангерские саамы. Скандинавские историки и антропологи разделяют их на две группы: морские, полуоседлые саамы, занимавшиеся охотой и рыболовством, и горные, кочевые с основным занятием оленеводством-собираТЕЛЬСТВОМ [14. Р. 203–204, 211–215].

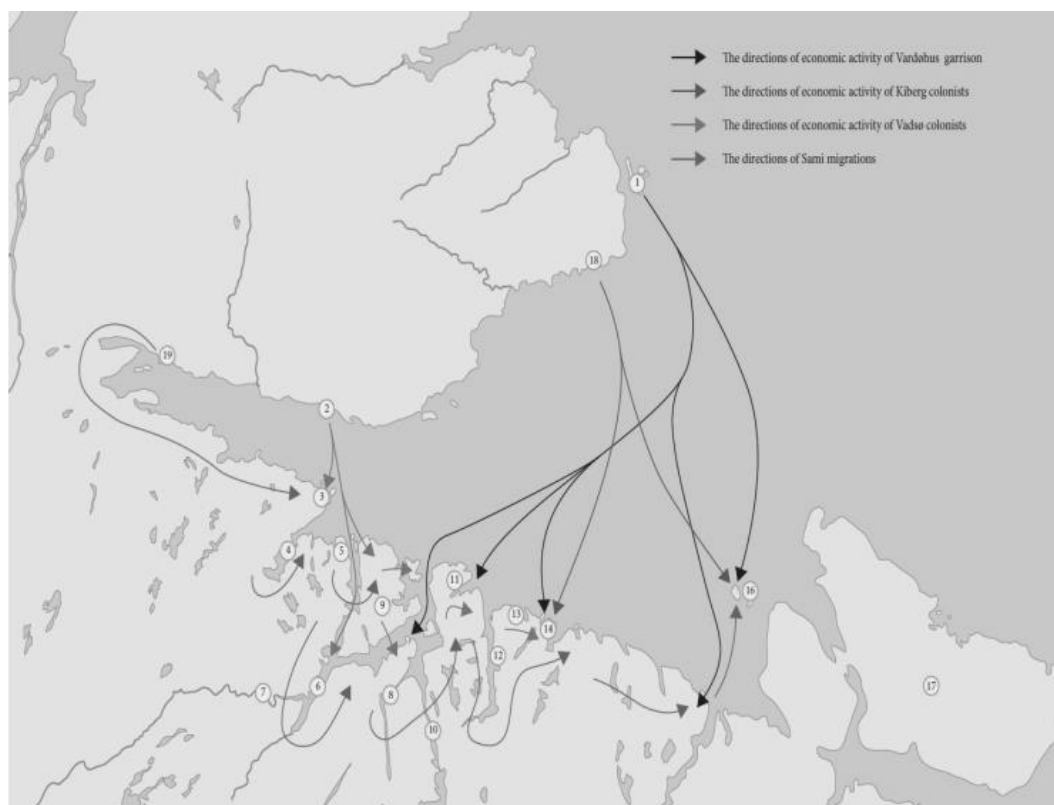

Рис. 2. Карта хозяйственной активности датско-норвежских подданных на территории трех саамских погостов, составлявших «общие округа» Норвегии и России в XVII – начале XIX в.

1 – крепость Вардехус (норв. – Вардехус), 2 – Васино, Водяное (норв. – Варде), 3 – Верес-Наволоок (норв. – Бугенес), 4 – Верес Губа (норв. – Бугей фиорд), 5 – ст. Шапкино (норв. – Брашхавн), 6 – Нявдемская губа (норв. – Кой фиорд), 7 – р. Нявдема (норв. – Нейден), 8 – Косая губа (норв. – Корш фиорд), 9 – о. Шалим (норв. – Скугер ой), 10 – р. Паз, Паз-река, Паесь (норв. – Пасвиг), 11 – Пазрецкая губа (норв. – Бок фиорд), 12 – Ровдинская губа (норв. – Яр фиорд), 13 – ст. Песчаное (норв. – Сандхав), 14 – р. Ворьема (норв. – Якобс), 15 – р. Печенга (норв. – Пейсен), 16 – о-ва Айновы (норв. – Хенойен), 17 – Рыбачий п-ов (норв. – Фискер ой), 18 – п. Киберг, Кибарь (норв. – Киберг), 19 – Фин бю

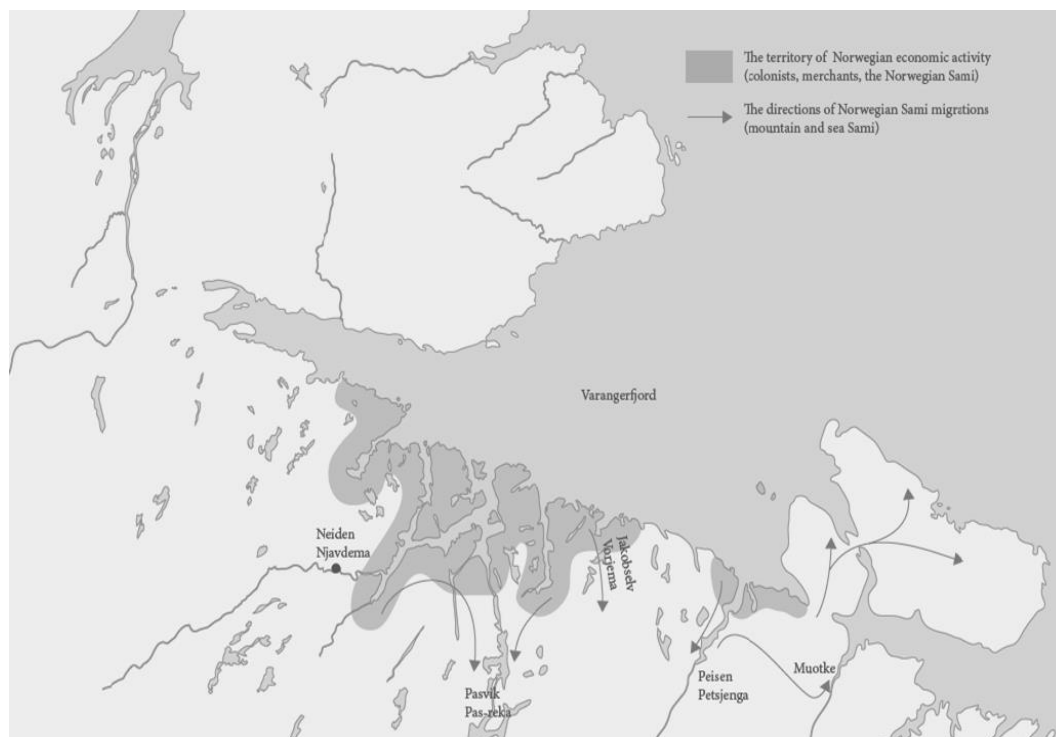

Рис. 3. Карта норвежской промысловой деятельности и саамских миграций на территории «общих округов» второй половины XVIII – начала XIX в.

В 1747 г. число горных и морских саамов, кочевавших по территориям Нявдемского и Пазрецкого погостов, по данным П. Шнитлера, оценивалось в 11 семей [11. Р. 105; 14. Р. 214–215], что составляло примерно 55 человек (средний состав саамской семьи – 4–5 человек). Важнейшими ресурсами округов для саамов были богатые ягелем пастбища и рыбные угодья.

П. Шнитлер в протоколе указывал, что поселения норвежских саамов на северном берегу Верес губы в районе мыса Верес-Наволоок возникли в конце XVII в. [11. Р. 105]. Однако российские источники свидетельствуют, что первые поселения морских саамов на пространстве от м. Верес вдоль северного берега Верес губы, считавшейся в то время западной границей нявдемских скольтов, возникли лишь в 1735 г. Это иллюстрируют исследования поселений норвежских саамов, организованные военными Кольского гарнизона солдатом Турчасовым и капитаном Репуховым в 1747–1749 гг. после поступления жалоб от скольтов Нявдемского погоста. В своем рапорте оба военных свидетельствовали, что на Верес Губе проживали 17 человек подданных датской короны: 14 мужчин и 3 женщины [8. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701. Л. 109–119].

Несмотря на существенные противоречия в датировке начала поселенческой миграции норвежских саамов на территории погостов скольтов, мы полагаем, что данные российских источников выглядят наиболее убедительными. Во-первых, появление поселений посторонних коллективов обязательно вызвало бы конфликт между пришлым и коренным населением, и первый такой конфликт относится именно к 1730-м гг. Во-вторых, исследование П. Шнитлера направлено на сбор сведений для легитимации территориальных притязаний Дании-Норвегии по отношению к России. Они же стали источником знаний об изучаемой территории. В этом контексте искажение фактов в пользу норвежских саамов было выгодно как самому коллективу, так и майору П. Шнитлеру, так как факт существования долговременного норвежского поселения на оспариваемой территории являлся аргументом в пользу делимитации, выгодной для датско-норвежской стороны [Там же; 11. Р. 92–107].

Таким образом, мы полагаем, что морские саамы начали переходить от сезонной промысловой миграции к поселенческой на территории скольтов именно с 1730-х гг. По мнению антрополога В. Таннера и историка А. Андресена, причиной интенсификации сезонных миграций и перехода к оседлой жизни морских и горных саамов стала широкая тенденция распространения экстенсивного оленеводства [15, 16].

Изменение хозяйственной структуры коллективов норвежских саамов – не единственный фактор роста миграционных потоков на землях скольтов. Отсутствие государственных границ на территории «общих округов» и однотипность хозяйств норвежских и русских саамов также способствовали миграции. Из переписки русской администрации известно, что горные саамы знали о границе юрисдикции норвежского налогового инспектора у мыса Верес (норв. – Бугенес) – северо-западного пограничного пункта «общих округов». За мыс Верес инспектор приезжал только для

сбора налогов со скольтов. С 1785 г. ежегодные поездки чиновника были сокращены до одной в три года, а с 1813 г. и вовсе прекратились [17. Р. 390–391]. Горные саамы умело использовали данный факт, чтобы скрыть действительное число оленьих стад и укрыться от налогового инспектора [18. Ф. 442. Оп. 1. Д. 26. Л. 6–6 об.]. Выгоду в этом видели и русские саамы. Они не культивировали оленеводство так эффективно, как горные саамы, и поэтому сдавали свои пастбища в аренду в обмен на право использовать норвежских оленей [7. Ф. 4. Оп. 3. Д. 642. Л. 1 об.; Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. 1. Л. 2; 11].

С 1750-х гг. морские саамы начинают расселяться за Верес губой в районе дельт рек Нявдема, Паз и прилегающих к ним островов Шалим и Солдатский [8. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701. Л. 52–56, 109–119; 11. Р. 70–76].

Норвежский историк С. Виккан пишет, что с конца XVII в. численность нявдемских саамов начала неуклонно падать, поэтому столь обширная территория не могла контролироваться одним лишь коллективом погоста. Норвежские саамы беспрепятственно расширяли район оленьей пастбы и переходили к постоянному проживанию на территории погоста скольтов, постепенно усиливая хозяйственное давление и провоцируя промысловые конфликты с русскими саамами [13. Р. 45]. Но характерно ли это явление лишь для нявдемских саамов, или численность населения коллективов снижалась во всех трех погостах?

Российские источники XVIII – начала XIX в., содержащие данные о количестве мужского и женского населения, говорят следующее: в 1710 г. в Нявдемском погосте числились 29 душ мужского пола и 32 женского, в Пазрецком – 49 и 40, в Печенгском – 43 и 42 соответственно [6. С. 101–103; 7. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 705. Л. 13]. Всего в первой половине XVIII в. численность скольтов всех трех общих округов составляла 235 человек.

Дальнейшая подушная перепись, проведенная в погостах скольтов в 1785 г., указывает, что население трех погостов после 1710 г. стремительно сокращалось. В Нявдемском погосте проживало лишь 8 душ мужского пола и 5 женского, в Пазрецком погосте – 30 мужского и 34 женского, в Печенгском погосте – 31 мужского и 38 женского [7. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 705. Л. 2–3]. Всего население трех погостов составляло 146 человек.

К началу XIX в. общая численность скольтов уменьшилась почти наполовину, а численность коллектива Нявдемского погоста – с 61 в 1710 г. до 13 человек в 1785 г., т.е. почти в 4 раза. Таким образом, гипотеза демографического спада в XVIII в. подтверждается. Данное явление было характерно не только для Нявдемского погоста, но и для всех коренных жителей Северного фронта. Связано это с распространением в XVIII в. на коллективы скольтов двойного подушного налогообложения, рекрутской (1725) и ямской повинностей. Такие меры приводили к выбытию мужского населения из коллективов и вынуждали отдельные семьи записываться в соседние российские погосты во избежание двойного налогообложения [7. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 224. Л. 1–8; Д. 661. Л. 4; Т. 4.

Д. 7638. Л. 1; Ф. 1367. Оп. 2. Д. 705. Л. 13–23; 8. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701. Л. 98–101, 157–160; 13. Р. 29]. Снижение численности коллективов сопровождалось сокращением использования промысловых угодий. Соответственно, образовавшийся пространственный вакуум стал заполняться норвежскими саамами и колонистами. Рост прямых и косвенных налогов также вынуждал скольтов прибегать к практике сдачи своих угодий переселявшимся норвежским саамам для получения ренты и выплаты налогов.

Росту колонизации способствовала и политика властей восточного Финнмарка. С середины 70-х гг. XVIII в., а именно с финнмаркского губернатора Туркеля Юнсона Фьелшtedта, получила широкое распространение практика выдачи разрешений норвежским колонистам и саамам на право заселения южного Варангера. В переписке с королевской канцелярией в Копенгагене губернатор Т.Ю. Фьелшtedт объяснял свою инициативу желанием усилить присутствие датской короны на спорной с Россией территории «общих округов», учитывая экономический потенциал этой земли [12. Voks 29]. Его практику продолжил следующий губернатор Финнмарка Ула Ганнибал Соммерфельдт, на период губернаторства которого (1787–1800) приходится большая часть разрешений, выданных на заселение «общих округов» [7. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512; 13. Р. 46]. Так начался медленный процесс норвежской колонизации южного Варангера, который постепенно охватывал все побережье Северного фронта.

По сведениям из записок норвежского профессора натуралиста Йенса Ратке, сделанных в 1801–1802 гг. во время путешествия по Финнмарку и северной России, в 1801 г. в дельтах рек Нявдема и Паз проживали 43 семьи: 38 семей саамов и 5 семей норвежцев. Из них 16 семей (70 муж.) – на берегу Верес губы, 13 семей (60 муж.) – на о. Шалим и 14 семей (59 муж.) – на берегу Пазрецкой губы [19]. Таким образом, общая численность варангерских саамов и норвежских колонистов (189 чел.), постоянно проживавших на прибрежной территории Нявдемского и Пазрецкого погостов, превышала общую численность нявдемских и пазрецких скольтов (77 чел.) в два раза.

К началу XIX в. нявдемские и пазрецкие саамы были не в состоянии самостоятельно препятствовать расселению датско-норвежских подданных на территориях своих погостов. Рост численности пришлого населения над скольтами более чем в два раза представлял угрозу сохранению контроля над стратегическими угодьями коллективов. Это стало причиной изменения

коллективами нявдемского и пазрецкого погостов своего отношения к Дании-Норвегии. С 1790-х гг. скольты намеревались добиться признания их территорий исключительно частью Российской империи, пытаясь привлечь чиновников Кольского уезда для контроля над промысловой миграцией и колонизацией их территорий датско-норвежскими подданными [7. Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. Д. 417; Ф. 4. Оп. 7. Д. 512, 1356].

Реконструкция миграционных процессов на территории Северного фронта в XVIII в. показывает нам, что районы сезонных промысловых миграций варангерских саамов с 1730-х гг. все время расширялись в юго-восточном направлении. Постепенно районы промысловой деятельности охватывали все большее пространство вдоль побережья южного Варангера, включая острова, прилегающие к материковой части, дойдя в 1810-х гг. до внутренних территорий Пазрецкого погоста в низовьях р. Паз.

К моменту событий, предшествовавших разграничению Северного фронта (1822), некоторые семьи горных саамов пасли оленей уже у церкви Бориса и Глеба, где располагалась летняя деревня пазрецких саамов [7. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1). Л. 1–4]. В первые два десятилетия XIX в. часть семей горных саамов обладала пастбищами уже на побережье п-ва Рыбачий. Тогда же они стали расселяться вглубь острова и далее от него на юго-восток, доходя до берегов р. Мотки – территории Моткинского погоста, который не входил в состав так называемых спорных «двоеданных округов», а был исключительно российской территорией.

Таким образом, в канун разграничения Северного фронта в 1825 г. общая численность шведско-норвежских подданных на территории «общих округов» стала превышать общую численность всех ее коренных жителей – российских подданных – скольтов. Повсеместный переход датско / шведско-норвежских подданных в начале XIX в. от сезонного промысла к постоянному проживанию на территории округов указывает, что де факто спорные территории перестают быть гомогенным пространством в этнокультурном измерении, как это было до XVIII в. Данные процессы сопровождался ростом промысловых конфликтов между российскими и датско-норвежскими подданными и ростом напряженности в дипломатических отношениях между Россией и Данией-Норвегией. В итоге эти споры ускорили включение вопроса о разграничении Северного фронта в начале XIX в. в повестку дипломатических отношений между обоими странами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящее время это административные границы района современного южного Варангера в Финнмарке и Печенгского района Мурманской области.

² В период с 1397 по 1523 г. Норвегия в рамках Кальмарской унии входила в состав общего королевства Дании и Швеции, с 1536 по 1814 г. – на правах личной унии в состав Датского королевства. С 1814 по 1905 г. Норвегия на правах личной унии входила в состав Объединенного королевства Швеции и Норвегии. В рамках сложившейся традиции отечественного исторического североведения Норвегия периода 1536–1814 гг. именуется как Дания-Норвегия, Норвегия периода 1814–1905 гг. – как Швеция-Норвегия.

³ См. об этом: Государственный архив Архангельской области. Ф. 4. Оп. 3. Д. 642; Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч.1); Федоров П.В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии) // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 53–75; Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым // Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т. XVI.

⁴ Петер Шнитлер был датским военным картографом, который в 1743–1745 гг. сделал подробное историческое и статистическое описание, а также составил первую карту «общих округов» с указанием границ погостов скольтов.

⁵ Верес губа – северо-западная граница Нявдемского погоста скольтов. Печенгская губа – часть Печенгского погоста скольтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zaikov K.S. The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems // *Bylye Gody*. 2016. № 42 (4). P. 1164–1172.
2. Zaikov K.S., Nielsen J.P. Mot en ny grense: Traktaten av 1826 // *Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917*. Oslo : Pax Forlag, 2014. P. 38–59.
3. Nielsen J.P., Niemi E.A., Christensen O. Norsk-russiske fellesområder fram til 1814. Oslo : Pax Forlag, 2014. P. 19–37.
4. Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y. Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the Turn of the Century: the End of XIX – the Beginning of XX Centuries (based on the Materials of the Diocesan Press) // *Bylye Gody*. 2017. № 45 (3). P. 1044–1062.
5. Платонова Н.И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // *Археологические исследования Новгородской земли*. Л., 1984. С. 173–184.
6. Кучинский М.Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках. Модель социальной структуры. Каутокейно : Sami allascuvla, 2008. 282 с.
7. Государственный архив Архангельской области.
8. Архив Внешней политики Российской Империи.
9. Kolosov K. Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches // *Geopolitics*. 2005. № 10 (4). P. 606–632.
10. Major Peter Schnitlers grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745 / K. Nissen, I. Kvamen, eds. Oslo : Kjeldeskriftfondet, 1962. Vol. I.
11. Major Peter Schnitlers grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745 / L.I. Hansen, T. Schmidt, eds. Oslo : Kjeldeskriftfondet, 1985. Vol. III.
12. Statsarkivet i Tromsø. Государственный архив Норвегии в г. Тромсе.
13. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.
14. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie aktaessig fremstillet // *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. klasse*. Kristiania, Dybwad, 1923. P. 203–204, 211–215.
15. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. I. Skolt –Lapparna. Helsingfors, 1929.
16. Andresen A. Russiske Østsamers Rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk : Cand. Philol. Dissertation. Tromsø, 1983.
17. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // *Grenser og grannelag i Nordens historie*. Red S. Imsen. Oslo, 2005. P. 390–391.
18. Российский государственный военно-исторический архив.
19. Professor Rathkes Reise i Finmarken og det nordlige Rusland: i Aarene 1801 og 1802. URL: www.nb.no/nbsok/nb/dff0e910efbe36c7ede23d9856264c52;jsessionid=E76446503CDA4D2E3BD99DA48BBDED0A.nbdigital3?index=6#1 (accessed: 12.10.2017).

Konstantin S. Zaikov, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia). E-mail: k.zaikov@narfu.ru

MIGRATION PROCESSES AND THE ETHNO-CULTURAL LANDSCAPE OF THE NORTHERN FRONTIER OF RUSSIA AND NORWAY IN THE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES

Keywords: Russian-Norwegian borderland, ethnocultural landscape, Sami, Northern Frontier, Finnmark, common districts, Skolts.

The article considers little-known pages of the history of the Russian-Norwegian borderland (Northern Frontier), a comprehensive picture of migration processes, and the ethnocultural landscape of the Northern Frontier in the chronological framework of the 18th – early 19th centuries. The main sources are the archives of Russia and Norway: the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, the State Military Historical Archive, the State Archive of the Arkhangelsk Region, the National Archive of Norway in Oslo and the State Archive of Norway in Tromsø. The results of the study reveal a comprehensive reconstruction of the evolutionary development of the Russian-Norwegian borderland from the zone with a frontier configuration to a territory with well-defined political boundaries, and substantially supplement the interpretation model of the delimitation process of the Northern Frontier at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries.

An analysis of archival sources showed that the territory of the Russian-Norwegian borderland (Nyavdema, Paatsjoki and Pechengsky pogosts) prior to the 18th century was inhabited mainly by the Russian Orthodox Sami-Skolts. Since the 18th century, Danish-Norwegian subjects of the Varanger group – the montane and sea Sami and Norwegian colonists gradually settled this area.

Seasonal fishing migrations of the Varanger Sami in the Skolt pogosts were typical for the economic life of the Sami borderland communes, but the nature of commercial migrations in the 18th century qualitatively changed. Montane and sea Sami gradually replaced their seasonal fishing migrations to permanent stay in the Skolt territories, expanding the areas of fishing activities. The transition to settlement colonization was caused by the crisis of extensive reindeer breeding of the Varanger Sami and the policy of Finnish officials who encouraged the settlement of the Russian Sami territories.

Thus, the change of the migration nature, the expansion of fishing activities by Danish-Norwegian subjects, and the Skolt's failure to control their own territory led to a change in the ethnocultural landscape of the Northern Frontier. The Norwegian presence in the disputed territory was intensified; the involvement of the civil administration of Russia and Denmark-Norway in the resolution of trade disputes between subjects of both states in the late 18th and early 19th centuries increased. These facts eventually became the formal foundation for the delimitation process of the Northern Frontier in the 1820s.

REFERENCES

1. Zaikov, K.S. (2016) The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. *Bylye Gody*. 42(4). pp. 1164–1172. (In Russian).
2. Zaikov, K.S. & Nielsen, J.P. (2014) Mot en ny grense: Traktaten av 1826. In: Nielsen, J.P. *Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917*. Oslo: Pax Forlag. pp. 38–59.
3. Nielsen, J.P., Niemi, E.A. & Christensen, O. (2014) *Norsk-russiske fellesområder fram til 1814*. Oslo: Pax Forlag. pp. 19–37.
4. Vereshchagin, I.F. & Zadorin, M.Y. (2017) Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the Turn of the Century: the End of the 19th – early 20th Centuries (Based on the Materials of the Diocesan Press). *Bylye Gody*. 45(3). pp. 1044–1062. (In Russian).
5. Platonova, N.I. (1984) Pogosty i volosti severo-zapadnykh zemel' Velikogo Novgoroda [Pogosts and volosts of the northwestern lands of Veliky Novgorod]. In: Lebedev, G.S. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya Novgorodskoy zemli* [Archaeological Studies of the Novgorod Land]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 173–184.
6. Kuchinsky, M.G. (2008) *Saami Kol'skogo uezda v XVI–XVIII vekakh. Model' sotsial'noy struktury* [Sami of the Kola County in the 16th – 18th centuries. Model of social structure]. Kautokeino: Sami allascuvla. pp. 94–96.
7. The State Archive of Arkhangelsk Region.

8. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire.
9. Kolossov, K. (2005) Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches. *Geopolitics*. 10(4). pp. 606–632. DOI: 10.1080/14650040500318415
10. Nissen, K. & Kvamen, I. (eds) (1962) *Major Peter Schnitlers grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745*. Vol. I. Oslo: Kjeldeskriftfondet.
11. Hansen, L.I. & Schmidt, T. (eds) (1985) *Major Peter Schnitlers grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745*. Vol. III. Oslo: Kjeldeskriftfondet. pp. 70–76.
12. *Statsarkivet I Tromsø*.
13. Wikan, S. (1995) *Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene*. Svanvik: Sør-Varanger museums forl. pp. 27–28.
14. Johnsen, O.A. (1923) Finmarkens politiske historie aktmaessig fremstillet. In: Norske videnskaps-akademi i Oslo. II--Hist.-filos. klasse. *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo*. Kristiania, Dybwad: Isha Books. pp. 203–204, 211–215.
15. Tanner, V. (1929) *Antropogeografiska studier inom Petsamo-området*. Skolt-Lapparna. Helsingfors: Tilgmanns Tryck.
16. Andresen, A. (1983) *Russiske Østsamers Rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk*. Cand. Philol. Dissertation. Tromsø.
17. Niemi, E. (2005) Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid. In: Imsen, S. (ed.) *Grenser og grannelag i Nordens historie*. Oslo: Cappelen. pp. 390–391.
18. The Russian State Military Historical Archive.
19. Rathke, J. (1899) *Professor Rathkes Reise i Finmarken og det nordlige Rusland: i Aarene 1801 og 1802*. [Online] Available from: www.nb.no/nbsok/nb/dff0e910efbe36c7ede23d9856264c52;jsessionid=E76446503CDA4D2E3BD99DA48BBDED0A.nbdigital3?index=6#1 (Accessed: 12th October 2017).

УДК 93/94

DOI: 10.17223/19988613/65/3

С.В. Кириченко, А.М. Плеханова

СОВЕТСКИЕ ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА В 1920–1930-х гг.: ВОСПИТАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00630 «Плавильный тигель» социализма: интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–1930-е гг.).

Рассмотрены проблемы формирования социалистической культуры в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-х гг. Выявлена специфика культурной революции в национальной республике. Показан процесс ликвидации институтов традиционного общества и замены их на новые, определяющие социальный контекст повседневности человека. Сделан вывод о том, что общая советская идеология выступала в качестве мобилизационного проекта для построения нового общества и воспитания «нового человека».

Ключевые слова: неграмотность; образование; интеллигенция; литература и искусство; Бурят-Монгольская АССР.

Смысл культурной революции в СССР заключался в решении чрезвычайно сложных задач ликвидации неграмотности, создания системы народного образования, формирования кадров новой интеллигенции, подготовки условий для развития гуманитарных наук, литературы и искусства, использования научных достижений для проведения социалистических преобразований. Предшественником культурной революции стал политический и социальный переворот. В предельно сжатые сроки предполагалось создать пролетарскую культуру и воспитать «нового человека». Как известно, впервые понятие «культурной революции» было употреблено В.И. Лениным в работе «О кооперации»: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [1. С. 377].

По данным Переписи 1920 г., грамотность бурятского населения западной Бурятии составляла 17,4%, а восточной (по Переписи 1923 г.) – 14,1%. Среди всего сельского населения грамотных было в среднем 21,7%, среди бурятского сельского населения – 15,3% [2. С. 346.]. В русле государственной политики одной из решающих предпосылок коренных преобразований в обществе стала борьба за всеобщую грамотность. В 1919 г. был принят Декрет СНК «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», в 1920 г. были созданы Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности и курсы учителей – ликвидаторов неграмотности, в 1923 г. – Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность!» и т.д. Согласно Декрету СНК, все граждане в возрасте от 8 до 50 лет должны были выучиться грамоте на родном

или русском языке, чтобы принимать сознательное участие в политической жизни страны.

С образованием в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР (БМАССР) перед республикой были поставлены громадные по масштабу и сложности задачи. Открывались школы для взрослых, избы-читальни, народные дома, красные юрты, школы бурятской молодежи. В отличие от школ старого типа, обучение велось на двух языках – русском и бурятском. Грамотность на старомонгольском языке не признавалась, и это обстоятельство сыграло негативную роль в последующих переписях при оценке уровня грамотности бурятского населения. 6 февраля 1929 г. СНК БМАССР принял постановление № 496 «О ликвидации неграмотности», при Наркомпросе БМАССР была создана особая комиссия по ликбезу, во всех аймаках (районах) создавались аймачные особые комиссии по ликвидации неграмотности. К этому процессу были привлечены комсомольские, профсоюзные и кооперативные организации. В результате в 1929 г. грамотность населения поднялась до 31%, а бурятского – до 25,4% [3].

Годом раньше (1928) по инициативе ВЛКСМ в стране начался Всесоюзный культпоход, проводились занятия по техминимуму и агроминимуму, был введен обязательный курс политграмоты. Политическим содержанием были наполнены буквари для взрослых «Долой неграмотность», «Наша сила – наша нива» и другие книги. Особое внимание было обращено на рост эффективности работы библиотек в связи с введением всеобщего обучения и ростом темпов ликвидации неграмотности. В 1920 г. библиотеки были объединены в единую библиотечную сеть страны. Их работа, подбор литературы контролировались из центра. К 1927 г. в г. Верхнеудинске работало 14 библиотек, во второй половине 1930-х гг. число библиотек в городе увеличилось до 32, три из них были детскими. В 1935 г. в республике было 232 избы-читальни, четыре красных чума, 21 дом соцкультуры, 16 политпро-

светбаз, 15 профсоюзных клубов [4], которым отводилась важная роль в организации вне рабочего времени.

В ходе ликвидации неграмотности использовались различные методы работы («культпоходы», «культэстафеты», «ликбезтревоги» и др.), что, безусловно, давало свои результаты. Общая грамотность населения в Бурят-Монгольской АССР в 1936 г. на селе составила 75,2%, в городе – 95,5%, в среднем по республике – 78%, грамотных мужчин было 82%, женщин – 60%; среди бурятского населения соответственно 82 и 53% [5]. Большевики пытались ликвидировать неграмотность чрезвычайными методами, преодолевая объективные и субъективные трудности. Были случаи, когда средства, выделявшиеся на ликвидацию неграмотности, не использовались или использовались не по назначению. К 1930 г. был обеспечен перевод обучения на родной язык по всем предметам в школах 1-й ступени. Задача осложнилась переходом бурятской письменности сначала на старомонгольскую, а потом на латинскую графическую основу. Необходимо было создавать и издавать весь комплекс методической и учебной литературы, переучивать «ликвидаторов», а население – заново учить писать. К трудностям относились территориальная разбросанность населения из-за кочевого и полукочевого образа жизни, нехватка кадров учителей и материальных средств. В 1938 г. бурятская письменность была переведена на русскую систему письма. Ликвидация неграмотности зачастую сопровождалась штурмовщиной, излишней политизацией. Сказывались административно-командный подход к этому сложному процессу и недостаточная подготовленность республиканского руководства к его проведению.

25 июня 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», в нем были поставлены задачи введения с 1930/31 учебного года всеобщего начального обучения детей в возрасте 8–10 лет, обязательного обучения подростков 11–15 лет, не прошедших курса начальной школы, введения всеобщего обязательного семилетнего обучения в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках. Согласно постановлению Совнаркома и ЦИК БМАСР от 29 августа 1930 г., в республике в 1930/31 учебном году было введено всеобщее обязательное обучение в начальной школе, для неграмотных подростков 11 лет на селе и 11–15 лет в городах [6. С. 86]. Ликвидация неграмотности среди взрослого населения Бурят-Монгольской АССР была завершена к началу Великой Отечественной войны.

В Программе, принятой РКП(б) еще в 1919 г., школе отводилась специальная роль – она должна была стать орудием «полного уничтожения деления общества на классы, орудием коммунистического перерождения общества». Большевики считали, что необходимо осуществлять «принципы единой трудовой школы с преподаванием на родном языке... свободной от... религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготавливающей *всесторонне развитых членов коммунистического общества*» [7]. Особая роль в воспитании подрастающего поколения отводилась комсомолу и

пионерской организации. К примеру, в журнале «Пионер» была опубликована статья под названием «Как работать в семье?». Сознательный пионер должен был: «Отучить от бития ребят разгневанным отцом или матерью... Вести агитацию в семье за поддержку кампании “Золотой заем”, МОПР, Доброхим... Толкать родных к выписке газет... Наконец: создать дома красный уголок» [8].

Для введения всеобщего образования требовалось не только строительство школ, но, прежде всего, подготовка учителей. В составе учительских кадров была высокая доля практиков, включая учителей с незаконченным средним образованием – выпускников школ 2-й ступени с педагогическим уклоном, составившая в 1924 г. 43,3% [9. С. 275], в 1927 г. – 33,7%. Несмотря на уменьшение доли этой категории учительских кадров, удельный вес работников с высшим и средним педагогическим образованием в их составе был невелик: в 1924 г. – 19,4%, в 1927 г. – 19,8% [10. С. 50]. Согласно постановлению бюро Бурятского обкома ВКП(б) от 20 октября 1931 г., в республике планировались «подготовка к началу 1932 г. 200 педагогов (в том числе 120 бурятской национальности) с последующим их направлением на педагогическую работу, переподготовка на летних курсах 500 учителей, выделение и закрепление не менее 200 пионервожатых с обеспечением повышения их социально-педагогической подготовки» [11. С. 150, 151].

К проведению всеобщего обучения власти БМАСР подготовились достаточно хорошо. Строительство общежитий, интернатов шло планомерно, с учетом региональных особенностей. Увеличилось количество семилетних и средних школ. При этом в области определения содержания, организационных форм и методов учебной работы процесс происходил путем проб и ошибок: отказ от ведущей роли учителя, уход от классно-урочной системы, учета и оценки знаний, предметного преподавания. В ходе антирелигиозной кампании в 1930-е гг. была уничтожена дацанская школа, которая была основой национального просвещения.

В 1920-е гг. создавались рабфаки, ускоренно готовившие к получению высшего образования почти неграмотную рабочую и крестьянскую молодежь. В национальных районах проводилась политика «коренизации» для усиления «доверия этнических меньшинств к Советской власти путем вовлечения аборигенов в активное участие в управлении». На XII съезде РКП(б) И. Сталин озвучил основы концепции «коренизации», предложив «принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной, чтобы Советская власть была у нас не только русской, но и межнациональной. Для этого необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа. Только при этом условии мы получим возможность Советскую власть из русской сделать межнациональной, близкой, понятной и родной для трудящихся масс всех республик, и особенно для тех,

которые отстали в хозяйственном и культурном отношении» [12. С. 492]. В резолюции съезда была подчеркнута необходимость добиться того, чтобы: «д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов; е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обеспечивающих местное национальное население и национальные меньшинства, – законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств» [Там же. С. 695–696].

В Бурят-Монгольской АССР не было ни одного высшего и среднего специального учебного заведения. Поэтому вплоть до конца 1930-х гг. здесь использовался метод выдвиженчества в качестве одного из путей ускоренного создания групп интеллигенции. Основной формой подготовки и переподготовки выдвиженцев являлась курсовая система. Различные курсы, 1–2 месячные, а затем и с более продолжительными сроками обучения, организовывались непосредственно при наркоматах и ведомствах, на предприятиях и в учреждениях, с отрывом и без отрыва от производства. Курсовая система подготовки и переподготовки кадров получила широкий размах, несмотря на низкий уровень образования и слабое знание русского языка слушателей из сельских районов. Анализ документов и материалов показывает, что в республике курсовая система была вполне оправдана, хотя уровень обучения, как образовательный, так и профессиональный, был невысок. Только в 1931 г. через нее прошли 8 289 человек, из них 50% бурят.

Кроме курсов подготовки партийно-советских кадров и работников культпросвета создавались советско-партийные школы, перед которыми ставилась задача воспитания выходцев из среды рабочих и крестьян практических работников, владеющих марксистскими методами решения вопросов социалистического строительства. В Резолюции II съезда Советов БМАССР по докладу Наркомпроса от 15–24 марта 1925 г. отмечалась как заметное достижение организация Бурятского педагогического техникума и советско-партийной школы первой ступени [13. С. 175–177], из которых вторая была открыта в Верхнеудинске в октябре 1924 г. и имела 75 слушателей. В 1927–1928 гг. в республике работало четыре подобных школы с контингентом учащихся в 170 чел., из которых 60% составляли буряты [14].

21 января 1921 г. ЦК РКП(б) постановил организовать в Москве восточные курсы при Наркомнаце, а 10 февраля 1921 г. постановлением ВЦИК при Наркомпросе эти курсы были преобразованы в Университет трудящихся Востока. Перед новым вузом была поставлена задача подготовки национальных кадров для работы в государственных и партийных органах советских восточных республик и областей, а также подготовка революционных кадров для стран зарубежного Востока. Решение об открытии университета было подкреплено декретом ВЦИК РСФСР от

21 апреля 1921 г., который гласил: «1. Для подготовки политических работников из среды трудящихся восточных договорных и автономных республик, автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств учреждается в Москве при Народном Комиссариате по делам Национальностей Университет Трудящихся Востока. 2. В целях предоставления возможности получать политическую подготовку широким массам трудящихся, не владеющим русским языком, преподавание в Университете Трудящихся Востока ведется на их родных языках. 3. В отношении всех видов довольствия студентов, сотрудников и преподавателей, а равно и оплаты труда последних, Университет Трудящихся Востока приравнивается к высшим учебно-военным заведениям» [15. С. 309]. В Университете трудящихся Востока в 1923/24 учебном году обучались представители 62 национальностей СССР и зарубежного Востока – 1 015 чел., из них выходцы из рабочих – 25%, из крестьян – 54%, из служащих – 2%; члены и кандидаты в члены ВКП(б) составляли 50% общего числа студентов, комсомольцы – 39%. За первые четыре года существования БМАССР (1924–1927) 65 представителей Бурятии, в том числе 55 бурят, окончили этот университет [16. С. 16–17].

На руководящую работу в центральный аппарат республики в 1923 г. был выдвинут 21 человек [17. С. 79]. В 1927 г. в советском аппарате республики насчитывалось 5 185 человек, из них 62% рабочих и крестьян [18. С. 83]. С октября 1928 по октябрь 1929 г. было выдвинуто 162 человека на руководящую работу: в партийный аппарат – 37 человек, в советский – 26, в профсоюзный – 24, в финансовые органы – 22, в аппарат кооперации – 20, промышленности – 12, столько же в органы правосудия и охраны общественного порядка, в культурно-просветительные учреждения – 9 человек [19]. В 1930 г. в советский центральный аппарат БМАССР было выдвинуто 108 человек, или в пять раз больше, чем в 1923 г. [17. С. 79]. В 1932/33 учебном году в БМАССР работало восемь рабфаков с 965 учащимися, 577 из них составляла бурятская молодежь.

Необходимо было резко поднять уровень народного образования для создания кадров новой интеллигенции, в том числе с помощью выдвиженчества. В 1931/32 учебном году в Верхнеудинске было два вуза – педагогический и сельскохозяйственный. Педагогический институт имел три факультета – физико-математический, химико-биологический и литературно-лингвистический – с общим числом студентов 160 человек; 200 человек на рабфаке при полных четырех курсах и 120 человек в секторе заочного обучения. Сельскохозяйственный институт имел два факультета – агрономический и зоотехнический – с числом студентов 105 человек, 40 человек на подготовительном отделении [20]. На 1 января 1937 г. в вузах и техникумах республики обучались 1 367 учащихся; в пяти рабфаках – 578 чел. [21. С. 90].

По социальному составу студенты в основном были выходцами из крестьян. Был введен классовый принцип отбора студентов в вузы – дети так называемых «бывших» лишались права получить высшее образование.

В первые годы Советской власти рабоче-крестьянской молодежи законодательно были предоставлены преимущества при поступлении в вузы. Следствием целенаправленной культурно-просветительной работы властей, пытавшихся таким путем поднять грамотность и техническую подготовку представителей народа, сформировать их политическую ориентацию, стала деятельность высших учебных заведений региона. Но обучение было идеологизированным. Имели место «чистки» преподавателей и студентов. В вузах был введен обязательный предмет – научный атеизм. Свообразным «эталоном», по которому сверялось все написанное и высказанное, стал «Краткий курс истории ВКП(б)». В 1934 г. было принято решение о возобновлении преподавания истории, отмененного после революции.

Массовые антирелигиозные мероприятия проводились региональными ячейками Всесоюзного общества безбожников. Воинствующие безбожники уделяли серьезное внимание подготовке атеистических кадров. Открывались специальные курсы для подготовки пропагандистов научного атеизма. В быт внедрялись новые обряды и нерелигиозные праздники. Новыми формами советской бытовой обрядности стали «октябрины», «красные свадьбы» и гражданские похороны. Во время празднования «октябрин» молодые родители с ребенком выходили на сцену клуба, где присутствовали не только родственники и друзья, но и представители партийной, комсомольской и профсоюзной организаций. Регистратор ЗАГСа делал запись, затем шли поздравления и подарки от друзей и общественных организаций. Помогая вытеснить венчание и крестины, «красные свадьбы» и «октябрины» носили антицерковный характер. Коренные изменения условий жизни, происходившие в сжатые сроки, приводили к тому, что многие обряды, традиции, нравы и обычаи уходили в прошлое.

Пребывание в рядах компартии, комсомола и пионерии считалось несовместимым с верой. Речь фактически шла о смене мировоззрения, осуществлявшейся насильственным путем. На 23 февраля 1937 г. в Бурятии было 14 дацанов, 29 православных церквей, 20 старообрядческих моленных домов, две синагоги и одна мечеть. Государственная политика, проводившаяся в отношении представителей всех конфессий республики, определялась общими установками, направленными на борьбу с религиозным сознанием. Репрессии против духовенства и верующих шли наряду с закрытием и уничтожением культовых зданий. В Республиканской книге жертв политических репрессий зафиксировано, что в период 1929–1941 гг. были репрессированы 101 священнослужитель православной церкви, 1 701 – буддийской и 24 – старообрядческой [22. С. 159].

Одним из средств коммунистического просвещения и воспитания масс, начиная со второй половины 1920-х гг., стали литература и искусство. Новая идеология базировалась на принципе классового подхода, поэтому развитие культуры стало вопросом политики государства. В культурном наследии были тесно переплетены религиозные, светские, демократические элементы. Основные задачи в области национально-

культурного строительства были сформулированы на пленуме обкома ВКП(б) 25 августа 1925 г. В тезисах обкома по «культурно-национальному строительству Бурятии» [23. С. 137] излагались различные подходы к проблеме национальной культуры. Как и в начале века, один подход заключался в отрицании путей развития бурятской культуры, другой настаивал на обособлении от русской и европейской культуры. В тезисах критиковались эти подходы и подчеркивалась необходимость развития языка, письменности, литературы, искусства через восприятие всего передового из других культур, прежде всего из культуры русского народа, при всемерном укреплении социалистического содержания.

В реализации задач культурной революции ведущую роль сыграл Бурят-Монгольский ученый комитет (Буручком), который возглавил нарком просвещения Б. Барадин. Известные ученые Ц. Жамцарано, В. Гирченко, Г. Цыбиков стали его членами. В тесном контакте с учеными Академии наук СССР, Ленинградского и Иркутского университетов были созданы основные фонды научной библиотеки и рукописного отдела, начат сбор материалов по истории, языку, устному народному творчеству, организован перевод научной, учебной и политической литературы на бурятский язык. Троицкосавский и Верхнеудинский краеведческие музеи и созданное местное отделение Географического общества возобновили работу под эгидой Буручкома. На протяжении девяти лет, с 1924 по 1933 г., выходили журналы по вопросам истории, археологии, этнографии, экономики и географии – «Жизнь Бурятии», «Бурятиеведение», «Бурятоведческий сборник», «Культура Бурятии», «Просвещение Бурятии».

Государство направляло и контролировало всю деятельность творческой интеллигенции. Привлекая на сторону советской власти немногих представителей старой интеллигенции и формируя новую культурную элиту, большевики лишили их важной социальной функции – критики власти [24. С. 132–133]. Это касалось как проблем, относившихся к политике взаимоотношений центра и регионов, так и вопросов, связанных с национальной политикой власти. В целях подавления инакомыслия в 1930-е гг. на первый план была выдвинута политика «унификации культуры». На искусство была возложена задача пропагандистского обеспечения государственного строительства и воспитания «нового человека». Большинство советских людей с готовностью воспринимали насаждавшиеся мифы, народ жил в атмосфере веры в то, что грандиозный социалистический переворот должен принести прекрасное «завтра», ради которого можно пожертвовать тяжелым «сегодня». В литературных произведениях описывался идеал «нового человека», обладавшего такими качествами, как любовь к обществу, желание участвовать в переменах, дисциплинированность и активность, эрудиция, коллективизм и т.д.

Новая национальная культура формировалась при отсутствии практического опыта, профессионально-кадрового обеспечения. При этом, несмотря на трудности финансового характера, с самого начала была значительно расширена ее материальная база. В Верх-

неудинске / Улан-Удэ были открыты театры, клубы, библиотеки, музеи. Широкое распространение получила художественная самодеятельность. В 1929 г. была создана национальная музыкально-театральная студия, в 1932 г. преобразованная в техникум искусств, а затем – в Бурятский драматический театр. Появились новые формы пропаганды искусства – митинги-концерты, театрализованные представления на улицах и площадях. Самым массовым видом искусства стал кинематограф, в Верхнеудинске был открыт кинотеатр под названием «пролеткино “Эрдэм”», работали кинопередвижки. Люди смотрели документальную хронику и фильмы, воспринимая жизнь как «великую иллюзию». Бурятский ученый комитет проводил большую работу по созданию кинопродукции, его сотрудниками были подготовлены культурфильмы «Буреспублика», «Буркавдивизион», «Сурхарбан», «Цам». Событием в жизни страны и советских людей стал первый звуковой фильм «Путевка в жизнь» режиссера Н.В. Экка, вышедший на экраны в 1931 г.

Государство поощряло занятия физкультурой и спортом: физически крепкие граждане могли стать бойцами Красной Армии, строителями заводов и фабрик, железных дорог. В 1930-е гг. была создана система сдачи норм ГТО (Готов к труду и обороне), ГСО (Готов к санитарной обороне) и «Ворошиловский стрелок». Развивался и профессиональный спорт. В республике возникали и активно действовали ячейки различных общественных организаций – Общества друзей воздушного флота (ОДВФ), Международной организации помощи борцам революции (МОПР), Общества содействия жертвам интервенции, Общества друзей химической обороны и химической промышленности (Доброхим), управления Российского общества Красного Креста (РОКК), Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим, или ОАХ) и др.

Советское общество этого периода характеризовалось огосударствлением всех сфер жизни, коллекти-

вистской концепцией общественных отношений, жесткой вертикалью власти, репрессиями, мифологизацией общественного мнения и закрытостью от внешнего мира. Это определило социально-политическое развитие страны. Внедрение плановых начал и введение целевого финансирования позволили добиться впечатляющих успехов в повышении уровня образования населения. Этот процесс начался с ликвидации безграмотности и малограмотности, а был завершен созданием современной системы образования – от начальной школы до высшей. В результате советская власть получила необходимые научные, творческие и технические кадры.

О том, что задачи культурной революции в основном выполнены, И. Сталин объявил в пленарном докладе съезду ВКП(б) в 1939 г.

Культурная революция в регионе имела специфику, хотя и осуществлялась на основе общих закономерностей, имевших место в стране. Прежде всего, Бурят-Монголия совершила переход к социализму, минувшая капиталистическую стадию развития. Это создавало дополнительные трудности: впервые пришлось создавать национальную письменность и литературный язык, школу, культпросвет учреждения, художественную литературу и профессиональное искусство. По большому счету, любая власть исходит из идеи построения принципиально нового общества. Основой его должен стать новый человек, выращенный в иных институциональных условиях. Поэтому большевики уделили чрезвычайное внимание практикам формирования социума: идеологии, подчинению всей жизни политическим целям, полному контролю над системой социализации, государственной организации труда и т.д. Общая идеология выступила в качестве мобилизационного проекта для построения нового общества и нового человека. В ходе реализации этого проекта были ликвидированы институты традиционного общества и заменены на новые, советские, определяющие социальный контекст повседневности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. О кооперации // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1970. Т. 45. С. 369–377.
2. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1959. Т. 2. 543 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-195. Оп. 3. Д. 107. Л. 112.
4. ГАРБ. Ф. 475. Оп. 2. Д. 62а. Л. 76.
5. ГАРБ. Ф. Р-60. Оп. 3. Д. 172. Л. 58.
6. Цыретарова Б.Б. Ликвидация неграмотности в Бурятии в 1930-х гг. (на материалах Государственного архива Республики Бурятия) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 84–89.
7. VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). Москва, 18–23 марта 1919 г. : стенографический отчет. М. : Коммунист, 1919 г. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm> (дата обращения: 10.12.2019).
8. Кравченко А. Создание нового советского человека. URL: <https://arzas.academy/materials/1499> (дата обращения: 28.09.2019).
9. Бурят-Монгольская АССР : отчеты и очерки 1923–1924 гг. Верхнеудинск, 1925. 339 с.
10. Лукинский Ф.А. Народное образование в Сибири (1928–1941 гг.) : ист.-стат. исслед. Новосибирск : Наука, Сиб. отд.-ние, 1982. 220 с.
11. Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981) : документы и материалы / сост. Г.Л. Санжиев и др. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1983. 537 с.
12. Двенадцатый съезд РКП(б) : стенографический отчет. М. : Политиздат, 1968. 903 с.
13. Второй съезд Советов Бурят-Монгольской автономной социалистической советской республики. Верхнеудинск, 1925. 189 с.
14. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 73.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. 1198 с.
16. Соколов И.А. Пути и методы формирования интеллигенции Бурятии // Актуальные проблемы истории интеллигенции Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1999. С. 16–17.
17. Отчет Правительства Бурят-Монгольской АССР за 1928–1930-е гг. М. : Изд. ЦИК и СНК БМАССР, 1931. 96 с.
18. Доклад Правительства Бурят-Монгольской АССР Совнаркому РСФСР. М. : Изд. ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР, 1928. 87 с.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–3; Ф. 1, Оп. 3. Д. 11. Л. 9, 11.

20. ГАРФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2138. Л. 190–192.
21. Митупов Б.М., Санжиев Г.Л. Руководство Бурятской партийной организации культурной революцией в республике (1929–1937). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962. 184 с.
22. Соболева А.Н. Особенности молодежной политики в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. История. 2013. № 7. С. 156–160.
23. Бурятская областная организация КПСС : хроника : в 2 кн. Улан-Удэ, 1987. Кн. 1. 756 с.
24. Голанд Ю. Политика и экономика (очерки общественной борьбы 20-х годов) // Знамя. 1990. № 3. С. 132–133.

Svetlana V. Kirichenko, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: l-a-n-a@mail.ru

Anna M. Plehanova, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: plehanova.am@mail.ru

SOVIET IDEOLOGY AND CULTURE IN THE 1920s AND 1930s: UPBRINGING A «NEW MAN»

Key words: illiteracy, education, intellectuals, literature and art, Buryat-Mongolian ASSR

The article considers the period of 1920-1930s as the time of building the Soviet society and the state, which took place under the influence of ideological foundations on the political, economic and social life of the country on the example of Buryat-Mongolian ASSR. The main attention paid to the analysis of education as one of the important means of statehood formation, which initiates the process of personality's spiritual development. The research source base consists of the materials of central and regional archives. Among them legislative and normative acts in the sphere of culture, art, enlightenment and education of the USSR and BMASSR; official documents and materials reflecting the activity of ministries, departments and structures of the All-Union Communist Party of Bolsheviks; analytical materials on the problems of ideological foundations of education in the 1920-1930s, as well as the works of representatives of the authorities and reminiscences of contemporaries.

On the basis of archival materials, it is shown how extremely difficult tasks were solved: elimination of illiteracy, creation of the system of public education, formation of new intelligentsia staff, creation of conditions for development of humanities, literature and art, use of scientific achievements for socialist transformations. In order to analyze the conditions in which these processes took place, a set of scientific methods - general scientific (theoretical analysis and conceptualization) and special (historical and comparative, structural and functional, retrospective and historical and cultural methods) – was involved. The authors have identified the specifics of the cultural revolution of the national region, carried out on the basis of common patterns that took place in the country. First of all, Buryat-Mongolia has made a transition to socialism, bypassing the capitalist stage of development, which created additional difficulties – here for the first time were created national script and literary language, school, cultural institutions, literature and professional art. Territorial dispersion of the population due to nomadic and semi-nomadic ways of life, the presence of several socio-economic patterns were among the difficulties of a specific nature. In the course of the anti-religious campaign in the 1930s, the Datsan school, which was the basis of national education, was destroyed. The article traces the process of liquidation of traditional society institutions and their replacement with new ones, which determine the social context of a person's everyday life. It revealed that the general Soviet ideology in the national region served as a mobilization project for building a new society and growing a “new” person.

REFERENCES

1. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 45. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 369–377.
2. Rummyantsev, G.N. et al. (1959) *Istoriya Buryat-Mongol'skoy ASSR* [History of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic]. Vol. 2. Ulan-Ude: [s.n.].
3. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-195. List 3. File 107. pp. 112.
4. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 475. List 2. File 62a. pp. 76.
5. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-60. List 3. File 172. pp. 58.
6. Tsyretarova, B.B. (2018) The eradication of illiteracy in Buryatia in the 1930s (on the materials of the State archive of the Republic of Buryatia). *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya – Oikumena. Regional Researches*. 2. pp. 84–89. (In Russian).
7. The Russian Communist Party (Bolsheviks). (1919) *VIII s"ezd Rossiyskoy Kommunisticheskoy Partii (bol'shevikov)*. Moskva, 18–23 marta 1919 g. *Stenograficheskiy otchet* [The Eighth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks). Moscow, March 18–23, 1919. Shorthand report]. Moscow: Kommunist. [Online] Available from: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm> (Accessed: 10th December 2019).
8. Kravchenko, A. (n.d.) *Sozdanie novogo sovetskogo cheloveka* [Creating a new Soviet man]. [Online] Available from: <https://arzas.academy/materials/1499> (Accessed: 28th September 2019).
9. The State Planning Committee of the Council of Ministers of the USSR. (1925) *Buryat-Mongol'skaya ASSR. Otchety i ocherki 1923–1924 gg.* [Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic. Reports and essays 1923–1924]. Verkhneudinsk: Izdanie Gosplana B.-M. ASSR.
10. Lukinsky, F.A. (1982) *Narodnoe obrazovanie v Sibiri (1928–1941 gg.)* [Public education in Siberia (1928–1941)]. Novosibirsk: Nauka.
11. Sanzhiev, G.L. et al. (1983) *Kul'turnoe stroitel'stvo v Buryatskoy ASSR (1917–1981): Dokumenty i materialy* [Cultural construction in the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic (1917–1981): Documents and materials]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
12. The Russian Communist Party (Bolsheviks). (1968) *Dvenadsatyy s"ezd RKP(b). Stenograficheskiy otchet* [The Twelfth Congress of the RCP (B.). Verbatim report]. Moscow: Politizdat.
13. The Soviets of the Buryat-Mongol Autonomous Socialist Soviet Republic. (1925) *Vtoroy s"ezd Sovetov Buryat-Mongol'skoy avtonomnoy sotsialisticheskoy sovetskoy respubliky* [The Second Congress of Soviets of the Buryat-Mongol Autonomous Socialist Soviet Republic]. Verkhneudinsk: Upravlenie delami TsIK i SNK Burrespubliki.
14. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 1. List 1. File 107. p. 73.
15. The Sovnarkom of the USSR. (1944) *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1921 g.* [Collected Legalizations and Government Orders for 1921]. Moscow: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR.
16. Soktoev, I.A. (1999) Puti i metody formirovaniya intelligentsii Buryatii [Ways and methods of forming the Buryat intelligentsia]. In: Soktoev, I.A. et al. *Aktual'nye problemy istorii intelligentsii Buryatii* [Topical problems of the Buryat intelligentsia history]. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 16–17.
17. The Government of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic. (1931) *Otchet Pravitel'stva Buryat-Mongol'skoy ASSR za 1928–1930-e gg.* [Report of the Government of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic for the 1928–1930s]. Moscow: TsIK i SNK Buryat-Mongol'skoy ASSR.
18. The Government of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic. (1928) *Doklad Pravitel'stva Buryat-Mongol'skoy ASSR Sovnarkomu RSFSR* [Report of the Government of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic to the Sovnarkom of the RSFSR]. Moscow: TsIK i SNK Buryat-Mongol'skoy ASSR.

19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P-2. List 1. File 42. pp. 1-3; Fund 1. List 3. File 11. pp. 9, 11.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1. List 1. File 2138. pp. 190–192.
21. Mitupov, B.M. & Sanzhiev, G.L. (1962) *Rukovodstvo Buryatskoy partynoy organizatsii kul'turnoy revolyutsiei v respublike (1929–1937)* [The leadership of the Buryat party organization by the cultural revolution in the republic (1929–1937)]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo.
22. Soboleva, A.N. (2013) Osobennosti molodezhnoy politiki v Buryat-Mongol'skoy ASSR v 1920–1930-kh gg. [The youth policy in the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s and 1930s]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 7. pp. 156–160.
23. Tarmakhanov, E.E. et al. (1987) *Buryatskaya oblastnaya organizatsiya KPSS. Khronika* [Buryat Regional CPSU Organization. Chronicles]. Vol. 1. Ulan-Ude: [s.n.].
24. Goland, Yu. (1990) Politika i ekonomika (oчерki obshchestvennoy bor'by 20-kh godov) [Politics and economics (essays on the social struggle of the 1920s)]. *Znaniya*. 3. pp. 132–133.

УДК 94(470)“1949/1954”
DOI: 10.17223/19988613/65/4

С.А. Красильников

ПРАВО НА ЗАСТУПНИЧЕСТВО: ИЗ ПЕРЕПИСКИ В.А. ОБРУЧЕВА ОБ АРЕСТОВАННЫХ ГЕОЛОГАХ СИБИРИ (1949–1954)

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00170а.

Рассматривается феномен защитной деятельности в сталинскую эпоху в форме индивидуального и коллективного заступничества видных деятелей науки и культуры за репрессированных путем обращений в государственные органы. Одним из них был академик В.А. Обручев, ходатайствовавший о пересмотре дел томских геологов, арестованных по так называемому Красноярскому делу 1949 г. Переписка академика позволяет реконструировать важные стороны феномена заступничества (мотивация, аргументы, язык, успешность и др.) как проявления корпоративной научной солидарности.

Ключевые слова: наука и ученые; послевоенный период; репрессии; «Красноярское дело» геологов; В.А. Обручев; научная солидарность.

Введение

Позднесталинский период в истории отечественной науки не поддается однозначным исследовательским оценкам. Научные разработки ученых оказались в годы войны чрезвычайно востребованными и эффективными, а мобилизационно-директивные технологии, стиравшие ведомственные границы между секторами науки, приносили в экстремальных военных условиях необходимые результаты. При этом идеологические императивы отходили на второй план, а охранительные практики, хотя и усилившиеся в годы войны, не перерастали в чрезмерные, когда речь шла о достижении учеными конкретных целей. В то же время послевоенные годы привнесли в сферу взаимоотношений власти и ученых новые черты, связанные с симбиозом мобилизационных кампаний с охранительными, в ходе которых крупные специалисты ряда научных направлений подвергались дискриминациям и репрессиям.

Крупные научно-образовательные корпорации (ученые исследовательских институтов, профессорско-преподавательский состав вузов) становились пространством «проработочных» кампаний, в ходе которых практиковались так называемые суды чести и другие технологии конфронтационной мобилизации, где в угоду директивной консолидации приносились принципы солидарности и поддержки тех, кто подвергался остракизму и арестам. Однако тем важнее и ценнее оказывалось редкое действие как исключение, подтверждавшее общее правило, именуемое ходатайством, заступничеством одних ученых за других. В данной публикации рассматривается феномен заступничества знаменитого ученого, академика В.А. Обручева за арестованных геологов Сибири. В ее основе – отложившаяся в личном фонде академика переписка с женами, а затем и самими томскими профессорами, репрессированными по так называемому Красноярскому делу геологов 1949 г., а также его письма «во власть» в их защиту. О самом «деле» есть значительное число публикаций, в том числе о геологах [1].

Право на заступничество

Заступничество – емкий и одновременно конкретный термин, означающий продуманное, сознательное социальное действие, в основе / мотивации которого лежит ценностный принцип. Это – оказание помощи, поддержки, проявление соучастия к человеку или группе лиц в экстремальной ситуации, связанной с ущемлениями, дискриминациями, лишением возможности заниматься профессиональной деятельностью, арестом, лишением свободы и др. Заступничество как действие выражалось в разнообразных формах и затрагивало самые различные сферы – от политики до культуры.

Феномен заступничества в научно-образовательной среде существовал и воспроизводился в дореволюционной России, а затем и в СССР в различных социально-политических условиях, поскольку он рождался из профессиональной этики как признака сформированности корпоративного сообщества с его принципами поддержки своих членов в случаях воздействия «извне». Внутри корпораций существовали свои процедуры и практики наказаний за нарушение профессиональной этики, что имело место у юристов, медиков, врачей, преподавателей вузов в позднимперский период. Постреволюционная эпоха радикально изменила механизмы проявления солидарности в корпоративных сообществах в силу как объективных причин (деформация связей вследствие повышенной, экстремальной мобильности, потеря и «разбавления» корпораций молодым советизированным поколением), так и субъективных факторов (резкое возрастание контроля над корпорациями «извне», со стороны партийных и охранительных структур).

В силу изменившихся условий корпоративная солидарность в научно-образовательных кругах практически утратила свою основу – самоорганизацию при отстаивании интересов своих членов (о защитительных функциях профсоюзных и других общественных организаций интеллигенции с конца 1920-х гг. говорить

не приходится). Соответственно, право на заступничество в очень урезанном виде оказалось сосредоточенным в руках сравнительно небольшой когорты видных ученых, с которыми партийно-государственная элита считалась в силу различных причин, в том числе вследствие их незаменимости в решении чисто прагматических народнохозяйственных задач, а также их признания в мировой науке.

В сохранении феномена заступничества в научно-образовательной среде в раннесоветском обществе причудливо совмещались внешне взаимоисключающие друг друга тенденции – демократическая, базирующаяся на праве на выражение своей позиции и защиту прав других, и традиционалистская, архаическая, где основанием служат иерархические права и обязанности, в рамках которых оставалась практика просьб, обращений, ходатайств «знатных» людей к руководству за «оступившихся». Причем вторая из названных тенденций при умелом понимании и использовании правил бюрократическо-властных связей и отношений приносила свои отдельные позитивные результаты. В известной мере такого рода «милость», которую власть время от времени демонстрировала в ответ на заступничество за осужденных, была необходимой для самих лидеров страны функцией, поддерживавшей традиции патернализма и иллюзий в существовании справедливости в советском обществе. Наличие же патриархов в науке, высокий статус которых власть подтверждала атрибутами славы, наградами и привилегиями, вполне допускало, разрешало в известных пределах и существование такого рода защитительной деятельности со стороны видных ученых за своих коллег.

Границы и возможности заступничества за дискриминированных научно-педагогических работников (отстраненных от профессиональной деятельности по так называемым социальным или политическим причинам в ходе всевозможных «чисток»), а также арестованных ученых и преподавателей имели различные градации – от осторожного и «мягкого» прошения к власти о пересмотре дискриминационно-репрессивных решений до акцентированного поручительства за того или иного человека, которое могло быть как индивидуальным, так и коллективным / групповым. Поручительство могло быть не только формализованным, но и высказанным в личной форме, в ходе встречи с высокопоставленным партийно-советским деятелем, который мог влиять на пересмотр приговора.

Среди факторов, которые либо усложняли, либо благоприятствовали заступничеству ученых за своих коллег, следует выделить общую социально-политическую ситуацию в стране, потребность в ученом / профессоре / доценте / научном сотруднике для решения практических задач, известность / заслуги арестованного, репутация поручителя (поручителей), их вес в глазах номенклатуры, помноженные на возможности неформальных выходов в «верха». Технология заступничества известных ученых за своих коллег отличалась гибкостью арсенала средств, которые при этом использовались: знание, к кому и в какой форме обращаться в случае ходатайства за репрессированного;

способность разумно взвешивать и оценивать шансы на то, может ли заступничество быть успешным; обладание необходимой информацией о следственных действиях, формуле приговора, о местонахождении и положении заключенного / ссыльного, которые получались чаще всего от родственников; выбор языка и аргументов, которые могли быть восприняты адресантами как весомые и т.д. Фактически ученые-заступники брали на себя не вполне свойственные им функции адвокатов, которые в «политических делах» сталинской эпохи полностью отстранялись от профессиональных функций защиты обвиняемых / осужденных.

Выдающийся отечественный геолог Владимир Афанасьевич Обручев также заслуживает помещения в один ряд со знаменитыми учеными – заступниками за своих коллег, хотя сведений об этом сравнительно немного. В его фонде, хранящемся в Архиве РАН, сохранились свидетельства помощи и поддержки, которую В.А. Обручев в 1949–1954 гг. оказывал семьям репрессированных геологов, а затем и самим ученым в их борьбе за пересмотр приговоров и освобождение из лагерей и ссылки. Среди разнообразной переписки здесь отложилось значительное количество писем сибирских геологов и их жен, в которых зафиксирована информация (помимо профессиональной, научной) об их арестах, пребывании в лагерях, ходатайствах самих геологов и их жен в различные инстанции о пересмотре приговоров и т.д. Наибольшую ценность представляет выделенная в отдельное дело [2] переписка, которую В.А. Обручев вел в защиту заключенных и ссыльных геологов с членами семей репрессированных и самими репрессированными в период с осени 1953 до весны 1955 г., когда появились реальные возможности для пересмотра приговоров и освобождения геологов из мест их лагерного заключения и ссылки. Документы данного дела (47 листов с оборотами) можно разделить на три группы: письма членов семей / жен репрессированных и их самих; ходатайства В.А. Обручева о пересмотре дел осужденных в адрес руководителей страны (Г.М. Маленкову, К.Е. Ворошилову), а также в Главную военную прокуратуру (ГВП) и краткие ответы / извещения, полученные В.А. Обручевым из ГВП. Основными действующими лицами этой переписки были находившиеся в заключении или ссылке томские геологи – профессора И.К. Баженов, А.В. Булытников, М.И. Кучин, В.А. Хахлов, а также известные ученые Н.И. Соколов, Н.Н. Урванцев, П.И. Касаткин.

Томские профессора как объект репрессий 1949 г.

Иван Кузьмич Баженов (1890–1982) – один из организаторов и ведущий профессор ряда кафедр Томского государственного университета, с 1945 по февраль 1949 г. возглавлял вначале геолого-почвенный, а затем геологический факультеты ТГУ. Будучи арестован 31 марта 1949 г. по так называемому Красноярскому делу постановлением ОСО МГБ СССР от 28 октября 1950 г. был приговорен к 25 годам ИТЛ. Свой срок до весны 1954 г. отбывал в Магаданской области [3. С. 39].

Александр Яковлевич Булынников (1892–1972) с 1938 г. до своего ареста в 1949 г. возглавлял кафедру петрографии ТГУ, на эту должность вернулся 2 июня 1954 г. Арестован 20 апреля 1949 г., приговорен к 15 годам ИТЛ. Свой срок до весны 1954 г. отбывал в Красноярском крае («Енисейстрой»), где работал в геологическом отделе ОТБ-1. «Находясь в заключении... Булынников выполнил целый ряд крупных петрографо-минералогических работ, открыл месторождение золота “Находка” и др.» [3. С. 69].

Михаил Иванович Кучин (1887–1963) – один из крупнейших специалистов в области гидрогеологии и инженерной геологии. Преподавал в Томском индустриальном институте (ТИИ) и университете, где с 1939 г. возглавлял кафедру грунтоведения и гидрогеологии. С 1944 по 1948 г. по совместительству работал в Западно-Сибирском филиале АН СССР. Наряду с другими томскими профессорами подвергся аресту 20 апреля 1949 г. Заключение отбывал в Красноярском крае («Енисейстрой») в ОТБ-1, где работал по специальности в области инженерной геологии [Там же. С. 254–259].

Венедикт Андреевич Хахлов (1894–1972) – с середины 1930-х гг. заведующий кафедрой палеонтологии, затем декан геолого-почвенного факультета ТГУ. С 1944 по 1948 г. работал по совместительству в Западно-Сибирском филиале АН СССР. Один из крупнейших палеонтологов Сибири. Был арестован 20 апреля 1949 г., отбывал срок заключения в Норильском лагере, где работал в Геологическом управлении в группе по подсчету запасов угольных месторождений [Там же. С. 451–458].

Феликс Николаевич Шахов (1894–1971) преподавал в Томском индустриальном институте и на геолого-географическом факультете ТГУ, с 1944 по 1948 г. был сотрудником Западно-Сибирского филиала АН СССР. Один из крупнейших специалистов в области геохимии и поиска месторождений редких и цветных металлов Сибири. После ареста 25 апреля 1949 г. был осужден и отправлен в Магаданскую область («Дальстрой»), где работал в геологическом управлении по разработке и исследованию месторождений золота и урана [Там же. С. 484–487].

Чем вызваны были репрессии в отношении каждого из них в отдельности и вместе взятых, определить сложно, даже если бы у исследователей был доступ к следственным материалам (а он закрыт до сих пор). Историкам остается лишь обращаться к анализу факторов, которые следователи, получив установку «сверху», могли положить в основу произведенных арестов. С позиций чекистской логики создать «группу» из томских геологов не представляло значительного труда, учитывая факты их социально-профессиональной деятельности. С позиций же научного, просопографического подхода (коллективные биографии) жизненные пути и судьбы томской геологической профессуры имеют свое событийное «ядро». По своему возрасту (от 55 до 62 лет) они могут быть отнесены к одному поколению, их социализация и профессионализация пришлись на период после первой русской революции. Их учеба, начавшаяся Петербургском горном (Баженов, Булынников, Шахов) и Томском технологическом (Кучин,

Хахлов) институтах была прервана экстремальной эпохой войн и революций. Оказавшись в этот момент в Сибири, они не избежали мобилизаций в антибольшевистские военные формирования и службы, в том числе на офицерских должностях. После разгрома данных формирований и кратковременного периода пребывания в фильтрационных лагерях им удалось продолжить и завершить обучение в ТТИ в 1921–1922 гг.

В последующем их жизнь была связана с научной, преподавательской деятельностью в томских вузах (университет и технологический, затем индустриальный институт), а также в сфере практической геологии в качестве сотрудников и консультантов геологических организаций. Будучи известными геологами, пользовавшимися признанием и поддержкой лидеров отечественной геологии В.А. Обручева и М.А. Усова, накануне Отечественной войны они защитили докторские диссертации, заведовали кафедрами как в ТГУ, так и в ТИИ (Шахов). С созданием в конце войны Западно-Сибирского филиала АН СССР профессора-геологи по совместительству работали в составе томской группы как территориального подразделения филиала с 1944 по 1948 г. Между собой их связывали длительные дружеские отношения.

Практически все они преподавали в университете на геолого-почвенно-географическом (с 1939 г. – геолого-почвенном) факультете, где В.А. Хахлов был деканом с некоторыми перерывами с 1933 по 1945 г., а И.К. Баженов сменил его, проработав в этой должности с 1945 по 1948 г. [Там же. С. 500].

Их деятельность к моменту ареста была отмечена правительственными (ордена и медали) и ведомственными наградами и премиями. Арест резко изменил все. Так, И.К. Баженов в 1948 г. совместно с профессором-химиком А.П. Бунтиным выполнил работу о принципах извлечения глинозема из нефелиновых пород, удостоенную премии Томского университета. В том же году данная работа Ученым советом ТГУ «выдвигалась на Сталинскую премию, но в связи с арестом Баженова не была направлена в Комитет по премиям» [Там же. С. 40]. Защищенная в 1948 г. другим известным геологом, Б.Ф. Сперанским, также преподававшим в ТГУ до переезда в Новосибирск, докторская диссертация, находившаяся на момент его ареста в ВАКе, «застряла» там. Годом ранее в связи с 25-летием научно-производственной деятельности и заслугами в открытии ряда месторождений он был удостоен ордена Ленина [Там же. С. 398]. Арест прервал многолетнюю деятельность М.И. Кучина по написанию учебника по гидрогеологии, уже включенную им в свой план работ в ТГУ на 1949/1950 гг. [2. Л. 6]. Издание трудов конференции по изучению и освоению производительных сил Сибири, которым руководил В.А. Хахлов, также было прервано. По некоторым сведениям, очередной том трудов конференции был уничтожен по приказу «сверху» как содержащий статьи «врагов народа» – профессоров В.А. Хахлова, И.К. Баженова, А.Я. Булынникова, М.И. Кучина и Ф.Н. Шахова [4. С. 17].

Очевидно, что при наличии директивы «сверху» на аресты геологов чекистам достаточно просто было

отыскать «порочающие сведения», поскольку профессора могли ассоциироваться с нарицательной категорией «колчаковцы» вне зависимости от того, где и сколько служили в этих войсках, фигурируя в учетных списках как «бывшие белые офицеры». Они явно ассоциировались со «старой», а не «красной профессурой», не состояли в рядах партии, в своей активной научной, образовательной и производственной деятельности они могли сталкиваться с неоднозначным и недоброжелательным отношением к себе и т.д.

Следствие, пребывание в лагерях, ходатайства жен

Арест, перемещение из Томска в Москву, затем длительное тюремное содержание с допросами, завершившееся вынесением приговора постановлением ОСО МГБ СССР от 28 октября 1950 г. на длительные сроки от 10 до 25 лет лагерей, очень емко охарактеризовал в своем письме 24 января 1954 г. жене и дочери А.Я. Булытников: «... На днях исполнилось три года, как я с товарищами по несчастью прибыл в Красноярск. Это – не маленький срок, особенно если приплюсовать 1 г. и 7 мес. предварительного заключения и 2 м-ца этапа в столыпинском вагоне... Когда нас арестовали и увозили из Томска, то каждый из нас рассчитывал и ожидал, что недоразумение с арестом в Москве разрешится, и мы возвратимся к прежней деятельности. Надежда была разбита следствием. Не только я, но и... другие оклеветали себя, и все это привело к печальному результату. Я неоднократно спрашивал, когда мне будет предоставлен защитник. “Я – ваш следователь и ваш защитник” – был ответ» [2. Л. 16–16 об.].

О психологическом сломе заключенных профессоров, которым пользовались следователи, добывая нужные для них «показания», А.Я. Булытников написал позднее в своих воспоминаниях о пребывании в заключении в Москве с 23 апреля 1949 до 5 апреля 1950 г. (в Лубянской, затем Сухановской тюрьмах): «Еще в первый день следствия (23 апреля) на Лубянке [следователь] Ливанов мне подчеркнул следующее, что я запомнил на всю жизнь: “Принимая во внимание Ваш преклонный возраст мы для дачи Ваших показаний не применим “дыбы”, но у нас найдутся средства, чтобы заставить говорить “правду”. Эта фраза во многом предопределила мое поведение на следствии. Я был подавлен, вспоминая инквизицию и пытки при царском режиме. Уже события предыдущих дней нравственно надломили меня. В дальнейшем я отчаивался, падал духом, надеялся на что-то лучшее и снова отчаивался... ко мне он не рукоприкладствовал, но академик Русакова М.П., взятого в связи с этим делом – он сильно ударил и сшиб с ног. Только в самые ответственные для меня дни (май) для получения “признания”, многократно разрывая и сличая мои показания, Ливанов топал ногами и, приближаясь ко мне, материл с последних слов, не уступая извозчику» [5. Л. 3–4].

Из писем жены В.А. Хахлова Тамары Алексеевны, которая после ареста мужа решила на переписку с академиком В.А. Обручевым, выясняются некоторые черты и детали той атмосферы, которая сложилась

в семьях арестованных профессоров. В своем письме от 18 мая 1949 г. она, вероятно, первая сообщила академику о томских арестах: «Хочется Вам сообщить мне свое бесконечное горе, зная, с каким теплым чувством всегда отзывался о Вас мой муж. 20 апреля В.А. арестовали и в ночь отослали в Москву еще с тремя профессорами с геологического факультета. Ничего не знаю... Жизнь потеряла всякий смысл. В университете работают все его ученики, геологический факультет остался без профессоров. Никак не могу прийти в себя после обыска и ареста, после всей славы, которой он достиг. Жду и надеюсь, что что-нибудь выяснится в Москве. Простите, дорогой Владимир Афанасьевич, что расстрою Вас своим письмом, но ужасно захотелось сообщить именно Вам, зная, как тепло и сердечно вспоминал Вас В.А.» [2. Л. 1–2].

Переписку, хотя и редкую, с В.А. Обручевым вели жены не только В.А. Хахлова, но и И.К. Баженова, А.Я. Булыникова, а также Н.Н. Урманцева. Необходимо отметить, что Обручев отвечал на эти письма, о чем свидетельствуют его пометы об отправке писем женам репрессированных геологов, а иногда и сами письма, сохранившиеся в архиве ученого при их перепечатке в машинописи. Письма от жен репрессированных содержат крайне важные сведения, позволяющие передать мотивы, настроения и надежды заключенных на благоприятный исход (освобождение). Особенно интенсивно их обращения «наверх» возросли с лета 1953 г. на фоне событий в высших эшелонах власти (арест и расстрел Л.П. Берия). Из переписки Т.А. Хахловой с В.А. Обручевым становится ясным, как работала в этот период государственная машина, перемалывавшая десятки тысяч прошений жен заключенных (не говоря уже о жалобах самих репрессированных), отправляя им казенные, стереотипные как по форме, так и по содержанию «затяжные» («жалоба проверяется / рассматривается») или «отказные» ответы.

15 октября 1953 г. Т.А. Хахлова достаточно кратко, но емко описывает московский круговорот своих ходатайств за мужа: «Выдержка из отношений [Главной] военной прокуратуры от 10 сентября 1953 г. ... гласит: “Вина его подтверждается собственными его показаниями”, обвиняемый же Венедикт Андреевич почти в каждом письме пишет: “Необходимо получить, наконец, обвинительное заключение, чтобы хоть знать, за что я сижу...” 10 сентября Военная прокуратура пишет мне, что для опротестования решения по делу Хахлова оснований не имеется, разбивая таким образом все мои надежды на пересмотр, а 24-го сентября того же 53 года из военной же прокуратуры мне пишут, что моя жалоба, адресованная Председателю Совета Министров СССР прокуратурой проверяется, и окончательные результаты будут мне сообщены, а сегодня я получила уже третье отношение из канцелярии Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1953 г., по которому мое заявление направлено в Прокуратуру». Сама Т.А. Хахлова, очевидно, уже вымотанная этой перепиской, делала все же утешительный для себя вывод о том, что «по-видимому, дела еще не кончились, зачем же так быстро убивать людей отказом пересмотра» [Там же. Л. 7].

Активное заступничество В.А. Обручева: аргументы и результаты

Осенью 1953 г. становится очевидным, что одних жалоб самих заключенных и их жен «во власть» было недостаточно, поэтому вызревала мысль о необходимости заступничества за них со стороны В.А. Обручева. Эту идею в конкретной форме выразила Т.А. Хахлова в своем письме к академику от 15 октября 1953 г., начинавшемся с поздравлениями ему в связи с 90-летием и завершавшемся словами: «Я вновь обращаюсь к Вам как к отцу всех геологов. Помогите мне, может быть, Ваше веское слово разрешит выяснить в Правительстве, в связи с теперешним вредительством, открывшимся в Кремле, тот чудовищный донос, в связи с которым так нелепо были арестованы все профессора Геологического факультета и был оголен Университет» [2. Л. 7].

Переход В.А. Обручева к активному заступничеству за арестованных на рубеже 1953–1954 гг. явился сложением действия ряда факторов: арест Берия и его окружения означал возможность начала пересмотра вынесенных в сталинскую эпоху приговоров по «политическим делам»; в распоряжении академика оказалась оперативно присланная ему информация от ряда жен заключенных и самих репрессированных о заслугах ученых не только за предшествовавшие аресту годы, но и о крупных работах, выполненных ими в заключении (в конкретном случае о В.А. Хахлове, М.И. Кучине, А.Я. Булытникове и И.К. Баженове); наконец, мощным ресурсом для обращения с заступничеством «наверх» оказался прошедший в октябре 1953 г. юбилей академика, когда в его адрес были направлены поздравления от первых лиц государства.

Все это, вместе взятое, позволило В.А. Обручеву в начале 1954 г. перейти к прямому обращению «во власть». 18 января он отправляет председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову письмо с ходатайством о пересмотре дел ряда арестованных геологов, среди которых В.А. Хахлов и М.И. Кучин [Там же. Л. 14–14 об.], а месяцем позднее, 18 февраля, обращается к председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову с аналогичным ходатайством, где упоминаются среди других геологов Н.Н. Урванцев, И.К. Баженов и А.Я. Булытников [Там же. Л. 22–23]. Помимо этого, он подкрепляет свои ходатайства обращением к Генеральному прокурору СССР с просьбой об ускорении рассмотрения дел в отношении названных геологов (точной датировки нет) [Там же. Л. 30–31].

В деле сохранился комплекс документов, предшествовавших отмеченным выше обращениям В.А. Обручева к высшим должностным лицам страны (черновые материалы, рукописи самих обращений, машинописные отпуски отправленных писем), служащие ценными свидетельствами о том, как и в каком направлении осуществлялась работа по поиску наиболее весомой и в то же время емкой аргументации (краткость изложения в письме «наверх» имела нормативный характер – максимум машинописная страница с оборотом). Каждое из трех обращений академика имело четко выве-

ренную структуру, включавшую в себя преамбулу (мотив обращения), основную часть (аргументы в пользу необходимости пересмотра репрессий в отношении геологов) и завершающие письмо фразы (обоснование полезности их освобождения и возвращения к профессиональной деятельности). К своим письмам В.А. Обручев прилагал и ряд документов, исходя из их значимости для адресатов (письма жен, списки основных трудов геологов).

Свое обращение к Г.М. Маленкову от 18 февраля 1954 г. он начинает фразой «В течение минувшего года ко мне как старейшему советскому геологу, десятки лет изучавшему геологию Сибири, обращаются с письмами родственники сибирских геологов, арестованных пять лет тому назад, с просьбами о содействии в смягчении участи этих геологов. Учитывая последние события, я позволяю себе обратиться к Вам с просьбой о пересмотре дел геологов В.А. Хахлова, Н.И. Соколова и М.И. Кучина, лично мне известных по их трудам, касающимся геологии Сибири» [Там же. Л. 14]. Непосредственная причина для обращения – их дела находятся на пересмотре в Военной прокуратуре уже длительный срок (несколько месяцев). Далее в основной (аргументационной) части письма Обручев не просто перелагает информацию о геологах, полученную от родственников и их самих, а придает этой информации усиливающие ее акценты (В.А. Хахлов – «исследователь четвертичных отложений Западной Сибири, в знание которых он внес много своего труда... сделал много в своей отрасли геологических знаний»; «М.И. Кучин является видным специалистом по гидрогеологии и инженерной геологии... организовал кафедры в трех вузах Сибири и подготовил большое число специалистов»). Завершалось письмо к Маленкову просьбой дать арестованным возможность работать в «нормальной вузовской обстановке», для чего «дать распоряжение о пересмотре дела этих трех сибирских геологов» [Там же. Л. 14–14 об.].

При анализе текста обращает внимание взвешенный тон письма, автор которого не становится в позицию униженного просителя. В письме четко прослеживается право на поручительство за заключенных геологов своим научным авторитетом, подкрепляемое тем, что они лично ему известны своей деятельностью и трудами в сфере геологии Сибири.

Несколько иной формат В.А. Обручев использует при обращении к К.Е. Ворошилову, которое, судя по черновикам, пишется в первой половине февраля 1954 г., когда он готовит ходатайства за две группы геологов (помимо тех геологов, о которых он писал Маленкову, он в отдельном письме говорит об Урванцеве, Баженове и Булытникове). Здесь использована новая преамбула обращения: «На днях опубликованное правительственное сообщение о предательстве Л. Берия позволяет мне обратиться к Вам с ходатайством о пересмотре дела двух ученых геологов (в черновике он упоминает о Соколове и Хахлове. – С.К.), по-видимому, также являющихся жертвами ложных доносов сотрудников и помощников Берия, этого человека, пятнающего коммунистическое правительство нашей родины своими действиями... Я прошу Вас,

Климент Ефремович, назначить пересмотр всего этого дела с томскими профессорами, виновность которых весьма сомнительна» [2. Л. 18–18 об.].

Черновик второго письма Ворошилову, где упоминаются геологи Н.Н. Урванцев и И.К. Баженов, более лаконичен: «Глубокоуважаемый Климент Ефремович! Пользуясь Вашим любезным посещением я представляю ходатайства известных мне геологов, исследователей Сибири, с просьбой о пересмотре Вами их дел... Оба эти заслуженные геологи нуждаются в скорейшем освобождении из ссылки (здесь некоторая неточность – Урванцев находился в ссылке, а Баженов в лагере. – С.К.), что я всемерно поддерживаю, зная их хорошо» [Там же. Л. 19].

Окончательный машинописный текст письма Ворошилову, отпечатанный с рукописного подлинника В.А. Обручева и датированный 18 февраля 1954 г., был следующим:

«Председателю Верховного Совета СССР
К.Е. Ворошилову.
Москва, Кремль.

Глубокоуважаемый Климент Ефремович!

Пользуясь Вашим любезным посещением меня для вручения высокой правительственной награды за многолетнюю службу, я представляю ходатайство о трех известных мне геологах Сибири, с просьбой о пересмотре их дел и смягчении их участи.

1. УРВАНЦЕВ Николай Николаевич, мой ученик по Томскому технологическому институту, находящийся в ссылке в Норильске, просит о полном пересмотре его дела, начатого в 1939 г., как видно из прилагаемого в копии его заявления от 20 января 1954 г. на имя генерального прокурора СССР. Он отличился в 1931–1932 гг. прекрасным выполнением геологического изучения архипелага Северной Земли в Арктике в экспедиции Г.Е. Ушакова с двумя сотрудниками. Эта работа требовала много мужества, выдержки и энергии от всех сотрудников и привела к полному изучению этого безлюдного и сурового гористого архипелага Ледовитого океана. Его отчет напечатан им в виде целой книги в 1939 г. и вторично в 1953 г. Г.Е. Ушаковым, но в этот раз даже без упоминания имени Н.Н. Урванцева, по причине нахождения его еще в ссылке. Этот геолог и до, и после этой экспедиции выполнил еще много других геологических работ на Северной окраине Сибири.

2. БАЖЕНОВ Иван Кузьмич – бывший профессор Томского университета, исследователь хребтов Западного Саяна и Кузнецкого Алатау, декан факультета, консультант Томского геологического управления, депутат Томского горсовета первого созыва, заведовавший кафедрой минералогии и полезных ископаемых, геохимик, автор 85 печатных работ. Находится в ссылке в г. Магадане, где продолжает работать по специальности, хотя ему 64 года и здоровье его сильно ослабело. Приложено письмо его жены с биографическими сведениями.

3. БУЛЫННИКОВ Александр Яковлевич, бывший профессор Томского университета, заведовавший кафедрой петрографии, отличался как хороший воспитатель и методист, неоднократно был премирован за

высокое качество преподавательской и научно-исследовательской работы. С 1920 г. изучал геологию и полезные ископаемые Западной Сибири. В 1943 г. его работа «Золотоносные формации Западной Сибири» была представлена на соискание степени доктора геолого-минералогических наук и получила от меня хороший отзыв. Под его руководством было открыто 10 золотоносных жил, давших не менее 100 пудов золота. Ему же принадлежат открытия висмута, теллура и турмалиновых жил. Он был арестован 20 апреля 1949 г. и в ноябре 1950 г. осужден особым совещанием и направлен в трудовой лагерь Енисейстроя для работы по специальности. В настоящее время военная прокуратура пересматривает его дело. Приложено письмо его жены П.С. Краснопеевой от 5 февраля 1954 г. с этими сведениями.

Все три указанных в этом заявлении геолога известны мне лично по своим научным трудам и вполне заслуживают полной амнистии и возвращения к свободному труду на пользу Родины» [Там же. Л. 22–23].

Как видим, текст обращения В.А. Обручева к Ворошилову в процессе доработки претерпел определенную трансформацию. Здесь в преамбуле был использован факт личного посещения Ворошиловым академика из-за болезни для вручения последнему ордена Ленина, что в процедуре награждений в СССР являлось скорее исключением, нежели практикой. Это придавало ходатайствам В.А. Обручева «во власть» в феврале 1954 г. дополнительный вес, чем он и воспользовался.

Предположительно, в конце марта 1954 г. (в архивном деле есть рукописный подлинник и машинопись письма с подписью-автографом академика, но без точной датировки) В.А. Обручев направил также и обращение к Генеральному прокурору СССР, в котором видны иная тональность и содержание, нежели в обращениях Обручева к Маленкову и Ворошилову. Здесь присутствуют элементы даже требовательности к руководству ведомства о необходимости выполнять свои функции «без затяжки», помимо этого, в своем письме академик, пожалуй, осознанно обращает внимание главы ведомства на эмоциональные аспекты и критическое состояние здоровья ожидавших положительного решения репрессированных, находившихся около пяти лет в условиях тюремного заключения и северных лагерей. Отправляя письмо Генпрокурору, В.А. Обручев понимал, что его ходатайства в отношении репрессированных геологов из канцелярий Маленкова и Ворошилова уже должны были быть переправлены в прокуратуру: «В последнее время я опять получаю письма от родственников геологов, обвиненных в противоправительственной деятельности и находящихся в ссылке (Баженов, Булынников, Русаков, Хахлов и др.). Они пишут, что справляющимся в Прокуратуре говорят, что благоприятный для них исход дела о них предreshен, но окончательное решение из месяца в месяц откладывается. Эта оттяжка освобождения тяжело отражается на здоровье людей, выдержавших уже тяжелые условия ареста, заключения и ссылки и ожидающих освобождения. В большинстве это уже пожилые и старые люди с расстроенным здоровьем, и

оттяжка может окончиться у некоторых тяжелой болезнью или смертью, тогда как освобождение позволит всем возобновить свою научную деятельность на пользу Родины.

Поэтому согласно просьбы этих несчастных я от их имени прошу Прокуратуру ускорить завершение их дел и освободить из ссылки или заключения» [2. Л. 30–31].

Известно, что Военная коллегия Верховного Суда СССР своими решениями от 31 марта и 10 апреля 1954 г. отменила приговор Особого совещания МГБ 1950 г. в отношении осужденных по так называемому Красноярскому делу геологов, и 13 апреля извещение об этом было направлено В.А. Обручеву как подававшему соответствующее ходатайство 18 февраля в Верховный Совет СССР [2. Л. 33].

Днем ранее, 12 апреля, Главная военная прокуратура отправила в Томск женам И.К. Баженова и А.Я. Булытникова сообщения аналогичного содержания с пояснением о том, что освобождение заключенных произойдет при получении данного решения в ИТЛ, где они содержатся. Сами решения шли до мест заключения с различной скоростью, поэтому и справки об освобождении томских профессоров датировались с разбросом по времени от 17 апреля (М.И. Кучин) и 22 апреля (И.К. Баженов и Ф.Н. Шахов) до 29 апреля (В.А. Хахлов).

Возвратившиеся из мест заключения профессора теперь уже имели возможность в переписке с В.А. Обручевым непосредственно сообщить о своих переживаниях, оценить происшедшее с ними и перспективы продолжения профессиональной научно-образовательной деятельности. В их письмах соединились эмоции, связанные с обретением свободы, возможностью вернуться к семьям и привычному образу жизни. Восстановление отнятых с арестом статусов требовало и оценочного осмысления новой реальности, отличной от доарестной, психофизической и интеллектуальной реабилитации.

Письма геологов В.А. Обручеву при общей их благодарственной тональности несколько различались в информации о том, что авторы считали важным сообщить академику о себе. Эмоционально, с акцентом на пережитое с моральных позиций (несправедливость как самой репрессии, так и затянувшегося на годы судебного признания ее «ошибочности») писал об этом В.А. Обручеву в своем письме от 5 июня 1954 г. А.Я. Булытников, восстановленный на работе в ТГУ со 2 июня 1954 г. в должности заведующего кафедрой петрографии: «Примите от меня и моей семьи сердечную благодарность за то живое участие, которое Вы проявили к делу геологов, способствуя его положительному разрешению. Правда восторжествовала. Справедливый Советский суд восстановил истину. Тяжелое пятно позора, которое легло на тружеников-геологов, смыто. Не только личная свобода, но и освобождение от морального гнета, созданного следствием

1949 года, радуют меня и мою семью. Теперь я и моя семья будем спокойно и уверенно продолжать свою работу в избранной специальности» [7. Л. 21].

Вернувшийся из норильского заключения В.А. Хахлов, восстановленный на работе в ТГУ с 10 мая 1954 г. в должности заведующего кафедрой палеонтологии, в своем письме В.А. Обручеву от 24 мая в более позитивном оценочном ракурсе писал о своем возвращении и сделанной им работе за годы заключения: «Наконец я снова вернулся в Томский университет. Восстановлен во всех правах. Сажу в том же кабинете и на том же стуле. Занят собиранием литературы... Мои года – последние пять лет – не прошли для науки бесследно. Я и в неволе жил наукой и для науки. Написал три тома большой монографии: “Стратиграфия Норильского угольного бассейна”... Сейчас думаю эту работу продолжать, а далее ее публиковать, надеюсь под Вашим благословением» [8. Л. 1–2 об.].

Сам В.А. Обручев в письме к Н.Н. Урванцеву от 10 февраля 1954 г., за освобождение которого из норильской ссылки после отбытого там срока заключения также усиленно хлопотал, очень емко охарактеризовал советский государственный феномен создания «фигур умолчания» и «вымарывания» тем самым из научного (и не только) наследия вклада репрессированных по различным основаниям ученых (в частности, Урванцева), как недопустимый: «Замалчивание полное научной деятельности, выполненной на советской службе каким-либо ученым или даже политическим деятелем из-за позднейших его ошибок, а тем более без таковых, за критику чьей-либо работы, исключение его имени из всякой литературы научной, общественной и даже политической я считаю принципиально неправильным. Оно должно упоминаться как и вся его работа, особенно научная, ради пользы всех граждан, хотя бы с указанием его ошибок (или даже преступлений), ради полноты оценки его деятельности. Ведь Троцкого, Колчака, Деникина, Милюкова и тому подобных деятелей не замалчивают, а оценивают правильно со всех сторон их деятельности. Замалчивание приносит вред со всякой точки зрения» [2. Л. 24–25].

Выводы

На основе доступных источников реконструирован феномен позитивных поведенческих реакций и действий внутри геологической корпорации в отношении репрессированных геологов. Ядро позитивного активизма формировали групповые и личностные внутринаучные связи, основанные на длительных профессиональных контактах и высокой репутационной компоненте, которой обладал научный лидер корпорации. Позиция В.А. Обручева и его активное заступничество сыграли, несомненно, важную роль в ускорении пересмотра приговора МГБ и освобождении осужденных геологов в 1954 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репрессированные геологи : биографические материалы, 2-е изд. М. ; СПб., 1995. 210 с.
2. Архив РАН (АРАН). Ф. 642. Оп.3. Д. 265.

3. Профессора Томского университета : биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
4. Вопросы геологии Сибири : сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения В.А. Хахлова / под ред. В.М. Подобиной, С.А. Родыгина. Томск : Изд-во Том ун-та, 1994. Вып. 2. 348 с.
5. Музей истории ТГУ. № 1808/8
6. АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 1082.
7. АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 296.
8. АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 1081.

Sergey A. Krasilnikov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: krass49@gmail.com

THE RIGHT FOR INTERCESSION: V.A. OBRUCHEV'S CORRESPONDENCE CONCERNING ARRESTED SIBERIAN GEOLOGISTS (1949–1954)

Keywords: science and scholars, post-war period, purges, “Krasnoyarsk case of geologists”, academician V.A. Obruchev, scholarly solidarity.

The post-war period in USSR is notable for competing trends in the scientific and educational communities. The first trend kept up mobilization policy of the war years, which consisted in strengthening the scientific and educational potential to solve the country's top problems, made it possible to succeed in the national economy revival and to ensure a breakthrough in the creation of front-rank defense industry. The second, protective trend, was fraught with a significant expansion of the forced labor system (camp-manufacturing complexes), which required an equally grand-scale intellectual and professional support. At long last, repressive sanctions expanded towards a part of scholars whose life and professional work, despite being put to good use incarcerated in special / special technical bureaus (“sharashka”), were deformed because of unfreedom.

The goal of the study is to reconstruct on archival source basis the events related to the internal response of a corporate circle of geologists to the arrest of almost forty lead specialists within the so-called “Krasnoyarsk case of geologists” framed up by the MGB in 1949. Arrests and long five-year jail placement affected the core of Tomsk University geological professors (I.K. Bazhenov, A.Ya. Bulynnikov, M.I. Kuchin, V.A. Khakhlov, F.N. Shakhov), whose close relatives, students, as well as leaders of scientific community fought for exoneration and discharge of the prisoners.

Intercession for those who were purged during Stalin era presents special behavioral phenomenon – a display of self-sacrifice, based not only on traditions and norms of scholarly ethics established in the late imperial period, but also contained individual and group risks accepted by outstanding scientists. One of them was the patriarch of Russian geological science academician V. A. Obruchev, whose self-sacrificing activity resulted both in supporting purged families and in sending requests “upstairs” to review cases of imprisoned Siberian scientists.

Through the use of V.A. Obruchev's personal fund in the Archive of the Russian Academy of Sciences, which reposit his correspondence with wives of prisoners and exiles and afterward his appeals to the highest authorities of the State, it is possible to reconstruct certain important aspects of the phenomenon of intercession (motivation, arguments, vocabulary, rate of success, etc.) as a display of scholarly solidarity in opposition to self-advancement and conformism of other part of scientists. Corporative scholar support contributed to the welcoming environment for scientists released in 1954 and resumed their professional activity.

REFERENCES

1. Orlov, V.P (ed.) (1995) *Repressirovannye geologi. Biograficheskie materialy* [Repressed geologists. Biographical materials]. 2nd edition. Moscow; St.Petersburg: VSEGEI
2. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 642. List 3. File 265.
3. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. & Litvinov, A.V. (1998) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Podobina, V.M. & Rodygin S.A. (eds.) (1994) *Voprosy geologii Sibiri* [Problems of Siberian Geology]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State University.
5. Museum of History of Tomsk State University. № 1808/8.
6. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 642. List 4. File 1082.
7. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 642. List 4. File 296.
8. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 642. List 4. File 1081.

УДК 929“1867–1934”
DOI: 10.17223/19988613/65/5

Д.И. Петин

ВОЕННЫЙ ИНЖЕНЕР И ПЕДАГОГ ПОЛКОВНИК ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ ГОЛЫШЕВ: АСПЕКТЫ БИОГРАФИИ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Представлено историко-биографическое исследование, целью которого является изучение жизненного пути кадрового офицера, военного инженера, педагога полковника П.П. Голышева, последовательно служившего в Русской императорской, Белой и Красной армиях и ставшего затем преподавателем вуза в советском Омске. Исходя из специфики исследования, оно было построено на основе биографического метода. В основу работы легли выявленные автором неопубликованные источники из фондов Исторического архива Омской области.

Ключевые слова: Гражданская война; белое движение; РККА; репрессии; Омск; Казань; генеалогия.

События революции и Гражданской войны повлекли за собой значительную трансформацию российского общества. Уже в течение первых лет советской власти новый политический режим четко определил категории и слои населения, получившие в советском социуме статус «чужих», а следовательно, подвергавшихся разного рода ограничениям и дискриминациям. В так называемых «бывших» – представителях дворянства, купечества, чиновничества, офицерства, религиозных служителях – советская власть усматривала некую возможность контрреволюционной угрозы [1. С. 176; 2]. В этом отношении офицеры «старой», а затем и Белой армии привлекали особое внимание советской власти. Ведь хотя они и являлись «потенциально опасными» в силу своего прошлого, однако их боевой и интеллектуальный опыт был подчас весьма актуален, причем не только в сфере военного строительства.

Современная историография уделяет немалое внимание столь неоднозначному вопросу, каковым является положение бывшего офицерства в большевистской России. При этом исследователи, рассматривая адаптацию «вчерашнего врага» в советской действительности, затрагивают в этой связи весьма болезненный вопрос, описанный известной аллегорией «чужой среди своих» [3–6]. При этом изучение обозначенной широкой проблемы, на наш взгляд, невозможно без обращения к отдельно взятым персоналиям, и поэтому в среде историков, изучающих положение бывших «белых» в советской России, наряду с проблемным подходом сегодня получают распространение биографические исследования. Такие работы подчас создаются на основе междисциплинарного видения: на стыке военной истории, источниковедения и практической генеалогии. Приоритетное внимание историков уделяется генералитету и старшим офицерам [7–14].

В свете обозначенной проблемы интерес представляет сложный жизненный путь военного инженера и педагога полковника Павла Павловича Голышева. Судьба этого талантливого человека, участвовавшего в первой трети XX в. в формировании архитектурного облика таких крупных российских городов, как Казань и Омск, осталась вне поля зрения исследователей.

Основной источниковой базой для проведения исследования стали неопубликованные источники из фондов Исторического архива Омской области. Они датируются главным образом 1920-ми – первой половиной 1930-х гг. Выявленные документы, повествующие о судьбе П.П. Голышева, находятся в составе двух личных дел героя статьи, в следственном деле Омского губернского революционного трибунала, а также в материалах, связанных с особым учетом ОГПУ бывших «белых» и с лишением жителей Омска избирательных прав. Также в фондах архива Народного музея истории ОмГАУ им. П.А. Столыпина был выявлен единственный сохранившийся портрет героя статьи, сделанный в Омске во второй половине 1920-х гг. (рис. 1).

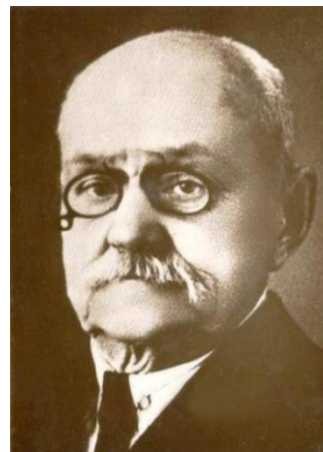

Рис. 1. Фотопортрет П.П. Голышева.
Омск, вторая половина 1920-х гг.

Павел Павлович Голышев родился 25 октября 1867 г. в Екатеринбурге. Тягу к будущей профессии он унаследовал от своего отца, Павла Степановича Голышева – служилого дворянина, талантливого инженера-технолога и живописца, занимавшего должность губернского механика Тобольской губернии [15. Л. 1; 16. Л. 1, 1 об.]. Переняв от отца склонность к инженерному делу, юный Павел решил одновременно посвятить себя военной службе. Начальное военное образование он получил в Омске, став в 1880 г. приходящим

воспитанником Сибирской военной прогимназии (с 1882 г. – Сибирский кадетский корпус, позднее – Омский кадетский корпус) – тогда лучшего учебного заведения региона. По итогам своего обучения кадет Голышев показал весьма хорошие образовательные способности и поведение, имея средний балл по предметам 8,29. Особых успехов герой нашей статьи смог достичь в естественнонаучных дисциплинах. Но наивысший балл будущий инженер имел по рисованию, хотя впоследствии Павел Голышев отмечал и свои неплохие знания по французскому языку [16. Л. 2А; 17. Л. 13, 61].

Изначально, согласно предварительной разрядке, по окончании обучения в 1888 г. кадет Голышев для продолжения военного обучения предполагался к направлению во 2-е Константиновское училище, готовившее офицеров-артиллеристов [18. Л. 13, 61]. Но в итоге вчерашний питомец Сибирского кадетского корпуса Павел Голышев стал юнкером 1-го Павловского военного училища, готовившего офицеров пехоты [18. Л. 395]. Окончив военное училище в 1890 г., молодой подпоручик Голышев был направлен в Среднюю Азию. Армейскую службу наш герой начал в инженерно-саперном подразделении, дислоцированном в Верном (ныне – Алматы). Там он занимал должности младшего офицера роты, затем – начальника телеграфной команды. Но уже вскоре Павел Павлович был переведен в Киев, где служил младшим офицером, а после командиром роты 6-го Саперного батальона [15. Л. 4; 16. Л. 1, 1 об.].

И все же молодой офицер был просто одержим тягой к техническому знанию. В 1892 г. он вновь оказался в Санкт-Петербурге, с тем чтобы выдержать экзамен за инженерное училище, а затем поступить в Военную электротехническую школу. По окончании ее в 1894 г. он продолжил службу в Томском резервном батальоне. Однако через некоторое время будням в линейных войсках Павел Голышев вновь предпочел учебную скамью, поступив в 1901 г. на строительный факультет Николаевской инженерной академии. По окончании обучения в академии в 1904 г. капитану Голышеву было присвоено звание (квалификация) военного инженера 2-го разряда [15. Л. 1 об., 4].

Стоит сказать, что избранная техническая специализация определила «небоевой» характер всей военной службы нашего героя. Так, недолгое время после выпуска из инженерной академии капитан Голышев занимался строительством дорог на Алтае. А дальнейшая судьба Павла Павловича была связана с Казанью, куда в 1904 г. он получил назначение на должность производителя работ Казанского квартирного отдела (позднее – управления). Профессиональная деятельность П.П. Голышева в Казани была очень продуктивной. По своей должности он занимался строительством казарм гарнизона, причем основную службу успешно совмещал с чтением лекций по инженерному искусству в Казанском пехотном юнкерском училище. В 1912 г. П.П. Голышев вышел по возрасту в отставку в чине подполковника. В штатской жизни наш герой нашел себе достойную реализацию: в 1912–1914 гг. в Казани Павел Павлович прославился как

выдающийся гражданский градостроитель. Став в 1912 г. заведующим Техническим отделением Казанской городской управы, он одновременно занимал (очевидно, по срочному контракту) должность архитектора в ряде учреждений, возводивших тогда свои здания, – Казанском ветеринарном институте, духовной академии, Дворянском и Крестьянском банках, Коммерческом училище [15. Л. 4 об.; 16. Л. 1 об., 3 об.].

Первая мировая война нарушила гражданскую жизнь отставного офицера. Осенью 1914 г. подполковник Голышев был мобилизован на военную службу, но в боевых действиях участвовать ему не довелось: он получил назначение на должность помощника начальника Казанской инженерной дистанции [15. Л. 4 об.]. С 1916 г. он начал публиковать научные труды по инженерному делу. Круг тем, освещаемых в научных работах П.П. Голышева, впоследствии расширился, включив в себя вопросы строительства, инженерного искусства, телеграфного дела и гелиографии [15. Л. 1 об.; 16. Л. 1, 47 об., 51, 52, 54 об.]. В указанной должности на военной службе он оставался, по всей видимости, вплоть до Октябрьской революции и последовавшего роспуска армии большевиками. При этом, изучив значительный объем источников, мне не удалось выявить каких-либо сведений о службе П.П. Голышева на благо советской власти в тот период и в целом о роде его занятий с осени 1917 г. до конца лета 1918 г.

Известно, что после занятия белочешскими войсками Казани подполковник Голышев в августе 1918 г., как и многие офицеры, оказался в Народной армии Комуча, сохранив свою прежнюю должность. После случившегося, вскоре поражения белочешских войск в Поволжье, подполковник Голышев в составе Казанской инженерной дистанции был эвакуирован из Казани сначала в Уфу, а оттуда – в Омск. Прибыв в столицу антибольшевистской Сибири, в декабре 1918 г. Павел Павлович как опытный военный инженер сразу же получил служебное назначение в качестве исправляющего должность начальника строительного отдела в Главном инженерном управлении (далее – ГИУ) Военного ведомства [19. Л. 17 об., 20 об.]. Стоит отметить, что часть штаб-офицеров, прибывших в конце 1918 г. в Омск из Казани с остатками армии Комуча, получили в подразделениях Военного ведомства весьма достойные управленческие посты [20. Л. 168].

Приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 17 июня 1919 г. Голышев был утвержден в названной должности с производством в полковники [19. Л. 55; 21. С. 3]. В колчаковской столице Павел Павлович оставался вплоть до начала ноября 1919 г. В составе ГИУ он был эвакуирован на восток, а в конце января 1920 г., находясь в Иркутске, как и многие другие высокопоставленные офицеры Белой армии, перешел на сторону антиколчаковских сил. Причем, судя по всему, положенную процедуру фильтрации органами ВЧК полковник Голышев если и проходил, то весьма быстро. Ведь уже в феврале 1920 г. бывший колчаковский штаб-офицер был назначен начальником инженерного управления при Иркутском губернском военкомате [15. Л. 4 об.; 22. Л. 2–3].

Отсутствие в нашем распоряжении дореволюционных документов о службе П.П. Голышева не позволяет детализировать многие факты его служебной биографии (в том числе производство в чины, получение наград, служебные переводы и т.п.). Павел Павлович, видимо, из-за опасений, в биографических документах впоследствии ничего подробно не писал о своей службе в антибольшевистской армии, скрывая, в частности, и получение в 1919 г. полковничьего чина.

Примечателен факт, что в бытность своей службы в советском Иркутске П.П. Голышев 20 марта 1920 г. совершил весьма смелый поступок. Он написал обращение в особый отдел ВЧК 5-й армии, в котором ходатайствовал о скорейшем освобождении генерал-майора Н.Н. Артамонова и генерал-майора А.М. Поспеева. Оба офицера были арестованы чекистами 16 марта 1920 г. за службу в колчаковской армии. Голышева поддержали еще два бывших военных инженера Белой армии, перешедших на сторону советской власти, – генерал-майор Н.Д. Дурново и подполковник В.С. Манассеин (сослуживцы П.П. Голышева по ГИУ в Омске) [13. С. 283–285]. И хотя это ходатайство никакого действия не возымело, подобный поступок в обстановке того времени, на наш взгляд, можно назвать весьма решительным действием, характеризующим нашего героя и его сослуживцев как достойных и честных людей.

В конце марта 1920 г. Павел Павлович был переведен из Иркутска в Красноярск на аналогичную должность – начальника инженерного управления, а с расформированием инженерного управления в Красноярске с 20 мая 1920 г. он вновь оказался в Омске в распоряжении Помгласнаба Сибири. С 1 июня 1920 г. Павел Павлович возглавил вновь образованное в Омске инженерное управление (позднее переименовано в Управление начальника инженеров Сибири). А 9 февраля 1921 г. П.П. Голышев получил назначение на пост начальника Окружного военно-инженерного управления (далее – ОВИУ). Прибыв к новому месту службы, Павел Голышев позаботился о назначении в подведомственные ему структуры тех людей, кому он доверял. Среди них был бывший полковник Белой армии В.И. Ивановский, о котором еще пойдет речь ниже [15. Л. 4 об.; 22. Л. 2–3; 23. Т. 3. Л. 409 об.; 24. Л. 233].

Советский Омск внес важные изменения в профессиональную деятельность военного инженера Голышева: он получил предложение читать лекции сразу от трех омских учебных заведений. В итоге основную военно-административную должность Павел Павлович успешно совмещал (с 6 июля 1920 г.) с теоретическими занятиями по электротехнике и строительному искусству в Высшей военной школы Сибири (далее – ВВШС). Также лекции по строительному искусству он читал студентам Омского сельскохозяйственного института (впоследствии – Сибака) (с 21 декабря 1920 г.) и Омского художественно-промышленного техникума (с 6 декабря 1921 г.) [15. Л. 1 об., 4 об.; 16. Л. 1 об., 3 об.].

Однако летом 1921 г. в жизни П.П. Голышева произошла череда неприятностей, повлекших очередные перемены в его профессиональной деятельности. На основании постановления Омской губернской ЧК

он 3 августа 1921 г. был арестован. Ему было предъявлено обвинение в преступлении по должности. В частности, П.П. Голышеву и двум его сослуживцам – Ф.Я. Габишеву и В.И. Ивановскому – инкриминировались саботаж и бездействие в отношении общего обустройства омских артиллерийских и взрывчатых складов, улучшения системы их сигнализации и охраны, нарушения правил хранения военного имущества и боеприпасов. Кроме того, в вину задержанным вменялось неисполнение предписаний, выданных еще осенью 1920 г. [23. Т. 1. Л. 8, 10, 11 об., 39, 40, 89; Т. 2. Л. 415].

Надо отметить, что все обвинения, предъявленные на следствии Павлу Павловичу, имели особую остроту. Это было связано с тем, что летом 1921 г. Омск находился на военном положении в связи с Западно-сибирским восстанием – масштабным антисоветским вооруженным выступлением, происходившим в январе–августе 1921 г. Представитель ВЧК по Сибири И.П. Павлуновский распорядился произвести по этому делу «строжайшее расследование». Следствием было установлено, что П.П. Голышев, несмотря на боевые приказы, отданные вышестоящим командованием (в том числе Центром), не производил никаких технических работ. Данный факт подтверждался показаниями нескольких свидетелей [23. Т. 1. Л. 52–79].

Обвиняемый, в свою очередь, указывал, что производство работ им действительно не было осуществлено. Но причиной тому стали недостаток времени, рабочей силы, снабжения материалами и неполнота его должностных компетенций как начальника ОВИУ [Там же. Л. 80–85]. В итоге, выдвинутое следствием обвинение было признано не вполне доказанным, но на основании постановления Омской губернской ЧК от 3 сентября 1921 г. дело было предписано продолжить следствием. При этом П.П. Голышев и арестованные вместе с ним сослуживцы 5 сентября 1921 г. были освобождены из-под стражи под подписку о невыезде [Там же. Л. 88].

Из известных нам документов следует, что еще 6 июля 1921 г. П.П. Голышев был уволен с военной службы по достижению им предельного возраста [15. Л. 4 об.; 22. Л. 2, 3]. Однако по имеющимся источникам нам так не удалось установить, действительно ли его увольнение из РККА произошло еще до ареста или же оно было спешно оформлено «задним числом».

В этой истории вызывает интерес еще один нюанс: нахождение нашего героя под арестом могло привести к сбою учебного процесса в ВВШС. А поэтому Павла Павловича, находившегося под стражей, все же отпускали в ВВШС для проведения положенных занятий, но только в сопровождении чекистов [23. Т. 1. Л. 31].

Омской губернской ЧК 3 декабря 1921 г. по делу П.П. Голышева, Ф.Я. Габишева и В.И. Иванковского было вынесено итоговое заключение. Вина подсудимых признавалась доказанной, а дело – законченным и подлежащим передаче на рассмотрение коллегии Омской губернской ЧК, которая, в свою очередь, постановила признать следственный материал законченным и передать его для разбора в Омский губернский революционный трибунал. Передача дела П.П. Голышева, Ф.Я. Габишева и В.И. Иванковского из

ЧК в трибунал была осуществлена 9 декабря 1921 г., однако следователи трибунала начали изучать материалы дела лишь 16 декабря [23. Т. 3. Л. 410 об.–414].

Следствие Омского революционного трибунала 27 декабря 1921 г. вынесло заключение по делу, в котором указывалось, что в ходе расследования чекисты не смогли установить истинной причины медлительности работ ОВИУ. В частности, не был получен ответ на важный вопрос: сказала ли здесь общая разруха или виной было именно бездействие обвиняемых (последнее осталось лишь предположением предварительного следствия). По мнению Омского революционного трибунала, в рассматриваемом объемном деле (порядка 500 листов) в итоге не содержалось конкретных данных, которые бы точно квалифицировали вину подсудимых. Опротестовав заключение Омской губернской ЧК, следствие Омского революционного трибунала настояло на прекращении дела по причине недоказанности обвинения. В конечном счете дело П.П. Голышева, Ф.Я. Габишева и В.И. Иванова 28 декабря 1921 г. было снято с повестки, а 4 января 1922 г. заключение следствия Омского революционного трибунала было окончательно утверждено и документально оформлено [Там же. Л. 415 об.–418].

Примечателен факт, что уже в наши дни прокуратурой Омской области дело в отношении П.П. Голышева и его коллег было пересмотрено. Правонарушение было признано общеуголовным, и на основании прокурорского заключения от 25 марта 2003 г. П.П. Голышев не был признан подлежащим реабилитации [Там же. Т. 1. Л. 1А].

Профессиональная деятельность П.П. Голышева после сентября 1921 г. была уже исключительно гражданской, хотя на военном учете командного состава РККА Павел Павлович продолжал состоять по возрасту вплоть до 1927 г. [16. Л. 3]. Основу его штатской жизни составляла педагогическая работа на кафедре строительного искусства Омского сельскохозяйственного института. С 3 октября 1928 г. П.П. Голышев получил должность доцента, с 12 июня 1930 г. он стал заведующим названной кафедрой, а с 1 октября того же года одновременно исполнял на кафедре должность профессора. Читая студентам лекции по инженерному искусству, он также стал автором ряда научных и методических публикаций, посвященных инженерному и строительному делу [Там же. Л. 1 об., 47].

Несмотря на все случившиеся коллизии, Голышев всегда исключительно положительно характеризовался по местам прохождения службы. Одна из таких характеристик, выданная ВВШС в начале 1920-х гг., сообщает нам о П.П. Голышеве следующее: «Хороший практик, знает свое дело, общительный, простой, любит общественность, как специалист может быть использован в учебном заведении» [15. Л. 3].

Однако Павел Павлович в 1920-е гг. был не только энергичным вузовским администратором, научным работником и лектором. Он остался верен своему кредо специалиста-практика. В частности, в 1928–1929 гг. под руководством инженера Голышева на территории, прилегающей к Сибака-ОмСХИ, было спроектировано и построено несколько зданий для нужд студенчества,

рабочих и служащих вуза. Среди этих построек – столовая, барак у клуба, гараж. Также в отдельных зданиях, принадлежавших вузу, по проектам П.П. Голышева был проведен водопровод, а в конюшне – отопление [16. Л. 3 об.; 22. Л. 4]. Кроме того, в 1920-е гг. П.П. Голышев являлся постоянным консультантом Сибметаллтреста. При его непосредственном участии в 1929 г. был возведен один из нынешних памятников архитектуры советского Омска – двухэтажный жилой дом-общежитие сотрудников Сибметаллтреста, исполненный в смешении архитектурных стилей модерна и конструктивизма. Также П.П. Голышев консультировал по инженерным вопросам представителей местных органов РКИ и ОГПУ [Там же. Л. 2А, 48].

Тем не менее благотворный и творческий для нашего героя период все же был омрачен фактами притеснения по политическому признаку. Отметим, что уже с начала 1920-х гг. работа органов государственной безопасности с бывшими белогвардейцами выделялась в одно из важных самостоятельных направлений деятельности, подразумевающая в данном случае персональный контроль над офицерами и военными чиновниками белой армии, оставшимися в советской России [25. С. 126–146, 220–221]. Так, с момента перехода на советскую службу военный инженер полковник Голышев как бывший белогвардеец состоял на особом учете в органах ВЧК-ОГПУ. Омским губернским военкоматом 2 января 1924 г. в Омский губернский отдел ОГПУ было направлено ходатайство о снятии П.П. Голышева с особого учета бывших белых как гражданина, политически благонадежного. В удовлетворении этого прошения было отказано [26. Д. 1. Т. 1. Л. 178; Д. 2. Л. 42]. Но, к сожалению, из-за крайне малого объема источников данный аспект биографии нашего героя более подробно изучить не удалось. Когда состоялось снятие П.П. Голышева с чекистского учета и состоялось ли оно в принципе – эти вопросы остались пока без ответа. В Историческом архиве Омской области имеются лишь упомянутые отрывочные источники. Учетно-проверочное дело бывшего офицера Белой армии П.П. Голышева, которое могло бы здесь многое осветить, в архиве УФСБ России по Омской области не сохранилось [27].

Так или иначе, но «чистки» совappарата с середины 1920-х гг. вошли в повседневную жизнь советского общества. Никто не был застрахован от персональной «чистки» со всеми вытекающими отсюда последствиями. В списках «вычищенных» в качестве «классово чуждых» можно найти представителей всех социальных слоев, а среди них – передовиков производства, ударников, активистов-общественников [28. С. 103]. Представители офицерства в тот период были массово подвержены лишению избирательных прав. Не миновала эта участь и П.П. Голышева: в начале 1927 г. он был лишен избирательных прав. Причину лишения по документам установить не удалось. По всей видимости, Павел Павлович мог войти в категорию лишенцев как бывший белый офицер. Однако практика показывает, что основанием для подобных мер в то время вполне мог послужить и донос [29. С. 171–172]. В вузовской среде в 1920-е гг. преподаватели и студенты

из числа бывших офицеров, юнкеров и военных чиновников Белой армии могли оказаться среди «вычищенных», а впоследствии и «лишенцев» [30. С. 392]. В то же время прецеденты, связанные с лишением бывших белогвардейцев избирательных прав, имели индивидуальные особенности [31].

«Лишенец» Голышев 5 марта 1927 г. обратился в Омскую окружную избирательную комиссию с ходатайством о его восстановлении в правах, приложив рекомендательные письма и характеристики с места работы. Нашему герою повезло: его прошение было удовлетворено. Постановлением Омской окружной избирательной комиссии от 8 мая 1927 г. П.П. Голышев был исключен из списков «лишенцев» [22. Л. 167 об.; 32. Л. 1 об.].

Очевидно, долгая, интенсивная и напряженная работа, а также описанные превратности судьбы отразились на здоровье П.П. Голышева. Еще в 1921 г., указывая в анкетных документах о состоянии своего самочувствия, он отмечал снижение остроты зрения и проблемы с ногами [15. Л. 1 об.]. 14 августа 1933 г. П.П. Голышев подал руководству вуза прошение о начислении ему пенсии ввиду преклонного возраста и болезненного состояния здоровья [16. Л. 64]. Однако желаемой отставки он, видимо, так и не получил: как следует из выявленных документов, Павел Павлович продолжал работать, пока был жив. В итоге до 67 лет он не дожил трех месяцев. Причиной смерти послужило внутримозговое кровоизлияние. Из последнего документа в личном деле П.П. Голышева следует: «...с 25 июля 1934 г. исключен из числа научных работников вуза в связи со смертью» [16. Л. 68].

В личном архиве москвички Н.Е. Колчановой (правнучки упомянутого выше Н.Н. Артамонова) сохранился уникальный документ, датируемый 26 июля 1934 г. Это небольшое письмо, адресованное сослуживцем П.П. Голышева по вузу, бывшим белым генералом Н.Н. Артамоновым своей дочери Наталье. В заключительном абзаце письма читаем (приведено в архивоведческой традиции): «Вчера[,] 25 июля[,] [1934 г.] умер П.П. Голышев, завтра его хоронят, пойду вместе с препод.[авателями] Сиб[ирской] сельскохозяйственной[академии] на его похороны. Чувствую себя как-то страшно тоскливо!» [33].

Как следует из приведенного источника, прах П.П. Голышева был предан земле 27 июля 1934 г. Хотя документально нам подтвердить не удалось, но с определенной вероятностью можно утверждать, что герой нашей статьи как сотрудник Сибак-ОмСХИ мог быть упокоен на небольшом кладбище, прилегавшем к территории названного вуза.

О семье П.П. Голышева нам удалось узнать весьма немного. В анкете 1921 г. он указывал жену-

домохозяйку Елену Ивановну, 47 лет. В тот же период у Павла Павловича были живы три сестры – Анна, 51 год (жила в Казани), Надежда, 48 лет (место жительства не указано), и Екатерина, 39 лет (жила в Екатеринбурге) [15. Л. 1]. Были ли рождены в брачном союзе Павла Павловича и Елены Ивановны Голышевых дети, нам выявить не удалось.

Досадная коллизия судьбы – зачастую столь колоритные и творческие личности, каким был герой нашего повествования, остаются без должной памяти потомков. Так, известно большое число публикаций, посвященных истории Сибак-ОмСХИ-ОмГАУ, но лишь в работе В.В. Червоненко весьма скромно упоминается инженер П.П. Голышев как организатор кафедры строительного дела и инженерных конструкций названного вуза [34. С. 196].

Подводя итоги исследования, стоит сказать, что, на наш взгляд, жизненный путь П.П. Голышева во многом выглядит показательным. Судьба героя статьи, ставшего «бывшим» в советском социуме, колоритно демонстрирует наряду с отражением военной истории особенности общественно-политической повседневности в период Гражданской войны и в первые годы после ее окончания. Положение представителей кадрового офицерства, оставшихся в советской России, – части интеллектуальной элиты общества – видится в этой связи весьма нестабильным и неоднозначным. Но, по нашему мнению, именно профессиональная специализация позволила П.П. Голышеву остаться «вне политики» (в том числе в период Гражданской войны). Ведь ему «повезло» уйти из жизни «вовремя» – накануне массовых репрессий, которые носили такой характер, что, очевиднее всего, не могли его не затронуть. Многие друзья и сослуживцы П.П. Голышева по военной и педагогической сферам (среди них были генерал-майоры Н.Н. Артамонов и Н.Е. Вараксин) в конце 1930-х гг. попали под жернова советской карательной системы [13. С. 290–291; 35. С. 379].

Как видно из анализа биографии нашего героя, он, несмотря на неоднократные политические притеснения, благодаря личной энергичности и обладанию востребованными инженерно-техническими знаниями все же смог найти себе в советской России достойное место и профессиональную реализацию одновременно как специалист-теоретик и практик, а научно-педагогические таланты П.П. Голышева позволили передать накопленный им опыт новым поколениям военных и гражданских инженеров.

Автор выражает благодарность заведующему Народным музеем истории ОмГАУ им. П.А. Столыпина О.А. Милиценко за содействие в подготовке данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котов А.С. Социальный состав советской интеллигенции в 1920-е гг. (на примере Череповецкой губернии и Череповецкого округа) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 6. С. 176–180.
2. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003. 247 с.
3. Абниякин Р.М. Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920–1930-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4. С. 47–52.
4. Ченская Т.В. Бывшие белые офицеры, состоящие на особом учете в Орловском губернском отделении ОГПУ // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 58–61.

5. Петин Д.И., Коновалова Н.А. Бывшие белые офицеры в зеркале массовых документов первых лет советской власти // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 ноября 2014 г.) / под ред. Д.И. Петина. Омск : Амфора, 2015. С. 125–131.
6. Варзаков И.В. Военная интеллигенция в белой борьбе на восточном фронте: штрихи к портрету // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 130–150.
7. Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 260–272.
8. Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 261–291.
9. Ганин А.В. Командарм Андрей Снесарев: ария восточного гостя // Родина. 2016. № 1. С. 36–39.
10. Каминский В.В. Генерального штаба генерал-майор М.Е. Солнышкин: от храброго терского казака и «мятежника-корниловца» к добросовестному служаке в провинциальных штабах Красной Армии. 1914–1924 гг. // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 132–144.
11. Каминский В.В., Веремченко В.А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 64–83.
12. Каминский В.В., Петин Д.И. Русский артиллерист А.В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 266–299.
13. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.
14. Гефнер О.В. У истоков сибирской геодезической науки: Никифор Демьянович Павлов (1867–1929) // Вестник Омского университета. 2014. № 2. С. 203–206.
15. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-318. Оп. 2. Д. 382.
16. ГИАОО. Ф. Р-492. Оп. 6. Д. 25.
17. ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 262.
18. Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус. 1813–1938. Шанхай : Изд. О-ва бывших воспитанников 1-го Сибирского Кадетского Корпуса в Шанхае, 1940. 415 с.
19. ГИАОО. Ф. Р-1781. Оп. 1. Д. 3.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 168.
21. Официальный отдел (продолжение) // Русская армия (Омск). 1919. 6 июля.
22. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 6.
23. ГИАОО. Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 1736.
24. ГИАОО. Ф. Р-1399. Оп. 1. Д. 2.
25. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск : ОмГТУ, 2017. 280 с.
26. ГИАОО. Ф. Р-1519. Оп. 1.
27. Письмо Управления ФСБ России по Омской области № 10/20/598 от 2 марта 2017 г. // Личный архив автора.
28. Смирнова Т.М. Чистки совпарбата как часть повседневности 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2009. № 3. С. 103–120.
29. Кладова Н.В. Донос как феномен массового политического поведения на завершающем этапе гражданской войны: психоаналитическая интерпретация // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 октября 2017 г.) / М-во культуры Ом. обл., БУ ИсА, М-во образования и науки Рос. Фед., ОмГТУ; редкол.: Д. И. Петин (отв. ред.) и др. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 171–174.
30. Строго секретно. Омское Прииртышье в политических информационных сводках 1920–1930 гг. : сб. документов. Омск : Мир увлечений, 2011. 592 с.
31. Стельмак М.М. Особенности возвращения избирательных прав лишенцам в 1920-е гг. // Чтобы это не повторилось : материалы конф. «Помня прошлое. 75 лет Большого террора». Омск : Центр развития общественных инициатив, 2012. С. 23–25.
32. ГИАОО. Ф. Р-270. Оп. 2. Д. 16.
33. Письмо Н.Н. Артамонова дочери Наталье (Омск). 26 июля 1934 г. // Личный архив Натальи Евгеньевны Колчановой (Москва).
34. Червоненко В.В. Очерки истории Омского сельскохозяйственного института (1918–1993) / под ред. Г.П. Сапрыгина. Омск : Изд-во ОмСХИ, 1994. 232 с.
35. Гуменюк А.Н. Н.Е. Вараксин. Инженер императорской армии – преподаватель советского худпрома // Четвертые Ядринцевские чтения : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России (30–31 октября 2017 г.) / отв. ред. П.П. Вибе. Омск : ОГИК музей, 2017. С. 375–379.

Dmitriy I. Petin, Omsk State Technical University, Historical archive of Omsk region (Omsk, Russia Federation). E-mail: dimario86@rambler.ru

MILITARY ENGINEER AND EDUCATOR COLONEL PAVEL PAVLOVICH GOLYSHEV: ASPECTS OF BIOGRAPHY AND PERFORMANCE

Key words: Civil war, white movement, Red Army, repression, Omsk, Kazan, genealogy.

In the article by the example of the fate of Colonel Pavel Pavlovich Golyshev, a military engineer and teacher who consistently served in the Russian Imperial, White and Red Armies, who later became a teacher of a civilian institute in Omsk, the problem of incorporating a representative of the “alien” category of “former people” into Soviet society is examined. Studying this question, modern historiography often turns to biographical research, which allows to more fully revealing the topic, touching on a maximum of various aspects of military, social and political history. Separate works on the life and professional path of the hero of the story, who participated in the first third of the twentieth century in the formation of the architectural appearance of the cities of Kazan and Omsk, do not exist.

The purpose of the study is to reconstruct the biography of P.P. Golyshev on the basis of historical sources identified by the author of the article. The use of the historical-biographical method as a key method in the preparation of a work is determined from its genre. Achieving the goal of the study is due to the solution of the following tasks: 1) to identify and comprehensively analyze available historical sources on the stated topic; 2) indicate the circumstances that influenced the formation of personality and professional path of the hero of the article; 3) to analyze the results of the life path of P.P. Golyshev, comparing with the fate of his colleagues in the military and civil service in Omsk.

The basis for the preparation of the study was unpublished sources from the funds of the Historical Archive of the Omsk Region, dating from the 1920s – the first half of the 1930s. The documents used have a high degree of representativeness. They are part of two personal files of the hero of the article, in the investigation file of the Omsk Provincial Revolutionary Tribunal, in materials on the special account of the OGPU of the ex-whites, depriving Omsk residents of suffrage.

In the course of the study, the theoretical and practical contribution of P.P. Golyshev in the development of civil engineering was emphasized. The fate of the hero of the article, who became a “former” in Soviet society, shows, along with a reflection of the military history, peculiarities of the social and political everyday life of our society during the Civil War and in the first years after its end. As

can be seen from the analysis of the revealed sources, the hero of the article, despite repeated political oppression, thanks to his personal energy and possession of the required engineering and technical knowledge, was nevertheless able to find a worthy place and professional implementation in Soviet Russia. But, according to the author, it was professional specialization that allowed the hero of the article to remain “outside of politics”, and P.P. Golyshev was allowed to pass on his experience to new generations of military and civil engineers.

REFERENCES

1. Kotov, A.S. (2013) Sotsial'nyy sostav sovetskoy intelligentsii v 1920-e gg. (na primere Cherepovetskoj gubernii i Cherepovetskogo okruga) [The social composition of the Soviet intelligentsia in the 1920s. (a case study of Cherepovets province and Cherepovets district)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*. 6. pp. 176–180.
2. Smirnova, T.M. (2003) “Byvshie lyudi” Sovetskoy Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integratsii. 1917–1936 gody [“Former people” of Soviet Russia. Survival strategies and integration paths. 1917–1936]. Moscow: Mir istorii.
3. Abinyakin, R.M. (2013) Nastroeniya byvshikh ofitserov na sluzhbe RKKA v 1920–1930 e gg. [The mood of the former officers in the service of the Red Army in the 1920–1930s]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes of Orel State University*. 4. pp. 47–52.
4. Chenskaya, T.V. (2016) Byvshie belye ofitsery, sostoyashchie na osobom uchete v Orlovskom gubernskom otdelenii OGPU [Former white officers registered at the Oryol Provincial Department of the OGPU]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2. pp. 58–61.
5. Petin, D.I. & Kononova, N.A. (2015) Byvshie belye ofitsery v zerkale massovykh dokumentov pervykh let sovetskoy vlasti [Former White officers in mass documents of the first Soviet years]. In: Petin, D.I. (ed.) *Grazhdanskaya vojna na vostoche Rossii: ob'ektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie* [Civil War in the Russian East: An Objective View Through the Documentary Heritage]. Omsk: Amfora. pp. 125–131.
6. Varzakov, I.V. (2013) Voennaya intelligentsiya v beloy bor'be na vostochnom fronte: shtrikhi k portretu [The military intelligentsia in the white struggle on the eastern front: strokes for the portrait]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 1. pp. 130–150.
7. Ganin, A.V. (2014a) An archival investigation case of the military researcher A.A. Svechin in 1931–1932. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 2. pp. 260–272. (In Russian).
8. Ganin, A.V. (2014b) An archival investigation case of the military researcher A.A. Svechin in 1931–1932. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 3. pp. 261–291. (In Russian).
9. Ganin, A.V. (2016) Komandarm Andrey Snesarev: ariya vostochnogo gostya [Commander Andrei Snesarev: Oriental guest's aria]. *Rodina*. 1. pp. 36–39.
10. Kaminsky, V.V. (2014) The General Staff, Major-General M. E. Solnyshkin: from brave Terek Cossacks and “rebel-Korniloviets” to the conscientious campaigner in the provincial headquarters Red Army. 1914–1924. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 3. pp. 132–144.
11. Kaminsky, V.V. & Veremenko, V.A. (2016) The Noble Family Baranovskiy at the Turn of the Epoch. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 3. pp. 64–83. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.304
12. Kaminsky, V.V. & Petin, D.I. (2016) Russian Gunner A.V. Beklemishev at Serve of Four Armies: Experience of a Historical and Biographical Study. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 3. pp. 266–299. (In Russian).
13. Petin, D.I. & Kaminsky, V.V. (2017) General-Major of the General Staff N.N. Artamonov (1872–1937): A Biography in Light of New Sources. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 3. pp. 274–300. (In Russian).
14. Gefner, O.V. (2014) At the origin of Siberian geodesic science: Nikifor Demianovich Pavlov (1867–1929). *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 2. pp. 203–206. (In Russian).
15. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund R-318. List 2. File 382.
16. The Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund R-492. List 6. File 25.
17. The Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund 19. List 1. File 262.
18. Anon. (1940) *Pervyy Sibirskiy Imperatora Aleksandra I kadetskii korpus. 1813–1938* [The First Siberian Emperor Alexander I Cadet Corps. 1813–1938]. Shanghai: The Society of Former Pupils of the 1st Siberian Cadet Corps in Shanghai.
19. The Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund R-1781. List 1. File 3.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 2. File 168.
21. Anon. (1919) Ofitsial'nyy otdel (prodolzhenie) [The official department (continued)]. *Russkaya armiya (Omsk)*. 6th July.
22. The Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund R-235. List 7. File 6.
23. The Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund R-239. List 1. File 1736.
24. The Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund R-1399. List 1. File 2.
25. Vasilevsky, V.P. & Sushko, A.V. (2017) “Strazhi revolyutsii”: organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'e [“Guardians of the Revolution”: Organs of the GPU – OGPU in the Omsk Irtysh Land]. Omsk: Omsk State Technical University.
26. The Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund R-1519. List 1.
27. FSB of Russia. (2017) *Pis'mo Upravleniya FSB Rossii po Omskoy oblasti № 10/20/598 ot 2 marta 2017 g.* [Letter of the Office of the FSB of Russia in Omsk Region No. 10/20/598 of March 2, 2017]. [Author's personal archive].
28. Smirnova, T.M. (2009) Purges of the Soviet state apparatus as factor of everyday life in the 1920–1930s. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – Rudn Journal of Russian History*. 3. pp. 103–120.
29. Kladova, N.V. (2017) Donos kak fenomen massovogo politicheskogo povedeniya na zavershayushchem etape grazhdanskoy voyny: psikhooanaliticheskaya interpretatsiya [The denunciation as a phenomenon of mass political behavior at the final stage of the civil war: a psychoanalytic interpretation]. In: Petin, D.I. et al. (eds) *Grazhdanskaya vojna na vostoche Rossii: ob'ektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie* [Civil War in the Russian East: An Objective View Through the Documentary Heritage]. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 171–174.
30. Anon. (2011) *Strogo sekretno. Omskoe Priirtysh'e v politicheskikh informatsionnykh svodkakh 1920–1930 gg. Sbornik dokumentov* [Top Secret. Omsk Irtysh Region in the political information bulletins of 1920–1930. A Collection of Documents]. Omsk: Mir uvlecheniy.
31. Stelmak, M.M. (2012) [The return of suffrage to the deprived in the 1920s]. *Chtoby eto ne povtorilos': Pomnaya proshloe. 75 let Bol'shogo terror* [That this will not happen again: Remembering the past 75 years of the Great Terror]. Proc. of the Conference. Omsk: Tsentr razvitiya obshchestvennykh initsiativ. pp. 23–25. (In Russian).
32. The Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund R-270. List 2. File 16.
33. Artamonov, N.N. (1934) *Pis'mo N.N. Artamonova docheri Natal'e (Omsk). 26 iyulya 1934 g.* [N.N. Artamonov's letter to his daughter Natalia (Omsk). July 26, 1934]. N.E. Kolchaninova's personal archive.
34. Chervonenko, V.V. (1994) *Ocherki istorii Omskogo sel'skokhozyaystvennogo instituta (1918–1993)* [Essays on the history of Omsk Agricultural Institute (1918–1993)]. Omsk: Omsk Agricultural Institute.
35. Gumenyuk, A.N. (2014) [N.E. Varaksin. Engineer of the Imperial Army – the teacher of the Soviet art industry]. *Chetvertye Yadrintsevskie chteniya* [The Fourth Yadrintsev Readings]. Proc. of the Fourth All-Russian Conference. Omsk. October 30–31, 2017. Omsk: OGIK. pp. 375–379. (In Russian).

УДК 94(4), 94(5)
DOI: 10.17223/19988613/65/6

В.В. Романова

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И ЕВРОПЕЙСКИЕ ЕВРЕИ В ГОДЫ НАЦИЗМА (1933–1945)

Освещается малоисследованный в отечественной историографии сюжет о роли Дальнего Востока в судьбе европейского еврейства в годы нацизма. Автор рассматривает позицию властей Японии, которые, несмотря на союзнические отношения с нацистской Германией, еврейских беженцев не преследовали, хотя и не оказывали им какой-либо существенной поддержки. В результате, несмотря на огромные трудности, некоторая, весьма немногочисленная, часть европейских евреев нашла убежище на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: евреи; нацизм; Европа; СССР; Дальний Восток.

В современной отечественной историографии истории евреев в трагические 1933–1945 гг. наиболее полно, насколько это позволяют источники, исследованы события, разворачивавшиеся в Европе, что совершенно понятно. Именно этот континент, демонстрировавший впечатляющие успехи в области культуры, науки, экономики, социальных и политических преобразований, стал ареной беспрецедентного этнического геноцида – тотального истребления евреев, осуществлявшегося нацистской Германией и ее приспешниками во многих странах Европы. Истребления, ставшего возможным в том числе при попустительстве правящих элит, нежелании, а потом и невозможности предотвратить трагедию, масштабы которой никто не мог предвидеть.

Между тем часть страниц этого периода истории европейского еврейства связана с Дальним Востоком. Как известно, с приходом Гитлера к власти в 1933 г. в Германии началась политика государственного антисемитизма, но, преследуя евреев, в первые годы правительство поощряло их выезд из страны.

В этой связи определенный резонанс вызвало сообщение, опубликованное в конце 1933 г. в Харбине газетой «Еврейская жизнь», издававшейся местной еврейской общиной. Речь шла о беседе сотрудника агентства «Эксцендж Телеграф» с П.Г. Смидовичем, возглавлявшим Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (Комзет) при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР, в ходе которой последний заявил о готовности Советского Союза предоставить убежище немецким евреям. «Если этот проект будет принят, – отметил Смидович, – СССР предложит новым эмигрантам образовать автономную республику на территории Биробиджана». Он не отрицал, что осуществление проекта будет связано с большими трудностями, но считал, что их «можно преодолеть, если руководители мирового еврейства пожелают оказать содействие колонизации Биробиджана» [1. С. 22–23].

Здесь следует напомнить, что в еще в марте 1928 г. советским руководством было принято решение о выделении на Дальнем Востоке Биробиджанского района для хозяйственного освоения «трудящимися евреями».

Поначалу переселение шло достаточно вяло. Дальний Восток рассматривался в качестве одного, но отнюдь не главного объекта еврейской колонизации наряду с областями степной Украины, Крыма и др. Ситуация резко изменилась в 1931 г., когда Япония оккупировала Маньчжурию и ввела туда Квантунскую армию. Стратегическое значение выделенной территории, находившейся как раз напротив, резко возросло. Это обусловило необходимость интенсификации ее заселения и хозяйственного освоения. Потребовалась масштабная кампания по пропаганде «биробиджанского проекта». Евреев агитировали за переезд на Дальний Восток, суля им не только широкие экономические возможности, но и перспективу создания там собственной государственности.

Существенной составной частью реализации советского проекта, противопоставлявшегося «палестинизму», была организация финансовой и моральной поддержки со стороны левых кругов зарубежной еврейской диаспоры. Эта задача возлагалась на учрежденный наряду с Комзетом Общественный комитет по земельному устройству трудящихся евреев (ОЗЕТ) во главе с Ю. Лариным (М.З. Лурье). При содействии Коминтерна ОЗЕТом стали создаваться соответствующие организации. Вскоре, они действовали в 20 странах мира [2. Л. 14–15]. Первоначально в советских планах «землеустройства трудящихся евреев» непосредственное привлечение на Дальний Восток иностранцев не предусматривалось. Однако вскоре советское руководство изменило свою позицию. Во многих странах местные группы содействия советским планам еврейской колонизации развернули кампанию по созданию групп переселенцев в Биробиджан, которая на первых порах давала определенные результаты. На пожертвования покупались тракторы, инструменты, медицинское оборудование и т.д., которые везли с собой отъезжавшие [3. Л. 116]. Контрольные цифры по «переселению в Биробиджан из-за границы еврейских рабочих» включались в планы работы ОЗЕТа [4. Л. 2]. Известно, что за период с 1 января по 24 августа 1932 г. в Биробиджан прибыли 586 человек [5. Л. 18]. Однако вскоре большинство из них покинули Дальний Восток. Причиной тому в первую очередь стал высо-

кий уровень ожиданий прибывших, сформированный соответствующей пропагандой. Действительность оказалась совсем иной: климатические условия были очень суровыми, земли сильно заболоченными, жилья катастрофически не хватало, а то, что имелось, не соответствовало не только санитарно-гигиеническим нормам, но и местным погодным условиям. Отсутствовала квалифицированная медицинская помощь. Было очевидно, что колонизация требовала огромных финансовых и людских ресурсов, которых не хватало.

Ставка большевиков на зарубежные левые еврейские организации была закономерной, но не приносила больших денег, и даже наоборот, требовала вложений в проводимые пропагандистские акции. Приход к власти в Германии Гитлера менял ситуацию. Советское руководство увидело возможности для привлечения в «биробиджанский проект» средств крупных еврейских благотворительных организаций. Очевидно, что принятие ЦИК СССР 7 мая 1934 г. постановления о преобразовании еврейского национального района в Еврейскую автономную область (ЕАО) в составе Дальневосточного края имело и внешнеполитический контекст. Здесь следует напомнить, что уже к концу 1934 г. Германию были вынуждены покинуть 60 тыс. евреев, и только 17 тыс. из них смогла принять Палестина. Остальные пытались осесть в странах Европы и США, которые не спешили распахнуть свои границы для еврейских эмигрантов [6. С. 119]. В этих условиях часть вполне респектабельных еврейских кругов за рубежом проявила интерес к советскому проекту.

В декабре 1934 г. вице-председатель палаты лордов британского парламента лорд Д. Марлей, председатель Международного комитета помощи жертвам германского нацизма, выступил с меморандумом, в котором призвал советское правительство установить хотя бы небольшую квоту для евреев из разных стран на переселение в ЕАО [7. Л. 23]. Особый отклик советское предложение вызвало в США. В 1934 г. по инициативе конгрессмена У. Кохена там была создана специальная организация – Комитет содействия Биробиджану, получившая название «Амбиджан» [8. Р. 5]. Она стала заниматься распространением информации о ЕАО и сбором средств для оказания ей финансовой помощи.

Известия о намерениях советского правительства несколько изменили негативную прежде позицию в вопросе об еврейской колонизации на Дальнем Востоке американского Агро-Джойнта. В 1934 г. в Биробиджан приезжал ее представитель Д. Розен, и, хотя перспективы освоения территории он оценивал не так оптимистично, как многие его соотечественники, вскоре организация начала поставки машин и оборудования в ЕАО.

В августе 1935 г. представители Амбиджана посетили Москву, где встретились с председателем Комзета С.Е. Чуцкаевым, сменившим на этом посту П.Г. Смидовича, и передали письмо, в котором запрашивалась информация по целому ряду вопросов, связанных с переселением в ЕАО. В официальном ответе Чуцкаев сообщал, что в 1936 г. предполагалось «принять около тысячи семей (или несколько тысяч человек), в первую очередь рабочих различных квалификаций, могущих

найти работу в Еврейской автономной области, из Польши, Литвы, Латвии, причем не исключается возможность приема в небольшом количестве рабочих и специалистов из других стран». Как видим, немецкие евреи не упоминаются вовсе, но и не исключается предположение об их возможном приеме. С.Е. Чуцкаев сообщал также, что все подробные условия переселения, а также даты его начала находятся в стадии разработки и «своевременно будут опубликованы». Вместе с тем он заявил, что «все допущенные к переселению лица должны принять советское гражданство, будучи еще за границей», они должны сами либо за счет благотворительных организаций оплачивать переезд в СССР и иметь при себе на семью или одного человека без семьи «250 рублей золотом или равной сумме в иностранной валюте». Этот ответ удовлетворил американцев [9. Р. 13]. Заручившись поддержкой Комзета, Амбиджан развернул в США активную работу по сбору денежных средств для потенциальных переселенцев из Европы на советский Дальний Восток.

К этому времени деятельность многих зарубежных организаций содействия ОЗЕТу сошла на нет. Некоторые из них были закрыты властями, как, например, польский «Агроид», другие перестали существовать вследствие отсутствия поддержки. Это затрудняло для желавших переехать в ЕАО возможность организационной и финансовой помощи. Нередко имели место случаи, когда люди приезжали в Биробиджан по линии «Интуриста», на месте принимали советское гражданство и оставались на жительство. Таким образом, например, в 1935 г. переехали 13 туристов из Литвы. В том же году прибыли евреи из Польши, Австрии, Чехословакии [10. Л. 48]. Однако неизвестно, сколько из них покинули область. Отток иностранцев особенно усилился после вышедшего в сентябре 1935 г. постановления Совнаркома «Об утверждении правил о порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное жительство в ЕАО», в соответствии с которым все въезжавшие должны были принять советское гражданство. Причем они должны были дать письменное обязательство работать в ЕАО в местах, указанных Комзетом и облисполкомом, в течение не менее трех лет на общепоставленных условиях переселения граждан СССР [11. С. 109]. Трудно определить, сколько иностранцев покинули область после этого постановления, но, по воспоминаниям прибывшего из США в Биробиджан Я. Гуревича, они составили большинство прибывших [12].

Тем не менее в январе 1936 г. в газете «Observer» (г. Нэшвил, штат Теннесси) была опубликована весьма характерная статья Дж. Маркуса, одного из крупных специалистов США в области внешней торговли. В ней автор, описывая тяжелую ситуацию, в которой оказались евреи Восточной Европы, называет создание в Советском Союзе «Еврейской автономной республики... лучом надежды, засиявшим в казавшейся безнадежной ситуации». Маркус утверждал, что «как только леса будут раскорчеваны пионерами переселения с помощью современной техники, выделенной советским правительством, как только земли будут подготовлены еврейскими фермерами, а также построены

дороги и дома, многим и многим тысячам нерусских евреев будет позволено приехать на свою новую Родину» [13. Л. 88]. Трудно понять, чего больше в этой статье: незнания реальной ситуации, сложившейся в Биробиджане и вокруг него, или стремления выдать желаемое за действительное. Не исключено, что комплементарный тон статьи имел наивную цель подвинуть советскую сторону на более активные действия в желаемом направлении.

В том же году состоялось выступление по радио конгрессмена В. Маркантонио на тему «Антисемитизм и Биробиджан», в котором он сообщал о благородных намерениях советского правительства и призывал слушателей сдавать деньги для переезда еврейских семей из Польши, Германии и Прибалтики в Биробиджан [14. Р. 11].

В марте 1936 г., очевидно, с целью выяснения соответствующей позиции советской стороны Амбиджаном в Вашингтоне был устроен обед в честь полпреда СССР в США А. Трояновского. На нем присутствовали 700 представителей общественных и политических кругов страны. Были оглашены приветствия министра почт США, ряда сенаторов, губернатора Нью-Йорка. Однако в информации об этом событии, помещенной в «Известиях ВЦИК», ничего не сообщалось о столь волновавшей американцев проблеме европейских евреев [15]. Вскоре, 12 апреля 1936 г., Амбиджан направляет советскому правительству заявление о положении еврейских граждан в странах фашистских режимов, в котором выражалась надежда на возможность их переселения в Биробиджан. Оно осталось без ответа, как и другое, от 4 августа 1937 г., в котором, в частности, отмечалось: «Американский комитет снова обращает внимание Комзета и через него советского правительства на критическое положение евреев в фашистских странах. В этих условиях даже самые скромные начинания в деле переселения некоторых из этих евреев в Еврейскую автономную область будут приняты не только нашей организацией, но и общественным мнением вообще как большой и щедрый жест, обнадеживающий и ободряющий все демократические силы, озабоченные судьбой евреев, как символ просвещенной политики советского правительства в отношении национальных и расовых меньшинств» [16. Л. 3].

«Большой и щедрый жест» советского правительства был встречен с энтузиазмом американской левой еврейской организацией «Икор», оказывавшей активную помощь «биробиджанскому проекту» с самого начала. Главным направлением ее деятельности в этот период становится популяризация, как считалось, решения советского правительства в отношении восточноевропейских евреев. Необходимо было внушить потенциальным переселенцам, что в ЕАО их ждут замечательные перспективы. В течение 1937 г. издававшийся Икором журнал «Nailebn» публиковал серию очерков о семьях, выехавших в начале 1930-х гг. из США в Биробиджан и принявших советское гражданство. Все они, как отмечалось в публикации, прекрасно устроились на новом месте, обеспечили себе и своим детям уверенность в завтрашнем дне [17].

В начале декабря 1937 г. уже Икор устраивает в Вашингтоне встречу с А. Трояновским, на которой советский дипломат, как утверждал «Nailebn», подтвердил намерение СССР принять польских и литовских евреев, как только будут созданы для этого условия [18. Р. 11].

Между тем в том же году НКВД стал составлять подробные списки евреев, прибывших в ЕАО из-за рубежа, начались фабрикация дел. Обвинения были традиционными для тех лет: шпионаж в пользу той или иной капиталистической державы, контрреволюционная и подрывная деятельность, саботаж. Так, в 1938 г. была «разоблачена» якобы шпионская организация, действовавшая, как указывалось в деле, «по инструкциям германской и польской разведок». Среди обвиняемых были и евреи, прибывшие из Европы. Спасшись от нацизма, они стали жертвами сталинского террора.

Заключенный в 1939 г. пакт Молотова-Риббентропа и начавшаяся вскоре Вторая мировая война окончательно сняли с повестки вопрос об использовании советской еврейской автономии на Дальнем Востоке для спасения европейских евреев. Хотя здесь следует отметить, что руководство нацистской Германии такой возможности, разумеется, исходя из собственной мотивации, не исключало и в начале 1940 г. Об этом свидетельствует записка, направленная В.М. Молотову начальником Переселенческого управления при СНК СССР Е.М. Чекменевым 9 февраля 1940 г. Приведем ее полностью: «Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского Переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР – конкретно в Биробиджан и Западную Украину. По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские. Считаем, что предложения указанных Переселенческих бюро не могут быть приняты. Прошу указаний. Приложение на 6 листах» [19. Л. 1]. (При этом указанное в документе приложение в архивном деле отсутствует, так же как и запрашивавшиеся указания.) Как видим, евреи в этом перечне не упоминаются, хотя к этому времени уже были широко известны и «хрустальная ночь» в Германии, и действия нацистов в отношении евреев Австрии, Чехословакии, Польши и других стран.

Таким образом, «биробиджанский проект» так и не сыграл существенной роли в деле спасения евреев Европы от надвигавшейся трагедии. Тем не менее в предвоенные годы Советский Союз внес в него определенный вклад. Речь идет о транзитных перевозках Транссибом еврейских беженцев, которые устремились на Дальний Восток в поисках спасения. Ситуация в Европе осложнялась, опасность для евреев неуклонно нарастала, а возможности для спасения сужались. Как известно, состоявшаяся в июле 1938 г. Эвианская конференция с участием представителей 32 стран, решавшая вопросы помощи еврейским беженцам, положительных результатов практически не дала. Из всех участников только Доминиканская Республика согла-

силась на прием беженцев [20]. С ноября 1938 г. еврейские беженцы из европейских стран стали прибывать на Дальний Восток [21. С. 15]. Значительное их число направлялось в китайский Шанхай, где имелся Международный селтльмент. Въезд в него не требовал виз.

Здесь следует отметить, что, несмотря на установление союзнических отношений с нацистской Германией в рамках заключенного в ноябре 1936 г. Антикоминтерновского пакта, Япония, оккупировавшая Маньчжурию, а затем в ходе Японо-китайской войны Шанхай и другие города, не преследовала евреев на захваченных территориях. В самой Японии их было не так много, но они присутствовали на территории Китая. В Шанхае существовали сефардская и ашкеназийская общины. Имелись еврейские общины и в Маньчжурии, на территории бывшей полосы отчуждения КВЖД, состоявшие, главным образом, из выходцев из России.

Японское правительство не сразу выработало свою позицию в вопросе о еврейских беженцах. Наконец к декабрю 1938 г. официальный Токио определился. На состоявшемся совещании руководителей пяти ведущих министерств Японии были одобрены сформулированные военным министром Итагаки Сэйсиро принципы политики в отношении евреев, как проживавших в Японии, Маньчжурии и Китае, так и беженцев из Европы. Что касается последних, то к ним предписывалось применять иммиграционные правила, общие для всех иностранцев [22. Р. 111].

Путь многих беженцев, ехавших на Дальний Восток, лежал далее через созданное Японией в 1932 г. марионеточное государство Маньчжоу-Го. Японские военные не позволяли беженцам селиться на его территории, но разрешали им краткую остановку по пути следования. И здесь прибывавшие всегда встречали помощь и поддержку своих соплеменников. Особенно активной в этом направлении была деятельность самой многочисленной и влиятельной местной общины – харбинской. Ее в течение многих лет возглавлял доктор А.И. Кауфман – талантливый организатор, убежденный сионист, принимавший в студенческие годы, проведенные в Швейцарии, активное участие в международной сионистской деятельности и знакомый со многими выдающимися еврейскими фигурами своего времени. В 1937 г., понятно, что с одобрения японцев, в Харбине был создан Национальный совет еврейских общин Дальнего Востока во главе с А.И. Кауфманом. Авторитет А.И. Кауфмана среди японцев, его талант организатора и высокие моральные качества сыграли огромную роль в деле помощи европейским собратьям, приехавшим на Дальний Восток в поисках спасения.

Вот как описывал прием одной из групп, прибывшей в Харбин, журнал «Еврейская жизнь» в декабре 1938 г.: «Местная еврейская общественность приняла горячее участие в судьбе этих несчастных людей, жертв антисемитизма. Исполнительный комитет Национального совета и комиссия помощи беженцам при Национальном совете организовали всю помощь им, начиная от встречи на вокзале и кончая их отъездом из Харбина. Еврейская столовая, комиссия во гла-

ве с председательствующим С.З. Гинзбургом и дамами-членами комиссии оказали им помощь пищей – прекрасный горячий ужин и обед. Беженцам была также оказана помощь одеждой, бельем и обувью, а также им выдали материальную помощь на путевые расходы». Нередко приезжие, вынужденные задерживаться на 2–3 дня в городе, гостили в еврейских семьях, получая все необходимое, в том числе медицинскую помощь [23. С. 91].

Прибывавшие в Шанхай еврейские беженцы селились на территории Международного селтльмента, французской концессии, а также в районе Хонкью, находившемся под японской юрисдикцией. На первых порах они не знали правовых ограничений. Были созданы комитеты помощи. Местные общины, как сефардская, так и ашкеназийская (последнюю возглавлял бывший житель Владивостока Б.Л. Радомышельский), а также общины Харбина, Тяньцзина, Дайрена и других городов Маньчжурии, состоявшие, как отмечалось, в основном из российских евреев-эмигрантов, оказывали им посильную поддержку. Существенной была поступающая из-за рубежа помощь от еврейских благотворительных организаций, а также от родственников, проживавших в более благополучных странах.

Сами беженцы показали довольно высокую степень самоорганизации. Среди них много было людей образованных, творческих. Оказавшиеся в Шанхае в большом количестве музыканты, певцы, художники активно включились в культурную жизнь города, придав ей новое, европейское звучание. В городе издавалось несколько еврейских «беженских» газет на немецком языке, функционировали синагоги, национальные школы, Еврейский народный университет.

Сюда же перенесли свою деятельность некоторые международные еврейские организации, например Центральное еврейское международное бюро, Общество ремесленного труда. Последним были открыты различные курсы: столярные, слесарные, кройки и шитья и др. [24. С. 18]. Посещавшие их беженцы приобретали новые профессии в надежде найти работу. Люди пытались трудоустроиться, своими силами обеспечивали порядок в общественных местах, организовывали различные спортивные секции, музыкальные и артистические кружки – изо всех сил старались не падать духом. Но ситуация быстро ухудшалась. Прибытие большого числа беженцев создало для города массу проблем, с которыми все труднее было справляться. В этой связи в конце 1938 г. муниципальный совет Международного селтльмента Шанхая рекомендовал властям запретить еврейским беженцам въезд в город. Но МИД Японии не поддержал это решение как противоречившее его позиции в «еврейском вопросе». Вместе с тем в высших кругах страны не было единства взглядов на эту проблему, к тому же все больше ощущалось давление Германии.

Вскоре, в августе 1939 г., незадолго до начала Второй мировой войны, МИД Японии разослал всем генеральным консулам письма, в которых сообщалось об изменении официальной позиции в отношении еврейских беженцев: дальнейшая иммиграция на все оккупированные территории объявлялась нежелательной,

для тех, кто въехал ранее, обязательной стала регистрация [25. Р. 116]. Это решение было позитивно воспринято как муниципальным советом сэттльмента, так и французской концессией. Однако на деле еврейская иммиграция, хотя и в меньших масштабах, продолжалась. Очевидно, какой-то, очень незначительной, части беженцев все-таки удалось осесть в Маньчжоу-Го. Так, «Еврейская жизнь» сообщала о «поступлении в Харбин» в 1939 г. 168 беженцев [21. С. 17].

С нападением 1 сентября 1939 г. Германии на Польшу, на территории которой исторически проживала значительная часть европейского еврейства, беженский поток в Европе возрос. Однако бежать практически было некуда. В этих условиях путь через территорию СССР остался для некоторой части еврейских беженцев единственной возможностью вырваться из Европы и попасть на Дальний Восток. Далее многие из них собирались выехать в США через Японию или Китай, хотя американские иммиграционные квоты были весьма жесткими [26]; кто-то надеялся устроиться в Шанхае, некоторые стремились в Палестину.

В конце 1939 г. перед НКВД СССР был поставлен вопрос о возможности транзитного проезда через советскую территорию еврейских беженцев из Польши, а также евреев, проживавших в Прибалтийских странах. Советская сторона дала согласие на пропуск нескольких тысяч беженцев. В докладной на имя наркома иностранных дел В.М. Молотова его заместитель В.Г. Деканозов 21 апреля 1940 г. сообщал: «Учитывая, что НКВД в принципе не возражает против организации транзита указанных евреев через СССР, что этот вопрос несколько раз ставился не только самими транзитниками и “Интуристом”, но и по инициативе иностранных правительств, и, наконец, что при существующей ситуации транзит через СССР является не только кратчайшим, но и наиболее безопасным путем следования в Палестину, я полагаю бы возможным разрешить “Интуристу” принять на себя организацию транзита евреев в Палестину через СССР...» [27. С. 156]. Указание на Палестину как конечную цель беженцев выглядит несколько странным, поскольку еще в 1939 г. британские власти резко ограничили въезд евреев на ее территорию. Однако следует отметить, что, несмотря на жесткое противодействие Великобритании, рядом еврейских организаций осуществлялась нелегальная иммиграция в Палестину, продолжавшаяся всю войну, к чему СССР не имел отношения [28. С. 127–130].

Дальний Восток оставался для евреев Европы одной из немногих надежд на спасение. Но с расширением военных действий добираться до него становилось все труднее. Количество беженцев существенно сократилось. После вступления в войну в июне 1940 г. Италии закрылась паромная линия «Генуя–Шанхай». Огромной проблемой было получение транзитной визы. Кроме того, как писала в июле 1940 г. «Еврейская жизнь», бесподанные, а также находившиеся в оккупированной Польше не имели права проезда через СССР; через территорию Маньчжоу-Го не могли ехать те, кто получил разрешение на въезд Международного сэттльмента Шанхая [29. С. 13]. Самыми удачливыми

были обладатели виз США и стран Латинской Америки, сумевшие заранее купить оплачивавшиеся, как правило, Джойнтом билеты на пароход, что обеспечивало получение транзитных виз в Европе. Видимо, этим объясняется то обстоятельство, что они составляли в этот период большую часть приехавших на Дальний Восток. Так, например, в середине июля 1940 г. из 169 человек, проследовавших транзитом через Харбин, 140 направлялись через Иокогаму в Америку [30. С. 15]. Они также делали остановку в японском Кобэ, где их встречали и оказывали необходимое содействие представители местной еврейской общины [31. С. 3].

Летом 1940 г. СССР присоединил, как известно, Эстонию, Латвию и Литву, и в июле советское правительство потребовало, чтобы все иностранные дипломаты, находившиеся в прибалтийских республиках, выехали из страны. Японское консульство в Литве получило разрешение на продление своей работы на месяц, до 5 сентября 1940 г. [27. С. 157]. На этот месяц приходится самоотверженная деятельность японского вице-консула в Каунасе Т. Сугихара, спасшего немало жизней [32. С. 184–200]. Советские власти обещали беженцам транзитную визу при условии, что у них будет японская.

Началась дипломатическая подготовка к транзиту через СССР этой группы беженцев. Первоначально предусматривалась их перевозка по Транссибу до Владивостока, где они должны были пересаживаться на японские судна и следовать дальше. Вскоре советским должностным лицам стало понятно, что для города это будет непростой проблемой. В этой связи японской стороне было предложено часть пассажиров доставлять не во Владивосток, а до границы с Маньчжоу-Го, откуда они смогли бы въехать в Японию. Это стало темой беседы заведующего консульским отделом НКВД Г.Н. Зарубина с первым секретарем посольства Японии в Москве К. Сайто 1 и 22 февраля 1941 г. Речь шла, по словам советского дипломата, о 700–800 беженцах. Предполагалось, что «они будут следовать группами по 50–100 человек и должны будут проехать в марте–апреле» [33. Л. 39]. И хотя японская сторона обещала содействие, проблемы начались уже с первой группой, прибывшей во Владивосток. 2 марта 1941 г. японский пароход «Амакуса-мару» забрал там 416 беженцев для последующей отправки в Америку. 13 марта судно прибыло в порт Кобэ, однако японские власти не разрешили высадиться 74 из них ввиду проблем с документами. Капитану судна было приказано отправить их обратно во Владивосток, а «японскому консулу было дано указание впредь таких пассажиров не направлять в японские порты». Следующую группу из 100 человек японские власти принять отказались [Там же. Л. 86].

Пароход «Амакуса-мару» 18 марта привез 74 беженца обратно во Владивосток, но местные власти не разрешили спустить их на берег ввиду того, что «транзитные визы... были оформлены правильно и никаких оснований для выводов к высадке их капитаном заявлено не было». На помощь пришел американский консул. В результате 21 марта 1941 г. «Амакуса-мару»

забрал обратно всех находившихся на борту беженцев, а также еще 115 человек и отбыл в Цуругу. Однако японский МИД был недоволен. 26 марта представителю советского полпредства был заявлен протест по поводу того, что советские власти во Владивостоке отказались принять обратно 74 беженца. Ему сообщили, что с очередным пароходом во Владивосток будет возвращено 8 человек с просьбой не отправлять их обратно в Японию, и что на японские пароходы будут допускаться только те эмигранты, которые в своих паспортах будут иметь особую отметку японского консула [33. Л. 87]. Американский консул во Владивостоке также отказался впредь выдавать въездные визы эмигрантам, направлявшимся в США, ссылаясь на то, что этот вопрос находится в компетенции американского посольства в Москве и американского консульства в Токио [Там же. Л. 88].

Ситуация для советской стороны складывалась непростая. Во Владивостоке скопились 166 человек беженцев [Там же]. Как сообщал заместитель председателя правления «Интуриста» Алимов нарком внешней торговли СССР А.И. Микояну, прося о поддержке, эта «группа загрузила гостиницу и затрудняет обслуживание и размещение проезжающих через Владивосток иностранцев, не говоря уже о нежелательности такого длительного пребывания группы иностранцев в пограничном городе» [27. С. 174].

О состоянии несчастных беженцев не поднимал вопрос никто из чиновников – как советских, так и иностранных. Но, в отличие от других стран, в СССР в силу известных причин совершенно исключалась помощь им со стороны местного еврейского населения, что делало ситуацию еще более драматичной. Один из беженцев, проезжавший транзитом через Владивосток и встречавшийся с застрявшими там собратьями по несчастью, писал: «Отчаявшиеся беженцы во Владивостоке терпели нужду и голод. Денег у них нет. Прожить день – для них целая проблема. Так жили в городе, как на острове, без друзей, без связи с миром». Они вынуждены были регулярно ходить на вокзал, где делал остановку поезд, везший беженцев в Японию, и просить деньги, зная, что их все равно следует оставлять в СССР. А еще они передавали телеграммы еврейской общине Кобэ [34. С. 11].

Для разрешения возникшей во Владивостоке проблемы 26 марта 1941 г. врио зав. консульским отделом МИДа В.А. Беляев имел встречу с секретарем японского посольства Сумино и просил ускорить отправку всех, кто имел японские визы. В дневнике советского дипломата имеется любопытный фрагмент записи этой беседы: «Сумино обещал о моей просьбе доложить начальству. Затем он полушутя, полусерьезно сказал – а может быть, советские власти разрешат этим лицам поселиться в Биробиджане, они бы очень помогли выполнению там плана. Я ответил, что, во-первых, эти лица не ставят этого вопроса, а во-вторых, Биробиджан не нуждается в чьей бы то ни было посторонней помощи для выполнения своего плана» [33. Л. 59]. Спустя несколько дней, 1 апреля, Г.Н. Зарубин вновь встречался с Сумино по его просьбе для решения вопроса о находившихся во Владивостоке «транзитных

пассажирах-эмигрантах». Понятие «еврейские беженцы» чиновниками в беседах деликатно не использовалось. Сумино сообщил советскому дипломату, что «таких транзитных пассажиров-эмигрантов в настоящее время в Японии скопилось свыше двух тысяч и что вследствие изменения порядка въезда в страны, куда они следуют, все эти эмигранты в Японии и выехать никуда не могут, и их никто не принимает, поэтому японское правительство не знает, что с ними сейчас делать, и оно вынуждено было принять меры к сокращению дальнейшего въезда их в Японию» [Там же. Л. 65].

На самом деле в это время в Кобэ скопилось большая группа польских евреев. Малочисленная городская еврейская община оказалась не в состоянии оказать им необходимую помощь и обратилась в Национальный Совет евреев Дальнего Востока с просьбой собрать для них одежду. 14 марта 1941 г. «Еврейская жизнь» опубликовала на своей первой странице обращение под заголовком «Помогите!». В нем указывалось, что эти люди были вынуждены находиться в Японии в ожидании визы уже несколько месяцев и пребывали в ужасном состоянии: «Они бежали без оглядки, лишь бы спасти свою жизнь. Они бросили все на произвол судьбы. Без средств, без всего. Они нашли временный приют в Вильне. Но изменились условия и в литовской Вильне, и они бегут дальше!.. Американские еврейские организации “Джойнт” и “Хиас” несут о них большие заботы, хлопоча о визах, давая средства на билеты, но большинство из них босы и голы. Им нужны одежда, обувь, белье. Эту заботу должны взять на себя мы, дальневосточные евреи. Мы должны протянуть им братскую руку помощи». И, следует отметить, российские евреи, проживавшие в Маньчжурии, оказывали им посильную помощь, как и беженцам, находившимся в Шанхае. Несмотря на ограничения въезда, по состоянию на 1 января 1941 г. в этом городе проживали около 25 тыс. еврейских беженцев из Европы, и их положение было весьма тяжелым [35. С. 22]. Однако проблемы этих несчастных советские официальные лица, понятно, не интересовали. В упоминавшейся выше дневниковой записи беседы от 1 апреля 1941 г. Г.Н. Зарубин так описал свою реакцию на жалобы японского дипломата по поводу сложной ситуации с еврейскими беженцами: «Я ответил Сумино, что нас не касается, что думать делать японское правительство с уже находящимися эмигрантами в Японии, – это дело самих японцев, и подтвердил свое категорическое требование из Владивостока лиц, имеющих транзитные визы, вывезти с первым же пароходом» [33. Л. 65]. Действительно, главной была задача как можно скорее передать их Японии. Ситуация была разрешена в начале апреля 1941 г., когда большая часть беженцев, имевших японские визы, покинула Советский Союз. Как сообщал дипагент НКВД из Владивостока 9 апреля, в городе оставались еще 55 человек, имевших въездные визы в США и Чили, в Шанхай и следовавших на голландский остров Кюрасао. Последний пароход с еврейскими беженцами из Владивостока отправился в Японию 20 июня 1941 г. [Там же. Л. 89]. Начало Великой Отечествен-

ной войны стало и началом массового истребления евреев. Практически все дороги к спасению были отрезаны.

В декабре 1941 г. нападением на американскую базу Пёрл-Харбор Япония развязала войну против США. Военные полностью оккупировали Шанхай, и все граждане, имевшие паспорта стран-противников, в том числе евреи, были интернированы в специальные лагеря. Это не затронуло жителей Французской концессии, так как правительство Виши было союзником Германии.

С началом войны на Тихом океане положение еврейских беженцев стало стремительно ухудшаться. Сократилась, а затем и вовсе прекратилась помощь со стороны американского Джойнта. Возможности самостоятельно зарабатывать на жизнь постоянно сужались. Большинство беженцев не могли обходиться без помощи благотворительных организаций и специальных беженских комитетов, средства которых быстро таяли. Ситуация обострялась. Ее достаточно красноречиво характеризуют названия статей в «Еврейской жизни»: «Помогите! (К катастрофическому положению еврейских беженцев в Шанхае)» – январь 1942 г.; «В Шанхае беженская проблема вновь обостряется. (На помощь от Джойнта рассчитывать не приходится. – Средства всех беженских организаций подходят к концу. – Беженские госпитали закрываются. – Прекращается помощь продовольствием)» – июль 1942 г.; «Жатва смерти среди еврейских беженцев Шанхая» – сентябрь 1942 г.

Одновременно Япония изменила политику по отношению к евреям, принципы которой были сформулированы на совещании пяти министров в декабре 1938 г. В начале 1942 г. министр иностранных дел страны проинформировал японских дипломатов, находившихся в Маньчжурии, Пекине, Шанхае и Нанкине, о том, что к германским евреям следует относиться как к лицам без гражданства (т.е. «беспаспортным»), евреям из нейтральных стран в случае, если они могут быть полезными Японии, демонстрировать дружелюбие, за остальными необходимо тщательно наблюдать, чтобы исключить шпионаж. Окончательно точка зрения официального Токио определилась в марте того же года. В соответствии с ней еврейским беженцам, за небольшим исключением, запрещался въезд на территории, находившиеся под контролем Японии. За всеми евреями надлежало тщательно наблюдать с целью предотвращения враждебных действий. При этом отмечалось, что абсолютно негативная позиция по отношению к евреям противоречила бы принципам «Восемь углов мира под одной крышей» (т.е. под гуманным управлением японского императора), а потому недопустима [25. Р. 120].

В феврале 1943 г. японские власти объявили о том, что до 18 мая все евреи без гражданства (так называемые «беспаспортные»), прибывшие в Шанхай до 1937 г., должны переселиться в район Хонкью и не покидать его без специального разрешения, в противном случае их ожидало наказание. К этой категории относились почти 20 тыс. беженцев. Это были в основном германские и австрийские евреи, а также граждане тех госу-

дарств, которые, как считали японцы, прекратили свое существование – Польши, Чехословакии, Латвии, Эстонии и Литвы. Китайскому населению Хонкью было предписано освободить места для беженцев [36. С. 11]. В издававшейся в Шанхае еврейской газете «Наша жизнь» 14 мая 1943 г. было опубликовано специальное разъяснение директора созданного японцами бюро по делам беспаспортных беженцев Т. Куботы. В нем утверждалось, что «район ограниченного жительства не является ни гетто, ни тюрьмой, но районом, в котором беженцев ждет будущее, в котором они смогут создать себе убежище для мирного жительства и личного благополучия» [37. С. 73]. За отказ переселиться в «убежище для мирного жительства» грозил арест. Скорее всего, решение о переселении в гетто беженцев, проживавших в Шанхае, было принято под давлением нацистской Германии. Кроме того, в условиях войны для японского руководства отпала необходимость оглядываться на общественное мнение США и рассчитывать на еврейские капиталы. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что созданное японцами гетто (а они всячески избегали употребления этого термина) имело мало общего с созданными нацистами на территории Европы. Тем не менее охрану вокруг «ограниченного района» несли японские солдаты, и для выхода необходимо было получить специальное разрешение. С 11 часов вечера действовал комендантский час. Жизнь в гетто, по многочисленным воспоминаниям его бывших обитателей, была тяжелой: холодные зимы и удушающая летняя жара, антисанитарные условия, ветхие здания без водопровода и канализации, перенаселенные сверх предела. По мере расширения военных действий она становилась все трудней. В среде беженцев свирепствовали холера, дизентерия и брюшной тиф. Постоянно росла нищета. Многие скончались в результате болезней и хронического недоедания [38. С. 21–22].

В конце июля 1945 г. в Шанхай проникли первые сообщения о Холокосте в Европе. Они вызвали ужас среди евреев. В Хонкью стали циркулировать слухи о том, что согласно союзническому договору с нацистской Германией японцы уничтожат его обитателей, но это не имело под собой никаких оснований. В августе от российских евреев стало известно о вторжении советских войск в Маньчжурию и об атомной бомбардировке Хиросимы. День, когда произошла капитуляция Японии, завершил существование еврейского гетто Хонкью. Но его обитатели не сразу покинули Шанхай. Большинству из них ехать было некуда. На стенах домов в Хонкью Красный Крест и Еврейское агентство вывешивали длинные скорбные списки жертв геноцида. Ошеломляющее впечатление на всех произвели демонстрировавшиеся в городе американские фильмы об освобождении нацистских концлагерей. Только теперь еврейские беженцы стали осознавать глубину и масштабы произошедшей трагедии. Они поняли, что, несмотря на все перенесенные страдания, лишения и трудности, пребывание на Дальнем Востоке спасло им жизнь.

Таким образом, Дальний Восток в рассматриваемый период дал очень небольшой части европейского

еврейства шанс на выживание. К сожалению, несмотря на создание на советском Дальнем Востоке ЕАО, эта территория не стала убежищем для беженцев европейских государств, хотя объективно спасла часть евреев, переехавших туда из западных областей Советского Союза. Вместе с тем, территория СССР стала транзитом для нескольких тысяч европейских евреев, спасавшихся от нацизма. Предоставляя им проезд по Транссибу до Владивостока, в Москве исходили, очевидно, из целого ряда соображений, в том числе финансовых и внешнеполитических. Вопрос о мотивах

советского руководства требует дополнительного исследования, особенно в контексте отношений СССР с Японией в указанный период. Вместе с тем, как это ни парадоксально, шанс на спасение немногочисленные еврейские беженцы из стран Европы, добравшиеся до Дальнего Востока, получили в Китае, оккупированном Японией. Несмотря на союзнические отношения с нацистской Германией, правящие круги этой страны не проводили антисемитскую политику по многим причинам, хотя в их ряду сострадание к гонимым не значилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еврейская жизнь. 1933. № 44-45.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9498. Оп. 1. Д. 269.
3. Государственный архив Еврейской автономной области (ГА ЕАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 412.
4. ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 70.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 459.
6. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М. : Междунар. отношения, 2003. 784 с.
7. ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 459.
8. Архив YIVO. Нью-Йорк, США // Birobidjan and the Jews in the Post-War World. New York, 1943. P. 5.
9. American Jewish Archives. Цинциннати, США // Marcus Collection. Ambijan Bulletin. 1947. Vol. VI, April, № 3.
10. ГАРФ. Ф. 7541. Оп. 1. Д. 815.
11. Вайсерман Д. Как это было? Биробиджан, 1993. 224 с.
12. Личный архив автора.
13. ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 439.
14. Nailebn. 1936. September.
15. Известия ВЦИК. 1936. 15 марта.
16. ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 95.
17. Rovner A. Pen Portraits of American Jews in Birobidjan // Nailebn. 1937. April.
18. Nailebn. 1938. March.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 489.
20. Эвианская конференция // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/holocaust/14977/> (дата обращения: 30.07.2019).
21. Еврейская жизнь. 1940. № 1-2.
22. Goodman D., Miyazawa M. Jews in the Japanese Mind: the History and Uses of Cultural Stereotype. New York, 1995. 360 p.
23. Фридман М. Харбинская еврейская община под руководством д-ра А.И. Кауфмана // Бюллетень Иудей Син. Тель-Авив, 1999. № 361.
24. Изгур А. Шанхай – дальневосточный еврейский центр // Еврейская жизнь. 1941. № 50-51.
25. Krebs G. The «Jewish Problem» in Japanese-German Relations, 1933–1945 // Japan in Fascist Era / ed. by B. Reynolds. New York – Hampshire, 2004. P. 107–132.
26. Беженцы // The Holocaust Encyclopedia // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/refugees> (дата обращения: 31.07.2019).
27. Гусева Е. Японский Валленберг // Международная жизнь. 2013. Сентябрь.
28. Масюкова И.В. Еврейская иммиграция в Палестину в контексте Второй мировой войны // Палестина и Израиль от Второй мировой войны до наших дней / отв. ред. Т.А. Карасова; ред. Д.А. Марьяс. М. : ИВ РАН, 2006. С. 119–133.
29. Еврейская жизнь. 1940. № 29.
30. Еврейская жизнь. 1940. № 30.
31. Еврейская жизнь. 1940. № 28.
32. Альтман И.А. Праведник народов мира Чинэ Сугихара // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 184–203.
33. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 0146. Оп. 24. П. 227. Д. 46.
34. Беркович А. От Ковно до Шанхая // Еврейская жизнь. 1943. № 7.
35. Гинзбург А. Эмигрантская еврейская колония в Шанхае // Еврейская жизнь. 1941. № 11.
36. Росс Дж. Шанхайское гетто // БИИС. 2007. № 394.
37. БИИС. 2001. № 369.
38. Фишков С. В ожидании окончания войны // БИИС. 2003. № 377.

Viktoria V. Romanova, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, the Ministry of Health of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: victoryarom@yandex.ru

THE FAR EAST AND EUROPEAN JEWS DURING THE NAZI PERIOD (1933-1945)

Keywords: Jews, Nazism, Europe, USSR, Far East.

The paper examines a little-studied story about the role of the Far East in the destiny of European Jews during the tragic years of Nazism. The author uses declassified files from federal and regional archives in Russia, i.e. The State Archive of the Russian Federation, The Russian State Archive of Socio-Political History, The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, The State Archive of the Khabarovsk Territory, The State Archive of the Jewish Autonomous Region, as well as the Jewish periodicals from the international archives, namely The Association of Former Jewish Residents of China in Israel 'Igud Yotzei Sin' (Tel-Aviv), YIVO (New York) and the American Jewish Archives (Cincinnati).

After Adolf Hitler came to power in Germany in 1933, the Soviet leadership saw a chance for attracting more support for a Jewish autonomy in the Soviet Far East, and promised to accept a certain number of Jews from Europe. This attracted interest from a number of representatives of international Jewish diaspora, who were negative about the "Birobidzhan project" before. Now they hoped to save at least a part of the Jews from the mortal danger, while the most of countries were reluctant to accept these refugees. Nevertheless, this

hopeful promise of Soviet leadership was not delivered mostly due to the political regime that took shape in the USSR. At the same time, the Soviet Union allowed the transfer of Jewish refugees via its territory to Japan, China and other countries. The Jews were transported by the Trans-Siberian Railway network to Vladivostok, and then boarded to the Japanese vessels.

Despite the allied relations with Nazi Germany, Japanese authorities did not pursue an anti-Semitic policy due to both historical and political reasons. The Japanese military on the occupied territories neither persecuted the Jewish refugees, nor provided a substantial support to them.

A special attention is paid to the destiny of European Jews, who reached Shanghai and settled there. The local and international Jewish organizations provided charity support for 20 thousand of refugees settled in the city. Despite harsh material conditions, the refugees were not discriminated. However, presumably under the pressure of Germany the Japanese occupation authorities eventually created the ghetto in 1943. It had nothing in common with the ghettos in Europe, although it was a sore trial for its inhabitants. At the same time, through all the hardships at the Far East, their lives were saved.

Thus, the Far East turned to be a region, where some of European Jews could find a refuge during the above-mentioned period. Moscow did not carry out its initial pledge to accept a part of the refugees in the newly established Jewish Autonomous Region. Nevertheless, the USSR authorities provided and secured their transit via the Soviet territory, therefore helping them to save lives. The position taken by Japan in the "Jewish question" also was a significant chance for their salvation. At the same time, only philanthropic organizations and Jewish communities in China focused their efforts and did as much as they could for the support and help to the Jewish refugees, appeared in the Far East.

REFERENCES

1. *Evreyskaya zhizn'*. (1933). № 44-45.
2. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9498. List 1. File 269.
3. The State Archive of the Jewish Autonomous Region (GA EAO). Fund 1. List 1. File 412.
4. The State Archive of the Russian Federation. Fund 9498. List1. File 70.
5. The State Archive of the Khabarovsk Territory (GAKhK) Fund 2. List 1. File 459.
6. Kostyrchenko, G.V. (2003) *Taynaya politika Stalina: vlast' i antisemitizm* [Stalin's Secret Policy: Power and Anti-Semitism]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
7. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9498. List 1. File 459.
8. Anon. (1943) *Birobidjan and the Jews in the Post-War World* [Birobidjan and the Jews in the Post-War World]. The YIVO Archive. New York, USA. pp. 5.
9. American Jewish Archives. Tsintsinnati, SShA. Marcus Collection. Ambijan Bulletin. 1947. April. Vol. VI. No. 3.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7541. List 1. File 815.
11. Weiserman, D. (1993) *Kak eto bylo?* [How was it?]. Birobidzhan: [s.n.].
12. Author's personal archive.
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9498. List 1. File 439.
14. *Nailebn*. (1936). September.
15. *Izvestiya VTsIK*. (1936). 15th March.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9498. List 1. File 95.
17. Rovner, A. (1937) Pen Portraits of American Jews in Birobidja. *Nailebn*. April.
18. *Nailebn*. (193). March.
19. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 82. List 2. File 489.
20. Anon. (n.d.) *Evianskaya konferentsiya* [The Evian Conference]. In: Pratt, N. (ed.) *Elektronnaya evreyskaya entsiklopediya* [Electronic Jewish Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://eleven.co.il/jewish-history/holocaust/14977/> (Accessed: 30th July 2019).
21. *Evreyskaya zhizn'*. (1940a) 1-2.
22. Goodman, D. & Miyazawa, M. (1995) *Jews in the Japanese Mind: the History and Uses of Cultural Stereotype*. New York: Lexington Books.
23. Fridman, M. (1999) Kharbinskaya evreyskaya obshchina pod rukovodstvom d-ra A.I. Kaufmana [Harbin Jewish Community led by Dr. A.I. Kaufman]. *Byulleten' Iotsey Sin*. 361.
24. Izgur, A. (1941) Shankhay – dal'nevostochnyy evreyskiy tsentr [Shanghai – Far Eastern Jewish Center]. *Evreyskaya zhizn'*. 50-51.
25. Krebs, G. (2004) The Jewish Problem in Japanese-German Relations, 1933–1945. In: Bruce Reynolds, E. (ed.) *Japan in Fascist Era*. New York; Hampshire: Springer. pp. 107–132.
26. Anon. (n.d.) *Bezhtensy. The Holocaust Encyclopedia* [Refugees. The Holocaust Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/refugees>. (Accessed: 31st July 2019)
27. Guseva, E. (2013) Yaponskiy Vallenberg [Japanese Wallenberg]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. September.
28. Masyukova, I.V. (2006) *Evreyskaya immigratsiya v Palestinu v kontekste Vtoroy mirovoy voyny* [Jewish immigration to Palestine in the context of World War II]. In: Karasova, T.A. (ed.) *Palestina i Izrail' ot Vtoroy mirovoy voyny do nashikh dney* [Palestine and Israel from World War II to the present day]. Moscow: RAS. pp. 119–133
29. *Evreyskaya zhizn'*. (1940b). 29.
30. *Evreyskaya zhizn'*. (1940c). 30.
31. *Evreyskaya zhizn'*. (1940d). 28.
32. Altman, I.A. (2014) Pravednik narodov mira Chiune Sugikharu [The Righteous Among the Nations of the World Chiune Sugihara]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 5. pp. 184–203.
33. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 0146. List 24. 227. File 46.
34. Berkovich, A. (1943) Ot Kovno do Shankhaya [From Kovno to Shanghai]. *Evreyskaya zhizn'*. 7.
35. Ginzburg, A. (1941) Emigrantskaya evreyskaya koloniya v Shankhae [Emigrant Jewish colony in Shanghai]. *Evreyskaya zhizn'*. 11.
36. Ross, J. (2007) Shankhayskoe getto [Shanghai Ghetto]. *BIIS*. 394.
37. *BIIS*. (2001) 369.
38. Fishkov, S. (2003) V ozhidanii okonchaniya voyny [Waiting for the end of the war]. *BIIS*. 377.

И.С. Соловенко, А.А. Рожков, Т.А. Коркина, О.Т. Лойко

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРНЫХ ИНЖЕНЕРОВ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРИОД «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07350.

Рассматривается такой важный фактор повышения эффективности и конкурентоспособности угольной промышленности, как интеллектуально-инновационный потенциал горных инженеров. Делается вывод о том, что в 1985–1991 гг. потенциал горных инженеров все больше ориентировался на поиск новых форм и методов повышения эффективности и конкурентоспособности шахт и разрезов, без которых был бы невозможен переход к рыночным отношениям.

Ключевые слова: СССР; «перестройка»; научно-технический прогресс; интеллект; инновации; горные инженеры; угольная промышленность.

Термины «инновации», «инновационное развитие», «инновационный потенциал», «человеческий капитал», «интеллектуальный потенциал» и другие близкие к ним по сути понятия сегодня активно используются научным сообществом. Между тем внимание к ним отечественных исследователей явно недостаточно, несмотря на то, что данные термины и связанные с ними направления научно-производственной работы стали актуальными еще в годы «перестройки». Особое место здесь занимает угольная промышленность, которая являлась базовой отраслью народного хозяйства и обладала уже серьезным багажом достижений в области инновационной деятельности. Главными проводниками данной деятельности являлись горные инженеры, что объясняет существенный интерес к этой социально-профессиональной группе. Понятие «интеллектуально-инновационный потенциал горных инженеров» появилось не так давно [1]. Под ним авторы статьи понимают сочетание профессиональных знаний и опыта, деловых качеств и возможностей, позволяющих генерировать и находить идеи, направленные на инновационное развитие горного дела и повышение конкурентоспособности как своей деятельности, так и предприятия. Содержание данного понятия определило основные направления изучения интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров в непростое время «перестроечных» реформ.

Недооценка отечественными учеными-историками заявленной проблемы объясняется в том числе инерционным вниманием к ней со стороны представителей других наук, и не только социальных, но также технических, естественных и др. К примеру, тема внедрения инноваций на уровне угледобывающего предприятия впервые была рассмотрена только в конце 1990-х гг. [2]. В отраслевом масштабе данная проблема впервые поднимается лишь в 2004 г. [3]. Между тем это не значит, что внимание ученых-историков не было приковано к вопросам внедрения в годы «перестройки» в

производственно-экономическую деятельность шахт и разрезов научно-технических разработок, которые подчас имели инновационный характер. Наоборот, эта информация занимала значительный объем содержания, который в том числе имел положительный пропагандистский характер. Данная тематика в основном получала отражение в обобщающих трудах по истории угольной промышленности, которые имели как общегосударственный масштаб [4], так и границы отдельных углепромышленных регионов [5, 6] и даже отдельных горных вузов [7]. Эти исследования в своем анализе выходят далеко за рамки рассматриваемого периода, что позволяет сравнить научно-технический, инновационный потенциал горных инженеров в «доперестроечное» и «постперестроечное» время.

Особую ценность представляют труды отдельных экспертов, в которых отражены конкретные проблемы формирования интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров в последние годы существования СССР: научно-техническая политика партии в угольной промышленности страны [8], стратегия развития научно-исследовательских институтов угольного профиля [9], подготовка инженерных кадров в технических вузах [10] и др. Весьма непростой период в истории угольной промышленности СССР сквозь призму воспоминаний описывает известный ученый и государственный деятель 1990-х гг. академик РАН Ю.Н. Малышев. В его «Записках горного инженера» [11] встречается критическая информация о ситуации в производственно-экономической деятельности шахт и разрезов, но немало высказывается и лестных слов о достижениях инженерной мысли советской эпохи, подчеркивается важная роль государства в решении системных задач угольной промышленности.

На основании анализа степени изученности поднимаемой проблемы можно сделать вывод о том, что интерес к ней именно ученых-историков до сих пор остается крайне низким. За исключением диссертации

В.П. Машковского [8], вопросы реализации интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров в угольной промышленности последних лет СССР рассматривались ими фрагментарно и косвенно, в основном в рамках обобщающих трудов. Соответственно, целью данной статьи является выявление основных тенденций и особенностей формирования и реализации интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров, которые определяли эффективность угольной промышленности в период «перестройки».

Хронологические рамки статьи охватывают период «перестройки» – 1985–1991 гг. Вместе с тем в содержании делается значительный акцент на момент первого упоминания термина «инновации» в экономической политике нашей страны – это 1989 г. [12. Л. 82]. С целью более качественного использования сравнительно-исторического метода авторы часто прибегают к более углубленному историческому анализу, крайне необходимому для понимания природы достижений и проблем в области формирования и развития интеллектуально-инновационного потенциала советских горных инженеров. Несмотря на то, что термин «инновации» не использовался до конца 1980-х гг., это не значит, что данного феномена не существовало. То, что мы сегодня называем инновациями, в советское время, как правило, именовалось важными изобретениями, серьезными рационализаторскими предложениями, прорывными технологиями и т.п. И сегодня любая инновация в угольной промышленности тесно связана с этими «советскими» понятиями. Единственное, что отличает современные «инновации» и советские «нововведения», – это коммерциализация, которая сегодня является неотъемлемым элементом любой инновационной деятельности [13. С. 4]. Между тем и в советское время любое научно-техническое достижение инновационного типа обязано было иметь экономический и материальный эффект.

Методологической основой исследования является теория модернизации, благодаря которой возможен эффективный сравнительный анализ макроэкономических и социальных процессов, в том числе и в международном масштабе [14]. Макроэкономический кризис эпохи «перестройки» выявил технологическую отсталость СССР от мировых экономик и дефицит внутренних возможностей социально-экономической модернизации, важность большей ориентации на стандарты и помощь развитых стран мира. Накануне либеральных реформ фактором экономического сдерживания выглядела государственная поддержка неконкурентоспособных и дотируемых отраслей народного хозяйства [15], в первую очередь такой базовой, как угольная промышленность. В то время как в странах Запада в конце XX в. происходил динамичный переход от индустриального к постиндустриальному типу, структура советского научно-технического комплекса оставалась практически неизменной, адаптированной к индустриальному, а не постиндустриальному обществу и прежней советской административной системе [16. С. 36]. Тем не менее в последние годы советской власти горным инженерам приходилось решать задачи не только индустриального, но и постиндустриального

развития. Это существенным образом осложнило их производственно-экономическую и научную деятельность. Однако они сумели создать условия перехода угольной промышленности на рыночные рельсы развития в менее болезненном формате, чем в других отраслях экономики. Основой такого успеха мы считаем мощный интеллектуально-инновационный потенциал советских горных инженеров, который был в большей мере подвержен научным факторам воздействия, а не политическим или каким-либо другим.

Источниковой базой исследования стали документальные материалы федеральных архивохранилищ, нормативно-правовые документы органов власти и управления, а также статистика. К сожалению, содержание архивных документов весьма скромно касается проблемы интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров, прежде всего в связи со «свежим» характером рассматриваемого периода и отсутствием в них обязательной отчетности по тем вопросам, которые имеют прямое отношение к поднимаемой проблеме. Более четкое представление о месте и роли интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров в повышении конкурентоспособности угольной промышленности дают нормативно-правовые документы, которые, как правило, размещены на официальных сайтах органов власти и управления, а также аналитических организаций. Однако основная масса данных документов относится к более позднему периоду. Доказательная база нашей статьи также опирается на показатели статистики, которые в достаточном количестве представлены в информационно богатой книге «История угледобычи в России» [4]. В целом, несмотря на некоторые ограничения параметров нашей источниковой базы, она вполне достаточна для определения основных тенденций и особенностей формирования, а также реализации интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров в сфере угледобычи в период «перестройки».

Проблема формирования и реализации интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров в наибольшей мере проявилась в 1970–1980-е гг. Нелзя утверждать, что страны Запада тогда имели уверенное преимущество в сравнении с ситуацией в СССР. В указанный период, например, США укрепляли свои позиции в мировой угледобыче в основном за счет роста конкурентных преимуществ горного машиностроения [Там же. С. 296]. В отличие от американских коллег, которые внедряли принципиально новую технику, советские инженеры преимущественно совершенствовали уже используемую [17. Л. 341]. По другим направлениям инженерной деятельности (проектирование, новые технологии добычи и т.п.) заметное преимущество у западных инженеров отсутствовало. Мало того, по некоторым направлениям производственно-экономической деятельности советские горные инженеры имели более высокие достижения. Это относится к управлению угледобывающими предприятиями, созданию новых высокотехнологичных продуктов угледобычи (например, водоугольное топливо), шахтостроению, новым технологиям угледобычи (идея о «безлюдной» выемке, гидродобыча, криволи-

нейные пространственно-планировочные решения) [11. С. 51, 177; 18. Л. 42; 19. С. 48–49 и др.].

К началу «перестроечного» периода в угольной промышленности СССР, благодаря усилиям горных инженеров – конструкторов и технологов, была завершена интенсификация развития отрасли на базе комплексной механизации и автоматизации производственных процессов добычи угля подземным способом. Удельный вес добычи угля из лав, оборудованных отечественными механизированными комплексами, составил в 1985 г. 73,1%, а общий уровень механизированного проведения подготовительных горных выработок по сравнению с 1965 г. повысился с 41,2 до 83,3%, в том числе с применением проходческих комбайнов советского производства – с 6,8 до 43,1%. Были построены и введены в строй крупнейшие шахты страны – «Распадская» проектной мощностью 6 млн т угля в год в Кузбассе, «Воргашорская» № 1 – 4,5 млн т в Печорском угольном бассейне и др. [4. С. 234–235].

Еще более значительных успехов горные инженеры добились в области добычи угля открытым способом. За этот период она возросла с 24,3 до 41,9%. На разрезах начали внедрять более мощную технику: высокопроизводительные роторные экскаваторы, драглайны с ковшами вместимостью от 10 до 20 м³, комплексы горно-транспортного оборудования непрерывного действия производительностью до 5 000 м³/ч и другое мощное отечественное оборудование. Добыча угля значительно возрастала благодаря введению в строй таких крупных высокомеханизированных угольных разрезов, как «Бородинский» и «Березовский» № 1 с годовой производственной мощностью от 20 до 30 млн т (первые очереди КАТЭКа), «Богатырь» (55 млн т угля в год) в Экибастузе, «Нерюнгринский» в Якутии и др. Благодаря применению роторных экскаваторов (ЭРП-2500, ЭРШРД-5000) произошел рост доли открытого способа добычи угля в отрасли с 33,8 до 50,8%, т.е. в 1,6 раза [Там же. С. 420–421]. И это далеко не все результаты достижений советской инженерной мысли 1980-х гг. в области добычи угля.

Соответственно, возникает вопрос о природе успеха советских горных инженеров. Безусловно, она кроется в количественных и качественных характеристиках. СССР тогда обладал огромной армией горных инженеров, которых выпускали 40 вузов и факультетов. Они трудились во всех горнодобывающих отраслях и регионах [20. С. 4]. Из качественных характеристик выделяются следующие: масштабная государственная политика в области пропаганды знаний и науки, достижения советской системы образования, высокая престижность и популярность специальности горного инженера в стране, широкое и плодотворное движение рационализаторов и изобретателей, широкая сеть угольных научно-исследовательских институтов и их кооперация с общеобразовательными учреждениями и др.

В современных исследованиях интеллектуал понимается как высокообразованный специалист [21. С. 44]. Поэтому мы не можем обойти вниманием систему знаний, которая позволяла формировать в СССР высококвалифицированных, конкурентоспособных горных инженеров. Советское общество добилося значитель-

ных результатов в развитии интеллектуальных способностей молодежи. Этому способствовала не только школа, но и широкая пропаганда знаний, их государственная поддержка. Достаточно вспомнить увлеченность советских детей книгами, научно-техническими журналами, интеллектуальными играми (особенно шахматами), кружками технического творчества и т.д. Система обязательного общего образования создавала широкие возможности для реализации интеллектуального потенциала, в том числе и в сфере технических знаний. В послевоенное время страна остро нуждалась в инженерах, поэтому школьное образование имело четко выраженную политехническую, высокую практическую направленность. Этому способствовала и система профессионального образования, представленная начальным и средним уровнями, создававшая хорошие возможности социально-профессионального лифта.

Ведущая роль в обеспечении восприимчивости экономики к инновационной деятельности отводилась высшей школе [22. С. 3]. Технические специальности были очень популярны среди советских юношей и девушек. Жесткий отбор абитуриентов гарантировал вузам высокую успеваемость студентов по общеобразовательным и специальным дисциплинам широкого спектра. Решающее значение в развитии творческих и интеллектуальных способностей горных инженеров играло внедрение в образовательный процесс элементов научных исследований, что четко обозначилось в конце 1960-х гг. По мнению современных ученых-педагогов, характерной особенностью системы НИРС периода 1970–1980-х гг. являлось органичное единство учебных и внеучебных форм в процессе всего периода обучения. К внеучебным формам научно-исследовательской работы студентов относилась работа в студенческих научных кружках, студенческих конструкторских бюро, студенческих творческих объединениях, студенческом научном обществе. Студенты горных специальностей во внеучебной деятельности соблюдали следующие важные условия: во-первых, актуальность темы работы и ее новизна; во-вторых, увлеченность, настойчивость в проведении исследований; в-третьих, усложнение работ, выполняемых студентами; в-четвертых, стабильность состава и преемственность работы. Очень важным моментом для того времени являлся высокий уровень инициативности студентов, которые были зачинателями некоторых форм и методов исследовательской деятельности. По этим параметрам особенно выделялся Днепропетровский горный институт [23. С. 396–398]. В целом студенты, обучавшиеся по горным специальностям, находились в ситуации успешной интеграции образовательной, научной и производственной деятельности.

Отдельного внимания требует имевшаяся в СССР широкая сеть отраслевых научно-исследовательских институтов, которые являлись главным генератором передовых идей в угледобыче, а также переработке угольной продукции. Фактически по каждому направлению угледобычи и связанной с ней деятельностью был отдельный институт. При этом между ними имелись

тесные кооперационные связи, позволявшие координировать научно-производственную деятельность. Высокой концентрацией угольных НИИ выделялся ведущий углепромышленный регион – Кузбасс, где было семь таких институтов [6. С. 154]. В рамках деятельности научно-исследовательских институтов реализовывалась такая важная задача, как восполнение кадрового дефицита. Особых успехов в этом деле добился научно-исследовательский институт открытых горных работ (НИИОГР, г. Челябинск). Здесь энергично развивалось научно-техническое общение в традиционных и новых формах: конференции, семинары, конкурсы, школы передового опыта, привлечение спе-

циалистов производства во временные творческие коллективы по отдельным НИОКР, курсы повышения квалификации, деловые игры, выездные заседания ученого совета, клубы директоров производственных предприятий и т.д. [9. С. 3].

Главным результатом достижений советских горных инженеров являлся стабильный рост угледобычи в стране до 1988 г. включительно (таблица). Именно в 1988 г. был достигнут наивысший уровень добычи угля в стране за всю ее историю. СССР тогда по объему угледобычи занимал третье место в мире, уступая только Китаю (956 млн т) и США (863,7 млн т) [4. С. 476].

Динамика объемов добычи ископаемого угля в СССР, млн т

Годы	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Общий объем добычи	726,40	751,10	759,80	771,80	740,30	703,30	629,671

Примечание. Таблица составлена по: [Там же. С. 458].

Вместе с тем, в сравнении с передовыми в области угледобычи странами, многие инновационные предложения советских горных инженеров в 1980-е гг. оставались «на бумаге». Как правило, по причине того, что никто не хотел брать на себя ответственность на уровне министерства [11. С. 51], существовала межведомственная несогласованность. Имелись и другие причины, сдерживавшие развитие инновационной деятельности инженерного сообщества: во-первых, диспропорции на макроэкономическом уровне (например, серьезный разрыв в техническом уровне между технологически сопряженными отраслями и производствами [17. Л. 73]); во-вторых, начиная с 1980-х гг. стали проявляться негативные явления в процессе подготовки кадров горных инженеров (снижение масштабов научно-исследовательской работы студентов, усиление формализма, ослабление связи дипломных работ с интересами предприятий [7. С. 323; 10. С. 213], инертность стратегии высшего технического образования и др.); в-третьих, наличие международных ограничений в научно-техническом сотрудничестве (особенно со стороны США), которые не позволяли знакомиться с некоторыми достижениями зарубежных ученых [24. Л. 71–72].

В этой связи важно обратить внимание, что начиная с 1970-х гг. процесс разработки инновационных идей советских горных инженеров и их воплощение на практике имели угасающий характер. Объективную картину такой ситуации представляют нам авторы фундаментальной работы «История угледобычи в России», в которой на 21 странице в табличной форме представлен анализ научно-технического прогресса в угольной промышленности СССР. Фактически по всем составляющим производственной деятельности (техника, оборудование, машины, технологии и т.д.) важнейшие инновационные достижения заканчиваются на рубеже 1970–1980-х гг., а то и раньше. Здесь же мы встречаем еще один важный факт об ухудшении НТП в процессе угледобычи: начиная с 1977 г. производительность труда в отрасли имела ежегодную отрицательную динамику [4. С. 248, 387–408].

Уже тогда на государственном уровне было понятно, что «узким» местом подготовки советских инженеров являлась чрезмерно дробная специализация, недостаточное внимание к выпуску специалистов широкого профиля и системе их переподготовки. В 1980-е гг. в США, например, подготовка инженеров велась по 22 специальностям, а в СССР – по 400 [25. Л. 219]. Угледобывающие предприятия СССР были очень заинтересованы в разносторонних специалистах [13. С. 7], однако действовавшие в конце 1980-х гг. программы вузовской подготовки не отвечали данной потребности [7. С. 285], что указывает на отставание советской педагогической науки от требований времени. Очевидным фактом являлось недостаточное внимание к процессу профессиональной переподготовки горных инженеров, изучению ими в процессе трудовой деятельности последних достижений в области технических и экономических знаний, умений и навыков. Особенно выделялась психологическая неподготовленность выпускников технических вузов к инновационной деятельности [13. С. 32].

Усугублялась обстановка и на производстве. Горные инженеры все чаще сталкивались с бюрократизмом, иждивенческими настроениями руководителей шахт и разрезов, усилением непропорциональности в оплате их труда и другими негативными явлениями. Уже к концу 1970-х гг. предприятия горной промышленности стали испытывать трудности с замещением инженерами многих должностей линейных руководителей. Seriously повысилась текучесть руководящих кадров. Нарастали масштабы перехода специалистов с дипломами на рабочие должности [20. С. 6]. При этом эффективных мер по решению данных проблем не предпринималось.

Вторая половина 1980-х гг. стала временем не только наивысших достижений в области угледобычи в СССР, но и начала кризисных явлений в горной науке. Однако усиление кризисных явлений в развитии горной науки и подготовке инженеров во многом было следствием не столько истощения инженерной мысли, сколько системного кризиса, в котором оказал-

ся Советский Союз. Анализ архивных документов и литературы показывает, что во второй половине 1980-х гг. политическое и хозяйственное руководство СССР все больше уходило от вопросов развития науки, в том числе горной. При этом усиливалась актуальность проблем социально-политического характера, таких как национализм, проявления сепаратизма, забастовочное движение и т.д. На развитие образования и науки в СССР оставалось все меньше средств и времени. Даже тогда, когда все-таки поднимались вопросы интенсификации НТП в народном хозяйстве страны и принимались по ним конкретные решения, на практике это реализовывалось весьма слабо и статично. Так, например, решение о создании в стране Инновационного фонда было принято в апреле 1989 г. [12. Л. 82], а создан он был только через восемь месяцев – в декабре 1989 г. [26]. Ровно через год после этого, только в декабре 1990 г., был создан Инновационный фонд промышленности России [27. Л. 19].

В конце 1980-х гг. на состояние угольной промышленности и востребованность результатов инженерной деятельности негативное влияние стали оказывать проблемы макроэкономического характера. После 1988 г. вследствие снижения уровня промышленного производства во всех отраслях народного хозяйства спрос на уголь и объемы его добычи стал снижаться. На многих угольных предприятиях начали проявляться кризисные явления, так как к этому времени были исчерпаны почти все возможные в условиях плановой экономики резервы повышения эффективности работы. Последним из таких резервов стало создание на базе уникальных месторождений угля региональных топливно-энергетических комплексов (КАТЭК и др.).

В дополнение к этому усиливалось вытеснение угля из топливно-энергетического баланса страны нефтью и газом. Оно носило технологический характер, поскольку технологии добычи нефти и газа в СССР по сравнению с добычей угля в большей степени соответствовали мировому уровню. Истоки кризиса в угольной промышленности были объективно связаны именно со сменой приоритетов основных видов топлива (укладов) как в отечественном, так и мировом топливно-энергетическом балансе, с последовательным переходом от эры угля к эре нефти, а затем – газа и атомной энергии. Это привело к снижению притока в угольную промышленность финансовых и материальных ресурсов, квалифицированных кадров рабочих и специалистов, в том числе и горных инженеров.

В результате тенденция постоянного увеличения добычи угля сменилась на ее падение во всех ведущих угольных бассейнах страны. По мнению авторитетных экспертов, именно технологический кризис в угольной отрасли в 1989 г. стал перерастать в социально-экономический [4. С. 245–247]. Рабочие угольной промышленности стали ведущей силой забастовочного движения в СССР и тем самым нанесли дополнительный удар по производственно-экономической деятельности собственных предприятий. Именно с этого года начинается ежегодное снижение угледобычи в стране, причем данный показатель оказался хуже результатов трехлетней давности (см. таблицу).

Кризис неминуемо стал рождать новые подходы, идеи и их решения. Политическое руководство страны было вынуждено реагировать на требования угольщиков, которые в основном были нацелены на предоставление большей экономической свободы, в том числе и в выборе форм и методов реализации интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров. Несмотря на всю сложность социально-экономической и политической обстановки в стране, Правительство СССР стало предпринимать конкретные меры по интенсификации НТП в народном хозяйстве, в том числе и в угольной промышленности, которая тогда на 20% обеспечивала страну топливно-энергетическими ресурсами [28. Л. 31]. Повышение соответствия угольной промышленности требованиям НТП реализовывалось в двух основных направлениях: увеличение финансирования и создание новых форм организации научно-производственной деятельности.

В свою очередь, первое направление реализовывалось в двух формах – увеличение объема финансирования НИОКР организаций из госбюджета, а также их самофинансирование. ЦК КПСС и Правительство СССР неоднократно обращали внимание на серьезное отставание доли затрат на опытно-конструкторские разработки, от которых зависело быстрое внедрение в практику достижений фундаментальных и прикладных работ, крупных изобретений, а также всеобъемлющая информатизация [17. Л. 195; 25. Л. 225]. Ежегодно увеличивались объемы финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ из средств государственного бюджета по приоритетным направлениям научно-технического прогресса. Если в 1988 г. расходы составляли 400 тыс. руб., то в 1989 г. – 6 600 тыс. руб., на 1990 г. было запланировано 6 775 тыс. руб. [29. Л. 4]. При этом был осуществлен переход от финансирования академических организаций к целевому финансированию конкретных программ и тем исследований [30. Л. 164]. Это усиливало конкретизацию научно-технических интересов угледобывающих и углеперерабатывающих предприятий.

Возрастала важность и такой новой формы решения финансовых вопросов, как самофинансирование. В целом по стране перевод научных организаций на хозяйственный расчет вызвал рост в 1988 г. объема выполняемых работ с 3,7 до 6,25 млрд руб. Рост объемов работ был обусловлен возросшей активностью научных коллективов, повышением интенсивности труда научных работников, внедрением прогрессивных форм его организации и оплаты, а также негативными факторами, связанными с неоправданным завышением стоимости работ [13. Л. 80]. Заметно возросла в этом направлении деятельность предприятий и организаций угольной промышленности и связанных с ее деятельностью вузов. Так, например, в результате творческих усилий ученых Московского горного института объем хоздоговорных работ с 1987 по 1991 г. увеличился в 1,8 раза [7. С. 317].

Увеличению объемов финансирования и широкому внедрению в производственную деятельность шахт и разрезов научных разработок способствовало создание новых форм организации научно-производственной

деятельности. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. активно создавались научно-производственные объединения. Они считались наилучшей организационной формой широкого применения научно-технического достижений в общественном производстве. Благодаря их деятельности обеспечивалось более быстрое внедрение результатов научных исследований, повышение уровня квалификации инженерно-технических работников и преподавателей, улучшение качества учебного процесса, а также развитие самых разных форм делового содружества ученых и производителей [7. С. 312–313]. Широко использовался тогда лучший опыт производственного объединения «Востсибуголь».

В стране формировалась отвечающая современным требованиям система малых форм организации научно-технической деятельности. Они дополняли традиционную сеть организаций науки и научного обслуживания, позволяя решать многие научно-технические проблемы более эффективно и оперативно, а в ряде случаев заменить неэффективно работавшие, не готовые к переходу на рыночные отношения НИИ и КБ [9. С. 3]. К таким новым формам относились прежде всего центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ), где исследования и разработки выполнялись в 2–3 раза быстрее и в 4–5 раз меньшей численностью. При этом работы обходились предприятию-заказчику, как правило, в 3–4 раза дешевле. Такие же результаты характеризовали деятельность коллективов Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР), Союза научных и инженерных обществ (СНИО), а также инженерно-технических кооперативов [12. Л. 85].

Важным способом развития интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров являлось взаимовыгодное сотрудничество между устоявшимися и новыми формами организации научно-производственной деятельности. Так, например, научно-исследовательский институт эффективности и безопасности горного производства (НИИОГР, г. Челябинск) дополнил традиционную структуру научно-исследовательских подразделений малыми научно-техническими предприятиями (МНТП). Основная задача МНТП состояла в реализации на действующем производстве эффективных инноваций на основе разработок института в объеме, достаточном для развития у предприятий стойкого интереса к этим инновациям и обеспечивающем получение необходимой институту прибыли. МНТП создавались по основным направлениям деятельности института: механизация трудоемких ручных работ; добыча угля из тонких пропластков; создание и сервисное обслуживание путевой техники; совершенствование горной техники, конструкций и технологий ее ремонта; применение новых материалов; организация ресурсосбережения; компьютерные информационные технологии; видеоинформатика и т.д. [9. С. 3].

Несмотря на принятые руководством страны меры, на рубеже 1980–1990-х гг. развитие интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров в области угледобычи и переработки затруднялось нарастанием многих системных, отраслевых и личностных проблем. Безусловно, главной проблемой являлось

углубление политического и социально-экономического кризиса в стране, который не позволял быстро и качественно решать поставленные в области развития инженерной мысли задачи. С этим напрямую связана и усилившаяся политизация позднесоветского общества, которая вовлекала в свою орбиту прежде всего людей с высоким интеллектом, в том числе и горных инженеров. Очевидны также были и следующие проблемы:

- в сфере экономики – слабая интеграция советских инженеров в мировое экономическое сообщество, а также существенное отставание советского горного машиностроения от западных аналогов;

- в области образования и науки – слабая интеграция высшего образования с наукой, низкие расходы на подготовку специалистов [31. Л. 17], снижение престижности профессии инженера (имелись даже случаи недобора в отдельных технических вузах), наличие мелких и дублирующих институтов в сети научно-исследовательских институтов [17. Л. 328];

- в социальной сфере – доминирование интересов коллектива над личностными, приоритетность моральных стимулов труда, низкий уровень зарплаты научных работников (в том числе инженеров), а также уравниловка в оплате их труда [17. Л. 16, 328]. По последнему тезису важно заметить, что в 1950-е гг., когда советская наука внесла большой вклад в решение атомных и ракетно-космических задач, сфера науки была на первом месте среди других сфер народного хозяйства по уровню оплаты труда. В 1980-е гг. она оказалась на предпоследнем месте – перед сельским хозяйством [25. Л. 225–226]. Самым негативным явлением, и во многом неожиданным для советского общества и науки, в рассматриваемый период стала «утечка мозгов» [31. Л. 19], которая, прежде всего, имела отношение к представителям инженерной мысли.

В результате разрушительных тенденций к 1992 г. только 15% шахт СССР имели производственно-экономические показатели работы, сопоставимые с передовыми иностранными угледобывающими предприятиями [4. С. 254]. Интеллектуально-инновационный потенциал горных инженеров в большей мере ориентировался на угледобычу, которая по-прежнему дотировалась государством. Реализовать в полной мере данный потенциал не позволяла командно-административная модель экономики, которая ограничивала творческие способности инженеров-новаторов набором показателей пятилетнего плана, многие из которых уже не соответствовали требованиям мирового технологического уклада. Между тем и сам формат интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров нуждался в серьезной корректировке в сторону не только быстрого и эффективного использования передовых технологий, но и формирования навыков самостоятельной генерации идей. В последние месяцы «перестройки» все более актуальным становился вопрос перехода угледобывающих предприятий на рыночные рельсы развития, что стимулировало горных инженеров к повышению своей конкурентоспособности.

Таким образом, последние годы советской эпохи стали временем существенных перемен в интеллекту-

ально-инновационной деятельности горных инженеров. Она делала разворот от «хозяйственных нужд страны» в сторону интересов конкретных потребителей на уровне отдельного предприятия. Системный кризис СССР ударил как по количественным, так и по качественным показателям инновационной деятельности горных инженеров, которая стала терять позиции даже в сравнении с предыдущими периодами. Однако их интеллектуальный потенциал не был серьезным образом разрушен, подтверждением чему являлись не только новые, конкурентоспособные научные открытия, разработки, рационализаторские предложения, но и процесс поиска нестандартных форм и методов повышения эффективности предприятий угольной промышленности. Сохранялся высокий уровень их востребованности в мире. Накануне либеральной трансформации российского общества задача развития интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров требовала скорейшего решения следующих вопросов:

- формирование четкой стратегии инновационного развития как всего народного хозяйства, так и угольной промышленности в частности;
- повышение эффективности использования достижений науки, в том числе в области горного дела;
- снижение бюрократизма в процессе генерации и реализации инженерных идей;
- повышение конкурентоспособности смежных с угольной промышленностью отраслей, особенно угольного машиностроения;
- изменение материально-нравственных ориентиров горных инженеров в сторону положительной рефлексии таких понятий, как материальные блага, коммерциализация, предприимчивость и т.п.;
- материальное стимулирование инициативности среди горных инженеров;
- создание необходимой для инновационного развития институциональной среды инженерной деятельности, т.е. соответствующих социально-экономических институтов и инфраструктуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рожков А.А., Соловченко И.С., Коркина Т.А., Лощилова М.А. Инженерно-технический состав угольной отрасли России: ретроспектива, современное состояние, прогноз // Уголь. 2020. № 4. С. 16–25.
2. Козовой Г.И. Инновационная стратегия достижения конкурентоспособности российской угольной шахты : препринт № 2 / НИИОГР. Челябинск, 1997. 32 с.
3. Потапов В.П., Нифантов Б.Ф., Заостровский А.Н., Занина О.П. Новые направления реформирования деятельности отраслей промышленности и науки в Кузбассе // Инновации в угольной промышленности : материалы совещ., 8 дек. 2004 г. Кемерово : Ин-т угля и углехимии СО РАН, 2004. С. 40–55.
4. История угледобычи в России / В.Д. Грунь, В.Е. Зайденварг, В.Г. Килимник [и др.]; под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М. : ПИК ВИНТИ, 2003. 479 с.
5. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996 / К.А. Заболотская, А.А. Халиулина, З.Г. Карпенко [и др.]; Администрация Кемер. обл., Кемер. гос. ун-т. Кемерово : Кн. изд-во, 1997. 301 с.
6. Угольный Кузбасс: страницы истории / Ю.И. Дьяков, А.Г. Кузьмин, А.Б. Коновалов, А.Д. Паршуков; Администрация Кемер. обл., Департ. топливно-энергетического комплекса Кемер. обл. Кемерово, 2005. 458 с.
7. Московский горный. М. : Изд-во Моск. гос. горного ун-та, 1998. 370 с.
8. Машковский В.П. Экономические преобразования и научно-техническая политика партии в угольной промышленности страны, 1965 – август 1991 г. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.00. Кемерово, 1992. 483 с.
9. Галкин В.А. Основные положения стратегии развития института // Уголь. 1991. № 3. С. 3–4.
10. Борисова М.А. Подготовка инженерных кадров в технических вузах Кузбасса для предприятий отраслей тяжелой промышленности в 50–80-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Кемерово, 2006. 240 с.
11. Малышев Ю.Н. Записки горного инженера / предисл. В. Андриянова; лит. ред. В. Боровяк. М., 2009. 261 с.
12. О воздействии нового экономического механизма на ускорение научно-технического прогресса : письмо в ЦК КПСС Б.Л. Толстых, председателя государственного комитета СССР по науке и технике, от 28.04.1989 // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9480. Оп. 13. Д. 2912.
13. Овчинникова Г.М. Подготовка студентов технических вузов к инновационной профессиональной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2000. 232 с.
14. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 240 с.
15. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М. : Экономика, 2000. 295 с.
16. Гусарова М. Исторический опыт государственной научно-технической политики в Российской Федерации в 1990-е гг. // Власть. 2010. № 2. С. 32–36.
17. Справки министерств, ведомств, комитетов, научных организаций, отделов ЦК КПСС и др., отложившиеся у Рыжкова Н.И. в связи с подготовкой и проведением совещания в ЦК КПСС по научно-техническому прогрессу (август–ноябрь 1983 – ноябрь 1984 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 653. Оп. 1. Д. 57.
18. Об ускорении научно-технического прогресса в СССР (1989 г.) // РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 58.
19. Плакиткин Ю.А., Плакиткина Л.С. Мировой инновационный проект «Индустрия–4.0» – новые подходы и решения // Уголь. 2017. № 10. С. 44–50.
20. Ганицкий В.И. Методологические и организационные проблемы формирования корпуса горных инженеров России XXI в. // Горный информационно-аналитический бюллетень. 1996. № 2. С. 3–11.
21. Егорова Г.И. Интеллектуализация профессиональной подготовки специалиста технического вуза : автореферат дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08. СПб., 2005. 50 с.
22. Пучков Л., Петров В. Сколько инженеров нужно для инновационной экономики? (модели построения прогнозов) // Высшее образование в России. 2008. № 6. С. 3–16.
23. Цыганкова А.С. Поиски новых путей и технологий повышения эффективности внеучебной научно-исследовательской работы студентов в передовом педагогическом опыте 1970-х – 1980-х годов // Исследовательская деятельность учащихся : науч.-метод. сб. : в 2 т. / под общ. ред. А.С. Обухова. М. : Исследователь, 2007. Т. 1: Теория и методика. С. 396–404.
24. О научно-техническом сотрудничестве с США : поручение ЦК КПСС от 27.03.1989 // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 13. Д. 2912. Л. 71–72.
25. Состояние советского общества к середине 80-х годов и меры по ускорению социально-экономического развития страны // РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 62. Л. 219.

26. Об Инновационном фонде при Государственном комитете СССР по науке и технике : постановление Совета Министров СССР от 29.12.1989 № 1174. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=587&dst=100014#03122194614231353> (дата обращения: 18.03.2020).
27. Документы об инновационном фонде промышленности России (справки, письма и др.), 3 февраля 1991 – 9 декабря 1991 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10062. Оп. 1. Д. 166.
28. Выступление М.С. Горбачёва на заседании Президиума Совета Министров СССР (1991 г.) // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 291.
29. Объем финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на 1990 год из средств Государственного бюджета по министерствам и ведомствам СССР и Советам Министров союзных республик и приоритетным направлениям научного-технического прогресса (1989 г.) // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 13. Д. 3062.
30. Письмо Н.П. Лаверова (председатель Государственного комитета СССР по науке и технике) в ЦК КПСС (1989 г.) // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 13. Д. 2912.
31. Материалы Пленума ЦК КПСС XXVII созыва (9 декабря 1989 г.) // РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 343.

Igor S. Solovenko, Yurga Institute of Technology, affiliate of National Research Tomsk Polytechnic University (Yurga, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Anatoliy A. Rozhkov, College of Economics and Industrial Management, National University of Science and Technology (Moscow, Russian Federation). E-mail: raa@riu.ru

Tatyana A. Korkina, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kort2005@mail.ru

Olga T. Loyko, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgaloyko@tpu.ru

SMART AND INNOVATIVE POTENTIAL OF MINING ENGINEERS AS A FACTOR OF EFFECTIVE DEVELOPMENT OF THE COAL INDUSTRY IN THE PERIOD OF «PERESTROIKA»

Key words: USSR, «Perestroika», scientific and technological progress, intelligence, innovations, mining engineers, coal industry.

Analysis of the level of knowledge on the problem allowed us to define the purpose of the article, that is to identify main trends and features of formation and implementation of smart and innovative potential of mining engineers, which determined the efficiency of the coal industry during the period of “perestroika”. Documents of federal archives, regulatory documents of authorities and statistics were the sources of the study.

Methodological basis of the research is the theory of modernization, which is based on the following research methods: comparative-historical and problem-chronological. Comparative-historical method proved that in the last years of the USSR mining engineers, despite certain losses, managed to maintain a high level of intelligence which is able to operate in market conditions. Comprehensive analysis of the problem under study revealed the drawbacks in the training system of mining engineers in the USSR (narrow specialization, lack of knowledge in the field of economics, psychology, etc.). Problem-chronological method showed that soviet mining engineers found it difficult to realize their intellectual abilities in the field of coal mining due to the growth of socio-political and economic instability.

The authors believe that the main result of achievements of mining engineers in the years of “perestroika” was a stable growth of coal production in the country up to 1988. The most important task at that time was to increase the level of compliance of the coal industry with requirements of scientific and technological progress. This goal was achieved in two main directions: increase of funding and creating new forms of research and production activities.

The authors argue that further development of smart and innovative potential of mining engineers in the field of coal mining and processing was hindered by many system, industry and personal problems. Centrally-controlled economy did not allow to realize this potential to the full extent. This fact limited creative abilities of innovative engineers to five-year plan indicators. Although these indicators no longer met the requirements of the world technological pattern. The article proves that smart and innovative potential of mining engineers needed a serious adjustment not only in the use of advanced technologies, but also in developing skills for independent generation of ideas and increasing their own competitiveness.

The authors concluded that in 1985–1991 the potential of mining engineers focused on the search of new forms and methods to improve efficiency and competitiveness of mines and sections, which contributed to transition toward market relations.

REFERENCES

1. Rozhkov, A.A., Solovenko, I.S., Korkina, T.A. & Loshchilova, M.A. (2020) Engineers and technicians in Russian mining: retrospective view, present day state, forecast. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 4. pp. 16–25. (In Russian). DOI: 10.18796/0041-5790-2020-4-16-25
2. Kozovoy, G.I. (1997) *Innovatsionnaya strategiya dostizheniya konkurentosposobnosti rossiyskoy ugol'noy shakhty: Preprint № 2* [An innovative strategy to achieve the competitiveness of the Russian coal mine: Preprint No. 2]. Chelyabinsk: NII OGR.
3. Potapov, V.P., Nifantov, B.F., Zaostrovsky, A.N. & Zanina, O.P. (2004) [New directions of reforming the activities of industries and science in the Kuzbass]. *Innovatsii v ugol'noy promyshlennosti* [Innovations in the Coal Industry]. Porc. of the Meeting, December 8, 2004. Kemerovo: Institute of Coal and Coal Chemistry SB RAS. pp. 40–55. (In Russian).
4. Grun, V.D., Zaydenvarg, V.E., Kilimnik, V.G. et al. (2003) *Istoriya ugledobychi v Rossii* [The History of Coal Mining in Russia]. Moscow: PIK VINITI.
5. Zabolotskaya, K.A., Khaliulina, A.A., Karpenko, Z.G. et al. (1997) *Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa, 1721–1996* [The coal industry of Kuzbass, 1721–1996]. Kemerovo: Knizhnoe izd-vo.
6. Dyakov, Yu.I., Kuzmin, A.G., Konovalov, A.B. & Parshukov, A.D. (2005) *Ugol'nyy Kuzbass: stranitsy istorii* [Kuzbass Coal: Pages of History]. Kemerovo: [s.n.].
7. Puchkov, L.A. (ed.) (1998) *Moskovskiy gornyy* [Moscow Mining]. Moscow: Moscow State Mining University.
8. Mashkovsky, V.P. (1992) *Ekonomicheskie preobrazovaniya i nauchno-tehnicheskaya politika partii v ugol'noy promyshlennosti strany, 1965 – avgust 1991 gg.* [Economic transformations and the scientific and technical policy of the party in the country's coal industry, 1965 – August 1991]. Dr. Diss. Kemerovo.
9. Galkin, V.A. (1991) *Osnovnye polozheniya strategii razvitiya instituta* [The main provisions of the institute development strategy]. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 3. pp. 3–4.
10. Borisova, M.A. (2006) *Podgotovka inzhenernykh kadrov v tekhnicheskikh vuzakh Kuzbassa dlya predpriyatiy otrasley tyazheloy promyshlennosti v 50-80-e gg. XX v.* [Training of engineering personnel in technical universities of Kuzbass for enterprises of heavy industries in the 1950-80s]. History Cand. Diss. Kemerovo.
11. Malyshev, Yu.N. (2009) *Zapiski gornogo inzhenera* [Notes of a Mining Engineer]. Moscow: [s.n.].

12. Tolstykh, B.L. (n.d.) *Pis'mo v TsK KPSS B.L. Tolstykh (Predsedatelya gosudarstvennogo komiteta SSSR po nauke i tekhnike) "O vozdeystvii novogo ekonomicheskogo mekhanizma na uskorenie nauchno-tekhnicheskogo progressa"*, (28.04.1989) [Letter from B.L. Tolstoy (Chairman of the USSR State Committee for Science and Technology) to the Central Committee of the CPSU "On the Impact of the New Economic Mechanism on Accelerating Scientific and Technical Progress", (April 28, 1989)]. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 9480. List 13. File 2912.
13. Ovchinnikova, G.M. (2000) *Podgotovka studentov tekhnicheskikh vuzov k innovatsionnoy professional'noy deyatel'nosti* [Preparation of students of technical universities for innovative professional activities]. Pedagogy Cand. Diss. Tolyatti.
14. Poberezhnikov, I.V. (2006) *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii* [Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow: ROSSPEN.
15. Inozemtsev, V.L. (2000) *Predely "dogonyayushchego" razvitiya* [The limits of "catching up" development]. Moscow: Ekonomika.
16. Gusarova, M. (2010) *Istoricheskiy opyt gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politiki v Rossiyskoy Federatsii v 1990-e gg.* [Historical experience of the state scientific and technical policy in the Russian Federation in the 1990s]. *Vlast'*. 2. pp. 32–36.
17. The Central Committee of the CPSU. (1983–1984) *Spravki ministerstv, vedomstv, komitetov, nauchnykh organizatsiy, otdelov TsK KPSS i dr., otlozhivshiesya u Ryzhkova N.I. v svyazi s podgotovkoy i provedeniem soveshchaniya v TsK KPSS po nauchno-tekhnicheskomu progressu (avgust – noyabr' 1983 – noyabr' 1984 g.)* [Information from ministries, departments, committees, scientific organizations, departments of the Central Committee of the CPSU, etc., deposited by Ryzhkov N.I. in connection with the preparation and holding of a meeting in the Central Committee of the CPSU on scientific and technological progress (August – November 1983 – November 1984)]. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 653. List 1. File 57.
18. Anon. (1989) *Ob uskorenii nauchno-tekhnicheskogo progressa v SSSR (1989 g.)* [On the acceleration of scientific and technological progress in the USSR (1989)]. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 653. List 1. File 58.
19. Plakitkin, Yu.A. & Plakitkina, L.S. (2017) The Industry-4.0 global innovation project's potential for the coal industry of Russia. 1. Industry-4.0 Program – new approaches and solutions. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 10. pp. 44–50. (In Russian). DOI: 10.18796/0041-5790-2017-10-44-50
20. Ganitsky, V.I. (1996) Metodologicheskie i organizatsionnye problemy formirovaniya korpusa gornykh inzhenerov Rossii XXI v. [Methodological and organizational problems of forming the corps of mining engineers of Russia of the 21st century]. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' – Mining Informational and Analytical Bulletin*. 2. pp. 3–11.
21. Egorova, G.I. (2005) *Intellectualizatsiya professional'noy podgotovki spetsialista tekhnicheskogo vuza* [Intellectualization of professional training of technical university specialists]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. St. Petersburg.
22. Puchkov, L. & Petrov, V. (2008) *Skol'ko inzhenerov nuzhno dlya innovatsionnoy ekonomiki? (modeli postroeniya prognozov)* [How many engineers are needed for an innovative economy? (forecasting models)]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 6. pp. 3–16.
23. Tsygankova, A.S. (2007) *Poiski novykh putey i tekhnologiy povysheniya effektivnosti vneuchebnoy nauchno-issledovatel'skoy raboty studentov v peredovom pedagogicheskom opyte 1970-kh – 1980-kh godov* [The search for new ways and technologies to increase the effectiveness of extracurricular research work of students in the best pedagogical experience of the 1970s – 1980s]. In: Obukhov, A.S. (ed.) *Issledovatel'skaya deyatel'nost' uchashchikhsya* [Students' Research Activities]. Vol. 1. Moscow: Issledovatel'. pp. 396–404.
24. The Central Committee of the CPSU. (1989) *"O nauchno-tekhnicheskoy sotrudnichestve s SShA"* (Poruchenie TsK KPSS ot 27 marta 1989 g.) ["On scientific and technical cooperation with the USA" (Order of the Central Committee of the CPSU of March 27, 1989)]. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 9480. List 13. File 2912. pp. 71–72.
25. Anon. (n.d.) *Sostoyaniye sovet'skogo obshchestva k seredine 80-kh godov i mery po uskoreniiyu sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya strany* [The state of Soviet society by the mid-80s and measures to accelerate the socio-economic development of the country]. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 653. List 1. File 62. pp. 219.
26. The USSR Council of Ministers. (1989) *Postanovlenie Sovmina SSSR "Ob Innovatsionnom fonde pri Gosudarstvennom komitete SSSR po nauke i tekhnike"*, 29.12.1989 № 1174 [Resolution No. 1174 of the USSR Council of Ministers "On the Innovation Fund at the USSR State Committee for Science and Technology", 12/29/1989]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=587&dst=100014#03122194614231353> (Accessed: 18th March 2020).
27. Anon. (1991) *Dokumenty ob innovatsionnom fonde promyshlennosti Rossii (spravki, pis'ma i dr.)*, 3 fevralya 1991 – 9 dekabrya 1991 g. [Documents on the innovation fund of the industry of Russia (references, letters, etc.), February 3, 1991 – December 9, 1991]. The State Archive of the Russian Federation. Fund 10062. List 1. File 166.
28. Gorbachev, M.S. (1991) *Vystupleniye M.S. Gorbacheva na zasedanii Prezidiuma Soveta Ministrov SSSR (1991 g.)* [M.S. Gorbachev's speech at a meeting of the Presidium of the Council of Ministers of the USSR (1991)]. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 84. List 1. File 291.
29. The Soviet Union. (1989) *Ob'em finansirovaniya nauchno-issledovatel'skikh i opytно-konstruktorskikh rabot na 1990 god iz sredstv Gosudarstvennogo byudzheta po ministerstvam i vedomstvam SSSR i Sovetam Ministrov soyuznykh respublik i prioritetnym napravleniyam nauchno-tekhnicheskogo progressa (1989 g.)* [The amount of funding for research and development work in 1990 from the state budget for the ministries and departments of the USSR and the Councils of Ministers of the Union republics and priority areas of scientific and technological progress (1989)]. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 9480. List 13. File 3062.
30. Laverov, N.P. (1989) *Pis'mo N.P. Laverova (predsedatel' Gosudarstvennogo komiteta SSSR po nauke i tekhnike) v TsK KPSS (1989 g.)* [N.P. Laverov (Chairman of the USSR State Committee for Science and Technology) to the Central Committee of the CPSU (1989)]. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 9480. List 13. File 2912.
31. The Central Committee of the CPSU. (1989) *Materialy Plenuma TsK KPSS XXVII sozyva (9 dekabrya 1989 g.)* [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU of the 27th convocation (December 9, 1989)]. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 2. List 5. File 343.

УДК 93(930.85)
DOI: 10.17223/19988613/65/8

С.Г. Федоров

МАТЕРИАЛЫ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ЮЖНОЗАУРАЛЬСКОГО РЕГИОНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

На основе архивных документов Курганского и Шадринского уездов рассматриваются особенности правовой культуры русской деревни южнозауральского региона. Доказывается историческая ценность материалов волостных судов для изучения экономической, социальной, демографической, культурной жизни деревни в Южном Зауралье. На основе решений волостных судов устанавливается возможность реконструкции правовой жизни и правового поведения русских крестьян южнозауральской общины во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: обычное право; волостной суд; правовая культура; южнозауральская община.

Судебная реформа 1864 г. в России фактически законодательно закрепила раскол российского общества в правовой жизни на две неравные части как в количественном, так и в качественном отношении – российское крестьянство и все остальные сословия. Большая часть населения Российской империи оказалась за бортом этой реформы, вне сферы действия официально-нормативного права. На этот серьезный недостаток судебной реформы указывали многие современники. Отмечалось, что имперская администрация осознанно пошла на этот шаг, считая, что российское крестьянство, только освободившись от крепостной зависимости, еще не было готово к правовой жизни по официально-нормативным установлениям в силу своей неграмотности, а главное – приверженности традиционным нормам обычного права, господствовавшего в русской деревне.

В исторической и юридической науке с 40-х гг. XIX в. по настоящее время не утихает дискуссия об обычном праве и волостных судах, осуществлявших реализацию его норм. Весьма примечательно в этом отношении высказывание одного из противников обычного права А.Н. Обнинского: «Напасть на след какого-либо юридического обычая в чистом и сжатом значении этого термина нам ни разу не приходилось. Юридический обычай нам представляется тем привидением, которое кому-то являлось, но которого сами мы никогда не видали, о котором суеверные люди говорят очень много, очень доказательно, но в которое все-таки от этого не верится человеку, суевериями человеку еще не тронутому» [1. С. 39–40].

Этой точке зрения на обычное право противостояли теории многих сторонников существования обычного права в крестьянской среде. В частности, А.А. Леонтьев, иронизируя над высказыванием А.Н. Обнинского, указывает, что такие видные юристы, как С.В. Пахман, И.Г. Оршанский, Б.А. Кистяковский и др., построили целые системы обычно-правовых институтов и создали обычно-правовые теории, видно, не иначе как «благодаря своему суеверию и склонности к галлюцинациям» [Там же. С. 40].

В целом в исторической и юридической науке в настоящее время доказано, что обычное право было

одной из составляющих русской крестьянской культуры и оказывало существенное влияние на правовое поведение российского крестьянства, и большинство исследователей придерживаются именно такой точки зрения [2–7].

Волостные суды с 1861 г. при рассмотрении исковых заявлений прежде всего руководствовались ст. 107 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. «При рассмотрении тяжёбного дела в самом волостном суде судьи, по выслушании тяжущихся сторон, стараются склонить их к примирению. Если стороны примирились, то должны в то же время объявить, что одна уступает или чем вознаграждает другую, и каким образом должно последовать удовлетворение. Если тяжущиеся стороны не пойдут на мировую сделку, то суд решит дело либо на основании заявленных в волостном правлении сделок и обязательств, если таковые были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствии таковых сделок, на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту» [8. С. 157]. Многие историки и юристы отмечали, что в самой формулировке данной статьи заложено серьезное противоречие, которое в дальнейшем определило всю деятельность волостных судов. Противоречие заключалось в том, что волостные суды при вынесении судебных решений не только должны были руководствоваться в первую очередь нормами обычного права, но также использовать и право официально-нормативное. Именно поэтому исследователи обратили серьезное внимание на материалы волостных судов, которые стали предметом их пристального изучения [1, 9–11].

Эти материалы волостных судов стали важнейшим юридическим и историческим источником правовой жизни русского крестьянства. Более того, решения волостных судов выявляли особенности и уникальность правовых обычаев различных регионов Российской империи, что позволяло историкам и юристам делать определенные выводы о правовой культуре местного населения.

Южнозауральский регион в этом отношении имел как общие, так и свои особенные отличительные черты. В архивах волостных правлений Курганского и

Шадринского уездов Тобольской и Пермской губерний сохранились записи решений волостных судов. Уникальность этих архивов заключается в том, что по ним можно проследить фактически всю правовую жизнь русского крестьянства с 1861 по 1917 г., когда происходили важные структурные перемены во всех областях жизни российского общества и государства. Материалы волостных судов дают вполне определенное представление о повседневной, бытовой и юридической жизни местного крестьянина и тех исторических условиях, в которых он жил.

Следует отметить ограниченность судебно-правовой деятельности волостных судов. «Волостные суды рассматривали вопросы, относящиеся к уголовному, административному и гражданскому праву. К уголовной юрисдикции волостного суда относились мелкие преступления, такие как кража и мошенничество в пределах пятидесяти рублей, нанесение побоев и пр. К административному праву относились вопросы нарушения порядка в общине... хулиганство, публичное оскорбление, мотовство и пьянство, другие аналогичные проступки. В сфере гражданского права рассматривались имущественные споры до ста, а позднее – до трехсот рублей, дела по наследованию, разделу имущества, выделу из крестьянского надела, а также трудовые споры, нарушения договора найма, сроков выполнения работ, невозвращение задатка и т.д.» [12. С. 3].

Изучая материалы волостных судов, в определенной мере можно составить гендерную и социальную картину южнозауральского крестьянского мира второй половины XIX – начала XX в., изучить общее и особенное в традиционных правовых воззрениях русских крестьян южнозауральской и сибирской деревни.

В подавляющем большинстве дел, рассмотренных волостными судами, писарем практически всегда указывались: пол, сословная принадлежность, вероисповедание истца (реже) и ответчика. Несмотря на то, что южнозауральский регион традиционно являлся прибежищем старообрядцев и представителей других религиозных сект, вероисповедание тяжущихся мало влияло на решения волостных судов. Заметных конфликтов на религиозной почве между старообрядцами и никонианами в материалах волостных судов также не было зафиксировано. Исключение составляет лишь незначительная часть дел. Например, тяжба по имущественной сделке от 16 марта 1893 г., когда Глядянский волостной суд отклонил просьбу ответчика в отводе свидетелей «на том основании, что как проситель, так и свидетели раскольники» [13. Л. 20].

Другой важной особенностью южнозауральской крестьянской общины являлся миграционно-колониционный характер ее формирования и развития. Зауралье и Сибирь с XVI в. превратились в объекты народной и государственной колонизации. Значительную роль в колонизации этих регионов первоначально в первой половине XIX в. играла ссылка, а затем, во второй половине этого же века, переселенчество. Поэтому уже со второй половины XIX в. в исторической и юридической науке был поставлен дискуссионный вопрос о влиянии ссылки и ссыльнопоселенцев на правовую культуру местной общины [14]. На наш

взгляд, следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что ссыльнопоселенцы играли незначительную роль обычно-правовых традициях и правовой культуре русских крестьян, живших на территории Южного Зауралья [15–17]. Это доказывают и дела волостных судов Курганского уезда, в которых всегда отмечалось, являлись ли истец или ответчик ссыльнопоселенцами. На основании анализа и подсчета волостных дел Глядянской, Чинеевской, Кислянской волостей Курганского уезда «наибольший процент дел со ссыльнопоселенцами зарегистрирован в 1882 г. в Глядянской волости – 23%, наименьший в 1909 г. – 1% в Чинеевской волости. Из архивных данных нам не удалось выяснить точное число ссыльнопоселенцев и определить их процентное соотношение к общей численности населения в данных волостях в рассматриваемый период. Однако, судя по материалам волостных судов, можно сделать вывод, что число ссыльнопоселенцев в волостях Курганского уезда в конце XIX – начале XX в. было незначительным» [12. С. 101].

Судебные волостные дела дают также представление о преступлениях и правонарушениях, совершаемых ссыльнопоселенцами. С 1871 по 1913 г. наибольшее количество исков, рассмотренных волостными судами с участием ссыльнопоселенцев, составили долговые иски (долг по работе, долг по сделке, долг «по лавке»). В 70–90-х гг. XIX в. преобладали долговые иски за работу, что объясняется, прежде всего, тяжелым материальным положением ссыльнопоселенцев, которые были вынуждены наниматься на работу к крестьянам-старожилам. 17 ноября 1885 г. в Глядянском волостном суде крестьянин-ссыльнопоселенец деревни Худяковой Никита Антонов Головин «жалуется на крестьянина села Глядянского Харлампия Яковлева Боброва, что он не платит за пастьбу летом сего года за его овец 5 руб. 85 коп., высчитывая эти деньги за то, что при разборке осенью сего года овец, оказались потерянными будто бы им пять овец. Между тем, овец этих Бобров ранее пас сам и ему табун сдал без счету... Пять овец Бобров потерял сам, а не он, поэтому и просит взыскать с Боброва причитающиеся ему деньги. Ответчик Бобров показал, что деньги платить не согласен, так как Головин утерял из его табуна пять овец... Принимая во внимание, что Бобров, отдавая пасти Головину овец, не пересчитал их, поэтому не знает, сколько овец было, поэтому не может доказать, действительно овец потерял он (Головин); вследствие этого Бобров обязан уплатить деньги: 5 руб. 85 коп.» [18. Л. 33 об.].

Второе место по количеству судебных исков с участием ссыльнопоселенцев занимали земельные споры двух основных видов: отобрание надела и долг по земельной аренде. Количество таких исков составило около 20% от общего числа исковых заявлений в волостных судах. Во второй половине XIX в. преобладали иски об отобрании надела у ссыльнопоселенцев, что было связано с бедностью и нехваткой у них средств для обработки выделенного обществом надела. В результате этого ссыльнопоселенцы надел часто забрасывали и изыскивали другие средства существования. В начале XX в. в связи с ростом переселенче-

ского движения в Сибирь, и в частности в Южное Зауралье, цена земельного надела растет, он часто становится объектом скрытой купли-продажи и аренды. Ссылнопоселенцы при этом довольно активно втягиваются в капитализирующиеся земельные отношения, что опять же доказывают материалы волостных судов, в которых ссылнопоселенцы выступают не только в качестве арендопользователей, но и в качестве владельцев земельных участков.

Другим видом распространенных преступлений и правонарушений среди ссылнопоселенцев являлись незаконные лесные вырубки в казенных, общинных и наделных участках. Массовые лесные вырубки в лесных дачах в конце XIX – начале XX в. превратились в заурадное явление из-за ослабления надзора в процессе пореформенной ломки системы землепользования и превращения леса в важнейший источник дохода.

17 ноября 1887 г. Глядянский волостной суд рассматривал иск крестьянина деревни Разломайки Давида Семенова Константинова к однодеревенцу крестьянину-ссылнопоселенцу Лаврентию Семенову Аликбасову. Константинов жаловался суду, что Аликбасов тайно вырубил из его лесного пайка днем 8 штук лесин, поэтому просил взыскать с ответчика 10 руб. Ответчик на суде сознался и готов был уплатить 3 руб. Волостной суд решил не подвергать наказанию Аликбасова за самовольную порубку, но взыскал с него деньгами 6 руб. в пользу истца [19. Л. 29].

Кражи ссылнопоселенцев у старожилов южнозауральской деревни, которые разбирались в волостных судах Курганского уезда, не были редким явлением и составляли 12% от общего количества дел с участием ссылнопоселенцев. Далее следовали иски о потравах, а также иски об оскорблениях словом и действием; следует отметить, что их было незначительное количество. Иски о преступлениях против мира с участием ссылнопоселенцев тоже были редким явлением в волостных судах.

Таким образом, не следует преувеличивать ссылнопоселенческий характер южнозауральской деревни. Ссылнопоселенцы, несомненно, играли определенную роль в росте преступности среди крестьян, в то же время эта роль была незначительной, что объяснялось как небольшим количеством ссылнопоселенцев в южнозауральской деревне, так и силой обычно-правовых традиций крестьянского мира, следование которым являлось необходимым и важнейшим условием их дальнейшего пребывания в данной местности.

В волостных судах рассматривались дела не только крестьян, но и представителей других сословий, прежде всего мещан и купцов. Отличительной особенностью экономического развития Сибири являлось возникновение и развитие сибирского кооперативного маслоделия. Были созданы Союз сибирских маслодельческих артелей и Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства. В одном только Курганском уезде к 1900 г. насчитывалось 60 маслодельных заводов. Заводчики были одновременно и лавочниками. Они принимали молоко у крестьян по более

высокой цене, зато расплачивались товаром из своей лавки. 20 июня 1907 г. Глядянский волостной суд рассматривал исковое заявление на сумму 27 руб. 73 коп. к крестьянину села Глядянского Василию Лукину Вахромееву под сдачу молока. Истцом выступал мещанин Иван Терешин, доверенный Санкт-Петербургского купца первой гильдии Волкова, владельца молочного завода. Ответчик на суде признался, что брал деньги, но не под сдачу молока, а в счет жалованья за службу рабочим на Глядянском заводе Волкова. Ответчик не отработал взятые деньги на заводе и не сдавал молока, поэтому иск истца волостной суд удовлетворил [20. Л. 110–113]. 20 февраля 1910 г. волостной суд рассматривал гражданское дело между Разломайским и Глядянским маслодельными товариществами, с одной стороны, и Глядянским маслодельным заводом – с другой. Завод оказался должным товариществам «за маслодельные инструменты» 80 руб. Иск истцами был доказан и утвержден в пользу маслодельных товариществ [21. Л. 53].

Кооперативные маслодельные иски в волостных судах Курганского уезда позволяют сделать следующие выводы: крестьяне Южного Зауралья активно втягивались в новые капиталистические отношения, кроме того, существенно трансформировалась и правовая культура местных крестьян. Гражданские хозяйственные споры уже не решались на традиционно-бытовом уровне с помощью обычно-правовых норм и институтов. Теперь крестьяне, как правило, обращаются к официально-нормативному праву, об этом свидетельствует рост количества подобных исков. И хотя гражданские иски крестьян первоначально рассматривались низшей судебной инстанцией коронной администрации – волостными судами, крестьяне всегда имели возможность опротестовать решения волостных судов в более высоких судебных инстанциях.

Другая важная историческая информация, которую можно получить из материалов волостных судов, – это информация гендерная. Анализ архивных материалов дает довольно четкую картину экономического, социального и правового положения южнозауральской женщины. Следует отметить, что это положение значительно отличалось от положения женщин в других регионах России. Подобная ситуация сложилась из-за ряда причин. Прежде всего, значительную роль играла демографическая ситуация, сложившаяся в Сибири в конце XIX – начале XX в. В силу миграционно-колониационного характера формирования населения этого региона мужское население преобладало в нем над женским. «В Памятной книжке Енисейской губернии на 1909 г. отмечается, что даже в 1906 г. в Сибири на 100 мужчин приходилось лишь 84 женщины» [22. С. 184]. Такое соотношение численности мужчин и женщин приводило к тому, что социальное и семейное положение женщины в данном регионе было несколько лучше по сравнению с Европейской Россией.

Обычно-правовые традиции Сибири обеспечивали женщине ряд хозяйственных и имущественных прав. Более того, в случае смерти мужа при несовершеннолетних детях нередко были случаи, когда женщины

самостоятельно вели семейное хозяйство, и надел, которым когда-то наделялся муж, передавался вдове вместе с различными оброчными статьями [8. С. 128]. Довольно часто южнозауральская женщина выступала в качестве истицы и ответчицы в волостном суде. 14 февраля 1889 года крестьянская вдова деревни Полусальской Липа Григорьева Завьялкова предъявила иск крестьянской жене деревни Полусальской Екатерине Тихоновой Завьялковой, отставному рядовому деревни Полусальской Тихону Львову Катайцеву, отставному рядовому села Глядянского Павлу Иванову Менщикову. Завьялкова, Катайцев и Менщиков «нанесли Липе Григорьевой Завьялковой побои днем 10 числа февраля месяца, что видели крестьянин Дмитрий Пустозеров и крестьянский сын Тимофей Завьялков, поэтому и просит наложить на них наказание на основании 518 ст. XII т. II ч.». Свидетели подтвердили показания истицы. Волостной суд, принимая во внимание показания свидетелей, постановил: «Отставных рядовых Катайцева и Менщикова подвергнуть аресту на 6 суток, а Завьялкову приговорить к общественным работам на 5 дней». Ответчики 9 марта 1889 г. обжаловали решение волостного суда в вышестоящей инстанции. Однако Курганское окружное по крестьянским делам присутствие обжалование оставило без последствий [23. Л. 5–6]. Интересно, что южнозауральские крестьянские женщины подавали судебные жалобы в волостной суд не только на однодеревенцев, но и на должностных лиц сельской общины. 15 июня 1887 г. «крестьянская вдова села Глядянского Татьяна Ларионова Беляшова жалуется на земляных старшин Василия Менщикова, Ермолая Менщикова и Александра Серебрякова, что они, несмотря на неоднократные ее прозбы, не наделяют ее хорошей землей наравне с другими. Мы, волостные судьи, принимая во внимание то, что дела об общинном пользовании земель подлежат ведению не волостного суда, а сельского схода, постановили: в жалобе Беляшовой на земляных старшин отказать, представив ей право по этому делу просить сельский сход» [18. Л. 17–18].

Положение в семье южнозауральских женщин также было более свободным по сравнению положением женщин Европейской России. В волостных судах нередко встречаются жалобы супругов друг на друга. Мужья жалуются на «безвестное» отсутствие жен и их развратное поведение. Жены, чьи обращения встречаются куда чаще, жалуются на жестокое обращение со стороны супруга, пьянство и «нерадение о хозяйстве». Церковное, да и обычное крестьянское право требует, чтобы муж и жена, живя совместно, «должны жить полюбовно и не развратничать». При нарушении этого правила жене мог быть назначен арест, а мужу наказание розгами. Мужчин также наказывали за разврат арестом или штрафами, но позорящие наказания применялись гораздо реже к мужчинам, чем к женщинам [24. С. 70].

16 июня 1896 г. в селе Замараевское Шадринского уезда, сотским был задержан с ножом пьяный крестьянин из деревни Ковриги Егор Мурзин. Основанием для «буйного поведения» Мурзина стало желание вернуть себе бывшую любовницу Феклу Важенину, жену

местного крестьянина Ивана Яковлева Важенина, в чем сам Мурзин сознался на предварительном расследовании. На расспросы сотского он ответил, что явился в село Замараевское, поскольку «он думает отнять» жену Важенина. Из дальнейшего изучения дела становится видно, что означенная Фекла Важенина ушла к Мурзину, с которым «находилась в противозаконном сожительстве более в двух лет». Муж ее, проезжая через деревню Ковриги, забрал жену к себе домой. По всей вероятности, во время пьянки Мурзин вспомнил старую любовь и решил вернуть ее к себе силой, а мужа ее убить. Во всяком случае, такое предположение выдвигают сотский Шилов и Важенин [25. Л. 32].

В случаях нарушения супружеской верности женой муж имел полное право «учить» ее, а если развратное поведение становилось широко известным на селе, то женщину наказывали розгами или применяли позорящие наказания (острижение волос и т.п.). За прелюбодеяние жены муж во время самосуда довольно часто переходил границы «допустимого наказания», установленные нормами обычного права. «Крестьянин Шадринской волости Барнаульского округа сделал над женой своей Степанидой такое циническое и варварское надругательство, что мы не находим приличных слов для описания его поступка. Из другого дела, производившегося в 1865 г., видно, что крестьянин Верхне-Каинской волости Каинского округа Андрей Сартаков, услышав о дурном будто бы поведении жены своей Александры во время отлучки его на золотые промысла, завел ее в баню и сек розгами так жестоко, что она через пять дней умерла» [26. С. 26]. При исследовании дел волостных судов мы пришли к выводу, что в последней трети XIX в. в южнозауральском регионе семейные измены чаще всего разбирались обычно-правовыми судебными институтами деревни – судом стариков, мирской сходкой, нежели волостными судами. Об этом может свидетельствовать небольшое количество дел о супружеских изменах, рассмотренных волостными судами.

Можно сделать вывод, что, несмотря на довольно эмансипированное положение женщины в Южном Зауралье, как в российской, так и в южнозауральской сельской семье в конце XIX – начале XX в. основными ценностями по-прежнему являлись коллективизм, благополучие всей семьи, а не отдельных ее членов, жесткая семейная иерархия, подчинение жены мужу, строгое следование общинным местным традициям и т.д. Примечательно, что Южном Зауралье число дел в волостных судах с участием женщин в начале XX в. возрастает по сравнению с концом XIX в., что свидетельствует о дальнейшем развитии эмансипации южнозауральской женщины, связанной, в свою очередь, с экономическими, социальными и культурными последствиями модернизации в России.

Таким образом, решения волостных судов, на наш взгляд, являются ценным историческим источником сельской жизни России и ее регионов и дают довольно полное представление об экономической, социальной и культурной жизни русских крестьян второй половины XIX – начала XX в. Кроме того, решения волостных судов могут быть использованы исследователями

и как юридический источник для составления картины правовой культуры русских крестьян в изучаемое время.

При анализе особенностей судебной волостной системы Южного Зауралья в начале XX в. преимущественно были использованы решения Глядянского волостного суда Курганского уезда Тобольской губернии – типичной среднестатистической волости Курганского уезда. Данный выбор был обусловлен тем, что в архивных фондах ГАКО Глядянское волостное правление представлено наиболее полно и насчитыва-

ет 619 дел за 1886–1917 гг. Конечно, следует учитывать, что судебная информация по одному волостному суду ни в коей мере не дает полного представления об особенностях обычно-правовой культуры крестьян Южного Зауралья, а тем более всей Сибири, но определенную юридическую картину правовой жизни крестьянского мира все же составить вполне возможно.

Для анализа нами произвольно были выбраны семь лет с 1890 по 1913 г., периода, когда модернизация во всех сферах жизни общества и государства России шла полным ходом (таблица).

**Правонарушения и преступления крестьян Глядянской волости Курганского уезда Тобольской губернии
в отдельные годы конца XIX – начала XX в.**

Виды крестьянских преступлений и правонарушений	1890	1900	1905	1907	1910	1912	1913
I. Земельные споры	4	3	2	28	50	33	24
1) отобрание надела	4	2	1	19	30	25	16
2) долг по аренде	–	1	1	9	20	8	8
II. Разделы имущества	9	5	4	16	36	11	7
1) между супругами	1	–	2	4	10	2	1
2) между супругами и родственниками	2	1	2	2	10	4	2
3) между детьми и родителями	4	3	–	4	5	3	4
4) между братьями	2	1	–	6	11	2	–
III. Взыскание долга	18	20	14	85	167	78	42
1) долг по «лавке»	–	–	–	28	16	14	12
2) долг по векселю	1	–	–	–	20	7	–
3) долг по сделке	8	10	7	27	93	31	8
4) долг по работе	9	10	7	16	22	16	14
5) долг по «маслоделию»	–	–	–	14	16	10	8
IV. Опекунские дела	3	–	2	3	11	5	2
V. Потравы	18	16	15	37	42	9	14
VI. Иски за службу и общественные работы	2	–	2	3	4	3	1
VII. Должностные преступления	–	–	1	1	3	–	–
VIII. Преступления против мира	4	1	–	6	7	3	2
IX. Уголовные дела	19	31	20	55	108	66	23
1) порубка леса	–	2	4	9	14	3	–
2) оскорбления действиями	4	8	4	16	23	18	12
3) оскорбления на словах	5	8	4	12	28	18	–
4) нанесение имущественного вреда	6	8	5	12	25	17	7
5) кражи	4	5	3	6	18	10	4
X. Дела, содержание которых неизвестно	2	3	4	5	25	4	–
Всего	79	79	64	239	453	212	115

Примечание. Таблица составлена по: ГАКО. Ф. 129. Оп. 1.

Прежде всего обратим внимание на количество дел, рассмотренных Глядянским волостным судом в разные годы. Пик (453 дела) таких дел приходится на относительно «спокойный» 1910 г. Примечательно, что в революционный 1905 г. в волостном суде было рассмотрено всего 64 гражданских и уголовных дела, меньше, чем в 1890 г. (79 дел). Но к 1907 г. преступность в Южном Зауралье, и в частности в Глядянской волости, значительно возросла: количество дел в Глядянском волостном суде увеличилось почти в 7 раз. В предвоенном 1913 г. наблюдается определенный спад исковых заявлений по сравнению с 1907 г. Однако если в конце XIX – начале XX в. количество исковых заявлений оставалось почти на одном уровне, то к 1913 г. отмечается их рост почти в 1,5 раза.

Обращает на себя внимание графа «Дела, содержание которых неизвестно». В данную графу попадают дела о мелких правонарушениях или с незначительной исковой суммой. Рассмотрение таких дел переносилось на следующее заседание волостного суда либо

вообще отклонялось, если истец и ответчик, а также свидетели не являлись на суд, не представив объяснений своих «прогулов». Следует отметить, что южнозауральские крестьяне были достаточно «дисциплинированными» и довольно редко не являлись на заседания волостного суда, о чем свидетельствует примерно одинаковый уровень нерассмотренных дел как в конце XIX, так и в начале XX в. Исключение составляет 1910 г., когда дела, содержание которых неизвестно, составили 5,5% от общего количества дел.

Анализируя земельные споры, рассматриваемые волостным судом в 1890–1913 гг., следует отметить, что их количество значительно возросло. Если в 1890 г. таких споров в Глядянской волости было всего 4, то в 1910 г. – 50, т.е. их число выросло в 12,5 раз. К 1913 г. наблюдается определенное снижение земельных споров, но все равно по сравнению с 1890 г. их количество больше в 6 раз.

На наш взгляд, этот рост связан с развитием земельных отношений и модернизационных процессов

в Южном Зауралье, в частности, с ростом переселенческого движения и реализацией столыпинской аграрной реформы. Вышеозначенные процессы повлияли на развитие арендных земельных отношений. Если в 1890 г. в Глядянском волостном суде вообще не рассматривались споры по земельной аренде, то в 1913 г. таких споров было 8, а в 1910 г. – 20.

Весьма интересны данные по взысканию долга крестьян друг с друга через волостной суд. Этот статистический материал свидетельствует о капитализации и развитии товарно-денежных отношений в южнозауральской деревне. Например, судебные тяжбы по оплате проделанной работы между наемным работником и нанимателем с 1890 по 1913 г. возросли в 2,5 раза, по долгам по сделкам – в 11 раз. С развитием маслодельческого кооперативного движения в Южном Зауралье появились новые виды исковых заявлений, которые в волостных судах определялись как «долг по лавке» (взыскание долга с крестьян, задолжавших сельскому кооперативному магазину или магазину, принадлежавшим местным купцам или торговцам) и «долг по маслоделию» (взаимообразные иски заявления крестьян к маслодельским кооперативам и маслодельских кооперативов к крестьянам за сданное или переработанное сырье – молоко, масло и т.д.). Эти новые виды исковых заявлений составили в 1907 г. 17,5 % от общего числа всех исковых заявлений, в 1910 г. – 7%; в 1912 г. – 11%; в 1913 – 17%.

На основе решений волостных судов, на наш взгляд, можно составить определенную картину о состоянии и развитии семейных отношений в южнозауральской деревне. При этом можно использовать иски о семейных разделах движимого имущества. В 1890 г. таких исков было 9, что составило 11% от общего числа всех исковых заявлений, причем почти две трети исковых споров составили споры (вернее, разделы) между родителями и детьми и между братьями. Но к 1907–1913 гг. процент исковых заявлений по семейным имущественным разделам снижается до 6%. В то же время, по нашему мнению, здесь следует учитывать, что редко семейные споры по разделу имущества доходили до судебного разбирательства.

Незначительное количество дел в волостных судах связано с функционированием и деятельностью южнозауральской общины (иски за службу и общественные работы, должностные преступления, преступления против мира). Самый высокий процент (7,5%) таких дел приходится на 1890 г., затем, в начале XX в., на протяжении 1900–1913 гг. этот показатель колебался от 1,2 до 4,6%. На наш взгляд, данные цифры свидетельствуют о достаточной «прочности» южнозауральской общины, ответственности выборных сельских лиц и самих крестьян – членов общины – перед миром.

Обратимся теперь к анализу уголовных дел, рассмотренных Глядянским волостным судом с 1890 по 1913 гг. Волостной суд рассматривал следующие виды головных преступлений и правонарушений: незаконная вырубка казенных лесов и наделных лесных дач, оскорбление действием, оскорбление на словах, нанесение имущественного вреда (в незначительном денежном размере), мелкие кражи.

В целом количество дел по уголовным преступлениям, которые рассматривал волостной суд, с 1890 по 1913 г. составляло довольно значительную долю: 1890 г. – 24%, 1900 г. – 39%, 1905 г. – 31%, 1907 г. – 23%, 1910 г. – 24%, 1912 г. – 31%, 1913 г. – 20%.

Незначительную часть составляли дела о незаконной вырубке казенных лесных угодий: от 1,4 до 6%. Такая ситуация, на наш взгляд, сложилась из-за существовавшего принципа «старозаимочности», когда старожилы, пользуясь правом захватного землевладения и богатством лесных угодий, присваивали себе лесные участки, ставили на них строения и объявляли их своей собственностью. Такой принцип «старозаимочности» был одной из обычно-правовых традиций южнозауральской общины.

Пик дел, связанных с хулиганством в деревне (оскорбление действием и оскорбление на словах), приходится на 1900 г. – 39%. Другую значительную часть уголовных дел составляли дела о нанесении имущественного вреда (например, «выбитие окон», «убийство» поросенка и т.д.) и кражах. Пик таких дел (16%) приходится также на 1900 г.

На наш взгляд, вряд ли в данном цифровом материале можно усматривать тенденцию к снижению уровня преступности в южнозауральской деревне. Динамика уголовных дел в волостных судах связана, скорее, с другими процессами. Царское правительство в начале XX в. решило очистить обычное право и действующее законодательство от наиболее устаревших юридических норм, превратить крестьян в реальных субъектов гражданского права, освободив их от опеки общины и завершив формирование в деревне истинного понятия частной собственности. «Временные правила» требовали соблюдения обычного права в гражданских делах, но в делах уголовных суды должны были руководствоваться только общими уголовными законами в пределах их компетентности. Вследствие этого область обычного права была существенно сужена. В ходе дальнейшей реформы, продолжавшейся до 1917 г., крестьяне получили значительные права и возможности. Таким образом, закон дал крестьянам полные и равные с другими сословиями права, сделав их полноправными субъектами гражданско-правовых отношений. Поэтому крестьяне в начале XX в. предпочитают даже в делах, связанных с мелкими уголовными преступлениями и правонарушениями, обращаться не в волостной суд, а в суды более высокой инстанции. «Собственным волостным судам крестьяне мало доверяют, к судам же государственным относятся с большим уважением... Коронного судью водочкой не угостишь, чайком не попотчешь... Кроме того, государственный суд при разбирательстве дела руководствуется законом; волостной же суд редко в закон глядит, решает дела более по крестьянскому обычаю, а под прикрытием местного обычая можно творить какие угодно беззакония», – отмечено в обобщающем исследовании князя В.В. Тенишева [27. С. 15].

При анализе решений волостных судов может возникнуть вопрос о достоверности, информативности и ценности исследуемого источника: можно ли на его материалах составить довольно полное представление о правовой культуре местных крестьян?

Одним из существенных недостатков решений волостных судов как источника его является недостаточная полнота информативности. Довольно часто в книгах решений волостных судов указывалась просто сумма иска, однако суть исковой жалобы не раскрывалась. Или же в книге решений фиксировалась довольно расплывчатая формулировка жалобы: «нанесение вреда», однако какой вред был нанесен и в чем он заключался, писарем при разборе дела не пояснялось. Это происходило вследствие разных причин. Чаще всего, если дело решалось до следственного разбора за примирением сторон: ведь одной из важнейших функций волостного суда по предписанию коронной администрации являлось улаживание спора миром до судебного разбирательства, либо вследствие небрежности и лености писаря, не записывавшего суть искового заявления.

Важной особенностью обычно-правовой культуры русского крестьянства являлось его сутяжничество и страсть к кляузничеству. В волостных судах было большое количество как исков на незначительные суммы, так и жалоб на ничтожные правонарушения односельчан. В.В. Тенишев приводит довольно забавный пример сутяжничества, называя его пустяком. «В 1888 г. 21 августа за № 23 в книге суда записана жалоба: пришел ко мне в дом в пьяном виде Игнатий Степанов, сиделец питейного заведения, при селе Покрове, вышел в сени, нассал в кадку с водой, из которой, не зная этого, налили в самовар, и пило все семейство, через которое все семейство опоганилось. Прошу привлечь Степанова к законной ответственности. (Новгородск. губ. Череповецк. у. Власов)» [27. С. 19]. Исследователь предполагает, что сутяжничество было больше развито среди государственных крестьян, чем среди бывших помещичьих. Это подтверждают и иски южнозауральских крестьян. В волостных судах Курганского уезда довольно часто разбирались жалобы на «убийство» домашних животных, вырывание огуречной ботвы и пр. Среди южнозауральских женщин оскорблением действием считалось срывание платка или шали. За это обидчики довольно часто несли уголовную ответственность в волостных судах. Так, в 1905 г. Глядянским волостным судом была рассмотрена жалоба, в которой истица обвиняла ответчика в том, что он, будучи пьяным, сел к ней на колени, сорвал шаль и платок. Истица требовала с ответчика за оскорбление действием 5 руб. Ответчик, так как был пьян, не помнил своих действий, но 5 руб. уплатить был согласен. Иск был удовлетворен [28. Л. 127 об.–128].

Довольно сложно по книгам решений волостных судов определить, какими обычно-правовыми традициями данной местности руководствовались судьи при вынесении тех или иных судебных решений, так как специально такие традиции не фиксировались и ссылок на них в книгах решений судов не было. Напротив,

очень часто судебные решения по различным исковым спорам базировались на официально-нормативном праве. В архивных судебных материалах можно нередко обнаружить ссылки на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., входивший составной частью в Судебные Уставы, при принятии того или иного судебного решения. Таким образом, решения волостных судов как исторический и юридический источник имеют определенные недостатки, как, впрочем, и любой источник.

В то же время ценность данного источника не вызывает сомнений. Как исторический источник решения волостных судов дают представление об экономической, демографической, социальной, культурной и повседневной жизни русских крестьян конкретной местности. На основании анализа этого вида источников можно определить размеры наделов крестьян, оброчные статьи за эти наделы, владельцев этих наделов, какие угодья находились в общественном и частном пользовании, суть «старозаимочного» принципа, предметы крестьянских споров по недвижимому имуществу, вовлеченность крестьян в товарно-денежные и кооперативные отношения и т.д. Эти же источники позволяют определить тип семьи (большая или малая) в южнозауральской общине, семейные отношения, роль мужчины и женщины в семье, отношение родителей к воспитанию детей, отношение детей к престарелым родителям, обычно-правовые семейные традиции и семейные поведенческие нормы. В определенной мере решения волостных судов помогают установить культурный уровень развития русских крестьян южнозауральской общины: степень развития грамотности среди сельчан, их активность в общественной жизни деревни, волости, уезда, общепринятые культурные нормы и девиации (пьянство, хулиганство, супружеские измены) среди южнозауральских крестьян.

Как юридический источник решения волостных судов в значительной мере позволяют обозначить уровень правовой культуры южнозауральской общины. По этому источнику в определенной мере можно рассмотреть обычно-правовые традиции русских крестьян Южного Зауралья, соотношение таких традиций с официально-нормативным правом, трансформацию этих традиций под влиянием модернизационных процессов, отношение крестьян и органов общинной власти к таким изменениям. В то же время следует учитывать, что решения волостных судов не дают полной картины правовой культуры южнозауральского крестьянского общества. Как любой источник, решения волостных судов имеют определенные недостатки. Однако ценность этого источника заключается в том, что без него невозможно изучить обычно-правовые традиции русской деревни и, следовательно, реконструировать историческую действительность как отдельного региона, так и России в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895. 140 с.
2. Безгин В.Б. Сельское правосудие и правовые обычаи русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов, 2014. 287 с.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 1999.

4. Земцов Л.И. Волостной суд в России в 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. 447 с.
5. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов н/Д, 2012. 600 с.
6. Кулачков В.В. Особенности правовой жизни крестьянства западного региона России в первой трети XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2012. № 1 (15), ч. II. С. 108–110.
7. Менщиков И.С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 6 (68), ч. I. С. 119–124.
8. Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (19 февраля) [№ 36657] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Отд.-е 1. СПб., 1863. Т. 36.
9. Зарудный М.И. Законы и жизнь. Исследования крестьянских судов. СПб., 1874. 224 с.
10. Духовский М.В. Имущественные проступки по решениям волостных судов. М., 1891. 381 с.
11. Чубинский П.П. Краткий очерк народных юридических обычаев, составленный на основании прилагаемых гражданских решений // Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край снаряженной императорским Русским географическим обществом. СПб., 1872. Т. VI: Народные юридические обычаи по решениям волостных судов. 396 с.
12. Менщиков И.С., Федоров С.Г. Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье. Курган, 2017. 151 с.
13. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 53.
14. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. 719 с.
15. Колесников А.Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 38–58.
16. Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 223–237.
17. Миненко Н.А. О влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири XVIII – начала XX в. / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1978. С. 282–293.
18. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3.
19. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 5.
20. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 255.
21. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 332.
22. Федоров С.Г. Прелюбодеяние, самосуд и обычное право в российской и сибирской деревнях во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 12 (62), ч. II. С. 183–186.
23. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 27.
24. Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1887. 269 с.
25. Государственный архив г. Шадринска (ГАСШ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 123.
26. Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. 117 с.
27. Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907. 200 с.
28. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 203.

Sergey G. Fedorov, Kurgan State University (Kurgan, Russia). E-mail: serg-georg@mail.ru

MATERIALS OF VOLOST COURTS OF THE SOUTHERN TRANS-URALS REGION AS A HISTORICAL AND LEGAL SOURCE

Keywords: common law, volost court, legal culture, the Southern Trans-Urals community.

The aim of the proposed article is to determine the value of the decisions of volost courts as a historical and legal source. The archive funds of the State Archives of the Kurgan Region (GAKO) and the State Archives of Shadrinsk were used as sources for writing the article, in which the decisions of the volost courts of the Kurgan and Shadrinsk districts were concentrated from the second half of the 19th to the beginning of the 20th century. In the article the author sets the following tasks: to determine the role of volost courts in the legal life of the peasant community, to analyze the main types of offenses and crimes among the Southern Trans-Urals peasantry, to reveal the features and causes of these violations.

Common law was an integral part of the legal culture of the peasantry of Russia, including Siberia, and the Trans-Urals. In the last third of the 19 century, many ethnographers, historians and lawyers paid attention to this, and carefully studied the materials of volost courts, in which there were examples of the application of a common law. Volost courts were the keepers of the common legal traditions of the peasant community, which in each region of Russia had their own characteristics. The article proves that the materials of volost courts have significant historical value. With the help of these materials, it is possible to determine the specifics of the development of the Southern Trans-Urals peasant community. Among such features were: partial exile-settlement nature of its formation, relatively free status in the family and community, lawsuits on cooperative butter-making. Each of these features had its own causes and consequences. Thus, the exile-settlement nature of the formation of the Southern Trans-Urals peasant community practically had no significance at the end of the 19th century as a result of the relocation of borders of exile to the East of Siberia. The emancipation of the Southern Trans-Urals woman due to the demographic situation allowed them to play a rather significant role in the family and the community. The development of butter-making in the Kurgan Uyezd, as a result of favorable economic factors, allowed peasants to leave the sphere of common law relations to the sphere of official and normative law. From a legal point of view, the materials of the decisions of volost courts of the Southern Trans-Ural make it possible to analyze to a certain extent the crime rate in the peasant environment, the types of offenses among peasants, the gradual transformation of customary law under the influence of modernization processes. As a result of the research, the author comes to the following conclusions: the decisions of volost courts are the most important historical and legal source allowing to reconstruct the historical picture of the legal behavior and legal culture of the peasantry, both in a separate region and in the whole of the Russian Empire.

REFERENCES

1. Leontiev, A.A. (1895) *Volostnoy sud i yuridicheskie obychai krest'yan* [The Volost court and legal customs of peasants]. St. Petersburg: N.K. Matynov.
2. Bezgin, V.B. (2014) *Sel'skoe pravosudie i pravovye obychai russkikh krest'yan vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Country justice and legal customs of Russian peasants of the second half of the 19th – early 20th century]. Tambov: A.V. Chesnokov.

3. Mironov, B.N. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Imperial Russia (18th – early 20th century)]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.
4. Zemtsov, L.I. (2002) *Volostnoy sud v Rossii v 60-kh – pervoy poloviny 70-kh godov XIX veka (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [The Volost court in Russia in the 1860s – the first half of the 1870s (a case study of the Central Chernozem region)]. Voronezh: Voronezh State University.
5. Shatkovskaya, T.V. (2012) *Obychnoe pravo rossiyskikh krest'yan vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [The common law of Russian peasants of the second half of the 19th – early 20th century]. Rostov-on-the-Don: Palmarium Academic Publishing.
6. Kulachkov, V.V. (2012) Peasantry's legal life features within the western region of Russia in the first third of the XXth century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 1(15). pp. 108–110. (In Russian).
7. Menshchikov, I.S. (2016) Volost court as a keeper of the traditional norms of behaviour in the Russian countryside. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 6(68). Part 1. pp. 119–124.
8. Russia. (1863) Vysochayshe utverzhdennoe Obshchee Polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti. (19 fevralya) [№ 36657] [Highest approved General Regulations on peasants who have left serfdom. (February 19) [No. 36657]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Coll. 2(1). Vol. 36. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
9. Zarudnyy, M.I. (1874) *Zakony i zhizn'. Issledovaniya krest'yanskikh sudov* [Laws and life. Studies of peasant courts]. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
10. Dukhovskiy, M.V. (1891) *Imushchestvennyye prostupki po resheniyam volostnykh sudov* [Property misconducts on the decisions of volost courts]. Moscow: M.P. Shchepkin.
11. Chubinsky, P.P. (1872) Kratkiy ocherk narodnykh yuridicheskikh obychev, sostavlennoy na osnovanii prilagaemykh grazhdanskikh resheniy [A short essay on the people's legal customs, compiled on the basis of the enclosed civil decisions]. In: Chubinsky, P.P. et al. *Trudy etnograficheskostatisticheskoy ekspeditsii v zapadno-russkiy kray snaryazhennoy imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom* [Proceedings of the ethnographic-statistical expedition to the West-Russian region equipped with the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 6. St. Petersburg: V. Bezobrazova i K.
12. Menshchikov, I.S. & Fedorov, S.G. (2017) *Volostnye sudy i krest'yanskoe pravosudie v Yuzhnom Zaural'e* [Volost courts and peasant justice in the Southern Trans-Urals]. Kurga: Kurgan State University.
13. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 53.
14. Yadrintsev, N.M. (1872) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [Russian community in prison and exile]. St. Petersburg: Tipografiya Morigerovskogo.
15. Kolesnikov, A.D. (1975) Ssylka i zaselenie Sibiri [Exile and settling of Siberia]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Ssylka i katorga v Sibiri (XVIII – nachalo XIX v.)* [Exile and Hard Labour in Siberia (the 18th – early 19th century.)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 38–58.
16. Margolis, A.D. (1975) O chislennosti i razmeshchenii ssyl'nykh v Sibiri v kontse XIX v. [On the number and location of exiles in Siberia in the late 19th century]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Ssylka i katorga v Sibiri (XVIII – nachalo XIX v.)* [Exile and Hard Labour in Siberia (the 18th – early 19th century.)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 223–237.
17. Minenko, N.A. (1978) O vliyaniy ssylki na semeynuyu zhizn' russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri v XVIII – pervoy polovine XIX v. [On the influence of the exile on the family life of Russian peasants in Western Siberia in the 18th – first half of the 19th century]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri XVIII – nachala XX v.* [Exile and socio-political life of Siberia in the 18th – early 20th century]. Novosibirsk: Nauka. pp. 282–293.
18. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 3.
19. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 5.
20. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 255.
21. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 332.
22. Fedorov, S.G. (2015) Adultery, lynching and customary law in the Russian and Siberian villages in the second half of the 19th – early 20th century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 12(62). Part 2. pp. 183–186. (In Russian).
23. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 27.
24. Smirnov, A. (1887) *Ocherki semeynykh otnosheniy po obychnomu pravu russkogo naroda* [Essays of family relations by the common law of the Russian people]. Moscow: M. Katkov.
25. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund 4. List 1. File 123.
26. Kostrov, N. (1876) *Yuridicheskie obychai krest'yan-starozhilov Tomskoy gubernii* [The legal customs of the peasant old-timers in Tomsk province]. Tomsk: Tomskaya Gubernskaya tipografiya
27. Tenishev, V.V. (1907) *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian peasant life]. Bryansk: L.I. Itin i K.
28. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 203.

УДК 947.157

DOI: 10.17223/19988613/65/9

М.К. Чуркин, Е.Е. Умнов

ВОСПОМИНАНИЯ КАК ЭГО-ТЕКСТ: ДЕТСКАЯ ТЫЛОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На основе анализа эго-текстов обоснованы возможности воспоминаний в реконструкции детской тыловой повседневности сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны. Продемонстрирована вероятность через эмоционально-экспрессивные восприятие и трансляцию респондентами жизненных эпизодов тыловой повседневности раскрыть воздействие формальной, частично неформальной и неформальной среды на организацию повседневного поведения детей, стратегии и практики поведения в условиях военного лихолетья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; сибирская провинция; детская повседневность; эго-текст; письменные и устные воспоминания; история военного детства.

В отечественной исторической науке тема частных судеб, жизни «незамечательных людей» долгое время оставалась на периферии исследовательских штудий, приоритетное место в которых занимала политическая история. История Великой Отечественной войны, ставшей в России второй половины XX в. опорной точкой коллективной памяти нации, долгое время рефлексировалась в таких масштабных категориях, как «народ», «армия», «герой» и т.д., что способствовало не только консервации идеологических «штампов» в оценке содержательных аспектов событий 1941–1945 гг., но и формированию одномерных представлений о травматическом эффекте войны, в поле действия которого попадали чаще всего сюжеты фронтовой, но не тыловой повседневности.

В последние два десятилетия, когда отечественная историография оказалась в сфере влияния традиций «новой исторической науки», произошли кардинальные изменения в подходах к осмыслению ключевых событий российской истории и, что не менее существенно, в исследовательских практиках и методах интерпретации исторических источников. Приращение российской историографией таких направлений, как история повседневности, военно-историческая антропология, гендерная история, устная история, стало своеобразным плацдармом для смещения локуса исследований от изучения событий к изучению состояний, что ориентировало историков к широкому массиву эго-текстов, позиционируемых, в отличие от источника личного происхождения, не столько в качестве поставщика информации, сколько как хранителя и транслятора личных переживаний, внутренних ощущений и авторской идентичности.

За минувшее время исследователями, как западными, так и отечественными, было создано немало научных трудов по истории повседневности и феномену детства. Важно отметить, что изучение темы повседневности детства входит в предметную область таких дисциплин, как социология, антропология, история, педология, культурология. В выбранном нами контексте история повседневности позволяет рассмотреть сферу детской обыденности, формирования стратегий

адаптации к социальной среде в условиях трудной жизненной ситуации.

Н.Л. Пушкарева обращает внимание на то, что «повседневность – это совокупность привычных социальных взаимодействий, укладов жизни, правил обихода, это человеческие отношения, каждое из которых – рациональное, т.е. запланированное самими индивидами. В совокупности же каждое такое взаимодействие является частью структуры и порядка, которые никем не планировались и не предусматривались» [1]. Говоря иначе, выходя за границы привычного, обыденного и «нормального», можно определить черты и сферы обыденности детской повседневности, изменения ментальной повседневности человека. Изучение истории повседневности помогает понять жизнь «незамечательного» человека, его переживания, чувства, эмоции в определенный исторический период. Изучение повседневной жизни детей помогает рассмотреть определенную историческую реальность с другого ракурса: отвергая общественные клише, увидеть роль самого человека, его значимость и характерные особенности на определенном этапе развития.

Тематикой детства в годы Великой Отечественной войны занимаются многие исследователи. Так, в работе А.А. Сальниковой «Русское детство в XX веке: история, теория и практика исследования» автор рассматривает особенности детства детей на протяжении различных исторических этапов, а также мифы о «советском детстве», которое долгие годы считалось продуктом нового режима, где доминировали «счастье, безоблачность и защищенность» [2. С. 26]. В своем исследовании «Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения» Е.Ф. Кринко обращает внимание на различные малоизученные проблемы детей военного времени, оказавшихся в экстремальной ситуации [3]. На Урале вопросами детской повседневности занимались такие исследователи, как В.М. Кореньков [4. С. 72], А.Б. Сулов [5. С. 155]. Примечательно, что они раскрывают повседневную жизнь в годы Великой Отечественной войны не только детей, но и их родителей, а также трудности, с которыми пришлось столкнуться при воспитании [6. С. 44].

Е.В. Протасова в своем исследовании приводит устные и письменные воспоминания уральцев – детей войны, что позволяет рассмотреть события военных лет в индивидуальном измерении [7. С. 355]. Важно отметить, что некоторыми учеными подчеркивается наличие существенных отличий детской повседневности в годы Великой Отечественной войны в тылу, на фронте, на оккупированных территориях. Вопросами детской повседневности в Дагестанской автономной республике в этот период активно занимается И.А. Эмирханов [8. С. 52; 9. С. 167].

Актуальность данной работы состоит в том, что количество подобных исследований, проводимых на материалах сибирского региона, и в частности Омской области, довольно немногочисленно. Более того, приближение очередного юбилея Победы в Великой Отечественной войне вновь выводит на повестку дня вопрос о коммеморативных практиках и содержательных аспектах трансляции исторической памяти о событиях отечественной истории военного времени, влияния представлений о них на гражданскую идентичность.

В данной связи нам представляется существенным обращение к корпусу воспоминаний современников событий – детей войны, что даст возможность не только раскрыть многообразие индивидуальных реакций жителей провинции на череду политических, культурных, социальных явлений, инициированных событиями военных лет, но и реконструировать повседневный мир тылового детства, помещенный в контекст катастрофических событий эпохи.

Отметим, что тема «детской повседневности» периода Великой Отечественной войны в последние годы все чаще оказывается в поле зрения ученых, опирающихся в своих выводах на «детские тексты» и тексты детей войны. Внимание исследователей сконцентрировано на сложных процессах формирования детской памяти о войне, значимое место в которой занимают семья и школа в военные годы [10, 11]. Цель настоящей работы – выявить возможности воспоминаний в реконструкции детской тыловой повседневности сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны.

В ходе исследования нами были привлечены воспоминания респондентов 1925–1939 г.р., проживавших в годы войны в сельской местности, собранные и сверстаные сотрудниками Тарской централизованной районной библиотеки [12] и филиала ОмГПУ в г. Таре в 2014–2015 гг. [13]. Нами учтено, что в основе воспоминаний лежит память субъекта-мемуариста со всеми ее «родовыми признаками»: лакунами, неточностями в названиях, событийном контексте. Также принимались во внимание обстоятельства временной дистанции между описываемыми событиями и собственно составлением воспоминаний. В результате, из 50 текстов нами было отобрано 33. Выбор был сделан с опорой на современные психологические подходы, в частности выводы К. Нельсон, утверждавшей, что факт появления автобиографической памяти у ребенка фиксируется только в определенный период жизни – после выхода из детской амнезии, которая ограничена возрастом четырех лет [14. Р. 172–177]. Также учитывалось, что

детские воспоминания, как правило, «отягощены» поздней авторской рефлексией. З. Фрейд считал, что детские воспоминания – это позднейшая обработка давних впечатлений, подвергшихся воздействию различных психических сил более позднего времени, но при этом они остаются отражением реальных событий, происходивших в прошлом человека [15. Р. 48]. По констатации Л. Киршенбаум, «к тому времени, когда дети оказываются в состоянии давать себе отчет в своих словах, они уже не являются детьми, и их мемуары отражают отныне как детские, так и взрослые толкования и эмоции» [16. Р. 165]. Например, типичными в воспоминаниях детей войны можно назвать регулярно встречающиеся в текстах свидетельства о политической окраске событий – налоговых практиках, репрессивных действиях властей и т.д. [12. С. 25–26, 32, 42].

В результате обработки эго-текстов воспоминаний детей войны удалось прийти к следующим предварительным выводам. Внимательное прочтение воспоминаний, раскрытие их эмоционально-смысловой доминанты позволяют утверждать, что в сельской среде сибирской провинции, как и в предвоенный период, основными структурами детской повседневности продолжали оставаться семья, школа, улица. Через эмоционально-экспрессивные восприятие и трансляцию респондентами жизненных эпизодов тыловой повседневности становится возможным раскрыть воздействие формальной (школа), частично неформальной (семья) и неформальной (улица) среды на организацию повседневного поведения детей.

Школа в сибирской провинции в военные годы, частично утратила статус сугубо образовательного учреждения, выполняя широкий спектр экономических и идеологических функций. В летнее время школьников централизованно привлекали для работы в колхозах, учащиеся были задействованы в уборочных работах осенью. Воспоминания А.С. Алфёровой (1939 г.р.) – жительницы с. Кутырлы Тюкалинского района Омской области – очень точно передают эмоциональное состояние ребёнка военной поры, в котором причудливым образом сочетались признание важности и продуктивности подобной работы со страхом наказания: «Школа всегда была помощницей в трудный момент. Нас снимали с занятий и везли на работы. Работы были разные, тяжелые, мужские, а их-то и не было... Летом пололи осот на посевах, были на покосе. Осенью собирали колоски на полях, копали картофель, рвали турнепс. Холодно, холодно, но домой унести никто ничего не мог. За горсть гороха или пшеницы с тока сажали безжалостно в тюрьму» [12. С. 7]. По мнению исследователя О.А. Дорошевой, «достижением общеобразовательной школы в тот период явилось и укрепление связи воспитания и обучения с реальной жизнью с трудовыми усилиями народа, с его героической борьбой против захватчиков. Большое значение имело возвращение в школу трудового обучения. В специфических условиях военного времени полностью подтвердилась правильность принципа сочетания теоретического обучения с производительным трудом» [10. С. 8].

Определенные изменения произошли и в семейной сельской повседневности, что проявилось в консерва-

ции жизненного уклада и наиболее рельефно реализовывалось в стратегиях поведения сельского населения в условиях риска. В частности, Екатерина Ефимова, проживавшая в те годы в Тарском районе Омской области, вспоминала впоследствии: «Питание было скудное: натертая картошка с кожурой варилась в воде – получался суп... Нашей семье повезло, что была жива бабушка, и она старалась что-нибудь приготовить. Помню, что бабушка из сваренного толченого картофеля, добавив «выскорки» (так называли выжарки от жира), накатывала «катульки» (колобочки), замораживала и давала мне, когда я уезжала в лес на целый месяц. Картошки сажали много... держали коровку, поэтому на одной траве семья не сидела. А многие ели мерзлую картошку, крапиву, лебеду... В ход шли черемша и нераспустившиеся шишечки хвоща полевого – “гигили”» [12. С. 78]. В.С. Логинов (1935 г.р.), проживавший в те годы в Тарском районе Омской области, вспоминает: «Питались очень плохо, в основном картошкой, все мясо шло на сдачу государству для фронта... Однажды мать собралась зарезать овцу, пошла к соседу, а он отказался. Сказал – вас, женщин, много и всем помочь я не смогу, на всех меня не хватит. И вот тогда она пришла домой, а детей-то кормить надо, и сама зарезала овцу, а потом стала наниматься в Горчаково и в Ложниково резать скотину к одиноким женщинам, за что ей платили убоим... Хлеба настоящего не ели. В хлебе было все, кроме настоящей муки: горох, овес, ячмень, картофельная мука, отходы из-под вялки» [Там же. С. 50].

Показательно, что логика повествования авторов мемуарных текстов в полной мере совпадает с теорией «эластичности жизненного стандарта» сельского населения, озвученной еще в дореволюционной России. Так, А. Трайнин, изучавший в начале XX в. проблему различия в строении городской и сельской обеспеченности, полагал, что «недоедание» в деревне носит хронический, наследственный характер. От отца к детям переходит долготерпение и способность удовлетворяться самым малым. Ухудшение крестьянского хозяйства происходит постепенно, последовательно... [17. С. 38]. В воспоминаниях детей войны подвижность жизненного стандарта предполагала не только уникальную способность «затягивать пояса», но и стремление выработать такие стратегии и практики, которые были бы направлены и на улучшение качества жизни, во всяком случае в границах концепции «выжить во что бы то ни стало».

И.Ф. Кузьмин (1932 г.р.), заставший те тяжелые годы в пос. Дмитровка Тогучинского района Новосибирской области, так вспоминает свое детство: «Мужчин призвали на фронт. В колхозе было большое хозяйство: коровы, лошади, овцы, поля были засеяны хлебом. Везде были нужны рабочие руки, и вот этот непосильный труд жизнь взвалила на хрупкие плечи женщин и детей. Дети наравне со взрослыми пропалывали грядки, дергали лен, помогали заготавливать сено и силос на корм скоту, копали картошку, собирали колоски. Дома тоже сажали картошку, она была основным средством питания. Бывало, что картошки не хватало до нового урожая, тогда собирали съедобные травы:

пестики, гусинки, пучки, крапиву и лебеду. Хлеба не видели, потому что колхоз все сдавал государству для фронта. Выручала корова, все травы варили, забеливали молоком, так и жили. В школе не хватало учебников, не было тетрадей, чернил, ручек. Писать приходилось на старых книгах между строк. Чернила изготавливали из сажи или свеклы. После окончания 4 классов Ваня стал работать в колхозе. Двенадцатилетние и тринадцатилетние мальчишки работали в основном на лошадях. Весной во время посевной пахали, борошили, летом заготавливали корма: косили, гребли на конных граблях и сенокосилках. Осенью убирали хлеб, отвозили зерно от комбайна на ток в мешках, грузили мешки вдвоем. В короткие часы отдыха спали прямо на току, домой идти не было времени и сил. Зимой возили сено, солому, дрова» [18. С. 29].

Сельское хозяйство Сибири в первый период войны развивалось в своеобразных условиях. К началу июня 1941 г. во всех районах обширного края были закончены весенние полевые работы, на полях зрел богатый урожай. Перед тружениками сельского хозяйства встала нелегкая задача вырастить его, а затем своевременно убрать. Между тем с каждым днем войны количество техники в колхозах, МТС и совхозах стремительно уменьшалось. За первые шесть месяцев войны колхозы и МТС Западной Сибири, основной житницы районов, расположенных за Уралом, дали фронту 10 221 грузовую машину, или 92% от их наличия, на 24,3% сократилась численность конского поголовья. Из областей и краев Сибири было взято 5 043 трактора. Остались тракторы и автомашины старых образцов, требующие капитального ремонта, а производство запасных частей, например для тракторов, сократилось в 5 раз, по многим другим деталям – в 5–10 раз. Резко уменьшилась обеспеченность бензином: на Алтае – на 55%, в Красноярском крае – на 24,9%, в Новосибирской области – на 56,6%, в Омской области – на 72,1%. На первой военной уборке урожая пришлось использовать сенокосилки, косы и даже серпы. Одновременно резко сократилась численность трудоспособного населения [Там же. С. 50].

Ослабление материально-технической базы привело к росту конно-ручного труда в артелях и совхозах. Колхозники и рабочие совхозов с первых дней войны стали готовиться к тому, чтобы шире использовать тягло, восстанавливали инвентарь, для своевременной уборки урожая пришлось обратиться к помощи городского населения. Обкомы и крайкомы вместе с советами мобилизовали свободное население городов и рабочих поселков (в том числе и детей) на полевые работы, вместо ушедших в армию председателей колхозов, их заместителей, бригадиров направили опытных коммунистов. В связи с отсутствием тракторов и другой техники для уборки урожая часто использовали коров. Вот как вспоминает те времена А.И. Пахомова-Терещенко (1937 г.р.): «Все хозяйственные дела были распределены детьми. Как-то я полола грядки и вместе с травой вырвала все бобы. Жилось во время войны холодно и голодно, хотя корова была, но она давала совсем мало молока, потому что в войну техники не было, лошадей забрали на фронт, и все полевые рабо-

ты выполняли на коровах: пахали, сеяли, убирали урожай, возили из леса дрова. Летом жилось легче, как только сходил снег, мы ходили собирать полевой лук, позже собирали ягоды, грибы. Выручали крапива, лебеда, варили из трав суп, добавляли в хлеб. Осенью после уборки зерновых собирали колоски и сдавали их на ток. Для себя колоски и картошку собирали после того, когда выпадал снег. Зимой было трудно, трав, ягод не было, и приходилось есть жмых, который привозили для животных. На всю семью у нас были одни валенки и одна телогрейка» [18. С. 50].

Стоит отметить, что на сельских жителей, в отличие от городского населения, не распространялось государственное обеспечение. За отработанные трудодни сельское население получало лишь продукты по остаточному принципу, которых зачастую не хватало на всех нуждающихся. Как вспоминает Г.М. Белоус (1938 г.р.), проживавшая в то непростое время в с. Верх-Ики Легостаевского района Новосибирской области, «в военное время в колхозе остались одни дряхлые старики, женщины и дети, которым приходилось трудиться с раннего утра и до поздней ночи. За мной присматривал старший брат... Семья жила очень бедно, потому что труд в колхозе в то время оплачивался палочками. В конце года за эти палочки почти ничего не получали, за погибшего отца тоже ничего не получали. Корова была, но молоко сдавали на молококанку, а взамен приносили обрат. Все шло для фронта. Когда окончилась война, жить лучше не стало. Все шло на восстановление хозяйства» [Там же. С. 14].

Как следует из воспоминаний участников тех событий, дети разного возраста не только занимались собирательством по лесам и полям ягод, орехов, различных съедобных растений, но и всемерно помогали взрослым на сезонных сельскохозяйственных работах. Дети внесли немалый вклад в обеспечение продукцией фронтовых областей, детский труд оказался серьезной подмогой женщинам, оставшимся одним на хозяйстве. Дети по мере возраста и сил помогали взрослым на колхозных полях, скотных дворах, частном подворье. Они собирали колоски на полях после уборки урожая, ухаживали за скотом, ездили в лес заготавливать дрова, пахали, сеяли, участвовали в заготовке сена и т.д. [19. С. 14].

Одной из трудностей, с которыми сталкивались учащиеся и военного, и довоенного периода, являлась отдаленность школ от многих населенных пунктов. По воспоминаниям Валдиса Яновича (1928 г.р.), проживавшего в тот период в д. Курляно-Дубовка Тарского района Омской области, «совсем другое отношение к жизни было. За примером далеко ходить не нужно. Нынешние школьники ленятся на занятия сходить, через улицу перейти. А я в первый класс пять с лишним километров ходил до школы. Мы жили хуторами, и я со своего хутора шагал эти пять километров. И никто не провожал утром на занятия. Старшеклассники шли – так мы с ними. Знаешь дорогу – шагай! Хоть зимой, хоть по темноте. Все пешком. Если встретится попутно дядька с хутора на телеге – подвезет. Ох и радости тогда было – “прокатился на коне!” Когда в пятом классе учился, у нас в Курлянке была семилет-

ка, и из соседних деревень к нам шли – там только начальная школа была» [12. С. 44]. А.С. Корнеева, будучи в тот период студенткой 2-го курса педагогического института, была отправлена на работу в Колосовский район Омской области; она так рассказывает об этом периоде: «Большинство студентов направили на работу в сельские школы. Меня направили в райцентр – село Колосовку. Там была средняя школа, единственная на весь район. В других селах были семилетние и начальные школы» [Там же. С. 120].

Однако, несмотря на экстремальные условия, не обошлось и без нововведений в образовательном процессе. Новым в жизни школьников стало обучение по программе всеобуч (на тот момент оно охватывало детей с 8 до 14 лет, позднее – с 7 лет.): на занятиях дети изучали военное дело, бегали, маршировали. Кроме того, в селах, в которых жили представители разных национальностей (белорусы, чуваша, зыряне, чалдоны и др.), серьезное внимание уделялось изучению русского языка как языка межнационального общения в условиях военного времени. Данная практика в годы войны применялась в разных частях СССР [19].

Изучая эго-тексты можно увидеть, что характерными для повседневной жизни учащихся того периода были отсутствие учебных и канцелярских принадлежностей, острый недостаток или отсутствие учебной литературы. Чем дальше находилось селение от районного или областного центра, тем более остро это ощущалось. Школьникам вместо тетрадей зачастую приходилось использовать обрывки газет, различные листовки или бланки разных ведомостей. Как вспоминает В.С. Логинов, «чернил и бумаги не было, поэтому писали на старых книгах и журналах (между строк), а чернила делали сами из смеси молока и сажи» [12. С. 96].

Наиболее стабильным с точки зрения организации и функционирования оставалось в сибирской провинции военного времени пространство неформальной уличной жизни, что подтверждается и многочисленными фрагментами воспоминаний детей войны. Несомненно, менялись виды детских игр, их риторическое обеспечение, но главные их свойства – беззаботность и вневременной характер – оставались неизменными. Совершенно справедливо утверждение, что в «детской» автобиографической памяти событие погружено не в ситуативный (событийный), а в смысловой контекст истории жизни. Форма осознания события имеет социально-смысловую, обладающую динамикой во времени, произвольно реконструируемую организацию. Кроме того, «первое воспоминание», а для всех авторов мемуарных текстов оно таковым и являлось, всегда актуализируется по типу «яркого» [11. С. 12] и имеет рельефно окрашенный эмоциональный оттенок. В данном плане воспоминания о катастрофическом военном лихолетье преломлялись через детское сознание, в котором бытовые трудности вытеснялись позитивным восприятием жизни: «Наконец услышали: “Война!” Женщины навзрыд заплакали, мальчишки закричали: “Ура!”, пошли палками сечь крапиву...» [12. С. 38]; «Женщины соберут нас, малышня, чтобы мы не болтались где попало... и дадут нам задание, чтобы мы вот лошадей гоняли, вроде как забава...»

[13. С. 178–179]; «Но дети все равно находили время побегать на улице, играли в войну» [Там же. С. 180]; «Чуть свободное время – бежим играть, да младших сестренек за собой тащу, надо и за ними приглядывать. Играли в “чухи” да шарики» [Там же. С. 21].

Т.К. Щеглова в одной из своих работ рассматривает практики по обеспечению крестьянского жилища топливом в годы войны [20. С. 167]. В частности, она отмечает, что «в годы Великой Отечественной войны повсеместно осуществляется замена дров второстепенными в традиционной культуре русского сельского населения видами топлива. Как говорят респонденты, «топили, кто чем мог» [Там же. С. 168]. Справедливо данное утверждение и по отношению к жизни в Омской области. Как вспоминает О.Г. Грушенко (1936 г.р.), проживавшая в селе Большеречье Омской области, «дров не было, и мама с другими женщинами на санках возила тальник. Тепла от него почти не было. Мама сажала нас на печку, ставила туда патефон, чтобы нас и согреть, и отвлечь от голода, проигрывая пластинки» [12. С. 18].

Одной из серьезных проблем того времени в повседневной жизни учащихся была нехватка помеще-

ний для учебы. Классы были холодными, и отапливать их было нечем, вследствие чего зачастую занятия попросту отменялись. Ремонт школ производился крайне медленно и не совсем качественно. Часто для школ выделяли иные помещения. Как вспоминает А.С. Корнеева, «школа летом для себя готовила дрова, отопление было печное, но дров не хватало, и в классах было прохладно. Никто не возмущался, все понимали, что трудности надо переживать мужественно. Ребенок, идя в школу, нес с собой, кроме книг, пузырек с чернилами и коптилку». Также, помимо учебных принадлежностей, не хватало и одежды [Там же. С. 121].

Таким образом, смещение фокуса внимания исследователя с вопросов информативности источника к эмоциональным переживаниям и ощущениям автора эго-текста открывает дополнительные возможности реконструкции структур повседневности и стратегий поведения человека и локальных сообществ в обстоятельствах риска. Обращение к воспоминаниям детей войны является существенным подспорьем к восстановлению полнотной картины повседневной жизни сельского населения провинции в годы Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения. URL: <http://www.doiserbia.nb.rs/img/doi/0350-0861/2005/0350-08610553021P.pdf> (дата обращения: 27.11.2019).
2. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. 255 с.
3. Кринко Е.Ф. «Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detstvo-voennyh-let-1941-1945-gg-problemy-i-perspektivy-izucheniya> (дата обращения: 27.11.2019).
4. Корень В.М. Провинциальное детство в 1941–1945 гг. (на материалах Молотовской области) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3. Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 2. С. 72–76.
5. Корень В.М., Сулов А.Б. Особенности повседневной жизни «социально опасных детей» в послевоенное время // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2018Т. 20, № 2 (175). С. 155–168.
6. Корень В.М., Сулов А.Б. «Военная повседневность детей репрессированных родителей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области)» // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44) С. 44–52.
7. Протасова Е.В. Военное детство в воспоминаниях уральцев о 1941–1945 годах // Научный диалог. 2017. № 10. С. 355–367.
8. Эмирханов И.А. Повседневность дагестанских школьников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-dagestanskikh-shkolnikov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg> (дата обращения: 27.11.2019).
9. Эмирханов И.А. Детские будни тылового региона в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дагестанской автономной республики) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 187–191.
10. Дорошева О.А. Школьное образование на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. : автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Оренбург, 2003. 26 с.
11. Чуркин М.К. Воспоминания «детей войны» в коммеморативных практиках российского общества: «место памяти» или «место забвения»? // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (11). С. 86–91.
12. Жизнь, опаленная войной (воспоминания тружеников тыла и детей войны) / сост. Т.И. Царегородцева, Г.К. Нечаева. Омск : Амфора, 2015. 120 с.
13. Березина Т.Ю., Лугина Я.А. Мы были... : воспоминания о войне. Омск, 2015. 206 с.
14. Nelson K. Emergence of Autobiographical Memory at Age 4. Human Development, 1992. 338 p.
15. Freud S. Childhood memories and screen memories // The complete psychological works of Sigmund Freud : XXIII vols. / ed. & trans. J. Strachey. London : Hogarth, 1960. Vol. VI. P. 43–52.
16. Kirschenbaum L. Small Comrades. Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932. New York ; London, 2001. 362 p.
17. Трайнин А.А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. 1909. № 7. С. 29–42.
18. Детство, опаленное войной : воспоминания ветеранов – детей войны // сост. Г.П. Павлова, Л.Н. Браун, О.Г. Синчило, В.Ф. Мартынова. Новосибирск : Сиб. кн. изд-во, 2011. Кн. 2. 144 с.
19. Нуркова В.В. Методы исследований автобиографической памяти в психологии // Вестник Университета Российской академии образования. 1999. № 2. С. 11–17.
20. Щеглова Т.К. Экология жилища и традиции собирательства топлива русским сельским населением юга Западной Сибири в годы войны 1941–1945 гг.: по полевым исследованиям // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 167–176.

Mikhail K. Churkin, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Egor E. Umnov, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: istfak16@gmail.com

MEMORIES AS EGO-TEXT: CHILDREN'S REAR EVERYDAY LIFE OF THE SIBERIAN PROVINCE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (WORLD WAR II)

Keywords: The Great Patriotic War (World War II), Siberian province, history of military child, rear area child, the everyday lives of children, ego-text, writing the history of memory.

The article, based on the recollections of the “children of war”, reveals strategies and practices of adaptive behavior of the provincial population in the conditions of a “difficult life situation”, which was the sociocultural context of everyday life of citizens during the Great Patriotic War of 1941–1945. The use of the complex and ambiguous concept of “ego-text” (“self-evidence”, “auto-text”, “I-document”) in the article implies a shift in research attention from the study of events to the study of states. As a result, the ego source, in contrast to the source of personal origin, is positioned not so much as a provider of information, but as a reservoir and translator of personal experiences, internal spiritual sensations and author’s identity. The achievement of the goal of the study was accompanied by the development of the historiographic tradition of the studied problems. It was found that the theme of children’s rear everyday life, for many years, was a peripheral plot of historiography, which was largely due to the orientation of historians to understanding the role of the “first plan” man in the historical process. Under the conditions of an anthropological turn of the 20th – 21st century, an obvious drift of research interest has been outlined in the direction of studying the fate of people who were not the subject of scientific reflection of historians. Thus, an appeal to the corpus of memoirs of contemporaries of events - children of war, provided an opportunity not only to reveal the diversity of individual reactions of provincial residents to a series of political, cultural, social phenomena initiated by the events of the war years, but also to reconstruct the everyday world of rear childhood, placed in the context of catastrophic events era. During the study, the memories of respondents born in 1925–1939 who lived in the countryside during the war were attracted. It was considered that the memory of the subject-memoirist, with such characteristic signs as memory gaps, inaccuracies in names, event, is the basis of the memories. As a result of processing the ego texts of the memoirs of “children of war”, a hypothesis was put forward and substantiated, according to which in the rural environment of the Siberian province, as in the pre-war period, the main structures of children’s everyday life continued to be family, school, street. Through the emotionally expressive perception and broadcast by respondents of life episodes of rear everyday life, it becomes possible to uncover the impact of the formal (school), partially informal (family) and informal (street) environment on the organization of children’s everyday behavior.

REFERENCES

1. Pushkareva, N.L. (2005) “*Istoriya povsednevnosti*” i etnograficheskoe issledovanie byta: raskhozhdeniya i peresecheniya [“History of everyday life” and ethnographic study of everyday life: discrepancies and intersections]. [Online] Available from: <http://www.doiserbia.nb.rs/img/doi/0350-0861/2005/0350-08610553021P.pdf> (Accessed: 27th November 2019).
2. Salnikova, A.A. (2007) *Rossiyskoe detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya* [Russian childhood in the 20th century: history, theory and practice of research]. Kazan: Kazan State University.
3. Krinko, E.F. (n.d.) *Detstvo voennykh let (1941–1945 gg.): problemy i perspektivy izucheniya* [The war childhood (1941–1945): problems and prospects of study]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/detstvo-voennykh-let-1941-1945-gg-problemy-i-perspektivy-izucheniya> (Accessed: 27th November 2019).
4. Koreniuk, V.M. (2015) The childhood in a province in 1941–1945 (on materials of Molotov area). *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2. pp. 72–76.
5. Koreniuk, V.M. & Suslov, A.B. (2018) The Everyday Life of ‘Socially Dangerous Children’ in the Postwar Period. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. №2, Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 20(2). pp. 155–168. (In Russian). DOI: 10.15826/izv2.2018.20.2.032
6. Koreniuk, V.M. & Suslov, A.B. (2016) Everyday life of children of “enemies of the people” during the Great Patriotic War: The case of the Molotov region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(44) pp. 44–52. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/44/6
7. Protasova, E.V. (2017) Wartime Childhood in Memories of Residents of Urals about 1941–1945. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 10. pp. 355–367. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-355-367
8. Emirkhanov, I.A. (n.d.) *Povsednevnost' dagestanskikh shkol'nikov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Dagestan schoolchildren’s everyday life during the Great Patriotic War of 1941–1945]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-dagestanskikh-shkolnikov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg> (Accessed: 27th November 2019).
9. Emirkhanov, I.A. (2017) Children’s Daily Routine in the Rear Region During the Great Patriotic War (Based on the Material of the Dagestan Autonomous Republic). *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*. 17(2). pp. 187–191. (In Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-187-191
10. Dorosheva, O.A. (2003) *Shkol'noe obrazovanie na Yuzhnom Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: 1941–1945 gg.* [Schooling in the Southern Urals during the Great Patriotic War: 1941–1945]. Abstract of History Cand. Diss. Orenburg.
11. Churkin, M.K. (2016) Memories of “children of war” (1941–1945) in commemorative practices of the Russian society: “place of memory” or “place of oblivion”? *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya – Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 2(11). pp. 86–91. (In Russian).
12. Tsaregorodtseva, T.I. & Nechaeva, G.K. (2015) *Zhizn', opalennaya voynoy (vospominaniya truzhenikov tyla i detey voyny)* [Life scorched by the war (memoirs of the rear workers of war children)]. Omsk: Amfora.
13. Berezina, T.Yu. & Lugina, Ya.A. (2015) *My byli...: vospominaniya o voyne* [We were ...: memories of the war]. Omsk: [s.n.].
14. Nelson, K. (1992) Emergence of Autobiographical Memory at Age 4. *Human Development*. 35. pp. 172–177. DOI: 10.1159/000277149
15. Freud, S. (1960) *The Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. Vol. 6. London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis. pp. 43–52.
16. Kirschenbaum, L. (2001) *Small Comrades. Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. New York: Routledge.
17. Traynin, A.A. (1909) *Prestupnost' goroda i derevni v Rossii* [Urban and Rural Crime in Russia]. *Russkaya mysl'*. 7. pp. 29–42.
18. Pavlova, G.P., Braun, L.N., Sinchilo, O.G. & Martynova, V.F. (2011) *Detstvo, opalennoe voynoy. Vospominaniya veteranov – detey voyny. Kniga vtoraya* [Childhood seared by the war. Memories of veterans – children of war. Book Two]. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
19. Nurkova, V.V. (1999) *Metody issledovaniy avtobiograficheskoy pamyati v psikhologii* [Methods of autobiographical memory research in psychology]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy Akademii obrazovaniya*. 2. pp. 11–17.
20. Shcheglova, T.K. (2018) Household ecology and fuel gathering traditions of Russian rural population of the south of Western Siberia during the war years, 1941–45: On the basis of field research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 435. pp. 167–176. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/435/22

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/65/10

О.С. Нагорных, Н.П. Шок

КОМАНДИРОВКИ СОВЕТСКИХ ВРАЧЕЙ В КНР В 1950–1960-е гг.: РЕАЛИЗАЦИЯ ПЛАНОВ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 18-78-10018
«Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества».*

Рассматривается практика командировок советских врачей и специалистов в КНР в 1950–1960-е гг. Исследование опыта сотрудничества советских и китайских врачей позволяет не только восполнить пробелы в истории медицины как части истории науки, но и показать некоторые аспекты политической истории, интеллектуальной истории, истории международных отношений двух государств и этики глобального здравоохранения.

Ключевые слова: история медицины; исторический источник; командировка; советско-китайское сотрудничество; история этики и глобального здравоохранения.

Введение

История отношений России и Китая может быть охарактеризована как долгий и сложный путь. Активизация научного и гуманитарного диалога в настоящее время указывает на возрастающий научный интерес к историческом прошлому сотрудничества двух стран.

В отечественной историографии исследованиям коллаборации в области медицины и здравоохранения между СССР и КНР уделено немного внимания. В основном это работы советских авторов, в центре внимания которых были экономические, военные, политические аспекты взаимодействия двух стран, а также идеологическая составляющая.

В зарубежной историографии исследования, посвященные феномену китайской медицины и различным аспектам здравоохранения, начались еще в 1970-е гг. [1–4]. Во многом это было связано с нашумевшей статьей в газете *The New York Times*, которая была опубликована корреспондентом Дж. Рестом накануне визита президента США Р. Никсона в г. Пекин в 1972 г., где он рассказал о своем опыте знакомства с китайской медициной (ему делали операцию по удалению аппендикса) [5]. Особенностью этого материала было то, что журналист подробно описал обстоятельства операции, во время которой анестезия ему была проведена с помощью акупунктуры. Иглоукалывание впоследствии стало невероятно популярным в США. Любопытно, что советские медики были уже хорошо знакомы с этим методом, так как серьезное научное сотрудничество было начато в 1950-х гг. Более того, как будет продемонстрировано далее, по итогам поездок советских врачей в Китай в Советском Союзе сложились школы иглорефлексотерапии, а отдельные методы традиционной китайской медицины вошли в практику советского здравоохранения.

Примечательно, что, по данным отчета Всемирного банка, к концу 1970-х гг. Китай стал страной с самой

всеобъемлющей системой медицинской помощи. В отчете это событие было отмечено как «революция в области здравоохранения». Система китайского здравоохранения смогла решить вопрос первичной медико-санитарной помощи для сельских жителей, составлявших на тот момент 80% от общей численности населения страны при 20% общих расходов на здравоохранение. Таким образом, благодаря «китайскому чуду» была достигнута «наибольшая польза для здоровья при минимальных инвестициях». Как отмечают в своей книге американские исследователи J.G. Cullis и P.A. West [6], правительство Китая отдавало приоритет профилактике, базовым медицинским услугам и недорогогостоящему продвижению технологий здравоохранения. Тем не менее Всемирная организация здравоохранения в 1983 г. провела Форум совместных медицинских услуг, где Китай был выбран в качестве модели «отсталой страны, достигающей уровня здравоохранения, в частности, в наиболее развитых странах» [7]. В рамках подобных фактов нам представляется важным попытаться исследовать период активного взаимодействия в области медицины и здравоохранения между СССР и КНР, с тем чтобы выявить роль советских врачей в формировании этих достижений, а также с целью впоследствии восполнить пробел, существующий в зарубежной историографии, где практически не упоминается участие СССР в развитии медицины КНР [8]. Данная статья является частью большой исследовательской работы, призванной реконструировать этот аспект социальной истории медицины.

Целью нашей работы является, прежде всего, восстановление достоверной картины истории советской медицины в части международного сотрудничества на примере исследования научного взаимодействия (командировок) советских врачей и специалистов, организованных Министерством здравоохранения СССР в 1950-х – первой половине 1960-х гг. в КНР. Существенным дополнением стало введение в научный оборот новых фактов, касающихся развития двусто-

ронных советско-китайских отношений в области медицины и здравоохранения, а также формирование новых подходов с позиции истории науки к его исследованию.

Изучение периферийных пространств, имеющих экономическую, культурную, стратегическую и политическую форму, важно для исторически достоверной реконструкции интересов Советского Союза на Востоке, а также историко-научных экспликаций в области медицины [9, 10]. Актуальность темы усиливается как собственно научными, так и общественно-политическими факторами возрастающей интенсивности сотрудничества между Россией и Китайской Народной Республикой в настоящее время.

Новизна работы определяется, во-первых, новым прочтением и интерпретацией исторических фактов, имеющих непосредственное отношение к исследуемой теме с точки зрения научно-политического и историко-научного контекста. Во-вторых, предпринимается попытка определения хронологических рамок наиболее активного сотрудничества в области медицины и здравоохранения между СССР и КНР с целью установления значимых этапов развития истории медицины советского периода в ракурсе международного взаимодействия. В-третьих, на основании впервые введенных в научный оборот отечественных архивных материалов удалось типологизировать и систематизировать поездки советских врачей в КНР в рассматриваемый период, принимая во внимание цели, особенности содержательной части и обратный результат поездок. Значимым фактором возможности взаимовлияния в рамках международного взаимодействия врачей СССР и КНР выступала общность ценностей, основанных на категориях социалистической морали, являвшейся важным компонентом медицинской этики врачей обеих стран на данном историческом этапе. Масштабы, динамика и результаты организованных командировок были установлены с помощью метода контент-анализа на основании данных отечественных государственных архивов. В-четвертых, анализ отчетов о командировках позволил впервые взглянуть на исследуемую проблему через исследование материалов, составленных врачами – непосредственными участниками диалога.

Рассматриваемый хронологический отрезок характеризуется несколькими значимыми для истории сотрудничества КНР и СССР моментами.

Во-первых, середина 1950-х гг. стала для СССР переломной в политическом аспекте. Новая политика в духе «оттепели» представляла собой смену идеологической парадигмы, что давало надежду на расширение научного, технического, культурного сотрудничества СССР с другими странами. Советские специалисты получили возможность общаться с зарубежными коллегами в рамках рабочих поездок. Такая форма, как командировки, безусловно, является важнейшей частью научного сотрудничества. В отношении медицины это позволило ближе подойти к решению многих вопросов, в частности через общение по различным направлениям научной и клинической медицины, реализовать сотрудничество в области организации здра-

воохранения, усовершенствования системы высшего (медицинского) образования.

Во-вторых, внутрисполитическая обстановка в Китае после окончания крестьянской войны (1927–1949) и завершения аграрной реформы (1952), а также новое правительство указывали на выбор социалистического курса пути развития. Таким образом, доминирующая политическая сила сформированной 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики взяла курс не просто на сотрудничество с Советским Союзом, а на интенсивное заимствование технологий у социалистического союзника.

Началом социалистического строительства в КНР считается первый пятилетний план промышленного развития (1953–1957). Значительную помощь поставками техники, предоставлением кредитов под низкие проценты, направлением отечественных специалистов различных профилей китайскому народу в выполнении этого плана оказывал именно СССР [11]. Китайская сторона, в свою очередь, демонстрировала готовность к диалогу. Делегации КНР планомерно налаживали контакты в научной и технической сферах, в том числе в области медицины, проявляя активность, открытость и готовность к сотрудничеству.

В-третьих, СССР в первое десятилетие «холодной войны» строил свою внешнюю политику с расчетом на сотрудничество с Китаем, нуждаясь в надежном союзнике в азиатско-тихоокеанском регионе. Поэтому на данном историческом этапе мы наблюдаем пик взаимной заинтересованности, стремления к сотрудничеству со стороны и Советского Союза, и Китая. Важно подчеркнуть, что это был период, когда обеими сторонами были осознаны необходимость и возможность диалога в самых разных сферах. В общий контекст геополитических и идеологических интересов была интегрирована и научная сфера, составной частью которой являлись медицина и здравоохранение.

Историография вопроса

Основной источниковедческой базой работы служат материалы фондов Управления внешних сношений Министерства здравоохранения СССР [12], Общесоюзного бюро заграничной санитарной информации (группа по международным и санитарным конвенциям) [13], Совета Министров СССР [14] Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), фонды Управления по делам научно-технического сотрудничества Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике [15] Российского государственного архива экономики (далее – РГАЭ), фонда аппарата ЦК КПСС [16] Российского государственного архива Новейшей истории (далее – РГАНИ).

Также существенным дополнением к реконструкции содержательной части командировок, их целей и итогов, последствий являются материалы местных архивов, в данном случае – Центрального архива Нижегородской области (далее – ЦАНО), которые помогли восполнить пробелы содержательных компонентов пребывания советских врачей за границей. Работа

с фондами Горьковского медицинского института им. С.М. Кирова [17, 18] позволила внести важные дополнения в исследование программы одной из основных командировок врачей в КНР (1954–1956). Материалы личного фонда одного из руководителей делегаций советских врачей профессора Горьковского медицинского института им. С.М. Кирова, профессора Учебно-исторического центра Приволжского исследовательского медицинского университета В.Г. Вогралика [19] позволили установить направления обратного влияния китайской медицины на клиническую практику и развитие отечественной школы иглорефлексотерапии.

Использованные архивные материалы представляют собой преимущественно отчеты о командировках советских ученых в КНР в рассматриваемый период, с помощью которых можно выстроить их классификацию, а также исследовать особенности каждой из поездок в контексте советско-китайских отношений. Отчеты дают материал не только о фактически проделанной работе советских врачей и специалистов, но и информацию о состоянии медицины и здравоохранения Китая. Подобные архивные материалы интересны как исторический нарратив, наполненный личностным восприятием врача – участника делегации. Это позволяет исследователю более тщательно рассмотреть и упорядочить исторические факты, учитывая информацию о социокультурном контексте научных поездок, восстановленном по материалам отчетов, не только являющихся ценным источником истории науки, но и предоставляющих значимые данные для истории повседневности, что позволяет также делать некоторые историко-антропологические выводы.

Помимо официальных отчетов, поданных в Минздрав СССР или заслушанных на заседаниях ученых советов вузов и научных институтов, некоторые врачи оставили после командировок историко-медицинские очерки [20, 21], научные работы [22–25], выступления, в которых переосмыслили полученные сведения о китайской народной медицине, образе жизни населения. Изученные документы помогли восстановить многие детали политики СССР в КНР в области здравоохранения и раскрыть ее значимые компоненты в рассматриваемый период.

В советской и современной отечественной историографии есть немало исторических трудов обобщающего характера, посвященных как новейшей истории Китая [26–28], так и внешнеполитическим проблемам СССР в XX в., где немаловажную роль играет анализ взаимоотношений со странами Азии и Африки. Интересующий нас сюжет наиболее комплексно изложен в фундаментальной работе историка-востоковеда О.Е. Непомнина [26], проследившего политические, социокультурные процессы, протекавшие в КНР в рассматриваемый период. Он детально проанализировал экономические преобразования в Китае после гражданской войны (1927–1949), а также отметил предпосылки активизации сотрудничества КНР с Советским Союзом. Несмотря на внимание О.Е. Непомнина к преимущественно экономическим основам взаимоотношений стран, исследование представляет и геополитиче-

ское измерение данного процесса. Некоторые историки указывают на актуальность подписанных договоров между СССР и КНР, которые после Второй мировой войны положили начало периоду политического, военного, экономического, дипломатического сотрудничества между странами. На их основе строились двусторонние отношения вплоть до конца 1960-х гг. [29–31].

В последнее десятилетие стали выходить работы, непосредственно касающиеся сотрудничества Китая и СССР на разных исторических этапах [32–38], по различным направлениям, например в сфере образования [39]. На фоне стремительного экономического подъема Китая тенденция изучения китайской экономики и советско-китайского сотрудничества в 1950-е гг. стала наиболее отчетливой в современной отечественной историографии. Формы и содержание помощи советской стороны Китаю максимально полно изложены в коллективной монографии «Участие СССР в реконструкции и строительстве “156 производственных объектов” в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества» [40]. Но анализ взаимоотношений в области здравоохранения в качестве предмета исследования, к сожалению, встречается редко. В перечне работ, затрагивающих вклад российских врачей в медицину Китая в XX в., особое место занимает научное исследование П.Э. Ратманова [41], который воссоздает целостную картину деятельности российской медицины в Маньчжурии, Северном Китае и Шанхае, показывает положение российских врачей в Китае, условия их профессиональной деятельности. Большой вклад в изучение истории политики СССР в КНР внесли опубликованные в разные годы записки и воспоминания как советских дипломатов, так и военных, работавших в Китае [42–44]. Отдельным направлением в структуре исторических работ, посвященных контактам СССР и КНР в сфере медицины, и в частности результатам командировок советских специалистов, стали исследования, касающиеся экономического и технического сотрудничества двух стран [45–48].

В 2000-е гг. стали появляться работы, затрагивающие темы межличностных отношений лидеров стран [49–51]. Также публиковались исторические и философские исследования по вопросам интеграции в медицинскую сферу, внедрения каких-либо новых методов диагностики и лечения (одним из масштабных примеров стало появление традиции иглорефлексотерапии в советской медицине в 1950-е гг., заимствованной из китайской медицины), о различных концептуализациях боли в китайской и западной традициях и попытках включить китайские медицинские практики в пространство западного медицинского опыта [52].

Зарубежная историография преимущественно косвенно затрагивает вопросы исследуемой в статье темы. В основном представлен анализ особенностей советской политики, проводимой в КНР, в различных сферах экономики, политики, культуры, и лишь отдельные вопросы связаны с медициной или научным диалогом Академий наук СССР и КНР [53, 54]. Кроме того, история отношений двух держав зачастую рассматривалась в контексте азиатского вектора россий-

ской дипломатии, где здравоохранение могло выступать составной частью сотрудничества [55].

Таким образом, в исторических работах достаточно много внимания уделено теме взаимоотношений СССР и КНР [56], однако вопрос о роли СССР в становлении медицинских образования и науки в КНР является слабо разработанной предметной областью. В отдельных работах показано заимствование медицинских технологий Китаем, но одновременно с этим указывается на ценностно-смысловые различия, затрудняющие трансфер этоса советской медицины [57]. Более того, отсутствуют работы, основанные на методологии историко-научного исследования в контексте взаимоотношений медицины между СССР и КНР. Научные командировки как важный сегмент международного сотрудничества, а также научной реконструкции тоже не представлены в отечественной историографии, посвященной истории советской медицины и здравоохранения.

Командировки советских врачей в КНР как составная часть научного сотрудничества между странами

В послевоенные годы командировки советских специалистов не только являлись частью организации науки внутри страны, но и помогали в формировании научных областей в принимающем государстве. Безусловно, такой вид контактов ученых, как командировки, всегда был важной составной частью научного общения, взаимопомощи и полноценного сотрудничества между государствами в сфере технологий и совместного научного поиска [58]. В связи с этим необходимо выявить особенности командировок 1950–1960-х гг.

Основываясь на данных архивных документов, а также местных периодических изданий и источников личного происхождения, попытаемся комплексно исследовать командировки, организованные Министерством здравоохранения СССР в КНР в 1950-е гг. В центре внимания будут цели, задачи, состав делегаций, а также содержательная часть отчетов командированных, направленных в Отдел внешних сношений Минздрава СССР или заслушанных на ученых советах вузов. В рассматриваемый период состоялись командировки советских врачей и специалистов, результатом которых стали изменения и нововведения в обеих странах.

В послевоенное десятилетие Минздрав СССР расширил тематику и географию командировок советских специалистов в области медицинской науки и практики. Это были страны, поддерживающие социалистическую идеологию или дружественные данной системе, а также некоторые западные страны, например Франция и Англия.

Активизация и развитие научных связей СССР в 1950-е гг. актуализировали развитие научно-технической политики государства. Так, 2 марта 1956 г. Президиум Академии наук издал постановление «О мерах по упорядочению международных научных связей Академии наук СССР и улучшению использования научных командировок». В первом пункте отмечалось: «Считать одной из основных задач, стоящих перед учреждения-

ми и научными сотрудниками Академии наук, тщательное изучение положительного опыта зарубежных научных учреждений и отдельных ученых в различных областях науки» [16. Д. 22. Л. 12]. Данное постановление стало закономерным следствием начавшейся «оттепели» в общественно-политической жизни страны. В нем отмечалась необходимость изучения передового опыта зарубежных стран, а не только важность внедрения новых советских технологий, как это зачастую было в отношении социалистических государств, включая КНР.

Началом командирования советских врачей в Китай можно считать уже середину 1930-х гг., когда на территории главным образом северо-западного Китая были организованы советские медицинские пункты и амбулатории при Генконсульствах СССР, в которых работали медики, оказывая помощь не только командированным советским гражданам, работавшим в советских хозяйственных учреждениях, и их семьям, но и по необходимости местному населению [13. Д. 29. Л. 22]. Похожая ситуация наблюдается и в период Второй мировой войны, когда в течение 1940-х гг. осуществлялось командирование не только гражданских, но и военных врачей. Безусловно, такой тип командировок не относился к научным, но это было началом медицинского сотрудничества между двумя странами.

Максимально часто командировки советских медицинских и технических специалистов в КНР с широким спектром целей государственного характера осуществлялись в 1950-е гг. В ходе архивной работы удалось установить, что отдельные поездки медицинских специалистов были организованы и в середине 1960-х гг., уже после разрыва дипломатических отношений между странами.

Исторической вехой, определяющей новый формат взаимоотношений между двумя странами, стало подписание в Москве 27 марта 1950 г. «Китайско-советского соглашения об условиях работы советских специалистов в Китае», в соответствии с которым советская сторона брала на себя обязательства отбирать и направлять в Китай специалистов и советников различных квалификационных направлений с учетом требований китайской стороны. А в 1954 г. было подписано соглашение о культурном сотрудничестве и технической помощи между Советским Союзом и Китаем. В соответствии с этим соглашением с 1954 г. значительно расширилась экономическая помощь со стороны Советского Союза, а также увеличилось число специалистов, направляемых в Китай.

Цели этих поездок можно систематизировать следующим образом: осуществление диспансеризации высшего командного и военного состава КНР, внедрение новых медицинских технологий в клиническую практику китайских больниц, организация обучения китайских врачей, помощь в осуществлении клинических разборов пациентов, проведение научно-исследовательских конференций, помощь в организации системы высшего медицинского образования и науки.

С точки зрения задач историко-научного исследования считается важным разделять командировки со-

ветских врачей-клиницистов, организованные Министерством здравоохранения СССР преимущественно в больницы и медицинские учебные заведения в крупных городах КНР, и регулярные поездки технических специалистов, фармацевтов, организаторов здравоохранения. Таким образом, исходя из историографического анализа архивных материалов, можно провести определенную типологизацию поездок в рассматриваемый период: командировки врачей-клиницистов для осуществления поставленных Минздравом СССР задач, научные командировки, стажировки с целью получения дополнительных знаний, поездки технических специалистов для строительства инфраструктурных объектов.

Также необходимо выявить отличительные черты и особенности командировок указанного периода. Во-первых, пик командировок пришелся на середину и конец 1950-х гг., что было связано с окончательным оформлением договоров о сотрудничестве (включая сотрудничество в техническом направлении) между странами. Во-вторых, хронологический период командировок был продлен вплоть до 1966–1967 гг., вопреки официальному разрыву дипломатических отношений между странами в условиях начавшегося отзыва советских специалистов, несмотря на то что характер общения между китайскими и советскими врачами уже изменился в сторону напряженности. В-третьих, советские врачи, находясь в Китае, активно знакомились с методами народной медицины (иглокалывание, прижигание, фитотерапия), т.е. советско-китайское сотрудничество в сфере медицины в указанный период предполагало в том числе взаимный обмен опытом. Так, переосмысление роли китайской народной медицины помогло сформировать традицию использования китайской медицины в практике советских врачей: например, складывание советской школы иглорефлексотерапии.

Командировка советских врачей 1954–1956 гг., по сути, стала самой первой и масштабной поездкой советских врачей в КНР: она отличалась особой продолжительностью, в отличие от остальных, длительность которых могла достигать всего нескольких месяцев. Целью поездки была работа советских медиков в терапевтическом отделении Пекинской правительственной больницы КНР.

На основании подписанного между СССР и КНР в 1954 г. соглашения о культурном сотрудничестве и технической помощи экономическая помощь советской стороны Китаю значительно расширилась. Соответственно, увеличилось и число специалистов в различных областях, направленных для работы в некоторые города КНР. Командирование советских специалистов осуществлялось по нескольким направлениям: по линии науки, культуры, технической помощи. Советские специалисты-медики, направленные для работы в Китай, концентрировались главным образом в Пекине. Некоторые из них были направлены на работу в китайское правительство, в министерство здравоохранения КНР, в клинические больницы, высшие медицинские учебные заведения, госпиталь Советского Красного Креста [19].

Например, коллектив советских медиков, направленных на работу в Министерство здравоохранения КНР в 1954–1956 гг., был разделен на три группы: работники непосредственно правительственного аппарата министерства, работники, направленные в Пекинский медицинский институт, представляющие преимущественно теоретические направления в медицине, работники, направленные в Пекинскую правительственную больницу, являющиеся клиницистами. Согласно утвержденной министерством здравоохранения СССР системе, в каждой группе назначались старший руководитель и координатор. Руководителем группы врачей-клиницистов, а также старшим советником при группе науки и культуры в советском посольстве в КНР был назначен доктор медицинских наук, профессор Горьковского медицинского института им. С.М. Кирова Вадим Габриэлевич Вогралик, ставший в будущем одним из основоположников советской школы иглорефлексотерапии [Там же].

Работа советских врачей в Китае была обширной. Фактически деятельность группы советских медиков можно разделить на несколько направлений: работа в Пекинской правительственной больнице, в медицинских институтах с целью реорганизации высшего медицинского образования, работа в китайской медицинской ассоциации для развития научной стороны в медицине, а также организация помощи различным лечебным учреждениям. Большую роль играла также консультативная и экспертная работа специалистов из СССР, которая высоко ценилась политическими деятелями и врачами КНР. В рамках этой работы еженедельно при посольстве проводились совещания группы, координирующей развитие культуры и науки, на которых рассматривались и решались многочисленные вопросы оказания Китаю помощи в организации научной деятельности, строительстве учреждений, реформы среднего и высшего образования, деятельности печатных органов и пр. Значимость указанной советской миссии определяется вкладом как членов группы, так и самого В.Г. Вогралика в реализацию научно-исследовательской стратегии КНР. Так, за два года пребывания в Китае В.Г. Вогралик принял участие в 306 различных совещаниях, включая составление 12-летнего плана научно-исследовательской работы КНР.

В течение командировки медицинские работники в рамках государственного задания осуществляли возложенные на них Министерством здравоохранения задачи диспансеризации высшего командного и партийного состава, внедрения принципов структуры и основ системы высшего медицинского образования по советскому образцу. Советские клиницисты знакомили пекинских врачей с основными вопросами организации терапевтической службы в СССР. Согласно отчету о двухлетней работе профессора В.Г. Вогралика в этом отделении [18. Д. 936. Л. 67–81], врачи проводили консультации, осуществляли систематическое ведение научных конференций, на которых излагали передовой опыт советской медицины, проводили клинические разборы больных. Для подобных командировок даже в дружественные страны в условиях «холод-

ной войны» необходимы были только компетентные, проверенные и политически надежные специалисты. В.Г. Вогралик представлялся именно таким специалистом. В подобных ситуациях Министерство здравоохранения СССР предварительно отправляло соответствующий запрос на получение характеристики на потенциального кандидата и только при получении соответствующей положительной характеристики давалось разрешение на выезд за рубеж.

После двухлетнего пребывания в Китае В.Г. Вогралик написал не только научные труды, непосредственно касающиеся рационального применения иглотерапии в различных клинических случаях, но и произведения литературного характера. Например, книга «Слово о китайской медицине» [20] стала обобщением опыта и впечатлений, полученных в процессе поездки. Автор проанализировал исторический и теоретический аспекты китайской медицины, систематизировал методы диагностики, способы и средства лечения. Книга отличается литературным стилем изложения, насыщена иллюстрациями, таблицами топографии точек для иглоукалывания и прижигания. Собственно, и в данной книге, помимо официальных отчетов, В.Г. Вогралик отмечает результат деятельности СССР в Китае в сфере медицины: «В старом Китае была очень слабая организация здравоохранения, почти не было никакой профилактической работы. Так, в 1947 г. в стране имелось только 65 760 больничных коек... 7 специализированных диспансерных учреждений. И все это на 600 миллионов человек! К концу 1957 г. в стране стало уже 5 014 больниц и санаториев на 363 тысячи коек...» [Там же. С. 52–53]. Также интересные характеристики Китая и китайской медицины Вогралик дал в другой своей книге – «Два года в Китае» [21].

О существенных результатах этой поездки свидетельствует отчет о работе профессора В.Г. Вогралика в терапевтическом отделении Пекинской Правительственной больницы КНР. В нем проведен анализ двухлетнего пребывания врача в Китае и совместной работы: отмечены высокие методология и методика работ, улучшение режима работы в отделении, повышена теоретическая подготовка и деловая квалификация врачей, постоянно велась научно-исследовательская работа, сделано 34 доклада, происходили клинические разборы больных.

Отдельным направлением можно выделить командировки советских врачей в КНР с целью изучения методов китайской народной медицины. Кроме В.Г. Вогралика в Пекинский университет приезжали и другие медицинские работники из СССР. Профессор Э.Д. Тыкочинская, оставившая значительное количество трудов в данном исследовательском поле, отмечала в своем отчете Минздраву СССР: «В СССР существуют все предпосылки для успешного изучения метода иглоукалывания» [13. Д. 247. Л. 28]. Также она обратила внимание, что «подготовка врачей, владеющих этим методом, является неперемнным условием для успешного клинического и теоретического изучения данного вопроса» [Там же. Л. 29].

В отчете Э.Д. Тыкочинской был подведен итог и дано компетентное мнение советских медиков и уче-

ных и методе иглоукалывания: «Этот метод представляет собой весьма своеобразный, оригинальный метод рефлекторной терапии, дающий при ряде заболеваний, особенно непосредственно после лечения, весьма благоприятный терапевтический эффект. Огромным достоинством этого метода... являются его экономичность, отсутствие необходимости в сложной дорогой аппаратуре и возможность широкого применения в самых отдаленных уголках страны... этот метод заслуживает дальнейшего углубленного изучения и развития» [Там же. Л. 25].

В годовом отчете о работе советских медиков в КНР в 1956 г., содержащем материалы о применении методов лечения китайской народной медицины советским врачом, организатором здравоохранения, членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР профессором И.Г. Кочергиным и направленном министру здравоохранения М.Д. Ковригиной [12. Д. 2367], высказываются некоторые предположения по дальнейшему развитию и укреплению взаимного сотрудничества между медиками СССР и КНР. Среди реальных возможностей для осуществления сотрудничества по линии совместной научной разработки некоторых проблем медицины особо выделяется перспективность изучения китайской народной медицины. И.Г. Кочергин высказал свое мнение относительно этого направления: «Неясность или несостоятельность некоторых теоретических концепций народной медицины не могут быть основанием для безразличного и тем более отрицательного отношения к ней. Мое мнение такое, что нужно всемерно форсировать изучение опыта и получения убедительных результатов лечения, попытаться научно осмыслить этот опыт» [Там же. Л. 1]. Это во многом перекликается с эффектом, который оказала в 1970-е гг. статья в *New York Times* с описанием чудес анестезии с использованием игл [5].

Особым направлением сотрудничества стала командировка сотрудников Лекарстреста при Министерстве здравоохранения СССР в мае 1957 г. с целью ознакомления с производством и применением лекарственных растений. В задачу данной командировки входило знакомство с организацией заготовок дикорастущего лекарственного растительного сырья, а также изучение приемов возделывания отдельных видов важнейших культивируемых лекарственных растений и применение их в китайской народной медицине. В отчете о проделанной работе участниками делегации отмечалось, что «...Министерство здравоохранения КНР оказывало нам всемерную помощь в успешном выполнении работы... за весьма короткий срок пребывания в КНР, и особенно в некоторых провинциях, нам удалось ознакомиться только с отдельными вопросами состояния тех больших работ, которые проводятся в КНР по заготовке лекарственных растений и их использованию в народной медицине» [12. Д. 416. Л. 2–5].

Поездки советских медицинских работников выполняли не только задачи внедрения новейших технологий, предполагалось и ознакомление с результатами и опытом санитарного движения, организованного в

КНР. 14 июля 1957 г. Министерством здравоохранения СССР было направлено письмо в Министерство здравоохранения КНР заместителю начальника кабинета внешних сношений Чжан Вэй Сину с информацией о том, что, согласно Плану культурного сотрудничества между КНР и СССР на 1957 г., в Китай будет направлена делегация советских специалистов с целью знакомства с системой организации, принципами и задачами санитарно-просветительской работы, деятельностью центров санитарного просвещения, производством наглядных пособий, гигиеническим образованием и воспитанием в школах, борьбой с детскими инфекциями, производством и порядком использования кинофильмов санитарно-просветительского характера [12. Д. 365. Л. 14–15]

12 августа 1957 г. от заместителя министра здравоохранения КНР поступил ответ на предложение советской стороны, в котором говорилось: «...КНР желал бы познакомиться с опытом по санитарной пропаганде в вашей стране...» [Там же. Л. 8]. При этом уточнялось, что китайскую сторону особо интересуют следующие вопросы: «...общее положение работы и основной опыт по санитарному просвещению в СССР... работа по руководству и редактированию издания брошюр, работа по руководству и редактированию издания брошюр, книжек популярного санитарного знания...» [Там же. Л. 10]. Китайских организаторов здравоохранения интересовала вся система санитарного обслуживания в СССР, включая то, как налажена работа по санитарному просвещению в стране. Пропаганда и распространение санитарно-гигиенической информации среди населения являлась важной проблемой для китайского здравоохранения. В этом они активно старались использовать опыт и накопленный потенциал советских коллег. Например, явно прослеживался интерес к организации, штату, задачам и методам работы художественного комитета при Институте санитарного просвещения СССР.

В течение 29 дней, с 16 сентября 1957 г. по 13 октября 1957 г., делегация советских ученых в составе трех человек посетила пять китайских городов: Пекин, Шэньян, Далянь, Шанхай, Тяньцзинь. Помимо этих городов, для ученых были организованы выезды в уезды и сельскохозяйственные кооперативы, посещение жилых кварталов, промышленных предприятий, больниц, санитарно-эпидемиологических станций, школ, домов санитарного просвещения. В целом за время пребывания делегации удалось посетить 39 объектов.

В своем отчете о результатах поездки, составленном 18 октября 1957 г., члены делегации отметили высокий уровень организации командировки и особо тщательную подготовку. В течение всего пребывания в КНР советскую делегацию сопровождали переводчик, работник санитарного просвещения.

В 1950-е гг. при Министерстве здравоохранения КНР работал отдел санитарного просвещения в количестве девяти человек, который осуществлял руководство санитарным просвещением в стране, издавал литературу, организовывал выставки. К моменту приезда советской делегации в стране было 10 подведомственных отделу Домов санитарного просвещения. Приезд

советских врачей был воспринят не просто с воодушевлением, а с надеждами на получение богатого советского опыта организации санитарной работы, в которой КНР продолжал очень нуждаться.

У членов делегации в итоге сложилось впечатление, что в КНР патриотическое санитарное движение широко распространено, и огромные массы народа вовлечены в борьбу за санитарную культуру. Интересным наблюдением, нашедшим отражение в итоговом отчете о командировке советских ученых, стали специфические формы санитарного просвещения: «метод театрализации, нашедший выражение в музыкальных и танцевальных мероприятиях, посвященных вопросам санитарного просвещения, показ кинофильмов о физкультуре и благоустройстве...» [Там же. Л. 4].

В период своего посещения КНР советская делегация стала свидетелем митинга, проходившего в г. Мукдене, который был посвящен санитарному движению и включал шествие и награждение активистов патриотического движения.

Особо было отмечено, что опыт советской организации здравоохранения уже активно использовался в КНР. Так, к середине 1950-х гг. на китайский язык было переведено несколько крупных методических пособий, посвященных санитарному просвещению в больницах, методике санитарного просвещения. Именно поэтому китайская сторона активно интересовалась опытом подобной работы в СССР.

Завершающая беседа представителей советской стороны с участием заместителя министра здравоохранения КНР состоялась 12 октября 1957 г. Она подвела итог пребыванию советских специалистов и совместной работе в течение месяца. Перед руководством КНР был поставлен ряд вопросов, которые стали своего рода рекомендациями к дальнейшей работе в области санитарного просвещения. Во-первых, было рекомендовано увеличить количество домов санитарного просвещения как организационно-методических центров. Во-вторых, подготовка студентов-медиков к методике и практике санитарного просвещения, которая на данный момент полностью отсутствовала в КНР, должна стать важной частью системы высшего медицинского образования. В-третьих, поставлен вопрос о необходимости расширения гигиенического образования и воспитания в школах. В-четвертых, было указано на необходимость большего вовлечения китайского населения в общество Красного Креста с целью повышения санитарной грамотности.

В 1960-е гг. интерес к изучению китайской медицины у советских врачей не пропал. С 25 мая по 2 апреля 1960 г. в КНР, в Пекине, Шанхае, Хонжоу, находилась советская делегация в составе вице-президента Академии медицинских наук СССР В.Д. Тимакова, действительного члена Академии медицинских наук СССР А.Ф. Билибина, представителя отдела внешних сношений Министерства здравоохранения СССР В.И. Петрова. Советские специалисты не просто привезли проект «Соглашения о научном сотрудничестве по важнейшим вопросам медицины между АМН СССР и АМН КНР». Осмотрев китайские институты и лечебные учреждения, они отметили, что «изучение

народной медицины получило широкий размах» [12. Д. 675. Л. 23–24].

Последней командировкой советских медиков в КНР считается поездка декабря 1966 – января 1967 г. Советские специалисты – проректор Первого московского Ордена Ленина медицинского института им. И.М. Сеченова доцент И.А. Сычеников и главный терапевт гражданской авиации СССР Н.А. Мазура – были направлены в Китай с целью изучения различных вопросов в области медицинской науки и осуществления научно-просветительской деятельности в формате лекций для врачей и сотрудников китайских больниц. Китайская сторона, не объясняя причин, изменила согласованный план, сократив сроки пребывания советских врачей вопреки первоначальным договоренностям, а также ликвидировав из списка предлагаемых для посещения часть городов. Несмотря на то, что основной задачей поездки врачей оставалось знакомство с достижениями китайской медицины и обмен опытом (о чем советская делегация неоднократно напоминала), китайцы старательно уменьшили эту часть программы, в основном за счет общих экскурсий, предложенных принимающей стороной.

За все время пребывания советская делегация врачей посетила 14 крупных клиник и больниц, как правило, многопрофильных, а также поликлиники, дома здоровья и больницы при предприятиях и коммунах. Кроме того, были показаны институт сывороток и вакцин, фармацевтическая фабрика и завод медицинских инструментов и оборудования в Пекине, Ухане, Шанхае и Кантоне [Там же. Д. 1258. Л. 3–6].

Внутренняя организация и состояние больниц вызвали у советской делегации недоумение и существенную критику. Советские врачи отмечали: «В подавляющем большинстве больниц очень грязно и холодно, они не отапливаются, за исключением электропечей в операционных. Больные в постели лежат в верхней одежде, не раздеваясь. В ряде больниц громкоговорители, установленные в коридорах, на всю мощь вещают о культурной революции...» [Там же. Л. 7]. При этом особо отмечается тот факт, что питание в больницах является платным. И если лечение рабочих оплачивалось профсоюзом КНР, то, например, крестьяне вынуждены были лечиться за свой счет.

Отличительной чертой завершающей командировки советских врачей была напряженная и не всегда доброжелательная атмосфера, которая ощущалась советскими медиками повсеместно. По сути, она являлась прямым следствием политической пропаганды и сложной внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации в самом Китае в 1960-х гг. Общение делегации было ограниченным, и в течение всего времени пребывания оно замыкалось очень узким кругом лиц, часть из которых не всегда представлялась советским коллегам. Сообщения китайских врачей, сделанные на встречах с советскими врачами, носили однотипный характер, зачастую сводились к чтению заранее заготовленных выступлений. В итоговом отчете советскими врачами отмечалось: «Ораторы чувствовали себя крайне скованно, особенно при постановке конкретных вопросов, а сообщаемые данные нередко вызыва-

ли большие сомнения... Применительно к медицинским учреждениям приводились явно фантастические цифры обеспечения клиник и больниц врачами» [Там же. Л. 2]. Еще одной особенностью, которая существенно отличала последнюю командировку от всех предыдущих, стало частое упоминание китайскими медицинскими работниками того факта, что все достигнутое в сфере медицины и здравоохранения является результатом усилий самих китайцев. Огромная помощь Советского Союза Китаю в разговорах не упоминалась и даже искусственно замалчивалась. Советские медики отметили также любопытную особенность: «...в очень редких случаях мы назывались советскими друзьями и товарищами, как правило, использовали такие слова как “коллега”, “доктор”» [Там же. Л. 3].

За все короткое время пребывания в Китае обещанные показы высших учебных заведений, которые обговаривались заранее, свелись к двум беседам в гостинице. Из них было очевидно, что в отношении медицинского образования предполагалось сокращение сроков обучения, а задачи подготовки специалистов должны будут сведены к реализации нужд малообеспеченных крестьян. Несомненно, подобный подход в итоге свелся к упрощению и уменьшению объема теоретических знаний будущего врача.

Таким образом, завершающая командировка советских медицинских работников в КНР продемонстрировала явную незаинтересованность китайской стороны в дальнейшем тесном сотрудничестве в сфере медицины и здравоохранения. При этом члены делегации отметили: «...несмотря на невиданную... антисоветскую кампанию, развернутую в Китае, а также царящие в стране террор, произвол и беспорядок, работа делегации проходила в терпимых условиях. Прямых антисоветских выпадов допущено не было» [Там же. Л. 5].

Заключение

Таким образом, представляется важным изучить вклад советских врачей в расширение сотрудничества СССР и КНР в медицине. Исследование форм и содержания советской научно-технической помощи КНР в области медицины и здравоохранения посредством анализа командировок, организованных Министерством здравоохранения СССР, позволяет реконструировать комплексную картину вклада Советского Союза в создание национальной системы здравоохранения в КНР. Идеологическая часть поездок, безусловно, соприкасалась с собственно научным содержанием командировок. Исследование историографии и источников показало, что проблема двусторонних отношений выходит за рамки стереотипов односторонней помощи со стороны СССР в адрес КНР, поскольку была и обратная связь в форме интеграции некоторых методов традиционной китайской медицины в практику советского врача.

Дополнительный интерес представляют дальнейшие исследования материалов, которые помогут определить роль СССР в становлении и развитии феномена уникального пути трансформации китайской медици-

ны, превратившейся из антитезиса научной медицины в один из наиболее мощных символов собственного исторического пути Китая и китайского понимания модернизации [5]. Как отметил в одной из своих работ известный организатор китайского здравоохранения Chen Zhiqian, более известный как С.С. Чен, заслуги которого сопоставимы с вкладом Н.А. Семашко в систему здравоохранения СССР, «в начале 1920-х гг. врачи, среди которых были и китайцы, своим желанием “упразднить” традиционную китайскую медицину мешали распространению научной медицины, сторонниками которой они являлись. Страх, вызванный их действиями, был причиной формирования сильной оппозиции из объединений врачей традиционной медицины, которые организовали сильное противодействие и получили поддержку властей. При поддержке власти и населения врачи традиционной медицины смогли не только защитить, но и расширили свое влияние. Спустя 50 лет в Китае существуют две абсолютно равнозначные системы медицины со своими ценностями и школами» [2. Р. 3–4].

С точки зрения задач историко-научного исследования в области советско-китайского сотрудничества в сфере медицины и здравоохранения представляется важным как развитие отечественных разработок по данной тематике, так и восполнение пробелов в суще-

ствующей зарубежной историографии, в рамках которой этот аспект советско-китайского сотрудничества представлен слабо, а в отношении отдельных эпизодов и вовсе отсутствует.

Введенные в научный оборот исторические источники помогают воссоздать картину событий в медицине и здравоохранении и выявить грандиозные масштабы совместных усилий советских и китайских советников, технического состава, врачей, ученых, оказавших решающее влияние на усиление государства и укрепление национального суверенитета.

Таким образом очевидно, что, во-первых, правительству КНР удалось создать уникальную систему здравоохранения, учитывающую опыт научной медицины и технологии Запада, с сохранением традиционной китайской медицины и ее опыта по изучению гармонии человеческого тела, которые в равной степени сосуществуют в современном Китае. Во-вторых, этический компонент медицины Китая во многом связан с традициями, а также с идеологией социализма. В-третьих, в зарубежной историографии отсутствуют комплексные исторические исследования, посвященные советско-китайским отношениям в области медицины и здравоохранения, а также роли СССР в формировании и развитии медицинской науки и образования Китая.

ЛИТЕРАТУРА

- Chinese Medicine and Healing : an Illustrated History / J. Hinrichs, L.L. Barnes, eds. Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 2013. 464 p.
- Sean Hsiang-Lin Lei. Neither Donkey nor Horse: Medicine in the Struggle over China's Modernity. Chicago, IL : University of Chicago Press, 2014. x, 382 p.
- Introduction to Public Health in China / Qingwu Jiang, ed. Springer, 2019. 81 p.
- Lampton D.M. The politics of public health in China, 1949–1969. Dept. of Political Science, Stanford University, 1973. 301 p.
- Reston J. Now, About My Operation in Peking // The New York Times. 1971. 26 July.
- Cullis J.G., West P.A. The economics of health: an introduction. New York : New York University Press, 1979. 308 p.
- Jamison D.T., Evans J.R., King T., Porter I., Prescott N., Prost A. China: the health sector. Washington, DC : The World Bank, 1984.
- Yang P.-L., Lin V., Lawson J. Health policy reform in the People's Republic of China // International Journal of Health Care Services. 1991. Vol. 21. P. 481–491.
- Приходько Н.Н. Фронтирная теория в геополитике на Востоке России // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 98–102.
- Кобылин И. Черные ящики истории // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 134–142.
- Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М. : Внешторгиздат, 1957. 455 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8009. Оп. 34.
- ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 10.
- ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 86а.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9493. Оп. 1.
- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35.
- Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2533. Оп. 3.
- ЦАНО. Ф. 2533. Оп. 3а.
- Учебно-исторический центр ПИМУ. Ф. 79. Оп. 3
- Вогралик В.Г. Слово о китайской медицине. Горький, 1959. 176 с.
- Вогралик В.Г. Два года в Китае. Горький, 1959. 211 с.
- Русецкий И.И., Терегунов А.Х. Краткое руководство по иглоукаливанию. Казань, 1962. 132 с.
- Русецкий И.И. Китайский метод лечебного иглоукалывания. Казань, 1959. 99 с.
- Тыкочинская Э.Д. Основы иглорефлексотерапии. М., 1979. 344 с.
- Тыкочинская Э.Д. Иглоукалывание и прижигание. Л., 1960. 55 с.
- Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М., 2011. 736 с.
- Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951. 584 с.
- Капица М.С. КНР: два десятилетия – две политики. М., 1969. 352 с.
- Гельбрас В.Г. Социально-политическая структура КНР. 1950–60-гг. М., 1980. 264 с.
- Островский А.В. Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации : к 100-летию Синьхайской революции. М., 2012. 416 с.
- Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958. 424 с.
- Гельбрас В.Г. Советско-китайские отношения в период 1950–80-х гг. Владивосток, 1991.
- Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. 405 с.
- Широкоград А.Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М., 2004. 446 с.
- Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня : исторический очерк. М., 2003. 220 с.
- Беляков А.В., Матвейчев О.А. Россия и Китай. Две твердыни. Прошлое, настоящее, перспективы. М., 2017. 378 с.
- Вольнец А.Н. Деревянные пушки Китая. Россия и Китай – между союзом и конфликтом. М., 2017. 383 с.

38. Балакин В.С., Сяоин Лу. КНР и СССР в 1960-е – 1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2016. Т. 16, № 1. С. 11–15.
39. Гусевская Н.Ю., Мамкина И.Н. Роль образования в развитии российско-китайских отношений: история и современность // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 77–83.
40. Мамаева Н.Л., Сотникова И.Н., Верченко А.Л. Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества. М.: Весь Мир, 2018. 608 с.
41. Ратманов П.Э. Вклад российских врачей в медицину Китая (XX век): автореф. дис. ... д-ра мед. наук, 2010. 48 с.
42. Черепанов А.И. Записки военного советника в Китае. М.: Наука, 1976. 646 с.
43. Ледовский А.М. СССР и Китай в 1937–1945 гг. Записки советского дипломата // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 82–108.
44. По дорогам Китая. 1937–1945 г.: воспоминания советских военных советников и специалистов М., 1989. 366 с.
45. Дружба навеки: очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949–1960 гг.) / отв. ред. И.В. Турицын. М.: НИИ ИЭП, 2018. 250 с.
46. Сладковский М.И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М.: Мысль, 1978. 301 с.
47. Сладковский М.И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М.: Мысль, 1953. 304 с.
48. Гордеев Н.В., Бугреев В.И., Жданова Н.Н. Советско-китайские и российско-китайские отношения в 40–90-е годы / под ред. Н.В. Гордеева. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. 188 с.
49. Галенович Ю.М. Сталин и Мао. Друзья и соперники. М.: Яуза-Пресс, 2017. 637 с.
50. Галенович Ю.М. 50 лет с Китаем. М.: Вагриус, 2010. 348 с.
51. Галенович Ю.М. Россия: взгляд из Китая. М.: Эксмо: Яуза, 2010. 302 с.
52. Кобылин И.И. История боли: аффект, языковые игры и биополитика страдания // Новое литературное обозрение. 2017. № 3 (145). С. 350–361.
53. Vicinich A. The Thaw and the Scientific and Technological Revolution (1954–1970) // Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of USSR (1917–1970). Berkeley; Los Angeles: California U.P., 1984. P. 257–313
54. Lowenhardt J. The Reorganization of the USSR Academy of Sciences 1954–1961 // Decision Making in Soviet Politics. New York: St. Martin's Press, Inc., 1981. P. 127–182.
55. Voskressenski A. Russia and China. A theory of inter-state relations. London; New York: Routledge Curzon, 2004. 278 p.
56. Федосов Е.А. «Вперед к великой цели!»: образ СССР и Китая в агитационных плакатах 1940–1960-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 136–144.
57. Нагорных О.С., Шок Н.П. Россия и Китай в ракурсе глобального здравоохранения: передача биотехнологий или трансфер этоса? // Социально-гуманитарное познание. Методические и содержательные параллели. М.: Аквилон, 2019. С. 297–312.
58. Гришина Н.В. «...Возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 28–37.

Olga S. Nagornyykh, Privolzhsky Research Medical University (Nizhniy Novgorod, Russian Federation). E-mail: aldan12@yandex.ru
 Nataliya P. Shok, Privolzhsky Research Medical University (Nizhniy Novgorod, Russian Federation). E-mail: shok.nataliya@gmail.com
THE BUSINESS TRIPS OF THE SOVIET DOCTORS TO THE PRC IN THE 1950s–1960s: IMPLEMENTATION OF CO-OPERATION PLANS IN THE FIELD OF MEDICINE AND HEALTHCARE.

Key words: history of medicine, historical source, business trip, Soviet-Chinese cooperation, medical care.

The article is devoted to the study of organization of the Soviet doctors and specialists' business trips to China in the 1950s–1960s. The goal is to determine the tasks of trips, their features, and results. The work also demonstrates previously unknown facts in historiography, based on archival data, concerning the continuation of cooperation in the field of medicine after the rupture of diplomatic relations between the USSR and China. The content of the work is based on the materials of the Central and regional national archives. There is a contradiction in the assessment of the described events from the Soviet and foreign historiography's point of view. The content of Soviet doctors' trips organized by the Ministry of health of the USSR is considered. On the basis of business trips' reports of participants, the personal impression and views of the historical situation is noted. Issues of cooperation in the field of epidemiology, production of antibiotics, organization of sanitary traffic were touched upon. Through redefining attitude towards the value of traditional methods of treatment and diagnosis, the points of intersection and interaction of traditions and Soviet innovations in the Chinese health system of the 1950s are determined, as well as the approbation of Chinese medicine methods in the practice of Soviet doctors (on specific historical examples). The significance of these methods is discussed, as well as the relevance of their application in modern history in the historical and socio-cultural context. This article notes that in the framework of bilateral agreements on scientific and technical cooperation between the countries, Soviet specialists regularly came to China to build medical campuses, assist in the organization of hospitals, and regulate anti-epidemic measures. But cooperation in the field of medicine concerned not only doctors' trips to China. Trips of technical specialists from the USSR were also an important part of organizing assistance with health care, medical and pharmaceutical industries in China. They provided significant support in the development of medical infrastructure, establishing the production of pharmaceutical industry (mainly antibiotics, etc.). Taking into account a need to reduce any ties and contacts between medical workers of both countries, the Soviet side continued to insist on the expediency of continuing the exchange of such delegations. It is important to note that cooperation was resumed later in the 1980s. The fact of cooperation's start in the field of medicine, which began earlier than the restoration of political relations, is interesting from a scientific point of view. It is revealed that the ethical component of the Chinese medicine combined the ideological basis of socialism and national spiritual values.

REFERENCES

1. Hinrichs, J. & Barnes, L.L. (eds). (2013) *Chinese Medicine and Healing: An Illustrated History*. Cambridge: Harvard University Press.
2. Hsiang-lin Lei, S. (2014) *Neither Donkey nor Horse: Medicine in the Struggle over China's Modernity*. Chicago, Illinois: University of Chicago Press.
3. Qingwu, J. (ed.) (2017) *Introduction to Public Health in China*. Springer.
4. Lampton, D.M. (1973) *The politics of public health in China, 1949–1969*. Dept. of Political Science, Stanford University.
5. Reston, J. (1971) Now, About My Operation in Peking. *The New York Times*. 26th July.
6. Cullis, J.G. & West, P.A. (1979) *The Economics of Health: An Introduction*. New York: New York University Press.
7. Jamison, D.T., Evans, J.R., King, T., Porter, I., Prescott, N. & Prost, A. (1984) *China: The Health Sector*. Washington, DC: The World Bank.
8. Yang, P.-L., Lin, V. & Lawson, J. (1991) Health Policy Reform in the People's Republic of China. *International Journal of Health Care Services*. 21. pp. 481–491. DOI: 10.2190/GGUT-K19W-FHUR-PPLF
9. Prikhodko, N.N. (2007) Frontirnaya teoriya v geopolitike na Vostoke Rossii [Frontier theory in geopolitics in the Russian East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 298. pp. 98–102.

10. Kobylin, I. (2017) Chernye yashchiki istorii [Black boxes of history]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 146(4). pp. 134–142.
11. Sladkovsky, M.I. (1957) *Ocherki ekonomicheskikh otnosheniy SSSR s Kitaem* [Essays on the Economic Relations of the USSR with China]. Moscow: Vneshtorgizdat.
12. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8009. List 34.
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8009. List 10.
14. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5446. List 86a.
15. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 9493. List 1.
16. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 35.
17. The Central Archive of Nizhny Novgorod Region (TsANO). Fund 2533. List 3.
18. The Central Archive of Nizhny Novgorod Region (TsANO). Fund 2533. List 3a.
19. The PIMU Educational and Historical Center. Fund 79. List 3
20. Vogralik, V.G. (1959a) *Slovo o kitayskoy meditsine* [Something about Chinese Medicine]. Gorky: Gor'k. kn. izd-vo.
21. Vogralik, V.G. (1959b) *Dva goda v Kitae* [Two years in China]. Gorky: [s.n.].
22. Rusetsky, I.I. & Teregunov, A.Kh. (1962) *Kratkoe rukovodstvo po kitayskomy igloukalyvaniyu* [Quick Acupuncture Guide]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo.
23. Rusetsky, I.I. (1959) *Kitayskiy metod lechebnogo igloukalyvaniya* [Chinese Method of Therapeutic Acupuncture]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo.
24. Tykochinskaya, E.D. (1979) *Osnovy iglorefleksoterapii* [The basics of acupuncture]. Moscow: Meditsina.
25. Tykochinskaya, E.D. (1960) *Igloukalyvanie i prizhiganie* [Acupuncture and moxibustion]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoy literatury.
26. Nepomnin, O.E. (2011) *Istoriya Kitaya XX vek* [The History of Chinin the 20th Century]. Moscow: RAS.
27. Efimov, G.V. (1951) *Ocherki po novoy i noveyshey istorii Kitaya* [Essays on the New and Recent History of China]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
28. Kapitsa, M.S. (1969) *KNR: dva desyatiletiya – dve politiki* [China: Two Decades – Two Policies]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
29. Gelbras, V.G. (1980) *Sotsial'no-politicheskaya struktura KNR. 1950–60-gg.* [Socio-political structure of the PRC]. Moscow: Nauka.
30. Ostrovsky, A.V. (2012) *Vekovoy put' Kitaya k progressu i modernizatsii: k 100-letiyu Sin'khayskoy revolyutsii* [One hundred years of China on the way to progress and modernization: to the Centennial of the Xinhai Revolution]. Moscow: RAS.
31. Kapitsa, M.S. (1958) *Sovetsko-kitayskie otnosheniya* [Soviet-Chinese relations]. Moscow: Gospolitizdat.
32. Gelbras, V.G. (1991) *Sovetsko-kitayskie otnosheniya v period 1950–80-kh gg.* [Soviet-Chinese relations in 1950–80s]. Vladivostok: [s.n.].
33. Voskresenskiy, A.D. (1999) *Rossiia i Kitay: teoriya i istoriya mezhgosudarstvennykh otnosheniy* [Russia and China: Theory and History of Interstate Relations]. Moscow: Moscow Public Science Foundation.
34. Shirokorad, A.B. (2004) *Rossiia i Kitay. Konflikty i sotrudnichestvo* [Russia and China. Conflicts and cooperation]. Moscow: Veche.
35. Larin, A.G. (2003) *Kitaytsy v Rossii vchera i segodnya: istoricheskiy ocherk* [The Chinese in Russia yesterday and today: a historical outline]. Moscow: Muravey.
36. Belyakov, A.V. & Matveychev, O.A. (2017) *Rossiia i Kitay. Dve tverdiny. Proshloe, nastoyashchee, perspektivy* [Russia and China. Two strongholds. Past, present, perspectives]. Moscow: Knizhnyy mir.
37. Volynets, A.N. (2017) *Derevyannye pushki Kitaya. Rossiia i Kitay – mezhdru soyuzom i konfliktom* [Wooden guns of China. Russia and China – between the union and conflict]. Moscow: Eksmo.
38. Balakin, V.S. & Xiaoling, L. (2016) China and the USSR in the 1960–1980th: from confrontation to equal cooperation. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the South Ural State University*. 16(1). pp. 11–15. (In Russian). DOI: 10.14529/ssh160102
39. Gusevskaya, N.Yu. & Mamkina, I.N. (2017) The role of education in the development of Russian-Chinese relations: history and modernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 77–83. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/10
40. Mamaeva, N.L., Sotnikova, I.N. & Verchenko, A.L. (2018) *Uchastie SSSR v rekonstruktsii i stroitel'stve "156 proizvodstvennykh ob'ektov" v KNR v 1950-e gody. Novye fakty i obstandy tel'stva sovetsko-kitayskogo sotrudnichestva* [USSR participation in the reconstruction and construction of "156 production facilities" in the PRC in the 1950s. New facts and circumstances of Sino-Soviet cooperation]. Moscow: Ves' Mir.
41. Ratmanov, P.E. (2010) *Vklad rossiysskikh vrachey v meditsinu Kitaya (XX vek)* [The Contribution of Russian Doctors to Chinese Medicine (the 20th Century)]. Abstract of Medicine Dr. Diss. Moscow.
42. Cherepanov, A.I. (1976) *Zapiski voennogo sovetnika v Kitae* [Notes by a Military Adviser in China]. Moscow: Nauka.
43. Ledovsky, A.M. (1990) *SSSR i Kitay v 1937–1945 gg. Zapiski sovetskogo diplomata* [USSR and China in 1937–1945. Notes of a Soviet diplomat]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 5. pp. 82–108.
44. Chudodeev, Yu.V. (ed.) (1989) *Po dorogam Kitaya. 1937–1945 g.: vospominaniya sovetskikh voennykh sovetnikov i spetsialistov* [On the roads of China. 1937–1945: memoirs of Soviet military advisers and specialists]. Moscow: Nauka.
45. Turitsyn, I.V. (ed.) (2018) *Druzhba naveki: Ocherki istorii sotrudnichestva Sovetskogo Soyuza i Kitayskoy Narodnoy Respubliki (1949–1960 gg.)* [Friendship Forever: Essays on the history of cooperation between the Soviet Union and the People's Republic of China (1949–1960)]. Moscow: NII IEP.
46. Sladkovsky, M.I. (1978) *Kitay: osnovnye problemy istorii, ekonomiki, ideologii* [China: The Main Problems of History, Economics, Ideology]. Moscow: Mysl'.
47. Sladkovsky, M.I. (1953) *Ocherki razvitiya vneshneekonomicheskikh otnosheniy Kitaya* [Essays on the development of foreign economic relations of China]. Moscow: Mysl'.
48. Gordeev, N.V., Bugreev, V.I. & Zhdanova, N.N. (1999) *Sovetsko-kitayskie i rossiysko-kitayskie otnosheniya v 40–90-e gody* [Soviet-Chinese and Russian-Chinese relations in the 1940–1990s]. Irkutsk: Irkutsk State Economic Academy.
49. Galenovich, Yu.M. (2017) *Stalin i Mao. Druz'ya i soperniki* [Stalin and Mao. Friends and Rivals]. Moscow: Yauza-Press.
50. Galenovich, Yu.M. (2010) *50 let s Kitaem* [50 years with China]. Moscow: Vagrius.
51. Galenovich, Yu.M. (2010) *Rossiia: vzglyad iz Kitaya* [Russia: a view from China]. Moscow: Eksmo: Yauza.
52. Kobylin, I.I. (2017) *Istoriya boli: affekt, yazykovye igry i bio politika stradaniya* [The history of pain: affect, language games and bio-politics of suffering]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3(145). pp. 350–361.
53. Vucinich, A. (1984) *Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of USSR (1917–1970)*. Berkeley, Los Angeles: California U.P. pp. 257–313
54. Löwenhardt, J. (1981) *Decision Making in Soviet Politics*. New York: St. Martin's Press. Inc. pp. 127–182.
55. Voskressenski, A. (2004) *Russia and China. A theory of inter-state relations*. London, New York: Routledge Curzon.
56. Fedosov, E.A. (2017) "Forward to the great aim!": the image of the USSR and China in propaganda posters of 1940–1960s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 48. pp. 136–144. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/48/22
57. Nagornyykh, O.S. & Shok, N.P. (2019) *Rossiia i Kitay v rakurse global'nogo zdoravookhraneniya: peredacha biotekhnologii ili transfer etosa?* [Russia and China from the perspective of global health: the transfer of biotechnology or the transfer of ethos?]. In: *Sotsial'no-gumanitarnoe poznanie. Metodicheskie i soderzhatel'nye paralleli* [Social and humanitarian knowledge. Methodological and substantive parallels]. Moscow: Akvilon. pp. 297–312.
58. Grishina, N.V. (2018) The opportunity of traveling and breathing the air of Western Europe": the relationships between the academic community and the authorities in respect of international trips during the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 51. pp. 28–37. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/51/4

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(510)

DOI: 10.17223/19988613/65/11

И.Р. Гарри

ХОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ НИНЦО-ГОНПА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Исследование проведено в рамках государственного задания, проект XII.191.1.3. Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии, номер госрегистрации № ААА-А17-117021310263-7.

Статья посвящена исследованию истории и современного положения тибетского буддийского монастыря Нинцо-гонпа, расположенного в поселке Сяншуй уезда Тау Тибетского автономного округа Кандзе провинции Сычуань. На основании ввода в научный оборот тибетских и китайских источников, а также собственных полевых материалов автор показывает в исторической перспективе, как традиционная монастырская система Тибета восстанавливает свои социальные функции в обществе и начинает играть существенную роль в политической жизни региона.

Ключевые слова: Нинцо-гонпа; тибетский буддийский монастырь; Восточный Тибет; княжества Хор.

До инкорпорации тибетских регионов в состав КНР в них существовала система «единства религии и политики» (тиб. – chos-srid zung-‘brel, кит. – zhengjiao heyi), в которой тибетская монастырская система либо обладала всеобъемлющей политической властью над местным населением, либо делила ее со светскими правителями. Понимание тибетского общества как религиозного являлось и остается поныне основой тибетской национальной идентичности. В настоящей статье взаимодействие религии и политики в Тибете в исторической перспективе и на современном этапе рассматривается на примере монастыря Нинцо-гонпа, расположенного в уездном городе Сяншуй уезда Тау (кит. – Даофу) Тибетского автономного округа Кандзе (кит. – Ганьцзы) провинции Сычуань.

Монастырь является одним из 13 так называемых Хорских монастырей Кхама. Хорский регион, в свою очередь, являлся одним из традиционных политий Кхама. Нинцо-гонпа исторически и традиционно имел в нем большой вес не только в религиозном отношении, но также в политическом, экономическом и даже военном, осуществляя в тесной взаимосвязи со светскими правителями политическую власть в регионе. Отделение религии от государства, осуществленное в период «демократических реформ» и «культурной революции», подорвало основу функционирования монастыря, и он практически прекратил свое существование. Однако объявленные после смерти Мао Цзэдуна реформы стимулировали его быстрое возрождение и восстановление его прежних функций в обществе. Что способствовало быстрому возвращению монастыря в социокультурное и политическое пространство региона? Почему хорские монастыри стали

главными агентами распространения в Кхаме влияния школы гэлукпа? Какое место занимал монастырь Нинцо-гонпа и другие Хорские монастыри в истории Хорского региона и всего этнографического Тибета в целом? Какую роль играл монастырь в сино-тибетском конфликте, во многом повлиявшем на специфику хорской идентичности? Какую роль играет монастырь в современной жизни региона? Данная статья делает попытку ответить на все эти вопросы.

Поскольку тема является практически не изученной в тибетологии и китаеведении, основной нашей целью было представить феномен Хорского региона и его монастырей в исторической перспективе и на современном этапе в контексте монголо-тибетских и сино-тибетских взаимоотношений в Кхаме. На примере монастыря Нинцо-гонпа мы показываем, что, несмотря на разрушение «системы единства религии и политики», на протяжении столетий скреплявшей хорскую идентичность, тибетская монастырская система не только возвращает свое важнейшее место в обществе, но и начинает оказывать существенное влияние на политическую повестку дня. Статья написана на основе тибетских и китайских источников и отчетов путешествий в Кхам первых европейцев. Среди тибетских источников мы главным образом использовали «Историю монастыря Нинцо-гонпа», написанную Пелджор Пунцогом [1]. Среди китайских источников наиболее важной работой для нашей темы стали «Избранные материалы по тибетским монастырям» [2]. Такие книги, как «Земля лам: записки путешествия через Китай, Монголию и Тибет» Уильяма Рокхилла [3] и «Монголия и Кам» Петра Козлова [4] представили материал из первых рук европейских ученых, в числе

первых осуществивших путешествие в Восточный Тибет. Третий раздел статьи написан преимущественно на основе полевых исследований автора, совершенных во время поездок в регион с 2011 по 2015 г.

Хорские княжества: от Юань (1271–1368) до Цин (1644–1911)

Пять Хорских княжеств – Дранго, Трехор, Кансар, Масур, Бери, или регион Трехор (Tre hor), представляли собой одно из традиционных политических образований Кхама и находились на территории современных уездов Кандзе (Dkarmdzes, кит. – Ганьцзы), Дранго (Dranggo, кит. – Лухо) и Тау (Rtau, кит. – Даофу) Тибетского автономного округа Ганьцзы провинции Сычуань в плодородной долине Кандзе верхнего течения реки Ньячу (иначе Дзачу, кит. – Ялунцзян), притока Янцзы. Как писал английский дипломат Уильям Рокхил, «эта долина, обычно называемая тибетцами Хорко (долина Хор)... является самой большой культивируемой землей во всем Восточном Тибете. Ее высота чуть больше 11 000 футов (3 352,8 м.). Река Ялун струится по ее середине, фермы, селения и монастыри густо рассыпаны по ней. Жители – процветающие и богатые, занимаются как выгодной китайско-тибетской торговлей чаем, так и земледелием» [5. Р. 75].

Сведения о происхождении Хорских княжеств скорее легендарны, чем исторически реальны. Словом «Хор» в тибетском языке в разные времена обозначались разные понятия. Во времена тибетской империи VII–IX вв. им обозначали уйгуров, затем оно стало использоваться для монголов империи Чингисхана [6. Р. 34], а позже для таких политий Восточного Тибета, как княжества Хор и 39 племен Хор [7]. Возникновение первых местная традиция возводит к эпохе Чингисхана, т.е. к XIII в., – времени, когда между чингисидами (Годан-хан, Хубилай-хан) и иерархами школы Сакья из Центрального Тибета (Сакьяпа, Пагбалама) сложились взаимоотношения «светского покровителя и религиозного наставника» (mscod-yon).

Согласно местным преданиям [1], ученик Сакьяпы Пагбалама проезжал через Кандзе, когда следовал по приглашению Хубилай-хана к его двору. На своем пути он давал посвящения местному населению и заметил посреди живописной долины место, подобное драгоценной мандале, ныне там находится Ханьжэньсы (Китайский монастырь). Он рассказал о нем Хубилай-хану и посоветовал построить там храм дхармапалы. Тогда Хубилай-хан послал туда принца Цзиньчжэнь (Хоэр Сэвэн) для основания монастыря [8]. Принц, прибыв на место и начав строительство, познакомился там с красивой и доброй местной девушкой. Молодые люди полюбили друг друга, и девушка вскоре забеременела. Перед своим отъездом из этих краев принц поручил девушку заботам предводителя местности по имени Чжавацзинь. Еще он оставил ему монгольские сапоги и тибетский ковер с просьбой в случае рождения сына передать ему эти вещи. В 1278 г. девушка родила мальчика. Его назвали Хор Масанбу (тиб. – «Нежданный ребенок монгола»). Приводятся также слова предводителя девушки: «В про-

шлом году Хор Сэвэн оставил сапоги и ковер, смысл этого: сидя на коне, править мирянами, сидя на ковре, править монахами. Твой сын крови Хор, в будущем племя Хор станет управлять местностью, возьмет в свои руки политическую и религиозную власть в тибетских регионах севера Кхама, я хочу всю территорию под моим управлением отдать твоему сыну». После этого Чжавацзинь якобы сказал членам своей семьи: «Эта чистая прекрасная земля станет святым местом буддизма под управлением клана Хор, а не точкой опоры бон, я же как можно скорей ухожу из Ганьцзы в монастырь бон Чжадинцинсы» [8].

Из приведенной информации, скорее всего, следует то, что в период монгольских завоеваний на территории Хорских княжеств существовало земледельческое население, исповедовавшее религию бон, предводителя которого были одновременно бонскими жрецами. Посещение региона Пагбаламой способствовало началу проникновения буддийского влияния, вряд ли есть основания говорить о каком-либо его укоренении. Хор Масанбу, судя по всему, – реальный исторический персонаж, о его существовании свидетельствует как само его имя, так и сохранившаяся память о монгольских корнях населения региона, которые могли быть пущены лишь в период монгольских завоеваний.

В течение последующих трех столетий, до XVII в., происходило утверждение представителей клана Хор в качестве правящей знати местного населения. Существуют разные версии генеалогии клана. По одной из них у Хор Масанбу было трое жен и шестеро сыновей, от которых распространился род [1]. Пелджор Пунцог же пишет, что трое жен и сыновей было у 7-го потомка Хор – Намкха Гьялцена. Так или иначе, но точно известно, что раздел владений между потомками клана Хор привел к образованию так называемых Пяти княжеств Хор – весьма необычному политическому образованию Кхама, в котором наследование передавалось не на земли, а на находившиеся у предводителей в подчинении семьи, так что между княжествами не было четких границ, находившиеся в одном месте семьи могли относиться к разным княжествам [3. Р. 253].

Среди наследников клана Хор больше всех прославился второй сын Намкха Гьялцена из 8-го колена Хор – Нгаванг Пунцог, построивший по поручению 5-го Далай-ламы в Кхаме в 1660-х гг. 13 Хорских монастырей Гэлукпы. О Нгаванг Пунцог есть информация в автобиографии 5-го Далай-ламы Нгаванг Лобсан Гьяцо (1617–1682) [9]. В ней сообщается, что последний давал ему посвящения на практику Гуру-пуджи (Bla ma msod pa), богини Курукуллы (Rig byed ma'i mngon rtogs) и сине-зеленой формы божества (Ваджра Видараны Rnam 'joms ljang sngon thabs) в Амдо в 10-м месяце 1653 г. во время его триумфального возвращения из Пекина после встречи с маньчжурским императором и описываются другие посвящения в 9-м месяце 1654 г. в Лхасе [9. Р. 321, 454–455].

Получив в 1654 г. посвящения 5-го Далай-ламы, Нгаванг Пунцог прибыл в Кхам, в 1655 г. при поддержке князя Дэргэ основал первый гелукпинский монастырь на севере Кхама – Гонсар, и стал его первым перерожденцем – *тулку*, а затем начал строить другие

монастыри, всего 13. Нгаванг Пунцог и его сородичи, будучи потомками монголов, стали, подобно различным монгольским и амдосским племенам в Амдо, самыми ревностными приверженцами Далай-ламы и Гуши-хана в Кхаме. Впоследствии влияние 13 монастырей Хор все более возрастало, и они сыграли большую роль в распространении гелукпы во всем Кхаме различными способами, в том числе в подавлении или насильственном преобразовании монастырей бон и «красной традиции» в «желтую».

К середине XVII в., таким образом, произошли основополагающие события в становлении хорской идентичности: утверждение клана Хор в качестве светских предводителей местного населения, образование Пяти княжеств Хор и принятие ими буддизма традиции гелукпа. Очевидно, что в этом большую роль сыграл монгольский фактор. Китайские источники отмечают, что вторжению Гуши-хана в 1639 г. сопутствовало массовое переселение монголов-хошутов в Кхам [10]. В течение последующих веков, однако, эти монгольские пришельцы практически полностью ассимилировались, так что когда экспедиция Петра Козлова появилась в регионе в 1900 г., она находила в некоторых кхамских политиях население, еще помнившее о своих монгольских корнях, но утратившее свой язык и полностью перенявшее тибетскую культуру [4. С. 421]. Этот процесс тибетизации автохтонных и пришлых этнических групп на окраинах тибетского культурного мира отмечался некоторыми исследователями, так что Джеффри Сэмюэл даже отмечал: «Возможно, что современное тибетское население Кхама является результатом подобных процессов тибетизации, начиная с XVII в. или раньше» [11. Р. 85]. И вполне очевидно, что главным фактором ассимиляции было принятие этими группами тибетского буддизма и отказ от своих автохтонных верований.

Тем временем, когда Нгаванг Пунцог устанавливал контакты с Великим 5-м Далай-ламой и Гуши-ханом и строил в Кхаме 13 гелукпинских монастырей, на арене Внутренней Азии появился новый грозный игрок в лице маньчжуров, образовавших в 1644 г. на территории минского Китая империю маньчжурских императоров династии Цин. Имплементация маньчжуров в тибето-монгольские дела привело к установлению в 1727 г. между Цинским Китаем и Центральным Тибетом границы на перевале Бум Ла, по которой Хорские княжества оказались на стороне Цинской империи [5. Р. 2]. С этого времени регион подпал под номинальный контроль Цинов, с одной стороны, но продолжал испытывать религиозное влияние Лхасы – с другой. Вожди княжеств, однако, балансируя между центрами силы в Центральном Тибете и Китае и сохраняя равновесие сил в регионе, управляли своими владениями по собственному усмотрению.

Относительно спокойное существование Хорских княжеств на протяжении следовавших 250 лет, как, впрочем, и всего Кхама, было нарушено возвышением на юго-западе страны амбициозного лидера Ньяронга – Гонпо Намгьяла, который в 1860 г. нарушил баланс сил в Кхаме, напав и завоевав соседние территории, включая Дэргэ и Пять Хорских княжеств [12]. С этого

времени изоляция, столь ревностно культивируемая всеми восточно-тибетскими политиями, дала брешь. После поражения Гонпо Намгьяла с 1865 г. Хорские княжества оказались на этот раз в зоне влияния лхасского правительства и были вынуждены согласиться на присутствие лхасских чиновников. Затем, после казни в Дранго двоих своих соплеменников цинским таотаем Цин Шанем в 1883 г., – на китайский военный пост [3. Р. 253–255], а вслед за этим – на все учащавшиеся визиты иностранцев.

При этом достоверные сведения о стране из первых рук американского дипломата Уильяма Рокхилла и русского ученого и разведчика Петра Козлова свидетельствуют о том, что Хорские княжества к концу XIX в. представляли собой сильное автономное политическое образование Кхама, управлявшееся своими предводителями в соответствии с их собственными интересами. За время существования Цинской империи Хорские княжества, несмотря на извечные междоусобицы, превратились в регион очень самобытной культуры, отличительными признаками которой стали тесное переплетение светской и религиозной власти, воинственное население, развитое сельское хозяйство, материальный достаток, замечательная архитектура, особый диалект тибетского языка и, главное, исключительное место монастырей в политической, экономической, социальной и военной сферах жизни местного населения.

«Контроль и Цинов, и Центрального Тибета над Кхамом был непрямым и номинальным. Различные царства Кхама обладали высокой степенью автономии, а события в регионе контролировались местными интересами», – пишет Юдру Цзому [12. Р. 30]. Это мнение исследователя прекрасно иллюстрируется эпизодом посещения Хорских княжеств в 1900 г. членами экспедиции Козлова и сопровождавших их лхасского и дэргэского чиновников. Население Кандзе едва их не растерзало. Глава отряда Цокто Бадмажапов на свое заявление о том, что он имеет при себе паспорта от китайского императора и лхасских властей, получил следующий ответ от жителей города: «Паспорта твои для нас ничего не значат; мы плюем на далай-ламу и знать его не хотим, так как он сам в Лхасу вас не пустил и требовал того же от нас, а между тем теперь посылает *пилинов* (иностранцев. – И.Г.) к нам, да еще в сопровождении своих людей. Богдохана мы презираем еще больше; он выдает пилинам паспорта, а сам пешком удирает от них из столицы в Си-ань-фу. Изменники оба и далай-лама, богдохан и мы еще раз плюем на них и бросаем им в глаза пепел. Вы же немедленно убирайтесь, если хотите остаться живыми, иначе будете перерублены!» [4. С. 520].

Козлов отмечал: «Все, за счастливым исключением Бадмажапова, были побиты; особенно серьезно пострадал дэргэский хондо, который был жестоко избит еще тогда, когда Бадмажапов сидел в фанзе; его несчастного били беспощадно и таскали по земле за длинные волосы; в конце концов отняли саблю и шаль, повязываемую вокруг головы» [Там же. С. 522].

В конце правления Цинской династии политика непрямого контроля Кхама со стороны Цинской империи была сменена политикой прямого администриро-

вания (*gaitu guiliu*), и генерал Чжао Эрфэн «огнем и мечом» прошелся по тибетским землям. Хорские княжества по большей части избежали участи других политий Кхама, чьи монастыри были до основания разрушены, а их защитники казнены. Чжао Эрфэн оставил Хорский регион напоследок и подчинил его только к августу 1911 г., после завершения похода на Лхасу. Но в феврале 1912 г. пала Цинская империя и вместе с нею пал ее жестокий наместник, убитый революционерами в этом же году, а в Восточном Тибете началась новая эра ожесточенной борьбы восточно-тибетских политий за свою независимость.

Хорские монастыри в период Китайской республики (1911–1949)

В 1914 г. Китайская республика учредила на территории Кхама Особый административный район Чуаньбянь (*Chuanbian xingzhenqu*), преобразованный в 1939 г. в провинцию Сикан, в котором уездная система образовывалась на основе традиционных границ кхамских политий. В Хорских княжествах было создано три уезда – Кандзе (Ганьцзы), Дранго (Лухо) и Тау (Даофу), на управление которых назначались ханьские

администраторы, однако население продолжало подчиняться только своим светским предводителям и монастырям. Если 40 лет после Синьхайской революции были периодом де-факто независимости Центрального Тибета, то для Кхама это было временем тотальной войны «всех против всех». Основной узел борьбы концентрировался вокруг сино-тибетского противостояния, в котором кхамские политии выступали на той или иной стороне. Хорский регион наряду с Дэргэ и Ньяронгом всегда оказывался в эпицентре конфликта и балансировал между этими центрами силы в зависимости от своих собственных интересов. Знаменитый тибетский революционер Баба Пунцог Вангьял говорил о своей родине Кхаме в ту пору: «В нашем политически уязвимом регионе альянсы были изменчивы и нестабильны, а обещания не тверды» [13. Р. 11].

В Хорском регионе влияние гэлукпинских монастырей было, пожалуй, самым сильным во всем Кхаме, если не считать Чамдо, относившегося к территории под управлением Далай-ламы. Сведения по монастырям в китайских источниках сильно разнятся. На основании «Избранных материалов по тибетским монастырям» [2] мы составили таблицу по Хорским монастырям и для сравнения добавили монастыри Литан и Санполин.

Хорские монастыри

Название монастыря	Год основания	Кол-во монахов в 1937 г.	Кол-во монахов в 1956 г.	Кол-во монахов в 1989 г.
Ганьцзы	1663	4 500	3 300	?
Даргье	1662	2 500	3 750	?
Шоулин	1650	1 900	900	494
Линцюз	1662	900	1 900	330
Литан	1580	1 800	4 371	600
Санполин	1669	2 200	?	7

Следует отметить, что во всех материалах сборника большой разбой в цифрах, поэтому таблица отражает лишь приблизительные масштабы монастырей традиционного и посттрадиционного Кхама. В отношении первого в материалах сборника констатировалось, что в 1956 г. в округе Ганьцзы в общем насчитывалось 495 монастырей, 64 000 лам, монахов и монахинь, или 13% общего населения округа [Ibid. Р. 81]. В уезде Ганьцзы отмечалось самое высокое соотношение монахов и населения, составлявшее по разным оценкам от 31 до 41,8%. Кроме того, в отношении Хорских монастырей особо подчеркивались чрезвычайно высокая степень переплетения светской и религиозной власти, вмешательство или, вернее, активное участие монастырей во всех политических процессах, огромное имущество в виде «крепостных», земель и пастбищ, большая связь с правительством Далай-ламы и лхасскими монастырями. В отношении посттрадиционного Кхама таблица свидетельствует о том, что главные кхамские монастыри перестали существовать в качестве важнейшего института традиционного Тибета.

Хорский регион со своими монастырями, будучи наряду с Дэргэ и Ньяронгом яблоком раздора между Центральным Тибетом и Китаем, принимал самое активное участие во всех сино-тибетских конфликтах. Монастырь Даргье был наиболее приближенным к Лхасе и всегда выступал на ее стороне. В 1911 г., когда вспыхнула Синьхайская революция, более 300 мо-

нахов монастыря Даргье, обучавшиеся в тот период в лхасских монастырях, приняли непосредственное участие в боях с расквартированной в Лхасе китайской армией и ее изгнании из Центрального Тибета. Сообщается, что 13-й Далай-лама наградил их за это на специальной церемонии, сформировал из них монашеский корпус тибетской армии, предоставил знамя и горн, 500 стволов английских винтовок и 250 тысяч патронов [Ibid. Р. 171].

Монастырь Нинцо (1 900 лам в 1950-х гг.) в Даофу ближе всех находился к Дарцедо (Кандину), и там по Пекинской конвенции был построен в 1862 г. католический храм, возбуждавший огромную ненависть монахов. В 1912 г. в Даофу был организован антикитайский мятеж под руководством Бэньда-ламы из Нинцо-гонпа, в результате которого было совершено нападение на уездное правительство *яшу*, сожжен католический храм, арестован начальник уезда, французский и китайский миссионеры едва не лишились жизни (иностранному священнику вырвали бороду и усы и поставили на колени перед толпой на площади) [Ibid. Р. 210]. После подавления мятежа монастырь превратили в военный лагерь, а храм хранения Ганджура – в скотобойню. Благодаря посредничеству двух тулку монастыря – Пэннун и Ука – удалось уладить конфликт. Монастырь с помощью остальных хорских районов возместил убытки католического храма и отстроил его заново, после чего правительство вернуло монастырь этим

тулку, которые с тех пор стали его настоятелями, а монастырь возобновил свою деятельность [Ibid].

В 1917 г. произошел очередной сино-тибетский конфликт. Под предлогом нарушения границы тибетскими солдатами, косившими траву на китайской стороне, генерал Пэн Жишэн решил самовольно нарушить сино-тибетскую Симлскую конвенцию и попытаться совершить поход на Лхасу по примеру Чжао Эрфэна. Ему, однако, это не удалось, он был взят в окружение тибетской армией и капитулировал в апреле 1918 г. [12. Р. 54]. «Армия монахов» монастыря Даргье, естественно, выступила на стороне тибетских войск, оказав им существенную помощь, за которую Лхаса отблагодарила их людьми и землями [2. Р. 172]. Конфликт был разрешен только с помощью английского консула Тейчмана, в результате чего стороны разошлись в соответствии со старым разграничением XVII в., по которому Кандзе оставался на китайской стороне, но Дэргэ отходил на сторону Лхасы.

В 1930 г. междоусобный конфликт между предводителем (*тусы*) Бери и монастырем Даргье (Da-Bai shijian) стал предлогом для сино-тибетской войны [14. Р. 221–224]. *Тусы* Бери пригласил геше-ламу из монастыря Даргье по имени Сила стать настоятелем своего семейного храма Гонэнсы, пообещав выделить ему 15 дворов крепостных. Однако вскоре отношения между последними испортились из-за того, что Сила «пользуясь властью, угнетал сельчан и заводил любовниц» [2. Р. 172]. Ссора вскоре достигла огромного масштаба и переросла в вооруженные столкновения между сторонами. На сторону Бери встал главнокомандующий Сикана генерал Лю Вэньхуэй, на его стороне также выступили чиновники Панчен-ламы, за монастырь Даргье вступилась Лхаса, в результате чего развязалась война, продлившаяся два года. Сначала тибетские войска наступали и захватили большие территории верховья Янцзы, включая Кандзе и Ньяронг. 24-я армия Лю Вэньхуэя, однако, контратакой выбила оттуда тибетские силы и к тому же захватила Дэргэ, который Лхаса контролировала со времени предыдущего конфликта. Победе армии Сычуани способствовало вступление в конфликт армии мусульманского диктатора Цинхая – Ма Буфана – в районе Нанчен. В результате военных действий был разрушен и сожжен монастырь Даргье, большая часть лам бежала в Центральный Тибет. В октябре 1932 г. Лю и тибетцы подписали перемирие, по которому Янцзы оставалась де-факто границей вплоть до 1950 г., когда войска Народно-освободительной армии Китая (НОАК) пересекли ее и захватили Чамдо и тибетскую часть Кхама.

В конфликте 1930–1932 гг. монастырь Кандзе не поддержал Даргье, несмотря на то что тоже являлся гэлукпинским монастырем, а, напротив, помог 24-й армии атаковать соседний монастырь вследствие своих связей с Гоминьданом. В то время 17 высших лам монастыря были его членами, настоятель главный тулку тоже был членом Гоминьдана, главным советником уездных властей, членом партийной контрольной комиссии уезда и «послом буддизма Юго-Запада». Сообщается, что власти Сикана для обеспечения поддержки своего правления «прикидывались» верующими

и заигрывали с монастырем, ежегодно делали подношения 400 ящиками чая, заказывали службы, раздавали деньги, защищали монастырский бизнес. В 1938 г. в монастыре произошел «инцидент Ганьцзы» (Ganzi shijian), когда тулку Сянгэн стал агитировать за изгнание китайцев, однако большинство монахов под руководством тулку Чунса выступило против [Ibid.].

В 1936 г. на территории Хор появилась Красная армия КПК, совершавшая свой Великий поход и с боями пробивавшаяся на север. На своем пути через Восточный Тибет она встретила крайне враждебное население и только в Кандзе будто бы смогла установить дружеские отношения с группой тибетцев и создать Тибетское (Бодпа, кит. – Боба) правительство [15. Р. 126]. Однако в Даофу монастырь Нинцо оказал вооруженное противодействие продвижению Красной армии. В монастыре были сделаны укрепления, поставлены караулы, прорыты канавы. После того, как Красная армия вошла в уезд, Сыда гэнба дважды посылал «отряды смерти» из 30 лам захватить бастион за горой, однако они были разбиты, десять с лишним лам были убиты и ранены. Когда монастырь был окружен, все ламы, перепрыгнув через стену, разбежались [2. Р. 210].

Как видно из приведенной информации, в период существования Китайской республики Хорский регион наряду с Дэргэ и Ньяронгом стал яблоком раздора между лхасским правительством, с одной стороны, и Гоминьданом, сычуаньскими милитаристами и, в конце концов, КПК – с другой. Между военными группировками с китайской стороны не было никакого единства и согласованности действий, как это было при Чжао Эрфэне, олицетворявшем монолитность и мощь Цинской империи. Центральный Тибет, став де-факто независимым, смог перевооружить свои войска и добиться ощутимых успехов, как, например, в конфликте 1918 г. Очевидно, что из двух «зол» Хорским монастырям и светским лидерам была более предпочтительна Лхаса. Однако учитывая, что Лхаса далеко, а Китай (Кандин) близко и вряд ли оставил бы их в покое, они балансировали между ними, придерживаясь различных стратегий борьбы, начиная от решительного противодействия до альянсов с ним, как в случае с монастырем Кандзе. Как пишет Джун Дрейер, «будучи, несомненно, больше тибетцами, чем ханьцами, кхампа, однако, поняли, что посредством альянса со слабым ханьским правительством против сильного лхасского можно для себя выиграть некоторую степень автономии» [16. Р. 34]. Очевидно, что и в период существования Китайской республики ни она, ни Лхаса не имели контроля над регионом, и он продолжал управляться своими традиционными лидерами и монастырями в соответствии с их интересами.

Хорский монастырь Нинцо-гонпа в современный период

Полный контроль над Кхамом осуществила КПК. В конце 1949 г. остатки гоминьдановского правительства и войск попытались найти прибежище в Сикане, но из-за отступничества губернатора Сикана Лю Вэньхуэя попали в ловушку коммунистов в Яани, так что

31 декабря 1949 г. власти вновь образованной КНР провозгласили полное завоевание Китая за исключением Тайваня и Тибета [16. Р. 87]. В 1950 г. на территории Кхама был создан Тибетский автономный район провинции Сикан, в 1955 г. – Тибетский автономный округ (ТАО) Ганьцзы провинции Сычуань (провинция Сикан была ликвидирована), в округе образованы один город уездного значения Кандин и 17 уездов, среди которых Ганцзы, Лухо и Даофу соответствовали территории бывших Пяти княжеств Хор. В 1955–1956 гг. в Сычуани было проведено перераспределение земли под лозунгом «демократических реформ», приведшее к всеобщему кхамскому восстанию, которое затем перекинулось в Центральный Тибет. Последовавшая через десять лет «культурная революция» (1966–1976) полностью разрушила традиционные институты Кхама и тибетский образ жизни [17, 18], нанеся огромный урон сино-тибетским отношениям. В 1980 г. КПК признала ошибки «культурной революции» в Тибете и взялась за их исправление, начав полномасштабные реформы во всех сферах жизни региона, что привело к быстрому росту доходов населения, восстановлению монастырей и возрождению культуры.

Наряду со всеми монастырями этнографического Тибета начал возрождаться и восстанавливать свое влияние Хорский монастырь Нинцо-гонпа, расположенный в уездном поселке Сяншуй уезда Тау (Даофу). Название Тау по-тибетски означает *жеребенок*, существует много различных местных преданий о лошади и жеребенке. Считается, что контуры уездного поселка напоминают по форме лошадь. Местность является одной из самых красивых в Восточном Тибете. Расположенная в плодородной долине реки Чжечу (кит. – Сяншуй) на сравнительно небольшой для Тибета высоте – чуть выше 3 000 м, она отличается мягким климатом, богатой растительностью и обильными урожаями. Нарядные дома жителей Тау, первый этаж которых каменный, а второй из круглого дерева, выкрашенного в бордовый цвет, замечательно выглядят в окружении цветущих полей, тополей, вязов на фоне отдаленных гор. Особый диалект региона, объясняемый по некоторым версиям миграцией в эти края амдосских монголов или тангутов Сися, побуждает жителей в большей, нежели в других регионах, степени использовать китайский язык в общении с другими этно-локальными группами Тибета. И вообще регион, вследствие плодородия своих земель и нахождения на караванном тракте между Сычуанью и Лхасой, всегда привлекал китайскую миграцию, так что в настоящее время ханьское население двух поселков уезда уже превысило местное тибетское. Исторически местность управлялась четырьмя *тусы* – Минчжэн, Дандун, Машу и Кунса. В период Цин там был установлен один из шести военных пунктов, имелся католический храм. В период Китайской республики в 1935 г. был создан Комиссариат по умиротворению Сикана (Xikang xuanweishi gongshu). В 1936 г. образовано Тибетское правительство (кит. – Боба) уезда Даофу.

До «демократических реформ» в уезде было 36 монастырей и 5 825 священнослужителей, среди них гэлукпинских соответственно 10 и 3 120, нингмапин-

ских – 16 и 1 300, бонских – 9 и 605, сакья – 1 и 50 [2. Р. 206]. Среди них Нинцо-гонпа – самый большой и главный гэлукпинский монастырь. Его название означает в зависимости от написания либо «Море рыбы» (*nya mtsho*), либо «Солнечное море» (*nyin mtsho*), чаще используют последнее. По одному из преданий, на месте монастыря были горы и пещеры тигров, оно славилось сильными бонскими жрецами. Один из них – Юндру Гьялцен – будто бы уступил эти места буддистам [1. Р. 4]. По другой легенде, на месте уезда было высокогорное озеро, на месте которого возникла плодородная речная долина [2. Р. 208]. Хор Нгаванг Пунцог (см. выше) выбрал это место в 1662 г. для основания гэлукпинского монастыря, назвав его по имени горы, у подножия которой был построен монастырь. Сообщается, что монастырь устраивал большие гонения на нингмапу и бон, так что постепенно гэлукпа заняла все сельскохозяйственные зоны, вытеснив нингмапинские монастыри в скотоводческие районы, а бон – в отдаленные каньоны [Ibid. Р. 205–208]. Как отмечалось выше, монахи монастыря были известны своей воинственностью и постоянно участвовали в различных конфликтах с властью.

Монастырь сравнительно небольшой, построен в традиционном тибетском архитектурном стиле, состоит из трех основных зданий: Гонкхан, в котором находятся статуи главных гэлукпинских защитников, Дунтэн, в котором поставлена ступа Понлоб Ринпоче, и Дукхан – большой молитвенный зал на 1 200 монахов. На втором этаже устроены специальные апартаменты для Далай-ламы и Панчен-ламы. Поскольку монахи монастыря традиционно проходили обучение в Лхасе, его организационное управление следовало главным гэлукпинским монастырям Центрального Тибета. Главный совет монастырского собрания состоял из перерожденцев монастыря *тулку* (*sprul sku*), хранителей-секретарей *чандзо* (*phyag mdzod*), ученых лам *геше*, главного настоятеля *кенпо*, казначея *ньерна* (*gnyer pa*), главного управляющего настоятеля *чиба* (*khri-pa*), имелись три колледжа-*дацана* (*grwa tshang*). В 1950 г. в монастыре было 1 900 монахов, 13 *тулку*, 4 *чандзо*, 15 *геше*.

Монастырь серьезно пострадал во время «демократических реформ» и «культурной революции» и совершенно опустел. Но в 1981 г. он был вновь открыт, во главе поставлен старый лама Дамдин Церинг. С этого времени до 1995 г. монастырь интенсивно возрождался, туда приезжали тибетские ламы из Индии и давали посвящения, местные монахи уходили в Индию на учебу в тибетских монастырях, открытых диаспорой. Большими событиями для монастыря стали приезды в 1986 г. 10-го Панчен-ламы и в 1992 г. из Индии главного *тулку* монастыря Пананга Ринпоче, он умер на следующий год. К 1993 г. количество монахов увеличилось до 700 человек.

В то время монастырь считался патриотическим и очень близким правительству (здесь и далее основные сведения получены от тибетских информантов – жителей уезда [19]). Когда происходили демонстрации в Лхасе в 1989 г., монастырь встречал китайских военных с трюмбонами, не обращая внимания на критику

со стороны других монастырей. Хорошие отношения, однако, начали портиться с 1995 г., когда между китайским правительством и 14-м Далай-ламой произошел большой конфликт по поводу перерождения скончавшегося в 1989 г. 10-го Панчен-ламы. В Нинцогонпа, как и во всех остальных монастырях этнографического Тибета, начали проводить сессии патриотического воспитания, на которых монахам вменялось в обязанность отречение от Далай-ламы и признание избранного правительством Панчен-ламы. Недовольство монахов и монахинь также вызвало принудительное фотографирование для удостоверений личности монаха. Думая, что фотографии делаются в рамках кампании дискредитации Далай-ламы будто бы для предъявления за границе доказательств того, что сфотографировавшиеся – против Далай-ламы и за нового Панчен-ламу, монахи стали массово уходить из монастыря, так что к 2005 г. в нем осталось около 200 человек.

В 2007 г. в монастыре состоялись выборы главного управляющего-настоятеля *чиба*. Из трех кандидатов, вернувшихся с учебы в индийских монастырях, подавляющим большинством был избран Сангье Гьяцо, проработавший в должности семь лет до 2014 г. Во время его руководства в монастыре и уезде в целом произошли большие изменения. В первую очередь в монастыре навели порядок в дисциплине и образовании монахов. До этого монахи не придерживались никакого распорядка, свободно приходили и уходили из монастыря. Университет то открывался, то закрывался, учились только читать молитвы и бить в барабаны. В 2010 г. были проведены реформы во всех монастырских делах. Это произошло после совместного собрания руководства ста с лишним монастырей, организованного настоятелями буддийского университета Сэрта – Цзычэн Лочжу и Содарчже, на котором были обсуждены многие важные вопросы религии и образования. После него было проведено трехдневное собрание Нинцогонпа, которое постановило, что все монахи до 30 лет должны учиться в университете, монахи до 45 лет должны участвовать в философских диспутах, монахи от 45 до 65 лет ежедневно читать Ламрим. Заупокойные службы и другие требы стали централизованно организовываться через монастырь, на них стали отправлять монахов старше 30 лет. В монастырь начали возвращаться отлучившиеся в Индии монахи, сейчас в нем уже более 10 геше, ежедневно стал работать буддийский университет.

Много времени и усилий понадобилось для того, чтобы добиться разрешения на проведение большого молебна Цзяньян Гунцюз, который был в итоге совершен 10 июня 2013 г., после чего его стали проводить ежегодно. Большое внимание монастырь уделяет непосредственному общению с населением. Так, руководство монастыря призвало народ «пяти сел и одного поселка» не носить с собой ножи, не драться, не пить, не красть. В результате, как говорят жители, сейчас в уезде никто не охраняет стройки и полностью прекратилось воровство. По всеобщему мнению, это благотворный результат постоянной работы монастыря с народом. Монастырь также помогает в коммерческих

и семейных тяжбах, за несколько лет им было разрешено более ста дел.

В 2008 г. весь этнографический Тибет охватили широкомасштабные волнения. Монастырь Нинцо также принял в них участие. Во время демонстраций были ранены 11 человек, более 20 арестованы. Люди тогда вышли на перекресток и сели, отказываясь уходить до тех пор, пока не отпустят арестованных. В результате задержанные были отпущены. В 2009 г. местные власти решили добывать полезные ископаемые в районе местной священной горы. Жители уезда при участии монастыря выразили решительный протест, в результате чего разработки прекратились.

В 2010 г. монастырь решил отметить день рождения Его Святейшества Далай-ламы 6 июля восхождением на местную священную гору Мациньбэнля, совершением ритуалов и молитв, после чего было сделано небольшое видео и изготовлена памятная тарелка, которые монастырь использовал в качестве подарков. Об этом стало известно властям, и поэтому в следующем 2011 г. в день рождения Далай-ламы прибыло большое количество военных, которые окружили всю гору и запретили людям подниматься на нее. В то время на гору также пришли монахини из соседнего женского монастыря, всего было более тысячи людей. Когда военные остановили монахинь, нацелив на них ружья, последние очень рассердились, и ситуация грозила выйти из-под контроля. Все монахи Нинцогонпа собрались в монастыре, а их главные ламы пошли к месту происшествия и, встав между военными и монахинями, с трудом уговорили последних уйти обратно, в результате чего инцидент был улажен. Между тем оказалось, что свидетелями происшествия стали китайские туристы, которые все засняли на видео и выложили в Интернет. Уездные власти, узнав про видео, решили, что это сделал монастырь, и в качестве наказания отключили в нем электричество и воду. Конфликт пытался уладить Департамент Единого фронта, однако уездный партком потребовал от монастыря извинений по телевидению. Руководство монастыря, считая, что они ни в чем не виноваты, а, напротив, заслуживают признания за улаживание конфликта, категорически отказались извиняться.

Через 40 дней после отключения электричества и воды, 15 августа, монах монастыря Нинцогонпа по имени Цеван Норбу, 29 лет, первым из жителей уезда совершил самосожжение перед зданием уездного правительства. Это событие привело в шок монахов и население уезда. Власти округа в этот же день включили воду и электричество. Когда полиция пыталась увезти тело, сделать это не позволили местные жители, которые отнесли его в монастырь, где после были проведены поминальная церемония и кремация. 3 ноября на том же самом месте, где совершил самосожжение Цеван Норбу, сожгла себя монахиня по имени Палден Чойцо, 35 лет. Ее тело также принесли в монастырь и провели поминальную церемонию. Видео было выложено в Интернет. На нем видно, как толпа людей, выстроившись в очередь, подносят хадаки, монахи читают молитвы, а со склона горы появляются войска и полицейские машины. В последующие годы в уезде

произошло еще четыре самосожжения: 11 июня 2013 г. – Ванчен Долма, 31 год, монахиня; 15 апреля 2014 г. – Тинле Намгьял, 32 года, крестьянин; 23 декабря 2014 г. – Келсанг Еши, 35 лет, крестьянин; 20 мая 2015 г. – Данцзен Гьяцо, 35 лет, крестьянин [20. Р. 96–102].

Из-за самосожжений отношения между монастырем и властями накалились до предела. В каждом случае происходила борьба за тело погибшего, так как по распоряжению сверху тела самосожженцев отбирают у родственников под предлогом предотвращения массовых беспорядков. Обе стороны обвиняли друг друга в происходящем. По мнению властей, протесты и самосожжения были организованы монастырем под влиянием «клики Далай» и враждебных Китаю сил. Монастырь, в свою очередь, всю вину возлагал на политику властей: сессии патриотического воспитания, принудительные регистрацию и фотографирование, запрет празднования дня рождения Далай-ламы, отключение воды и света, огромное количество военной полиции в регионе. Апогей мер безопасности пришелся на июнь 2015 г., когда Далай-ламе исполнялось 80 лет. В тибетский регион было стянуто беспрецедентное количество войск и служб безопасности, повсюду были отключены сотовая связь с другими регионами и за границей, Интернет, запрещалось посещать святыне места, возжигать можжевельник, собираться больше пяти человек вместе. Монастырь тем не менее отметил юбилей Далай-ламы проведением молебствия внутри монастыря, запретив посторонним вход в него.

Таким образом, на примере монастыря Нинцо-гонпа мы видим, как буддийская религия и тибетская монастырская система вновь возвращают свое положение в жизни региона, утраченное во время «демократических реформ» и «культурной революции»,

несмотря на полный контроль, осуществленный китайским правительством над некогда непокорным регионом. Монастырь Нинцо вновь становится консолидирующей силой, способной мобилизовать население и оказывать влияние на местную политику.

Итак, подводя итог нашему исследованию, обобщим его основные результаты. История Трехор восходит к XIII в. и связана с завоеванием Тибета чингизидами. К XVII в. произошло утверждение клана Хор в качестве светских предводителей местного населения, образование Пяти княжеств Хор и возникновение 13 Хорских монастырей традиции гэлупка. В период правления династии Цин Хорские княжества находились под номинальным контролем империи, но, по существу, автономно управлялись своими светскими правителями и монастырями. В конце правления Цинской династии империя смогла на короткий период осуществить полный контроль над регионом, который был вновь утрачен в период Китайской республики. С этого времени Хорские княжества наряду с Ньянронгом и Дэргэ стали объектом сино-тибетских разногласий и, балансируя между двумя этими силами, продолжали сохранять свою автономию вплоть до победы коммунистов в Китае и образования КНР. В период инкорпорации региона в состав Китая в нем произошли колоссальные изменения, начиная от тотального разрушения всех традиционных институтов до восстановления религии и монастырской системы. На примере монастыря Нинцо-гонпа можно увидеть, что буддийская религия и тибетская монастырская система не только обеспечивают сохранность и преемственность традиционной тибетской культуры и тибетского образа жизни, но также восстанавливают свои социальные функции и, более того, начинают оказывать значительное влияние на местную политическую повестку дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. dPal 'byor phun tshogs. Chossde chenpo rTau Nyin mtsho dgonpa'i lorgyus dang brag dkar gnyis kyi gnasyig sogs bzhusgs so. 2002. 235 p.
2. Zangchuan fojiao siyuan ziliao xuanbian. Chengdu : Sichuan sheng minzu shiwu weiyuanhui, 1989. 417 p.
3. Rockhill W. The Land of the Lamas: Notes of a journey through China, Mongolia and Tibet. New York : Century, 1891. 399 p.
4. Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1906. Т. 1, ч. 2. 735 с.
5. Teichman E. Travels of a Consular Officer in North-West China. Cambridge : University Press, 1921. 248 p.
6. Stein R.A. Tibetan Civilization. Stanford, CA : Stanford University Press, 1972. 351 p.
7. Karmay S.G. The Thirty-Nine Tribes of Hor: a Historical Perspective // The Arrow and the Spindle. Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet. Kathmandu : Mandala Book Point, 2014 [2005]. Vol. 2. P. 504–517.
8. Menggu houdai zai Zangqu Kangbei Zangqu Huoer yuanlai shi zheme laide // Ganzhi xinwenwang. URL: <http://www.ganzixinwen.com/wh/kzrw/rwls/n5716.html> (дата обращения: 01.03.2016).
9. Nag-dban-blo-bzan-rgya-mtsho. The Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai Lama / transl. by S.G. Karmay. Serindia Publications, 2014. 589 p.
10. Huoer ji Huoer shisan (si) de youlai // Xinxian shenghuo luxing. URL: <http://www.51fresh.com/article191.html> (дата обращения: 26.03.2014).
11. Samuel J. Civilized shamans. Buddhism in Tibetan societies. Washington ; London : Smithsonian Institution Press, 1993. 725 p.
12. Yudru Tsomu. The Rise of Gönpö Namgyal in Kham: The Blind Warrior of Nyarong. Lexington Books, 2004. 365 p.
13. Goldstein M., Dawei Sh., Siebenschuh W.R. A Tibetan revolutionary: the political life and times of Bapa Phüntso Wangye. Berkeley : Los Angeles ; London : University of California Press, 2004. 371 p.
14. Goldstein M. A History of Modern Tibet, 1913–1951. The Regents of the University of California, 1991. 898 p.
15. Stoddard H. Tibetan Publications and National Identity // Resistance and Reform in Tibet. Delhi : Motilal Banarsidass Publishers, 1994 [1966]. P. 121–156.
16. Dreyer J.T. China's Forty Millions. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 1976. 333 p.
17. Shakya Ts. The Dragon in the Lands of Snows. A History of Modern Tibet since 1947. Penguin Compass, 1999. 574 p.
18. Goldstein M. A History of Modern Tibet. Berkeley ; Los Angeles ; London, 2007. Vol. 2: The calm before storm, 1951–1955. 639 p.
19. Полевые материалы автора.
20. Wei Se. Xizang huo fenghuang. Taipei : Dakuai wenhua chuban gufen gongsi, 2014. 465 p.

Irina R. Garri, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: irina.garri@imbt.ru

HOR MONASTERY NYINTSO-GONPA: HISTORY AND MODERNITY

Key words: Nyintso-gonpa, Tibetan Buddhist monastery, Eastern Tibet, Hor states.

The Nyitso-gonpa monastery is one of the Thirteen Hor monasteries of Kham. It is located in the town of Xiangshui, Tau county (Chin. Daofu), Kandze Tibet Autonomous Prefecture (Chin. Ganzi), Sichuan Province. The Hor region was one of the traditional Kham polities. Historically the Nyitso-gonpa monastery had great influence in it, not only in religious, but also in political and economic spheres, exercising political power in the region in close relationship with secular rulers. Yet, the separation of religion from the state, executed during the 1956 'democratic reforms' and the 'cultural revolution' in 1966-1967, undermined the subsistence of the monastery, and it practically ceased to exist. In turn, the full-scale reforms promoted after the death of Mao Zedong stimulated its blooming revival and restoration of its former functions in the local society.

Since the topic is poorly investigated in Tibetan and Chinese Studies, the main task of the article was to present the phenomenon of Hor and the Nyitso-gonpa in its historical perspective and present stage in the context of the Mongol-Tibetan and Sino-Tibetan relationships in Kham. The principal trajectory of research and the main conclusions are the following: The history of Hor goes back to the 13th century and is connected with the conquest of Tibet by the Mongols of Genghis Khan. By the 17th century representatives of the Hor clan have become the secular leaders of the local population, the Five Hor states were established, and the Thirteen Hor monasteries of the Gelugpa order had emerged. During the Qing reign, the Hor states fell under the nominal control of the empire, but were in fact autonomously ruled by their secular chiefs and monasteries. At the end of the Qing dynasty, Beijing gained, for a short time, full control over the region, which, however, was again lost during the period of the Republic of China. Since those times the Hor states along with Nyarong and Derge have been a disputed object in the Sino-Tibetan conflict, but by balancing between these two centers of power, could maintain their autonomy until the communists' victory in China and the establishment of the PRC. During the period of its incorporation into China the region has undergone tremendous changes, from the total destruction of all traditional institutions to the restoration of religion and the monastic system. Using the example of the Nyitso-gonpa, one can see both the transformation of the Tibetan monastic system and its role in the Sino-Tibetan borderlands at the present time. Constituting still the core of traditional Tibetan politics and identity the Tibetan monastic system not only ensure the preservation and continuity of Tibetan culture and lifestyle, but also restore its own social functions and, moreover, make a significant impact on the local political agenda.

REFERENCES

1. Anon. (2002) *dPal 'byor phun tshogs. Chossde chenpo rTau Nyin mtsho dgonpa'i lorgyus dang brag dkar gnyis kyi gnasyig sogs bzhusgs so*. [s.l.; s.n.].
2. Anon. (1989) *Zangchuan fojiao siyuan ziliao xuanbian*. Chengdu: Sichuan sheng minzu shiwu weiyuanhui.
3. Rockhill, W. (1891) *The Land of the Lamas: Notes of a Journey through China, Mongolia and Tibet*. New York: Century.
4. Kozlov, P.K. (1906) *Mongoliya i Kam. Trudy ekspeditsii Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva, sovershennoy v 1899-1901 gg. pod rukovodstvom P.K. Kozlova* [Mongolia and Kam. Proceedings of the expedition of the Imperial Russian Geographical Society in 1899-1901. Lead by P.K. Kozlov]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.].
5. Teichman, E. (1921) *Travels of a Consular Officer in North-West China*. Cambridge: University Press.
6. Stein, R.A. (1972) *Tibetan Civilization*. Stanford, California: Stanford University Press.
7. Karmay, S.G. (2014) *The Arrow and the Spindle. Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet*. Vol. 2. Kathmandu: Mandala Book Point. pp. 504-517.
8. Anon. (2016) Menggu houdai zai Zangqu Kangbei Zangqu Huoer yuanlai shi zheme laide. *Ganzi xinwenwang*. [Online] Available from: <http://www.ganzixinwen.com/wh/kzrw/rwls/n5716.html> (Accessed: 1st March 2016).
9. Karmay, S.G. (2014) *The Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai Lama*. Serindia Publications.
10. Anon. (n.d.) Huoer ji Huoer shisan (si) de youlai. *Xinxian shenghuo lixing*. [Online] Available from: <http://www.51fresh.com/article191.html> (Accessed 26th March 2014).
11. Samuel, J. (1993) *Civilized shamans. Buddhism in Tibetan societies*. Washington and London: Smithsonian Institution Press.
12. Yudru Tsonmu. (2004) *The Rise of Gönpö Namgyal in Kham: The Blind Warrior of Nyarong*. Lexington Books.
13. Goldstein, M., Dawei Sherab & Siebensschuh, W.R. (2004) *A Tibetan revolutionary: the political life and times of Bapa Phüntso Wangye*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
14. Goldstein, M.A. (1991) *History of Modern Tibet, 1913-1951. The Demise of the Lamaist State*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
15. Stoddard, H. (1996) Tibetan Publications and National Identity. In: Akiner, Sh. & Barnett, R. (eds) *Resistance and Reform in Tibet*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers. pp. 121-156.
16. Dreyer, J.T. (1976) *China's Forty Millions*. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press.
17. Shakya, Ts. (1999) *The Dragon in the Lands of Snows. A History of Modern Tibet since 1947*. Penguin Compass.
18. Goldstein, M.A. (2007) *History of Modern Tibet*. Vol. 2. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
19. Author's field materials.
20. Wei Se. (2014) *Xizang huo fenghuang*. Taipei: Dakuai wenhua chuban gufen gongsi.

УДК 94(55)
DOI: 10.17223/19988613/65/12

А.Ш. Хакимов

ПЕРВЫЙ ГОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ХАСАНА РОУХАНИ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ РЕФОРМИСТОВ И КОНСЕРВАТОРОВ ПО ВОПРОСУ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА (2013–2014)

Рассматривается противостояние реформистов и консерваторов по одному из приоритетных направлений деятельности Тегерана в середине 2010-х гг. – вопросу ядерной программы Ирана. Представлен анализ факторов, которые не только способствовали, но и препятствовали администрации Роухани в достижении поставленных целей в вопросе по ядерному соглашению со странами Запада, а также показаны отношения между президентом и верховным лидером – аятоллой Али Хаменеи – по данной проблеме. Статья написана на основе официальных сайтов верховного лидера и президента Ирана, материалов иранской печати.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран; Хасан Роухани; ядерная программа Ирана; аятолла Хаменеи.

14 июня 2013 г. прошли президентские выборы в Исламской Республике Иран и новым, седьмым президентом страны стал Хасан Роухани. Его победа оказалась для мирового сообщества неожиданной. Он получил чуть больше 50% голосов уже в первом туре, хотя большинство экспертов, в том числе российских иранистов, считали, что президентом станет близкий союзник верховного лидера Али Хаменеи Саид Джалили, а также полагали, что без второго тура выборов не обойтись [1].

Х. Роухани позиционировал себя как политик, нацеленный на проведение внутренних реформ в стране. Но многие в 2013 г. сомневались, сможет ли он осуществить свои реформы и добиться международного соглашения по ядерной программе Ирана, имея могущественных противников внутри страны. Начиная с 90-х гг. XX в. США обвиняли Иран в том, что тот тайно вел работы по созданию ядерного оружия. Иран настаивал, что ядерная программа страны преследует исключительно мирные цели и направлена на диверсификацию энергетических источников с учетом расширяющихся потребностей иранской экономики в новых мощностях.

Переговоры между Ираном и странами так называемой «тройки» (Великобритания, Германия и Франция) начались в 2004 г. Тогда западные страны предложили материально-техническую помощь иранцам взамен на прекращение ядерной программы. В том же году Иран добился важного соглашения с международным сообществом, приостановив обогащение урана и открыв ядерные установки для инспекций Международного агентства по атомной энергии [2]. Примечательно, что иранскую группу во время переговоров возглавлял член Высшего совета безопасности Ирана (представитель верховного лидера Али Хаменеи) Хасан Роухани. Он уже тогда показал себя как умеренный политик и дипломат, который может пойти на компромисс [Там же].

Несколько лет спустя аятолла Али Хаменеи, который был недоволен отношением западных держав к Ирану, остановил выполнение этих договоренностей.

Как известно, в Иране главой государства является верховный лидер (вилятулфакх), аятолла (высший религиозный статус в шиизме) Али Хаменеи (с 1989 г.). Президент несет ответственность за правительство и не может принимать какие-либо существенные решения по внутренним и внешним вопросам без согласия верховного лидера [3]. Верховный лидер (или *рахбар*) Али Хаменеи является самым влиятельным политическим игроком в Иране. Его позиции гарантируются различными механизмами, включая контроль верховного лидера над всеми вооруженными силами Ирана, судебной системой, Советом стражей (который проверяет кандидатов на выборы), разведывательным аппаратом, мощными экономическими фондами (бониады) и различными высшими государственными советами, которые фактически обладают большей властью, чем парламент (такие как Государственный совет по вопросам эффективности, Высший совет национальной безопасности, Высший совет культурной революции и Высший совет по киберпространству).

Главной задачей Х. Роухани являлось разрешение экономических, административных и международных кризисов (особенно с США), возникших в результате двух президентских сроков Махмуда Ахмадинежада (2005–2013) [4]. И решающим шагом на пути к достижению данных целей для Х. Роухани было заключение соглашения с международным сообществом по ядерному досье, которое, по его мнению, являлось основным источником экономических проблем Ирана. Во время избирательной кампании 2013 г. Х. Роухани утверждал, что «держат центрифуги вращающимися хорошо только в том случае, если колеса экономики также продолжают вращаться». Его задачей было сделать так, чтобы расширение ядерной программы Ирана не привело к краху его экономики [5].

В дополнение к последствиям международных санкций, значительная часть краха экономики Ирана в годы президентства Ахмадинежада была связана с его неумелым руководством и хаотической политической атмосферой в стране. Следовательно, приоритетом для Х. Роухани стало восстановление внутреннего адми-

нистративного порядка. В связи с этим новая администрация предприняла реорганизацию правительства, включая возрождение Организации по управлению и планированию (преемница Организации по планированию и бюджету, впервые созданной в 1948 г., но упраздненной Ахмадинежадом в 2007 г.) [6].

Х. Роухани свои приоритетные задачи никогда не скрывал. Он неоднократно заявлял после избрания о намерении своей администрации быстро решить ядерную проблему, даже говорил о сроках «от трех до шести месяцев» [7]. Но Роухани был убежденным защитником таких понятий, как политическое «двухпартийное поведение» и «прагматизм», и это стало очевидным в его действиях с тех пор, как он стал президентом. Он часто подчеркивал свое желание снизить внутривнутриполитическую напряженность и ослабить авторитарную атмосферу, которая возникла после президентских выборов 2009 г. Тем не менее он, по-видимому, не был готов вступать в конфликт с теми учреждениями, которые находились под непосредственным руководством верховного лидера.

Негативные последствия президентства Махмуда Ахмадинежада, вероятно, сыграли важную роль в укреплении позиций Х. Роухани. Но благодаря поддержке Ахмадинежада во время его пребывания в должности в конфликт с другими политическими группами в Иране вступило новое поколение сторонников жесткой линии. В данной работе термин «жесткая линия» используется для обозначения позиции определенной группы консерваторов, которые являлись сторонниками очень строгой политики в области безопасности, политических и международных проблем. Термин «консервативный» используется в более широком смысле применительно к различным консервативным религиозным группам, которые выступали за верховенство духовенства и поддерживали аятоллу Хаменеи, но не всегда разделяли взгляды сторонников жесткой линии по внутренним и внешним вопросам. Под термином «правящие консерваторы» обычно понимаются лица, назначенные верховным лидером в различных влиятельных государственных учреждениях.

Экономические санкции, наложенные на Иран во время президентства Ахмадинежада, вызвали беспрецедентное давление на различные слои населения и оказали негативное влияние на жизнь большинства иранцев, будь то в городах или сельской местности, не важно – противники они или сторонники режима, религиозные или нерелигиозные группы. Среди них были религиозные деятели среднего звена, которые чувствовали влияние инфляции на их повседневную жизнь, состоятельные бизнесмены, занимающиеся импортом и экспортом товаров, или даже представители государственных органов, столкнувшиеся с серьезными проблемами при импорте оборудования, необходимого для их деятельности.

Между тем реформистские и умеренные группы консерваторов, которые поддерживали Х. Роухани в 2013 г., почти все были согласны с внешней политикой новой администрации, хотя многие из них и критиковали медленные темпы внутренних изменений.

Несмотря на столь разнообразную и сильную базу поддержки, администрация Х. Роухани также имела много противников, большинство из которых находилось в ведомствах, стоящих под контролем верховного лидера. Хотя не все назначенцы аятоллы Али Хаменеи выступали против политики Х. Роухани, ключевыми критиками президента являлись чиновники и средства массовой информации, которые были близки к Хаменеи, такие как государственная телевизионная сеть, ассоциации и информационные агентства, связанные с Корпусом стражей исламской революции (КСИР), ополченцы-добровольцы Басидж (Басидж – иранское полувоенное ополчение, которое подчиняется Корпусу стражей исламской революции и действующему верховному лидеру аятолле Хаменеи), представители верховного лидера в вооруженных силах Ирана и в его городах и т.д.

Противники Х. Роухани зачастую критиковали действия администрации, направленные на снижение напряженности в отношениях с Западом, и в частности с Соединенными Штатами Америки. Их позиция, по-видимому, соответствовала позиции аятоллы Хаменеи, который неоднократно высказывался против нормализации отношений с США. Верховный лидер рассматривал переговоры о ядерном досье страны и отношения между Тегераном и Вашингтоном как два отдельных вопроса; он хотя и поддерживал относительное смягчение позиции Тегерана по ядерной проблеме, но не был заинтересован в нарушении табу на установление отношений с Соединенными Штатами [8]. Сторонники жесткой политики Ирана также являлись резкими критиками социальной политики администрации. Например, они раскритиковали Х. Роухани за то, что он проигнорировал их запросы о дополнительной цензуре в Интернете. Сторонники жесткой линии заметно усилили свое давление в вопросе строгого соблюдения хиджаба для женщин в общественных местах.

Кроме того, аятолла Али Хаменеи и его окружение испытывали дискомфорт из-за самого факта возвращения к власти реформистов, которые имели давнюю историю противостояния с верховным лидером. Этот дискомфорт был особенно очевиден в ходе дебатов в Меджлисе (парламент Ирана) по поводу назначений министров в правительстве Роухани, когда президентские реформистские кандидаты на три министерства – образования; науки, исследований и технологий; спортивных и молодежных дел – были отклонены депутатами собрания. Консерваторы в Меджлисе впоследствии отклонили второго и третьего кандидатов на должность министра по делам спорта и молодежи, требуя беспрецедентную четвертую кандидатуру со стороны президента [9]. В августе 2014 г. Меджлис проголосовал за импичмент и отстранение от должности министра науки, исследований и технологий, главным образом на том основании, что он назначил в министерство деятелей, якобы близких к протестам, последовавшим за президентскими выборами 2009 г. [10]. В октябре и ноябре 2014 г. Меджлис проголосовал против двух других кандидатов Х. Роухани на должность министра науки.

Но это не означало, что в кабинете Х. Роухани совсем не было реформистов. Аятолла Али Хаменеи и его близкие помощники не терпели присутствия в администрации тех, кого они называли «седиционистами» (имеются в виду люди, ставящие под сомнение действительность президентских выборов 2009 г.). Они также были очень заинтересованы в том, чтобы реформаторы не занимали определенных должностей, особенно таких, которые были связаны с вопросами безопасности. Именно по этой причине министры разведки, внутренних дел, обороны и юстиции были консерваторами.

Помимо ограничений, введенных верховным лидером, нельзя упускать из виду и то, что сам Х. Роухани являлся «центристом», а не реформистским политиком. Другими словами, даже если бы он имел полную свободу выбирать членов своего кабинета, большинство его назначенцев тоже были бы из числа центристов.

Ограниченная роль реформистов в администрации побудила многих из них критиковать Х. Роухани на том основании, что он пришел к президентству за счет поддержки и голосов тех, кто ожидал изменений в политической ситуации и ситуации с правами человека. Президент подвергся критике за невыполнение предполагаемых обещаний в отношении отмены домашнего ареста лидеров «Зеленого движения»¹. Лидерами движения считались проигравший выборы 2009 г. Мир-Хосейн Мусави (в дальнейшем сформировавший незарегистрированную политическую партию «Зеленый путь надежды») и бывший председатель Исламского консультативного совета Мехди Каруби.

Во время предвыборной кампании Х. Роухани заявил: «Я надеюсь, что выборы сократят разрыв между правительством и народом и что будущая администрация сможет создать безопасную атмосферу в стране. С моей точки зрения, нетрудно создать условия за год, когда не только эти лица (т.е. лидеры Зеленого движения. – А.Х.) выйдут из-под домашнего ареста, но и те, кто находится в тюрьме из-за событий 2009 г., также будут освобождены» [11]. В ходе предвыборной кампании, столкнувшись с требованиями участников освободить политических заключенных, Х. Роухани избегал прямого решения этой проблемы, заявляя: «Почему только политические заключенные? Мы должны сделать что-то, чтобы все заключенные были освобождены» [12].

Активизация диалога администрации президента с более консервативными политическими группировками также осложнила отношения Х. Роухани с реформистами, которые надеялись, что он ослабит некоторые ограничения, затрагивающие культурную и социальную сферу. На самом деле многие консервативные политики и священнослужители, которые поддержали Х. Роухани, а не его соперников, были настоящими ретроградами и ожидали, что администрация президента займет со временем схожую позицию. Женщины и молодежь составляли довольно большие группы, которые проголосовали за Х. Роухани в надежде на улучшение их положения и перемены в обществе.

Таким образом, президент столкнулся с конкурирующими требованиями: запросом на модернизацию

со стороны тех, кто поддерживал его на президентских выборах, и реакционными требованиями традиционных консерваторов, которых он должен был умиротворить. Следует отметить, что хотя Роухани получил самый высокий процент голосов в суннитских провинциях Систан, Белуджистан и Курдистан на выборах 2013 г., он не назначил потом ни одного губернатора-суннита этих провинций, чтобы не допустить негативной реакции со стороны консерваторов, особенно шиитских мараджи-таклидов (духовенство), что подвергалось критике со стороны суннитов. Точно так же, несмотря на надежды, которые избиратели-женщины возлагали на Роухани, он не назначил ни одной женщины-министра в свое правительство. Похоже, что президент не желал создавать в первые же дни пребывания во власти конфронтацию с высокопоставленными священнослужителями по таким вопросам, как женщина – член кабинета министров или суннитский губернатор провинции, предполагая в будущем более ожесточенный конфликт со сторонниками жесткой линии по ядерной проблеме.

Но самая важная политическая задача, с которой столкнулась администрация Х. Роухани, заключалась в том, как сбалансировать свои отношения с аятоллой Хаменеи, чьи взгляды были ближе к взглядам сторонников жесткой линии, чем взгляды умеренных. В тех случаях, когда позиция Х. Роухани отличалась от взглядов верховного лидера, президент должен был принимать решения, которые не обязательно соответствовали его политической линии, а вместо этого определялись прагматизмом и осторожностью.

Аятолла Али Хаменеи объявил лишь об ограниченной и условной поддержке администрации Х. Роухани и ее ядерной политики. В ряде выступлений перед президентскими выборами в июне 2013 г. верховный лидер критиковал группу по ядерным переговорам во время президентства М. Хатами (1997–2005), которую возглавлял Х. Роухани, и «отступление» этой группы, которое, по словам Хаменеи, не принесло никаких результатов для Ирана. Когда новый раунд ядерных переговоров начался под председательством Х. Роухани, Али Хаменеи 17 сентября 2013 г. выразил поддержку переговорной группе в своем выступлении перед начальниками Генерального штаба Корпуса стражей исламской революции и заявил, что он не против переговоров с Западом. Позже он отметил, что не испытывает оптимизма по поводу результатов переговоров, но по-прежнему не видит в них «вреда» [13].

После президентских выборов 2013 г. некоторые консервативные СМИ утверждали, что в избирательной урне, которая была размещена в офисе верховного лидера и которая, таким образом, содержала голоса аятоллы Али Хаменеи и членов его окружения, находилось менее 20 бюллетеней за Х. Роухани. То есть 200 и 124 голоса представителей высшего клерикального сообщества были отданы соответственно в поддержку кандидатов Саида Джалили (бывшего участника переговоров по ядерным вопросам, занявшего третье место по общенациональным результатам выборов) и Мохаммада Багера Калибафа, популярного мэра Тегерана, который занял второе место [14].

Ахмад Аламолхода (пятничный молитвенный имам Мешхеда) впоследствии заметил, что Али Хаменеи якобы заявил относительно общего числа голосов, отданных Саиду Джалили: «Эти четыре миллиона голосов показывают, что в нашем обществе есть [положительный] потенциал» [15]. Тем не менее он не желал манипулировать избирательным процессом, чтобы выдвинуть своего кандидата на пост президента, хотя аятолла Хаменеи, очевидно, предпочитал видеть президентом в 2013 г. С. Джалили вместо Х. Роухани.

На это нежелание платить «любую цену» в пользу С. Джалили, по-видимому, повлиял опыт «Зеленого движения» после президентских выборов 2009 г., ставивший под сомнение легитимность избранного руководства страны, а также сложная ситуация в отношении ядерного договора. Можно предположить, что давление на экономику Ирана, вызванное международными санкциями и высокой стоимостью политики М. Ахмадинежада, убедило аятоллу Али Хаменеи в том, что он должен дать Х. Роухани возможность положить конец санкциям и улучшить экономическую ситуацию. Это, конечно, не означало, что верховный лидер был намерен поддерживать ту линию, которую проводил Х. Роухани во внутренней и международной сферах. Али Хаменеи особенно настороженно относился ко многим сторонникам президента, от реформистов до близких соратников бывшего президента Акбара Хашеми Рафсанджани (президент Ирана в 1989–1997 гг.). Во время встречи с членами кабинета Х. Роухани в августе 2014 г. Али Хаменеи недвусмысленно заявил, что им следует держаться на расстоянии от «подстрекателей к мятежу» [16].

Верховный лидер также выражал обеспокоенность по поводу возможности нормализации отношений с Соединенными Штатами и подверг критике некоторые правительственные решения. Например, он критиковал весьма символический телефонный разговор Х. Роухани перед его отъездом после заседания Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке с президентом США Бараком Обамой в сентябре 2013 г. [17]. Впоследствии, после возвращения в Тегеран, недовольные оппозиционеры напали на автоколонну Х. Роухани, бросив ботинки в его машину и выкрикивая антиамериканские лозунги [18]. Протестующие также сорвали речь Рафсанджани в Керманшахе с песнями «Смерть Америке», реагируя на заявление, опубликованное на его сайте, в котором говорилось, что бывший верховный лидер аятолла Рухолла Хомейни согласился с Рафсанджани, что практика выкрикивания лозунга «Смерти Америке» должна прекратиться [19].

Х. Роухани считал, что его предшественник М. Ахмадинежад слишком поздно понял отрицательный эффект экономических санкций. Президент ИРИ призывал к прямым переговорам с США. «Старые раны необходимо залечить», — подчеркивал Х. Роухани, выступая на своей первой пресс-конференции после избрания [20. С. 59]. Важным знаком готовности Вашингтона к диалогу с Тегераном стала публикация на сайте Архива национальных служб безопасности Соединенных Штатов документов, подтверждавших участие Центрально-го разведывательного управления (ЦРУ) США в свер-

жении иранского премьер-министра М. Моссаддыка в 1953 г. Собственно говоря, эта публикация лишь подтвердила то, что давно было известно из британских, например, документов [21. С. 162–163].

Действия против Роухани и Рафсанджани позволяют предположить, что приоритетом для них являлось недопущение пересечения условной «красной линии», определенной аятоллой Али Хаменеи в отношении нормализации отношений с Соединенными Штатами. Антиамериканские взгляды рахбара ИРИ широко известны. В начале 1960-х гг. он учился теологии в Куме — важнейшем шиитском религиозно-образовательном центре. Там он стал участником антишахских выступлений, которые вскоре приобрели характер демонстраций и против главного на тот момент иностранного покровителя Ирана — США [22. С. 112–114].

Несмотря на осторожные действия президента ИРИ, полемика между ним и верховным лидером продолжилась. Али Хаменеи подчеркнул, что приостановка обогащения урана в 2003 г. (на что Х. Роухани согласился в качестве главного переговорщика Ирана по ядерным вопросам) привела к более агрессивной позиции США в отношении Тегерана [23]. Х. Роухани, в свою очередь, раскрыл некоторые факты о сложном отношении Али Хаменеи к соглашению 2003 г. в книге «Национальная безопасность и ядерная дипломатия». Х. Роухани рассказал, что до подписания соглашения с министрами иностранных дел Соединенного Королевства, Франции и Германии, впоследствии ставшего известным как Саадабадское соглашение, он связывался с канцелярией верховного лидера, но не получил никакого ответа. Поэтому он и подписал соглашение, предполагая, что Али Хаменеи не был против него [24. Р. 177.]. Это соглашение впоследствии стало объектом постоянной критики со стороны назначенцев Али Хаменеи и в конечном итоге самого верховного лидера.

Однако между верховным лидером и президентом не было прямых серьезных конфликтов. Аятолла Хаменеи в целом поддерживал усилия президента по решению ядерной проблемы. Х. Роухани и его коллеги были хорошо осведомлены о чувствительности Верховного лидера к вопросам внешней политики и воздерживались от каких-либо шагов, которые могли оказаться прямым вызовом интересам последнего. Отношения между Верховным лидером и президентом можно охарактеризовать как взаимовыгодные. Хаменеи не был заинтересован в разделении ответственности за какие-либо уступки по ядерной программе. Это могло быть причиной того, что канцелярия верховного лидера не отреагировала на новость о его заявленном несогласии с Совместным всеобъемлющим планом действий (СВПД), подписанным Ираном и Группой «5 + 1» — форумом шести великих держав, объединивших свои усилия для предотвращения использования иранской ядерной программы в военных целях. Группа состоит из США, России, КНР, Великобритании, Франции — пяти постоянных членов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, а также Германии. Она была создана в ноябре 2013 г. Если бы Али Хаменеи пришел к выводу, что политические издержки ядерных переговоров намного перевешивали

экономические выгоды, которые они могли принести, он бы снова положил им конец. Провал же переговоров по Совместному всеобъемлющему плану действий

укрепил бы убежденность верховного лидера в отношении опасности любого сближения с Западом и умеренности во внешней политике.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ «Зеленое движение» (перс. – جنبش سبز) – политическое движение в Иране, возникшее в процессе демонстраций протеста против предполагаемых подтасовок результатов президентских выборов 2009 г. в этой стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Месамед В.И. Продолжение предвыборной президентской кампании в Иране // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=17663> (дата обращения: 22.11.2018).
2. حسن روحانی URL: <http://asrdiplomacy.ir/wp-content/uploads/2017/03/ای-هسته-ای-امنیت-ملی-و-دیپلماسی.pdf> (дата обращения: 13.12.2017).
3. Конституция Исламской Республики Иран : рус. перевод. URL: http://legalportal.am/download/constitutions/105_ru.pdf (дата обращения: 01.04.2016).
4. روحانی-نمی-خواهیم-تأقیامت-با-آمریکا-قهر-جانی URL: <https://fararu.com/fa/news/148286/> (дата обращения: 18.11.2018).
5. گفته‌ها و شنیده‌ها؛ ۵ روز تا انتخابات؛ گذشت URL: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2013/06/130609_ir92_5_daysto.shtml (дата обращения: 12.01.2018).
6. Iranian government official website. 2013. 20 Aug. URL: <http://dolat.ir/NSite/FullStory/News/?Serv=0&Id=230132> (дата обращения: 27.12.2017).
7. Transcript of Rouhani interview with Washington Post. 2013. 25 Sep. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/postpartisan/wp/2013/09/25/transcript-an-interview-with-hassan-rouhani/> (дата обращения: 12.10.2018).
8. Ayatollah Khamenei's official website. 2013. 5 Oct. URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=24132> (дата обращения: 17.07.2017).
9. مجلس ایران به محمود گودرزی به عنوان وزیر ورزش و جوانان رای داد URL: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2013/11/131117_131_sport_iran_minister (дата обращения: 26.11.2016).
10. Fars News Agency. 2014. 20 Aug. URL: <http://www.farsnews.com/newstext.php?nn=13930529000094> (дата обращения: 08.11.2016).
11. حسن روحانی: حصر برداشته می‌شود URL: https://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=qpsLpbWi-II (дата обращения: 12.10.2019).
12. شعار زندانی سیاسی آزاد باید گردد در همایش انتخاباتی حسن روحانی در ورزشگاه شهید شیرودی تهران URL: https://www.youtube.com/watch?v=rR7fTT_b4Hc (дата обращения: 22.11.2018).
13. به مذاکره خوشبین نیستم ولی باذن‌الله از آن ضرری هم نمی‌کنیم/ در میان ملت‌ها آمریکا منفورترین قدرت‌هاست/ همه گزینه‌ها روی میز باشد؛ چه غلطی می‌خواهند بکنند؟ URL: <http://www.farsnews.com/newstext.php?nn=13920812000942> (дата обращения: 22.11.2018).
14. چرا خبر مخالفت آیت الله خامنه‌ای با توافق ژنو تکذیب نمی‌شود؟ URL: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/01/140120_139_analysis_khamenei_nuclear_geneva.shtml (дата обращения: 28.11.2018).
15. دبیر شورای نگهبان: حتی اگر در اقلیت باشیم باید نظام را حفظ کنیم URL: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2013/12/131224_139_jannati_minority_regime.shtml (дата обращения: 29.11.2018).
16. در دیدار رئیس جمهور و اعضای هیئت دولت مطرح شد؛ کلید رونق اقتصادی، تولید است URL: <http://www.leader.ir/langs/fa/index.php?p=contentShow&id=12191> (дата обращения: 08.11.2016).
17. Official website of the Supreme Leader. 2013. 5 Oct. URL: <http://www.leader.ir/langs/fa/index.php?p=contentShow&id=11153> (дата обращения: 08.11.2016).
18. تجمع 100 نفره مخالفان دراستقبال دانشجویی از روحانی/ یکی از مخالفان کفش پرتاب کرد URL: <http://khabaronline.ir/detail/315102/Politics/government> (дата обращения: 18.01.2016).
19. سخنرانی-هاشمی-باشعار-مرگ-بر-آمریکا-نیمه-مات-در-فستجانی URL: <https://www.mehrnews.com/news/2155832/> (дата обращения: 18.01.2016).
20. Мамедова Н.М., Дунаева Е.В., Федорова И.Е. Иран после президентских выборов // Свободная мысль. 2013. № 5. С. 49–62.
21. Румянцев В.П. Между реформами и репрессиями: эволюция американо-иранских отношений в XIX – первой половине XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 161–165.
22. Румянцев В.П. На перепутье: политика США в отношении Ирана на первом этапе «Белой революции» (1961–1963 гг.) // Американский ежегодник. 2014. М., 2015. С. 97–115.
23. چرا روحانی می‌گوید فرصت برای توافق هسته‌ای 'نامحدود' نیست؟ URL: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2013/09/130911_139_analysis_nuclear_rouhani_khamenei.shtml (дата обращения: 18.01.2016).
24. Rouhani H. National Security and Nuclear Diplomacy. Expediency Council Centre for Strategic Research, 2011. 1209 p.

Azizjon Sh. Hakimov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Akhiles-92@bk.ru

THE FIRST YEAR OF THE PRESIDENCY OF HASSAN ROUHANI: CONFRONTATION BETWEEN REFORMISTS AND CONSERVATIVES ON THE ISSUE OF IRAN'S NUCLEAR PROGRAM (2013–2014)

Keywords: Islamic Republic of Iran, Hassan Rouhani, Ayatollah Khamenei, Iran's nuclear program.

This article discusses the confrontation between reformists and conservatives in one of Tehran's priority areas of activity in the mid of 2010s. That was the issue of Iran's nuclear program. This confrontation took place after the victory of Hassan Rouhani in the presidential election of 2013. An analysis is given of factors that not only contributed to, but also hindered, the Rouhani administration in achieving its goals on the issue of a nuclear agreement with Western countries, and also analyzes the relationship between the president and the supreme leader, Ayatollah Ali Khamenei on this issue. The article is written on the basis of the official websites of the Iranian Supreme Leader and President, Iranian press materials. Comparative and system analysis methods are used.

The problem of Iran's nuclear program and the first agreements with Western countries to solve this problem are described.

The role and influence of Supreme Leader Ali Khamenei and President Hassan Rouhani are compared here. On the one hand, there is control of the supreme leader over all the armed forces of Iran, the judicial system, the Guardian Council (which checks the candidates for elections), the intelligence apparatus, powerful economic funds and various higher state councils that actually have more power than the parliament (such as the State Council for Efficiency, the High Council for National Security, the High Council for the Cultural Revolution and the High Council for Cyberspace). On the other hand, the president is responsible for the government and cannot make any significant decisions on internal and external issues without the consent of the supreme leader.

Therefore, it is critically important to assess the balance of power in Iran under the chairmanship of Rouhani and consider not only its capabilities, but also the capabilities that their opponents possessed.

Particular attention is paid to the main priorities of Rouhani: resolving economic, administrative and international crises (especially with the USA) that arose as a result of two presidential terms of Mahmoud Ahmadinejad (2005–2013). And the decisive step towards

achieving this goal for Rouhani was the conclusion of an agreement with the international community on the nuclear dossier, which, in his opinion, was the main source of Iran's economic problems.

At the end of this article, the author writes that the relationship between the Supreme Leader and the President can best be described as mutually beneficial. But Khamenei was not interested in sharing responsibility for any retreat from the point of view of the nuclear program. If Ali Khamenei came to the conclusion that the political costs of nuclear negotiations far outweighed the economic benefits that they could bring, he would put an end to them again. Otherwise, this would strengthen the Supreme Leader's conviction regarding the danger of any rapprochement with the West and moderation in foreign policy.

REFERENCES

1. Mesamed, V.I. (n.d.) *Prodolzhenie predvybornoy prezidentskoy kampanii v Irane* [Continued presidential campaign in Iran]. [Online] Available from: <http://www.iimes.ru/?p=17663> (Accessed: 22nd November 2018).
2. حسن روحانی [Online] Available from: <http://asrdiplomacy.ir/wp-content/uploads/2017/03/امنیت-ملی-و-دیپلماسی-هسته-ای.pdf> (Accessed: 13th December 2017).
3. Anon. (n.d.) *Konstitutsiya Islamskoy Respubliki Irana* [Constitution of the Islamic Republic of Iran]. Translated into Russian. [Online] Available from: http://legalportal.am/download/constitutions/105_ru.pdf (Accessed: 1st April 2016).
4. خواهیم-تا-قیامت-با-آمریکا-قهر-باشی-روحانی-نمی [Online] Available from: <https://fararu.com/fa/news/148286/> (Accessed: 18th November 2018).
5. گفته‌ها و شنیده‌ها؛ ۵ روز تا انتخابات آنچه گذشت [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2013/06/130609_ir92_5_daysto.shtml (Accessed: 12th January 2018).
6. Iran. (2013) *Iranian government official website*. 20th August. [Online] Available from: <http://dolat.ir/NSite/FullStory/News/?Serv=0&Id=230132>. (Accessed: 27th December 2017).
7. Rouhani, H. (2013) Transcript of Rouhani interview with Washington Post. 25th September. [Online] Available from: <http://www.washingtonpost.com/blogs/postpartisan/wp/2013/09/25/transcript-an-interview-with-hassan-rouhani/>. (Accessed: 12th October 2018).
8. Ayatollah Khamenei. (2013) *Ayatollah Khamenei's official website*. 5th October. [Online] Available from: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=24132> (Accessed: 17th July 2017).
9. مجلس ایران به محمود گودرزی به عنوان وزیر ورزش و جوانان رای داد [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2013/11/131117_I31_sport_iran_minister. (Accessed: 26th November 2016).
10. Fars News Agency. (2014) 20th August. [Online] Available from: <http://www.farsnews.com/newstext.php?nn=13930529000094> (Accessed: 8th November 2016).
11. شوحسن روحانی: حصر برداشته می [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=qpsLpbWi-II. (Accessed: 12th October 2019).
12. شعار زندانی سیاسی آزاد باید گردد در همایش انتخاباتی حسن روحانی در ورزشگاه شهید شیرودی تهران [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=rR7fTT_b4Hc (Accessed: 22nd November 2018).
13. خواهند بکنند؟ کنیم/ در میان ملت‌ها آمریکا منفورترین قدرت‌هاست/ همه گزینه‌ها روی میز باشد؛ چه غلطی می‌به مذاکره خوشبین نیست ولی باذن‌الله از آن ضرری هم نمی [Online] Available from: <http://www.farsnews.com/newstext.php?nn=13920812000942>. (Accessed: 22nd November 2018).
14. چرا خبر مخالفت آیت الله خامنه‌ای با توافق ژنو تکذیب نمی شود؟ [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/01/140120_I39_analysis_khamenei_nuclear_geneva.shtml. (Accessed: 28th November 2018).
15. دبیر شورای نگهبان: حتی اگر در اقلیت باشیم باید نظام را حفظ کنیم [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2013/12/131224_I39_jannati_minority_regime.shtml (Accessed: 29th November 2018).
16. کلید رونق اقتصادی، تولید است در دیدار رئیس‌جمهور و اعضای هیئت دولت مطرح شد؛ [Online] Available from: <http://www.leader.ir/langs/fa/index.php?p=content&id=12191> (Accessed: 8th November 2016).
17. Iran. (2013) *Official website of the Supreme Leader*. 5th October. [Online] Available from: <http://www.leader.ir/langs/fa/index.php?p=content&id=11153>. (Accessed: 8th November 2016).
18. یکی از مخالفان کفش پرتاب کرد /تجمع ۱۰۰ نفره مخالفان در استقبال دانشجویی از روحانی [Online] Available from: <http://khabaronline.ir/detail/315102/Politics/government>. (Accessed: 18th January 2016).
19. سخنرانی-هاشمی-باشعار-مرگ-بر-آمریکا-نیمه-تمام-ماند-رفسنجانی [Online] Available from: <https://www.mehrnews.com/news/2155832/> (Accessed: 18th January 2016).
20. Mamedova, N.M., Dunaeva, E.V. & Fedorova, I.E. (2013) Iran posle prezidentskikh vyborov [Iran after the presidential election]. *Svobodnaya mysl'*. 5. pp. 49–62.
21. Rumyantsev, V.P. (2015) Between reforms and repressions: the evolution of the US-Iranian relations in the 19th - first half of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 161–165. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/397/25
22. Rumyantsev, V.P. (2014) Na pereput'e: politika SShA v otnoshenii Irana na pervom etape "Beloy revolyutsii" (1961–1963gg.) [At the crossroads: US policy towards Iran at the first stage of the White Revolution (1961–1963)]. In: Sogrin, V.V. (ed.) *Amerikanskiy ezhegodnik* [American Yearbook]. Moscow: Lenand. pp. 97–115.
23. چرا روحانی می‌گوید فرصت برای توافق هسته‌ای 'نامحدود' نیست؟ [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2013/09/130911_I39_analysis_nuclear_rohani_khamenei.shtml (Accessed: 18th January 2016).
24. Rouhani, H. (2011) *National Security and Nuclear Diplomacy*. Expediency Council Centre for Strategic Research.

УДК 94(510)
DOI: 10.17223/19988613/65/13

Л.Е. Янгутов, Т.Ф. Марханова

ЛЕГИЗМ И БУДДИЗМ В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМПЕРИЙ ЦИНЬ И СУЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы»

Статья посвящена месту и роли легизма и буддизма в становлении империй Цинь (221–206 гг. до н.э.) и Суй (581–618 гг.). Показано влияние идей легизма на становление империи Цинь, а также место и роль буддизма в политической деятельности правителей Суй, нацеленной на создание централизованного государства. Дана характеристика деятельности правителей династий Цинь и Суй по объединению Китая после длительного периода междоусобных войн, рассмотрены меры, направленные на создание централизованного государственного управления, а также их экономические и административные мероприятия, нацеленные на объединение страны.

Ключевые слова: легизм; буддизм; государственное управление; экономическая деятельность; административные меры; империя; власть; религия; реформы; междоусобные войны.

Династии Цинь (秦) и Суй (隋), несмотря на кратковременность своего правления¹ сыграли огромную роль в истории императорского Китая, знаменуя собой качественно новый этап его развития. С деятельностью этих династий связано долгожданное объединение страны; создание империй Цинь (221–206 гг. до н.э.) и Суй (581–618)² положило начало экономическому и политическому подъему государства. Обе династии, несмотря на достаточно длительный временной отрезок (355 лет), отделяющий их правления, имеют удивительную схожесть. Несмотря на кратковременность своего пребывания у власти, они сумели успешно осуществить грандиозные реформы как в государственном управлении, так и в социальной и экономической сферах, которые обеспечили исторический прогресс страны. Установлению династий Цинь и Суй предшествовали сходные социальные, экономические и политические условия, обусловленные междоусобными войнами, поставившими перед каждой из династий одинаковые задачи по созданию централизованного государственного управления. Поэтому их деятельность была схожей как по форме, так и по содержанию. При этом каждая из династий опиралась на свои идеологические приоритеты, соответствующие той эпохе, в которой протекала деятельность каждой из них: династия Цинь ориентировалась на идеологию легизма, династия Суй – на идеологию буддизма.

К моменту образования централизованного государства Цинь (秦) в идеологической сфере Китая противостояли две концепции управления государством. Первая, представленная конфуцианцами, основывалась на гуманном принципе правления посредством ритуальных правил ли (礼), вторая — на жестких методах, основанных на законе (法, 法). Конфуцианцы, апеллируя древним традициям и патриархальному укладу семейного обустройства, полагали, что правитель должен быть отцом для подданных, как отец се-

мейства для своих домочадцев, выдвинув теорию добродетельного правления и соответствия правителя идеалу благородного мужа (цзюнь цзы, 君子).

В противовес патриархальным взглядам конфуцианцев легисты выдвинули передовую на тот момент концепцию, реально оценивавшую политические и экономические реалии чжоуского Китая³, представлявшего собой арену междоусобных войн семи царств⁴ периода Воюющих царств (Чжаньго, 战国; 475–221 гг. до н.э.). Будучи прагматиками, свои теоретические взгляды они стали успешно воплощать на практике. Примером такого успешного воплощения взглядов легистов может служить творчество и деятельность основоположника легизма Гуань Чжуна (管仲, 720–645 гг. до н.э.), первого советника правителя царства Ци (齐), который свои идеи реализовал в административных и экономических реформах этого царства. Его теоретические идеи нашли отражение в трактате «Гуань-цзы» (管子).

В основе всех идей Гуань Чжуна лежала концепция главенства закона (фа, 法), которая стала краеугольным камнем теории государства в легистской философии. В трактате «Гуань-цзы» утверждается: «Законы – это отец и мать народов» [1. С. 43]. Далее сообщается: «Правитель и чиновники, высшие и низшие, знатные и подлые – все должны следовать закону. Это и называется великим [искусством] правления» [Там же].

Выдвижение Гуань Чжуном концепта «закон как главное средство управления государством» явилось отражением сложившейся на тот момент политической ситуации в Чжоуском Китае, когда, наряду с государством чжоуского вана, появилось немало полунезависимых государственных образований, претендовавших на самостоятельность, что привело к ослаблению авторитета чжоуской власти, и, как следствие, неэффективности и неспособности чжоуских ритуалов ли (礼) выступать действенным инструментом управ-

ления государством. Последователи Гуань Чжуна продолжили развитие концепции закона (фа, 法) как главного инструмента государственного управления. Основными принципами управления на основе закона (фа, 法) явились жесткие методы правления, которые подкреплялись авторитетом силы (ши, 勢) опирались на искусство управления (шу, 术).

Большое значение в теории и практике государственного строительства Гуань Чжуна занимают экономические вопросы. В этой области Гуань Чжун провел реформу в сельском хозяйстве, объявив земледелие основой экономической жизни государства. По его словам, «если народ занимается земледелием, то это значит, что поля разделаны [целинные земли обрабатываются], а поля возделаны, это значит, что зерна много, это значит, что государство богато, а в богатом государстве воины сильны, при сильных войнах войны победоносны, при победоносных войнах расширяется государство» [2. С. 264]. В условиях междоусобных войн периода Воюющих царств данное положение представлялось весьма значимым и актуальным. Актуальными были и его предложения по совершенствованию налоговой системы, введению налога на соль, железо [Там же. С. 282]. Утверждая, что земледелие представляет собой одну из главных забот правителя, Гуань Чжун призывает запретить второстепенные виды труда, пресекать занятие редкими искусствами [Там же. С. 264]. Эти призывы были явно направлены против наследственной аристократии, которой Гуань Чжун приписывает «занятие редкими с искусствами». Для эффективности управления государством Гуань Чжун предложил разделить его на новые территориально-административные единицы – уезды [3. С. 81]. Деятельность Гуань Чжуна во многом способствовала экономическому подъему царства Ци.

Именно благодаря легистской теории строительства управления государством стало возвышаться царство Цинь (秦), представлявшее в начале эпохи Восточного Чжоу небольшой удел на западе чжоуских владений, центром которого было поселение Цюаньцю (犬丘) [4. С. 860].

Начало возвышения этого царства начинается с правления Сяо-гуна (孝公, 381–338 гг. до н.э.), пригласившего легиста Шан Яна (商鞅, 390–338 гг. до н.э.) – родом из царства Вэй (魏), в котором его идеи не были востребованы. Сяо-гун назначил Шан Яна пост главного советника (министра), на котором знаменитый легист в полной мере воплотил свои идеи. Как и Гуань Чжун, Шан Ян уделял самое пристальное внимание закону. Тактат «Шан цзюнь шу» (商君书), известный как «Книга правителя области Шан», в котором изложены экономические и общественно-политические взгляды Шан Яна, начинается с рассуждений о роли закона в управлении государством, который противопоставляется конфуцианскому ритуалу ли (礼). В нем устами Гунсунь Яна (Шан Яна) утверждается: «Если совершенномудрый может при помощи [законов] сделать сильным [свое] государство, то он не берет за образец порядки древности, если он может благодаря закону принести пользу народу, то он не следует ли» [5. С. 140]. В экономической части Шан Ян, как и

Гуань Чжун, обратил внимание на укрепление земледелия, связав его с военными успехами. По его словам, «государство добивается процветания [при помощи двух средств]: земледелием и войной» [Там же. С. 151]. Это положение Шан Яна имело основополагающую значимость в его теории государственного обустройства в условиях междоусобных войн. Оно непосредственно касалось и управления государством. Во-первых, успешное земледелие, дающее достаточное количества зерна, позволяло содержать управленческий аппарат, который, по мнению Шан Яна, должен был состоять из людей, имеющих заслуги, а не из числа богатой наследственной аристократии. Во-вторых, легко управлять теми, кто занимается исключительно земледелием, не обращая свои помыслы на другие дела. В трактате «Шан цзюнь шу» говорится: «А когда все помыслы обращены земледелию, то люди просты и ими можно легко управлять» [Там же. С. 156]. Он считал, что «тот, кто хочет процветания государства, внушает людям, [что можно] получить казенные должности и ранги знатности, занимаясь лишь Единым⁵» [Там же. С. 276]. «Поэтому [не имеющие заслуг] не могут получить казенные должности и ранги знатности» [Там же. С. 151]. Продолжая развивать мысли Гуань Чжуна о запрете второстепенных видов труда и редких искусств, Шан Ян объявил о существовании десяти паразитов, которые препятствуют укреплению страны. Это чжоуские тексты «Ши цзин», «Шу цзин», ритуал (ли), музыка, добродетель, почитание старых порядков, человеколюбие, бескорыстие, красноречие, острый ум [Там же]. Все эти «паразиты» считались относящимися к конфуцианским ценностям. Кроме того, занятие древними канонами, музыкой, а также почитание старых порядков приписывались наследственной аристократии, которую Шан Ян стремился лишить привилегированного положения, права наследования должностей в аппарате управления. Поэтому весьма важным шагом для установления централизованного управления явились мероприятия по разрушению патриархальной семьи, которая представляла собой важнейшую ячейку родоплеменной общности, оплот наследственной знати, противостоящей государственному обустройству. В целях эффективности управления было предложено деление царства Цинь на административные единицы, введена система круговой поруки. Как и Гуань Чжун, Шан Ян обращал внимание на налоговую политику, предлагал ввести гибкую налоговую систему, для чего, полагал он, необходимо было провести перепись населения [Там же. С. 143]. Легистские идеи Шан Яна во многом определили усиление циньского княжества, возвышение его над остальными шестью царствами периода Воюющих царств и объединение их под властью Цинь.

Успешное воплощение легистских идей в управлении государством продолжил первый император Китая Цинь Шихуан-ди (秦始皇帝, 259–210 гг. до н.э.), основавший династию Цинь, объединив Китай и создав первую империю в Китае. Своим первым советником и главным министром он назначил легиста Ли Сы, чья деятельность во многом способствовала созданию централизованного государства уже не в масштабах

одного царства, как это было при Шан Яне, а в масштабах всей империи, включающей все бывшие «воюющие царства». В этих новых условиях Цинь Шихуан, следуя рекомендациям Шан Яна в области обустройства государственного управления, тем не менее в отдельных аспектах, касающихся политических установок, расходится во взглядах с Шан Яном. Сегодня ряд исследователей подвергают сомнению ортодоксальную приверженность Цинь Шихуана теории легистов. Об этом можно судить и по записям Сыма Цяня в его знаменитом трактате «Ши цзи» («Исторические записки»), написанном на основе летописей и исторических свидетельств того времени. Так, например, если для Шан Яна война представляла собой основополагающую составную его политической ориентации, то Цинь Шихуан в условиях строительства централизованного государства заботится о спокойствии и мире для империи. В записях трактата сообщается о том, что император «собрал оружие со всей Поднебесной в Сяньян и выплавил из него колокола и вешала для них, а также двенадцать металлических фигур весом в тысячу *даней* каждая, которые установил в своих дворцах» [6. С. 64]. В надписях, прославляющих деяния Цинь Шихуана, говорится: «Ныне властитель-император соединил воедино все [земли] в пределах морей, разделил их на области и уезды, и в Поднебесной [наступили] мир и спокойствие. [Император] прославил навеки своих предков, он проникся истиной и творит добродетельные [дела], его почитаемый титул величественно утвердился [на земле]» [Там же. С. 70]. О мире и спокойствии Цинь Шихуан рассуждает и тогда, когда он вместе со своими сановниками обсуждает административные принципы управления государством. В этом обсуждении император, поддерживая точку зрения своего первого советника легиста Ли Сы, предлагающего отстранить от управления родовую знать, сказал: «Вся Поднебесная страдала от непрекращающихся сражений и войн, и это происходило из-за того, что существовали князья и ваны. Опираясь [на помощь] духов предков, я впервые умиротворил Поднебесную, и, если теперь снова создать владения, значит, [вновь] развязать войны. Разве легко будет потом добиться спокойствия и прекращения [войн]?» [Там же].

Взгляды Шан Яна и Цинь Шихуана расходились и в вопросе о человеколюбии и добродетели, которые Шан Ян называл паразитами, мешающими государству. Цинь Шихуан, наоборот, рассуждал об установлении добродетели во всей Поднебесной. В надписях, восхваляющих его деяния, сообщается, что «умом и мудростью, человеколюбием и справедливостью [он] ясно открыл [истинный] путь управления» [Там же. С. 67]. Сегодня в ряде исследований подвергается сомнению ортодоксальная приверженность Цинь Шихуана принципам легизма. Об этом рассуждает М. Керн, который ставит под сомнение конфуцианскую оценку империи Цинь как «культурного или идеологического отклонения» в истории Китая [7. Р. 13], а также М. Пьюэртт, предлагающий сбалансированную оценку империи Цинь [8. Р. 187].

Однако при этом необходимо отметить, что, не смотря на некоторые расхождения во взглядах Шан

Яна и Цинь Шихуан-ди, свои крупномасштабные реформы по объединению Китая первый император Китая начал, во многом опираясь на политический и административный опыт Гуань Чжуна и Шан Яна. В первую очередь он позаботился о создании единого законодательства для всех объединенных им царств, в которых действовали свои законы и принципы социальной регуляции. В 221 г. до н.э. он издал приказ об упразднении всех законов шести царств и введении единого законодательства для всей империи. В основу единого законодательства были положены законы царства Цинь, окончательно оформленные в период реформ Шан Яна [4. С. 189]. В «Исторических записках» говорится: «[Он ввел] единую систему законов и измерений, мер веса, емкости и длины, для повозок установил одинаковый ход, в письме – единое начертание иероглифов». Были введены единые денежные знаки. В области административного управления были полностью восприняты принципы Гуан Чжуна и Шан Яна, к аппарату управления люди привлекались не по принципу их знатности, а по их способностям и заслугам. Все это способствовало укреплению централизованного управления империей, созданию централизованного государства. Система бюрократического аппарата укреплялась введенным еще Шан Яном принципом круговой поруки, который использовался также для укрепления системы единого законодательства, разрушения патриархальной семьи – оплота наследственной аристократии. Одной из мер отстранения родовой аристократии от управления государством и Гуан Чжуна, и Шан Ян, было разделение империи на территориально-административные единицы. В «Исторических записках» говорится: «[Ши-хуан] разделил Поднебесную на тридцать шесть областей, в каждой области поставил начальника – *шоу*, воеводу – *взя* и инспектора – *цзяня*» [6. С. 64].

В экономической сфере перед Цинь Шихуаном стояли более масштабные задачи, выходящие за рамки одного царства. Было уделено большое внимание строительству дорог и путей, которые должны были способствовать эффективности управления разрозненными царствами и укреплению связей разрозненных экономических единиц завоеванных им царств. Для этих целей было осуществлено строительство каналов, которые позволяли водным путем охватить большие территории Империи [4. С. 190–193].

Цинь Шихуан был последовательным и в отношении жестких мер управления и нетерпимости инакомыслия. О его жестоких деяниях повествует и Сыма Цянь [6. С. 74]. Примечателен следующий факт, изложенный в его трактате, свидетельствующий о том, что император одобрил предложение Ли Сы сжечь все записи, кроме циньских анналов, и казнить тех, кто осмелился хранить у себя *Ши цзин*, *Шу цзин* и сочинения ученых ста школ, а также тех, кто «кто на [примерах] древности будет порицать современность, [подвергнуть] казни вместе с их родом; чиновников, знающих, но не доносящих об этом, карать в той же мере» [Там же. С. 78].

Предпринимая столь жесткие меры, Ли Сы предлагает сохранить книги по медицине, лекарствам, гада-

ниям на панцирях черепахах и стеблях, по земледелию и разведению деревьев, которые были прерогативой легистов и даосов. Известно, что Цинь Шихуан интересовался даосской практикой поиска эликсира бессмертия [6. С. 74, 81].

Указанные выше экономические и административные мероприятия, проводимые на основе концепции государственного строительства легистов, несомненно, носили прогрессивный характер и способствовали экономическому, военному и политическому возвышению Китая. К этому следует добавить и строительство Великой китайской стены. Однако при всей прогрессивности экономических и административных мер социальная программа Шан Яна не могла быть прогрессивной, поскольку она подразумевала жестокость и насилие по отношению к населению. Она в полной мере была осуществлена Цинь Шихуаном, что в конечном итоге привело к недовольству широких масс и наследственной аристократии. Такая программа могла опираться исключительно на авторитет сильного правителя и сильной власти и не могла придать прочность государству. Ослабление власти и смена сильного на более слабого правителя ставили под угрозу все начинания легистов. Так произошло после смерти Цинь Шихуана. Империя, в основу управления которой была положена легистская модель, пала, вслед за падением империи легизм перестал быть официальным и господствующим учением, уступив место конфуцианству. Как справедливо отмечает В.А. Рубин, «жестокости, превозносившиеся, а впоследствии и проводившиеся в жизнь сторонниками этой школы, дискредитировали в Китае идею закона» [9. С. 19].

Плодами легистских реформ империи Цинь успешно воспользовались императоры династии Хань, заменив жестокие методы Цинь Шихуана на более гуманные, соединив принципы социальной регуляции, основанные на легистских законах (法, фа) и искусстве правления (术, шу) с конфуцианскими принципами гуманности (仁, жэнь) и ритуала (礼, ли). Империя Хань, знаменующая собой стабильность и процветание Китая, просуществовала 400 лет: с 206 г. до н.э. до 220 г. н.э.

Ее крушение вновь ввергло Китай в пучину междоусобных войн, раздробленности и нестабильности. На протяжении всего этого периода, вошедшего в историю как период Вэй, двух Цзинь, Южных и Северных царств (魏两晋南北朝), известного также как период шести династий⁶, каждая из династий стремилась объединить Китай, подчинив себе воюющие между собой царства. Успех в этом стремлении способствовал династии Суй, основанной императором Вэнь-ди (文帝, 541–604)⁷ в 581 г., в результате отстранения им от власти императора Северной Чжоу Северных царств (北周) Цзин Цзи (靜帝, 573–581).

Реформы вновь объединившей Китай династии Суй (581–618) основывались на системе имперского устройства первой династии Китая Цинь. Объединению Китая после почти трехсотлетней раздробленности способствовало множество факторов. Экономические, социальные, политические и культурные различия между Севером и Югом Китая значительно смягчились и породили тягу к воссозданию единства госу-

дарства. Стремление к централизации сильнее было в Северном Китае, где вчерашние кочевники, в сознании которых еще сохранялись пережитки общинной сплоченности, понимали необходимость единства и самодисциплины перед массами завоеванных ими ханьцев. По существу, объединительные функции взяла на себя сформировавшаяся из «варварско-ханьских» элементов новая верхушка Китая, еще относительно сплоченная в силу пережитков общинного менталитета недавних завоевателей [10. С. 172]. Именно этот социальный слой – северная военная знать, возвысившаяся в ходе военных походов, инициировала воссоединение Китая и регенерацию китайской государственности. Началось с того, что полководец царства Северная Чжоу Ян Цзянь (тронное имя Вэнь-ди) к 577 г. взял под контроль весь Северный и Западный Китай и, сместив династию Северная Чжоу, в 581 г. объявил себя императором и главой новой династии Суй. Он перенес столицу в Чанъань – одну из двух традиционных столиц Древнего Китая – и, заключив перемирие с возникшим на Западе Тюркским каганатом, обеспечил себе свободу рук для объединения Северного Китая с Южным.

Объединение Севера и Юга Китая было осуществлено благодаря грамотно выстроенной экономической стратегии Вэнь-ди, который, как и Цинь Шихуан-ди, в качестве приоритетной задачи установил единую денежную систему, заменившую разные виды монет, а также зерно, шелк, рис, соль, пеньковую ткань, которые использовались в качестве обменного товара. Денежная система в Китае была разрушена из-за последствий распада империи Хань. Политическая обстановка в Китае в III–VII вв. привела к резкому сокращению торговли. Из-за нашествия иноземных племен прервалась сложившаяся торговая связь с государствами Центральной Азии. Междоусобицы и сепаратизм подрывали экономический обмен внутри страны. Разорение городов приводило к упадку ремесла, в результате чего произошла заметная натурализация хозяйства, выразившаяся в резком сокращении денежного обращения [11. С. 17]. Вэнь-ди создал свою собственную стандартную валюту, которая помечалась иероглифами Учжу на лицевой части. В первом месяце 5-го года эры правления Кайхуан (585) вышел императорский указ о запрете использования старых монет. С этого момента деньги впервые стали единообразными. Они распространились повсеместно, и это было удобно для всего населения Китая [12. Р. 174]. Следуя установкам легистов, Вэнь-ди придавал большое значение земледелию и сохранности зерна. Поэтому экономика возродившейся в конце VI в. империи базировалась на аграрном производстве. По всей стране была построена сеть зернохранилищ, которая стала ключевым компонентом экономической инфраструктуры династии Суй и имела центрообразующую значимость. Создание этой сети зернохранилищ стало частью широкой стратегии в реформировании экономической политики. Основной целью было обеспечить постоянную подачу зерна для удовлетворения потребностей всего населения. Система зернохранилищ сыграла решающую роль в снабжении крупных городских центров

Дасинчэн и Лоян, а также в предоставлении помощи голодающим во время войны и стихийных бедствий. Назначались должностные лица, регулирующие использование государственных запасов зерна, которые, в свою очередь, контролировались центральной властью [12. Р. 179].

Как и в империи Цинь, в первые же годы правления династии Суй была реформирована система налогов. Был взят курс на снижение налогового и трудового бремени населения: были отменены дополнительные сборы и торговые налоги. Государственные доходы базировались лишь на земельном обложении и трудовых повинностях. Земельное обложение основывалось на системе равных полей, единицей налогообложения становилась семья либо хозяйство. Новым сбором стал натуральный сбор в общественное зернохранилище. Большое значение для налогообложения привнесла унифицированная система мер и весов, введенная императорами Суй. Стандартная система мер и весов была необходима для разработки и реализации земельных и налоговых законов.

Важнейшим шагом по объединению Китая стало строительство дорог и водных каналов, которое, как и в империи Цинь, должно было стать стратегическим узлом экономических и военных мероприятий империи. Суйскими императорами было начато активное строительство стратегического водного пути, которое входило в план по объединению Китая. В 589 г. Вэнь-ди санкционировал строительство канала от столицы Дасинчэн до слияния рек Вэйхэ и Хуанхэ протяженностью почти в 160 км к востоку, названный каналом Гуаньтун (廣通渠). При втором императоре Ян-ди Китай превратился в центр беспрецедентной общенациональной системы транспортировки воды, которая стала известна как Великий, или Императорский, канал (大運河), который был сооружен частично на базе древних каналов, но четыре канала были прорыты заново, а течение некоторых рек обращено вспять. Великий канал протянулся от суйской столицы второго императора Ян-ди г. Лоян до г. Цзянду (пров. Цзянсу), его общая длина составляла 2 250 км, канал соединил две великие реки Китая Хуанхэ и Янцзы [13. Т. 181. С. 5653]. До строительства канала перевозка налогового зерна и различных товаров осуществлялась морем вокруг Шаньдунского полуострова, что было сопряжено с большим риском, кроме того, была затруднена транспортная связь с Сычуанью и богатым югом. С сооружением канала укреплялись экономические отношения между отдаленными районами страны, он облегчил отгрузку зерна и других товаров из богатых рисом южных провинций на густонаселенный север, открывались новые возможности для развития торговли. Канал служил и другим целям: способствовал административной централизации и ускорил передачу приказов и распоряжений, позволял в кратчайшие сроки отправить войска в проблемные районы, а также доставлял рабочих на восстановление частично разрушенной Великой стены. Но самое главное, эта национальная транспортная система привела к более тесной экономической интеграции севера и юга Китая. Ян-ди также использовал канал как имперский путь для осмотра своей империи.

Новая система административного управления была ориентирована на централизацию и во многом опиралась на опыт империи Цинь. Она стала вехой в политической истории традиционного Китая. В отличие от бюрократической модели Южных и Северных династий, модель Вэнь-ди была более эффективной и впоследствии стала основой для бюрократической структуры династии Тан (618–907), так же как административная система Цинь стала основой для бюрократической структуры династии Хань. Административная реформа, проведенная суйским двором, минула старые формы управления, которые соответствовали периоду раздробленности. Императоры династии Суй восстановили двухуровневую систему администрирования империи, привлекали к государственному управлению тех, кто наделен соответствующими способностями независимо от происхождения путем введения императорских экзаменов, установили жесткую систему контроля над чиновничьим аппаратом – местные должностные лица назначались центральным правительством, что нанесло серьезный удар по интересам аристократических семей на местах [14. Р. 84]. Административные реформы суйских правителей преследовали цель консолидации власти в руках центрального правительства, смещения баланса власти между двором и бюрократией, а также между центральной и местной администрацией и в пользу первых. В конечном итоге они создали такую управленческую систему, которая оказалась способной обеспечить целостность империи.

В отличие от легистов, которые считали образование пагубным для империи, Суйские правители понимали, что следующим важным шагом после реформ в административной системе станет совершенствование системы образования. Привлечение к административной должности вызвало потребность восстановления экзаменационной системы для претендентов на должность, введенной правителями империи Хань. Эта система существовала и раньше, но именно в эпоху Суй она превращается в эффективный механизм отбора и назначения на чиновничьи должности. Суйские правители представили системный характер проведенных институциональных реформ, которые позволили превратить экзаменационную систему в четко отработанный, слаженный, бесперебойно действующий механизм рекрутирования госслужащих и чиновников из низших слоев населения, т.е. весьма своеобразную систему социальной мобильности, построенную на принципах «интеллектуальной меритократии», которую иногда в социологии и политологии называют термином «социальный лифт». Новая система образования способствовала ослаблению влияния аристократических кланов и превратилась в важный фактор социальной мобильности. Для нового административного аппарата необходимы были новые люди с новым мышлением. Формирование такого мышления реализовалось в реформировании образовательной системы, что показывает проницательность и умение не только анализировать текущую ситуацию, но и предвидеть будущую тенденцию в системе образования. Единая экономическая и административная система позволила

плодотворно управлять империей. Во многом переняв легистские принципы обустройства государства, в идеологической сфере правители Суй выбрали совершенно другие приоритеты.

Важную роль в процессе централизации государства сыграл идеологический фактор, в котором большую значимость имел буддизм. Однако он не был единственным учением, поддерживаемым правителями Суй в сфере идеологии. В отличие от Цинь Шихуана, суйские правители не были столь нетерпимыми к наличию разнообразия учений («ста школ»). К периоду установления династии Суй в политической культуре Китая сформировалась устойчивая тенденция использования в государственном управлении учений конфуцианства, буддизма и даосизма, составивших известную триаду (三教, саньцзяо). При этом сложилось своеобразное деление сфер влияния этих учений в системе государственного управления. Конфуцианство с времен ханьской империи прочно заняло административную нишу. По его образцу были устроены чиновничий аппарат, система отбора на государственные должности. Оно играло важную роль в родовом поклонении, поклонении Небу и множестве ритуальных жертвоприношений. Однако, не имея ни духовенства, ни церковной организации, конфуцианство в период Суй существовало как этническая традиция. Ян Цинкунь называет конфуцианство «разбросанной религией», в том смысле что она опиралась на светскую власть и практически не имела независимого существования [15. Р. 294]. Поэтому оно значительно проигрывало даосизму и буддизму в конкуренции за господство в идеологической сфере. Развивающиеся феодальные отношения в раннесредневековом Китае нуждались в активном религиозном учении и организованной деятельности церкви [16. С. 80].

Даосизм более всего был востребован в сфере магических практик, поисков рецепта долголетия и бессмертия, а также удовлетворения духовных запросов. Правителями Суй были использованы навыки даосских специалистов, чтобы создать первый календарь династии Суй. В 586 г. император Янь-ди приказал составить стелу с надписью места рождения Лао-цзы в провинции Аньхуэй, и примерно в то же время он приказал построить там новый зал поклонения [14. С. 75]. Однако, учитывая прошлую роль даосизма в восстании «Желтых привязок», приведшем к падению империи Хань, правители Суй относились к нему с предосторожностью.

Духовной силой, способствовавшей объединению Китая после длительного периода разобщенности, стал буддизм. К периоду правления династии Суй он был уже подготовлен стать главным идеологическим фактором во всех аспектах: политико-административном, духовно-религиозном и экономическом.

Вэнь-ди выдвинул на передний план буддизм, включив его в сферу своих политических интересов. До его прихода к власти развитие буддизма как на Севере, так и на Юге характеризовалось тем, что он все более расширял сферы своего влияния. Буддизм имел большие возможности для удовлетворения различных потребностей широкого круга людей. По выражению

Н.И. Конрада, «правлящий класс находил в буддийской церкви могущественное орудие укрепления своей власти; образованные слои китайского общества были захвачены широтой и тонкостью буддийской философии; народные массы буддизм привлекал и своими красочными ритуалами, и обещаниями земных и небесных благ» [17. С. 111–112]. Важным фактором успеха буддизма в Китае была его способность удовлетворять нужды правящего класса, быть полезным государственной власти. С обособлением Юга и Севера страны в обоих регионах развитие буддизма пошло по разному пути. На Севере, например, буддисты акцентировали свое внимание на религиозной практике, и буддийская вера в основном была распространена среди простых людей. На Юге уделялось большое внимание теоретическим проблемам, философским вопросам. Среди верующих немалый процент составляли выходцы из аристократических семей [18. С. 243]. Буддисты периода династий Суй и Тан переняли у Севера их религиозную практику, у Юга – философию [Там же].

Выдвижение буддизма на передний план императором Вэнь-ди было стратегическим шагом, рассчитанным на него как идеологическое средство обоснования политики по созданию централизованного государства. Выбор буддизма как идеологического средства был обусловлен следующими причинами. Во-первых, ориентация на идеологию буддизма была характерна всем иноземным завоевателям Китая еще с времен династии Восточная Цзинь. Иноземные племена, захватившие в этот период часть территории Китая, нуждались в идеологической поддержке и нашли ее в буддизме, который для Китая был таким же иноземным, как и они сами. Эту традицию продолжили императоры Северных царств, где господствовали некитайские династии, сам Вэнь-ди имел тюркское происхождение. Исключение составил император Северного Чжоу (北周) У-ди (武帝, 543–578), устроивший гонения на буддизм.

Во-вторых, идея единства и тождества всего сущего в недрах природы Будды, выдвигаемая формирующейся в этот период школой тяньтай (天台) под руководством патриарха школы Чжи И, была созвучна политике Вэнь-ди. Идея единства этой школы получила обоснование в учении о едином сознании (一心, и синь). В тяньтайском сочинении «Дачэн чжигуань фа мэн» («Учение Махаяны о чжигуань») единое сознание характеризовалось понятием «истинная таковость» (真如, чжэнь жу) и представляло собой изначальное, неизменное, неразрозненное существование (真 истинное), тождественное самому себе (таковость 如). Единое сознание считалось лежащим в основе всего многообразия феноменального мира. При этом единое сознание не мыслилось как порождающая многообразие феноменального мира субстанция. В конечном счете существует только единое сознание, все остальное – это его признаки, которые делятся на два аспекта: феноменальный, или загрязненный (это признаки его условного существования в сансаре), и истинно-таковый, или чистый аспект – его абсолютное существование в нирване [19. С. 578]. Чжи И в своем фундаментальном

сочинении «Мохэ чжи гуань» (摩訶止觀) уделил большое внимание концепции единого сознания. Он считал, что «единое сознание включает в себя десять миров дхарм (+法界, ши фацзе). Каждый мир дхарм, в свою очередь, включает в себя десять миров дхарм. Итого составляют 100 миров дхарм. Один мир включает в себя 30 видов сфер. Сто миров дхарм включают в себя три тысячи сфер. Эти три тысячи содержатся в одном мгновении сознания» [20. С. 72]. Десять миров дхарм здесь не понимаются как пространственные и временные миры. Это характеристика определенных психических состояний человека. Но тем не менее сама идея того, что все должно стремиться к единому началу, имела большой политический резонанс в контексте идеологических установок суйских правителей, которые внушали китайскому обществу и населению мысль, что все в поднебесной должно стремиться и подчиняться единой власти, олицетворением которой был суйский двор.

В-третьих, рождение и детство Вэнь-ди было тесно связано с буддизмом. В «Общих хрониках буддийских патриархов» говорится следующее: «Монахиня из монастыря Праджни (般若 боже) в округе Тун Чжоу (同洲) (провинция Шанси), известная как Чжи Сянь (智仙), отличилась в медитации и точно угадывала судьбу людей. Когда Вэнь-ди (Ян Цзянь) родился в монастыре, Чжи Сянь сказала отцу Вэнь-ди: «Этот мальчик защищен Небом Будды (佛天, фотянь), и, соответственно, дайте ему имя Налоян (那羅延; nālāyaṇ, санскр. नालायण; «герой божественной силы»). Тайцзу [затем пожертвовал свой дом для создания монастыря и] передал ей на воспитание сына [Вэнь-ди]» [21. С. 153].

Вступив на престол, Вэнь-ди немедленно издал указ, предписывающий осуществить ремонт всех монастырей, разрушенных императором У-ди, правителем Северной Чжоу. В хронике Чжи Паня говорится: «Когда У-ди из Северной Чжоу уничтожил религии, этот император [Вэнь-ди] поклялся себе укреплять ее [религию]. После получения Мандата Неба, [он] незамедлительно возродил религию» [Там же. С. 154]. Помимо материальной поддержки буддизма, Вэнь-ди предпринял мероприятия, способствующие увеличению числа последователей буддизма [Там же].

Но такая беспрецедентная поддержка Вэнь-ди не означала его альтруизма по отношению к буддизму. Он не считал, что буддизм должен существовать отдельно от государства и быть независимым, чего добивалась буддийская сангха, а наоборот, полагал, что буддизм должен быть полностью подконтрольным государству. Поэтому политика централизации административного аппарата, проводимая императором, не обошла стороной и буддизм. Император Вэнь-ди наряду с реформированием государственного аппарата попытался упорядочить и административный контроль над буддийской общиной [22. С. 57]. В этих целях была создана должность *датун* (大統, главный инспектор) – ведущий правительственный чиновник, отвечающий за буддийское духовенство и монастыри. Назначение на должность главного лидера буддийской церкви было давней традицией еще со времен Шести династий. В Северных династиях это назначение именовалось

даожэньтун (道人統) или *чжаосюаньтун* (昭玄統), в Южных династиях *сэньчжэнь* (僧正) или *сэньчжу* (僧主) [23. С. 9–10]. Вэнь-ди назначил мастера Винаи⁸ Сэньмэна (僧猛) в качестве первого датун династии Суй. Оно Кэцзютоши считал, что при назначении Сэньмэна на должность датун Вэнь-ди ставил задачу распространения и защиты Закона Будды [24. С. 451]. А. Райт считал, что должность датун предполагала его действия от имени двора [25. Р. 95]. Как нам кажется, точка зрения А. Райта ближе к истине. Вэнь-ди осуществил административный контроль над буддийской общиной, имея долгосрочные планы по объединению своей империи с помощью вероисповедания. По мнению К. Чэня, основной характеристикой его буддийской политики была разноплановая концепция объединения церкви и государства, т.е. слияние божественной силы и светской власти вместо полного подчинения светской властью церкви [26. Р. 199–201].

Сын Вэнь-ди, унаследовавший трон отца, продолжил поддерживать буддизм, спонсируя монастырские проекты в столице. В 605 г. он построил самый большой монастырь «Западный Чаньдин» (西禪定), вместе с его деревянной пагодой, в память о своем отце. Кроме того, он построил еще десять монастырей, поддерживаемых государством [27. Р. 254]. Строительство этих монастырей, осуществленное вскоре после незаконного захвата власти императором Ян-ди, могло послужить жертвой за узурпацию власти и свидетельством веры Ян-ди и его неоднозначных чувств к отцу⁹.

Весьма знаменательной является тесная дружба Ян-ди с знаменитым буддийским монахом Чжи И (智顗) – основателем школы Тяньтай (天台), которая свидетельствует о том, что буддизм для Ян-ди был не только идеологическим средством его политики по объединению страны, но и его религиозным убеждением, верой. Так, на одиннадцатом месяце своего правления (591) он получил от Чжи И *bodhisattvaśīla* (с санскр.: принципы поведения Бодхисаттвы, или заповеди Бодхисаттвы), ритуал посвящения, в котором буддийские заповеди основываются на сутре Фаньванцзин (梵網經, *Brahmajāla-sūtra* [Сутра о сетях Брахмы]) переданной их приемникам [28. Р. 145].

В конце ритуала Чжи И возложил на Ян-ди духовное звание *цзунчи* (總持, *dharmaṇi*) бодхисаттвы (Защитник Главной Бодхисаттвы) [29. Р. 284b, 461b]. В свою очередь, Ян-ди предоставил Чжи И звание Чжичжэ (智者, Мудрый), так как согласно документу Дуньхуа *Чуцзяжэнь шоу пусацзе фа* (出家人受菩薩戒法, «Правила монахов, которые получают заповеди Бодхисаттвы»), только *чжичжэ* должен быть руководителем ритуала [30. Р. 115–116]. Ритуальная церемония служила подтверждением веры Ян-ди в Будду. Об этом свидетельствуют его письма, записанные Гуаньдином в сочинении «Сто писем от храма Гоцин» в которых говорится: «В результате благотворительных дел своей прошлой жизни ваш ученик родился в императорской семье. В раннем возрасте он получил семейное наставление, и в молодом возрасте он постепенно просвещался обучению [буддизму], которое он получал» [21. С. 163]. «Не удостоив следовать изгибы и повороты узкой тропинки (т.е. буддизм Хинаяны), я стремлюсь путеше-

ствовать неторопливо на Великой Колеснице. Радуюсь над идеей входа в преображенный город¹⁰, я обещаю себе плыть на лодке на другой берег. Из многочисленных подвигов просветленных¹¹, образцы надлежащей практики в соблюдении заповедей приходят первыми. Касательно этих десяти заповедей Бодхисаттвы, самое главное, это сосредоточиться целенаправленно на них» [31. С. 163]. Так Ян-ди приступил к изучению принципов, охватывающих буддизм Махаяны, на котором базировалась школа Тяньтай.

Этот отрывок не только демонстрирует его твердое убеждение в буддизме по понятным сотериологическим и трансцендентным причинам, но и его предпочтения Махаяне над Тхеравадой. По мнению Ямадзаки, Ян-ди проявил такое сильное религиозное убеждение по причине того, что все его близкие члены семьи – отец, мать и четыре брата – были буддийскими верующими [32. С. 292–296].

Однако при всей его глубокой вере, буддизм для него был в первую очередь идеологическим средством его политических амбиций по объединению страны, а потому перед ним весьма остро стоял вопрос полного подчинения буддийской церкви светской власти. До периода суйского правления, на протяжении эпох Цзинь, Южных и Северных царств, продолжалось противостояние буддийской сангхи и имперской бюрократии, в котором буддийская сангха отстаивала свое право на независимое существование и которое вылилось в дискуссию о том, должны ли монахи кланяться государю. Следуя традициям буддийской сангхи его родины – Индии, китайские буддисты полагали, что они не должны кланяться императору и подчиняться светским законам. В силу слабости государственной власти в условиях раздробленности страны сангхе удавалось отстаивать свою независимость. В период Южных и Северных царств государственная власть северных правителей, состоявших из некитайских династий, была гораздо сильнее, чем власть южных правителей. Поэтому противостояние власти и сангхи начало склоняться в пользу северных правителей. Буддийская церковь начала терять свои позиции. Суйские правители переняли опыт северных династий в вопросе о взаимодействии государственной власти с буддийской сангхой. Нуждаясь в идеологической поддержке буддизма, они полагали, что буддийская сангха, обладающая независимым от государства статусом, не сможет стать достаточно прочной идеологической опорой власти. Поэтому они, как и правители север-

ных царств, не могли допустить независимость буддийской сангхи.

В 607 г. Ян-ди издает указ, по которому монахи должны были оказывать полные почести императору. В 609 г. он издает еще один указ, в котором говорится, что «из всех буддийских монахов в Поднебесной, все недобродетельные будут секуляризированы и возвращены в мирскую жизнь. Монастыри должны быть сохранены в зависимости от количества монахов в них. Остальные должны быть снесены» [21. С. 362а].

Установление контроля за деятельностью сангхи показало, что буддизм в Китае в период эпохи Суй стал политической составляющей государственной власти. При этом сангха, поддерживая начинания государственной власти, извлекала и собственные выгоды. Монастыри при поддержке государства становились крупными земельными собственниками. Высшие представители буддийского духовенства «удоставались почетного звания патриарха и официальных должностей наместников монастырей, предводителей монашества городов, областей, государств» [33. С. 8]. Иначе говоря, буддийская сангха стала неотъемлемой частью общественно-политической жизни Китая и его государственной структуры. Однако, несмотря на это, не все идеи буддизма были востребованы суйскими правителями, особенно те, которые проповедовали гуманность и смирение. Эти положения буддизма предназначались простым массам, которые в империи Суй подверглись жесточайшей эксплуатации, связанной с грандиозными масштабами экономических проектов империи, которая в конечном итоге привела к такой же печальной участи, которая постигла династию Цинь. Политические, административные и экономические проекты династии Суй, связанные с привлечением больших человеческих ресурсов и усугубленные военными походами империи, вызвали недовольство широких масс и наследственной аристократии, недовольной вытеснением ее из сферы государственного управления, и в конечном итоге привели к падению династии. Однако усилия двух империй не были напрасными, своими грандиозными реформами они заложили прочный экономический и политический фундамент для становления и развития двух последующих великих империй Хань (汉, 202 г. до н. э. – 220 г. н. э.) и Тан (唐, 618–907), которые не только использовали опыт предыдущих империй, но и учли их ошибки, что привело развитие страны к высочайшему расцвету.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Династия Цинь правила 15 лет, династия Суй – 37 лет.

² Династия Цинь положила конец двухсотлетней эпохе междоусобных войн, вошедшей в историю как эпоха Воюющих Царств (战国, 475–221 гг. до н. э.), династия Суй также положила конец трехсотлетней раздробленности Китая, вошедшей в историю как период шести династий (六朝, 222–589).

³ Китай эпохи Чжоу (周, 1046–221 гг. до н. э.).

⁴ Семь царств периода Чжаньго (战国): Ци (齐), Цинь (秦), Чу (楚), Хань (韩), Вэй (魏), Янь (燕), Чжао (赵).

⁵ Под Единым (一) понималось сосредоточение усилий на земледелии и войне.

⁶ Шесть династий – это, согласно списку Сюй Суна (许嵩) – династии У (222–280), Цзинь (265–420), Лю Сун (420–479), Южная Ци (479–502), Южная Лян (502–557), Чэнь (557–589); согласно списку Сыма Гуана (司马光) – династии Вэй (220–265), Цзинь (265–420), Лю Сун (420–479), Южная Ци (479–502), Южная Лян (502–557), Чэнь (557–589).

⁷ Вэнь-ди до принятия титула императора имел имя Ян Цзянь (杨坚).

⁸ Виная—монастырский устав.

⁹ Ян-ди пришел к власти в результате убийства собственного отца.

¹⁰ Хуачэн 化城, или «Изменяющийся город», – иллюзорный город в Лотосовой сутре, который олицетворяет несовершенство нирваны, особенно Хинаяны.

¹¹ Кайши 开士, или «те, кто открывает Путь к Просветлению», часто используется для обозначения монахов и Бодхисаттв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М. : Наука, 1981. 340 с.
2. Штейн В.М. Гуаньцзы : исследование и перевод. М. : Наука, 1959. 380 с.
3. История Китая с древнейших времен до начала XXI века / отв. ред. Л.С. Переломов. М. : Наука, 2016. Т. 2: Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.). 712 с.
4. История Китая с древнейших времен до начала XXI века / отв. ред. А.П. Деревянко. М. : Вост. лит., 2016. Т. 1. 974 с.
5. Шан цзюнь шу (Книга правителя области Шан) / пер. и коммент. Л.С. Переломова. М. : Ладомир, 1993. 392 с.
6. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / пер. Р.В. Вяткина, В.С. Таскина. М. : Вост. лит., 2003. Т. II. 567 с.
7. Kern M. The Stele Inscriptions of Ch'in Shih-huang: Text and Ritual in Early Chinese Imperial Representation. New Haven : American Oriental Society, 2000. 221 p. (American Oriental Series, vol. 85).
8. Puett M.J. To Become a God: Cosmology, Sacrifice, and Self-Divinization in Early China. Cambridge : Harvard University Asia Center, 2002. 358 p.
9. Рубин В. А. Личность и власть в Древнем Китае : собр. тр. М. : Вост. лит., 1999. 384 с.
10. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский; отв. ред. И.Ф. Попова, М.Е. Кравцова. М. : Вост. лит., 2014. Т. III: Троецарствие, Южные и Северные династии, Суй и Тан (220–907). 991 с.
11. Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье / пер. с кит. А.А. Бокшанина, Лин Кюньи. М. : Наука, 1980. 256 с.
12. Xiong V.C. Emperor Yang of the Sui dynasty: his life, times and legacy. Albany : State University of New York Press, 2006. 357 p.
13. Цзы чжи тун цзянь (Помогающее в управлении всепронизывающее зеркало). Сыма Гуан и другие (дин. Северная Сун). Пекин : Кит. книгоизд-во, 1956. URL: <http://www.guoxue.com/shibu/zztj/zjtjml.htm> (дата обращения: 18.08.2017)
14. Wright A. Sui Dynasty // Cambridge History of China edited by Denis Twitchett. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. Vol. 3: Sui and Tang China, 589–960.
15. Yang C.K. Religion in Chinese Society. Berkeley : University of California Press, 1970. 473 p.
16. История Китая с древнейших времен до наших дней / под ред. Л.В. Симоновской. М. : Наука, 1974. 537 с.
17. Конрад Н.И. Запад и Восток. М. : Наука, 1972. 496 с.
18. Фан Литянь. Вэй Цзинь. Наньбэйчао фозяо луньцун (Исследование буддизма периода Вэй, Цзинь, Южных и Северных царств). Пекин, 1982.
19. Хуэй Сы. Дачэн чжигуань фа мэнь (Учение Махаяны о чжигуань) // Да Мин сань цзан шэнь цзяо, Хань 578.
20. Жэнь Цзюй. Хань-Тан фозяо сысян лунь цзи. (Сборник статей по истории китайского буддизма, начиная с эпохи Хань до эпохи Тан). Пекин, 1961.
21. Чжи Пань. Фозу тун цзи (Общие хроники буддийских патриархов) // Тайсё синсю дайзюкё. Токио, 1924–1932. Т. 49. № 2035 (Цит. по: Xiong V.C. Emperor Yang of the Sui dynasty: his life, times and legacy. State University of New York Press, 2006. 357 p.)
22. Чебунин А.В. История проникновения и становления буддизма в Китае. Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2009. 278 с.
23. Лань Цзифу. Суйдайфозяо ши шулунь (Об истории буддизма в период Суй). Тайбэй, 1993.
24. Ono Katsutoshi. Chugoku Zui-To Chōanjin shiryō shusei (Исторические материалы храмов города Чанань Суйско-Танского периода). Shiryō ben and Kaisetsu ben Разделы историография и толкования. Kyoto : Hozokan, 1989.
25. Wright A. The Formation of Sui Ideology. In Chinese Thought and Institutions, edited by John King Fairbank, 71–104. Chicago : The University of Chicago Press, 1957.
26. Ch'en, Kenneth K. S. Buddhism in China: a Historical Survey. Princeton : Princeton University Press, 1964. 560 p.
27. Xiong V.C. Sui-Tang Chang-an (583–904): a Study in the Urban History of Medieval China. Ann Arbor : Center for Chinese Studies, University of Michigan, 2000. 416 p.
28. Hurvitz L. Chih-i (538–597): an Introduction to the Life and Ideas of a Chinese Buddhist Monk // Melanges chinois at bouddhiques. Bruxelles : Imprimerie Sainte-Catherine, S.A, 1960–1962. Vol. 12.
29. Soothill W.E., Lewis H. A Dictionary of Chinese Buddhist Terms. London : Kegan Paul, Trench, Trubner, 1937. 510 p.
30. Janousch A. The Emperor as Bodhisattva: the Bodhisattva Ordination and Ritual Assemblies of Emperor Wu of the Liang Dynasty // State and Court Ritual in China / ed. by J. McDermott. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 112–149.
31. Го цин бай лу (Сто писем от монастыря Гоцин). Гуаньдин (дин. Суй) // Тайсё синсю дайзюкё. Т. 46, № 1934. (Цит. по: Xiong V.C. Emperor Yang of the Sui dynasty: his life, times and legacy. State University of New York Press, 2006. 357 p.)
32. Yamazaki Hiroshi. Shina chūsei bukkyō no tenkai Буддизм в Китае в средние века. Tokyo : Seisui shoten, 1942.
33. Хуэй-цзяо. Гао сэн чжуань (Жизнеописание достойных монахов) : в 3 т. / пер. с кит., вступ. ст., коммент. и указ. М.Е. Ермакова. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2005. Т. II, разд. 2: Толкователи. 240 с. (Памятники культуры Востока, XVIII).

Leonid E. Yangutov, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: yanguta@mail.ru

Tatiana F. Markhanova, Best Plus company (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: tatiya6a@mail.ru

LEGISM AND BUDDHISM IN THE HISTORY OF THE QIN AND SUI DYNASTIES'S FORMATION

Keywords: legism, Buddhism, state administration, economic activity, administrative measures, the empire, the power, the religion, the reforms, the internecine wars.

The article is devoted to the place and role of legism and Buddhism in the formation of the Qin (221–206 BC) and Sui (581–618 AD) dynasties, which united China, after a long period of fragmentation and internecine wars, thus initiating the economic and political rise of the state. At the same time, each of the dynasties relied on its ideological priorities, corresponding to their era's activities. The Qin Dynasty was guided by the ideology of legism, the Sui dynasty by the ideology of Buddhism.

The purpose of this article is to show the place and role of legism and Buddhism in the policy of the Qin and Sui's rulers, aimed at uniting the country and creating a centralized state administration. The realization of this goal implies the solution of the following tasks: to describe the historical situation in China, preceding the empires of Qin and Sui; to show the activity of the rulers of the two empires in uniting the country; to disclose the content of the ideas of legism and Buddhism, consonant with the political aspirations of these rulers and the using of these ideas in the practical activities of the emperors Qin and Sui; give a comparative description of the two empires.

The methodological basis for writing the article was the general scientific and special methods of historical science: the principle of historicism, objectivity, systemic nature, as well as historical-comparative and historical-genetic methods.

The source of the article was composed of Chinese medieval texts: 大乘止观法门 (Dacheng zhiguan fa men, Teachings of Mahayana about zhiguan); 志磐. 佛祖统记 (Zhi Pan., Fo zu Tung chi, Zhi Pan., General Chronicles of Buddhist Patriarchs); 觀頂. 國清百錄 (Guandin, Guoqing bai Lu, One hundred letters from the monastery of Goqin); 魏徵. 隋書 (Wei Zheng, Sui Shu, Book of Sui); Materials on the economic history of China in the early Middle Ages. Trans. with a chinese. A.A. Bokshchanin. Moscow, 1980. The article also have used modern research in Chinese, English and Russian.

The main conclusions of the study. Legists, on whose teachings relied the policy of the Qin empire, advanced the leading concept of state construction, really assessing the political and economic realities of Chou China. Ideas of legists were fully implemented in practice by the Qin empire, which put an end to the two-hundred-year-old fragmentation of the country. Having adopted the legist experience of state building, the rulers of the Sui chose Buddhism as the main ideological priority. Putting Buddhism to the forefront was a strategic step, calculated on it as an ideological means of substantiating the Sui politics for the creation of a centralized state. The reforms of Qin and Sui laid a solid economic and political foundation for the emergence and flourishing of the two great empires Han (202 BC – 220) and Tang (618 – 907).

REFERENCES

1. Perelomov, L.S. (1981) *Konfutsianstvo i legizm v politicheskoy istorii Kitaya* [Confucianism and Legism in the Political History of China]. Moscow: Nauka.
2. Stein, V.M. (1959) *Guan'tszy: issledovanie i perevod* [Guanzi: research and translation]. Moscow: Nauka.
3. Perelomov, L.S. (ed.) (2016) *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka* [The history of China from ancient times to the beginning of the 21st century]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
4. Derevyanko, A.P. (ed.) (2016a) *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka* [The history of China from ancient times to the beginning of the 21st century]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura.
5. Anon. (1993) *Shan tsyun' shu (Kniga pravatelya oblasti Shan)* [Shang Jun Shu (Book of the Ruler of the Shang Region)]. Translated by L.S. Perelomov. Moscow: Ladimir.
6. Sima Qian. (2003a) *Istoricheskie zapiski (Shi tsi)* [Historical Notes (Shi Ji)]. Vol. 2. Translated from Chinese by R.V. Vyatkin, V.S. Taskin. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Kem, M. (2000) *The Stele Inscriptions of Ch'in Shih-huang: Text and Ritual in Early Chinese Imperial Representation*. New Haven: American Oriental Societ.
8. Puett, M.J. (2002) *To Become a God: Cosmology, Sacrifice, and Self-Divinization in Early China*. Cambridge: Harvard University Asia Center.
9. Rubin, V.A. (1999) *Lichnost' i vlast' v Drevnem Kitae* [Personality and power in Ancient China]. Moscow: Vostochnaya literatura.
10. Popova, I.F. & Kravtsova, M.E. (eds) (2014) *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka* [The history of China from ancient times to the beginning of the 21st century]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura.
11. Vyatkin, R.V. (ed.) (1980) *Materialy po ekonomicheskoy istorii Kitaya v rannee srednevekov'e* [Materials on the economic history of China in the early Middle Ages]. Translated from Chinese by A.A. Bokshchanin, Lin Kyunyi. Moscow: Nauka.
12. Cunrui Xiong, V. (2006) *Emperor Yang of the Sui dynasty: his life, times and legacy*. Albany: State University of New York Press.
13. Sima Guang et al. (n.d.) *Tszy chzhi tun tszyan' (Pomogayushchee v upravlenii vsepronizyvayushchee zertsalo)* [Tzu ji tun jian (All-pervading mirror helping in control)]. Beijing: Kitayskoe knigoizdatel'stvo. [Online] Available from: <http://www.guoxue.com/shibu/zxtj/zxtjml.htm> (Accessed: 18th August 2017)
14. Wright, A. (1979) Sui Dynasty. In: Twitchett, D. (ed.) *Cambridge History of China*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 48–149.
15. Yang, C.K. (1970) *Religion in Chinese Society*. Berkeley: University of California Press.
16. Simonovskaya, L.V. (ed.) (1974) *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The history of China from ancient times to the present day]. Moscow: Nauka.
17. Konrad, N.I. (1972) *Zapad i Vostok* [West and East]. Moscow: Nauka.
18. Fan Litian. (1982) *Vey Tszin'. Nan'beychao fotszyao lun'tsun (Issledovanie buddizma perioda Vey, Tszin', Yuzhnykh i Severnykh tsarstv)* [Wei Jin. Nanbeichao fojiao longsun (Study of Buddhism of the period of Wei, Jin, Southern and Northern kingdoms)]. Beijing: [s.n.].
19. Hui Si. (n.d.) Dachen chzhiguan' fa men'. In: *Da Min san' tszan shen' tszyao*. [s.l., s.n.].
20. Ren Jiyu. (1961) *Khan'-Tan fotszyao sysyan lun' tsi. (Sbornik statey po istorii kitayskogo buddizma, nachinaya s epokhi Khan' do epokhi Tan)* [Han Tang Fojiang Lun Ji. (A collection of articles on the history of Chinese Buddhism, from the Han era to the Tang era)]. Beijing: [s.n.].
21. Ji Pan. (1924–1932) *Fotszu tun tsi (Obshchie khroniki buddiyskikh patriarkhov)* [Fozu tun ji (General chronicles of Buddhist patriarchs)]. *Taysē sinsyu daydzokē*. 49(2035).
22. Chebunin, A.V. (2009) *Istoriya proniknoveniya i stanovleniya buddizma v Kitae* [The history of the penetration and formation of Buddhism in China]. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture.
23. Lan Jifu. (1987) *Suydayfotszyao shi shulun' (Ob istorii buddizma v period Suy)* [On the history of Buddhism in the Sui period]. Taipei: [s.n.]. pp. 88–90.
24. Ono Katsutoshi. (1989) *Chugoku Zui-To Chojanjin shiryō shusei* [Historical materials of the temples of the city of Changan, Suiko-Tang period]. Kyoto: Hozokan.
25. Wright, A. (1957) The Formation of Sui Ideology. In: Fairbank, J.K. (ed.) *Chinese Thought and Institutions*. Chicago: The University of Chicago Press. pp. 71–104.
26. Ch-en, K. (1964) *Buddhism in China: A Historical Survey*. Princeton: Princeton University Press.
27. Xiong Cunrui, V. (2000) *Sui-Tang Chang-an (583-904): A Study in the Urban History of Medieval China*. Ann Arbor: Center for Chinese Studies, University of Michigan.
28. Hurvitz, L. (1960–1962) *Chih-i (538-597): An Introduction to the Life and Ideas of a Chinese Buddhist Monk. Melanges chinois at bouddhiques*. Vol. 12. Bruxelles: Imprimerie Sainte-Catherine, S.A.
29. Soothill, W.E. & Lewis, H. (1937) *A Dictionary of Chinese Buddhist Terms*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner.
30. Janousch, A. (1999) The Emperor as Bodhisattva: The Bodhisattva Ordination and Ritual Assemblies of Emperor Wu of the Liang Dynasty. In: McDermott, J. (ed.) *State and Court Ritual in China*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 112–149.
31. Anon. (n.d.) Go tsin bay lu [One Hundred Letters from Guoqing Monastery]. *Guan'din (din. Suy)*. *Taysē sinsyu daydzokē*. 46(1934).
32. Yamazaki Hiroshi. (1942) *Shina chūsei bukkyō no tenkai* [Buddhism in China in the Middle Ages]. Tokyo: Seisui shoten.
33. Hui-jiao. (2005) *Gao sen chzhuan'* [Biographies of Worthy Monks]. Vol. 2. Translated from Chinese by M.E. Ermakov. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94(571)+528.9+912(571)+930.2
DOI: 10.17223/19988613/65/14

В.И. Баяндин, О.Н. Катионов

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ВОЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ НА КАРТАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (XVIII – НАЧАЛО XX в.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках проекта № 19-49-540002 п а «Электронный архив рукописных и печатных карт Сибири и Дальнего Востока с конца XVII в. по 1941 г.» (2019–2020 гг.).

Представлен обзор дореволюционных военных карт Сибири и Дальнего Востока, хранящихся в архивах, библиотеках и музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Омска, Иркутска, Красноярска, Читы и других городов. Авторы предлагают типологию военных карт и дают их краткую характеристику. Анализируются материалы выявленных атласов / альбомов, в которых содержатся карты с изображением различных военных сооружений. Рассматривается новая категория картографических материалов – «карты для народа», появившиеся в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. Отмечена эволюция военных карт Сибири с XVIII и до начала XX в.

Ключевые слова: военные карты; Сибирь и Дальний Восток; Крымская война; Русско-японская война.

Известный российский историк, крупный специалист в вопросах дореволюционной военной истории России, профессор Л.Г. Бескровный отмечал значение карт как важного источника по военной истории Отечества [1. С. 223]. У военных специалистов карты имеют свою классификацию, с которой можно познакомиться в справочных изданиях дореволюционного периода [2. С. 428–429]. Но существующая классификация карт в военном сообществе далеко не всегда удовлетворяет профессиональных историков, занимающихся изучением картографических материалов. Так, уже упомянутый ранее профессор Л.Г. Бескровный предпочитал иную классификацию карт.

Некоторые отечественные исследователи предлагают более детальную классификацию дореволюционных военных карт: карты войн и военных кампаний; карты отдельных сражений; карты с маршрутами походов военных сил (армий, отдельных отрядов, военно-морских сил); карты военных округов; карты военных объектов, сооружений, размещения военных сил и структур военного ведомства и пр. Карты перечисленных категорий имеют свои отличительные особенности и содержат разный исторический материал. В некоторых случаях на военных картах совершенно отсутствует легенда, что снижает ценность подобных картографических материалов.

В архивах, а также в крупных библиотеках и музеях имеющиеся карты, как правило, хранятся в отдельных собраниях / коллекциях, и это обстоятельство имеет свои положительные и отрицательные стороны. Положительным является то, что карты, собранные в одном отдельном фонде, позволяют исследователям

достаточно быстро находить необходимые картографические материалы. Отрицательным моментом хранения карт в отдельном фонде является первоначальное нахождение значительного количества карт в различных отчетах, обзорах, рапортах, донесениях, и поэтому поясняющий текстовый материал хранится отдельно, в другом фонде или архивном деле, при этом соответствующей отсылки к хранящемуся отдельно документу на карте не имеется. Зачастую и легенда у такой карты либо совсем отсутствует, либо настолько лаконична, что у исследователя возникает много новых вопросов.

Наиболее крупными коллекциями / собраниями карт дореволюционной Сибири и Дальнего Востока располагают центральные архивохранилища России: РГИА, РГВИА, РГА ДВ, РГА ВМФ, ГАРФ. Кроме того, в Москве картографические собрания имеют РГБ, Историческая библиотека, Исторический музей, а в Санкт-Петербурге – РНБ, БАН.

Все областные и краевые архивохранилища Сибири и Дальнего Востока также имеют свои коллекции карт, но дореволюционные военные карты если и имеются в них, то в очень незначительном количестве. К тому же подробные описания картографических материалов найти практически невозможно, что, несомненно, затрудняет работу исследователям этих материалов.

В конце XVIII в. была проведена значительная работа по составлению карт сибирских городов. И хотя значение целого ряда сибирских городов как военно-опорных пунктов было уже ими утрачено, но различные военные сооружения еще не были ликвидированы и поэтому обозначались на картах (рис. 1). В качестве

примера можно назвать некоторые карты: «План Иркутской губернии. города Верхнеудинска» 1799 г. (обозначены: земляной вал и ров с профилями, острог, караульня) [3. Л. 1]; «План Иркутской губернии. города Нерчинска» 1798 г. (обозначены: деревянная с шестью башнями крепость, земляные батареи, артиллерийский пушечный сарай) [4. Л. 1]; «План Иркутской губернии.

уездному городу Гижитску» 1798 г. (обозначены: казармы, пороховой погреб) [5. Л. 1]; «План Иркутской губернии. Нижнеудинского города» 1898 г. (обозначены: острог, караульня, ров вокруг города) [6. Л. 1]; «План Иркутской губернии города Баргузина» 1799 г. (обозначены: крепость, обнесенная палисадом с двумя башнями, пушечный сарай) [7. Л. 1].

Рис. 1. Карта Кузнецкой линии. 1776 г. РНБ. Отд. рукоп. Ф. 342. Д. 990. Л. 24.

Картографические работы в регионе продолжались и в XIX в., были составлены карты с обозначением военных сооружений на территории Восточной и Западной Сибири:

– «Карта Иркутского и Верхнеудинского уездов...». Составлена в 1806 г. (обозначены: крепости, форпосты, караулы, редуты) [8. Л. 1];

– «Карта Нерчинского округа». 1806 г. (обозначены: крепости, форпосты, караулы, редуты, граница с Китаем) [9. Л. 1];

– «Карта Бийского уезда. Управительства Колыванского» 1811 г. (обозначены: крепости, форпосты, редуты) [10. Л. 1.];

– «Карта Каинского уезда. Убинского комиссарства» начала XIX в. (обозначена Сибирская укрепленная линия от крепости Пресногорьковской до границы с Китаем) [11. Л. 1].

Иногда исследователям картографических материалов удастся найти карты с оставленными на них пометами «высоких лиц империи». Так, в рукописном отделе РНБ имеется карта, озаглавленная «План Томской губернии, заштатного города Усть-Каменогорска», составленная в 1823 г. На карте изображена крепость и обозначены некоторые сооружения, находящиеся на ее территории. На листе названной карты помещена примечательная надпись: «Государь император рассмат-

ривать изволил в Петергофе 8-го июня 1845 года» [12. Л. 1].

Все перечисленные карты рукописные, многоцветные, снабжены краткой легендой, именуемой экспликацией. Как правило, указаны составители карт или фамилии тех, кто их копировал. В большинстве случаев это гражданские лица, служившие в гражданских ведомствах.

На протяжении длительного времени Сибирь оставалась территорией, куда из европейской части страны высылались уголовные и политические преступники. Абсолютное большинство ссылаемых в Сибирь доставлялось в места своего назначения пешеходным порядком, из-за чего время в пути измерялось месяцами; за день такая партия, в которую входили не только ссыльные, но и члены их семей, обычно проходила 25–35 верст. Лиц, ссылаемых в Сибирь, сопровождали и «окарауливали» особые этапные или конвойные воинские команды. Эти команды имели двойное подчинение: Военному министерству и Министерству внутренних дел. В сибирских архивах исследователям нередко встречаются карты с обозначением населенных пунктов, где располагались этапные помещения, с указанием расстояния между этими этапами. В качестве примера можно привести хранящуюся в фондах ГАИО карту «*Расписание сибирских этапов от западной границы Тобольской губернии до Иркутска для препровождения ссыльных ...*» [13. Л. 285]. Примечательно, что в этом же деле хранится карта этапов европейской части России.

В некоторых картографических собраниях можно обнаружить альбомы исторических карт, имеющих прямое отношение к Сибири. Так, в фондах РГИА хранится альбом «*Сибирь. Карты, показывающие постепенное распространение Российских владений в Северной Азии, называемой Сибирью, последующее разделение ее на провинции, области и прочее в период объемлющий три столетия (с 1533 по 1843 год)*». Атлас содержит 14 историко-географических карт [14]. Карты рукописные, многоцветные. Каждый лист посвящен определенному историческому периоду сибирской истории. Среди представленных в атласе карт имеются листы, которые с полным основанием можно отнести к военным картам. Так, второй лист атласа называется «*Карта Турана древнего царства Сибирского во время владычества хана Кучума с 1558 по 1586 год с показанием путей завоевания Атамана донских казаков Ермака Тимофеевича*» [Там же. Л. 2]. На карте показаны путь казачьей дружины Ермака в Сибирь, путь атамана Брызги, обратный путь в Россию стрелецкого головы Глухова и воеводы Мансурова, а также места сражений казачьей дружины атамана Ермака. Названный альбом карт был составлен в середине XIX в.

При дальнейших поисках, уже в другом фонде этого же архива, удалось обнаружить материалы, раскрывающие историю создания этих карт и имя составителя. Как свидетельствуют найденные документы, названный атлас подготовлен по распоряжению М.М. Сперанского. Карты были составлены действительным статским советником А.П. Величко. Планировалось издать этот атлас тиражом более ста экземпляров для

раздачи членам Государственного Совета. Расходы казны для издания этого атласа были определены в сумму 5 тыс. руб. серебром. Однако в связи с большой стоимостью такого издания решено было отказаться от затратного проекта [15. Л. 11 об.]. В ходе дальнейшего обследования картографических собраний в северной столице удалось обнаружить еще один экземпляр атласа, хранящийся в Эрмитажном собрании РНБ [16].

Следует упомянуть о другом альбоме карт Сибири, который хранится в рукописном отделе БАН РФ. Это «*Атлас Тобольской губернии, состоящий из одной генеральной карты и девяти городских планов с описанием на оных древних происшествий и с приложением планов остатков Кучумова столичного укрепления и разных крепостных древних... до покорения Сибири состоящих развалин и местоположению где Ермак утонул схоронен и где им учинена в реку Иртыш перекон*» [17]. Столь длинное название этого атласа, составленного в 1806 г. тобольским губернским землемером 8-го класса Филимоновым, вполне характерно для периода XVIII – начала XIX в. Он состоит из десяти многоцветных карт и одного рисунка-схемы, на которых изображены сохранившиеся до того времени военные укрепления бывшего Сибирского ханства. Так, второй лист называется «*План остатков бывшего ханского города Сибири, который был взят Ермаком Тимофеевичем у хана Кучума в 1581 году октября 26 дня*», а седьмой лист – «*План древнего укрепления, состоящего на Чувашском мысу разстояние от фарштадских строений города Тобольска в 700 сажений вокруг которого курган*» [17. Л. 3]. Представленные изображения дают исследователям возможность понять, что именно сохранилось и как это выглядело в начале XIX в. Еще один почти такой же альбом карт хранится в фондах РГВИА, но с иным названием: «*Описание и планы остаткам бывшего Ханского города Сибири и прочим Татарским и Идолопоклонческим древним укреплениям поблизости города Сибири состоящих завоеванных Ермаком Тимофеевичем с товарищами где он утонул и схоронен был и где им учинена в реку Иртыш перекон*» [18]. Подписан он губернским землемером 8-го класса Филимоновым тем же 1806 г.

По нашему мнению, некоторые из пограничных карт с полным основанием можно отнести к одной из названных ранее категорий военных карт. Например, в рукописном отделе РНБ имеется «*Пограничная карта Сибири от Троицкой крепости через Омск, Семипалатинск до Красноярского уезда*» [19. Л. 1], время создания которой – вторая половина XVIII в. На карте кроме государственной границы обозначены территория пограничной полосы, сибирские укрепленные линии, крепости, редуты.

В отделе рукописей БАН хранится «*Карта Сибири, составленная под смотрением его превосходительства господина генерал-майора Иркутского губернатора Карла Львовича фон Фрауендорфа*» (рис. 2) [20. Л. 1]. Так как К.Л. Фрауендорф до своего назначения губернатором командовал Иртышской линией, то на карте подробно представлены военные сооружения: крепости, форпосты, редуты, караулы и пр., в том числе и в Восточной Сибири [21. С. 48, 51, 70, 71, 73].

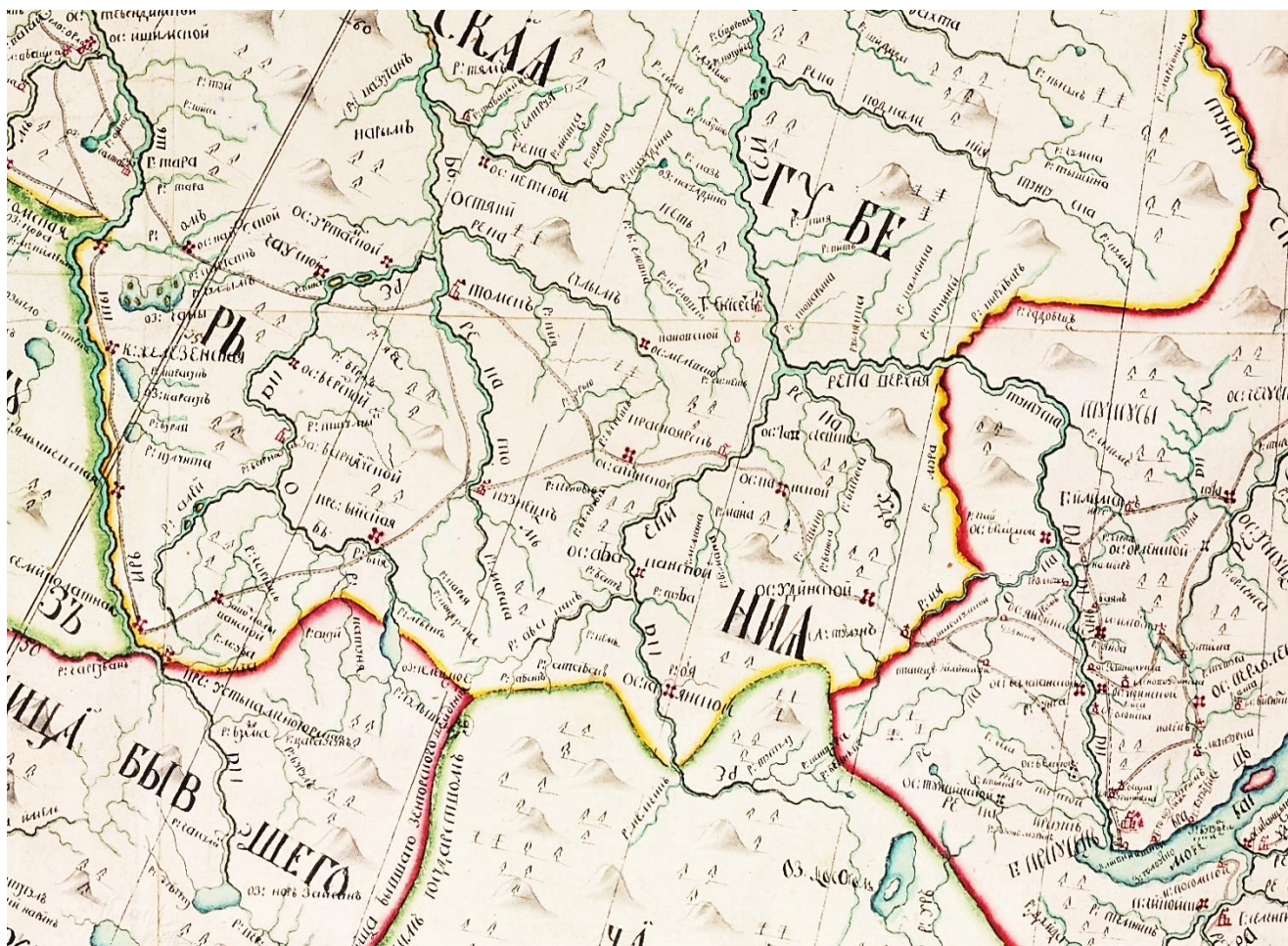

Рис. 2. Фрагмент карты Сибири, составленной под смотрением К.Л. фон Фраундорфа.
ОР БАН. Ф. Собр. рук. карт. № 326

В Центре хранения архивных фондов Алтайского края имеется несколько рукописных карт начала XIX в. с обозначением на них военных сооружений (редутов) пограничной линии: «Карта местоположению Енисейской волости редута Семеновского описанной и сочиненной в 1816 году», «Карта местоположению Енисейской волости редута Бехтармирского описанной и составленной в 1816 году», «Карта местоположению Бийской волости крепости Катунской описанной и сочиненной в 1816 году» и др. [22. С. 293–313].

На некоторых сибирских картах первой половины XIX в. стали постепенно исчезать изображения оборонительных сооружений, так как существенно изменился военно-стратегический рельеф азиатских владений Российской империи. Изменилось военное значение ряда городов и бывших острогов, оказавшихся в глубине российских владений, при этом происходит сокращение военных гарнизонов в этих городах, а существующие оборонительные сооружения теряют свое предназначение и либо разрушаются сами по себе, либо их уничтожают за ненадобностью в связи с расширением территории города или поселения.

Если на пограничной карте показаны военные объекты или отмечено расположение военных сил, в таком случае ее следует отнести к категории воен-

ных карт. В государственном архиве Свердловской области хранится многоцветная «Ландкарта Томского и Кузнецкого уездов Оби реки и впадающих рек и около оных жилья, от Бийского острогу до устья реки Томи вверх до Кузнецка и ведомств Колывано-Воскресенского заводу деревням» [23]. На ней кроме простых населенных пунктов также обозначены остроги и крепости.

Если какие-либо военные сооружения XVIII или XIX в. сохранились и в начале XX столетия, то на планах сибирских городов они обозначались. Такие карты встречаются достаточно редко, в качестве примера можно назвать хранящуюся в фондах ГАНО карту «План города Омска с окрестностями», составленную в 1917 г. [24. Л. 1]. Названная карта имеет врезку «Генеральный план Омской крепости с показанием казенного гражданского строения и фортификации», датированную 1803 г. На врезке карты дано перечисление разных сооружений, которые были расположены на территории крепости: бастионы и полубастионы, острог, казармы, пороховой погреб, артиллерийский штаб, «генералитетский» дом, гауптвахта, собор и лютеранская церковь, кордегардия, лазарет. Всего на плане крепости показано более 40 различных объектов.

В некоторых случаях ни в названиях карт, ни в их кратких описаниях нет указания на то, что карта мо-

жет быть с полным основанием отнесена к военным картам. В качестве примера можно привести печатную многоцветную *«Карту Забайкальской области»* [25. Л. 3], изданную в конце XIX в. в Санкт-Петербурге. На ней кроме обозначения пограничной линии указаны форпосты в Селенге, Борзе, Нагадане, Тайдуге и др.

При значительном количественном преобладании карт Сибири и Дальнего Востока, находящихся в центральных архивах европейской части страны, в сравнении с тем, что хранится в региональных архивохранилищах, имеется, по нашему мнению, следующее исключение.

В архивах Сибири и Дальнего Востока значительно больше, чем в центре, карт, планов, выкопировок из планов, связанных с территориями, занимаемыми казачьими войсками. Во второй половине XIX в. в азиатской части Российской империи располагалось несколько казачьих войск: в Западной Сибири – Сибирское казачье войско, в Восточной Сибири – Забайкальское казачье войско, на Дальнем Востоке – Амурское и Уссурийское казачьи войска [26]. В этой статье мы не рассматриваем Семиреченское казачье войско, которое также располагалось в азиатской части России.

Исследователи находят карты казачьих войск практически во всех областных и краевых архивах Сибири и Дальнего Востока. Столь значительный массив таких карт объясняется, по нашему мнению, прежде всего тем, что территория, занимаемая казачьим населением в XVIII – начале XX в., имела тенденцию к расширению, а это, несомненно, требовало внесения дополнений и уточнений в ранее составленные карты войсковых земельных наделов. А так как такие карты пребывали в систематическом использовании местными сибирскими властями разного уровня, то они и должны были постоянно находиться «под рукой».

Из большого массива подобных карт в качестве иллюстрации можно упомянуть *«Карту земель территорий Сибирского казачьего войска»*, составленную в 1900 г. и хранящуюся в ГАО [27. Л. 1]. На многоцветной карте обозначены государственная граница, казачьи станицы и расположение пикетов.

Весьма интересной, на наш взгляд, является *«Карта Приморской области Южно-Уссурийского края шести полицейских станций и двух казачьих станичных округов, на землях которых поселились корейцы – корейские подданные»* [28. Л. 1]. На первый взгляд, эта карта, составленная в 1908 г., ни по названию, ни по содержанию не может быть отнесена к российским военным картам. И тем не менее она связана с интересами военного ведомства России. С 1909 г. мужское население, проживавшее на территории Дальнего Востока, где располагался Приамурский военный округ, было обязано исполнять воинскую повинность, от которой прежде, по Манифесту 1874 г., оно было освобождено. Кроме русского населения Дальнего Востока на военную службу стали призывать корейцев, уже принявших русское подданство. Поэтому на упомянутой карте были обозначены населенные пункты, в которых проживали корейцы, принявшие русское подданство, и корейцы, не принявшие русское подданство. На карте также было показано число фанз и ко-

личество душ обоого пола, проживавших в перечисленных селениях. Следует отметить, что в ежегодных отчетах Военного министерства начиная с 1909 г. будут фиксироваться десятки корейцев, призванных на военную службу из Амурской и Приморской областей [29. С. 27].

В музейных экспозициях можно увидеть различные карты территорий регионов, которые содержат интересную информацию, имеющую прямое отношение к объектам военного ведомства, хотя названия карт совершенно не говорят об этом. Такие карты могут быть рукописными или печатными с рукописными пометами и исправлениями. Например, в Иркутском областном краеведческом музее хранится *«Генеральная карта Западной Сибири и Киргизской степи»*, составленная в 1880 г. На карте среди прочего отмечены: форпосты, посты, редуты, пикеты, пограничные станы [30. Л. 1].

В связи с определением и укреплением границы с Китаем во второй половине XIX в. стали составляться военные карты этих территорий. Так, в рукописном отделе БАН хранятся три карты, относящиеся к концу XIX в.: *«Карта Чекуринской бригады Отдельного корпуса пограничной стражи»*, *«Карта Южно-Уссурийской бригады Отдельного корпуса пограничной стражи»* и *«Карта Тихоокеанской бригады Отдельного корпуса пограничной стражи»* [31. Л. 1–3]. Эти военные карты, как и многие другие, являлись секретными в силу имевшейся на них информации. На картах показаны места расположения как обыкновенных, так и офицерских пограничных постов. Пограничные посты были обозначены на границе с Китаем, на трактах, на линии уже построенной Уссурийской железной дороги, а также на побережье Тихого океана. Указаны места, где были развернуты воинские лазареты, а также местонахождение штабов названных бригад во Владивостоке, Николаеве, Хабаровске. Карты многоцветные, их сохранность очень хорошая.

Иногда возникали ситуации, когда в связи с политическими событиями в соседних странах приходилось увеличивать численность войск, размещенных в азиатских военных округах. Так, в связи с восстанием в Китае в 1900 г. пришлось провести частичную мобилизацию запасных солдат в Сибирском военном округе и направить призванных в воинские части, расположенные на русском Дальнем Востоке. В РГВИА в фонде Сибирского военного округа хранится *«Карта Сибири и Дальнего Востока с обозначением числа призванных из запаса нижних чинов в Сибирском военном округе и распределения их в Приамурском военном округе»*. Карта составлена в 1900 г., на ней перечислены крупные города Западной и Восточной Сибири с указанием количества нижних чинов, призванных из этих городов, в количестве 14 515 человек. Также отмечены города Дальнего Востока, в которые были направлены эти запасные нижние чины с указанием их распределения по городам [32. Л. 2]. На карте имеется следующая помета: «Доложено Его Величеству 17 июня 1900 года», – и подпись генерала-лейтенанта А.Н. Куропаткина, который тогда занимал должность военного министра.

В XIX в. на территории Сибири и Дальнего Востока военных действий почти не велось, но были и ис-

ключения из этого общего правила. И относится это к неудачной для России Крымской войне. Как известно, против России выступила коалиция европейских государств, и фактически военные действия пришлось вести по всему периметру границ. На юге это Крымский полуостров, где происходили основные военные события, на западе – морские столкновения в Балтийском море, на севере – оборона Соловецкого монастыря, а на востоке – известные сражения у Петропавловска-Камчатского и в Татарском проливе.

С событиями, происходившими в морях Тихого океана у берегов России, связана карта, хранящаяся в фондах РНБ и озаглавленная *«Карта сражений в Петропавловском порте с 18 по 25 августа 1854 года»* [33. Л. 1]. Карта была составлена по горячим следам участниками обороны этого российского порта и проливает свет на сражение между защитниками Петропавловска-Камчатского и объединенной англо-французской военной эскадры. Кроме плана порта и его ближайших окрестностей, как сухопутных, так и морских, на карте обозначены места расположения русских батарей и редутов с указанием численности воинских команд, в них размещенных. Обозначены места стоянки русских кораблей «Аврора» и «Диана» в губе Петропавловска, принявших активное участие в защите российских рубежей. Перечислены военные корабли англо-французской эскадры с указанием их вооружения (количество пушек на кораблях). Отражена эволюция перемещения кораблей противника за время сражения с 18 по 24 августа. Указаны места высадки десанта противника и численность этого десанта. Точные сведения о численности англо-французского десанта объясняются следующим текстом, который помещен на этой карте: «Неприятельскому десанту по списку, найденному у убитого французского офицера, 676 человек. Подкрепления 3 шлюпки с “Эвредики” и фрегата “Пайс” до 250 человек, итого 926 чел.» [Там же]. После отступления англо-французской эскадры эта карта и донесение о ходе сражения были отправлены в Петербург и представлены императору Николаю I.

Л.Г. Бескровный в своей монографии не рассматривал вопрос об эволюции военных карт во второй половине XIX – начале XX в. На наш взгляд, этот вопрос имеет важное значение для определения роли военных карт в жизни российского общества. Исходя из опыта работы с рукописными и печатными картами Сибири и Дальнего Востока, можно с уверенностью говорить, что к началу XX в. российские военные карты значительно расширяют аудиторию своих читателей. Это четко просматривается в сибирском, и прежде всего городском, сообществе, в годы русско-японской войны. Здесь совпало несколько факторов: во-первых, военные действия разворачивались в непосредственной близости от территории региона, во-вторых, в составе Маньчжурских армий было большое количество сибирских воинских частей из Приамурского и Сибирского военных округов, игравших ключевую роль в военных действиях. И в-третьих, на рубеже XIX–XX вв. в Сибири значительно выросла грамотность населения, хотя и в меньшей мере, чем по стране в целом.

Откликаясь на запросы разных слоев российского общества, в ряде городов Российской империи в 1904 г. приступили к массовому тиражированию географических карт театра военных действий на Дальнем Востоке. Это были карты, предназначенные для рядового обывателя, который хотел знать, где находится загадочная Япония, у которой хватило смелости или наглости напасть на огромную Россию, и как скоро российские армия и флот дадут достойный отпор агрессивному соседу. Вскоре в продаже появились «народные карты», т.е. предназначенные для неискушенного, неподготовленного зрителя / читателя. На этих картах обязательно были представлены русский Дальний Восток и Восточная Сибирь.

В картографическом отделе Российской национальной библиотеки имеется обширная коллекция таких карт со схожими названиями:

– «Военная карта Дальнего Востока, Манчжурии, Японии, Кореи, Китая» издавалась в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Казани, Вильно, Одессе [34];

– «Карта военных действий на Дальнем Востоке» издавалась в Москве, Харькове, Одессе, Омске [35].

Как правило, эти карты печатались в три-четыре цвета, практически всегда сопровождалась рекламными объявлениями; на полях карты имелись иллюстрации: изображения главнокомандующего русской армии А.Н. Куропаткина, японского императора, рисунки (силуэты) российских и японских военных кораблей. Указывалось расстояние между крупными морскими портами и время, которое придется потратить на переезд из одного порта в другой. Как правило, такие карты имели надпись: «Дозволено цензурой». Разновидностью военных карт для народа является *«Карманная карта войны России с Японией»*. Это складывающаяся карта, которую удобно носить с собой, так как она занимала мало места [36. Л. 1].

Составителями карт для народа были самые разные лица: чиновники, студенты, служащие, должностные лица гражданских учреждений, изредка офицеры. Такая пестрота заметно сказывалась на качестве карт. На них не выдерживался масштаб, не всегда правильно указывались места нахождения крупных городов, не было совсем или была очень «куцая» легенда, не назывался тираж издания. Издавались такие карты для народа исключительно частными издательствами и типографиями. Но обязательно указывалась цена карты – это еще один характерный признак военных карт для народа. Некоторые карты снабжались флажками разного цвета, чтобы желающие могли втыкать их в те места, где российская армия вот-вот будет одерживать яркие победы, в появлении этих побед мало кто сомневался в начале войны с Японией. Карты для народа издавались исключительно в первый год войны – 1904. Нам не удалось обнаружить в фондах РНБ ни одной «народной» карты издания 1905 г. Этому есть следующее объяснение: военные неудачи русской армии отбили у населения России желание покупать новые карты районов военных действий, поэтому издатели, быстро уловив изменения в настроениях российского общества, прекратили выпуск новых военных карт для народа.

Необходимо упомянуть еще об одной морской военной карте, имеющей отношение к русско-японской войне 1904–1905 гг. «Карта пути следования 2-й Тихоокеанской эскадры на Восток» была составлена в 1911 г., через несколько лет после окончания войны с Японией. На карте показаны маршруты движения 2-й и 3-й российских эскадр, а также двух небольших соединений русских военных кораблей. Этими двумя последними соединениями командовали капитан 1 ранга Добровольский и адмирал Фалькерзам. Указаны места и время пребывания на стоянках. До порта Камрани обозначены разные маршруты движения всех эскадр и отдельных отрядов, после их соединения в одну эскадру – общий путь к Цусимскому проливу [37. Л. 1]. Карту можно отнести к историческим.

Русско-японская война закончилась для России поражением и подписанием мирного договора с весьма неприятными условиями. Неудачная война заставила высшее военное руководство Российской империи изменить прежний подход в оценке военных угроз с востока и разработать планы размещения дополнительных военных сил на восточных территориях. В результате в Главный штаб было отправлено новое квартирное расписание воинских частей, расположенных в Иркутском военном округе. К расписанию была приложена карта, на которой были обозначены роты, батареи, эскадроны с указанием численности офицеров и рядовых в этих воинских частях [38. Л. 405]. Названная карта, как и большинство военных карт, являлась секретной. В то же время на ряде военных карт надпись о секретности отсутствует, но и они не были предназначены для ознакомления с ними посторонних лиц. К таким можно отнести карты азиатских военных округов, на которых

отмечены места расположения воинских частей и некоторых военных сооружений, но практически отсутствует легенда, например «Карта Омского военного округа» 1888 г [39]. Можно предположить, что она имела в единственном экземпляре и была приложена к соответствующему отчету командующего войсками округа.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые сложности, которые возникают при знакомстве с военными картами, представленными в экспозициях ряда сибирских музеев. Нередко взор посетителей останавливается на различных картах, в том числе и военных, которые вполне органично вписаны в экспозицию музейных экспонатов, но при этом легенда карты отсутствует. Такие карты по характеру изображения могут быть черно-белыми или многоцветными; первоначально они хранились в отчетах, донесениях, рапортах, где в текстовом разделе документа давалась развернутая характеристика того, что отражено на приложенной карте. Отсутствие же такой информации у карты-экспоната заметно обедняет общее впечатление, а для исследователей создает дополнительные трудности, так как никакой отсылки, откуда была извлечена эта карта, просто нет.

Подводя итоги предварительного исследования, следует отметить, что военные карты, даже при отсутствии легенды, содержат интересный материал, расширяющий наши представления об исторических событиях в Сибири и на Дальнем Востоке. Дальнейшее обследование существующих фондов архивов, музеев, библиотек приведет к выявлению новых картографических материалов и позволит расширить наши представления о событиях военной истории Сибири и Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.
2. Карты // Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 11.
3. Российская национальная библиотека (РНБ). Рукописный отдел. Собрание карт и планов. Ф. 342. Д. 1154.
4. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт и планов. Ф. 342. Д. 1162.
5. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт и планов. Ф. 342. Д. 1156.
6. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт и планов. Ф. 342. Д. 1164.
7. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт и планов. Ф. 342. Д. 1153.
8. Библиотека Академии Наук (БАН). Рукописный отдел. Собрание карт. Д. 56.
9. БАН. Рукописный отдел. Собрание карт. Д. 57.
10. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт и планов. Ф. 342. Д. 724.
11. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт и планов. Ф. 342. Д. 728.
12. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт и планов. Ф. 342. Д. 1911.
13. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Д. 155. Т. 1.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1399. Д. 239.
15. РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 85.
16. РНБ. Эрмитажное собрание. Ф. 885. Д. 256/1.
17. БАН. Рукописный отдел. Собрание карт. Д. 65.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Военно-ученый архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22587.
19. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт и планов. Ф. 342. Д. 67.
20. БАН. Рукописный отдел. Собрание карт. № 326.
21. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2008. 372 с.
22. Сводный каталог рукописных карт Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX в. : спра. изд. / ред. О.Н. Катионов, Е.Н. Коновалова. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019.
23. Государственный архив Свердловской области. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1765. Аналог: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 3. Д. 140.
24. ГАО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 26.
25. Карта Забайкальской области // РГИА. Ф. 1424. Оп. 1. Д. 75.
26. История казачества Азиатской России. XVI–XX века. Екатеринбург, 1995. Т. 1–3.
27. ГАО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 44.
28. БАН. Рукописный отдел. Собрание карт. Д. 1290.

29. Баяндин В.И. Состав сибирских новобранцев во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2006. Т. 5. Вып. I.
30. Иркутский областной краеведческий музей. Собрание карт. № 1525.
31. БАН. Рукописный отдел. Собрание карт. Ф. 342. Д. 1290.
32. РГВИА. Ф. 1490. Оп. 2. Д. 36.
33. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт и планов. Ф. 342. Д. 1869.
34. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт. Д. 13124, 13363, 13433, 13434, 14001, 14002, 14548, 19136 Б, 19270.
35. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт. № 13369, 13400, 13401, 13420, 13426, 14634, 14635.
36. БАН. Рукописный отдел. Собрание карт. № 13405.
37. РНБ. Рукописный отдел. Собрание карт и планов. Ф. 342. Д. 1596.
38. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 14.
39. Музей истории Сибирского военного округа. Дом офицеров. г. Новосибирск.

Vladimir I. Bayandin, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ilan-sib@rambler.ru

Oleg N. Kationov, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: korolek1953@gmail.com

MILITARY ACTIONS AND MILITARY STRUCTURES ON THE MAPS OF SIBERIA AND THE FAR EAST (THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)

Key words: military maps, Siberia and the Far East, Crimean war, Russo-Japanese war.

In the article the maps of Siberia and the Far East that depict the War Department structures or the war events of the times of the imperial Russia are described. The fragments of bibliographical entries of military maps and plans of the second half of the 18 – the beginning of the 20 centuries are given. Studying the classification of military maps of the famous Russian military history specialist, professor Beskrovniy L.G., the authors offer their own classification basing on the analysis of the maps of Siberia and the Far East that were made in War Department of Russia and other establishments.

Among the large number of maps of Russian Eastern Regions found in the last decades there are cartographic documents that are directly or indirectly related to military maps.

The overview of such maps that are kept in the archives, museums, libraries of Moscow, Saint Petersburg, Irkutsk, Ekaterinburg, Novosibirsk and other cities is given along with their brief description.

The majority of existing maps of the 18 – first half of the 19 centuries are the maps of cities of Western and Eastern Siberia, meaning the settlements that were the military and administrative centers of the corresponding territories at that historic period. From the second half of the 19 century maps with military structures located in the Asian part of the empire territorial border like fortresses, outposts, redoubts start prevailing.

Military actions in the Pacific Ocean and in the Far East connected with the events of Crimean war and Russo-Japanese war in 1904-1905 were also shown in some military maps of the region mentioned in this article.

A considerable part of military maps was made by central establishments, while some maps were made locally by the orders of military and civil authorities of the region. The compilers of these maps are not always mentioned in the explanatory notes.

Some information about the so called “Public maps” meaning maps that can be used by a wide range of people and not only the specialists can be found in the article. Such maps of the region appeared in 1904 during the war with Japan. Except for the battlegrounds, the territory of Russian Far East was usually shown on these maps. The maps created for ordinary people contained a number of peculiarities: the lack of scale, rather rough or approximate objects and structures anchoring, presence of illustrations (portraits of people, images of ships) and various advertisements as well.

Thus, this article gives general idea of the maps with the elements of military character or fully devoted to military issues. Right now, the whereabouts of some maps are defined. The information about the military history of the region that can be received from analyzing such maps and the evolution that occurred to the military maps of the region throughout the 18 – the beginning of the 20 centuries are identified.

REFERENCES

1. Beskrovniy, L.G. (1957) *Ocherki po istochnikovedeniyu voennoy istorii Rossii* [Essays on Source studies of Russian military history]. Moscow: USSR AS.
2. Novitsky, V.F. (ed.) (1913) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 11. St. Petersburg: I.D. Sytin.
3. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps and Plans. Fund 342. File 1154.
4. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps and Plans. Fund 342. File 1162.
5. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps and Plans. Fund 342. File 1156.
6. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps and Plans. Fund 342. File 1164.
7. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps and Plans. Fund 342. File 1153.
8. The Library of Russian Academy of Sciences (BAN). Manuscript Department. Collection of Maps. File 56.
9. The Library of Russian Academy of Sciences (BAN). Manuscript Department. Collection of Maps. File 57.
10. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps and Plans.. Fund 342. File 724.
11. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps and Plans.. Fund 342. File 728.
12. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps and Plans.. F 342. File 1911.
13. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 10. File 155. Vol. 1.
14. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1399. File 239.
15. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 2. File 85.
16. Russian National Library (RNB). Hermitage Collection. Fund 885. File 256/1.
17. The Library of Russian Academy of Sciences (BAN). Manuscript Department. Collection of Maps. File 65.
18. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Military Scientific Archive. Fund 846. List 16. File 22587.
19. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps and Plans. F 342. File 67.
20. The Library of Russian Academy of Sciences (BAN). Manuscript Department. Collection of Maps. № 326.

21. Kationov, O.N. (2008) *Moskovsko-Sibirskiy trakt kak osnovnaya sukhoputnaya transportnaya kommunikatsiya Sibiri XVIII–XIX vv.* [Moscow and Siberia passageway as the basic Siberian by-land transportation link in the 18th – 19th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
22. Kationov, O.N. & Konovalova, E.N. (2019) *Svodnyy katalog rukopisnykh kart Sibiri i Dal'nego Vostoka XVII – nachala XX v.* [Joint catalog of manuscript maps of Siberia and the Far East of the 17th– early 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
23. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund 59. List 3. File 1765.
24. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-270. List 1. File 26.
25. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1424. List 1. File 75.
26. Alekseev, V.V. (ed.) (1995) *Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii. XVI–XX veka* [The History of Cossacks of Asian Russia. The 16th – 20th centuries]. Ekaterinburg: RAS.
27. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-270. List 1. File 44.
28. The Library of Russian Academy of Sciences (BAN). Manuscript Department. Collection of Maps. File 1290.
29. Bayandin, V.I. (2006) *Sostav sibirskikh novobrantsev vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Siberian recruits of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology.* 5(1).
30. The Irkutsk Regional Natural History Museum. Collection of Maps. № 1525.
31. The Library of Russian Academy of Sciences (BAN). Manuscript Department. Collection of Maps. Fund 342. File 1290.
32. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 1490. List 2. File 36.
33. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps and Plans. Fund 342. File 1869.
34. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps. Dd. 13124, 13363, 13433, 13434, 14001, 14002, 14548, 19136 B, 19270.
35. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps. №№ 13369, 13400, 13401, 13420, 13426, 14634, 14635.
36. The Library of Russian Academy of Sciences (BAN). Manuscript Department. Collection of Maps. № 13405.
37. Russian National Library (RNB). Manuscript Department. Collection of Maps and Plans. Fund 342. File 1596.
38. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 1468. List 2. File 14.
39. History Museum of Siberian Military Command Region. House of the Officers. Novosibirsk.

УДК 94(470)+304–053.2(094)
DOI: 10.17223/19988613/65/15

А.П. Веселова

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДЕТСТВА И МАТЕРИНСТВА

Представлен анализ научного потенциала уголовных нормативных актов Российского государства досоветского периода как источника по истории детства и материнства. Последовательно рассматриваются положения уголовного законодательства, выступающие дополнением и верифицируемым доказательством современных концепций детства и материнства. Статья построена на обширном правовом материале XI – начала XX в., содержащем уголовные нормы, от Устава князя Ярослава о церковных судах до Уголовного уложения 1903 г.

Ключевые слова: история детства; история материнства; Филипп Арьес; концепции детства; источники по истории детства.

История детства и неразрывно связанная с ней история материнства как научные направления получили значительное развитие в современной России. О популярности данной тематики свидетельствуют не только разнообразие и количество научных изысканий, но и наличие постоянно действующих дискуссионных площадок, одноименных учебных дисциплин [1]. Эта история, несмотря на молодой возраст, имеет уже свою историографию.

На сегодняшний день явные предпочтения исследователей, изучающих историю детства, относятся к советскому периоду. Причины этого понятны. Материнство и детство, семейная история в целом, – имманентные составляющие истории повседневности. И чем дальше от нас во временном отношении повседневность, тем сложнее подвергать ее научному анализу.

Одной из серьезнейших проблем при изучении истории детства является отсутствие достаточной источниковой базы, позволяющей формулировать обоснованные выводы. По этой причине картины детства периода Киевской Руси, Московского государства и даже Российской империи (вплоть до XIX в.) в значительной степени построены на предположениях.

Уже в силу специфики своего предмета рассматриваемые научные направления заставляют исследователей ориентироваться на разнообразие источников. Как правило, каждый из них – это не зеркало, но всего лишь след, оставленный в истории сложными и удивительными феноменами детства и материнства.

Нормативные документы являются традиционным источником по истории семьи и семейного права, следовательно, отчасти истории детства. Однако в большинстве случаев речь идет об актах гражданского права, регулирующих вещные, обязательственные, наследственные отношения и применяемых для реконструкции личного и имущественного статуса женщины и ребенка.

Представляется, что уголовное законодательство и его положения также могут выступать глубоким и интересным источником по исследуемой теме, потенциал которого еще не исчерпан. Уголовные нормативные акты как ультраполитический источник не в состоянии

сформировать самостоятельные либо «сломать» действующие концепции в совершенно аполитичной истории материнства и детства, но они способны внести в них дополнительные оттенки, «раскрасить», стать их убедительным доказательством, при этом доказательством более верифицируемым, чем все остальные.

Как известно, уголовное законодательство Древнерусского государства берет свой отсчет с Русской Правды, являющейся в значительной степени сводом норм уголовного и уголовно-процессуального права. Однако вплоть до XVII в., до издания Соборного Уложения, уголовные нормы законодательных актов не содержали положений, касающихся анализируемого предмета.

Отсутствие статей, хоть каким-либо образом связанных с тематикой детства и материнства, в светских уголовных нормативных актах на первый взгляд должно объясняться тем, что все преступления против семьи и нравственности относились к компетенции церкви.

Уставы князей Владимира и Ярослава, определяющие церковную юрисдикцию средневековой Руси, традиционно не попадают в поле зрения исследователей, занимающихся историко-правовой проблематикой, именно в силу своего церковного характера. Однако следует учитывать, что уставы выступают результатом сложного взаимодействия светской власти и власти церковной. Они являются необходимой частью общей картины уголовного права Киевской Руси.

Я.Н. Шапов называл Устав Ярослава неперменным дополнением к Русской Правде [2. С. 180]. Эта позиция представляется убедительной. Устав Ярослава включил те общественные отношения, которые после определения княжеской юрисдикции традиционно продолжали регулироваться общиной либо не были урегулированы вовсе в силу языческих установок, а затем были восприняты церковью для правового воздействия. Сфера семейных отношений оказалась в их числе. Так, Устав определяет ответственность за совершение преступлений против семьи и нравственности: половых преступлений, против свободы, чести и достоинства женщин, прелюбодеяние, полигамию, кровосмешение и т.п.

При этом о защите жизни и здоровья детей в уставах не сказано ни слова. Тема детства и материнства затрагивается в них только в контексте наказания за внебрачные половые отношения и прелюбодеяние. Статьи 5, 6 Архетипа устава Ярослава предписывают «девку» или «женку», которая «детяти добудет», после обличения отправить в дом церковный [2. С. 294]. Вероятнее всего, под обличением в данном контексте подразумевается публичное объявление о содеянном.

Только одна из более поздних редакций Устава – Пространная редакция – содержит статью, вводящую ответственность за убийство ребенка. Источник перечисляет возможные способы совершения подобного убийства. В силу казуистического характера древних источников права вероятнее всего предположить, что перечисленные способы убийства младенцев являлись наиболее распространенными. Следует обратить внимание, что речь вновь идет о ребенке, ставшем результатом «блуда»:

«Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудет, да погубит, или в свиньи ввержет, или утопит, обличивши, пояти [и] в дом церковный, а чим ю паки род окупит» [3. Ст. 6. С. 24].

То, что речь идет о незаконнорожденном ребенке, доказывает общая логика расположения статей в Пространной редакции, а также их сравнительный анализ с положениями Архетипа Устава Ярослава. В более ранних редакциях речь идет о рождении ребенка как доказательстве совершенного блуда или внебрачной половой связи, однако об убийстве ребенка не упоминается.

Таким образом, положения статей Устава Ярослава, точнее их отсутствие, позволяют предположить, что по крайней мере до времени создания его Пространной редакции (конец XII – начало XIII в.) необходимости вводить дополнительные нормы, направленные на защиту жизни ребенка, не существовало. Отсутствие уголовно-правовой охраны конкретных общественных отношений, во-первых, может быть объяснено отсутствием потенциального вреда. Иными словами, подобные преступления не совершались либо были редкостью в Древнерусском государстве. Однако тексты древнерусских епитимийников свидетельствуют об обратном [4. С. 93–94]. Во-вторых, отсутствие соответствующих статей может объясняться тем, что подобные деяния могли не считаться наказуемыми. Речь не идет о том, чтобы считать их вариантом нормы. Скорее, ни государство, ни церковь в этот период не обладали правом наказывать за совершение данных преступлений. Вероятно, они оставались внутренним делом общины (семьи).

При рассмотрении обозначенных статей возникает устойчивое впечатление, что законодателя в большей степени заботит введение санкций за совершение «блуда». Содержание ст. 6 Пространной редакции и ее отсутствие в полном объеме в Архетипе Устава Ярослава, свидетельствует о том, что наказанию в данном случае подлежит не убийство ребенка как самостоятельное деяние, но, скорее, сам факт прелюбодеяния и убийство рожденного ребенка как доказательство этого факта.

Л.Н. Пушкарева отмечает, что по сравнению с положениями Устава князя Ярослава приходские священники на практике смягчали наказания для женщин-детоубийц, «ориентируясь на конкретную ситуацию и побудительные мотивы» [5. С. 89]. Исследователь добавляет, что в ранних памятниках покаянного права XII в. для женщин, убивших своих детей, предполагалось более мягкое наказание – епитимья.

Возможно, подобные расхождения с текстом Устава Ярослава могут быть объяснены не смягчением наказания в «пастырской практике», о котором пишет Л.Н. Пушкарева, а тем, что в первом случае речь идет о законнорожденных детях, а в Уставе Ярослава – о рожденных в результате «блуда».

В контексте этой логики становятся понятными статьи Соборного Уложения, предусматривающие несопоставимые наказания за убийство законнорожденного и незаконнорожденного ребенка. Статья 26 XXII главы Уложения предполагает наказание в виде смертной казни для женщины, погубившей своих детей, прижитых «в блуде» [6. С. 434]. Однако наказанием для родителя-детоубийцы (матери или отца) в иной ситуации являлись год (!) тюремного заключения и церковное покаяние [Там же. Ст. 3. Гл. XXII. С. 430]. По-видимому, столь существенная разница объясняется тем, что «блудное» поведение являлось ключевым в квалификации преступления, своего рода серьезным отягчающим обстоятельством.

Содержание ст. 26 XXII главы Уложения также позволяет проследить мотивацию законодателя, вводящего смертную казнь за убийство незаконнорожденного ребенка: «...чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися» [Там же. С. 434]. То есть, в соответствии с текстом источника, применение самого строгого наказания в виде смертной казни обусловлено не стремлением покарать за убийство ребенка, но целью предупреждения распутного поведения женщин. Несмотря на то, что Устав Ярослава Пространной редакции и Соборное Уложение разделяют не менее четырех веков, логика законодателя в рассматриваемом отношении остается прежней.

С позиций настоящего времени и современного уголовного права, когда совершение преступления, направленного против ребенка, вызывает широкий общественный резонанс, однозначное моральное осуждение и само по себе является отягчающим обстоятельством, анализируемые положения как минимум вызывают недоумение.

Однако феодальное уголовное право существенно отличается от буржуазного. Его качественно иные характеристики сопряжены с патриархальным характером средневекового общества, в котором не только дети, но и женщины защищены гораздо в меньшей степени, чем мужчины. Так, законодательство Киевской Руси и Московского государства не предполагает уголовной ответственности за побои, нанесенные мужем своей жене (только чужой) [2. С. 295], устанавливает квалифицированную смертную казнь для мужеубийцы, не регламентируя женоубийство вообще [6. Ст. 14. Гл. XXII. С. 432], определяет наказания раз-

личной степени тяжести за полигамные связи для мужчин и женщин [2. С. 245, 295] и т.п. Материалы судебной практики также подтверждают, что в отличие от преступлений, совершенных женой в отношении своего мужа, аналогичные деяния мужчины против жены наказывались гораздо мягче либо не наказывались вообще [7. С. 84; 8. С. 586].

Уголовные нормы Российского государства вплоть до XVII в. демонстрируют то, что Филипп Арьес применительно к европейской истории охарактеризовал как позицию «безразличия» по отношению к детям. Это безразличие, включающее определенную терпимость детоубийства, с его точки зрения, вызвано сложными демографическими условиями и высокой детской смертностью [9. С. 49–50]. Неопределенность, с которой относились к жизни ребенка, способствовала тому, что детство не воспринималось как отдельный особенный этап человеческого существования. Вероятно, поэтому оно не нуждалось в отдельной уголовно-правовой защите.

Переломным моментом в развитии отношения к раннему детству, с точки зрения Ф. Арьеса, является XVII в. Выводы исследователя о появлении в XVII в. интереса к ребенку, нового восприятия детей, когда «за ними признается право быть чем-то особенным, право, в котором отказывали раньше» [Там же. С. 57], сделаны на европейском материале. Но они в значительной мере подтверждаются развитием уголовного законодательства российского государства.

Как уже было отмечено, некоторые положения Соборного Уложения, относящиеся к тематике детства, поддерживают логику предшествующих нормативных актов. Однако при этом Уложение содержит целый ряд норм, выражающих качественно иную позицию законодателя по отношению к детству и детскому возрасту. Так, Соборное Уложение является первым светским сводом законов Российского государства, защищающим жизнь еще не рожденного ребенка.

Уложение закрепило в уголовном законодательстве особенности исполнения смертного приговора в отношении беременных женщин, определив, что их следует казнить только после разрешения от бремени [6. С. 432]. Данная статья (ст. 15 гл. XXII Соборного Уложения) в краткой форме воспроизвела указ Михаила Федоровича 1637 г. В исследовательском смысле указ представляет большой интерес, так как не только регламентирует точные сроки казни («покамест родят и минет шест недель»), определяет дальнейшую судьбу ребенка («отдать ближнему»), но также объясняет позицию законодателя, вводящего отсрочку смертной казни, тем, что «роженое от нее не виновато» [10. С. 15]. Этот комментарий отражает принципиально важный момент: он олицетворяет восприятие жизни «потенциального» ребенка в качестве самостоятельной ценности. Еще не родившийся человек в контексте данной статьи закона является отдельным субъектом права, существование которого, как бы это парадоксально ни звучало, начинает интересовать законодателя.

Подтверждает и развивает эту позицию ст. 17 главы XXII Соборного Уложения, вводящая ответственность за действия, приведшие к рождению у беремен-

ной женщины мертвого ребенка: «А будет кто с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену, и лошадыю ея стопчет и повалит, и тем ея обесчестит, или ея тем боем изувечит, и беременная будет жена от того его бою дитя родит мертво, а сама будет жива, а с суда сыщется про то допряма, и тому, кто так учинит, за такое его дело учинити жестокое наказание, велеть его бити кнутом нещадно, да на нем же доправить той жене бесчестие и увечье вдвое, да его же вкинути в тюрьму на три месеца» [6. С. 134].

Еще одним проявлением новых тенденций является установление в уголовном законодательстве XVII в. возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Если Соборное Уложение не регулирует данный момент, то уже Новоуказные статьи, принятые в качестве дополнения к Уложению в 1669 г., содержат несколько соответствующих норм. Во-первых, Новоуказные статьи запрещают включать «в обыск» малолетних, т.е. допрашивать, верить их показаниям наряду со взрослыми людьми [11. Ст. 28. С. 408]. Во-вторых, они освобождают от уголовной ответственности за убийство, наравне с душевнобольными, «отроков» семи лет: «аще седми лет отрок, или бесный убьет кого, не повинен есть смерти» [Там же. Ст. 79. С. 423].

«Не повинен», – вслед за Градским законом повторяют Новоуказные статьи. Это выражение, а также само его расположение в тексте – включение в статью, описывающую убийство, совершенное с умыслом, показывают, что законодатель отрицает наличие у детей способности отдавать отчет в своих действиях. Таким образом, дети семилетнего и более младшего возраста, так же как психически больные люди, признаются лицами, не способными осознавать действительный смысл своих поступков, а значит, не способными нести ответственность.

С.О. Шаляпин считает, что, поскольку византийские сборники церковного и светского права были известны в средневековой Руси, «можно говорить о фактическом соблюдении 7-летнего возраста уголовной вменяемости в России задолго до его формального закрепления в Новоуказных статьях 1669 г.» [12. С. 20]. Замечание автора справедливо. Однако при этом следует учитывать, что вопрос о распространении Закона градского по территории и по направлениям юрисдикции (светской и церковной) в полном объеме и в отдельных частях (в том числе титулов, содержащих нормы уголовного права), является до конца не решенным [13].

Так или иначе, в настоящей ситуации гораздо более важным представляется не факт об известности и даже применении указанных положений, но само по себе решение законодателя, выбирающего статьи церковно-правовых сборников для общегосударственного свода законов, а также то, каким образом эти статьи интерпретируются и получают развитие в других нормах светского права.

Итак, уголовное законодательство Российского государства второй половины XVII в. содержит положения, демонстрирующие, с одной стороны, восприятие ребенка в качестве самостоятельного субъекта права, защиту жизни детей (в том числе нерожденных,

находящихся в утробе матери), с другой – понимание особенности, инаковости детского возраста, в котором человек еще не в состоянии осознавать действительный смысл происходящего. По сути, уголовные нормы выделяют детей (семи лет и младше) в отдельную категорию людей, к которым следует изначально относиться более мягко и снисходительно. Это вытекает из осознания самого факта, что они дети. Они заслуживают такого отношения уже только потому, что они дети.

Появление новых статей является результатом нескольких сложных процессов: во-первых, глубокой христианизации нравов общества, длившейся нескольких столетий; во-вторых, ограничения юрисдикции церкви, происходящего в рамках усиления государственного контроля над церковной организацией. В светское законодательство были включены религиозные преступления, а также преступления в сфере семьи и нравственности, традиционно составляющие церковную юрисдикцию.

В целом Соборное Уложение 1649 г. и дополняющие его акты можно считать той тонкой гранью, которая способна отразить неуловимые перемены в восприятии детства, происходившие в средневековом обществе, – концептуальный переход от позиции безразличия к позиции интереса. В уголовном законодательстве XVII в. сохраняют значение установки предыдущих столетий, но одновременно с ними появляются новые положения, олицетворяющие очевидные изменения, которые законодатель стремится закрепить.

В XVIII в. проявившиеся тенденции получили развитие в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Так, Артикул воинский Петра I 1715 г., предусматривая смертную казнь за убийство, вводил квалифицированную смертную казнь в виде колесования за убийство отца, матери, офицера и «дитя во младенчестве» [14. Арт. 163. С. 359]. Если первые три категории вполне понятны (исторически преемственны либо продиктованы спецификой самого документа), то «дитя во младенчестве» является новеллой. В этом отношении уголовное законодательство Петра I ставило детей в один ряд с теми, чьи жизни традиционно защищались особым образом, а их убийства являлись не только деяниями, нарушающими закон, но и имели крайне негативный моральный окрас.

Артикул 176 устанавливал ответственность неженатого мужчины за связь с незамужней женщиной, в результате которой родился ребенок. В этом случае отец был обязан предоставить средства на содержание матери и младенца, соответствующие его имущественному положению, а также подвергнуться церковному покаянию и тюремному заключению [Там же. С. 362]. Закон предоставлял мужчине возможность избежать наказания, женившись на матери своего ребенка. Следует отметить, что именно рождение младенца порождало обязанность женитьбы либо уголовное наказание и необходимость материального обеспечения. Если следовать буквальному толкованию текста Артикула, само по себе половое сношение неженатого мужчины с незамужней женщиной не влекло за собой никаких юридических последствий. То есть все обязательства, возникающие у мужчины, были связаны не с самим

фактом сожителства, а с рождением ребенка. Его жизнь заботила законодателя, а не внебрачная связь сама по себе.

Краткое изображение процессов, или судебных тяжб, 1715 г. запрещало пытать не только детей, но и беременных женщин [15. Гл. VI. Ст. 10. С. 156]. При этом очевидно, что данная «привилегия» обусловлена не принадлежностью к женскому полу, но наличием потенциального ребенка. Всех остальных женщин, не находящихся в состоянии беременности, пытать разрешалось, и даже приветствовалось начинать пытку с них как с наиболее податливых свидетелей [Там же. Ст. 5. С. 596–597].

Несмотря на осознание особенности детства, несмотря на то, что жизнь ребенка становится объектом уголовно-правовой охраны законодателя, попадает в сферу его пристального внимания, власть родителей над детьми остается существенной. Нормативные акты это ярко подчеркивают.

Во второй половине XVIII в., в период правления Екатерины II, родители получили право помещать своих сыновей и дочерей в смиренные дома по причине непослушания, если «пребывают злого жития, или ни к чему доброму не склонны» [16. С. 274]. Для этого отцу или матери было достаточно обратиться в Приказ общественного призрения с прошением. Помещение в смиренный дом фактически являлось наказанием, предусматривающим лишение свободы и привлечение к труду.

Уголовное законодательство Российской империи XIX – начала XX в. демонстрирует не только усложнение тенденций, обозначившихся в XVII–XVIII вв., но и формирование принципиально новых позиций, свидетельствующих о концептуальной смене восприятия детства.

Большая часть изменений в статьях уголовных нормативных актов, затрагивающих тематику детства и материнства, связана с проявлением заботы не только о жизни, но и здоровье ребенка и его матери. В этом смысле Россия обнаруживает определенную преемственность по отношению к европейским странам, где в XVIII в. получает распространение «культ» физического здоровья [9. С. 142]. Он оказал значительное влияние на эволюцию отношения к детству. А.А. Ожиганова отмечает, что в этот период в Европе сформировалась педиатрия, начала свое распространение и реализацию концепция тотальной медиализации младенчества [17]. За счет успехов медицинской науки и практики изменилось отношение к грудному вскармливанию. Постепенно, в течение XVIII–XIX вв., оно получило признание в качестве единственно возможного правильного варианта питания младенцев [18. С. 18–19].

Удивительно, насколько точно положения источников права XIX – начала XX в. отражают передовые идеи, проникающие в российское общество. Лейтмотив сохранения здоровья детей и их матерей приобретает очевидный характер в уголовном законодательстве Российской империи. При этом если в первой половине XIX в. это проявляется в виде отдельных указов, ставших результатом рассмотрения конкрет-

ных уголовных дел, то во второй половине столетия и особенно на рубеже XIX–XX вв. новые нормы, направленные на защиту детства и материнства, получают закрепление и систематизацию на уровне кодифицированных актов.

В 1824 г. на рассмотрение Государственного Совета поступило обращение Комиссии составления законов, касающееся исполнения телесных наказаний в отношении женщин, «питающих грудью младенцев своих» [19. С. 68]. Законодатель, подчеркивая, что в «русских законах» отсутствуют постановления по данному поводу, акцентировал внимание на важности данного предмета, заслуживающего «особенного уважения». В соответствии с мнением Государственного Совета вводилась, по сути, отсрочка исполнения телесных наказаний для женщин, кормящих грудью младенца. Срок отсрочки был определен в полтора года. Для кормящих женщин, «находящихся в работах», также следовало предоставить облегченные условия, если, «по признанию лекаря», работа могла нанести вред их младенцам.

В рассмотренном документе отдельного внимания заслуживает аргументация законодателя, поясняющего нововведение негативными последствиями телесных наказаний, вызывающих порчу молока у кормящей матери, следовательно, способных создать угрозу здоровью и жизни младенца. Важным представляется также то, что срок отсрочки законодатель устанавливает, ориентируясь не на церковные тексты, как было ранее, но на медицинские «наблюдения», в соответствии с которыми срок грудного вскармливания должен быть от одного до полутора лет, «а при слабости... или болезни может продолжиться до двух лет».

В 1830 г. аналогичное положение вводилось в отношении беременных женщин. Разбирая донесения Костромского губернского правления, Сенат постановил не применять телесные наказания по отношению к беременным женщинам, «отлагать» их до разрешения от бремени и «миновании срока, положенного на воспитание грудью младенца», т.е. полутора лет [20. С. 215].

В 1837 г. в соответствии с мнением Государственного Совета было запрещено ссылат в Сибирь беременных женщин вплоть до их разрешения от бремени и окончании срока кормления грудью (полтора года) [21]. В 1853 г. данное правило было распространено на крепостных женщин, беременных или с грудными младенцами, которых отныне запрещалось отправлять в Сибирь по воле помещиков до истечения полуторогодовалого срока с момента рождения ребенка [22].

В соответствии с законодательством конца XIX – начала XX в. для женщин, находящихся в местах заключения совместно с грудными детьми, были рекомендованы отдельные от других заключенных помещения, «где бы они имели лучший воздух» [23. Ст. 182], более хорошую, по сравнению с другими заключенными, пищу [Там же. Ст. 213]. Справедливости ради необходимо отметить, что каждая описанная привилегия содержала неизменную приписку – «по возможности». Тюремная администрация должна была способствовать тому, чтобы женщины, имеющие грудных

младенцев, были задействованы в работах, которые не мешали бы им осуществлять надлежащее попечение о своих детях [Там же. С. 348].

Устав о ссыльных различных редакций XIX – начала XX в. специально регламентировал вопросы конвоирования женщин, имеющих грудных детей, а также малолетних детей, определяя, что их следует перевозить по пеше-этапным трактам на специально выделенных подводах [24. Ст. 42].

Следует обратить внимание, что в законодательстве второй половины XIX в. появляется забота не только о «питаемом младенце», но и о его матери, ее здоровье [24. Ст. 111; 25. Ст. 970. С. 283]. Женщинам, кормящим грудью, находящимся в местах заключения или в ссылке, работы следовало облегчить в той мере, чтобы не нанести вред самой матери и младенцу.

Уголовные нормативные акты XIX в. отражают новое понимание границ и этапов детского возраста. Именно в этот период в Российской империи формируются особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.

В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. малолетство и несовершеннолетие подсудимого признаются обстоятельствами, уменьшающими вину и строгость наказания. Дети старше семилетнего возраста и до достижения десяти лет не подлежат наказанию, но передаются родителям или благонадежным родственникам на строгое попечение и исправление, если «не имеют надлежащего о своих обязанностях разумения» [26. Ст. 143. С. 620]. Дети от 10 до 14 лет также могут быть освобождены от наказания, если будет установлено, что преступление совершено ими «без разумения» [Там же].

Необходимо отметить, что под разумением не имеется в виду умысел. Речь идет о том, что законодатель допускает, что дети в возрасте от 10 до 14 лет ввиду своего незрелого разума могут не понимать действительный смысл содеянного. Если обстоятельства это подтверждают, ребенок может быть освобожден от наказания.

В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. наказания для лиц в возрасте от 10 до 14 лет должны быть смягчены [Там же. Ст. 144. С. 620–621]. Например, к ним запрещается применение телесных наказаний. Возраст в данном случае выступает в качестве обстоятельства, смягчающего вину.

Для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 21 года закон также предусматривал некоторые изъятия [Там же. Ст. 146–148. С. 621]. По усмотрению суда при наличии определенных условий наказание для несовершеннолетних данной возрастной группы могло быть уменьшено одной или двумя степенями. Показательно, что одним из условий является доказанный факт вовлечения несовершеннолетнего в преступление совершеннолетним, т.е. ситуация, в которой молодой человек руководствовался как бы не своим, но чужим зрелым преступным разумом [Там же. Ст. 147. С. 621].

Уголовное законодательство второй половины XIX в. придерживается схожих позиций, предусматривая освобождение от уголовной ответственности или су-

публичное смягчение наказаний для несовершеннолетних. При этом законодатель исходит из общего восприятия детей как особой возрастной группы людей, чей «разум» еще не сформирован, чье «разумение» в силу объективных причин отличается от взрослого понимания. Именно поэтому для «дозревания» разума закон предлагает домашнее исправительное наказание под контролем родителей или опекунов.

В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. малолетство признается обстоятельством, исключающим вину лица в содеянном, так как подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния [27. Ст. 92. С. 60].

С точки зрения законодателя, дети, не достигшие семи лет, не подлежат наказаниям за преступления и проступки, так как они еще не имеют достаточного о своих деяниях понятия [Там же. Ст. 94. С. 62]. Они передаются родителям, опекунам или родственникам для вразумления и наставления их впоследствии. Наряду с малолетством причинами, по которым содеянное не вменяется в вину, являются безумие, ошибка и т.п. То есть малолетние освобождаются от наказания именно по причине непонимания, неосознавания своих действий.

Уголовные нормативные акты начала XX века при наличии аналогичных норм в отношении несовершеннолетних меняют устоявшиеся в предыдущем столетии возрастные границы. Прежде всего увеличивается возраст наступления уголовной ответственности. В соответствии со ст. 40 Уголовного уложения 1903 г. не вменяется в вину преступное деяние, учиненное малолетним, не достигшим десяти (не семи) лет [28. Ст. 40. С. 475]. То есть дети, которым не исполнилось десяти лет, не подвергаются судебному преследованию и определенному в законах наказанию. Согласно дополнениям 1912, 1913 и 1914 гг. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. лица от 10 до 17 лет (не 14), признанные судом учинившими преступления без разума, отдаются под ответственный надзор по усмотрению суда, или их родителям, или лицам, на попечении которых они состоят, или другим благонадежным людям, изъявившим на то согласие [27. Ст. 137. С. 32].

Уголовное уложение Российской империи 1903 г. с изменениями 1912 и 1913 гг. в ст. 41 также устанавливает, что преступное деяние, учиненное несовершеннолетним от десяти до семнадцати лет, не вменяется ему в вину, если несовершеннолетний не мог понимать свойства и значение им совершаемого и руководить своими поступками [28. С. 475]. При общей схожести содержания, положения нового Уголовного уложения более развиты с юридической точки зрения и поэтому понятны с позиций современного уголовного права: непонимание истинного свойства и значения содеянного, невозможность полностью руководить своими поступками – вот что отличает ребенка от взрослого и, соответственно, влечет различную ответственность.

Указ о ссыльных в своеобразной форме также демонстрирует представления законодателя о периодах взросления человека. Он регламентирует особый по-

рядок обращения с детьми ссыльных различных возрастных групп. В соответствии с Указом дети старше 14 лет могут самостоятельно решать, следовать ли им за своими родителями в ссылку или нет. Вопрос о нахождении детей младше 14 лет решается супругами совместно; если договориться не удастся, ребенок остается с родителем, не приговоренным к ссылке. Грудные дети при любых обстоятельствах остаются при матерях. Дети, последовавшие за родителями, могли возвращаться из ссылки отдельно от них. Однако согласие родителей на возвращение детей не требовалось только в случае достижения ими 17 лет [24. Ст. 195, 196, 199].

Таким образом, в уголовном законодательстве Российской империи XIX – начала XX в. формируется своего рода периодизация детства, включающая следующие этапы: грудной возраст, когда ребенок непременно должен находиться с матерью, что, безусловно, защищает ее права тоже; малолетство (до семи, затем до 10 лет), когда ребенок не в состоянии осознавать действительное значение своих поступков в силу незрелости разума, поэтому он освобождается от уголовной ответственности; несовершеннолетние от 10 до 14 (затем до 17) лет, у которых также еще могут не сформироваться правильные представления о смысле содеянного, что является основанием освобождения их от наказания; наконец, лица до 21 года, для которых установлена возможность смягчения наказаний. При этом очевидна постепенная инфантилизация, происходящая в российском обществе и наглядно отраженная в источниках.

Уголовные нормы источников права XI – начала XX в. демонстрируют последовательную трансформацию восприятия детства и материнства в дореволюционной России. Положения нормативных актов Киевской Руси и Московского государства вплоть до Соборного Уложения 1649 г. подтверждают концепцию безразличия, выраженную в уголовном праве в виде определенной терпимости по отношению к детоубийству. Жизнь ребенка в них получает уголовно-правовую защиту только в контексте наказания за «блуд». Своеобразным переломным этапом можно считать XVII в., когда при сохранении установок предшествующих эпох становятся очевидными новые взгляды, нашедшие отражение в уголовных нормах. Закон впервые защищает жизнь еще не рожденного ребенка, а также определяет возраст наступления уголовной ответственности, признавая малолетних детей не способными осознавать действительный смысл своих поступков.

Идея своеобразия детской природы, обуславливающая необходимость особой охраны и заботы о ребенке, получает развитие в уголовных актах XVIII–XIX вв. В XVIII в. вводится запрет на применение пыток по отношению к детям и беременным женщинам, за убийство младенца устанавливается квалифицированная смертная казнь. Уголовное законодательство XIX в. демонстрирует заботу не только о жизни, но и о здоровье ребенка и его матери. При этом очевидно, что если первоначально состояние матери интересовало законодателя исключительно как условие

сохранения плода или младенца, то постепенно оно становится важным само по себе. Законодателя начинает волновать не только буквальное сохранение жизни ребенка, но и обеспечение ее определенного качества. Передовые идеи о «возвращении» детей, развившиеся и прижившиеся в российском обществе, в уголовных нормах воплотились в виде запретов применять телесные наказания к беременным женщинам и

женщинам, кормящим грудью, ограничений привлечения их к работам, а также в обеспечении улучшенных условий содержания в местах заключения. Уголовный закон XIX – начала XX в. отражает изменения в понимании границ детского возраста, отделяющих ребенка от взрослого человека, а также этапов детства (взросления), подчеркивающих особенности восприятия мира детства и его качественных отличий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. 2013. № 2 (22). С. 108–116.
2. Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М. : Наука, 1972. 340 с.
3. Наследие. Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, процессы, мысль. Кн. 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI века) : хрестоматия в двух частях / сост. Ю.П. Зуев; под общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. М. : Изд-во РАГС ; МедиаПром, 2010. Ч. I: X – начало XX века. 392 с.
4. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М. : Мысль, 1989. 286 с.
5. Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. Т. I. 354 с.
6. Памятники русского права / под ред. К.А. Софроненко. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. 603 с.
7. Челобитье вдовы Федоры Желябужской об отпуске сына из под Смоленска для погребения дочери ея, убитой мужем // Акты Московского государства / под ред. Н.А. Попова. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1890. Т. I: Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. С. 84.
8. Приговор Земского приказа. О наказании кнутом Ивашки Долгова за убийство жены своей, и об отпуске его на поруки // Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. I: С 1649 по 1675. От № 1 до 618. С. 586.
9. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
10. Загоскин Н. Столы разрядного приказа, по хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции книгам их. Казань : Тип. Императорского ун-та, 1879. 47 с.
11. Памятники русского права / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1963. Вып. 7: Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в. 510 с.
12. Шалыпин С.О. Установление возраста уголовного вменения в русском праве XVII–XIX вв. // История государства и права. 2005. № 3. С. 20–23.
13. Шапов Я.Н. Прохирон в восточнославянской письменности // Византийский временник. М. : Наука, 1977. Т. 38 (63). С. 48–58.
14. Памятники русского права / под ред. К.А. Софроненко. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1961. Вып. 8: Законодательные акты Петра I. 667 с.
15. Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 144–158.
16. Учреждение для управления губерний Всероссийской империи. 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. XX. № 14392. Ст. 391.
17. Ожиганова А.А. Образы младенца в популярных пособиях для родителей (XVIII–XXI вв.) // Детство в научных, образовательных и художественных текстах. Казань : Казанский университет, 2011. С. 48–53.
18. Захарова И.Н., Мачнева Е.Б. История грудного вскармливания народов мира // Медицинский совет. 2016. № 16. С. 14–21.
19. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета – о времени исполнения приговоров Судебных мест относительно наказания женщин, питающих грудью младенцев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. XXXIX: 1824. № 29.773. С. 68.
20. Сенатский указ о наказании беременных женщин не прежде как по разрешении от бремени и миновании срока положенного на воспитание грудью младенца // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1831. Т. V: 1830. № 3535. С. 215–216.
21. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о преступницах, ссылаемых в Сибирь, кои окажутся беременными или имеющими грудных младенцев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1838. Т. XII: 1837. № 10831. С. 1038–1039.
22. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о ссылке, по воле помещиков, в Сибирь женщин беременных или с грудными младенцами // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1854. Т. XXVIII: 1853. № 27602. С. 477–478.
23. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.) // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>
24. Устав о ссыльных (издание 1909 г.) // Законодательство Российской империи. Т.14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>
25. Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1867. Т. XXXIX, отд. 2: 1864. С. 215–306.
26. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1846. Т. XX: 1845. С. 598–1010.
27. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года // Свод законов Российской империи. Петроград, 1916. Т. 15, [ч]. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. С. 1–458.
28. Уголовное уложение (статьи, введенные в действие) // Свод законов Российской империи. Петроград, 1916. Т. 15, [ч]. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. С. 459–517.

Anna P. Veselova, Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russia). E-mail: avspectr@mail.ru

THE CRIMINAL LAW OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AS A SOURCE OF THE HISTORY OF CHILDHOOD AND MOTHERHOOD

Key words: history of childhood, history of motherhood, Philippe Aries, concepts of childhood, sources of the history of childhood.

The history of childhood and the history of motherhood are relatively young and increasingly popular scientific fields. In Russia, the traditional interest of researchers is concentrated on the Soviet period, which is easily explained by the diversity and availability of the source base. With regard to pre-revolutionary Russia, the problem of sources of the history of childhood and the closely related history of motherhood is fundamental.

Criminal law can become a promising source on the issues under consideration, a source that gradually reflects the attitude towards children and childhood in various historical periods of the Russian state. Through the regulation of crimes against life and health of children, the prosecution of pregnant women and nursing mothers, minors and juveniles, characteristics of sentence, criminal rules demonstrate consistent transformation of the perception of childhood and motherhood in the 11 – early 20 centuries in the Russian society.

The study is based on the legal material of the 11 – early 20 centuries, containing criminal norms, from the Statute of Prince Yaroslav on the Church courts to the Criminal code of 1903. Criminal acts are understood in the work in a broad sense, including criminal procedural and penal aspects. This is true of pre-Soviet law, in which the issue of differentiation of criminal law as a branch of law has not been fully resolved.

The criminal norms of the sources of law of Kievan Rus and the Moscow state confirm the concept of indifference of P. Aries, which is expressed in the form of a certain tolerance towards infanticide. Since the 17 century, the Cathedral code of 1649 and its additions, the changes in attitude to childhood have become evident. It is beginning to be perceived as different and in need of special respect and additional safeguard period. This trend is manifested in the protection of the life of the unborn child, in the refusal to interrogate children and pregnant women, in determining the age of criminal responsibility.

Criminal acts of the eighteenth century prohibited the use of torture against children and pregnant women and established the qualified death penalty for the murder of an infant. The legislator of the nineteenth century is not only interested in the preservation of the physical life of the child, but ensuring that it is of a certain quality. Care for the health of children and their mothers is expressed in criminal provisions in the form of prohibitions on corporal punishment of pregnant women and women breastfeeding, restrictions on their employment, as well as in the maintenance of improved conditions of detention. The criminal law of the Russian Empire of 19 – the beginning of 20 centuries reflects changes in understanding of borders of children's age and stages of maturation, testifying to consecutive infantilization of society.

REFERENCES

- Romashova, M.V. (2013) *Deti i fenomen detstva v otechestvennoy istorii: noveyshie issledovaniya, diskussionnye ploshchadki, sobytiya* [Children and the phenomenon of childhood in Russian history: the latest research, discussion platforms, events]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Vestnik of Perm University. History*. 2(22). pp. 108–116.
- Shchapov, Ya.N. (1972) *Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevney Rusi* [Princely charters and a church in Ancient Russia]. Moscow: Nauka.
- Zuev, Yu.P. & Shmidt, V.V. (eds) (2010) *Religiya – obshchestvo – gosudarstvo: instituty, protsessy, mysl'* [Religion – society – state: institutions, processes, thought]. Moscow: Izd-vo RAGS; MediaProm.
- Pushkareva, N.L. (1989) *Zhenshchiny Drevney Rusi* [Women of Ancient Russia]. Moscow: Mysl'.
- Pushkareva, N.L. (1997) *Zhenshchina v russkoy sem'e X – nachala XIX v.: dinamika sotsio-kul'turnykh izmeneniy* [A woman in a Russian family of the 10th – early 19th centuries: the dynamics of socio-cultural changes]. Vol. 1. History Dr. Diss. Moscow.
- Sofronenko, K.A. (ed.) (1957) *Pamyatniki russkogo prava* [Rarities of Russian Law]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
- Russia. (1890) *Chelobit'e vdovy Fedory Zhelyabuzhskey ob otpuske syna iz pod Smolenska dlya pogrebeniya docheri eya, ubitoy muzhem* [The humble petition from the widow Fedora Zhelyabuzhskaia to release her son from near Smolensk for the burial of her daughter killed by her husband]. In: Popov, N.A. (ed.) *Akty Moskovskogo gosudarstva* [Acts of the Moscow State]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. p. 84.
- Russia. (1830) *Prigovor Zemskogo prikaza. O nakazanii knutom Ivashki Dolgova za ubiystvo zheny svoey, i ob otpuske ego na poruki* [The verdict of the Zemsky Order. On whipping Ivashka Dolgov for the murder of his wife, and on his release on bail]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. p. 586.
- Aries, P. (1999) *Rebenok i semeynaya zhizn' pri Starom poryadke* [The Child and Family Life in the Ancien Régime]. Translated from French by Ya.Yu. Startsev. Ekaterinburg: Ural State University.
- Zagoskin, N. (1879) *Stoly razryadnogo prikaza, po khranyashchimsya v Moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii knigam ikh* [Order-in-Charge Prikaz, according to their books stored in the Moscow Archive of the Ministry of Justice]. Kazan: Kazan Imperial University.
- Cherepnin, L.V. (ed.) (1963) *Pamyatniki russkogo prava* [Rarities of Russn Law]. Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
- Shalyapin, S.O. (2005) *Ustanovlenie vozrasta ugovnogo vmeneniya v russkom prave XVII-XIX vv.* [The age of criminal liability in the Russian law of the 17th –19th centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 3. pp. 20–23.
- Shchapov, Ya.N. (1977) *Prokhiron v vostochnoslavianskoy pis'mennosti* [The Procheiros nomos in the East Slavic script]. *Vizantiyskiy vremennik*. 38(63). pp. 48–58.
- Sofronenko, K.A. (ed.) (1961) *Pamyatniki russkogo prava* [Rarities of Russn Law]. Vol. 8. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
- Anon. (2008) *Katkoe izobrazhenie protsessov ili sudebnykh tyazhb* [Processes or litigation briefly]. In: Titov, Yu.P. (ed.) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii* [A Reader on the History of Russian State and Law]. Moscow: Prospekt. pp. 144–158.
- Russia. (1830) *Uchrezhdenie dlya upravleniya guberniy Vserossiyskoy imperii. 1775 g.* [The institution for the management of the provinces of the All-Russian Empire. 1775]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 20. № 14392. Art. 391. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery.
- Ozhiganova, A.A. (2011) *Obrazy mladentsa v populyarnykh posobiyyakh dlya roditel'ey (XVIII – XXI vv.)* [Images of a baby in popular manuals for parents (the 18th – 21st centuries)]. In: *Detstvo v nauchnykh, obrazovatel'nykh i khudozhestvennykh tekstakh* [Childhood in scientific, educational and literary texts]. Kazan: Kazan State University. pp.48–53.
- Zakharova, I.N. & Machneva, E.B. (2016) *Breastfeeding history of the peoples of the world. Meditsinskiy sovet – Medical Council*. 16. pp. 14–21. (In Russian). DOI: 10.21518/2079-701X-2016-16-14-21
- Russia. (1830) *Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta – o vremeni ispolneniya prigovorov Sudebnykh mest otnositel'no nakazaniya zhenshchin, pitayushchikh grud'yu mladentsev* [The highest approved opinion of the State Council on execution of sentences regarding women breastfeeding infants]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 39. № 29.773. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. p. 68.

20. Russia. (1831) Senatskiy ukaz o nakazanii beremennykh zhenshchin ne prezhe kak po razreshenii ot bremeni i minovanii sroka polozhennogo na vospitanie grud'yu mladentsa [The Senate decree on the punishment of pregnant women not earlier than delivery and bypassing the period laid down for baby breastfeeding]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 5. 1830. № 3535. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. pp. 215–216.
21. Russia. (1838) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta. O prestupnitsakh, ssylaemykh v Sibir', koi okazhutsya beremennymi ili imeyushchimi grudnykh mladentsev [The highest approved opinion of the Council of State. On female criminals exiled to Siberia when pregnant or having infants]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 12. 1837. № 10831. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. pp. 1038–1039.
22. Russia. (1854) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta. O ssylke, po vole pomeshchikov, v Sibir' zhenshchin beremennykh ili s grudnymi mladentsami [The highest approved opinion of the Council of State. On exile to Siberia of pregnant women or women with infants by the will of landowners]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 28. 1853. № 27602. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. pp. 477–478.
23. Russia. (n.d.) *Svod uchrezhdeniy i ustavov o soderzhashchikhsya pod strazhey (izdanie 1890 g.), Ustav o ssyl'nykh (izdanie 1909 g.)* [The Code of Institutions and Charters on Detention (1890), Charter on Exiles (1909)]. [Online] Available from: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.
24. Russia. (1909) *Ustav o ssyl'nykh (izdanie 1909 g.)* [Charter on Exiles (1909)]. [Online] Available from: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.
25. Russia. (1867) Ustav ugovnogo sudoproizvodstva 1864 goda [The charter of criminal proceedings of 1864]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 39. 1864. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. pp. 215–306.
26. Russia. (1846) Ulozhenie o nakazaniyakh ugovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 20. 1845. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. pp. 598–1010.
27. Russia. (1916a) Ulozhenie o nakazaniyakh ugovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 15. Petrograd: [s.n.]. pp. 1–458.
28. Russia. (1916b) Ugolovnoe ulozhenie (stat'i, vvedennye v deystvie) [Criminal Code (articles put into effect)]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 15. Petrograd: [s.n.]. pp. 459–517.

УДК 93/94

DOI: 10.17223/19988613/65/16

К.В. Герш, А.В. Свешников

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И.М. ГРЕВСА

Статья посвящена анализу публицистических статей по политическим вопросам известного русского медиевиста И.М. Гревса. Выявляя основные тематические блоки публицистических статей И.М. Гревса, авторы делают акцент на «идейной» взаимосвязи историографических и публицистических работ историка. По мнению авторов, через анализ современной действительности ученый выходил на важную для него проблему – проблему политической и национальной самоидентификации.

Ключевые слова: политическая публицистика; И.М. Гревс; русская медиевистика; либерализм; кадетская партия; русская революция.

Принципиальный вопрос «Зачем в России вообще нужна медиевистика?» (т.е. изучение отдаленного периода истории других (западноевропейских) стран) на разных этапах истории профессиональной исторической науки в России периодически приобретает особую остроту и актуальность как для историков исторической науки, так и для самих медиевистов. Поскольку универсального ответа на этот вопрос выработано не было, следует, видимо, исходить из того, что ответ может быть сугубо контекстуальным. Другими словами, в разное время, ориентируясь на различные актуальные в данный момент интеллектуальные, политические и культурные контексты, российские медиевисты по-разному обосновывали «право на жизнь» (и финансирование) своей научной дисциплины.

В своей классической работе Б.Г. Могильницкий показал, каким образом работы российских медиевистов, посвященные изучению аграрных отношений западноевропейского Средневековья, были связаны с актуальными вопросами общественно-политической жизни пореформенной Российской империи [1]. Но, с одной стороны, механизм реализации этой стратегии обоснования легитимности профессиональной историографии был весьма вариативен, а с другой – далеко не все российские медиевисты начала XX в. занимались непосредственно изучением аграрных отношений.

Одним из таких медиевистов был Иван Михайлович Гревс (1860–1941). На протяжении многих лет он читал как общий курс истории Средних веков в Санкт-Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах, так и большое количество специальных курсов по Средневековью. Его ученики составили цвет российской медиевистики первой половины XX в., а сфера его непосредственных научных интересов была связана и изучением проблем средневековой западноевропейской культуры.

Как и многие коллеги историка, Гревс активно занимался общественно-политической деятельностью, в том числе был автором нескольких десятков статей, опубликованных в начале XX в. в различных периодических изданиях. При этом получается, что эти статьи прошли мимо как авторов работ, посвященных истории российского либерализма [2–11], в частности политической активности историков начала XX в. [12, 13],

так и авторов исследований, посвященных изучению жизни и творчества И.М. Гревса [14–16]. Последних в большей степени привлекали публицистические статьи Гревса по вопросам краеведения и проблемам образования. Исключениями здесь являются статья Б.С. Кагановича [17], а также небольшое предисловие Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина к публикации наброска воспоминаний Гревса о М.П. Драгоманове [18].

В связи с этим, стремясь заполнить существующую лауну, в нашей работе мы попытаемся сугубо предварительно рассмотреть политическую публицистику Гревса как индивидуальный режим обоснования общественной легитимности исторической науки, попытавшись установить «идейную» связь публицистических статей и профессиональной деятельности петербургского историка.

И.М. Гревс еще со студенческих лет был связан с оппозиционным движением, а близкий круг его многолетних друзей (так называемое «Приютинское братство» [19, 20]) играл важную роль в формировании идеологии либерального движения и кадетской партии [21. С. 15–17]. Историк принимал непосредственное участие в знаменитой встрече русских либералов в июле 1903 г. в Шафгаузене, на которой было принято решение о создании «Союза освобождения». Еще со студенческих лет Гревс состоял под «надзором полиции», а в 1899 г. был отстранен от преподавания в университете «секретным приказом министра народного просвещения» [Там же. С. 30]. В этом же году он получил оставшееся, правда, нереализованное приглашение о сотрудничестве с либеральным народническим журналом «Русское богатство». Снизив свою политическую активность, в 1902 г. он вернулся в университет, а начало его систематической деятельности в качестве публициста связано с событиями 1905 г.

В октябре 1905 г. Гревс вместе со многими своими друзьями и единомышленниками совершенно неожиданно вступил в ряды кадетской партии. С изданиями, ассоциированными с этой партией, и связана его деятельность как публициста. Он публиковался в таких изданиях, как журналы «Полярная звезда», «Свобода и культура», газеты «Право» и «Речь»; последняя фактически была главным печатным органом

кадетской партии. По предварительным подсчетам на страницах этих и других изданий им было опубликовано около 30 статей. Мы можем выделить, так сказать, два «пика публицистической активности» Гревса – 1905–1906 гг. (13 статей) и 1917–1918 гг. (15 статей). Рост такой активности напрямую связан с политическими событиями, революциями. В промежутках между этими датами Гревс также публикует статьи, но гораздо реже.

Тематика политических статей Гревса определяется двумя моментами – актуальной политической ситуацией и кругом вопросов, в которых он считает себя относительно компетентным. Начинает он как автор, с одной стороны, пытающийся обосновать в своих статьях вопросы тактики и идеологии партии кадетов на думских выборах, а с другой – как эксперт в вопросах высшей школы. В своих первых статьях И.М. Гревс анализирует ситуацию, связанную с прекращением занятий в Санкт-Петербургском университете, знаменитыми «письмом 23 профессоров» и «запиской 342 ученых» (к которым он присоединился), критикует правительственную политику в сфере высшей школы, выступая идеологом свободных науки и преподавания [22–24]. Затем выходит целый блок статей, появление которых связано с выборами в Первую и Вторую Государственные думы. В них Гревс призывает избирателей принять активное участие в выборах и отдать свой голос за кадетскую партию, программу которой он пытается разъяснить [25–29]. Кадетская партия для ученого – «честный борец за “мирную революцию”». Историк критикует тактику бойкота выборов в думу левых партий, призывает их отказаться от насилия и перейти к сотрудничеству с конституционными демократами. Главным основанием такого сближения для него является победа разума. Истоки политического радикализма, пустившего корни в обществе, Гревс усматривал в традициях революционных народников 1870-х гг. [30]. После 1906 г. он вновь переключается на критику правительственной политики в области высшего образования [31, 32], а также затрагивает вопросы о реформе среднего образования и подготовке учителей нового поколения [33].

Публицистика Гревса 1917–1918 гг. тематически более разнообразна. По-прежнему основными органами периодической печати остаются для него газета «Речь / Наш век» и еженедельник «Русская свобода». Историк анализирует бурные революционные события и их негативные последствия [34–39], оценивает возможности участия молодежи в революции [40, 41], рассматривает правительственную политику в области высшего образования, науки, свободы слова и органов периодической печати [42–48], прорисовывая перспективы их дальнейшего развития в новых условиях. По своему содержанию эти статьи, с одной стороны, как и ранее, совпадают с кадетскими позициями и оценками, а с другой – в них заметно усиливается антибольшевистская направленность, которая в конце концов сделала деятельность Гревса-публициста после революции практически невозможной.

Следует отметить некоторые особенности, которые характеризуют публицистические работы Гревса.

Во-первых, методологические принципы историка, реализуемые в «научных» текстах [49, 50], находят свое отражение и в публицистических. Историк анализирует современные ему процессы в образовании, науке, государственной, партийной жизни через призму гуманизма, исторического идеализма, генетического принципа (особое внимание уделяя причинам и истокам), культурно-исторического прогресса и преемственности, психологизации: «Жизнь движется медленно, приливами и отливами; в поступательном движении происходят остановки, почти никогда не совершается в нем сразу далеких скачков. Надобно только не уставать бороться, шествуя вперед» [24. Стб. 2936]. Общечеловеческая культура и ценности, свобода личности, индивидуальность, прогресс, вера в единство и тому подобное наполняют пространство публицистических текстов Гревса не меньше, чем «медиевистских»: «Свободу учения и преподавания необходимо завоевывать согласным, одушевленным натиском всех, кто любит истину, в ком горит жажда искания смысла жизни, кто понимает, что только идеи ведут человечество к совершенству» [Там же. Стб. 2937]. В публицистических текстах историк поднимает вопрос о роли личности, вождя и масс: «Личность нельзя конструировать из среды: в ней открывается одна из примордиальных сил, создающих среду. Индивидуальные усилия личности и собирательная работа всех умов, коллективирующаяся в гений человечества, вот истинный фактор шествования человечества к совершенствованию» [Там же. С. 203].

Во-вторых, Гревс активно использует исторический опыт древней, средневековой и новой истории для проведения исторических параллелей между прошлым и настоящим, хотя оговаривает ограниченность их использования, а порой и сам критикует ученых-коллег за некорректность сравнений [26. № 11. С. 801–802]: «...Как историк, не могу закрыть глаза на прошлое, не видеть, сколько раз подвергались крушению попытки водворить демократические начала. Хотелось бы заранее видеть грозящие и нам опасности» [35. С. 15]. Ученый обращается к опыту Римской империи, средневековой культуры, английской и французской революциям и пр.: «Вспоминается в истории человечества далекий трагический момент... Рим был варваром сравнительно с сокрушенной им цивилизованной Грецией... греческому гению удалось справиться с римским невежеством... лишь те народы стали героями истории, которые уверовали в божественную природу человеческого духа, в неопределимую стоимость его достижений. Таковыми были культуры Италии, Франции, Англии... таким явит себя миру и русский народ с той правдой, которую он таит в себе, которая в грядущем раскроется ярким светом» [Там же. С. 18].

В-третьих, историк легитимизирует свои публицистические тексты с помощью опоры на авторитеты, т.е. активного цитирования произведений выдающихся исторических личностей, современных писателей, ученых (среди них Августин, Данте, Ренан, Фюстель де Куланж, И.С. Тургенев, Вл. Соловьев, М.П. Драгоманов и др.). Точно так же Гревс поступал и в академических статьях. Более того, список цитируемых

в историографических и публицистических статьях авторитетов почти полностью совпадает. Практически в каждом как раннем, так и позднем публицистическом тексте Гревса находится место для цитат «великих»: «Данте громко провозгласил, что разум составляет все преимущество человека и обеспечивает его счастье; но великий поэт-мыслитель прибавляет, что разум может действовать только тогда, когда он свободен, как у гениальных философов древности» [22. С. 3]; «...наука, о которой Ренан говорил, что “она может привести, поистине, к улучшению человека на земле”. И счастлив человек, если по вере того же Ренана, в самом деле, – “наука – первая потребность его”» [35. С. 20].

В-четвертых, академические тексты Гревса-историка отличаются от текстов большинства его коллег наличием эмоционально-окрашенных высказываний. Личное отношение историка к изучаемому прошлому – важный элемент теоретико-методологической программы Гревса [49, 50]. Это же характерно и для политико-публицистических статей. Гревс пытается быть личностно-эмоциональным публицистом. Он часто использует собственный опыт, эффект «вживания» и «присутствия»: «Приведенный личный пример, для пишущего субъективно особенно убедительный, рисуется мне индивидуальным символом объективно-реальной истины» [37. С. 6]. Например, собственные детские воспоминания о добром сожительстве «хохлов» и «кацапов», внутреннее чувство комфорта во время пребывания на Украине, отсутствие у историка «чувства розни» вполне являлись для него доказательством «русскости» украинского народа: «Ярославец и полтавец для меня родные братья. Значит же они родные и между собой» [37. С. 5–6]. Использование лозунгов-призывов также отличает тексты историка: «Шире же дорогу друзьям и труженикам созидательного общественного и культурного дела!»; «Идемте к урнам все вместе дружной толпой, как озаренные единым истинным светом сознательные и убежденные работники – каменщики народного освобождения! В единстве сила!» [27. С. 2].

В-пятых, для «Гревса-идеалиста» (именно так он определял свою историческую позицию до конца жизни)

был характерен, безусловно, и «идеализм политический» [51]: «Мы [кадеты] несем правду для всего человечества!» [28. С. 2]. В этой связи вполне приемлемыми для историка были призывы к «партийному единению всех прогрессистов» [26. № 12. С. 56; 28. С. 3] и «созданию общего великого духа – духа народной России» [26. № 12. С. 56], слиянию наций в «единое человечество – братство» [41. С. 19], вера «в отрезвление революционеров», «открытие очей немецкого народа на нелепость и преступность совершающейся бойни», [41. С. 7], способность всех классов к «единой благой работе», путь «к миру, свету и свободе!» [31. С. 28].

Таким образом, через анализ современной действительности ученый выходил на важную для него проблему – проблему самоидентификации: кто я? Для Гревса в публицистических текстах важно было подчеркнуть роль историка, зачастую в тексте он по несколько раз повторяет для неосведомленного читателя, что автор – историк, пытающийся разобраться в современных общественно-политических вопросах: «Пишущий эти строки не может и не хочет считать себя политиком по призванию или по профессии; но он всю жизнь работает над наукой, близкой к вопросам о государстве и обществе; он долго преподает ее молодежи обоюдого пола и разного возраста и думает, что теоретический опыт размышления над историей, а также опыт практический ее изложения и наблюдения над тем, как она понимается и как действует на человеческую душу, дает ему право сказать свое слово по вопросу о партийной психологии и о политической потребности настоящего дня». [26. № 11. С. 796]. При этом собственно профессиональные научные тексты, точнее наличествующий благодаря им символический капитал, выполняют в рамках выбранного Гревсом коммуникативного режима функцию имплицитной аргументации. Читатель «должен поверить» автору в том числе и потому, что автор «профессор». Если же этого окажется недостаточно, читатель может обратиться к научным работам автора и найти в них развернутое обоснование намеченной в публицистических статьях позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начало 1900-х гг. Томск : ТГУ, 1969. 410 с.
2. Шацкило К.Ф. Русский либерализм накануне революции, 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М. : Наука, 1985. 347 с.
3. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М. : Наука, 1983. 327 с.
4. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1905–1914 гг. М. : Наука, 1991. 231 с.
5. Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 503 с.
6. Российские либералы : сб. ст. / под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 2001. 574 с.
7. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. 432 с.
8. Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2006. 227 с.
9. Российский либерализм: идеи и люди / под ред. А.А. Кара-Мурзы. 2-е изд. М. : Новое изд-во, 2007. 904 с.
10. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия / Под ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2010. 1087 с.
11. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. 863 с.
12. Волобуев О.В. Революция 1905–1907 гг. в публицистике русских буржуазных историков // Исторические записки. М. : Наука, 1978. Т. 102. С. 54–72.
13. Шарова А.В. Всеобщая история в общественно-политической жизни России начала XX в. // Средневековая Европа: Восток и Запад. М. : Изд. Дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 367–412.
14. Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс : биографический очерк // Гревс И.М. Тацит. М.–Л. : Изд. АН СССР, 1946. С. 223–248.

15. Скворцова Т.Н. И.М. Гревс как учитель и ученик // Российские университеты в XVIII–XX веках. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. Вып. 5. С. 183–200.
16. Вахромеева О.Б. Духовное единение : к изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб. : Знаменитые университеты, 2005. 166 с.
17. Каганович Б.С. О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютина братства» // Русская эмиграция до 1917 г. – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 90–103.
18. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Из архива И.М. Гревса // Общественная мысль в России в XIX веке. Л. : Наука, 1986. Вып. 16. С. 234–237.
19. Шаховской Д.И. Письма о Братстве / публ. Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорокиной // Звенья. М., 1992. Вып. 2. С. 171–318.
20. Еремеева С.А. Приютинское братство как феномен интеллектуальной культуры России последней трети XIX – первой половины XX в. : автореф. дис. ... канд. культурологи. М., 2007. 20 с.
21. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб. : ГИПЕРИОН, 2007. 244 с.
22. Гревс И.М. Забытая наука и униженное звание // Наши дни. 1904. № 10. С. 2–3.
23. Гревс И.М. Возродится ли у нас подорванное научное просвещение // Право : еженедельная юридическая газета. 1905. № 9. Стб. 634–644.
24. Гревс И.М. Временные правила 27 августа об управлении университетами и освобождении науки // Право : еженедельная юридическая газета. 1905. № 36. Стб. 2923–2939.
25. Гревс И.М. Сергею Николаевичу Трубецкому (памяти погибшего защитника идейности) // Полярная звезда. 1905. № 3. С. 193–209.
26. Гревс И.М. Идеальная борьба и созидательная работа в революции (к истолкованию души конституционно-демократической партии) // Полярная звезда. 1906. № 11. С. 787–804; № 12. С. 55–75.
27. Гревс И.М. Дружно к урнам! // Речь. 1906. № 26. С. 2.
28. Гревс И.М. После победы // Речь. 1906. № 42. С. 2–3.
29. Гревс И.М. Не разрознят они нас и никого не обманут // Речь. 1906. № 47. С. 2.
30. Гревс И.М. Из истории политических настроений четверть века назад // Свобода и культура. 1906. № 7. С. 490–513.
31. Гревс И.М. Университеты под режимом 8 июля 1906 г. // Право. 1906. № 33. Стб. 2621–2630; № 34. Стб. 2679–2690.
32. Гревс И.М. Строительство и разрушение в высшей школе // Право : еженедельная юридическая газета. 1908. № 29. Стб. 1581–1596; № 31. Стб. 1661–1678.
33. Гревс И.М. К просветительской взаимопомощи // Речь. 1906. № 121. С. 2–3.
34. Гревс И.М. Старый революционер за эволюцию // Речь. 1917. № 80. С. 2.
35. Гревс И.М. Демократия и наука // Русская свобода. 1917. № 8. С. 13–20.
36. Гревс И.М. Как искоренить беспризорность детей? (К новым районным думам) // Речь. 1917. № 130. С. 2.
37. Гревс И.М. Русским – украинцам // Русская свобода. 1917. № 20–21. С. 3–11.
38. Гревс И.М. Культ революции // Русская свобода. 1917. № 24–25. С. 19–28.
39. Гревс И.М. Последнее прощание мученикам высокой любви // Наш век. 1918. № 9. С. 1.
40. Гревс И.М. Женская и мужская молодежь в высшей школе // Речь. 1917. № 95. С. 2.
41. Гревс И.М. Молодежь и революция // Русская свобода. 1917. № 2. С. 3–8.
42. Гревс И.М. Университет и современная жизнь (по поводу совещания деятелей высшей школы) // Речь. 1917. № 147. С. 2.
43. Гревс И.М. Новые научные периодические органы по истории в России (в ожидании «Русского исторического журнала») // Речь. 2017. № 6. С. 3–4.
44. Гревс И.М. Занятие Смольного института // Речь. 1917. № 179. С. 2.
45. Гревс И.М. Лига русской культуры // Речь. 1917. № 195. С. 6.
46. Гревс И.М. За духовную культуру России // Наш век. 1918. № 16. С. 1.
47. Гревс И.М. Гибель одного культурного дела // Наш век. 1918. № 79. С. 5.
48. Гревс И.М. Свободные голоса // Наш век. 1918. № 101. С. 2.
49. Бамбизова К.В. Историческая концепция И.М. Гревса – основоположника Петербургской школы медиевистики : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 259 с.
50. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX века. Судьба научного сообщества. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.
51. Колеров М.А. Археология русского политического идеализма: 1904–1927 : очерки и документы. М. : Common Place, 2018. 352 с.

Kseniya V. Gersh, Novokuznetsk Institute Branch of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: bambizova@mail.ru

Anton V. Sveshnikov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: pucholik@rambler.ru

POLITICAL JOURNALISM OF I.M. GREVS

Keywords: political journalism, I.M. Grevs, Russian Medieval Studies, Liberalism, Cadet Party, Russian Revolution

The article attempts to consider the political journalism of the famous Russian medieval historian, professor of the Imperial St. Petersburg University, Ivan Grevs, as a form of legitimization of the academic discipline “general history” in the public space of the Russian Empire. Ivan Grevs’ political journalism, practically, has never before become the subject of special analysis either in works devoted to the history of Russian liberalism, or in works devoted directly to the historian himself. We managed to identify more than 30 Grevs’ articles on politics and published in the liberal periodicals “Rech”, “Pravo”, “Polyarnaya Zvezda”, “Svoboda i Cultura” from 1905 to 1918. These articles were used as the main source in our research. At the same time, two peaks of Grevs’ publication activity can be chronologically revealed. These are 1905–1906 (13 articles) and 1917–1918 (15 articles). Articles of these two periods differ thematically. Grevs criticized state policy in the field of higher education and tried to justify the political program of the Cadet Party in 1905–1906. In 1917–1918, the subjects of his articles were much more diverse, but at the same time, they clearly contain criticism of the Bolsheviks. During the study, we came to the conclusion that there is an “ideological” and discursive similarity between the political journalistic and professional, academic (scientific and popular science) works of Ivan Grevs. The historian analyzed contemporary processes in education, science, state, party life through the prism of humanism, historical idealism, the “genetic” principle, cultural and historical progress, and continuity. Universal human culture and values, personal freedom, individuality, progress, faith in unity, etc. – that all filled the space of Grevs’ journalistic texts no less than professional academic ones. At the same time, professional scientific texts, or rather symbolic capital that exists due to them, perform the function of implicit argumentation within the framework of the communication regime chosen by Grevs. The reader “must believe” the author, also because the author is a “professor”. If this turns out to be insufficient, the reader can check with the author’s scientific works and find in them a detailed substantiation of the position outlined in the journalistic articles. The communication strategy chosen by Grevs suggests that, on the one hand, the academic historian can position himself in public space as a competent expert in analyzing current political processes, and on the other hand, his journalistic activity is an effective way to legitimize professional academic activity.

REFERENCES

1. Mogilnitsky, B.G. (1969) *Politicheskie i metodologicheskie idei russkoy liberal'noy medievistiki serediny 70-kh gg. XIX v. – nachalo 1900-kh gg.* [Political and Methodological Ideas of Russian Liberal Medieval Studies of the mid 1870s - early 1900s]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Shatsillo, K.F. (1985) *Russkiy liberalizm nakanune revolyutsii, 1905 – 1907 gg.: Organizatsiya. Programmy. Taktika* [Russian liberalism on the eve of the revolution, 1905 – 1907: Organization. Programs. Tactics]. Moscow: Nauka.
3. Shelokhaev, V.V. (1983) *Kadety – glavnaya partiya liberal'noy burzhazii v bor'be s revolyutsiei 1905–1907 gg.* [The Constitutional Democrats as the main liberal bourgeoisie party in the struggle against the revolution of 1905–1907]. Moscow: Nauka.
4. Shelokhaev, V.V. (1991) *Ideologiya i politicheskaya organizatsiya rossiyskoy liberal'noy burzhazii, 1905-1914 gg.* [The ideology and political organization of the Russian liberal bourgeoisie, 1905–1914]. Moscow: Nauka.
5. Shelokhaev, V.V. (2019) *Liberalizm v Rossii v nachale XX veka* [Liberalism in Russia in the early 20th century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
6. Itenberg, B.S. & Shelokhaev, V.V. (eds) *Rossiyskie liberaly* [Russian liberals]. Moscow: ROSSPEN.
7. Gayda, F.A. (2003) *Liberal'naya oppozitsiya na putyakh k vlasti (1914 – vesna 1917 g.)* [The liberal opposition on the path to power (1914 – spring 1917)]. Moscow: ROSSPEN.
8. Seleznev, F.A. (2006) *Konstitutsionnye demokrati i burzhaziya (1905 – 1917 gg.)* [Constitutional democrats and the bourgeoisie (1905 – 1917)]. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.
9. Kara-Murza, A.A. (ed.) (2007) *Rossiyskiy liberalizm: Idei i lyudi* [Russian liberalism: Ideas and People]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
10. Shelokhaev, V.V. (ed.) (2010) *Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka. Entsiklopediya* [Russian liberalism of the mid 18th – early 20th century]. Moscow: ROSSPEN.
11. Shelokhaev, V.V. (2015) *Konstitutsionno-demokraticeskaya partiya v Rossii i emigratsii* [Constitutional Democratic Party in Russia and emigration]. Moscow: ROSSPEN.
12. Volobuev, O.V. (1978) *Revolutsiya 1905 – 1907 gg. v publitsistike russkikh burzhaznykh istorikov* [Revolution of 1905–1907 in the journalism of Russian bourgeois historians]. *Istoricheskie zapiski*. 102. pp. 54–72.
13. Sharova, A.V. (2015) *Vseobshchaya istoriya v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii nachala XX v.* [General history in the Russian socio-political life in the early twentieth century]. In: Boitsov, M.A. (ed.) *Srednevekovaya Evropa: Vostok i Zapad* [Medieval Europe: East and West]. Moscow: HSE. pp. 367–412.
14. Skrzhinskaya, E.Ch. (1946) *Ivan Mikhaylovich Grevs. Biograficheskiy ocherk* [Ivan Mikhailovich Grevs. A biographical sketch]. In: Grevs, I.M. *Tatsit* [Tacitus]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 223–248.
15. Skvortsova, T.N. (2000) *I.M. Grevs kak uchitel' i uchenik* [I.M. Grevs as a teacher and disciple]. In: *Rossiyskie universitety v XVIII – XX vekakh* [Russian universities in the 18th – 20th centuries]. Issue 5. Voronezh: Voronezh State University. pp. 183–200.
16. Vakhromeeva, O.B. (2005) *Dukhovnoe edinenie. K izucheniyu tvorcheskoy biografii I.M. Grevs* [Spiritual unity. Studying I.M. Grevs' creative biography]. St. Petersburg: Znamenitnye universanty.
17. Kaganovich, B.S. (1997) *O genezise ideologii "Ol'denburgskogo kruzhka" i "Priyutina bratstva"* [On the genesis of the ideology of the "Oldenburg Circle" and "Priyutino Brotherhood"]. In: Sherrer, Yu. & Ananich, B. (eds) *Russkaya emigratsiya do 1917 g. – laboratoriya liberal'noy i revolyutsionnoy mysli* [Russian emigration until 1917 – a laboratory of liberal and revolutionary thought]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom. pp. 90–103.
18. Ananich, B.V. & Ganelin, R.Sh. (1986) *Iz arkhiva I.M. Grevs* [From I.M. Grevs' archive]. In: Ananich, B.V. et al. *Obshchestvennaya mysl' v Rossii v XIX veke* [Public Thought in Russia in the 19th Century]. Leningrad: Nauka. pp. 234–237.
19. Shakhovskoy, D.I. (1992) *Pis'ma o Bratstve* [Letters of the Brotherhood]. *Zven'ya*. 2. pp. 171–318.
20. Eremeeva, S.A. (2007) *Priyutinskoe bratstvo kak fenomen intellektual'noy kul'tury Rossii posledney treti XIX – pervoy poloviny XX v.* [The Priyutino Brotherhood as a phenomenon of the intellectual culture of Russia in the last third of the 19th – first half of the 20th century]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Moscow.
21. Kaganovich, B.S. (2007) *Russkie medievisty pervoy poloviny XX veka* [Russian medievalists of the first half of the twentieth century]. St. Petersburg: GIPERION.
22. Grevs, I.M. (1904) *Zabytaya nauka i unizhennoe zvanie* [Forgotten science and humiliated title]. *Nashi dni*. 10. pp. 2–3.
23. Grevs, I.M. (1905a) *Vozrodit'sya li u nas podorvannoe nauchnoe prosveshchenie* [Will our undermined scientific enlightenment revive?]. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*. 9. Col. 634–644.
24. Grevs, I.M. (1905b) *Vremennye pravila 27 avgusta ob upravlenii universitetami i osvobozhdenii nauk* [Interim Rules of August 27 on University Management and Liberation of Science]. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*. 36. Col. 2923–2939.
25. Grevs, I.M. (1905c) *Sergeyu Nikolaevichu Trubetskomu (pamyati pogibshogo zashchitnika ideynosti)* [Sergei Nikolaevich Trubetsky (in memory of the deceased ideology defender)]. *Polyarnaya zvezda*. 3. pp. 193–209.
26. Grevs, I.M. (1906a) *Ideynaya bor'ba i sozidatel'naya rabota v revolyutsii (k istolkovaniyu dushi konstitutsionno-demokraticeskoy partii)* [Ideological struggle and creative work in the revolution (The soul of the Constitutional Democratic party interpreted)]. *Polyarnaya zvezda*. 11. pp. 787–804.
27. Grevs, I.M. (1906b) *Druzhno k umam!* [Together to the urns!]. *Rech'*. 26. pp. 2.
28. Grevs, I.M. (1906c) *Posle pobedy* [After the victory]. *Rech'*. 42. pp. 2–3.
29. Grevs, I.M. (1906d) *Ne razroznyat oni nas i nikogo ne obmanut* [They will neither scatter nor deceive us]. *Rech'*. 47. pp. 2.
30. Grevs, I.M. (1906e) *Iz istorii politicheskikh nastroyeniy chetvert' veka nazad* [From the history of political sentiments a quarter of a century ago]. *Svoboda i kul'tura*. 7. pp. 490–513.
31. Grevs, I.M. (1906f) *Universitety pod rezhimom 8 iyulya 1906 g.* [Universities under the regime of July 8, 1906]. *Pravo*. 33. Col. 2621–2630, 34. Col. 2679–2690.
32. Grevs, I.M. (1908) *Stroitel'stvo i razrushenie v vysshey shkole* [Construction and destruction in higher education]. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*. 29. Col. 1581–1596; 31. Col. 1661–1678.
33. Grevs, I.M. (1906g) *K prosvetitel'skoy vzaimopomoshchi* [To enlightening mutual assistance]. *Rech'*. 121. pp. 2–3.
34. Grevs, I.M. (1917a) *Staryy revolyutsioner za evolyutsiyu* [The Old Revolutioner for Evolution]. *Rech'*. 80. pp. 2.
35. Grevs, I.M. (1917b) *Demokratiya i nauka* [Democracy and science]. *Russkaya svoboda*. 8. pp. 13–20.
36. Grevs, I.M. (1917c) *Kak iskorenit' besprizornost' detey? (K novym rayonnym dumam)* [How to eradicate the homelessness of children? (To new district dumas)]. *Rech'*. 130. pp. 2.
37. Grevs, I.M. (1917d) *Russkim – ukrainsam* [To Russian – Ukrainians]. *Russkaya svoboda*. 20–21. pp. 3–11.
38. Grevs, I.M. (1917e) *Kul't revolyutsii* [The cult of the revolution]. *Russkaya svoboda*. 24–25. pp. 19–28.
39. Grevs, I.M. (1918a) *Poslednee prosti muchenikam vysokoy lyubvi* [Last farewell to the martyrs of high love]. *Nash vek*. 9. pp. 1.
40. Grevs, I.M. (1917f) *Zhenskaya i muzhskaya molodezh' v vysshey shkole* [Female and male youth in higher education]. *Rech'*. 95. pp. 2.
41. Grevs, I.M. (1917g) *Molodezh' i revolyutsiya* [Youth and revolution]. *Russkaya svoboda*. 2. pp. 3–8.
42. Grevs, I.M. (1917h) *Universitet i sovremennaya zhizn' (Po povodu soveshchaniya deyateley vysshey shkoly)* [University and modern life (Concerning the meeting of high school figures)]. *Rech'*. 147. pp. 2.
43. Grevs, I.M. (2017i) *Novye nauchnye periodicheskie organy po istorii v Rossii (V ozhidanii "Russkogo istoricheskogo zhurnal")* [New scientific periodical bodies on history in Russia (In anticipation of the "Russian Historical Journal")]. *Rech'*. 6. pp. 3–4.

44. Grevs, I.M. (1917j) Zanyatie Smol'nogo instituta [Occupation of the Smolny Institute]. *Rech'*. 179. pp. 2.
45. Grevs, I.M. (1917k) Liga russkoy kul'tury [League of Russian Culture]. *Rech'*. 195. p. 6.
46. Grevs, I.M. (1918b) Za dukhovnyu kul'turu Rossii [For the spiritual culture of Russia]. *Nash vek*. 16. p. 1.
47. Grevs, I.M. (1918c) Gibel' odnogo kul'turnogo dela [The death of one cultural undertaking]. *Nash vek*. 79. p. 5.
48. Grevs, I.M. (1918d) Svobodnye golosa [Free voices]. *Nash vek*. 101. p. 2.
49. Bambizova, K.V. (2008) *Istoricheskaya kontseptsiya I.M. Grevs – osnovopolozhnika Peterburgskoy shkoly medievistiki* [The historical concept of I.M. Grevs – the founder of the St. Petersburg school of medieval studies]. History Cand. Diss. Tomsk.
50. Sveshnikov, A.V. (2016) *Ivan Mikhaylovich Grevs i peterburgskaya shkola medievistov nachala XX veka. Sud'ba nauchnogo soobshchestva* [Ivan Mikhailovich Grevs and the St. Petersburg school of medievalists of the early twentieth century. The fate of the scientific community]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
51. Kolerov, M.A. (2018) *Arkheologiya russkogo politicheskogo idealizma: 1904–1927. Ocherki i dokumenty* [Archeology of Russian political idealism: 1904–1927. Essays and documents]. Moscow: Common Place.

УДК 39+728.03+528.44
DOI: 10.17223/19988613/65/17

А.Ю. Майничева, В.В. Талапов

ИНФОРМАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ: «УМНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА»

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №18-09-00469А «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры».

Работа посвящена применению технологии информационного моделирования к объектам деревянного зодчества как элементам геоинформационных систем. На примере Спасской церкви из Зашиверска, расположенной в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН, впервые поставлен вопрос о доведении таких объектов до уровня «умных» средствами BIM. Вводится новый термин «умный памятник деревянного зодчества», под которым понимается этнографически и исторически значимое здание или сооружение с системой информационного мониторинга, учитывающей изменения параметров его состояния.

Ключевые слова: памятник архитектуры; информационное моделирование; BIM; деревянное зодчество; «умный памятник деревянного зодчества»; Спасская церковь из Зашиверска.

Технология BIM информационного моделирования зданий [1, 2] является новым и весьма перспективным направлением в развитии этнографии. В одной из своих статей В.В. Талапов показал общую схему информационной модели памятника архитектуры [3], которая подходит для любых этнографических объектов – от крупноразмерных до миниатюрных. Информационные модели таких объектов вместе с прилегающей к ним территорией становятся первичными элементами, из которых формируется земельно-информационная система (ЗИС), входящая составной частью в более общую геоинформационную систему (ГИС).

Опыт применения технологии BIM к этнографически и исторически значимым зданиям и сооружениям, которые в дальнейшем будут упрощенно называться памятниками деревянного зодчества, говорит о целесообразности выделения объектов деревянного зодчества в отдельную категорию, для которой требуются только ей присущие методы моделирования, связанные как с историческими и техническими особенностями построения деревянных зданий на основе библиотек традиционных составных элементов [4], так и с необходимостью учета всех параметров элементов сооружения при исследовании, паспортизации, эксплуатации и реставрации [5]. Деревянные сооружения менее долговечны, чем каменные, поскольку их основной материал, древесина, подвержен воздействию огня, грибковых культур, лишайников, насекомых и пр. Прогнозирование их состояния требует проведения полного, постоянного и достаточно специфического мониторинга, но возникающий объем и своевременность такой работы, в том числе анализ получаемой информации, сложно обеспечить без средств информационного моделирования [7, 8].

Этнографические исследования зданий и сооружений, выявление их значимости, типичности, особенностей часто являются начальным этапом их постановки на учет как памятников архитектуры, истории и куль-

туры. Далеко не все архитектурные объекты официально получают статус памятников, оставаясь вместе с тем интересными, а порой и уникальными этнографическими артефактами, важными для понимания традиционной культуры.

В статье впервые поставлена задача рассмотреть возможности применения технологии информационного моделирования BIM для сохранения и обслуживания деревянных построек на примере Спасской церкви из Зашиверска (1700) с колокольной, памятника архитектуры федерального значения, расположенного на территории Историко-архитектурного музея Института археологии и этнографии СО РАН. За основу подхода к обслуживанию памятников деревянного зодчества была взята методика, разработанная в музее-заповеднике «Кижи» [6], включающая мониторинг состояния памятников, а также общепрофилактические и консервационные мероприятия. Ее выбор для выявления этнографически значимых архитектурных объектов, которые при появлении у них цифрового двойника в виде информационной модели условно можно назвать «умными памятниками», обоснован тем, что она аккумулирует современные достижения музееведения и реставрации по сохранению объектов культурного наследия, была апробирована и показала свою эффективность.

В мировой практике термин «умный» (smart) применительно к отдельным зданиям или даже населенным пунктам (городам) появился у разных авторов примерно в 2007 г. [9], т.е. сравнительно недавно. Поэтому наполнение этого термина многократно менялось, да и сейчас существует несколько его толкований. Термин «умный», уже устоявшийся в специальной литературе на русском языке, не совсем точно отражает суть понятия, более правильно было бы говорить об «интеллектуальном» или «думающем» объекте.

Если же перейти к содержанию понятия, то, согласно подходу, изложенному в [9], которого мы будем придерживаться, под «умным» объектом или городом понимается объект с такой системой управления (мониторинга), которая позволяет своевременно и эффективно на основе актуальных данных решать возникающие в процессе работы с этим объектом проблемы. Такое управление предполагает как наличие системы (механизма) сбора, в том числе интерактивного, так и анализ информации об объекте и осуществляется на основе информационной модели, которая уже на стадии формирования может и должна наделяться восприимчивостью к изменяемым параметрам. Ранее авторам уже приходилось показывать преимущества создания в информационной среде «умных», или «интеллектуальных», бревен для создания приближенной к реальности модели деревянного здания с множеством однотипных, но уникальных по размерам и другим параметрам элементов [5]. Сейчас же речь пойдет об «интеллектуализации» модели всего памятника.

Информационная модель Спасской церкви из Зашиверска была создана в 2010 г. сотрудниками отдела музееведения ИАЭТ СО РАН при участии В.В. Талапова и Т.И. Козловой по натурным обмерам и чертежам, разработанным для сборки этого памятника деревянного зодчества на музейной площадке институтом «Спецпроектреставрация» (Москва) в 1980 г. Модель строилась поэлементно, с выделением конструкций и деталей срубов (бревен, дверных и оконных косяков и пр.), пола и потолка, кровель, главков, крыльца и пр., что позволило вести раздельный мониторинг их состояния. Был сохранен один из основополагающих прин-

ципов информационного моделирования – модель не только показывала изображение постройки, но также описывала состояние конструкций и деталей здания и давала возможность последующей корректировки данных по результатам регулярных обследований. Все это оказалось существенным для основных видов обслуживания памятников деревянного зодчества, поскольку для них требуются профилактические мероприятия, мониторинг технического состояния, консервационные мероприятия.

Профилактические мероприятия, согласно [6], могут быть: регулярными, выполняемыми с определенной периодичностью; сезонными, проведение которых определяется временем года и местными климатическими условиями; консервационными; ремонтными, выполняемыми в зависимости от технического состояния объекта. Опыт проведения профилактических работ на Спасской церкви из Зашиверска показал, что для всех мероприятий, кроме самой их качественной реализации, важна четкая фиксация временного графика и результатов их выполнения по каждому элементу здания, а также возможность анализа проделанной работы и определение графика и содержания профилактических мероприятий на будущее. С такой задачей хорошо справляется обычная (поэлементная или сделанная на основе модели реальности) информационная модель (рис. 1) с привязкой к каждому элементу или их группам информации уровня электронных таблиц, содержащей временные графики по всем периодам профилактики, описание результатов проделанной работы, сравнительный анализ результатов и т.п. [3].

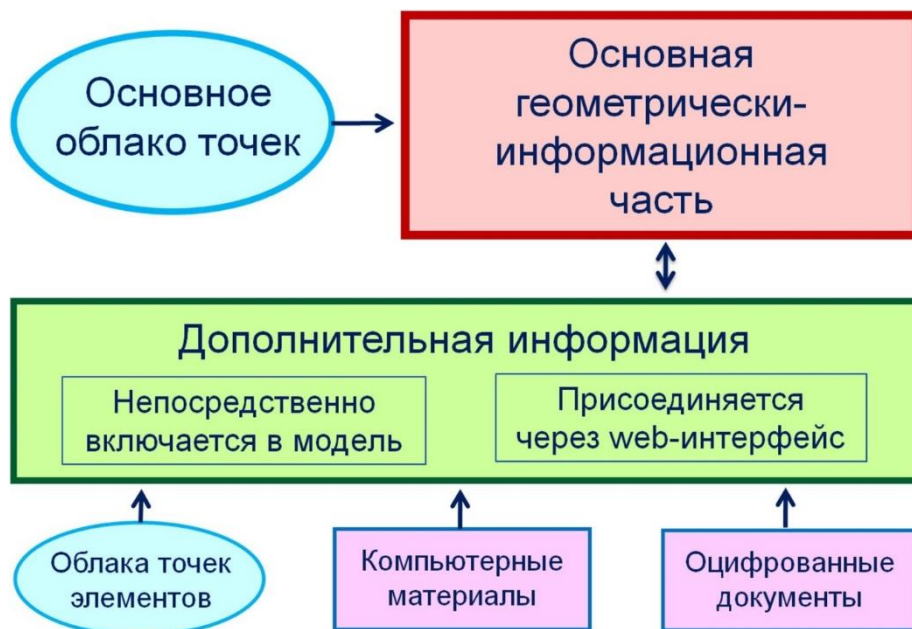

Рис. 1. Общая схема информационной модели архитектурного объекта

Вместе с тем часть профилактических мероприятий, например устранение конструктивных просадок и деформаций и регулирование внутреннего микроклимата, требует ряда существенных уточнений модели.

Устранение просадок и деформаций в конструкции здания. Определение конструктивных трансформаций

требуется вести не «на глаз», а с помощью регулярных съемок объекта и автоматизированного сравнения актуальной геометрической модели (облака точек) с данными более ранних построек. Исследование состояния конструкций Спасской церкви из Зашиверска и колокольни проводилось ежегодно после таяния снега,

в апреле–мае, и после окончания летнего сезона, в октябре – начале ноября, с помощью геодезических приборов. В 2017 г. впервые были выполнены лазерное сканирование и фотограмметрия здания церкви, что позволило значительно повысить точность снимаемых показателей и создало основу для автоматизированного сравнения состояния конструкций. Было установлено, что в общей структуре информационной модели объекта должна появиться серия локальных моделей реальности, полученных средствами информационных технологий, с временной фиксацией и инструментарием автоматизированного определения отклонений состояния. Кроме того, само устранение просадок и деформаций предполагало внесение изменений, уточнений и дополнений в основную геометрически-информационную часть.

К работам по регулированию внутреннего микроклимата относится «обычное» проветривание. Но тут важно понимать, насколько появляющиеся при проветривании в здании воздушные потоки обеспечивают решение поставленной задачи. Другими словами, надо иметь модель сооружения с возникающими потоками воздуха, возможностью их анализа и выработки рекомендаций по управлению. Для этих целей нужна специальная (исследовательская, согласно терминологии [1]) модель, упрощенная по отношению к поэлементной модели, но содержащая дополнительные функции и данные по микроклимату в здании. Эта модель должна входить в основную геометрически-информационную часть общей модели этнографического объекта.

Мониторинг технического состояния включает в себя наружный осмотр, инспектирование внутренних помещений, обследование кровель, ведение базы данных наблюдений. Для их реализации информационная модель объекта, выполненная по общей схеме [3], требует соблюдения некоторых дополнительных особенностей моделирования.

Для оценки *общей прочности здания* нужно создать специальную исследовательскую модель его каркаса с возможностью анализа конструкции на прочность при ветровых и иных нагрузках, которую можно совместить с описанной ранее моделью для вентиляции помещений.

Для *мониторинга биологических разрушений древесины* модель, построенную по общей схеме, следует уточнить данными периодической фотофиксации зон поражения объекта различными грибами и насекомыми для определения новых очагов поражения и оценки эффективности решения возникающих задач.

Индивидуальный мониторинг влажности деревянных элементов предполагает наблюдение за графиком их высыхания после дождя и на сегодняшний день является одним из самых эффективных способов определения заражения этих элементов дереворазрушающими насекомыми. Такой подход предполагает индивидуальный для каждого элемента сбор информации о его влажности с установленным интервалом времени, хранение массивов этих данных за разные периоды наблюдений и их автоматизированный анализ с обозначением элементов, график высыхания ко-

торых начал отклоняться от нормы. Поскольку подобные действия предполагают большой объем постоянно собираемой и обрабатываемой информации, то возникает необходимость вести сбор показателей влажности через специальные датчики, установленные на каждом первичном деревянном элементе здания, иметь автоматизированное поступление этих данных в модель, а также добавленный к модели блок постоянного анализа собранной информации. Работы по мониторингу влажности конструкций Спасской церкви из Зашиверска и колокольни показали, что выполнение их «вручную», без соответствующего оборудования, характеризуется трудоемкостью и неточностью, что не позволяет оперативно реагировать на возникающие неполадки. Кроме того, индивидуальный (поэлементный) мониторинг влажности должен осуществляться в очень короткий промежуток времени, определяемый скоростью высыхания деревянных компонентов сооружения, причем сразу по всему памятнику деревянного зодчества. Использование для этого информационной модели с датчиками влажности, контролем сбора данных и блоком анализа результатов наблюдений позволяет осуществлять такую работу быстро, качественно и минимальными людскими ресурсами.

Консервационные мероприятия включают в себя ремонт фундамента и элементов сруба, ремонт и герметизацию кровель, снижение активности биоразрушителей древесины. Основные ремонтные работы предполагают проекты разного уровня сложности с внесением соответствующих изменений и дополнений в существующую модель памятника. Следует подчеркнуть необходимость четкой фиксации в информационной модели проводимых мероприятий и их результатов.

Многолетняя работа по обслуживанию Спасской церкви из Зашиверска дала возможность констатировать, что выполненная по общей схеме [3] информационная модель памятника деревянного зодчества в целом пригодна для работы с объектом, но требует некоторых обязательных дополнений в виде:

1) специализированного блока выявления и анализа деформаций объекта через регулярное обновление (уточнение) модели реальности средствами лазерного сканирования или фотограмметрии;

2) появления в основной геометрически-информационной части исследовательской модели для анализа прочностных и газодинамических характеристик здания;

3) блока автоматизированного сбора и анализа поэлементной информации о влажности через датчики и специальные контроллеры;

4) блока сбора и анализа информации по биологическому разрушению древесины, использующего регулярную фотофиксацию элементов сооружения.

Схематически это показано на рис. 2. Уточнение общей схемы информационной модели позволило добавлять к элементам модели данные, необходимые для сравнения и оценки прочностных характеристик сооружения, что поднимает памятник деревянного зодчества до уровня «умного» (рис. 3).

Специфика информационной модели для памятника деревянного зодчества

Рис. 2. Дополнения к общей схеме информационной модели архитектурного объекта в случае, когда он является памятником деревянного зодчества

Рис. 3. Схема информационной модели «умного» памятника деревянного зодчества

Таким образом, на примере работ по обслуживанию памятника архитектуры федерального значения Спасской церкви из Зашиверска в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН можно заключить, что создание информационной модели с предложенными в статье дополнениями и уточнениями – это путь к новой стадии информатизации работы с этнографическими объектами, памятниками истории и архитектуры, который гарантированно выводит исследуемое и сохраняемое здание или сооружение с прилегающей территорией на уровень «умного».

Статус «умного памятника деревянной архитектуры» органично вписывает его в общую геоинформационную систему [10]. Ясность структуры и эффективность модели позволяют распространить опыт ее создания на работу с прочими объектами культурного наследия. Информационное моделирование расширяет

методологическую базу этнографии, заставляя по-новому взглянуть на практическое применение результатов этнографических исследований для работы со значимыми, но не имеющими официального статуса объектами. Фактически этнография, становясь одним из значимых пользователей геоинформационной системы, могла бы взять на себя роль аккумулятора информации, которая не только характеризует объект в момент его исследования, но и позволяет наблюдать за ним на протяжении длительного времени, что обеспечивает обоснование рекомендаций по его сохранности. Так будет заполнена лакуна между выявлением значимого в культурном смысле объекта, что обеспечивают этнографические исследования, и присвоением ему официального статуса памятника, когда с ним начинают работать музейщики, музейеведы, реставраторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Талапов В.В. Технология BIM: суть и основы внедрения информационного моделирования зданий. М. : ДМК-пресс, 2015. 410 с.
2. Брайан П., Антонопул С. BIM для культурного наследия. М. : Издательские решения, 2019. 106 с.
3. Талапов В.В. О некоторых закономерностях и особенностях информационного моделирования памятников архитектуры // AMIT : международ. электрон. науч.-образовательный журнал. 2015. Вып. 2 (31). URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/2kvart15/talapov/abstract.php> (дата обращения: 12.09.2019).
4. Майничева А.Ю., Талапов В.В., Чжан Гуаньин. Принципы информационного моделирования недвижимых объектов культурного наследия (на примере деревянных буддийских храмов) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 2. С. 142–148.
5. Майничева А.Ю., Талапов В.В., Куликова С.О. Новый подход к сохранению памятников русского деревянного зодчества: применение технологии BIM // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 136–141.
6. Любимцев А.Ю., Кистерная М.В. Система комплексного профилактического обслуживания памятников деревянного зодчества. Петрозаводск : Изд. центр музея-заповедника «Кижи», 2016. 71 с.
7. Козлова Т.И. Информационная модель недвижимого объекта культурного наследия как новый инструмент работы в музеефикации практики // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 33–37.
8. Аниеева С.О. Об опыте использования технологии BIM для музеефикации деревянных памятников архитектуры // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 1 (13). С. 31–36.
9. Kohno M. Latest landscape of smart cities in the West. Kindle, 2017. 112 p.
10. Талапов В.В., Таныгина Е.А. Об общей схеме информационной модели объекта недвижимости // Вестник Сибирского государственного университета геосистем и технологий. 2018. Т. 23, №2. С. 211–218.

Anna Yu. Mainicheva, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk, Russia). E-mail: annmaini@gmail.com

Vladimir V. Talapov, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russia). E-mail: talapoff@yandex.ru

INFORMATION MODELING OF BUILDINGS AND STRUCTURES: “SMART MONUMENTS OF WOODEN ARCHITECTURE”

Keywords: architectural monument, information modeling, BIM, wooden architecture, “smart monument of wooden architecture”.

The experience of applying BIM technology to ethnographically and historically significant buildings and structures suggests the appropriateness of distinguishing objects of wooden architecture in a separate category, which requires only its inherent modeling methods related to both the historical and technical features of wooden buildings based on libraries of traditional composite elements, and with the need to take into account all the parameters of the elements of the structure during research, certification, operation and restoration. Information models of such objects, together with the territory adjacent to them, become the primary elements from which the land information system is formed, which is part of a more general geographic information system.

Novelty of the task of the article is to consider the possibilities of applying BIM information modeling technology for the conservation and maintenance of wooden buildings and structures. The authors of the article use the technique developed by experts at the Kizhi Museum as the basis for identifying approaches to creating information models of ethnographically significant architectural objects, which can conditionally be called “smart monuments of wooden architecture”.

The main types of services for architectural objects include regular preventive measures, monitoring of technical condition, conservation measures. It is important to clearly fix the time schedule and the results of their implementation for each element of the building, as well as the ability to analyze the work done and determine the schedule and content of preventive measures for the future. The ordinary information model can do this task well but demands some mandatory additions, such as the appearance of analysis of the strength and gas-dynamic characteristics of the building; a unit for automated collection of element-wise information through sensors and special controllers; a unit for analyzing collected information for making specific decisions.

Information modeling is a way to a new level of informatization of work with ethnographic objects, historical and architectural monuments, which takes the studied or preserved building or structure to the “smart” level, and also expands the ethnographic methodological base, forcing a new look at the practical application of ethnographic research results to work with significant, but not having an official status of objects. Ethnography could take on the role of a storage of information, which not only characterizes the object at the time of its research, but also allows to observe it for a long time, which provides the basis for recommendations on its safety. Thus, a gap will be filled between the identification of a culturally significant object, which is provided by ethnographic research, and the assignment of the official status of a monument to it, when museum workers, museum researchers, and restorers begin to work.

REFERENCES

1. Talapov, V.V. (2015) *Tekhnologiya BIM: sut' i osnovy vnedreniya informatsionnogo modelirovaniya zdaniy* [BIM technology: the essence and fundamentals of the implementation of building information modeling]. Moscow: DMK-press.
2. Brian, P. & Antonopoulou, S. (2019) *BIM dlya kul'turnogo naslediya* [BIM for Cultural Heritage]. Moscow: Izdatel'skie resheniya.
3. Talapov, V.V. (2015) O nekotorykh zakonomernostyakh i osobennostyakh informatsionnogo modelirovaniya pamyatnikov arkhitektury [On some patterns and features of information modeling of architectural monuments]. *AMIT*. 2(31). [Online] Available from: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/2kvart15/talapov/abstract.php> (Accessed: 12th September 2019).
4. Maynischeva, A.Yu., Talapov, V.V. & Zhang Guanyin. (2017) Principles of the Information Modeling of Cultural Heritage Objects: The Case of Wooden Buddhist Temples. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 45(2). pp. 142–148. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.2.142-148
5. Maynischeva, A.Yu., Talapov, V.V. & Kulikova, S.O. (2018) New approach towards the preservation of the Russian wooden architecture: the use of BIM technology. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1(58). pp. 136–141. (In Russian).
6. Lyubimtsev, A.Yu. & Kisternaya, M.V. (2016) *Sistema kompleksnogo profilakticheskogo obsluzhivaniya pamyatnikov derevyannogo zodchestva* [The system of comprehensive preventive maintenance of wooden architecture monuments]. Petrozavodsk: Kizhi.
7. Kozlova, T.I. (2013) The information model of a real object of cultural heritage as a new tool to work museumification practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 33–37. (In Russian).
8. Anikeeva, S.O. (2014) Experience using BIM technology for museification wooden architectural monuments. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1(13). pp. 31–36. (In Russian).
9. Kohno, M. (2017) *Latest landscape of smart cities in the West*. Michi Creative City Designers Inc..
10. Talapov, V.V. & Tanygina, E.A. (2018) Ob obshchey skheme informatsionnoy modeli ob"ekta nedvizhimosti [On the general scheme of a real estate object information model]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta geosistem i tekhnologiy – Vestnik of the Siberian State University of Geosystems and Technologies*. 23(2). pp. 211–218.

УДК 930.2

DOI: 10.17223/19988613/65/18

В.И. Михайленко

РЕНЦО ДЕ ФЕЛИЧЕ: ИСТОРИК, ИЗМЕНИВШИЙ ИТАЛИЮ

Рассматривается вклад итальянского историка Ренцо Де Феличе в формирование новой концепции итальянской истории периода фашизма. Ее особенностью являлось изучение фашистского феномена через призму личности Муссолини. Ренцо Де Феличе обезоружил мифологические концепции и тем самым приблизил итальянское общество к преодолению политических и идеологических предрассудков, обратил внимание на первостепенность формирования национальной идентичности.

Ключевые слова: Ренцо Де Феличе; Рисорджименто; итальянская идентичность; историография фашизма; история фашизма; Муссолини.

Постановка проблемы

Ренцо Де Феличе (1929–1996) по праву считается историком, изменившим историографический и политический ландшафт современной Италии. Значительную часть отведенного ему судьбой времени Де Феличе посвятил исследованию истории Италии через личность Муссолини [1–5].

Мировая историография знает немало качественно написанных биографий Муссолини. Автор постарается ответить на ряд вопросов: В чем отличие труда Де Феличе от других исследований? Какие методологические инструменты он использовал в своих исследованиях? В чем исследования истории фашистской Италии вызвали концептуальный переворот? Какие дискуссии спровоцировали концепции Де Феличе в научной и общественной жизни Италии и изменили ее политический ландшафт?

Принципы научного исследования Ренцо Де Феличе

Становление Ренцо Де Феличе как историка совпало с переломными моментами в политической жизни Италии. В детстве и юности Де Феличе испытал на себе типичные методы обработки фашистской пропагандой.

После окончания Римского университета, защитив диссертацию по теме «Политические размышления о римских якобинцах», Ренцо Де Феличе был принят стажером в неаполитанский Институт исторических исследований имени философа Бенедетто Кроче. Однако пребывание молодого историка в цитадели либеральной неоидалистической философской культуры не повлияло существенно на его политические взгляды.

После Второй мировой войны молодой историк, как и многие его сверстники, попал под обаяние идей Грамши и вступил в коммунистическую партию. За короткий период пребывания в ИКП он получил надежный иммунитет против догматических идеологий и отдалился от компартии. Имея за спиной значительный опыт работы в идеологически и политически ограниченном пространстве, Де Феличе решительно

выступил против «продавцов мифов» [6. Р. 25]. Его первые исследования об итальянских якобинцах появились в период тотального доминирования антифашистских концепций в Италии, которые уже во второй половине 1950-х гг. «забронзовели» и утратили эвристический потенциал. Состязательность историографических концепций полностью перешла в политическое и идеологическое пространство. Старшее поколение российских исследователей помнит деление западной историографии по партийному принципу принадлежности исследователей.

При написании монографии по итальянской историографии фашизма я столкнулся с проблемой ранжирования исследований Де Феличе. Научная школа Де Феличе не вписывалась ни в одно из определений. С партийно-политических позиций итальянские масс-медиа и научный мир причисляли его к либералам. Однако среди его учеников были замечены представители всего политического расклада Италии того времени от левых до правых радикалов.

И я ввел позаимствованное у Де Феличе в период стажировки в Италии понятие «интерпретации» [7]. Такой подход позволял группировать исследователей по научно-проблемному принципу.

Сам Де Феличе никогда не заявлял о своих пристрастиях к определенной методологии. На его формирование в качестве ученого сильное влияние оказал Д. Кантимори, который еще в фашистский период стал членом коммунистической партии. Однако его мировоззренческие позиции выходили за рамки коммунистической идеологии. Как ученый Д. Кантимори использовал собственные методологические подходы, которые основывались на компромиссе между марксизмом и неогегельянским идеализмом, на использовании теоретических разработок М. Вебера, французской школы «Анналы» [8. Р. 25].

В одной из последних своих работ Ренцо Де Феличе, отвечая на споры, вызванные публикацией его интервью «Красное и Черное», отмечал пагубность вульгарной истории. Он утверждал, что «историк не должен быть палачом, его задача заключается в том, чтобы понять, как и почему тот или иной факт осуществился» [6. Р. 8].

Поверхностный взгляд на его многотомную историю «Муссолини», переполненную цитированием документов, может подвести к выводу, что исследование стоит в ряду описательных работ типично позитивистского метода. Действительно, Де Феличе не откажешь в том, что он был блестящим архивистом. В своих исследованиях он бережно и крайне пунктуально вводит исторический факт, виртуозно обрабатывает документ, для его исследований характерен последовательный хронологический принцип изложения материала. В его многотомной биографии Муссолини практически нет теоретических отклонений в тексте. Тем не менее его исследования являются глубоко концептуальными. Не знаю, сравнивал ли кто-нибудь его стиль работы с «Войной и миром» Л. Толстого или с антибольшевистскими трудами А. Солженицына, но по концептуальному воздействию я бы поставил их в один ряд.

В рамках подготовительной работы к написанию своего основного труда Де Феличе обобщил практически весь известный мировой науке материал о фашизме и тоталитаризме. Эта подготовительная работа отражена в изданных им трудах «Интерпретации фашизма» [9], «Антология о фашизме» (первый том «Историческое суждение» [10] и второй том «Политическое суждение» [11]), «Автобиография фашизма. Антология фашистских текстов 1919–1945» [12]. Его методологический инструментарий я бы определил как методологическую эклектику. Критикам, обвинявшим Де Феличе в «политическом ревизионизме», он отвечал, что «в силу своей профессии историк может быть только ревизионистом, учитывая, что его работа начинается с того, что было сделано его предшественниками, и имеет тенденцию углублять, исправлять, уточнять их реконструкцию фактов» [6. Р. 17].

Интерпретации истории в работах Де Феличе

Де Феличе не уклонялся от публичных выступлений в массмедиа. Основанный им в 1969 г. журнал «Storia contemporanea» стал научной площадкой для публикаций исследователей различных направлений по истории фашистского периода. После смерти Р. Де Феличе журнал был закрыт, и в 1997 г. вышел первый номер нового журнала «Nuova Storia Contemporanea», главным редактором которого является Ф. Перфетти, один из учеников Р. Де Феличе.

На основании многочисленных научных и публичных выступлений выстраивается концепция истории Италии первой половины XX в. в интерпретациях Де Феличе, среди них наиболее концептуально значимыми стали публикации «Интервью о фашизме» и «Красное и Черное» [6, 13].

Первый тезис: проблемы происхождения фашизма. Несмотря на выделение Муссолини в качестве героя своих исследований, Де Феличе прежде всего интересовало поведение масс в конкретной исторической ситуации. В связи с этим он обращался к истории незавершенной национальной революции (Рисорджименто).

Из интервью Де Феличе автору этих строк: «Являлся ли фашизм в Италии или вообще только следствием радикализации классовой борьбы, вызванной

Первой мировой войной, реакцией на большевистскую революцию или, наряду с этими мотивами, были также какие-то иные? Другими словами, была ли связь между приходом фашистов к власти и процессом трансформации итальянского общества в массовое, как утверждают социологи? И, если это так, то являлось ли фашистское движение только движением националистического типа, использованным в антипролетарских интересах аграриями и крупной буржуазией? Или, наряду с этим, фашистское движение являлось попыткой мелкой итальянской буржуазии, которая сформировалась накануне войны, в ходе ее и после окончания, самоутвердиться как автономный класс, имеющий собственные гегемонистские устремления не только против пролетариата, но и против крупной буржуазии?» [14].

Обращаясь к теме идейных предпосылок фашизма, Де Феличе обращал внимание на присутствие в них революционных, демократических и просветительских начал. Муссолини полагал, что государство через систему образования может сформировать «новый тип гражданина», более того, «новую цивилизацию». Эти выводы позволили Де Феличе обосновать название первого тома как «Муссолини – революционер» [1].

Исследование Де Феличе не является биографией человека, который на протяжении двух десятилетий являлся авторитарным лидером в Италии. В его многотомном исследовании биография Муссолини переплетается с историей итальянского общества, глубокой трансформацией культуры, происхождением фашистского движения и фашистского политического режима. Сам Де Феличе подчеркивал, что историю фашизма нельзя сводить к биографии Муссолини, было бы абсурдом «извлекать фашизм из личности Муссолини», даже если рассматривать «Муссолини как несомненно его важный компонент» [1. Р. XXII].

Муссолини охотно использовал в позитивном ключе понятие «тоталитарный», впервые введенное в оборот либералом Дж. Амендолой для критики фашистского режима. Напротив, Муссолини обратился к понятию «тоталитарный» под углом противопоставления фашистской «прямой» демократии либеральной «представительской» демократии.

Исследовав феномен происхождения фашистского движения, ожидания «городских» и «сельских» масс, а также природу фашистского государства, Де Феличе приходит к выводу о «предательстве» (tradimento) фашистским режимом идеалов фашистского движения.

В опубликованном в 1975 г. «Интервью о фашизме» Де Феличе заострил внимание на расхождениях между фашистским движением, несущим в себе обновление Италии, и фашистским режимом с присущими ему консервативными функциями. В интервью Де Феличе категорично развел между собой итальянский фашизм, который, по его мнению, был нацелен на формирование «нового человека» и «новой цивилизации», и германский национал-социализм, обращенный в прошлое, к традиционным германским ценностям [13. Р. 70–73].

Второй тезис: достижение фашистским режимом «консенсуса» с массовым обществом. Важное

место в исследованиях Де Феличе занимает изучение процесса огосударствления фашистским режимом сфер политической, экономической, идеологической и культурной жизни итальянского общества.

Р. Де Феличе исследовал и ввел в научный оборот понятие «консенсуса» между фашистским режимом и массами. Большинство итальянского общества приняло фашизм и рассматривало его как образец морали. Внутренняя и внешняя политика не казалась этому большинству ни опасной, ни иррациональной. Маленькая победоносная война в Эфиопии способствовала, используя формулировку Дж. Моссе, «национализации масс», и вершина «консенсуса» была достигнута к 1939 г. Первоначальная двойственность политического режима в Италии (монархия и авторитаризм Муссолини) постепенно утрачивала свое значение в пользу последнего. Фашистское государство становилось все более тоталитарным. Применительно к итальянскому фашистскому государству Де Феличе предпочитал использовать понятие «незавершенный тоталитаризм».

Кризис «консенсуса» не был линейным, и его наиболее низкие точки были достигнуты в периоды принятия антисемитских законов в 1938 г., заключения «стального пакта» с Германией, неудач на фронтах войны.

С этим напрямую связаны трудности развертывания антифашистской борьбы, которые зависели не столько от эффективности репрессий режима, сколько от неприятия антифашизма большинством общества, которое видело в нем разрушительную силу против стабильности.

Де Феличе полагает, что определяющую роль в судьбе фашистского режима сыграли военные неудачи, которые привели к полной зависимости Италии от ее германского союзника. В 1943 г. под влиянием изнурительных бомбардировок западных союзников и экономического кризиса «консенсус» начал стремительно разваливаться.

Третий тезис: фашистский режим и его крах как глубокий кризис национальной идентичности. Де Феличе не без оснований считал, что, обращаясь к периоду 1943–1945 гг., нельзя все проблемы сводить только к отношениям «фашизм–антифашизм», к освободительной войне правительства Бадольо на стороне союзников и к вооруженной борьбе Движения Сопротивления против Итальянской социальной республики. Он попытался вскрыть «серые зоны», возникшие после краха фашистского режима [6. Р. 13]. Антифашизм был намного сложнее, утверждает Де Феличе, чтобы сводить его только к Движению Сопротивления [Ibid. Р. 17, 25].

Последний, не законченный историком, том биографии Муссолини обращен к периоду от краха фашистского режима до установления Итальянской социальной республики. Этот том довели до публикации ученики Р. Де Феличе [5]. В отличие от многих итальянских исследователей Де Феличе рассматривает объявление о капитуляции Италии 8 сентября 1943 г. как «смерть Родины», «опустошение национального самосознания». Навязываемая обществу фашистским режимом модель идентификации патриотизма и фа-

шизма разлетелась вдребезги, создав пустоту в коллективном сознании. На обломках «фашистской родины» возникли конкурирующие концепции родины – антифашистская и социальной республики. Обе апеллировали к одним и тем же идеалам Рисорджименто. Италия оказалась разделенной на север и юг, была оккупирована союзниками и германскими нацистами, погружена в гражданскую войну. В период с осени 1943 до весны 1944 г. большинство населения страны не выступает открыто в поддержку антифашистского сопротивления или на стороне Итальянской социальной республики и образует так называемую «серую зону», которая занята собственным выживанием.

В целом Де Феличе рассматривал этот период как национальную катастрофу, которая надолго расколола итальянское общество. Э. Джентиле, ученик Де Феличе, уточняет позицию своего учителя: «Поражение Италии во Второй мировой войне разрушило до основания фундамент государства, созданного революцией Рисорджименто, потому что фашизм провозгласил войну во имя национальных идеалов. Таким образом, поражение не только разрушило фашизм, но и нанесло опаснейший удар по престижу национальной идеологии, которая была в основе унитарного государства и обеспечила ему историческую легитимность» [15. Р. 35–36].

Травматические последствия поражения Во второй мировой войне, утверждает Де Феличе, не были компенсированы малочисленным Движением Сопротивления, привели к упадку идеи нации и национального государства. Как ответственный итальянский гражданин Де Феличе был озабочен тем, что подрывает консолидацию итальянской демократии и препятствует формированию итальянской нации. Слева и справа он видел политические силы, застывшие в оценке прошлого в мифологических схемах. Его постулат историка выглядел достаточно просто: «необходимо твердо придерживаться исторической позиции, отмечая в сторону все грязные иррациональности» [16. Р. 123].

В 1984 г. Де Феличе выражал крайнюю озабоченность кризисом первой республики Италии, возлагая ответственность не только на коммунистов и христианских демократов, но и на либералов, которые не смогли выдвинуть «концепцию современной и классической (этической) демократии» [Ibid. Р. 131].

Признание

В «Интервью о фашизме» Р. Де Феличе утверждал принцип индивидуальной свободы и независимости исследователя. «...Я не верю, что есть люди, которых буквально можно рассматривать в качестве учителей своих учеников: и, напротив, если кто-то называет себя учеником в узком смысле этого слова, этот человек лишен интеллектуальной самостоятельности» [13. Р. 1]. Следуя этому правилу, Р. Де Феличе после кончины в 1996 г. оставил учеников, но не историографическую «школу».

Вклад Де Феличе в изучение фашистского феномена заключается не только в его новаторских интерпретациях, но и в том, что он обнажил наиболее уязвимые

места в застывших классических интерпретациях фашизма и нанес по ним прицельный удар. Другими словами, он напомнил о главном принципе и долге неангажированного исследователя – «всегда сомневаться» [17].

Для современных исследователей, на мой взгляд, большее значение имеют поставленные Де Феличе вопросы, чем его попытки найти на них ответы. Отсюда – историческое значение трудов Де Феличе несводимо к дихотомии «свой–чужой». Любой честный исследователь фашизма, не ослепленный идеологическими или групповыми пристрастиями, будет искать свои ответы на поставленные Де Феличе вопросы о соотношении «правых» и «левых» предпосылок в итальянском фашизме, о «разрыве» между идеологией движения и политикой режима у власти, о причинах «массового консенсуса» и его разрушении, будет стремиться понять историческую правду не одной, а разных сторон в гражданской войне или послевоенных политических баталиях.

Свою книгу «Красное и Черное» Ренцо Де Феличе завершил пророческими словами. Исторический опыт 1943–1945 гг. «должен быть переосмыслен в более широком контексте коллективного кризиса, который обуславливает события того времени и влияет на события сегодняшнего дня» [6. Р. 34]. Политический кризис в Италии 2019 г. свидетельствует о слабости

итальянской демократии, о невыученных уроках итальянским обществом.

Ренцо Де Феличе настаивал на важной гражданской функции историка, его ответственности перед национальным обществом. Как никто другой Де Феличе стремился внести свой вклад в примирение итальянского общества через демифологизацию самых сложных и спорных страниц национальной истории.

Закончить этот сюжет об итальянском историке Р. Де Феличе, изменившем не только историографию фашизма, но и итальянское общество, мне представляется обоснованным ссылкой на оценку Э. Джентиле: «Исследовать фашизм не значит лишь реконструировать его историю при помощи документов и критической оценки событий, что остается фундаментальной основой любой серьезной попытки его интерпретации. Исследовать фашизм означает также размышлять о природе политики эпохи модернизации и массового общества, о роли индивидуума и коллективизма, о смысле модерности, о хрупкости свободы и уязвимости человеческого достоинства, об агрессивном характере воли к власти. Поэтому для историка, посвятившего себя изучению фашизма, требуются иные качества, чем, например, от историка – исследователя феодализма, у него совсем другая ответственность в сфере культуры, политики и морали. Уже одно это часто становится предметом полемики» [18. С. 84].

ЛИТЕРАТУРА

1. De Felice R. Mussolini il rivoluzionario, 1883–1920. Torino: Einaudi, 1965. 773 p.
2. De Felice R. Mussolini il fascista. Torino : Einaudi, 1966. Vol. 2, p. 1: La conquista del potere, 1921–1925. 806 p.; 1968. Vol. 2, p. 2: L'organizzazione dello Stato fascista, 1925–1929. 600 p.
3. De Felice R. Mussolini il duce. Torino : Einaudi, 1974. Vol. 3, p. 1: Gli anni del consenso, 1929–1936. 949 p.; 1981. Vol. 3, p. 2: Lo stato totalitario, 1936–1940. 946 p.
4. De Felice R. Mussolini l'alleato. Torino : Einaudi, 1990. Vol. 4: 1940–1945. P. 1: L'Italia in guerra, 1940–1943. Dalla guerra "breve" alla guerra lunga; P. 2: Crisi e agonia del regime. 1576 p.
5. De Felice R. Mussolini l'alleato. La guerra civile, 1943–1945. Torino : Einaudi, 1997. 768 p.
6. De Felice R. Rosso e Nero / a cura di P. Chessa. Milano, 1995. 167 p.
7. Михайленко В.И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987. 234 с.
8. Barbera S., Campioni G. Cantimori: politica, ideologia e coscienza storica // Rinascita. 1979. 2 marzo.
9. De Felice R. Il fascismo. Le interpretazioni del contemporanei e degli storici. Bari : Laterza, 1970. 702 p.
10. De Felice R. Antologia sul fascismo. Il giudizio politico. Laterza, 1977. 382 p.
11. De Felice R. Antologia sul fascismo. Il giudizio storico. Laterza, 1976. 279 p.
12. De Felice R. Autobiografia del fascismo. Torino : Einaudi, 2019. 536 p.
13. De Felice R. Intervista sul fascismo. Ed. Laterza, 1976. 125 p.
14. Михайленко В.И. Интервью профессора Ренцо Де Феличе. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4688/2/uvmi2-2004-22.pdf>
15. Gentile E. Italiani senza padri. Intervista sul Risorgimento / a cura di S. Fiori. Laterza, 2011. 177 p.
16. Gentile E. Renzo De Felice. Lo storico e il personaggio. Laterza, 2003. 165 p.
17. Perfetti F. Renzo De Felice, ovvero la storia senza pregiudizi // Storia contemporanea. 1997. № 1. P. 28–48.
18. Любин В.П. Преодоление прошлого: споры о тоталитаризме : аналитический обзор / РАН ИНИОН, Центр социальных науч.-информ. исследований, Отд. отечественной и зарубежной истории, Отд. Западной Европы и Америки. М., 2004. 119 с.

Valeriy Iv. Mikhaylenko, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia). E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

RENZO DE FELICE: THE HISTORIAN WHO CHANGED ITALY

Keywords: Renzo De Felice, Risorgimento, Italian identity, historiography of fascism, history of fascism, Mussolini.

The article examines the contribution of the Italian historian Renzo De Felice to the formation of a new concept of Italian history of the fascism period. Its main feature was the study of the fascist phenomenon through the prism of the personality of Mussolini. In the world historiography there are a lot of works dedicated to the figure of Mussolini (L.S. Belousov, M.M. Ilinsky, R. Collier, P. Milza, D. Smith, K. Hibbert, R. Bosworth etc.). A distinctive feature of R. De Felice's 8-volume study is that he fits his hero into the historical context as a person of the specific era. De Felice does not perform his task as a researcher in order to convict Mussolini. He seeks to understand the motives behind the actions of Italy's political leaders in the first half of the 20th century, closely linking their actions to socio-political dynamics, to the demands of Italy's mass society during this period. De Felice reviews the origin of fascism in the context of the unfinished bourgeois-democratic revolution (Risorgimento). The fascist regime partly broke the class hierarchy and simplified social elevators, brought society closer to the demands of the industrial revolution ("hierarchy of functions"). The regime managed to secure massive support and De Felice recorded the achievement of a "consensus" between the authorities and the society. However, the regime

failed to solve the problem of the consolidation of the Italian nation. After Mussolini's overthrow, the country plunges into confrontation between republican fascism and anti-fascism, communists and Christian democrats. This confrontation led to the formation of politically engaged concepts of Italian history of the first half of the 20th century. There was an uncompromising struggle on the historiographical front, which resulted in the formation of simplified mythological, ideologically biased concepts of the historical past. De Felice's conceptual works, especially "Intervista sul fascismo (Interview about Fascism)", "Rosso e Nero (Red and Black)" initially caused sharp rejection from all opposing sides. Gradually, the degree of discussion shifted towards scientific interpretations of historical themes. As a researcher who was able to strongly operate historical facts and documents, Renzo De Felice disarmed the mythological concepts and thereby brought Italian society closer to overcoming political and ideological prejudices, drew attention to the primacy of the formation of national identity, the task that no political regime has been able to solve since Risorgimento.

REFERENCES

1. De Felice, R. (1965) *Mussolini il rivoluzionario, 1883–1920*. Torino: Einaudi.
2. De Felice, R. (1966, 1968) *Mussolini il fascista*. Torino: Einaudi.
3. De Felice, R. (1974, 1981) *Mussolini il duce*. Vol. 3. Torino: Einaudi.
4. De Felice, R. (1990) *Mussolini l'alleato*. Vol. 4. Torino: Einaudi.
5. De Felice, R. (1997) *Mussolini l'alleato*. Torino: Einaudi.
6. De Felice, R. (1995) *Rosso e Nero*. Milano: Baldini&Castoldi.
7. Mikhaylenko, V. (1987) *Ital'yanskiy fashizm: osnovnye voprosy istoriografii* [Italian fascism: the main issues of historiography]. Sverdlovsk: [s.n.].
8. Barbera, S. & Campioni, G. (1979) Cantimori: politica, ideologia e coscienza storica. *Rinascita*. 2nd March.
9. De Felice, R. (1970) *Il fascismo. Le interpretazioni del contemporanei e degli storici*. Bari: Laterza.
10. De Felice, R. (1977) *Antologia sul fascismo. Il giudizio politico*. Bari: Laterza.
11. De Felice, R. (1976) *Antologia sul fascismo. Il giudizio storico*. Bari: Laterza.
12. De Felice, R. (2019) *Autobiografia del fascismo*. Torino: Einaudi.
13. De Felice, R. (1976) *Intervista sul fascismo*. Bari: Laterza.
14. De Felice, R. (2004) *Interv'yu professora Renzo De Felice* [Interview with Professor Renzo De Felice]. [Online] Available from: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4688/2/uvmi2-2004-22.pdf>
15. Gentile, E. (2011) *Italiani senza padri. Intervista sul Risorgimento*. Bari: Laterza.
16. Gentile, E. (2003) *Renzo De Felice. Lo storico e il personaggio*. Bari: Laterza.
17. Perfetti, F. (1997) Renzo De Felice, ovvero la storia senza pregiudizi. *Storia contemporanea*. 1. pp. 28–48.
18. Lyubin, V. (2004) *Preodolenie proshlogo: Spory o totalitarizme* [Overcoming the Past: Disputes about Totalitarianism]. Moscow: RAS.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 39:316.45

DOI: 10.17223/19988613/65/19

В.В. Власова

СААМЫ И КОМИ-ИЖЕМЦЫ С. ЛОВОЗЕРО: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ *КОРЕННОГО* И *ПРИШЛОГО* НАРОДОВ

Полевые исследования финансировались проектом ERA.Net RUS Plus, программа № 189 (CORUNO).

Рассматриваются содержание основных черт образов коренного и пришлого народов, факторы, оказавшие влияние на их формирование, а также корректировка этих образов, происходившая под влиянием социально-экономических и политических изменений, на примере саамов и коми-ижемцев, проживающих в с. Ловозеро. Показано, что представления о своем и чужом народе являются важным элементом механизма производства и воспроизводства идентичности в локальных полиэтнических сообществах.

Ключевые слова: этнические образы; локальные группы; саамы; коми-ижемцы.

Проблемы, связанные со стабильностью этнических групп, их адаптацией к меняющейся социальной среде, механизмами производства и воспроизводства идентичности стали весьма актуальны в последние десятилетия. Исследователи обращают внимание и на то, как протекают эти процессы в локальных полиэтнических сообществах, где группы обладают разным статусом [1–4]. При изучении данных вопросов в центре внимания оказываются этнические образы, которые понимаются как представления о типичном для этнической группы индивиде и группе в целом, не только отражающие действительность, но программирующие ее, влияющие на межатническую коммуникацию [5. С. 58]. Этнокультурная ситуация, сложившаяся в с. Ловозеро Мурманской области, может рассматриваться как один из показательных примеров межкультурного взаимодействия на локальном уровне.

Датой основания Ловозера принято считать 1574 г., когда «лопарский погост» был впервые упомянут в официальных документах как населенный пункт. Изначально здесь проживали саамы (лопари), основным занятием которых являлось озерное рыболовство, в зимнее время – охота на пушного зверя и диких оленей. Наряду с этими видами хозяйственной деятельности большое значение имело оленеводство. Характерной чертой оленеводства кольских саамов конца XIX – начала XX в. был так называемый «вольный выпас»: в начале июня оленей отпускали на свободу, и они паслись без присмотра пастухов примерно до октября. Саамы в это время жили в летних погостах и занимались рыболовством. «Погостом» называли территорию, которая включала себя места постоянного (зимнего) и временного проживания определенной саамской общины, а также маршруты перекочевков, родовые угодья и промысловые территории. Каждый погост был локализован на местности, его границы были четко опре-

делены, а община обладала исключительным правом на природные ресурсы в пределах погоста [6. С. 9, 48; 7. С. 26].

В конце XIX в. (1886–1887) на Кольском полуострове появляются первые коми оленеводы из бассейна р. Ижма. Миграция была связана с массовым падежом оленей из-за эпизоотий, нехваткой и истощением пастбищ. Вместе с ижемцами сюда же переселилось несколько ненецких семей [8. С. 55, 57]. В 1875 г. в Ловозерском погосте проживали 358 саамов, в 1896 г. – 361 саам, 76 ижемцев, 24 колвинских ненца [9. С. 214]. В 1926/1927 гг., по предварительным данным переписи населения, состав жителей с. Ловозеро был уже иным: из 745 человек 205 были саамы, более половины – ижемцы, кроме них здесь проживали около 60 ненцев и 30 русских [10. С. 8; 11. С. 17]. Ижемских переселенцев связывали отношения родства и соседства, объединяли институциональные связи и общие практики (в первую очередь хозяйственные), сложившиеся на прежней родине [8. С. 58]. Важным фактором внутригрупповой консолидации стало иноэтническое окружение в лице саамского населения. Традиционные способы ведения хозяйства саамов, существенно отличавшиеся от ижемских, были нарушены самим фактом появления оленьих стад переселенцев, которые значительно превосходили по численности саамские. Фактически сразу после появления ижемцев на Кольском полуострове между ними и саамами складываются весьма непростые отношения, которые нашли отражение в представлениях этих народов друг о друге и о себе.

Исследователи отмечают, что взаимное восприятие народов зависит от множества факторов, имеющих определенную соподчиненность. Формирование образов *своего* / *чужого* народа происходит исторически, подвергается изменениям и коррективам вместе с изменением условий их отношений, исторического опыта,

смены поколений. Для описания *своих / чужих* используется стандартный набор признаков, к которым относятся: язык, особенности внешности, характера и поведения, определенные черты материальной и духовной культуры представителей той или иной этнической группы [12. С. 126; 13. С. 121].

Основой для написания статьи стали историко-этнографические публикации первой половины XX в.; полевые материалы, собранные в с. Ловозеро в ходе экспедиций, проводившихся сотрудниками Института языка, литературы и истории Коми НЦ в 2011, 2016 гг. Сведения, представленные в этнографической литературе, позволяют составить представление о взаимодействии и взаимовлиянии коренного и пришлого населения в первой половине XX в. Необходимо учитывать определенную субъективность этих данных, поскольку на этнографические описания значительное влияние оказывали такие факторы, как государственная политика в отношении освоения северных территорий и существовавшая научная традиция. Отметим, что особенности образа саамов, представленные в русских этнографических текстах второй половины XIX – начала XX в., стали предметом специального исследования [14]. Полевые материалы представляют собой интервью с неформальными этническими активистами, работниками сферы культуры и образования, а также полуструктурированные интервью с учащимися техникума. Следует отметить, что профессиональные интересы первых двух групп информантов связаны с национально-культурной политикой, что в значительной степени определяет их высказывания, поскольку именно через манифестацию этничности они позиционируют себя в культурном пространстве местного сообщества. Тогда как представители молодого поколения, как правило, не рассматривают этничность как значимый культурный маркер, она актуализируется в определенных ситуациях, которые связаны с жизненными перспективами (карьера, образование). В статье рассматриваются отдельные элементы этнических образов ижемцев и саамов, которые, с одной стороны, формировались под влиянием представлений о коренном и пришлом населении, а с другой – определяли их.

Появление ижемцев на Кольском полуострове

Появление оленеводов-ижемцев на Кольском полуострове практически сразу стало объектом административного и научного интереса. Исследователи, работавшие здесь в первой половине XX в., регулярно обращались к проблемам взаимоотношений между местным населением (саамами, русскими) и коми-ижемцами. Практически каждый отмечал, что с появлением больших оленьих стад ижемцев резко возросла нагрузка на имеющиеся пастбища, что неизбежно вело к многочисленным конфликтам между коренным населением и мигрантами. Можно предположить, что этот конфликт нарастал по мере увеличения числа мигрантов и их стад. В 1895 г. отмечалось, что «несколько времени тому назад пробралось в Кольский полуостров несколько зырян из Печорского уезда с своими стадами в количестве около 5 000 штук. Лопари при-

няли их в свое общество и **считают их** чуть не своими **благодетелями**, так как **зыряне** как народ **предприимчивый и расторопный** доставляют им все необходимое в их домашнем быту, приобретая все эти предметы, в свою очередь, выгоднее, чем это удавалось раньше самим лопарям, скупают у них за хорошую цену шкуры оленей, убитых зверей и предметы промыслов. **Недостатка в пастбищных местах** для оленей и скота **пока не ощущается**, между тем в настоящее время у зырян уже более 10 000 оленей, и они получают от них огромные сравнительно барыши» [15. С. 45, 51].

О том, что далеко не все коренные жители были рады появлению переселенцев и определенные трудности существовали уже к этому моменту, свидетельствует ряд фактов. В частности, саамское население было против принятия ижемцев в местные сельские сообщества. В 1897 г. приговор на прием в члены Ловозерского погоста получили И.Н. Терентьев с шестью сыновьями, Ф.В. Канев с двумя сыновьями и С.Я. Филиппов с тремя сыновьями (14 человек из 47), остальные переселенцы так и оставались на положении неравноправной «приживы» [8. С. 57]. В начале XX в. о напряженных отношениях между саамами и ижемцами было хорошо известно и местному начальству, и исследователям. «Констатируя факт **озлобления** русских и лопарей к ижемцам, причину его надо видеть в неполноте законов и местных постановлений о пользовании угодьями Кольского полуострова <...> Колонисты и **переселенцы** зыряне, являясь на занятые уже места, **производят чувствительное стеснение**, и старожилы принуждены терпеть ущерб в своем праве... Что теперешнее население голодает среди природных богатств, надо отнести к его некультурности, и что **коренному населению придется еще терпеть нужду**, видно из права свободного занятия колонистами различных угодий на полуострове» [16. С. 47]. «**Ижемское влияние** как новое и сопровождающееся борьбой на основном хозяйственном поприще – оленеводстве, **является** для лопарей **несомненной угрозой**» [10. С. 45]. Практически во всех публикациях упоминается / анализируется конфликт между саамами и ижемцами как конфликт между коренным и пришлым населением, обусловленный конкуренцией за ресурсы (пользование угодьями и пастбищами).

Память об этих достаточно непростых отношениях сохраняется и сегодня. Представления об этнической территории, тесно связанные со статусами коренного / некоренного народов, принципиально важны для формирования этнических образов. На Кольском полуострове именно конфликт становится основным мотивом в описаниях взаимоотношений между представителями указанных этнических групп. «*Ижемцы <...> забирали землю <...> Когда коми приехали, тут были стычки, надо было знать язык. Рассказывали, что они пригласят в гости, говорят “тэчка, тэчка”, это значит, что убить хотят, человек притворился пьяным и ушел*» (жен., 1954 г.р., саамы, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). В свою очередь, представители другой стороны отмечают, что переселение было вынужденным, что предки ижемцев не

стремились захватить новые земли, более того, стремились помочь саамам. *«Может мы не всегда вникали, в то, что произошло, зачем наши предки сюда пришли <...> Если волей судьбы мы сюда пришли, но не по своей воле, мы знаем, что когда они пришли сюда, они очень долгое время тосковали, они печались, что им больше никогда не придется бывать, вернуться на свою родину, наверно. Но вот это вот наверно состояние души, душа все равно, наверно, стонала и плакала, хотелось уехать, но так как здесь уже начали появляться новые поколения, рождаться дети и смысл был какой возвращать своих оленей туда куда-то обратно <...> дед мой, прадед даже, приехав сюда они даже саамам помогали строить, свои дома, строили, выстраивали целые улицы»* (жен., 1955 г.р., коми, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016).

В настоящее время вопросы, касающиеся взаимоотношений ижемцев и саами, истории появления ижемцев на Кольском и оценки этого события, статуса этнических групп, остаются значимыми для части местного сообщества, особенно в контексте дискуссии о правах коренных малочисленных народов. *«Все-таки это (Ловозеро. – В.В.) родина, но не коренные они (ижемцы. – В.В.), хотя многие из них есть яркие такие личности, которые кричат, что они коренные, но это просто их родина»* (жен., 1988 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). *«Мы решили проводить приход коми-ижемцев на 125-летие. Как это правильно назвать “Приход коми-ижемцев на Кольскую землю, на саамскую землю” <...> Прихожу к одной представительнице саамского народа, поделиться с ней так это, и вдруг она мне говорит “Да, что это вы задумали праздник делать, отмечать приход” <...> И, что вы думаете, с того момента она со мной очень натянуто разговаривает. “Да вы сюда пришли, заняли земли”»* (жен., 1955 г.р. зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016).

Ижемцы и саамы в пространстве села

По мнению исследователей, приход коми-ижемцев, оказавший существенное влияние на экономическую жизнь региона, стал переломным моментом в истории Ловозера [6. С. 48]. Долгое время село являлось зимним погостом, где саамы жили с ноября до апреля-мая, по численности относилось к разряду средних. В середине 1890-х гг. зажиточные ижемские оленеводы построили здесь свои первые дома «для оседлого места жительства» [9. С. 214]. С этого момента происходит разделение села на саамскую и ижемскую части, которые значительно отличались друг от друга. Вот как описал Ловозеро Густаф Халлстрём, посетивший его в 1910 г. «Раньше деревня была расположена несколько верст выше, где находилась и старая церковь. Однако мне казалось, что **периодические переезды** (раз в 15–20 лет) этой деревни **кончились**. Она наконец успокоилась. В “**лопарском городке**” построена новая церковь, и также дом священника. Речка естественным образом разделяет деревню на две части, **лопарская деревня находится на правом берегу,**

коми живут напротив и ниже на левом берегу. На правом берегу стояли **несколько домов коми**, но ниже лопарской деревни, и **отделены** от нее речкой. Лопарская деревня общепринятого вида: маленькие курные избы с единственной комнатой <...> Та половина деревни, что на левом берегу, **великолепна**. На обеих сторонах широкой и длинной улицы, на необычайно больших дворах расположены крепкие, огромные бревенчатые дома <...> Есть и двухэтажные дома <...> Почти на каждом дворе имеется баня» [17]. Приведем еще несколько описаний села, относящихся к первой половине XX в. «Село беспорядочно разбросано по обоим берегам Вирмы. На правом берегу находятся постройки лопарей и самоедов, счетом до 35. На этой же стороне школа, кооператив, исполком, изба-читальня <...> **Ижемская сторона** Ловозера представляет другую, **более отрадную картину, чем лопарская**» [18. С. 30]. *«Возвышается здание в виде куба <...> это дом богатея Рочева, оленевода-ижемца <...> Поселок саамов едва заметен*. Домов не видно. Кажется, дым исходит прямо из земли, настолько саамские тупы вросли в землю <...> ни одного нового дома, ни одного украшения или орнамента» [19. С. 244–245].

Очевидно, четкое деление села было весьма значимо для самих жителей, а река выступала вполне реальной границей между своими и чужими. В семейных историях ижемцев сохранились рассказы о предках-первопоселенцах и тех трудностях, с которыми они столкнулись. *«В 1888 г. коми прибыли, принесли свою культуру, обычаи, какие-то ценности. Естественно разногласия возникали, они (саамы. – В.В.) не хотели, чтобы они здесь селились. Мой прадед, он на этой вот горе, которую вы будете проезжать, она называется Наум Вань по его отчеству. Они там три года стояли, не разрешали им селиться. Это в книге все описано. Это пока они подали прошение в одно место, в другое, в третье, потом им уже разрешили. И то возникали проблемы, **выгоняли**, пока дед не сказал: “Все” <...> Коренные жители уже здесь жили и как-то обосновались. Поселились в определенных местах и **жилища** у них были, видимо, **специфические**. И они особо не стремились, поскольку **народ кочевой**, к тому, чтобы **стационарные дома строить**, как-то удовлетворялись этими **тупами, вежами**. А **коми пришли, начали строить стационарные дома**»* (жен., коми, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). *«Василий Александрович Галкин рассказывал, что в Ловозеро один берег саамский, другой ижемский, парни дрались между собой»* (жен. 1954 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). *«Здесь **вообще не было домов**, а коми пришли со своими домами. Прежде всего, дом, амбар, то, что саамы не видели. И вначале у них была договоренность – одни селятся по одной стороне реки, а другие по другой»* (жен. 1952 г.р., русская, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, Ловозеро, 2016).

Мы уже отмечали, что до конца XIX в. Ловозеро являлось зимним погостом саамов, здесь были расположены традиционные зимние постройки – пырты (тупы), которые представляли собой срубные однока-

мерные постройки с плоскими, чуть наклонными крышами из досок, покрытые дерном, высотой от полутора до двух метров. В углу пирта находился камелек, сделанный из камней, обмазанных глиной, от которого на крышу шла широкая суживающаяся кверху прямая труба [7. С. 97]. Естественно, что на их фоне ижемские дома северорусского типа смотрелись более внушительно (фото 1). Таким образом, даже визуально до середины XX в. саамская и ижемская части села существенно различались, являясь зримым подтверждением культурных различий живущих по разным сторонам реки народов.

Значительные изменения во внешнем облике села произошли в 1950–1960-е гг., когда на месте саамских традиционных построек были выстроены новые бре-

венчатые дома, а позже началось строительство блочных многоэтажек. В современном облике села мало что напоминает о традиционном поселении и каком-либо национальном колорите (фото 2), что отмечают и приезжие, и исследователи, и местные жители. «Ловозеро как административный и оленеводческий центр полуострова произвело на меня, как и на других (исследователей. – В.В.) до меня, шокирующее впечатление. Вместо села с бревенчатыми домами и пасущимися оленями я увидела множество серых многоэтажных блочных домов, стоящих на берегу реки Вирмы» [20. С. 12]. Несмотря на это, местные жители прекрасно осведомлены и о разделении села, и о существовавших некогда различиях, и о конфликтах между ижемцами и саамами.

Фото 1. Село Ловозеро, «ижемская» часть села, 1970-е гг. Фото Л.Н. Жеребцова (?) из архива сектора этнографии ИЯЛИ Коми НЦ

Фото 2. Село Ловозеро, 2011. Фото В.В. Власовой

Особое внимание исследователи обращали на «различия культур» соседствующих народов, как правило, речь шла об особенностях быта и ведения хозяйства. Посетивший в 1926 г. с Ловозеро врач Н.В. Халапсин писал: «Всем известно, что лопари **малокультурны и живут плохо**». Последнее относилось к санитарно-гигиеническим условиям (нечистоплотность, обовшивленность). К факторам, влияющим на ситуацию, он отнес «нерациональное устройство жилищ, недостаточный уход за телом, однообразное питание и нерациональный уход за детьми» [21. С. 48]. Представления о различиях в бытовой сфере оказались весьма устойчивыми. *«Да, да между нами говоря, конечно, культура коми, особенно бытовая, гораздо выше была. Когда приехали сюда, больше ста лет, поселились здесь коми, стали строить просторные дома, семьи большие. Саамы кочевали, все разбросано, временное. Коми культура сильная старинная, коми принесли культуру, которую там потом впитали в себя. И кладбища два было: первое хоронили коми, второе саамское. Теперь, может, и ничем не отличаются, а раньше отличались культурой, уборкой там, содержанием»* (муж., 1939 г.р., русский, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, Ю.П. Шабаев, с. Ловозеро, 2011).

Определяющее значение для формирования образов саамского и ижемского населения играло оленеводство. Устойчивость образа саамов как «оленного народа» на уровне массовых представлений подтверждается современными исследованиями [2]. В то же время в этнографической литературе с начала XX в. господствовало мнение о «более высокой культуре» ижемцев. Оно относилось в первую очередь к различиям в организации этого вида деятельности у мигрантов и коренных жителей, в частности делался акцент на высокую товарность ижемского оленеводства [16; 22. С. 30; 23]. Н.Н. Волков в своей кандидатской диссертации, подготовленной в 1946 г., в качестве показателей прогрессивного влияния ижемцев на развитие саамского оленеводства приводил следующие: отказ саамов от вольного выпаса, заимствование некоторых элементов зимней и летней одежды и упряжи [23. С. 97]. Представления о значительном влиянии ижемцев на оленеводство Кольского полуострова сохраняются и по сей день. *«Коми принесли прогресс, малица удобнее, чем чес пес (шуба). Пимы я тоже считал своими, а оказалось коми или ненецкие. Оленей наши выпасали в частном порядке, а коми привели стада»* (муж., 1949 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). *«Саамы очень много взяли у коми, очень много. Во всем – в укладе жизни, в хозяйстве, в быту – это, конечно, культура коми господствовала»* (жен., 1952 г.р., русская, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). Подобное позиционирование культуры ижемцев (в первую очередь хозяйственной как более прогрессивной) вызывает определенное неприятие со стороны саамов. *«Я слышала, что у нас, как бы такое было, что коми принесли сюда культуру и что все благодаря коми, были же раньше такие разговоры»* (жен., 1988 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). *«Раньше, как сказать. Тут говорят: “Коми научили саамов стоя пи-*

сать”. Это, конечно, шутка. В принципе ничего такого» (муж., 1998, саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016).

Следует отметить, что в советское время именно ижемская технология легла в основу колхозной и совхозной системы выпаса [24. С. 18–19]. В то же время нарекания к ней появились еще в начале XX в. «Ижемцы являются наиболее культурной оленеводческой народностью <...> использование пастбищ ведется **хищнически**, вследствие чего в деятельности своей они наносят ущерб краю, в котором появляются» [22. С. 30]. В последние десятилетия возобновилась критика «ижемской» системы выпаса, которая привела к деградации пастбищ [25. С. 117]. В настоящее время оленеводческие хозяйства Кольского полуострова перешли к экстенсивному выпасу (животные пасутся безнадзорно летом, частично поднадзорно зимой) [24. С. 16], который некоторые исследователи называют «лопарским» [25. С. 117]. Отметим, что представления о том, что современная система выпаса является своеобразным возвращением к традиционным практикам, существовавшим у саамов до прихода ижемцев, получили широкое распространение у части саамского населения, особенно среди саамских активистов, ратующих за развитие частного оленеводства [26]. Подчеркивается лучшая приспособленность хозяйства саамов к местным природным условиям, что, в свою очередь, ставит под сомнение «прогрессивность» ижемской модели оленеводческого хозяйства.

Представления о национальном характере

Рассказы коренных жителей о предприимчивости, хитрости, даже коварстве ижемцев представлены в этнографической литературе. «Против них выставляется целый ряд обвинений, а главное то, что они **крадут оленей и вытаптывают** «чужие» ягельники <...> Благоприятный исход судебных преследований зырян русские объясняют лишь исключительной **пронырливостью** ижемцев, среди которых есть один такой, что записал Царя себе крестным отцом, а потому местное начальство, даже министры, боятся идти против ижемца-хитреца <...> Русские и лопарские олени, приставая к стадам ижемцев, **не признающим местного обычая**, не всегда возвращаются хозяевам» [16. С. 45, 47, 49]. Иначе описываются саамы. «Слабые физически по природе, часто **забитые** в силу неблагоприятных условий жизни, **ленивые и недостаточно предприимчивые** в связи со своеобразием их быта, лопари **обладают редкими душевными качествами**, невольно располагающими к ним» [10. С. 38]. В свою очередь, ижемцы получили иную характеристику: «Совершенно естественно, что **ижемцы, более сильные физически, культурно и материально**, по мере увеличения своей численности оттесняли лопарей на второй план. Поэтому, наблюдая ловозерских **лопарей**, вы невольно чувствуете их **забитость, хозяйственную слабость и культурную отсталость** и вместе с тем сознаете, что не они хозяева в их центре (в Ловозере. – В.В.)» [Там же. С. 10].

Представления о предприимчивости ижемцев, их умении приспособиться к ситуации бытуют среди ловозерцев и сегодня. «У кого нет в администрации людей, тот будет угнетен <...> коми продвинутый народ, они есть в начальстве, а саамов нет» (муж., 1949 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). «Ижемцы более предприимчивые, активные <...> (зачитывает из книги «Советские саамы») саамы оставались честным, незлобивым народом» (жен., 1954 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016); «по сути смотреть, коми народ такой более устойчивый, прагматичный, предприимчивый» (жен., 1955 г.р., коми, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). Характеристика одним из информантов ижемцев как «активных и предприимчивых», а саамов как «честных и незлобивых» содержит определенное указание на то, что «предприимчивость», которая трактуется как положительное качество самими ижемцами, может интерпретироваться совершенно иначе саамами.

Формирование образов коренного (саамского) и пришлого (ижемского) населения с. Ловозеро было обусловлено объективными различиями культур, которые были ярко выражены на момент первых контактов (традиционные постройки, одежда, способы ведения хозяйства). Особое влияние оказало то обстоятельство, что представители этих народов конкурировали в одном культурном пространстве (оленьеводстве), а также тот факт, что саамы оказались в определенной экономической зависимости от более успешных мигрантов. На наш взгляд, этот факт нашел отражение в представлениях о национальном характере саамов и ижемцев, которые сохраняются по сей день. В отдельных этнографических работах 1920–1930-х гг., а также в некоторых интервью с представителями саамов, записанных в 2011, 2016 гг., приход переселенцев с Ижмы

трактуется как захват саамских территорий предприимчивыми пришельцами, не соблюдающими устоявшихся традиций; тогда как сами ижемцы говорят о нем как о вынужденном переселении.

До середины XX в. стратегии взаимодействия, избранные саамами и ижемцами, были направлены на закрепление культурной дистанции. На уровне локального сообщества это нашло отражение в длительном разделении села на саамскую и ижемскую части, в отсутствии межэтнических браков [8. С. 160]. В то же время происходило определенное взаимовлияние культур, в частности заимствование отдельных элементов одежды (малицы, пимы), усвоение хозяйственных практик (изменение системы выпаса в оленеводстве). Следует отметить, что длительное время на формирование образов саамов и ижемцев с. Ловозера определяющее влияние оказывало оленеводство как неотъемлемый элемент традиционной хозяйственной деятельности этих народов. В последние десятилетия представления о прогрессивности ижемского оленеводства и отсталости саамского подверглись значительному пересмотру под влиянием социально-экономических и политических факторов (экономические изменения постперестроечного периода, поддержка «саамского оленеводства» зарубежными организациями). На наш взгляд, особую роль в формировании современных этнических образов этих народов играют опубликованные исторические и этнографические работы: в ходе интервью информанты не только ссылались на книги, но и зачитывали фрагменты, чтобы проиллюстрировать или подтвердить свои слова. Сформировавшие этнические образы оказались достаточно устойчивыми, но постепенно размываются под влиянием процессов социально-культурной интеграции, усиливающихся как на общенациональном, так и на локальном уровнях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В 1927 г. Ловозерский погост, являвшийся волостным центром, объединял 9 населенных мест, расположенных на территории в 25 тыс. квадратных километров, по предварительным данным переписи 1926/1927 гг. здесь проживал 1 301 житель, из них 510 саамов [10. С. 8].

ЛИТЕРАТУРА

- Разумова И.А., Петров В.П. Проблемы и перспективы социально-антропологических исследований этнокультурной ситуации на Кольском Севере // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе / ред. А.Н. Виноградов. Апатиты : Кольский науч. центр, 2005. С. 408–418.
- Разумова И.А. «Аборигены» и «мигранты»: проблемы аккультурации и культурной дистанции коренного и городского населения Крайнего Севера // Народные культуры Европейского Севера : республиканская науч. конф. (Архангельск, 15–17 октября 2007 г.) / отв. ред. Н.В. Драникова. Архангельск : Поморский ун-т, 2008. URL: <http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=9> (дата обращения: 10.10.2017).
- Денисенко В.Н., Власова В.В. Сохранение и репрезентация этничности в локальных группах (саамы и ижемцы села Ловозеро) // Европейский север: локальные группы и этнические границы / отв. ред. О.И. Уляшев. Сыктывкар : Коми науч. центр, 2012. С. 99–120. (Труды Института языка, литературы и истории, вып. 71).
- Поворознюк О.А. «Аборигены», «бамовцы» и «приезжие»: социальные отношения на севере Забайкалья // Сибирский сборник–4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры / отв. ред. В.Н. Давыдов, Д.В. Арзютов. СПб. : МАЭ РАН, 2014. С. 38–55.
- Чеснов Я.В. Этнический образ // Этнознаковые функции культуры / ред. Ю.В. Бромлей. М. : Наука, 1991. С. 58–85.
- Гуцол Н.Н., Виноградова С.Н., Саморукова А.Г. Переселенные группы кольских саамов. Апатиты : Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2007. 86 с.
- Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX – XX вв. М. : Наука, 1971. 167 с.
- Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М. : Наука, 1991. 231 с.
- Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии / Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет. Архангельск : Типо-лит. наследников Д. Горайнова, 1896. Вып. 3: Уезды: Онежский, Кемский и Кольский. 2, IV, II, 267 с.
- Золотарев Д.А. Лопарская экспедиция Русского географического общества (11.01–11.05.1927). Л. : Изд. Гос. Рус. географического о-ва, 1927. 48 с.
- Золотарев Д.А. Кольские лопари. Л. : Изд. Академии наук СССР, 1928. 207 с. (Труды Лопарской экспедиции Русского географического общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова).

12. Сенявская Е.С. Влияние войн XX в. на формирование образа Финляндии и финнов в России // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона : сб. материалов междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 126–130.
13. Мороз А.Б. «Свои» и «чужие» святые: к вопросу о формировании культа святых // Рябининские чтения – 2011 : материалы VI конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 121–124.
14. Бодрова О.А. Саамы в русской этнографической литературе второй половина XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 18 с.
15. Очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгарта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск : Губернская тип., 1895. 128 с.
16. В-р. Из области оленеводства // Известия Архангельского Общества изучения Русского севера. 1909. № 7. С. 35–50.
17. Гюлленхааль А.-С., Острём А.-Л. Выставка «Густаф Халлстрём на Кольском полуострове». 2010. Музей истории, культуры и быта кольских саамов. Ловозеро.
18. Киселев А.А., Киселева Т.А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск, 1979. 166 с.
19. Чарнолуцкий В.В. В краю летучего камня. Записки этнографа. М. : Мысль, 1972. 270 с.
20. Vladimirova V. Just Labor. Labor Ethic in a Post-Soviet Reindeer Herding Community // Acta Universitatis Upsaliensis. Uppsala Studies in Current Anthropology. Uppsala. 2006. Vol. 40.
21. Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi : Университет Лапландии, 1998. 126 с.
22. Чарнолуцкий В.В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л. : Изд. Гос. Рус. географического о-ва. 1930. 176 с.
23. Волков Н.Н. Российские саамы : историко-этнографические очерки. СПб.–Каутокейно : МАЭ им. Петра Великого – Саамский институт, 1995. 106 с.
24. Истомин К.В. О динамике культуры оленей на Кольском полуострове // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 16–24.
25. Кучинский М.Г. Саамы Мурманской области : очерк современного положения // Труды Кольского научного центра. 2011. № 6. С. 114–128.
26. Konstantinov Yu. Reindeer Herding on the Kola Peninsula Today. URL: <http://www.arcticcentre.com/loader.aspx?id=64add329-601b-4c65-bdd3-6576abb936ef> (accessed: 10.10.2017).

Victoria V. Vlasova, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: vv505@hotmail.com

SAAMI AND KOMI-IZHEMSTY OF LOVOZERO: FORMING OF IMAGES OF INDIGENOUS PEOPLE AND NEWCOMERS

Key words: ethnic images, local groups, Saami, Komi-Izhemtsy.

The article is dedicated to the ethnic images of Saami and Komi-Izhemtsy of Lovozero, Murmansk region. We believe that images were shaped by the notions about indigenous people and newcomers as well as those notions were determined by the ethnic images. Our goal was to analyze factors that had affected the ethnic images, to analyze factors that impact on the sustainability and transformation of these images. In this article we used publications of the beginning of the 20th century which contain information about Saami – Komi relationships. We also used field data collected in Lovozero during the expeditions in 2011, 2016, characterizing contemporary situation. The research is based on qualitative methodology: interviews with ethnic activists, staff from education and culture, semi-structured interviews with the students of college. Till the end of 19th century Lovozero was typical Saami village (pogost). In the middle of 1890th first houses of the Izhemtsy were built here. Izhma Komi moved to the Kola Peninsula with their reindeer herds in 1887 from Pechora region because of heavy diseases that caused massive loss of deer. Formation of the images of indigenous (Saami) and newcomers (Izhemtsy) had resulted from some objective differences in culture of these ethnic groups (traditional buildings, traditional clothes, economy). These differences were more pronounced in the beginning of the 20th century. We argue that the conflict between indigenous and newcomers, resulting from competition for resources, is still a pivotal motive in oral narratives about relationships between Saami and Izhemtsy. Forming of the ethnic images was particularly affected by the fact that these groups had competed in the same cultural space (reindeer herding), as well as that Saami become economically dependent on migrants. The reindeer herding, as an important element of the traditional economic activities of Saami and Izhemtsy, had a decisive influence on the ethnic images of these ethnic groups. Nowadays the ideas about “progressive” nature of the Izhma methods of reindeer herding and “backwardness” of the Saami ones have undergone considerable revision under the influence of social, economic and political factors (economic changes of the post-soviet period, support for “traditional Sami ethnic methods of reindeer herding” by foreign organizations). We also note that today published texts on history and ethnography have a certain impact on formation of ethnic images.

REFERENCES

1. Razumova, I.A. & Petrov, V.P. (2005) Problemy i perspektivy sotsial'no-antropologicheskikh issledovaniy etnokul'turnoy situatsii na Kol'skom Severe [Problems and perspectives of socio-anthropological studies of the ethno-cultural situation in the Kola North]. In: Vinogradov, A.N. (ed.) *Formirovanie osnov sovremennoy strategii prirodoopol'zovaniya v Evro-Arkticheskom regione* [Formation of the foundations of a modern nature management strategy in the Euro-Arctic region]. Apatity: Kol'skiy nauchnyy tsentr. pp. 408–418.
2. Razumova, I.A. (2008) “Aborigeny” i “migrant”: problemy akkul'turatsii i kul'turnoy distantsii korennoy i gorodskogo naseleniya Kraynego Severa [“Aborigines” and “migrants”: problems of acculturation and cultural distance of indigenous and urban population of the Russian Far North]. In: Drannikova, N.V. (ed.) *Narodnye kul'tury Evropeyskogo Severa* [Folk cultures of the European North]. Arkhangel'sk: Pomorskiy universitet. [Online] Available from: <http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=9> (Accessed: 10th October 2017).
3. Denisenko, V.N. & Vlasova, V.V. (2012) Sokhraneniye i reprezentatsiya etnichnosti v lokal'nykh gruppakh (saamy i izhemtsy sela Lovozero) [Preservation and representation of ethnicity in local groups (Saami and Izhemtsy of Lovozero village)]. In: Ulyashev, O.I. (ed.) *Evropeyskiy sever: lokal'nye gruppy i etnicheskie granitsy* [European North: Local Groups and Ethnic Boundaries]. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr. pp. 99–120.
4. Povoroznyuk, O.A. (2014) “Aborigeny”, “bamovtsy” i “priezhzhie”: sotsial'nye otnosheniya na severe Zabaykal'ya [“Aborigines”, “BAM-builders” and “outsiders”: social relations in the north of Transbaikalia]. In: Davydov, V.N. & Arzyutov, D.V. (2014) *Sibirskiy sbornik-4. Grani sotsial'nogo: Antropologicheskie perspektivy issledovaniya sotsial'nykh otnosheniy i kul'tury* [Siberian Collection – 4. Social Facets: Anthropological Perspectives on the Study of Social Relations and Culture]. St. Petersburg: RAS. pp. 38–55.
5. Chesnov, Ya.V. (1991) Etnicheskiy obraz [Ethnic image]. In: Bromley, Yu.V. (ed.) *Etnoznakovyye funktsii kul'tury* [Ethno-cultural functions of culture]. Moscow: Nauka. pp. 58–85.

6. Gutso, N.N., Vinogradova, S.N. & Samorukova, A.G. (2007) *Pereselelennye gruppy kol'skikh saamov* [Resettled groups of the Kola Saami]. Apatity: RAS.
7. Lukyanchenko, T.V. (1971) *Material'naya kul'tura saamov Kol'skogo poluostrova kontsa XIX – XX vv.* [Material culture of the Saami of the Kola Peninsula in the late 19th – 20th century]. Moscow: Nauka.
8. Konakov, N.D. & Kotov, O.V. (1991) *Etnoareal'nye gruppy komi: Formirovanie i sovremennoe etnokul'turnoe sostoyanie* [Komi Ethnic Diasporas: Groups Formation and Present Ethno-Cultural State]. Moscow: Nauka.
9. Church and Archaeological Committee of the Archangel Eparchy. (1896) *Kratkoe istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvey Arkhangel'skoy eparkhii* [A brief historical description of the parishes and churches of the Archangel Eparchy]. Vol. 3. Arkhangelsk: D. Goryaynov.
10. Zolotarev, D.A. (1927) *Loparskaya ekspeditsiya Russkogo geograficheskogo obshchestva (11.01–11.05.1927)* [Lapland expedition of the Russian Geographical Society (11.01–11.05.1927)]. Leningrad: Russian Geographical Society.
11. Zolotarev, D.A. (1928) *Kol'skie lopari. Trudy Loparskoy Ekspeditsii Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po antropologii loparey i velikorusov Kol'skogo poluostrova* [The Kola Laplanders. Proceedings of the Lapland Expedition of the Russian Geographical Society for the Anthropology of the Lapps and Great Russians of the Kola Peninsula]. Leningrad: USSR AS.
12. Senyavskaya, E.S. (2005) Vliyaniye voyn XX v. na formirovaniye obraza Finlyandii i finnov v Rossii [The influence of the 20th century wars on the formation of the image of Finland and the Finns in Russia]. In: Ilyukha, O.P. (ed.) *Mezhkul'turnye vzaimodeystviya v polietnichnom prostranstve pogranichnogo regiona* [Intercultural Interactions in the Polyethnic Space of the Border Region]. Petrozavodsk: RAS. pp. 126–130.
13. Moroz, A.B. (2011) [Our and their Saints: On formation of the cult of saints]. *Ryabininskie chteniya-2011* [The Ryabinin Readings–11]. Proc. of the 6th Conference on Russian North Cultural Heritage. Petrozavodsk: RAS. pp. 121–124. (In Russian).
14. Bodrova, O.A. (2009) *Saamy v russkoy etnograficheskoy literature vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov* [Saami in Russian ethnographic literature of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
15. Engelgart, A.P. (1895) *Ocherk puteshestviya arkhangel'skogo gubernatora A.P. Engel'gart v Kemskiy i Kol'skiy uezdy v 1895 godu* [Essay on the journey of Arkhangelsk Governor A.P. Engelgart in Kemsky and Kola uyezds in 1895]. Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya.
16. V-r. (1909) Iz oblasti olenevodstva [Some data on reindeer herding]. *Izvestiya Arkhangel'skogo Obshchestva izucheniya Russkogo severa*. 7. pp. 35–50.
17. Gyullenkhaal, A.-S. & Ostrem, A.-L. (2010) *Vystavka "Gustaf Khallstrem na Kol'skom poluostrove"* [Exhibition "Gustaf Hallström on the Kola Peninsula"]. Lovozero: Museum of the History, Culture and Life of the Kola Sami.
18. Kiselev, A.A. & Kiseleva, T.A. (1979) *Sovetskie saamy: istoriya, ekonomika, kul'tura* [Soviet Saami: history, economics, culture]. Murmansk: [s.n.].
19. Charnolusky, V.V. (1972) *V krayu letuchego kamnya. Zapiski etnografa* [In the land of the flying stone. Notes of the ethnographer]. Moscow: Mysl'.
20. Vladimirova, V. (2006) Just Labor. Labor Ethic in a Post-Soviet Reindeer Herding Community. *Acta Universitatis Upsaliensis. Uppsala Studies in Current Athropology*. 40.
21. Chernyakov, Z.E. (1998) *Ocherki etnografii saamov* [Essays on the Sami ethnography]. Rovaniemi: University of Lapland.
22. Charnolusky, V.V. (1930) *Materialy po bytu loparey. Opyt opredeleniya kochevogo sostoyaniya loparey vostochnoy chasti Kol'skogo poluostrova* [Materials on the everyday life of the Laplanders. Experience in determining the nomadic state of the Laplanders of the eastern part of the Kola Peninsula]. Leningrad: The State Russian Geographical Society.
23. Volkov, N.N. (1995) *Rossiyskie saamy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Russian Sami. Historical and Ethnographic Essays]. St. Petersburg; Kautokeyno: Sami Institute.
24. Istomin, K.V. (2017) The dynamics of reindeer culture on the Kola Peninsula. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2(55). pp. 16–24. (In Russian).
25. Kuchinsky, M.G. (2011) Saami Murmanskoy oblasti: Ocherk sovremennogo polozheniya [Sami of the Murmansk region: An outline of the current situation]. *Trudy kol'skogo nauchnogo tsentra*. 6. pp. 114–128.
26. Konstantinov, Yu. (n.d.) *Reindeer Herding on the Kola Peninsula Today*. [Online] Available from: <http://www.arcticcentre.com/loader.aspx?id=64add329-601b-4c65-bdd3-6576abb936ef> (Accessed: 10th October 2017).

УДК 94(571)"191"
DOI: 10.17223/19988613/65/20

В.Г. Дацышен, Л.А. Кутилова

КИТАЙЦЫ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1910-х – 1920-е гг.: ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ОБЩИНЫ МИГРАНТОВ И УТОЧНЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Рассматриваются особенности функционирования общины китайских мигрантов в Красноярске и Приенисейском крае в конце 1910-х – 1920-е гг. Характеристика общины китайских мигрантов дана в сравнении с классическим регионом китайского присутствия (Дальний Восток) и сибирскими территориями. Аргументируется непродуктивность анализа общины китайских мигрантов с точки зрения концепции диаспоры. Исследование основано на материалах региональных архивов, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Приенисейская Сибирь; китайские мигранты; региональный вариант общины мигрантов; концепция диаспор.

В 1990-е гг. тема диаспор прочно завоевала свое место в исследовательском пространстве, став на долгие годы предметом интереса историков, социологов, политологов, специалистов других гуманитарных сфер. Интерес к ней заставил обратиться как к теоретическому потенциалу концепции диаспор, так и к анализу конкретно-исторических условий функционирования сообществ, называемых диаспорами. Однако в ходе обсуждения довольно новой для российских гуманитариев темы обнаружили большое количество разночтений, отсутствие не просто общего понимания, что такое диаспора, но и принципиально разные подходы к анализу феномена, что спровоцировало серьезную междисциплинарную дискуссию [1–4 и др.]. Важную роль в раскрытии феномена сыграл русскоязычный научный журнал «Диаспоры», специально созданный для обсуждения всего многообразия проблем этого феномена и прояснения позиций исследователей, который начал выходить в 1999 г. (англоязычный журнал «Diaspora» – с 1991 г.).

Отмечая разрастание миграционных потоков и то увеличивающееся влияние, которое они оказывают на ситуацию во всем мире, редакция журнала справедливо подчеркивала возрастание проблем диаспор, их важные политические последствия. Спустя годы подобные проблемы не только не утратили своей значимости, напротив, тема стала одной из самых сложных и актуальных в современном мире, где проблемы отношения к массовым миграциям, адаптации мигрантов в новом принимающем сообществе, конфликтов по этому поводу приобрели институциональный характер. В то же время отметим, что в исследовательском пространстве жаркие дискуссии давно прошли, поток публикаций уменьшился, тема, что называется, укоренилась, но мы по-прежнему сталкиваемся с неразработанностью концепции диаспор, с неопределенностью термина «диаспора», его расширительным толкованием и употреблением. Причем не только в обыденной сфере, но и в научном дискурсе. Диаспорой продолжают называть и любые части этноса, оказавшиеся в силу

разных причин вне пределов своего традиционного проживания, и национально-культурные общества, реализующие свою деятельность главным образом в фольклорной сфере, и землячества, и просто любые группы иноэтничного населения. Подразумевается при этом, что «диаспора» является социальным организмом, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности. Иногда диаспора видится организованным сообществом, корпорацией, официально оформленной организацией с взаимными обязательствами и коллективной ответственностью. Термину пытаются придать даже правовое содержание. В общественном дискурсе именно в таком смысле любят использовать термин чиновники и журналисты, функционеры национально-культурных объединений, убежденные, что имеют право выступать от имени «диаспоры» и даже обладать властными полномочиями над ее членами. Таким образом, произошла экспансия термина в повседневную общественную жизнь.

Однако зачастую и в общественных науках термин употребляется расширительно без связи с его теоретическим осмыслением, с разработкой концепции диаспор. Понимая, что не всегда стремление в ходе теоретических дискуссий придать термину универсальное содержание достигает цели, что многие другие термины функционируют в науке, несмотря на разные значения, что мы используем их по умолчанию, подчеркиваем, что в таком случае обращение к термину «диаспора» требует концептуальных уточнений. В анализе ключевых проблем диаспороведения важным для авторов статьи является тезис о том, что наличие лиц одной национальности, которые живут вне пределов своего традиционного проживания, – это еще не диаспора, а только условие для ее реализации. Общность может и не стать диаспорой. Диаспора – это прежде всего идущий снизу процесс адаптации членов сообщества к новым условиям жизни, позволяющий ощущать связь с родиной и одновременно успешно адаптироваться в новом окружении, поддерживать свою идентичность путем балансирования между «измениться» и «сохра-

ниться». В этом смысле определяющим является выбор жизненной стратегии на новом месте обитания.

У части гуманитариев, изучающих тему, сегодня сложилось представление о том, что феномен диаспоры определяется набором неких характеристик. Исследователи пытаются по возможности полно, с их точки зрения, представить эти характеристики, набор которых доходит до шести или восьми. Часто подобного рода трактовки опираются на достижения зарубежной науки, например на предложенную У. Сафраном классификацию диаспор [5–8]. Это не попытка утвердить строгое правило, выявить стройный комплекс характеристик, на соответствие которым надлежит проверять сообщества, но сам факт такого подхода устанавливает меру соответствия, придавая многим исследованиям характер измерений. Появилось большое число публикаций, в которых авторы пытались ответить на вопрос: состоялось ли сообщество как диаспора, анализируя его на соответствие комплексу характеристик.

Такого рода подход, на наш взгляд, является тупиковым с точки зрения эвристических возможностей науки: подчеркивая общее, типическое в функционировании сообществ, называемых диаспорами, он упускает из вида специфическое, то, что не укладывается в систему общепринятых координат, не соответствует идеальной модели. Подчеркнем, что даже считающаяся хрестоматийной еврейская диаспора в разные эпохи в разных странах сильно отличалась и продолжает «отличаться друг от друга и по собственным характеристикам, и по положению в окружающем обществе» [9]. Кроме того, в современном мире диаспоральные сообщества постоянно меняются; по меткому выражению И.Д. Прохоровой, современные диаспоры напоминают «движущееся мишени», поскольку в условиях глобализации и возросшей мобильности людей приобретают все новые характеристики, например с распространением новых возможностей онлайн-коммуникации в сети Интернет и т.п.

Для нас важно подчеркнуть специфические обстоятельства функционирования этнических общин, поскольку в ходе увлеченного обсуждения теоретических проблем концепции диаспор и стремления придать термину универсальное содержание проявился скепсис в отношении конкретно-исторических публикаций по проблеме диаспор. Однако есть смысл подчеркнуть именно эту работу исследователей – конкретно-исторические исследования по диаспоральной проблематике, раскрытие темы на примере той или иной конкретной диаспоры, которая в этом случае подвергается эссенциализации, их сравнительно-исторический анализ.

Прав В.Д. Попков, который подчеркивает, что изучение всей диаспоры «весьма затруднительно», поэтому важнейшей задачей для исследователя как раз и является изучение той единицы диаспоры, которую можно «реально охватить и исследовать» [10], – общины диаспоры в ее региональных проявлениях. В таком варианте диаспороведения крайне важны подходы этнографии и антропологии, дисциплин, которые уже обладают опытом изучения локальных сообществ.

В этой связи для нас важна позиция известного исследователя диаспор К. Батлер, которая считает, что важно определять диаспору именно этнографически и развивать эпистемологию диаспороведения путем сравнительного анализа разных «этнографий» [11]. Такой подход позволяет определить ключевые понятия *diaspora studies*, исходя из анализа конкретных случаев и ситуаций.

В контексте интереса к проблеме диаспор начиная с 1990-х гг. широко зазвучала тема китайской «диаспоры»; количество публикаций по ней просто огромно. При этом слово «диаспора» по отношению к китайскому сообществу в России недаром написано в кавычках: специфичность китайского сообщества заставляет исследователей-профессионалов с осторожностью применять его по отношению к китайцам в России, пользоваться более нейтральными словами и выражениями – китайская миграция, китайское сообщество, китайское присутствие. Такой подход не случаен, существование китайского сообщества в качестве диаспоры в нашей стране, как представляется, возможно лишь в перспективе; в исторической ретроспективе, да и в настоящее время, это довольно специфический феномен. Задача предлагаемой работы – проанализировать на конкретно-историческом материале Приенисейской Сибири функционирование китайского сообщества в региональном контексте в первые годы советской власти, что предопределило изменение в положении китайского сообщества, а также соотнести феномен с теми смыслами и значениями, которые вкладываются в понятие диаспоры, стоят за этим термином; провести сравнительно-исторический анализ, используя материал как территории классического китайского присутствия – Дальнего Востока, так и близких сибирских территорий, например Томска и Томской губернии.

Источники

Важнейшими источниками для изучения истории китайской общины в Приенисейской Сибири являются архивные материалы, например документы Енисейского губотдела по делам национальностей, регистрационные листы, торговые патенты и др., статистические материалы, в том числе данные разнообразных переписей, материалы региональной прессы и т.д.

Как китайцев, так и всех других иностранцев советская власть пыталась поставить под свой пристальный контроль. Так, в январе 1920 г. Подотдел по делам иностранных подданных Енисейского ревкома должен был произвести учет всех иностранцев, проживающих в пределах Енисейской губернии, для замены просроченных видов на жительство [12. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 24. Л. 17]. Для получения соответствующих документов китайцы заполняли «Регистрационный листок иностранного подданного, проживающего на территории РСФСР» из 23 пунктов, касающихся данных о личности заполнявших документ. Безусловно, эти листки сегодня – важнейшие источники для характеристики китайских мигрантов. Отметим, правда, что часть пунктов в них осталась незаполненной как по причине

невозможности проверить биографию приехавшего китайца, так и потому, что приехавшие из деревни крестьяне имели простую биографию. Другими важными источниками для характеристики мигрантов являются разного рода удостоверения и справки, которые зачастую выполняли роль своеобразных паспортов, удостоверений личности для китайских мигрантов в 1920-е гг. Например, шаньдунец Го-шин-тян жил в Енисейской губернии по выданному в 1923 г. в Новониколаевске удостоверению Исполкома Союза китайских рабочих в Сибири [12. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 19. Л. 430]. Представление о составе китайской общины в Сибири можно составить также по документам на получение торговых патентов. Перечисленные источники позволяют исследователям всесторонне изучать конкретно-исторические обстоятельства функционирования китайской общины в Приенисейской Сибири.

Исследование

География расселения китайских мигрантов в Приенисейской Сибири была довольно обширной. Кроме самого города Красноярска китайцы проживали в Канске, Минусинске, Ачинске, Енисейске; сведения о них отмечены в селах Курагино, Ужур, в Мининской волости, в частности на территории Бирюсинского участка. Китайские рабочие жили и работали на приисках по всей губернии, включая Урянхайский край. Кроме того, они проживали на станциях и строительных участках железной дороги, например на станциях Бадаложная, Клюквенная, на дороге в районе станции Ужур. Подавляющее большинство китайцев в Приенисейской Сибири жили в городах. К категории сельского населения относились лишь около четверти китайских мигрантов.

Данные о численности сообщества китайских мигрантов в регионе всегда были довольно приближенными. Эта особенность статистики в отношении китайцев является характерной для регионов России в целом: и на Дальнем Востоке, и в соседней Западной Сибири исследователи говорят о примерных цифрах, причём их разброс может быть очень большим. Е.И. Нестерова справедливо отмечает, что причина кроется и в специфических условиях существования китайских общин, и в маятниковом характере миграции, и в несовершенстве методов учета китайских мигрантов [13, 14]. Сами китайцы часто пользовались тем, что казались русским на одно лицо: передавали или продавали друг другу документы, жили по чужим или поддельным паспортам.

В годы Гражданской войны численность китайцев в Приенисейской Сибири уменьшилась, но китайская община не исчезла. Переписью 1920 г. в Енисейской губернии было зафиксировано 223 китайца (все мужчины), данные повторялись в документах Енисейского губотдела по делам национальностей за 1922 г. [15. Ф. 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 4]. Томский исследователь К.К. Клипка пишет, что в Томской губернии ситуация была иной, многие китайцы с началом революционных событий попытались вернуться на родину, но значительная их часть, по сути, «застряла» в Сибири, поэтому в Томске,

например, в этот период китайское население постоянно увеличивалось [14. С. 163]. Статистические данные подтверждают, что в Енисейской губернии китайцев в это время меньше, чем в соседних Иркутской (1 865 чел.), Томской (446 чел.) и Новониколаевской (261 чел.) губерниях [16. С. 61].

В то же время надо подчеркнуть, что данные о численности китайцев в Приенисейской Сибири противоречивы. Так, в справке этого же года «Сведения о наличии граждан, проживающих на Урале и в Сибири до Иркутска» указано, что в губернском центре – г. Красноярске – проживает 40 китайских рабочих, 200 неработающих китайцев, 100 китайцев-красноармейцев и еще 70 других китайцев. Согласно этому документу в Ачинске зафиксировано 120 китайских рабочих и 200 неработающих китайцев; в Канске – 200 неработающих китайцев, в Енисейске – 70 китайских рабочих [17. Ф. 495. Оп. 154. Д. 17. Л. 28]. С такими же противоречиями в официальной статистике мы сталкиваемся при анализе данных на середину 1920-х гг. Всесоюзная перепись 1926 г. в Сибирском крае, в состав которого входила территория бывшей Енисейской губернии, зафиксировала 1 409 советских китайцев и 2 151 гражданина Китайской республики. Больше всего советских китайцев проживало в Красноярском округе – 80 человек, но их число меньше, чем в других крупных городах Сибири – Иркутске, Томске, Новосибирске. Китайских граждан в Красноярске было зафиксировано 64 человека [18. С. 12]. В статистических справочниках, ссылавшихся на перепись населения 1926 г., для территории, вошедшей в Восточно-Сибирский край, указывались следующие цифры китайского присутствия: 8 064 китайца, или 0,31% всего населения края. В том числе по округам: Читинский – 4 473 (1,16%); Сретенский – 2 593 (1,27%); Иркутский – 505 (0,11%); Бурят-Монгольская АССР – 342 (0,07%); Красноярский – 80 (0,02%); Тулунский – 39 (0,02%); Канский – 30 [19. С. 14–15]. Таким образом, в Красноярске и в округах бывшей Енисейской губернии китайцев, как китайских, так и советских граждан, проживало немного, особенно в сравнении с соседними сибирскими и дальневосточными городами и округами. Так, описывая Владивосток, современники отмечали, что китайский компонент в городе доминировал. Экзотичность города заставляла воспринимать его как не совсем российский: русских жителей в нем совсем не было видно [14. С. 55–56]. В то же время отметим, что перепись 1926 г. учла далеко не всех китайцев в Сибири; подчеркнем еще раз, что точных данных о численности китайцев никогда не было ни по Приенисейской Сибири, ни по стране в целом.

Источники позволяют определить некоторые типические черты китайской общины в Приенисейской Сибири. Так, она состояла главным образом из холостых мужчин. Согласно данным переписи 1926 г. на 1 360 советских китайцев-мужчин приходилось всего 49 советских китайенок, а на 2 129 зарубежных китайцев имелось лишь 22 соотечественницы [18. С. 12]. Но даже из этого незначительного числа «китайенок» почти половина указали русский язык в качестве родного, вероятнее всего, к категории «китайенок» при переписи

причислили русских жен китайских мигрантов. Возраст китайцев, отмеченных в документах, поданных в конце 1921 г. с целью получения торговых патентов, составлял от 24 до 64 лет. Важным для нас является указание на то, что локальная община воспроизводилась исключительно за счет интенсивной миграции. Рассмотрим места выхода мигрантов. Примерно половина китайцев в Приенисейской Сибири в начале 1920-х гг. в анкетах указали в качестве места своего рождения город Чифу (современный Яньтай) провинции Шаньдун. Ближе к середине 1920-х гг. увеличивается доля выходцев из провинции Чжили (Хэбэй), лишь немногие китайцы в качестве места рождения указали Пекин, Тяньцзинь или Шанхай. В Красноярск они попадали главным образом через Маньчжурию и Иркутск, редко прибывали из Тувы или из Монголии. Вполне вероятно, что Красноярск привлекал новых мигрантов из одних и тех же мест по причине укоренения в китайской среде традиций землячества, формированию которых способствовали разнообразие диалектов, региональных различий в бытовой культуре, групповая солидарность и взаимопомощь земляков в самом Китае.

Довольно часто китайцы останавливались в Сибири (будь то Красноярск или Томск) в рамках внутри-русской миграции, отправляясь как с востока на запад, так и с запада на восток. Неудивительно поэтому, что в документах 1920-х гг. можно встретить разделение китайцев на «оседлых» и «бродячих» [20. С. 91]. Пути миграций могли быть различными, а вот поводом для переезда чаще всего служили поиски работы, надежды на более благоприятную ситуацию на новом месте жительства. Все перечисленные обстоятельства предопределили текучий состав группы китайских мигрантов в Приенисейской Сибири.

В Красноярске китайцы жили компактно на окраине города в районе р. Кача и железной дороги. Зачастую по одному адресу были зарегистрированы 2–5 человек, но, поскольку регистрировались далеко не все, вполне вероятно, что большая часть незарегистрированных китайцев проживала по тем же адресам. Подобная ситуация складывалась и в других городах края, например в Канске. Однако своеобразной китайской слободы, обособленного китайского анклава, как, скажем, во Владивостоке или Хабаровске, в Красноярске не сложилось, вероятно, из-за малочисленности и непостоянного состава общины. В годы Первой мировой войны после отмены ограничений на использование китайского труда увеличился поток трудовых мигрантов из Китая в Сибирь; исследователи именно в это время в некоторых городах (например, в Томске) отмечают стремление китайцев группироваться, селиться вблизи друг друга. Как представляется, связано это было и с общим увеличением числа китайцев в сибирских городах, и с настороженностью коренных жителей, видевших в китайцах разведчиков и диверсантов, агентов немецкой пропаганды [21]. Однако такие районы компактного проживания китайцев в сибирских городах не идут ни в какое сравнение с китайскими слободами дальневосточных городов – Владивостока, Хабаровска, Никольска-Уссурийского.

В большинстве своем китайцы в Приенисейской Сибири занимались торговлей, причем с началом НЭПа не только китайцы-торговцы, но и бывшие чернорабочие, а также их русские жены более активно стали осваивать предпринимательство и торговлю. Важным занятием мелких китайских предпринимателей становится изготовление папирос и торговля ими. Многие китайцы имели постоянную мелочную торговлю бакалейными товарами на Ново-Базарной площади Красноярска. Так, в январе 1922 г. патент на торговлю табачными изделиями в городе Красноярске получили 12 китайцев, шесть китайских жен и одна вдова [12. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 197]. Среди них были как лица, за которыми не было признано иностранного подданства, так и китайские подданные. Подчеркнем при этом, что в Красноярске по документам не просматривается какой-либо клановости мелких предпринимателей и торговцев, в частности торговые заведения открываются по разным адресам. С течением времени торговля становится главным видом деятельности для проживающих в регионе китайцев, особенно городских. Например, Тан Ванъи приехал в Красноярск в 1917 г. на заработки и работал здесь в качестве рабочего, но в 1924 г. в Минусинске он получил патент на мелочную торговлю 2-го разряда, указав в качестве профессии и социального происхождения торговлю. В документах, поданных в конце 1921 г. с целью получения торговых патентов, китайцы в подавляющем большинстве отметили, что приехали в Красноярск в качестве чернорабочих, но с течением времени основным видом деятельности для них становится торговля. Это обстоятельство подтверждают, например, справки, выданные Союзом китайских рабочих г. Красноярска в 1920-е гг. Хотя в уставе организации говорилось, что «в члены союза принимаются только трудящиеся (живущие личным трудом), рабочие фабрик и заводов, ремесленных предприятий, и также учащиеся», сохранившиеся в архивах справки от союза рабочих выданы исключительно торговцам.

Рассмотрим характер торговой деятельности китайцев. В первую очередь это сбыт товаров из Китая. Далее, сбыт изделий своего изготовления (например, папирос); занимались китайцы также посреднической торговлей. Тот же Тан Ванъи привозил из Минусинска в Красноярск шубы. Красноярская пресса отмечала сложные условия труда китайских мигрантов: «В папиросной Ян-Си-Кю работают 3 человека в полуподвальном помещении – грязном, с недостаточным дневным светом. Предложено переменить помещение для мастерских на более подходящее» [22. 1923. 12 янв.]. Однако, подчеркнув данную тенденцию, отметим, что далеко не все китайцы в Енисейской губернии в годы НЭПа перешли в сферу торговли. Китайские рабочие встречались на строительстве Ачинск-Минусинской железной дороги, жили и работали на Знаменском стеклозаводе и на Черногорских каменноугольных копях, продолжая дореволюционную традицию. Например, на руднике «Богомдарованный» работали 350 китайцев. На Черногорских копях китайцы и корейцы составляли 33,2% рабочих, на Ольховских золотых приисках тоже около трети рабочих, т.е. более

ста человек, составляли китайцы [23. С. 482]. Среди проживавших в Приенисейской Сибири китайцев были представители и других занятий: повара, артисты, печники, слесари, столяры, кожевники, пимокаты, машинисты, прачки, матросы, лекари и др. Так, например, по временному удостоверению от Омского Губадмтдела в Енисейской губернии работал приехавший из Шаньдуна сапожный мастер Кэ-Вей-Чи [12. Ф. Р.-49. Оп. 3. Д. 87. Л. 45]. Все перечисленные занятия довольно типичны для китайцев в других сибирских городах и регионах; в том же Томске, например, они торговали, содержали прачечные, часовые, швейные и обувные мастерские, занимались изготовлением и продажей папирос, искусственных цветов; отмечались случаи торговли вразнос по домам [14].

В среде китайских рабочих в 1920-е гг. в Приенисейской Сибири лишь немногие имели постоянное место работы и, соответственно, стабильный заработок, что сказывалось на материальном положении. Так, китаец Шан-Гуя перечислял: «...последнее время работал: с 1 января 1922 года по 24 ноября 1924 года на складе топлива ст. Купино. С сентября 1924 года по июнь 1925 года находился на заготовке дров для стеклозавода 13 борцов. И с 20 июня по 31 октября 1925 года состоял на работах Ач.-Минусинской ж.д. в качестве чернорабочего» [12. Ф. Р.-49. Оп. 3. Д. 90. Л. 259]. В милицеском акте за 1925 г. отмечалось: «...у гражданина Ван-Лень-юй имущества никакого нет, кроме бедного носильного платья» [Там же. Д. 87. Л. 55]. Об этом же говорит выданное «Удостоверение»: «Выдано настоящее гражданам Тянь-шин, Фан-гуй-тянь и Чи-ю-мин... в том, что согласно актам обследования их имущественного положения и основываясь на ряде свидетельских показаний видно, что указанные выше граждане никакого имущественного положения не имеют, в данный момент находятся в критическом положении на почве продолжительной безработицы» [Там же. Д. 105. Л. 5]. В сопроводительных документах к заявлению проживавшего в Минусинске китайца Лю-Чун-Сан с просьбой о переходе в российское гражданство также отмечается его крайняя бедность: нет никакого имущества, кроме старой одежды [Там же. Д. 87. Л. 159]. Неприятельность, неприхотливость, низкий уровень потребностей китайцев в России подчеркивают все исследователи, но в данном случае речь идет о настоящей нищете.

Отметим другие характеристики общины китайских мигрантов в Приенисейской Сибири. Почти все китайцы были выходцами из крестьянских семей. Согласно анкетам и регистрационным листкам почти все они были неграмотными, включая торговцев. Материалы переписи 1926 г. зафиксировали в Сибири в качестве грамотных всего 497 мужчин и 6 женщин из числа китайских мигрантов, в том числе по-китайски – 427 мужчин и 1 женщину [18. С. 12]. Большая часть китайцев, проживавших в Енисейской губернии, по документам были холостые, некоторые указывали, что имеют семью в Китае. Однако начиная с начала XX в. растет число случаев вступления в брак китайцев с русскими женщинами. В Красноярске в это время лишь у одного китайца Лю Кинхай жена была не из

России. Детей в смешанных браках обычно было по двое, что значительно меньше, чем в русских семьях. Тенденция увеличения смешанных браков, как представляется, была связана с убылью коренного мужского населения в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Неудивительно, что браки с русскими женщинами заключались как раз в период Гражданской войны. Иногда женитьба на русской женщине была одной из главных причин для принятия китайцами православия, но большинство женатых китайцев в документах указывали себя буддистами или конфуцианцами. Православных китайцев по документам среди жителей региона удалось обнаружить около 10 человек.

Важнейшим обстоятельством существования китайского сообщества в Сибири было то, что здесь, как и в России в целом, китайцы представляли себя только в качестве временных рабочих. Практически никто из китайских мигрантов, приехавших на заработки, не собирався оставаться здесь надолго. Большинство китайских мигрантов Сибирь не нравилась ни в природно-климатическом, ни в социально-бытовом отношении. Разность культур и социально-экономические реалии эпохи не способствовали сближению двух народов. В этот период почти все китайцы сохраняли надежду на возвращение в Китай и не стремились ни оформить и структурировать свое сообщество в России, ни раствориться в русской среде. В России, в том числе в Приенисейской Сибири, они воспроизводили традиционный уклад жизни, существовали обособленно в качестве своеобразного анклава иной культурной традиции, сознательно противостояли влиянию принимающей стороны. Показательно, что китайцы не стремились принять российское гражданство даже в очень сложных для себя жизненных обстоятельствах. В архивных материалах Енисейской губернии почти нет документов, зафиксировавших желание какого-нибудь китайца принять российское гражданство, даже среди тех, кто уже был женат на русских и имел детей от русских женщин. Более того, русские жены китайцев числились китайскими поданными. Так, из 211 иностранцев, подавших до 23 мая 1924 г. заявление о переходе в российское гражданство, в Енисейской губернии было только два китайца – Ван Ин Лин и Ван-Чао-Лин. Согласно данным Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран 1925 г., «все китайцы Сибири, как оседлые, так рабочие и бродячие, являются подданными Китая» [20. С. 91]. (В действительности некоторые китайские мигранты все же приняли советское гражданство, но их было очень немного.)

Отметим при этом, что в силу объективных причин в регионе не всегда реализовывались общероссийские тенденции. Например, известно, что в годы Гражданской войны основная масса китайцев покинула территорию России. Однако в Приенисейском крае численность их уменьшилась не столь значительно. На этот факт, как уже говорилось, указывают и томские исследователи в отношении Томской губернии и самого г. Томска [14. С. 163]. Данное обстоятельство было связано с удаленностью сибирских регионов от основных событий Гражданской войны, а также с тем, что

здесь скапливались массы китайцев, эвакуируемых из Европейской России. Проблема вывоза китайских рабочих из России стала одной из самых сложных в русско-китайских отношениях после революций 1917 г. Через Сибирь шли эшелоны с десятками тысяч китайских рабочих и членов их семей из Европейской России и Урала. Но в 1918 г. железная дорога на забайкальском участке границы была разрушена, уже в марте три эшелона с китайцами застряли на ст. Даурия. Известия об этом оказывали влияние на безусловное желание китайцев покинуть Россию и Сибирь, в частности приходилось корректировать свои планы возвращения на родину. С утверждением большевиков в Сибири число китайцев, пожелавших вернуться на родину, увеличилось. Но важным фактором, тормозившим обратный миграционный поток из Приенисейской Сибири, была чрезвычайная бедность китайцев, они попросту не имели достаточных средств, чтобы выехать на родину, кроме того, многие из них уже в пути потеряли свои сбережения при обысках [17. Ф. 495. Оп. 154. Д. 44. Л. 159]. При наличии достаточных средств китайцы всегда стремились вернуться на родину даже из отдаленных от границы районов. Например, приехавший в Забайкалье в 1914 г. из Шаньдуна чернорабочий Чжан-Зын-Лу по прибытии в 1924 г. в Красноярск на вопрос в анкете, «желаете ли уехать из РСФСР», отвечал: «Когда будут деньги, поеду». В 1926 г. он действительно выехал из Сибири на родину [12. Ф. Р.-49. Оп. 2. Д. 52]. Таким образом, подавляющее большинство китайцев в СССР оставались гражданами Китая и не связывали свое будущее с Россией.

Ситуацию нестабильности, безнадёжного настоящего и неясного будущего в китайской среде усугубляли реквизиции, от которых страдали в первую очередь торговцы. Центральные российские власти старались по возможности сохранять китайскую торговлю, но местные власти эти распоряжения не выполняли, а с восстановлением советской власти в Сибири реквизиции были возобновлены и расширены, поскольку политика «военного коммунизма» предполагала прямые конфискации товаров и имущества. Существовали специальные предписания Уполномоченного РСФСР по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке производить реквизиции «с присутствием представителей Китайского консульства» [24. Ф. Р.-42. Оп. 1. Д. 304. Л. 20], но они не обеспечивали порядка в процедуре реквизиций. Политическая и экономическая нестабильность создавала условия для противоречий и конфликтов. Уже в 1920 г. встал вопрос о компенсации китайским торговцам за реквизиции: Сибирь нуждалась и в китайских товарах, и в китайских торговцах. Не случайно власть весной 1920 г. распорядилась проводить обыски, осмотры и реквизиции у китайских граждан «только при наличии данных об умышленной спекуляции товарами и деньгами...» [12. Ф. Р.-53. Оп. 1. Д. 2. Л. 129].

Положение китайских граждан усугублялось тяжестью репрессий, которые обрушились на них уже в начале 1920-х. Так, в апреле 1920 г. Ачинским ЧК был арестован китаец Юй-фа, потом он был осужден на один год, отправлен в Красноярский концлагерь и стал

первым китайским заключенным этого концлагеря [Там же. Ф. Р.-1743. Оп. 1. Д. 813]. В августе 1920 г. повар Красноярского единого рабоче-крестьянского потребительного общества «Самодетельность» Лю-шу-ха Владимир Александрович (Добровольский Иван Александрович) был обвинен в скупке колчаковских денег и посажен на один год в концлагерь по обвинению в агитации против советской власти [Там же. Д. 714. Л. 1]. Однако большинство китайцев пострадали в силу отказа от работы и нарушений трудовой дисциплины. Отягчающим обстоятельством становился факт работы предприятия на армию, отказ от работы расценивался как «трудовое дезертирство». Нарушителей заключали в концлагерь, но ежедневно под конвоем отправляли на работу, после работы возвращали обратно в лагерь. Довольно часто китайцев отправляли на самые грязные, например, ассенизационные работы [Там же. Д. 219. Л. 1]. В Первом красноярском концлагере за время его существования (1920–1922) побывали около ста китайцев, что составило более трети официально учтенных в Енисейской губернии китайских мигрантов. Даже с учетом привезенных в концлагерь заключенных из других районов Забайкалья, Прибайкалья и Европейской России, это довольно высокий процент. Лишенные свободы китайцы часто не знали, за что они наказаны, некоторые попросту бежали из лагеря.

Обособленность своей жизни и свой параллельный мир китайцы в Приенисейской Сибири смогли сохранить даже в бурные годы революции и Гражданской войны. Их община в Енисейской губернии вообще не приняла заметного участия в событиях революции и Гражданской войны. Лишь изредка китайские имена встречаются в числе тех, кто служил или работал у красных. Например, в списке команды парохода «Иртыш», сопровождавшей членов Егубисполкома Советов в низовья Енисея в 1918 г., числился кочегар Тигусуй-сян [Там же. Ф. Р.-1763. Оп. 1. Д. 68]. В составе подразделений белой армии китайских формирований в регионе не было. Но отдельные китайцы, военнопленные колчаковцы или бывшие семеновцы, встречались среди заключенных в Первом красноярском концлагере [Там же. Ф. Р.-1743. Оп. 1. Д. 177]. Для Востока России это, скорее, исключение, поскольку на Дальнем Востоке и в Забайкалье китайцы служили как в войсках атамана Г.М. Семенова, так и в составе китайско-корейского батальона 5-ой армии. Так, например, в политотделе этой армии заместителем Я. Гашека был китаец Чжан Чжэнхай. На Восточном фронте воевал Отдельный (Образцовый) Китайский полк в составе 1-й Интернациональной коммунистической дивизии. В Иркутске в 1920 г. была сформирована 3-я Сибирская стрелковая дивизия, начальником которой стал красный командир А.Н. Сунфу, сын китайского мигранта и воспитанник Петроградского университета. В ее составе были китайцы из Екатеринбурга, Омска, Новониколаевска, Тюмени. Осуществляя набор в Красноярске, Сунфу отмечал, что среди китайцев почти нет боеспособных солдат. Напротив, те, кто желают поступить в Красную Армию, «...представляют из себя негодный и даже вредный элемент... Здесь и спекулянты, и морфинисты, опиисты... и прочие подонки и

отбросы контрреволюционного элемента...» По мнению Сунфу, сознательных коммунистов среди китайцев практически нет: «Идейных же и тех, коим мог бы я оказать доверие, – это два-три человека» [17. Ф. 495. Оп. 154. Д. 44. Л. 6–8]. В последующем китайские части были расформированы, сами же немногочисленные китайцы, вовлеченные политическим водоворотом в события российской революции и гражданской войны, остались служить в Красной Армии или в карательно-правоохранительных органах советской власти.

Отношение власти к проблеме специфичности китайских сообществ после революции претерпело определенную эволюцию. Вначале новой властью была воспринята идея «китайского самоуправления». Главным инструментом и организационной структурой, через которую большевики намеривались оказывать влияние и управлять китайской массой в России, в том числе в Сибири, был созданный в Петрограде в 1918 г. Союз китайских рабочих (СКР). Он должен был стать учреждением, представляющим интересы китайских граждан в России, ему были предоставлены широкие права юридической защиты китайцев [Там же. Д. 48. Л. 24]. С восстановлением советской власти в Сибири во всех крупных городах стали учреждаться отделения СКР. В параграфе 1 «Устава Союза китайских рабочих г. Красноярска», который был утвержден в феврале 1925 г., говорилось: «Союз Китайских рабочих в г. Красноярске организуется в целях сплочения и защиты и оказания китайским рабочим поддержки в отношении их законных прав и интересов в Советской России и для содействия в нравственном и культурном развитии своих членов» [12. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 22. Л. 8]. Очевидно, что эта организация не только была призвана выполнять функции учета и защиты интересов китайцев, проживающих в России, но и должна была вовлечь обособленно существовавшую китайскую общину в советскую систему. Однако вовлечь существующих в параллельном мире китайцев с их устоявшимся стилем жизни в строительство нового общества не получалось, несмотря на все усилия советской власти. В Красноярске вообще не было отмечено случаев активного участия китайцев в партийно-политической работе. Например, в июне 1920 г. Енисейский губком принял решение открыть кратковременные курсы подготовки к советской и партийной работе. На курсы направлялись и представители китайской группы. Но возникла проблема: в Енисейской губернии не имелось ответственных руководителей, владевших восточными языками. Документы сохранили имена лишь двух китайцев, состоявших в РКП(б) в Красноярске. В феврале 1921 г. не получилось отправить представителей китайской общины Красноярска для обучения в Московский восточный институт, поскольку кандидатур не было вообще. Кстати, в инструкции по поводу отбора кандидатов высказывались опасения, что китайцы могут воспользоваться возможностью поехать в Москву не для повышения партийно-политического уровня, а «в корыстных и спекулятивных целях» [Там же. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 176. Л. 1]. Реализовать поставленные политические и государственные задачи по вовлечению китайцев в строительство новой жизни

через структуры СКР не удалось; не удивительно, что впоследствии Союз был обвинен в том, что власть в нем «захватили контрреволюционеры, истребившие коммунистов». Партийным органам рекомендовалось отказать в поддержке Союзу [25. С. 108].

С упрочением советской власти в 1920-х гг. центральные и местные органы решили отказаться от прежней традиции опоры на «китайское самоуправление» и взять под свой контроль существующие независимо китайские общины. Ставилась новая задача – «вовлечь китайских рабочих в советские профсоюзы». Функции надзора за китайцами были переданы советским государственным и профсоюзным органам. «Союз китайских рабочих в СССР» к середине 1920-х гг. прекратил свою деятельность. Некоторые его функции взяло на себя созданное в сентябре 1924 г. общество «Руки прочь от Китая!», которое оказывало содействие советским китайцам в проведении политической и культурно-просветительной работы, осуществляло материальное и техническое обеспечение издания в Москве китайской газеты «Вперед». В 1927 г. был образован особый институт восточных инспекторов труда в Благовещенске, Владивостоке, Чите. Власти старались следить за соблюдением прав китайских рабочих, санитарных норм труда и проживания.

Несмотря на то, что подавляющее большинство китайцев в России оставались гражданами Китая, руководство СССР уделяло им большое внимание, поскольку жившие среди русского населения рабочие и торговцы по-прежнему очень мало были связаны с местной культурой и властью. Китайских мигрантов стали привлекать к обучению в губернских совпартшколах, отмечая, что работать с ними трудно: «...нет работников, знающих китайский язык, а русский язык не понимают китайцы» [22. 1925. 6 окт.]. Подобная ситуация серьезно ограничивала возможности партийно-советской работы среди китайцев, вовлечения их в советское строительство.

Внимание к партийно-политической работе среди китайцев усилилось после «переворота Чан Кайши» и фактического разрыва между правительствами двух стран. Советская власть стала проводить политико-пропагандистскую работу среди китайских рабочих с целью помочь «нарастанию революции в Китае». Однако, несмотря на возросшие усилия власти, китайцев-коммунистов в сибирских городах по-прежнему почти не было. Представители китайской общины продолжали вести замкнутый образ жизни, дистанцируясь от российских политических реалий. Практически все китайцы в анкетах отмечали, что не состоят ни в каких партиях, профсоюзах или общественных организациях. О том, что китайские рабочие сторонились профсоюзов в 1920-е гг., пишет исследователь О.В. Залеская, анализируя ситуацию на Дальнем Востоке: «Вступление китайских рабочих в профсоюзы шло медленно» [26]. Среди сотен документов, касающихся китайцев Енисейской губернии, лишь один китаец, и то в графе «национальность», в 1925 г. написал «партейный». Интересно в этом плане личное дело китаец А.П. Сыюн-гау. Он написал в 1924 г. в Минусинский уком РКП(б), что желает завязать связь с китайской секцией

Сиббюро ЦК РКП(б) и получать литературу на китайском языке. Но в протоколе Бюро Минукома РКП(б) от 6 мая 1925 г. отмечалось: «На принятого в кандидаты РКП(б) рабочего Артемовского рудника Сы-Юн-Гау пришла карточка, но Сы-Юн-Гау на руднике не оказалось, он оттуда выехал в Минусинск спекулировать. По наведенным справкам он не состоит на учете ни в одной ячейке, ни в милиции» [12. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 3753. Л. 3, 13]. Целью вступления в партию для большинства китайцев, очевидно, было повышение своего социального статуса и, возможно, экономического положения в новых условиях. Вероятно, это могло рассматриваться в качестве средства для возвращения на родину. Когда данная цель не достигалась, китайцы порывали с партийными организациями.

Таким образом, китайцы в Приенисейской Сибири играли незначительную роль в политической жизни региона на ее переломном этапе. Китайцам были чужды политические события в России, и если некоторая часть этой общины проявила активность, то лишь с целью собственного выживания.

Заключение

Подчеркнем сложность изучения всего многообразия китайского присутствия в России, что делает актуальной и результативной задачу анализа жизнедеятельности общин китайских мигрантов в ее региональных вариантах. Это утверждение тем более справедливо по отношению к китайским общинам в России, поскольку каждая из них демонстрирует собственный специфический опыт существования в новой для себя среде, и опыт китайцев в российском Владивостоке отличен от опыта общины в Красноярске или Томске. В то же время они являются фрагментами сети разветвленной китайской коммуникации в России. Контакты между разными китайскими общинами очень активны, но этот факт в нашем случае лишь подчеркивает текучесть группы китайских мигрантов в Приенисейской Сибири и значимость ее воспроизводства через внешнюю и внутреннюю миграцию.

Основу китайских общин, безусловно, составляют этническая идентичность их членов, преобладание общих видов деятельности, таких как предпринимательство и торговля. Однако этих признаков явно недостаточно, чтобы превратить общину китайцев в России в общину диаспоры. Ведь наряду с перечисленными существуют и другие факторы – прочность связей с родиной, огромная культурная дистанция между китайской общиной и принимающим сообществом, жизнестойкость китайского традиционного уклада жизни, социальных связей разного характера. Из проживающих в конце 1910-х – 1920-е гг. в Красноярске китайцев практически никто не связывает свое будущее с Россией, напротив, они стремятся вернуться на родину, и лишь отсутствие средств и возможностей в условиях бурных потрясений в России не дает возможности это сделать. Все исследователи подчеркивают эту отличительную особенность китайской идентичности, проявляющуюся «в силе кровного родства, привязан-

ности каждого нового поколения к месту рождения предков, рода» [27. С. 117].

Характерной чертой китайской общины является ее замкнутость, существование как бы в параллельном мире, в рамках большой дистанции от принимающего сообщества. Отсутствие естественного воспроизводства общины (дети появляются в основном в смешанных браках) подчеркивает тот факт, что китайцы не собираются здесь укореняться. Община воспроизводится только за счет миграций. В их сообществе в Красноярске не удалось выявить ядра и институциональных учреждений, по крайней мере по архивным документам нет возможности подтвердить их существование.

В то же время это не означает, что нет институциональных связей вообще, напротив, многие из них неформального характера были перенесены из Китая на российскую почву. Об организованной китайской преступности в Приенисейской Сибири, которая в нашем случае выступает ярким примером институциональных связей неформального характера, рассказывают уникальные документы Минусинского городского архива [28. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9]. В них речь идет о появлении в регионе хорошо вооруженной дерзкой банды китайцев; в Красноярске в 1925 г. она отметилась несколькими убийствами. Был убит в том числе помогавший в раскрытии преступлений переводчик-китаец, работавший при Красноярском губотделе ОГПУ. Преступная сеть промышляла вымогательствами, разбоями, убийствами не только в губернском центре, но и в Минусинске, Абакане, Каратузе. Район деятельности китайской банды включал в себя и соседние с Приенисейским краем регионы. Милиции было известно, что бандиты укрывались в Иркутске, задержания проводились также в Томской губернии на станциях Тайга и Болотная. Раскрыть преступную сеть было довольно сложно, поскольку террор со стороны китайской преступности лишил правоохранительные органы агентуры в китайской среде. Так, вслед за китайским переводчиком был убит еще один китаец как раз за то, что допрашивался следователем в качестве свидетеля [Там же. Л. 39 об.]. Китайские преступники имели возможность использовать в своих интересах то обстоятельство, что для большинства русских они «все были на одно лицо». Например, в архиве сохранились донесения китайских агентов, в которых описывались случаи обмена документами между китайскими преступниками, бегства из тюрьмы по чужим документам; преступники «подменяли» сидящих в тюрьме соотечественников своими же согражданами и т.д. В ходе следствия выяснилось, что банда была пронизана тесными связями практически со всей китайской общиной: очень часто было не ясно, кого считать преступниками, а кого – потерпевшими. Банда была ликвидирована только в 1926 г. В «Выписке из агентурного дела № 76/А-1925 г. о китайской уголовной банде, оперирующей по Сибири» от 25 февраля 1926 г. были перечислены 14 убитых китайцев и 20 китайцев названы убийцами или подозреваемыми в убийстве. Получалось, что численность китайских бандитов вместе с их жертвами составляла почти половину от общей чис-

ленности формально учтенных китайских мигрантов в регионе. Для нас важно, что преступная группа стала механизмом взаимодействия членов китайской общины. Эта история организованной китайской преступности в Приенисейской Сибири подтверждает вывод исследователей о существовании в китайской среде практически всегда неформальной институализации [29. С. 116], причем в нашем случае не профессионального (по виду деятельности) или земляческого (по региону выхода в Китае), а преступного характера.

Мы рассмотрели на конкретном историческом материале особенности функционирования китайской общины в рамках одного региона – Приенисейской Сибири – в конце 1910-х – 1920-е гг. Наши выводы касаются части группы, ограниченной регионом расселения, и подтверждают гетерогенность китайских общин в России. Китайцы в Сибири не всегда воспроизводят поведение в классическом очаге китайского присутствия – на Дальнем Востоке. В то же время, являясь специфическим феноменом в рамках общероссийских реалий, отличаясь по регионам, китайские общины вполне могут быть типологизированы, например, с точки зрения перспектив своего существования в России. Китайцы в Сибири демонстриру-

ют противоречивое сочетание разных стратегий временного приспособления к новым условиям проживания. Они поддерживают свой образ, стиль жизни и традиции в другом окружении, но в то же время подстраиваются под новые для них условия жизни, не конфликтуя там, где нет необходимости и где чувствуют силу власти. Существование преступной группы в нашем случае – это способ коммуникации внутри общины, один из элементов традиционного уклада и социальных отношений. Важным моментом характеристики общины является характер ее связей с общественными движениями, партиями и властью. Китайская община в Приенисейской Сибири не проявила желания участвовать в политической жизни региона и оказывать влияние на его властные структуры. Таким образом, внимательный анализ конкретно-исторических обстоятельств функционирования китайской общины в Приенисейской Сибири не позволяет описывать ее в категориях диаспоры и говорить об общине диаспоры. Сегодня китайцы существуют в регионе в других условиях и демонстрируют иные жизненные стратегии, результатом которых вполне может стать формирование диаспоры, но это предмет другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 33–42.
2. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. М., 2000. № 2. С. 74–78.
3. Попков В.Д. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. М., 2002. № 1. С. 6–22.
4. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. : сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 9–44.
5. Сафран У. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Козна «Мировые диаспоры» // Диаспоры. 2004. № 4. С. 138–139.
6. Теория диаспор глазами отцов-основателей : интервью с Уильямом Сафраном, Робинем Козном и Йосси Шаинем // Новое литературное обозрение. 2014. № 127. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5149> (дата обращения: 01.08.2017).
7. Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm (дата обращения: 08.08.2017).
8. Попков В.Д. Некоторые основания для типологии диаспор. URL: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00---0kongress> (дата обращения: 02.08.2017).
9. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. 2005. 23 нояб.
10. Попков В.Д. Диаспоральная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим сообществом // Новое литературное обозрение. 2014. № 127. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5149> (дата обращения: 01.08.2017).
11. Третьяков В. Конец диаспор (обзор журнала «Diaspora: a Journal of Transnational Studies») // Новое литературное обозрение. 2014. № 127. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5150>. (дата обращения: 03.08.2017).
12. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
13. Нестерова Е.И. Атлантида городского масштаба: китайские кварталы в дальневосточных городах (конец XIX – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 44–57.
14. Клипка К.К. Китайцы в Томске в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 158–164.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).
16. Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири 1922–1923 г. Новониколаевск : Сибревком, 1923. 572 с.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
18. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М. : ЦСУ СССР, 1928. Т. VI, отд. 1. 389 с.
19. Восточно-Сибирский край. Плановая комиссия. Статистический сектор. Районы Восточно-Сибирского края в цифрах. Иркутск : Изд. Крайгиза, 1930. 122 с.
20. Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л. : АН СССР, 1929. 104 с. (Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, № 17).
21. Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке // Сибирская историческая энциклопедия. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/kitaucy-v-sibiri-i-na-dalнем-vostoke> (дата обращения: 09.08.2017).
22. Красноярский рабочий : газета.
23. История Хакасии. М. : Восточная литература, 1993.
24. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
25. Азаренко Ю.А. События на КВЖД и сибирские коммунисты // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XVIII вв. : материалы науч. конф. Новосибирск, 1997. Вып. II. С. 103–112.
26. Залеская О.В. Интеграция китайских трудящихся в социально-экономическую жизнь Дальнего Востока России (1920–1930-е гг.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12981593> (дата обращения: 03.08.2017).
27. Гельбрас В. Китайские землячества в российских регионах // Диаспора. 2001. № 2–3. С. 113–125.
28. Архив города Минусинска (АГМ).
29. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск : Отгис, 2009. 262 с.

Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Institute of Humanities (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dazishen@mail.ru
 Larisa A. Kutilova, Siberian Federal University, Institute of Humanities (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kutiloval@rambler.ru

CHINESE IN PRIENISEYSKYA (ENISEY-SIDE) SIBERIA IN THE LATE 1910s – 1920s: THE STUDY OF THE REGIONAL VERSION OF THE MIGRANT COMMUNITY AND CLARIFICATION OF CONCEPTUAL NOTIONS

Key words: Prieniseyskaya (Enisey-side), Chinese migrants, a regional version of the migrant community, the concept of diasporas.

The research emphasizes the complexity of studying the diversity of Chinese presence in Russia, which makes the task of analyzing the livelihoods of communities of Chinese migrants in its regional options relevant and effective. Proceeding from this, the task is to analyze the specific circumstances of the functioning of the Chinese migrant community in the Yenisei Siberia in the late 1910s-1920s; to correlate the research results with those meanings and imports that are embedded in the concept of the diaspora, to answer the question of how applicable it is in this case. Sources for the work were archival materials, often first introduced into scientific circulation, for example, registration sheets, trade patents, documents on Chinese organized crime, statistical materials, regional press materials, etc. The authors have come to the conclusion that the regional community of Chinese migrants in Yenisei Siberia demonstrates its own specific experience of living in a new Russian environment. At the same time, it is a fragment of an extensive network of Chinese communications in Russia. The following characteristics were singled out and analyzed: fluidity of the group composition, reproduction through external and internal migration, prevalence of general activities such as entrepreneurship and trade. In addition, were noted: isolation of the community, strength of ties with the homeland, cultural distance with the host community, vitality of the Chinese traditional way of life, existence of informal institutionalization in the Chinese environment, and not the professional (by type of activity) or the national (by region of origin in China) but of a criminal nature. Among those living in the late 1910s and 1920s in Krasnoyarsk, almost no one connected their future with Russia, on the contrary, they were eager to return to their homeland, and only the lack of resources and opportunities in the conditions of turbulent upheavals in Russia did not allow this to happen. The authors concluded that the analysis of the specific historical circumstances of the functioning of the Chinese community in Yenisei Siberia does not allow to describe it in diaspora categories and to talk about the community of the diaspora.

REFERENCES

1. Toshchenko, Zh.T. & Chaptkyova, T.I. (1996) Diaspora kak ob"ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Diaspora as an object of sociological research]. *Sotsis – Sociological Studies*. 12. pp. 33–42.
2. Arutyunov, S.A. (2000) Diaspora – eto protsess [Diaspora is a process]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2. pp. 74–78.
3. Popkov, V.D. (2002) “Klassicheskie” diaspor: k voprosu o definitsii termina [“Classic” diasporas: on the definition of the term]. *Diaspor*. 1. pp. 6–22.
4. Tishkov, V.A. (2001) Istoricheskiy fenomen diaspor [The historical phenomenon of diaspora]. In: Polyakov, Yu.A. & Tarle, G.Ya. (eds) *Natsional'nyye diaspor v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv.* [National diasporas in Russia and abroad in the 19th – 20th centuries]. Moscow: RAS. pp. 9–44.
5. Safran, W. (2004) Sravnitel'nyy analiz diaspor. Razmyshleniya o knige Robina Koena “Mirovyye diaspor” [Comparative analysis of diasporas. Reflections on Robin Cohen’s “World Diasporas”]. *Diaspor*. 4. pp. 138–139.
6. Safran, W., Cohen, R. & Shain, Y. (2014) Teoriya diaspor glazami ottsov-osnovateley. Interv'y u s Uil'yamom Safranom, Robinom Koenom i Yossi Shainom [The theory of diasporas through the eyes of the founding fathers. Interview with William Safran, Robin Cohen and Yossi Shain]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 127. [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/514> (Accessed: 1st August 2017).
7. Kondratieva, T.S. (2010) *Diaspor v sovremennom mire: evolyutsiya yavleniya i ponyatiya* [Diasporas in the modern world: the evolution of phenomena and concepts]. [Online] Available from: http://www.perspektivy.info/book/diaspor_v_sovremennom_mire_evolyutsiya_yavleniya_i_ponyatiya_2010-02-27.htm. (Accessed: 8th August 2017)
8. Popkov, V.D. (n.d.) *Nekotorye osnovaniya dlya tipologii diaspor* [Some reasons for the typology of diasporas]. [Online] Available from: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00---0kongress>. (Accessed: 2nd August 2017).
9. Arutyunov, S.A. & Kozlov, S.Ya. (2005) Diaspor: skrytaya ugroza ili dopolnitel'nyy resurs [Diasporas: a hidden threat or an additional resource]. *Nezavisimaya gazeta*. 23rd November.
10. Popkov, V.D. (2014) Diasporal'naya obshchina – model' otnosheniy etnicheskikh migrantov s primimayushchim soobshchestvom [Diasporal community as a model of relations between ethnic migrants and the host community]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 127. [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/5149>. (Accessed: 1st August 2017)
11. Tretyakov, V. (2014) Konets diaspor (Obzor zhurnal “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”) [The end of diasporas (Review of the journal “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 127. [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/5150>. (Accessed: 3rd August 2017)
12. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK).
13. Nesterova, E.I. (2008) Atlantida gorodskogo masshtaba: kitayskie kvartaly v dal'nevostochnykh gorodakh (konets XIX – nachalo XX v.) [Atlantis of a city scale: Chinatowns in Far Eastern cities (late 19th – early 20th centuries)]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 44–57.
14. Klipka, K.K. (2013) Chinese people in Tomsk in the 19th century and at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(26). pp. 158–164. (In Russian).
15. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO).
16. Siberian Revolutionary Committee. (1923) *Godovye itogi na khozyaystvenno-politicheskom fronte Sibiri 1922–1923 g.* [Annual results on the economic and political front of Siberia, 1922–1923]. Novonikolaevsk: Sibrevkom.
17. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI).
18. The USSR Centre of Statistics. (1928) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g.* [The All-Union Population Census of 1926]. Vol. 6. Moscow: CS USSR.
19. Anon. (1930) *Vostochno-Sibirskiy kray. Planovaya komissiya. Statisticheskiy sektor. Rayony Vostochno-Sibirskogo kraya v tsifrakh* [East Siberian region. Planning Commission. Statistical Sector. Districts of the East Siberian Territory in numbers]. Irkutsk: Kraygiz.
20. Anon. (1929) Ob"yasnitel'naya zapiska k etnograficheskoy karte Sibiri [Explanatory note to the ethnographic map of Siberia]. In: *Trudy komissii po izucheniyu plemennogo sostava naseleniya SSSR i sopredel'nykh stran* [Proceedings of the commission for the study of the tribal structure of the population of the USSR and neighboring countries]. Issue 17. Leningrad: USSR AS.
21. Datsyshen, V.G. (n.d.) *Kitaytsy v Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [The Chinese in Siberia and the Far East]. [Online] Available from: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/kitaycy-v-sibiri-i-na-dalnem-vostoke>. (Accessed: 25th July 2017).
22. *Krasnoyarskiy rabochiy*.
23. Kyzlasov, L.R. (ed.) (1993) *Istoriya Khakasii* [The History of Khakassia]. Moscow: Vostochnaya literatura.
24. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO).
25. Azarenko, Yu.A. (1997) [Events on the CER and Siberian Communists]. *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVII–XVIII vv.* [Problems of history and local administration in Siberia in the 17th – 18th centuries]. Proc. of the Conference. Novosibirsk. pp. 103–112. (In Russian).

-
26. Zaleskaya, O.V. (2009) Integratsiya kitayskikh trudyashchikhsya v sotsial'no-ekonomicheskuyu zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii (1920-1930-e gg.) [Integration of Chinese workers in the socio-economic life of the Far East of Russia (1920–1930s)]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 4. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12981593>. (Accessed: 3rd August 2017)
27. Gelbras, V. (2001) Kitayskie zemlyachestva v rossiyskikh regionakh [Chinese communities in the Russian regions]. *Diaspora*. 2-3. pp. 113–125.
28. The Archive of Minusinsk (AGM).
29. Ryzhova, N.P. (2009) *Integratsiya ekonomicheskikh migrantov v regionakh Rossii. Formal'nye i neformal'nye praktiki* [Integration of economic migrants in Russian regions. Formal and informal practices]. Irkutsk: Ottisk.

УДК 94(57)+94(470)
DOI: 10.17223/19988613/65/21

В.А. Герасимова, В.П. Ключева

АНТИСЕМИТИЗМ В ПОЗДНЕМ СССР В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СИБИРСКИХ ЕВРЕЕВ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Статья посвящена малоизученной теме антисемитских проявлений в Сибири в 1950–1980-е гг. Источниками для анализа являются эго-материалы: интервью и воспоминания евреев, живущих в Сибири. Авторами выделяется государственный антисемитизм (прежде всего «дело врачей» и поступление в вузы) и бытовой. Делается вывод о том, что восприятие антисемитизма отличалось в зависимости от происхождения информантов (коренные или приехавшие). Наиболее остро антисемитизм ощущался коренными сибиряками, тогда как для приехавших Сибирь оказывалась территорией «толерантности».

Ключевые слова: антисемитизм; Сибирь; советские евреи; устная история.

Еврейская проблематика в контексте послевоенного советского периода широко представлена в российских и зарубежных исследованиях. Внимание авторов, как правило, приковано к проблемам государственной политики в отношении евреев, судьбе еврейской интеллигенции и еврейскому национальному движению, религиозной жизни, – эти работы написаны на основе архивных источников, прессы, материалов личного происхождения. Устная история как особый подход к изучению прошлого советского еврейства используется в настоящее время преимущественно в изучении остатков традиционной культуры, исторической памяти о Холокосте и национальном движении. При этом внимание исследователей приковано к территориям бывшей черты оседлости – Украине, Беларуси и пограничным ареалам, а также Москве и Санкт-Петербургу.

В контексте советского периода территория за Уралом традиционно связывается лишь с нарративами о еврейской эвакуации в годы Второй мировой войны, а также с сюжетами о позднесталинских мобилизационных кампаниях (борьба с космополитами, «дело КМК», «дело врачей» и др.) в их региональном измерении. Тема антисемитизма, безусловно, нашла свое отражение в этих работах, но не являлась предметом отдельного исследования. Если механизм реализации центральных политических установок на местах подробно изучен, то персональный опыт «обычных» советских граждан, у которых в графе «национальность» значилось «еврей / еврейка», и тем более сохранившаяся память об этом опыте, до настоящего времени оставались за пределами исследовательского внимания. Тем не менее вопросы о том, как выстраивалась логика межнациональных отношений, какую роль антисемитизм играл в повседневном взаимодействии внутри советского общества и что помнят об этом участники этого процесса, представляются весьма продуктивными.

Сибирь относится к наименее конфликтным регионам с точки зрения межэтнических отношений. Представление о Сибири как о толерантной территории,

населенной всевозможными этническими и конфессиональными группами, появившееся еще в дореволюционный период, сохраняется по настоящее время. Однако насколько «толерантным» было окружающее население к евреям в Сибири в условиях послевоенного тоталитарного советского государства, недвусмысленно транслировавшего своим гражданам идею о существовании «еврейской опасности»?

Получить ответ на этот вопрос можно, обращаясь к свидетельствам устной истории. При всех недостатках этот тип источников открывает возможности для новых объяснений и интерпретаций механизмов межнациональных отношений на уровне повседневного межличностного взаимодействия в контексте советских реалий. Устная история, как убедительно показывают многочисленные исследования, предоставляет продуктивные инструменты для изучения влияния событий «большой истории» на судьбы отдельных людей [1–2]. Оговорим, что нашей целью является не выяснение того, что «было на самом деле», а выявление особенностей конструирования исторической памяти об отношении окружающего населения к евреям в Сибири в послевоенный период. Учитывая, что это первая публикация в данной области, мы ставим своей задачей определение основных направлений для дальнейших исследований.

Методологически изучение темы антисемитизма может опираться на несколько подходов. На наш взгляд, наиболее продуктивным является обращение к понятию «культурная травма» [3–4]. Антисемитизм для всех акторов является травмирующим актом. Для евреев через антисемитизм могут конструироваться общность, единство группы (все евреи, проживающие на разных территориях, в той или иной степени ощущают негативное отношение к себе как представителям национальности), антисемитизм может выступать и маркером (не)привлекательности конкретной локации. Показателем травматичности антисемитизма выступает тот факт, что он зачастую не репрезентируется (его могут не замечать в событиях своей прошлой жизни) или, наоборот, его проявления подчеркнута

видят во всех жизненных проявлениях. Об этом прямо сказал один из наших информантов: «Я не уверен, что я сталкивался прямо с антисемитизмом или, может, скорее, я старался [его] не замечать» (муж., 1965 г.р., IV_Tyumen_2013). Одновременно с травмой евреи, столкнувшиеся с антисемитизмом, испытывают ощущение неполноценности, иными словами, «социальную стигму» [5]. Стигматизация проявляется в осознании своей отличности от окружающего мира и от приятия этого осознания.

Эмпирическую базу данного исследования составило 51 биографическое интервью с информантами, родившимися до 1975 г., т.е. заставших жизнь в позднесоветском СССР в сознательном возрасте¹. География интервью охватывает пять городов: Новосибирск, Омск, Томск, Тюмень и Тобольск. В число опрошенных вошли люди, связанные в разной степени с еврейской общинной жизнью, родившиеся не только в Сибири, но и в других частях СССР, в том числе в Украине, Беларуси, Молдавии, Казахстане. Уточним, что собранный массив данных охватывает только регионы Западной Сибири. В дальнейшем сбор материала будет расширен и на Восточную Сибирь. Архивные материалы, используемые в рамках данной статьи, носят вспомогательный характер и служат для восстановления хронологии событий и общего контекста.

Первые официальные еврейские общины за Уралом появились еще в начале XIX в. К моменту установления советской власти в большинстве городов Сибири существовали еврейские религиозные общины, действовали разнообразные общественно-политические и культурные организации. К концу 1930-х гг. в результате масштабных антирелигиозных кампаний и свертывания всех форм еврейской национальной жизни на официальном уровне в Западной Сибири продолжали существовать лишь три иудейские религиозные группы: в Томске, Омске и Новосибирске [6–9].

События Второй мировой войны заметно повлияли на этническую карту Сибири. По данным исследователей, в 1941–1943 гг. в Западную Сибирь оказались эвакуированы более 1 млн гражданских лиц [10. С. 8]. Данные об этническом составе эвакуированных нет, но сведения о количестве евреев, эвакуированных только в Новосибирскую область в 1942 г., – 27 500 человек – дают нам основание предполагать, что еврейское население Западной Сибири за годы Второй мировой войны пополнилось на десятки тысяч человек [11. С. 40]. Разумеется, большая часть эвакуированных вернулась затем на постоянное место проживания в другие регионы страны. Однако часть эвакуированных осталась в Сибири. Оценить динамику численности еврейского населения в позднем СССР мы можем по результатам переписей. Если в 1939 г. сибирских евреев, согласно переписи, насчитывалось 20 814 человек, то в 1959 г. их количество возросло до 38 352. В последующие годы их количество стало уменьшаться: в 1970 г. – 32 117, в 1979 г. – 27 190, 1989 г. – 23 281 человек [12].

Хотя религиозная составляющая еврейского самосознания является значительной, но в течение советского времени она постепенно трансформировалась в

культурную традицию. Достаточно сравнить сведения о численности еврейского населения в городах и данные по посещаемости синагог в осенние праздники, и мы увидим, что абсолютное большинство евреев-горожан плохо себе представляли, где находится синагога и тем более не посещали ее. Для примера обратимся к самым крупным по численности евреев областям – Новосибирской и Омской. Максимальная посещаемость синагоги в осенние праздники в Омске в 1950–1951 гг. фиксировалась на уровне 1 200 человек [13. Л. 43], тогда как в области проживали 9 458 евреев (по данным переписи 1959 г.). В Новосибирске сохранились данные за 1957 г.: количество иудеев, собиравшихся на осенние праздники, не превышало 1 500 человек [14. Л. 102] при численности еврейского населения всей области – 12 429 (по данным переписи 1959 г.).

Что же происходило с остальным еврейским населением Западной Сибири? Ощущали ли они свою принадлежность к еврейству, и какую роль в этом играло окружающее население?

Триггером актуализации этнической идентичности для евреев становится государственный и бытовой антисемитизм. Период разворачивания кампании борьбы с космополитизмом (1948–1953) получил в историографии название «черные годы советского еврейства», поскольку именно в эти годы руководство страны в полной мере начало антиеврейскую государственную политику, выразившуюся в масштабных репрессиях в отношении еврейской интеллигенции и других советских граждан-евреев по всему СССР [15–16].

Е. Генина в своей статье, посвященной всесоюзной кампании по «делу врачей» в ее сибирском измерении полагает, что аресты и репрессии в отношении медицинских работников и интеллигенции в разных городах Сибири в позднесталинский период свидетельствовали о возможной подготовке единого масштабного «дела» за Уралом [17. С. 84]. Что помнят об этой драматической странице советской истории евреи Сибири? Среди наших информантов были представители медицинских профессий, кто сам или члены их семей работали в сфере здравоохранения накануне смерти Сталина, однако ни одна персональная история не была связана с сюжетами о кадровых «чистках» или репрессиях². Наряду с «делом врачей» по Сибири прокатилась волна репрессивных мер в отношении гуманитарной и технической интеллигенции, объектом преследований стали преподаватели крупных региональных вузов. Е. Генина отмечает, что наибольшего размаха репрессивные кампании достигли в Омске, Томске и Сталинске (Кемеровская область, ныне Новокузнецк) [19. С. 226], однако и эта тема не нашла отражения в собранных нарративах сибирских евреев.

Так, например, коренная омичка, дочь члена еврейской религиозной общины города, проработавшая всю жизнь врачом, на вопрос о том, приходилось ли ей сталкиваться с антисемитизмом со стороны начальства, ответила отрицательно. Не отложился в памяти у нее и арест местного раввина Э.Н. Столяра и нескольких прихожан омской синагоги по обвинению в буржуазном национализме в январе 1953 г. [20]. В числе свидетелей по делу проходил и отец информантки,

однако сама она, будучи уже взрослым человеком во время описываемых событий, никаких подробностей рассказать не смогла (жен., 1924 г.р. FZ_Omsk_2018). Можно было бы списать это на преклонный возраст собеседницы, но об этом событии не смогла вспомнить и внучка человека, вынужденно заменившего раввина Омска Л.М. Лендера, хотя ей в то время было 14 лет (жен., 1939 г.р. ML_Omsk_2016). А ее старшая сестра в своих письменных воспоминаниях начинает описание сюжета о том, как дедушка занял должность раввина, с общих слов: «Но настал тяжелый для еврейского народа 1953 г., Е.И. Столяра арестовали и осудили...» [21. С. 8], – Но также не приводит никаких подробностей.

Не находится места сюжетам о репрессиях и проблемах на работе также в описаниях биографий многочисленных родственников, связавших свою профессиональную деятельность с медициной. На наш взгляд, мы видим здесь пример действия механизма забвения, или вытеснения. Большая часть литературы об индивидуальной и коллективной памяти обращает внимание на то, что процесс забвения является интегральной частью воспоминания. Как и воспоминание, которое не только простое архивирование следов прошлого, забвение тоже активно принимает участие в процессах культивирования и очищения памяти от «ненужных» или «неценных» элементов [22. Р. 167]. И в данном случае мы можем предполагать, что тема репрессий является травматичной и потому «ненужной» и вытесняемой из памяти.

Общее представление о том, в чем выражался государственный антисемитизм в СССР, базируется у информантов на абстрактном знании о «деле врачей» как наиболее ярком проявлении антиеврейских настроений высшей партийной власти, повлекшем за собой волну бытового антисемитизма. Одна из информанток назвала «дело врачей» «делом евреев» (жен., 1941 г.р. LS_Tomsk_2018), напрямую связывая этот судебный процесс с судьбами всего советского еврейства. Однако в абсолютном большинстве случаев, говоря о «государственном антисемитизме», информанты вспоминали о сложностях при поступлении в вузы, профессиональных ограничениях и трудностях в продвижении по карьерной лестнице. «Когда у нас завкафедрой уходила на пенсию, мне было 48 лет <...> и все считали, что я стану заведовать, и заведующая тоже говорит, всё. И, вы знаете, ректор не утвердил меня. <...> У нас с ректором были хорошие очень отношения. А он не мог. Была процентная ставка, а у нас завкафедрой сколько было профессоров, медиков великих, ученых и известных, и куда там я. А я всё равно в этот же процент вхожу. По-моему, тогда было 3%. А у нас евреев в мединституте завкафебрами было полно. И, конечно он просто не мог, не мог» (жен., 1931 г.р. ML_Novosibirsk_2017).

При этом, вопреки ожиданиям, нередко акцент в воспоминаниях делался на собственном позитивном опыте обхода ограничений и негласной дискриминации по национальному признаку или, во всяком случае, доброжелательном отношении начальства: «...ну вот до смерти Сталина там было дело врачей, и был приказ:

всех евреев убрать. А у нас был <...> отличный такой директор, который понимал, что это же специалисты, как их уберешь, и он сделал по-хитрому. То есть они остались работать на своем месте, а тот им сделал запись, вроде как рабочие места или что, то есть итеэров нет у него» (жен., 1954 г.р. KK_Tomsk_2018).

Наиболее ярким примером «толерантности» Сибири, удаленной от пристального внимания со стороны Москвы, стали личные истории и истории близких родственников об успешных поступлениях в вузы. Приведем несколько историй на эту тему. Информант не добрал один балл при поступлении на мехмат МГУ и был тут же принят на физический факультет Томского государственного университета, а после зачисления оказался еще и старостой своей группы: «...меня назначили старостой группы, что меня тоже несколько удивило. Но в целом отношение было очень корректное и ммм... я бы даже сказал, такое, благожелательное...» (муж., 1946 г.р. ED_Tomsk_2018). Брат другого информанта поступал в МГУ, его не приняли «На экзамене указали, кто он такой, почти открытым текстом, что вы зря стараетесь, выше четверки или тройки вы здесь не получите. Открыто. А что интересно из университета нашего, ну не только из политехнического, но из университета сидят в коридоре преподаватели (Вы их видели даже?) Да, конечно. И ждут таких вот отщепенцев документы. Приехал сюда [в Томск] вообще не готовясь, и все сдал» (муж., DK_Tomsk_2018).

В некоторых случаях наши собеседники сразу отказывались поступать в тех краях, где они жили, или как минимум отказывались от выбранного вуза, объясняя эту ситуацию тем, что «в воздухе все это [носились]. Лучшие не пробовать, да, потому что бесполезное дело» (жен., 1938 г.р. LS_Tyumen_2013), или неким имплицитным опасением: «Я хотела в МГУ. И я бы поступила в МГУ, я бы прошла конкурс, но там был конкурс на общежитие, а конкурс на общежитие я бы, наверное, не выиграла. <...> Ну, может быть, как еврейка я подсознательно боялась, что я не попаду в общежитие, а жить-то мне негде было» (жен., 1926 г.р. RD_Tyumen_2013).

Вот как описывала выбор Тюмени для поступления наша информантка, родом из Жмеринки: «Дальше уже мы знали, что я учусь в школе – все нормально, а если я пойду дальше, все равно там дальше не пустят. Об этом говорили все. И поэтому, когда случилось такое, что я закончила десять классов – денег не было, чтобы дать кому-то взятку при поступлении. Давали и получалось. У кого были деньги. У нас не было денег. Мы росли без папы. <...> Поэтому мама сразу сказала, что нам даже мечтать о поступлении не стоит здесь, на Украине» (жен., 1938 г.р. LS_Tyumen_2013).

При этом информанты, переехавшие в Сибирь из западных республик Советского Союза (Украины, Беларуси, Молдавии), подчеркивали разницу в отношении к евреям в Сибири и за ее пределами. Характеризуя обстановку в белорусском селе в конце 1950-х гг., информантка вспоминала: «приехала знакомая и рассказала, что там [в Сибири] нормально, там нет антисемитизма, а в Белоруссии страшный антисеми-

тизм был» (жен., 1941 г.р. LS_Tomsk_2018). Не в пользу родины своих родителей было сравнение и другого информанта: «Такой антисемитизм в Молдавии был, многократно больше, чем в Сибири. В Сибири было значительно спокойнее» (муж., 1953 г.р., LG_Omsk_2018). О подобной оппозиции говорит и жительница Тюмени: «дома [в Дрогобыче] я всегда знала, что я еврейка... А когда я приехала сюда, я нигде не чувствовала никакого ущемления из-за национальности» (жен., 1946 г.р., SA_Tyumen_2013).

Но свидетельствуют ли истории о поступлении в вузы и устройстве карьеры тех, чьи шансы на успех в Москве и других крупных городах центральной России и западных республик были весьма сомнительны по причине «неправильной» национальной принадлежности, об отсутствии антисемитизма за Уралом? Действительно, и устные свидетельства, и архивные источники подтверждают, что директивы центральных властей о необходимости «чистить кадры» от «опасных элементов» на Урале и в Сибири во многих случаях игнорировались местным руководством. Это было вызвано прежде всего кадровым голодом, нехваткой ценных специалистов, а вовсе не особым расположением сибирских чиновников и начальников к какой-то конкретной этнической или социальной группе. Это та область, в которой «политический антисемитизм вступает в конфликт с рациональными принципами управления, которыми в той или иной мере руководствуется в своей деятельности хозяйственная элита» [18. С. 102]. Отсюда возникает вопрос: фиксировала ли память сибирских евреев другие случаи негативного отношения к себе, связанного с их национальностью, иными словами, сталкивались ли евреи в Сибири со случаями бытового антисемитизма в Сибири?

И вот здесь мы сталкиваемся с интересным противоречием – антисемитизм в Сибири одновременно и был, и отсутствовал. Это зависит от того, кто говорит об этом – коренной сибиряк или новоприехавший. Наши информанты, оказавшиеся в Сибири уже в сознательном возрасте (чаще всего приехавшие учиться или работать), отмечали в основном доброжелательные отношения с окружающим населением, подчеркивая, что здесь все было не так, как в том месте, откуда они приехали. А для урожденных сибиряков ситуация выглядела принципиально иначе. Для большинства наших информантов воспоминания о столкновении с антисемитизмом в детстве и юности были травмирующими. Личные истории большинства местных евреев полны сюжетов о многочисленных конфликтах на национальной почве: «был антисемитизм на бытовом уровне... значительный антисемитизм был на бытовом уровне не только среди детей, а среди взрослых, естественно, боялись всего, лишнего сказать» (муж., 1953 г.р. LG_Omsk_2018).

Попытки преодолеть стигму могли выражаться по-разному. Распространенным является оценка своей национальности как «ущербной» и потому высказывается желание сменить национальность: «Я была одна еврейка в классе, все это знали, у меня всегда были подружки, но меня обзывали. И даже не “жидовкой”, а “еврейкой”. Я была в детстве хорошенькой, и маль-

чишки со двора кричали мне из окон “еврейка!”, я ужасно плакала, меня это очень обижало. И я даже сама себе рассуждала: вот была еще в классе татарка, ее звали Бибисара, так вот может лучше мне было татаркой родиться, меньше бы обзывали? <...> Еще был немец в классе, его не обзывали» (жен., 1955 г.р. IA_Novosibirsk_2017). В других случаях национальность замалчивалась. Этот вариант казался продуктивным в господствующей идеологии интернационализма и «строительстве советского человека». Один из наших респондентов признался, что испытывал «синдром Штирлица», заключающийся в желании слиться с большинством: «отец совершенно четко мне передавал при любом возможном случае, что нужно скрывать о том, что ты еврей. <...> Евреем-то быть неплохо, в каком-то смысле. Что это некие выдающиеся деятели в телевизоре, но это надо скрывать. <...> Воспитание вот этого определенного комплекса, национальность скрывать, это потом я назвал “синдром Штирлица”. Никогда не расслаблялся до конца, если не хочешь, чтобы тебя раскололи» (муж., 1965 г.р., IV_Tyumen_2013).

Нарративы местных сибирских евреев, несмотря на наличие в них эпизодов конфликтов на почве антисемитизма, зачастую лишены жертвенности. В них обиженные не покидают место столкновения бегством, а активно сопротивляются оскорблениям: «Я помню случай: я была маленькая, мы были с мамой около ЦУМа, <...> мы что-то покупали в открытом киоске, и в разговоре с продавщицей та назвала маму то ли жидовкой, то ли еврейкой, а это тоже такое ругательство было, и тут мама снимает свою тонкую черную перчатку, размахивается и перчаткой бьет ее по лицу. Мама моя очень интеллигентная женщина, но за себя вот так хорошо могла постоять» (жен., 1955 г.р. IA_Novosibirsk_2017). И другой случай: «Мой отец, мне было года 4, мы шли, какой-то старик с палкой [на нас] бросился, видит, что кудрявый и черный, что еврей. <...> я помню, я маленькая, но помню, отец у меня был бойкий молодой человек, сколько ему было тогда, еще 30-ти не было, схватил палку, замахнулся на старика, тот: “Ребята, я пошутил”. Он говорит: “Сейчас мы с тобой тоже пошутим”» (жен., 1953 г.р. ER_Tyumen_2018).

Как видим, евреи демонстрировали разные поведенческие паттерны: не только «синдром Штирлица», но и ответную активность на вербальную, и не только, агрессию. Мы не можем утверждать, какое именно поведение было наиболее характерно для сибиряков. В записанных интервью встречаются описания и тех и других ситуаций. Более того, в одном и том же интервью могут быть оба варианта. Вероятно, реакция могла быть связана с конкретной ситуацией. Но не зря еще в начале XX в. сибирских евреев описывали как людей с чувством человеческого достоинства и отсутствием высокомерия [37. С. 39].

Собранные материалы позволяют нам сделать некоторые предварительные выводы. Прежде всего, записанные нарративы четко показывают различие восприятия степени антисемитизма в Сибири. Коренные сибиряки имели прецеденты столкновений с антиев-

рейскими высказываниями и негативным отношением, связанным с еврейской национальностью. Большинство из них происходило в детские и юношеские годы. Это были проявления бытового национализма. Во взрослом возрасте таких случаев отмечается значительно меньше. Для людей, имевших опыт проживания в других регионах СССР (и прежде всего в Украине, Молдавии и Белоруссии, территориях с традиционно высоким уровнем антисемитизма местного населения), бытовой антисемитизм почти не замечался или

воспринимался сглажено. Соответственно, носители такого опыта воспроизводят образ Сибири как толерантной или интернациональной территории равных возможностей. К сожалению, мы не можем сказать, насколько уровень бытового антисемитизма коррелировал с государственным антисемитизмом. Были ли проявления в обыденной жизни более заметными в начале 1950-х гг. или во время «антиизраильской истерии» в конце 1960-х гг.? Это вопрос еще требует своего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большая часть интервью записана В. Герасимовой в рамках проекта № 17-78-10172 «Еврейские общины в Западной Сибири в системе межнациональных отношений: история и современность» в 2017–2019 гг. при финансовой поддержке Российского научного фонда. Шифр интервью, приведенный в тексте, содержит первые буквы имени и фамилии информанта, город и год записи.

² При этом исследования на основе архивных материалов и периодической печати на Урале и в Сибири демонстрируют, что местные власти, по собственному ли желанию или по необходимости, но выполняли директивы центра, а региональная пресса активно транслировала общий идеологический настрой «бдительности» и присутствия «внутреннего врага» [18, 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Veidlinger J. In the Shadow of the Shtetl. Small-town Jewish Life in Soviet Ukraine. Bloomington ; Indiana : Indiana University Press, 2013. 385 p.
2. Shternshis A. When Sonia Met Boris. An Oral History of Jewish Life under Stalin. Oxford University Press, 2017. 247 p.
3. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
4. Штомпка П. Социальное изменение как травма : (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
5. Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью // Социологический форум. 2001. № 1-4. С. 1–40. URL: <http://www.sociology.ru/forum/00-3-4gofman.html> (дата обращения: 24.12.2019).
6. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003. 161 с.
7. Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск : Красноярский писатель, 2006. 241 с.
8. Антропова И.Е. К истории формирования еврейских общин Тобольской губернии и г. Тюмени (XVII в. – 1837 г.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается» : из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004. С. 28–43.
9. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX вв.). Барнаул : Азбука, 2013. 172 с.
10. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах / сост. и отв. ред. Л.И. Снегирева. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005. Т. 1: Исход. 359 с.
11. Снегирева Л.И. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (155). С. 38–43.
12. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 24.12.2019).
13. Государственный исторический архив Омской области. Ф. Р2603. Оп. 1. Д. 10.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р6991. Оп. 3. Д. 776.
15. Костырченко Г. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Новая версия. М. : Междунар. отношения, 2015. Ч. 1: От царизма до победы во Второй мировой. 696 с.
16. Костырченко Г. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Новая версия. М. : Междунар. отношения, 2015. Ч. 2: На фоне холодной войны. 536 с.
17. Генина Е.С. «Дело врачей» в Сибири (1953 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 81–85.
18. Кимерлинг А. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 211 с.
19. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953). Кемерово : КеМГУ, 2009. 254 с.
20. Генина Е. Тема государства Израиль в обвинениях советских евреев в 1953 г. (по материалам Западной Сибири) // Материалы Пятнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М. : Сэфер, 2008. Ч. 1. С. 282–290.
21. Лендер Б.М. Лендер от «А» до «Я». Омск, 2008. 15 с. (Из личного архива М.М. Лендер).
22. Harrison R. Heritage. The Critical approaches. London : Routledge, 2012. 228 p.
23. Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. 62 с.

Victoria A. Gerasimova, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Rederation). E-mail: gerasimova@bk.ru

Vera P. Kliueva, Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of the problems of Northern development (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vormpk@gmail.com

ANTI-SEMITISM IN THE LATE USSR IN THE PERCEPTION OF SIBERIAN JEWS: PRELIMINARY OBSERVATIONS

Keywords: anti-Semitism, Siberia, Soviet Jews, oral history.

The paper deals with an understudied topic of anti-Semitic manifestations in Siberia in the 1950s–1980s. Despite the fact that Siberia has always been one of the least conflicting territories, anti-Semitic / anti-Jewish manifestations were also noted here. For the post-war period, they are explained by the sharp number of the Jewish population in connection with the evacuation of the 1940s. The authors aim to determine how tolerant the surrounding population was to Jews under totalitarian ideology, how Jews who differed in origin (native Siberians and immigrants) perceived and interpreted anti-Jewish statements and actions. Sources for analysis include such ego materials as interviews and memoirs of Jews living in Siberia. The authors use 51 biographical interviews collected in Siberian cities (Novosibirsk, Tomsk, Omsk, Tyumen, Tobolsk) in 2013, 2016–2018, with people born before 1975, who had experience of living in the USSR at a conscious age. The authors rely on a methodology based on the theory of cultural trauma (J. Alexander, P. Štompka). Along with the trauma, Jews faced with anti-Semitism experienced social stigma (E. Goffman). An indicator of the traumatism of anti-Semitism is the ambivalence of its representation in memoirs, which means that the same event can be simultaneously assessed as anti-

Semitic / anti-Jewish and as an “insignificant” that does not matter. The paper discusses the manifestations of state / political anti-Semitism (the “Doctors’ plot” and discrimination in admission to universities). Examples of opposition of local administration to such a policy are given. The authors argue that for Siberia state anti-Semitism was less prevalent than in the central regions of the USSR. “Local” Siberian Jews faced domestic anti-Semitism. Most examples relate to childhood, while people of different ages could be carriers of anti-Jewish sentiments. Depending on the situation, Siberian Jews could demonstrate different behavioral patterns: retaliatory aggression against anti-Semitism or mimicry as a defensive reaction. It is concluded that the perception of anti-Semitism differed depending on the origin of the informants (“locals” or “migrants”). For immigrants from the central and western regions of the USSR who had experience living in these regions (with a traditionally high level of anti-Semitism of the local population) Siberian anti-Semitism is not actualized, while the “local” Siberian Jews who were born in Siberia felt it quite acutely.

REFERENCES

1. Veidlinger, J. (2013) *In the Shadow of the Shtetl. Small-town Jewish Life in Soviet Ukraine*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press.
2. Shternshis, A. (2017) *When Sonia Met Boris. An Oral History of Jewish Life under Stalin*. Oxford University Press.
3. Aleksander, J. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 3. pp. 6–40.
4. Shtompka, P. (2001) Sotsial'noe izmenenie kak travma: (stat'ya pervaya) [Social Change as a trauma: Article 1]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 6–16.
5. Gofman, I. (2001) Stigma: zametki ob upravlenii isporchennoy identichnost'yu [Stigma: notes on the Management of Spoiled Identity]. *Sotsiologicheskii forum – Russian Sociological Forum*. 1–4. pp. 1–40. [Online] Available from: <http://www.sociology.ru/forum/00-3-4gofman.html> (Accessed: 24th December 2019)
6. Kalmina, L.V. (2003) *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX v. — fevral' 1917 goda)* [Jewish communities of Eastern Siberia (the mid 19th century – February 1917)]. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture.
7. Galashova, N.B. (2006) *Evrei v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.* [Jews of Tomsk gubernia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy pisatel'.
8. Antropova, I.E. (2004) K istorii formirovaniya evreyskikh obshchin Tobol'skoy gubernii i g. Tyumeni (XVII v. — 1837 g.) [To the history of Jewish communities in Tobolsk gubernia and Tyumen (the 17th century – 1837)]. In: Goldberg, R.S. & Klyueva, V.P. (eds) *Priezd i vodvorenje v Sibir' evreyam vospreshchaetsya. Iz istorii evreyskoy obshchiny v Tyumeni* [Jews are not allowed to come and settle in Siberia. From the history of the Jewish community in Tyumen]. Tyumen: [s.n.]. pp. 28–43.
9. Goncharov, Yu.M. (2013) *Evreyskie obshchiny Zapadnoy Sibiri (XIX — nachalo XX vv.)* [Jewish communities of Western Siberia (the 19th – early 20th centuries)]. Barnaul: Azbuka.
10. Snegirev, L.I. (2005) *Vo imya Pobedy: evakuatsiya grazhdanskogo naseleniya v Zapadnuyu Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy vojny v dokumentakh i materialakh* [In the Name of Victory: Evacuation of Civil Population to Western Siberia in the Years of Great Patriotic War in the Documents and Materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
11. Snegireva, L.I. (2015) Population evacuation and railroad transport in the years of the Great Patriotic War (based on the materials about West Siberia). *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2(155). pp. 38–43.
12. Anon. (n.d.) *Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv* [Censuses of the population in the Russian Empire, USSR, 15 independent states]. *Demoskop*. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (Accessed: 24th December 2019)
13. The State Historical Archive of Omsk Region (GANO). Fund R2603. List 1. File 10.
14. The State Archive of Russian Federation (GARF). Fund R6991. List 3. File 776.
15. Kostyrchenko, G. (2015a) *Taynaya politika Stalina: vlast' i antisemitizm. Novaya versiya* [Stalin's Secret Policy: Power and Anti-Semitism. New Version]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
16. Kostyrchenko, G. (2015b) *Taynaya politika Stalina: vlast' i antisemitizm. Novaya versiya* [Stalin's Secret Policy: Power and Anti-Semitism. New Version]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
17. Genina, E.S. (2009) “Delo vrachev” v Sibiri (1953 god) [“Doctors’ Plot” in Siberia (1953)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 8(1). pp. 81–85.
18. Kimerling, A. (2017) *Vypolnyat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdney stalinskoy epokhi* [Perform and dissemble: political campaigns of the late Stalin era]. Moscow: HSE.
19. Genina, E.S. (2009) *Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Sibiri (1949–1953)* [Campaign against cosmopolitans in Siberia (1949–1953)]. Kemerovo: Kemerovo State University.
20. Genina, E. (2008) [The topic of Israel in the accusations of Soviet Jews in 1953 (based on Western Siberian materials)]. *Materialy Pyatnadtsatoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaizmu* [Materials of the Fifteenth Annual International Interdisciplinary Conference on Judaism]. Moscow: Sefer. pp. 282–290. (In Russian).
21. Lender, B.M. (2008) *Lendery ot “A” do “Ya”* [The Lenders from “A” to “Ya”]. Omsk: [s.n.].
22. Harrison, R. (2012) *Heritage. The Critical Approaches*. London: Routledge.
23. Ostrovsky, Yu. (1911) *Sibirskie evrei* [Siberian Jews]. St. Petersburg: [n.d.].

УДК 398.22(571.56-37)
DOI: 10.17223/19988613/65/22

Г.Е. Саввинова

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭПИЧЕСКОГО СКАЗИТЕЛЬСТВА ВИЛЮЙСКОГО УЛУСА ЯКУТИИ

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

Рассматриваются особенности сказительства в Вилюйском улусе Республики Саха (Якутия), его роль и место в духовной культуре народа саха, мифоритуальные истоки эпосотворчества, также принципы сказительского искусства, основные духовно-нравственные, личностные приоритеты статуса сказителя. Даются ценностные характеристики исполнительских показателей, а также личностных качеств вилюйских олонхосутов.

Ключевые слова: сказители; эпические традиции; Вилюйский улус; локальность; экспедиции.

Введение

Сказительство и устно-поэтическая словесность – многовековая могучая система духовно-нравственного образования народов и форма передачи знаний, моральных ценностей от поколения к поколению. Благодаря полевым наблюдениям и исследованиям Б. Путилова, В. Жирмунского, П. Рыбникова, А. Гильфердинга, А. Лорда, М. Пэрри, В. Радлова и других российских и зарубежных исследователей проблема сказительского искусства как самобытного феномена традиционной устной культуры получила вполне четкое обозначение в XIX в. Изучение региональных эпических традиций широко распространено в тюрко-монгольской фольклористике. Благодаря талантливым сочинителям, поэтам-импровизаторам тюркская система сказительского искусства оказалась самой устойчивой во времени и в пространстве.

В якутской фольклористике исполнение олонхо наиболее подробно описано И.В. Пуховым [1. С. 133–164]. Олонхо как героический эпос является самым крупным жанром. Считается, что первые олонхо возникли в глубокой древности, и по стадийной типологии исследователи относят его к наиболее ранним типам тюрко-монгольского эпоса [2–4]. Тем не менее локальные традиции олонхо стоят в ряду малоразработанных тем. Специальное комплексное исследование олонхо Вилюйского региона позволило бы выявить специфические особенности сказительской традиции данного региона, а собранный усилиями наших фольклористов и энтузиастов материал вошел бы в научный оборот [5. С. 4].

Первая исследовательская экспедиция, посвященная изучению Вилюйского округа, его географии, истории и этнографии состоялась в 1854–1855 гг. под руководством исследователя Сибири и Русского Дальнего Востока Р.К. Маака. В 1883 г. в свет вышла книга Р.К. Маака «Вилюйский округ» – монографическое описание хозяйства и культуры жизнеобеспечения этнотерриториальной (этнолокальной) группы народа саха – вилюйских якутов [6]. В этом фундаментальном

труде устному творчеству отведено три главы, в которых приведены неполные записи двух якутских героических эпосов – олонхо, а также первые необходимые сведения о вилюйском сказительстве, важные для изучения генезиса его как жанра. Таким образом, исследования по сказительству якутов впервые начинались с научных трудов, касающихся в первую очередь этнолокальных вилюйских саха как важных структурообразующих элементов якутского этноса.

Целенаправленное собирание якутского эпоса в Вилюйском регионе началось в 30–40-х гг. XX в. с работы Вилюйской фольклорно-диалектологической экспедиции С.И. Боло и А.А. Саввина [7, 8]. Участником экспедиции в Вилюйском улусе А.А. Саввиным записаны олонхо «Тюмэн Түюрэй Бухатыыр» Ф.Н. Тимофеева, «Тонг Саар Бухатыыр» С.Н. Каратаева (Дыгыйар Сэмэн), «Тебет Мэник Бухатыыр» С. Еремеева (Дэдэгэс). В 1938 г. вторым участником экспедиции, С.И. Боло, записано олонхо «Эрбэхтэй Бэргэн» Б.А. Алексеева из Югюлятского наслега Вилюйского района. В 1975 г. участники фольклорной экспедиции В.П. Еремеев и В.В. Илларионов впервые произвели магнитофонную запись полного исполнения олонхо «Могучий Эр Соготох» В.О. Каратаева. Как видно, Вилюйской фольклорно-диалектологической экспедицией зафиксировано немалое количество текстов олонхо. Однако замечено, что собирание материалов по олонхо Вилюйского региона существенно уступает изучению центральной эпической традиции Якутии в связи с его отдаленностью.

В феврале и апреле 2017 г. в Вилюйском улусе Республики Саха (Якутия) работала комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция, организованная Научно-исследовательским институтом Олонхо Северо-Восточного Федерального университета им. М.К. Аммосова. Основной целью экспедиции был сбор материалов по эпическому сказительству, ознакомление с живой эпической традицией, формирование устойчивого интереса к эпическому наследию. Записей о сказителях западной части Вилюйского улуса РС(Я) мало, поэтому требовалось исследовать со-

временную ситуацию с сохранностью традиционного сказительства, сделать качественные записи образцов на современные аудио- и видеоносители. Задачей исследования было выявление локальных особенностей, охватывающих творческие процессы сказительства Виллойского улуса Якутии. Материалы, собранные участниками экспедиции, предназначены для включения в книгу «Олонхо и олонхосуты Виллойского улуса (вторая половина XIX – начало XXI в.)».

Полевые исследования охватили жителей 19 наслегов Виллойского улуса, где было установлено более 100 имен сказителей. Для создания полной и объективной картины по сказительству улуса участники экспедиции работали не только в среде старожилов и родственников олонхосутов, но и с современными жителями наслегов Виллойского улуса. Все информаторы, которых интервьюировала экспедиция, – люди старшего, пожилого возраста (самому молодому из информантов 45 лет, пожилому – 87).

Ниже постараемся охарактеризовать некоторые собранные нами материалы, относящиеся к сказительской традиции Виллойского улуса Якутии.

Исполнительское искусство виллойских сказителей

Важнейшей нашей целью, несомненно, было получение подробной информации о биографии сказителя. Очень важно было выявить с максимальной полнотой не только то, каким было выступление олонхосута, его сказительское мастерство, но и кто посещал эти выступления, кто слушал исполнителей. Русский славяновед, фольклорист А. Гильфердинг в знаменитом предисловии к сборнику «Онежские былины», который стал важнейшим результатом его путешествия, ставил перед собой задачу более широкую, нежели собирание былинного эпоса; он увидел в севернорусском сказительстве, эпосах значительную общеславянскую проблему [9. С. 16]. А. Лорд определяет певца эпических сказаний в целом как носителя художественной культуры: «Сказитель – это сама традиция и одновременно индивидуальность, автор. Сказитель – не сознательный иконоборец, он художник, творящий в рамках традиции. Сказитель эпоса – это создатель эпоса. Певец, исполнитель, слагатель, поэт – это один человек, рассматриваемый с различных точек зрения, но в одно и то же время» [10]. Как отмечает эпосовед В.В. Илларионов, «... народ высокое звание “олонхосут” давал только тем, кто удовлетворял эстетическим и духовным потребностям эпической среды, обладал настоящим талантом создателя и исполнителя и, наконец, ценил и уважал олонхо, ради исполнения которого забывал свои личные интересы» [5. С. 102]. Данная мысль порождает интересную проблему выявления «истинно народных сказителей, истоки искусства которых – в подлинной традиции, никем и ничем не опосредованной, а не исполнителей, черпающих материал из книжных источников и средств массовой информации» [11. С. 16]. Применительно к этому суждению в исследовательской работе нами использовался метод включенного наблюдения, при котором, интервьюируя, беседа с информантами, фиксируя на аудио- и

видеозаписи, изыскатель выявляет, обнаруживает подлинность сведений об эпическом сказительстве.

А. Гильфердингу принадлежит положение о *переходных* составных частях эпического текста, где указывается: «...не заучивание наизусть, а в памяти сказителя хранится только общий осто́в, так что всякий раз, как сказитель исполняет, он тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения». А о *типическом* положении исследователь пишет: «...сказитель якобы знает наизусть и поет совершенно одинаково (у каждого сказителя они “свои”)» [12. С. 57]. Особенностью виллойских сказителей, на наш взгляд, является то, что их можно отнести к *переходным*, также к третьей группе – к *сказителям-импровизаторам*, которые заучивают по преимуществу лишь сюжетное изложение, но не создают устойчивого текста. Однако взгляд А. Гильфердинга «подвергается отдельным поправкам и уточнениям в том... где проходит грань между местами *типическими* и *переходными*, относится ли к *типическим* местам вся совокупность устойчивых эпических формул либо лишь часть таких формул» [13. С. 145]. Как мы видим, данные суждения немаловажны для уяснения специфики сказительского отношения к тексту, к технике владения им и возможностям и границам варьирования.

Живая эпическая атмосфера способствовала появлению все новых и новых сказителей разных уровней: как вполне рядовых, так и выдающихся мастеров. Среди исполнителей олонхо находилось немало случайных, знавших одно-два олонхо, сказывавших их редко или не сказывавших давно, в сущности, не имевших права называться олонхосутами. В связи с этим при характеристике сказительского искусства Виллойского улуса участниками экспедиции была поставлена задача – установить классификацию сказителей, включающую четыре уровня: «носитель эпической традиции», «средний олонхосут», «знаменитый», «легендарный олонхосут». Учитывались также различные возможности отражения действительности в творчестве олонхосутов. Сложность при определении уровней была в том, что при рассмотрении некоторых сказителей обнаруживалось, что они находятся на границах предложенной нами схемы, занимают некоторое «промежуточное положение», например «носитель эпической традиции» и «средний олонхосут» или «знаменитый» и «легендарный олонхосут».

В работе экспедиции значительное внимание исследователями уделено общему портрету (образу) сказителя. Сказитель с малых лет учится эпическому искусству – начинает усваивать технику исполнения сложных эпических произведений, творит собственные олонхо, формируется как мастер слова. Каждый сказитель имеет свои, присущие лишь ему индивидуальные творческие способности. «Функция выступающего сказителя отнюдь не сводится к исполнительско-артистической, акт исполнения в сущности своей богаче и сложнее. Тем не менее художественное начало в нем выступает как очевидное и преобладающее. Оно, как мы увидим, облекается в разнообразные ритуальные формы» [13. С. 80]. Изучение творчества

вилуйского олонхосута начато было с постижения того, как глубоко проникает автор-сказитель в свое творчество, как воплощает образ эпической жизни, как мыслит, выражая свое отношение к природе, окружающему миру и т.д. Это, несомненно, помогает понять эпический образ олонхосута.

В эпической культуре якутов важную роль в становлении сказителя играла семейная традиция. В каждом роду был свой сказитель, имевший по несколько олонхо, а также владевший несколькими вариантами одного олонхо. Передача сказительского искусства от старших к младшим в роду была особенностью Вилуйской эпической традиции. Во многих случаях в Вилуйском улусе сказительство передавалось по наследству, к таким можно отнести династии олонхосутов Каратаевых, Менкяровых, Гоголевых, Бороновых, Васильевых (Хоохура), Ивановых и др.

Согласно К.В. Чистову, фольклор, эпическое наследие являются важнейшим компонентом традиционной культуры, интегрирующим все сферы не только духовной, но и в известной мере материальной и особенно соционормативной культуры огромного большинства этноса [14. С. 5–6]. Нами было замечено, что у информантов присутствуют неподдельный интерес к историко-эпическому наследию, духовная связь с местными сказителями. Все это свидетельствует о знании жителями, в особенности западной части улуса, истории своего наслега, местностей, местных легенд. Обращает на себя внимание тот факт, что само население заинтересовано: увлекательно и достоверно рассказывают о сказителях, анализируют исторические события, эпические традиции своего наслега. Им особенно интересно, как, например, сказитель во все времена готовился перед выступлением. По их рассказам, хозяин дома заранее оповещает, когда должен приехать олонхосут, к тому времени гости и собирались. Рассказчикам было любопытно, как сказитель себя вел, что чувствовал, был ли ему необходим круг слушателей, которые с захватывающим интересом слушали его исполнение и выражали свой восторг громкими возгласами «Ноо!». Они достаточно наблюдательны и отмечают, что при благоприятных обстоятельствах олонхосут делается одержимым, весь отдается процессу творчества. И им очевидно, что такую обстановку способна создавать лишь «своя» аудитория, причем это могут быть и слушатели, с которыми певец встречается впервые.

Примечательно в отношении манеры исполнения сказителя объяснение Т. Мирзаева: «Взаимное общение сказителя с его аудиторией является непрямым условием каждого акта исполнения <...> Когда сказитель исполняет эпос, он всегда помнит присутствие <аудитории>» [8. С. 60]. По наблюдению А.А. Попова, у долган, «если во время рассказывания кто-либо из слушателей заснет, хороший сказитель узнает об этом даже и не видя, речь его не течет уже так плавно и гладко, как до этого. Он начинает испытывать затруднение в подборе слов или, как говорят долгане, языком своим узнает, кто спит» [15. С. 15]. В хакасской эпической традиции существовало поверье о том, что если сказитель спутает слова или не закончит исполнение,

то век его укоротится. Смысл этого обычая заключался в заботе о сохранении своего наследия [16. С. 185].

Одним из факторов, определявших практическое единство актов исполнения и создания эпического текста, А. Лорд считает вполне реальной для певца необходимость безостановочного, строго регламентированного, метрически предуганного, композиционно организованного повествования. Он должен «быстро складывать стих за стихом <...> Ему некогда раздумывать» [10. С. 69]. Это отнюдь не «техническое условие», как полагал В. Жирмунский [2. С. 169], речь идет о качественной специфике песенной эпики, когда «техника» оказывается слитой с художественным сознанием певца: «Весь образ его мыслей направлен вперед, и он не способен вернуться и проделать тот же путь снова» [10. С. 146].

Сказители не были привязаны к одному месту, много ездили, посещая разные места, выступали на торжествах, свадьбах. Это типичная судьба большинства якутских сказителей. Особенно часто они выезжали в голодный период весны. В основном исполнение олонхо для них было подсобным промыслом. У вилуйских олонхосутов были и чисто профессиональные причины. Олонхосут увлеченно, самозабвенно занимался сказыванием, терял много времени на заучивание текста, на прослушивание других олонхосутов. Сказитель в творческом поиске целые месяцы, иногда годы разъезжал по наследам, улусам. От многих вилуйских информантов мы услышали об олонхосутах: «Э, тот сказитель любил бродяжничать» («Ээ, кини бырадьаа а тэ»). Рассказывают, что некоторые олонхосуты часто просто забрасывали свое хозяйство. У такого олонхосута семья жила трудно, в большой нужде. Также бывало, обласканные богатыми и влиятельными людьми олонхосуты вели обеспеченную и привольную жизнь. Так, информант М.В. Федорова, жительница 1-й Кюлятцы, нам рассказывала без всякого уважения о своем отце – олонхосуте В.Ф. Федорове – Джэбджээн Олонхосут: «Отца видела редко. Жаль, что не могу рассказать вам достоверно о своем отце. Дома появлялся крайне редко, был “бродягой”». По рассказам других знала о том, что отец был талантливым сказителем. Он ездил в разные наслега, дальние улусы, даже отправился работать на золотом прииске в Бодайбо Иркутской области». В.Ф. Федоров «был человеком рисковым, разъезжавшим много для покупки и перепродажи рыбы и скота. Во время этих поездок он сказительствова и выучился множеству олонхо» [17. Л. 33].

Сказитель и сакральное воззрение

Сказитель тем и отличался, что имел развитую осмысленную речь, посредством которой он мог воздействовать на чужих людей. Поэтому легендарный олонхосут, опираясь на свое пассионарное окружение, мог стать почтенным человеком, авторитетом в своей среде. При рассмотрении основ сказительской деятельности олонхосутов в западной части улуса нами замечены повышенные способности пассионариев-олонхосутов и выявлен процесс аутентичности данной

локальной местности. Была сделана попытка уяснить «истинную самость» (*сам* – нем. *Selbst* «сам», собственная личность архетип), связанную с попыткой локализовать более аутентичное существование, а это, в свою очередь, неизбежно влечет за собой философские размышления о природе существования сказителя в XVIII – начале XX в.

Есть мнение, что у многих тюркских народов сказитель – что-то вроде шамана: посещает больных, исполняет им отдельные эпизоды олонхо, и этот ритуал имеет целебные свойства. Известно, что шаман и сказитель играли большую роль в сохранении древних знаний. Они обладали магией слова и наделены талантом импровизатора в состоянии транса, иногда их действия обладали силой врачевания (ичээн). Приписываемые сказителям качества и функции позволяют ставить вопрос о связях феномена сказительства с шаманством. Как объясняет Путилов, «сказитель и шаман – два культурных типа, между которыми угадываются глубинные связи и, возможно, стадийная преемственность» [13]. Олонхосут, посвященный в таинства слова, равен шаману. Многие вилюйские информаторы отказались рассказывать о тех шаманах, которые когда-то жили в местностях их проживания, ссылаясь на страх перед их духами. Нами замечено, что в западной части улуса особо выделялись олонхосуты, которые обладали даром шамана или тесно контактировали с шаманами. По сведениям жителей Кюлятского и Югюлятского наслегов, сказители, жившие в прошлом, по внешним данным и образу жизни почти не отличались от шаманов. Есть предание, зафиксированное от жительницы 2-й Кюлятцы А.Г. Николаевой, услышанное от старейшины – ее бабушки, прожившей до 106 лет [17. Л. 15]. Данную легенду участники экспедиции слышали от информантов неоднократно в разных наслегах. По преданию, сказитель из 2-й Кюлятцы С.И. Афанасьев – Мюлюрэ Уола – имел тесную связь со знаменитым местным шаманом по имени Спиридон, полное имя которого местными жителями не озвучивается. Говорят, что с исполнением олонхо С.И. Афанасьева состязалась сама природа. Сказитель был знатным охотником, знал все таинства природы. Рассказывают о том, что С.И. Афанасьев испытывал сильное сакральное влияние шамана. В своем жилище сказитель бережно хранил шаманский костюм, ритуальное облачение шамана Спиридона.

Якуты, несмотря на то что приняли православие, а потом и советский атеизм, верили в существование трех миров. Шаман – посредник между мирами. Известно, что во время камлания якутские шаманы совершали прыжки экстраординарной высоты, демонстрируя сверхчеловеческую силу. И в этом процессе рядом с ним прыгал такт в такт, держась за кентес (поводья на спине плаща шамана), будто сдерживая шамана, человек – Кутуруксут (якут. *кутурук* – хвост), не позволяющий шаману уйти в слишком глубокий транс. Кутуруксут обычно, так же как и шаман, бывает физически крепким, отличающимся быстротой движений. При исполнении олонхо сказитель С.И. Афанасьев исполнял самые разные роли; подобно шаману, он был одарен искусством перевоплощения. Искусно

владел эпическим языком, обладал высоким голосом, речитативную часть эпоса декламировал в быстром темпе. Легко завладевал вниманием слушателей и держал в напряжении в ходе сказывания олонхо, в течение многих часов. По сведениям информантов, за необычное исполнение олонхо, за его неординарность сказителя Афанасьева звали Ойуун кутуруксута (букв.: «Хвост, направляющий шамана»). В истории сказительства в Вилюйском улусе впервые была обнаружена в заключительной части олонхо В.О. Каратаева песня «Кутурук салайар ырыата» («Песня, направляющая конец»). Следуя поверью, данная часть олонхо должна обмануть соревнующегося со сказителем злого духа и закрепить победу олонхосута.

Чем архаичнее культура, тем органичнее выступает слитность функций жреца, шамана и сказителя. По ряду причин в фольклористике XX в. проблема социокультурных функций олонхо в контексте локальных эпических традиций не стала объектом изучения: в советскую эпоху по идеологическим причинам вопрос сказительства, и в частности шаманизма, был табуирован для научного исследования. Информант Н.Ф. Кононова поведала о сказителе С. Герасимове – Онохо Ойуун из 3-й Кюлятцы Западно-Вилюйского улуса: «Онохо Ойуун был разносторонне талантливым человеком: сильным шаманом, олонхосутом, кузнецом» [Там же. Л. 10]. Рассказывает, что содержание его олонхо было архаичным, язык богатым, голос тягучим. Первый якутский композитор М.Н. Жирков приглашал С. Герасимова в Якутск участвовать в постановке олонхо «Джурулуйар Нюргун Боотур» и хотел записать его выступление, однако сказитель отказался, мотивируя тем, что советская власть не одобрит выступление шамана на большой сцене. Информант В.Л. Бочаров из Югюлятского наслега рассказывал о сказителе Н. Семенове – Боруоран, который обладал способностями шамана [Там же. Л. 31]. По сообщению информанта, Н. Семенов был разносторонне талантливым человеком: кузнецом, провидцем и целителем. В.Л. Бочаров поведал также о сказителе Б. Алексееве – Саайыы Уола. По его воспоминаниям, Б. Алексеев своим пением олонхо вылечил тяжело больного Бочарова, когда ему было всего три года. Известно, что у якутов сказители исполняли олонхо во время эпидемии: «Олонхо застилает глаза духу болезни, так что тот не замечает живых людей. Поэтому в старину заставляли сказывать олонхо в “худые”, с болезнями, годы» [18. С. 26]. У долган «во время эпидемии заставляют вечером рассказывать “хорошие былины”, в которых несчастья героев кончаются счастливым исходом» [19. С. 16]. У бурят и тувинцев эпос исполнялся для умиловления богов или духов при стихийных и других бедствиях [Там же. С. 207]. Монгольский сказитель Чойнхор однажды по просьбе заболевшего старика стал читать «Гесэр». Уже на середине книги болезнь неожиданно прошла [20. С. 141]. А.И. Уланов приводит пример, что «для исцеления больных, для прозрения слепых», бывало, специально исполнялись улигеры» [21. С. 61]. Итоговым может служить высказывание Е.В. Ревуненковой: «Лингвистические реконструкции, изучение функциональных,

психологических, декламационных особенностей поэтического творчества у самых разных народов приводит к важным выводам о существовании в древности синкретического образа шамана–поэта–сказителя и об уподоблении их друг другу» [22. С. 36].

Сказитель и локальные традиции

Следует выделить в отдельную группу древнейшие песни в якутском фольклоре, среди которых особым жанром может являться прощальное предсмертное исполнение олонхо. В старину у вилюйских олонхосут была необычная традиция: когда умирал выдающийся олонхосут, его друг или ученик должен был отдать дань уважения покойному сказителю и исполнить олонхо, дабы успокоить его душу и пожелать ему беззаботной жизни «в ином, потустороннем мире». По сведениям информантов, родившийся в конце XIX в сказитель из Кыргыдайского наслега И.И. Буслаев – Атага суох Ылджаа – был близким другом олонхосута Тэмпэ Уосук. Когда умер олонхосут Тэмпэ Уосук, И.И. Буслаев на поминках исполнил «последнее» олонхо умершего в течение «двух дней и ночей». Исполнение олонхо «в последний путь сказителя», по сути, было выражением горечи от утраты близкого человека и в то же время выполняло знаковую функцию. Глубокое типологическое сходство в данных мотивах обнаруживаем и в хакасском сказительстве. У хакасов было принято «приглашать хайджи в дом, где лежал усопший человек». Он пел всю ночь до наступления первых признаков рассвета, и в течение этого времени никто из присутствовавших не должен был засыпать. Согласно позднейшему объяснению, исполнение эпоса помогало рассеять горе. Больше соответствует древним понятиям, однако, другое толкование: усопший якобы до 40 дней не осознает своей смерти, душа его *хут* стремится к людям, и исполнение эпоса должно помочь ей осуществить это желание [23. С. 56–57].

Особенности поминальных обрядов с исполнением олонхо в якутской фольклористике изучены недостаточно. Со слов Т.В. Абрамовой и Я.И. Яковлева из Кыргыдайского наслега записаны рассказы о том, что легендарный олонхосут С.Н. Каратаев – Дыгыяр Сэмэн, предчувствуя свою смерть, исполнил свое последнее, предсмертное (*кэриэс*) олонхо [17. Л. 8]. Сказитель после исполнения сам сказал, что это его предсмертное олонхо. Это было в 1943 г. в местности совхоза Жданов наслега Балагачча. Также бытует легенда о том, что в конце XIX в. больной пожилой олонхосут из 1-го Чочунского наслега С.И. Менкяров – Мэнкэр Сэмэн – исполнил предсмертный прощальный *осуохай*, лежа под священной коновязью – *сэргэ*.

Сказители были склонны окружать свое эпическое искусство ореолом загадочности, да и сами подчас верили в таинственные связи с силами из иного мира. Среди легенд о вилюйских олонхосутах присутствует любопытный текст, обнаруженный участниками экспедиции в Югюлятском наслеге, в котором рассказывается, по информации М.Д. Кириллиной, И.К. Лукина, Л.Ф. Кононовой, В.Л. Бочарова [Там же. Л. 21], как

незрячий мастер слова, олонхосут из 2-го Кюлятского наслега Н. Васильев– Нямаасай – при исполнении олонхо использовал в качестве атрибута маховое перо крупной птицы – кряквы. Видимо, перо птицы было для олонхосута персональным амулетом, привлекающим энергетическое, таинственное действие. По рассказам многих информантов, язык олонхо Н. Васильева был острым, озорным. Сказитель завоевал любовь слушателей не только в своем округе, но и в других дальних наслегах. По сведениям многих, Н. Васильев в ходе исполнения олонхо внимательно прислушивался к реакции аудитории. В зависимости от степени интереса и участия, проявляемого слушателями, он растягивал или сокращал текст олонхо. Выбор сюжета и более детальная разработка отдельных эпизодов олонхосут ориентировал на состав аудитории и ее вкусы, известные сказителю: среди стариков или пожилых слушателей он сказывал иначе, чем среди молодежи; также у олонхосута были сказывания, посвященные только мужской аудитории. Олонхосута в 1960-е гг. записывали на аудионоситель научные сотрудники Института языка, литературы и истории ЯФ АН СССР фольклористы П.Е. Ефремов, Ф. Зыков.

Мифолого-магический комплекс так или иначе распространяется и на личность сказителя. В старину некоторые сказители в расцвете своего таланта прекращали на многие годы сказывание олонхо из-за суеверного предрассудка, согласно которому с хорошими сказителями и певцами будто бы состязаются злые духи-абаасы и из зависти вредят им. Бывало даже, что олонхосут терял всех своих детей, и полагали, что такое горе постигло его за незаурядный сказительский талант: злые духи, позавидовав ему, лишили его счастья. Про вилюйского олонхосута С.Н. Каратаева–Дыгыяр – рассказывают, что когда однажды он по приглашению некоего зажиточного Иванова на своем коне ехал в местность Иччилээх, в пути с его исполнением олонхо состязался сам дьявол (абаасы). Видимо, тогда сказитель старался петь дольше и лучше, чем обычно. В итоге дьявол был побежден олонхосутом. Есть еще признание олонхосута из Чурапчинского улуса И.Г. Тимофеева–Теплоухова: после смерти детей он перестал сказывать олонхо, боясь последствий [24. С. 603–605]. У туркмен существовало поверье, «будто певцам и музыкантам покровительствуют сверхъестественные существа – “вездесущие” эрены, сказочные святые, персонажи домусульманских, шаманистских легенд» [25. С. 8].

Известно, что в Вилюе проживали эвенки (тунгусы), и тунгусский богатырь как мифологический персонаж часто встречается в сказительстве западной части Вилюйского улуса и в сюжете играет весьма существенную роль. В эпической традиции западных вилюйчан есть много преданий и мифов о тунгусах. По воспоминаниям информанта из 1-го Кюлятского наслега А.Я. Федорова, талантливый олонхосут Д.В. Атаманов – Миитэх – исполнял олонхо на тунгусский мотив, который сильно отличался от сказывания центральной части улуса [17. Л. 30]. По словам А.Я. Федорова, олонхосут Д.В. Атаманов с молодых лет жил в Оленекском улусе, переселился в 1-й Кюляты

в преклонном возрасте. Сказитель помимо пения олонхо славился мастером по кузнечному делу, занимался оленеводством. По сведению энтузиаста-фольклориста Т.В. Абрамовой, на северный лад исполнял и сказитель С.Н. Каратаев – Дыгыйар [17. Л. 7]. Исполняя олонхо на якутском языке, Дыгыйар мастерски менял голос на тунгусский мотив. К тому же, как сообщает Т.В. Абрамова, в текстах олонхо Дыгыйар есть много древних «непонятных» слов – архаизмов («тюннг былыргы тыллар»). Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что элементы древних эпических мировоззрений сохранились у виллойских олонхосутов ввиду их изолированности.

Заключение

Освоение сказительского искусства – сложный процесс. Исследуя материалы фольклорно-этнографической экспедиции в Виллойском улусе Якутии, мы смогли составить общий портрет виллойского сказителя, некогда владевшего колоссальными знаниями о мире, природе, обладавшего богатым эпическим языком, обозначенным и предназначенным свыше. Личность олонхосута – фигура многогранная, совмещающая хранителя и знатока якутской мудрости, искусного исполнителя эпических произведений. Судя по всем показателям, эпическое сказительство Виллойского улуса Якутии приобрело основные свои черты в период с XVIII до начала XX в. Данные факты не расходятся с трудами многих известных исследователей, которые установили, что эпическая традиция виллойских и

центральных улусов сложилась только после XVIII в. Корни традиционной виллойской эпической традиции скрываются в тени столетий и связаны с далекими предками эпохи общетюркского мира. За долгое время своего исторического пути на общей тюркской основе виллойское эпическое сказительство, видимо, испытало взаимодействие с элементами культуры тунгусо-язычных племен, также выявляется «подпочвенный» слой ранних заимствований сказительства центрального региона Якутии.

В целом участники Комплексной экспедиции получили уникальные сведения о сказительской практике олонхосутов Виллойского улуса. Тексты олонхо не удалось зафиксировать. Подробное полевое исследование эпического репертуара, сохранившегося в Виллойском улусе, могло бы дать более богатую и точную картину эпического наследия. Чтобы располагать более подробными сведениями, предстоит проделать весьма трудоемкую работу. Только тогда можно будет решиться на окончательные выводы и точнее определить роль выступлений сказителей в истории виллойской эпической традиции. Замечено, что сказительство в Виллойском улусе не изучалось систематически, в отличие, например, от Центральных улусов республики. В связи с этим исследование по виллойскому сказительству представляло бы большой научный и практический интерес. Изучение происхождения, раскрытие внутренних закономерностей эволюции виллойской сказительской традиции должны способствовать решению различных проблем якутского героического эпоса олонхо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пухов И.В. Исполнение олонхо // Доклады на II научной сессии. Якутск : Якут. гос. изд-во, 1951. Вып. 1. С. 133–164.
2. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
3. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963. 460 с.
4. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М. : Наука, 1989. 233 с.
5. Илларионов В.В. Эпическое наследие народа саха. Новосибирск : Наука, 2016. 344 с.
6. Маак Р.К. Виллойский округ. Якутск, 1994. 592 с.
7. Дмитриева А.А. Мотив происхождения коня и образ коновязи в тюрко-монгольском эпосе // Материалы IV региональной науч.- практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (апрель 2003 г.). Якутск : Изд-во Якут. гос. ун-та, 2003. С. 332–333.
8. Мирзаев Т. Искусство узбекских народных сказителей и особенности их эпического репертуара : дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1986.
9. Базанов В.Г. А. Ф. Гильфердинг и его «Онежские былины» // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М. : JL, 1949. Т. 1. С. 19–20.
10. Лорд А.Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона; послесл. Б.Н. Путилова; ст. А.И. Зайцева, Ю.А. Клейнера. М. : Вост. лит., 1994. 368 с.
11. Иванов В.Н. Якутский эпос в контексте эпического наследия народов мира : сб. науч. ст. / ИГИ АН РС(Я). Якутск : Якут. филиал изд-ва СО РАН, 2004. 156 с.
12. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М. : JL, 1949–1951. 4-е изд. Т. 1–3.
13. Путилов Б.Н. Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. М. : Вост. лит., 1997. 295 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
14. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор : очерки теории. Л. : Наука, 1986. 304 с.
15. Долганский фольклор / вступ. ст., тексты и пер. А.А. Попова. Л., 1937.
16. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов : пособие для учителей. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1996. 224 с.
17. Анкеты информантов, знатоков фольклорных и эпических традиций Виллойского улуса / сост. Р.Н. Анисимовым, Г.Е. Саввиновой-Оттовой, О.К. Павловой, В.Н. Габышевым в 2017 г. // Архив института Олонхо. Ф. 1. Оп. 5. Д. 3.
18. Ефремов П.Е. Долганское олонхо. Якутск : Кн. изд-во, 1984. 133 с.
19. Шарахшинова Н.О. Бурятский фольклор. Иркутск : Кн. изд-во, 1959. 227 с.
20. Неклюдов С.Ю., Рифтин Б.Л. Новые материалы по монгольскому фольклору // Народы Азии и Африки. 1976. № 2.
21. Уланов А.И. Древний фольклор бурят / АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. филиал. Бурят. ин-т обществ. наук. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1974. 176 с.
22. Ревуненкова Е.В. Миф – обряд – религия. М., 1992.
23. Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972. 211 с.
24. Строптивый Кулун Кулустуур : якутское олонхо / сказитель И.Г. Тимофеев-Теплоухов. М. : Наука, 1985. 608 с.
25. Гёр-Оглы : туркменский героический эпос / сост., автор исслед., коммент. и пояснит. словаря Б.А. Карриев. М., 1983. 805 с.

Gulnara E. Savvinova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: savgul6767@mail.ru

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC ASPECTS OF THE EPIC TALES OF THE VILYUI ULUS OF YAKUTIA

Keywords: storytellers, epic traditions, Vilyui ulus, locality, expeditions.

It is believed that the Yakut heroic epic *olonkho* originated in ancient times, and according to the stage typology, researchers attribute it to the earliest types of the Turkic-Mongolian epic. Local traditions of *olonkho* are among the less developed topics. The study and collecting of the Vilyui region *olonkho*, covering a considerable territory, is substantially inferior to the central epic tradition of Yakutia due to its remoteness.

The article deals with the features of storytelling in the Vilyui ulus of the Republic of Sakha (Yakutia), its role and place in the spiritual culture of the Sakha people, the mythological sources of epic creativity, the principles of narrative art, the basic spiritual and moral, personal priorities of the narrator's status based on the results of folklore and ethnographic expedition conducted in 2017 and organized by the *Olonkho Research Institute* of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. Value characteristics for the performance indicators, as well as the personal qualities of the Vilyui *olonkhosuts* are given.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that, by all indications, the storytelling of the Vilyui ulus of Yakutia acquired its main features from the eighteenth to the early nineteenth centuries. These facts do not differ from the work of many researchers who found out that the epic tradition of the Vilyui and central uluses was formed only after the 18 century. The roots of the traditional Vilyui epic tradition are hidden in the shadow of centuries and are associated with the distant ancestors of the Turkic world time. For a long time of its historical path on a common Turkic basis, the Vilyui storytelling apparently interacted with elements of the culture of the Tungus-speaking tribes, and a "subsoil" layer of early borrowings of the central region storytelling is also revealed.

Despite the fact that the members of the expedition received unique information about the storytelling practice of the *olonkhosuts* of the Vilyui ulus, the *olonkho* texts could not be recorded. Therefore, a detailed field study of the epic repertoire, preserved in the Vilyui ulus, could give a richer and more accurate picture of the epic heritage. In order to have all the information, it is necessary to do a very laborious job. Only then it will be possible to decide on the final conclusions and more accurately determine the role of the narrators' speeches in the history of the Vilyui epic tradition. It should be noted that the storytelling in the Vilyui ulus was not collected systematically, and therefore a study on the Vilyui storytelling would be a great scientific and practical interest. The study of origin, the disclosure of the internal patterns of the evolution of the Vilyui storytelling tradition should contribute to solving various problems of the Yakut heroic epic *olonkho*.

REFERENCES

1. Pukhov, I.V. (1951) *Ispolnenie olonkho* [Execution of *olonkho*]. Presentation on the Second Scientific Session. Yakutsk: [s.n.]. pp. 133–164.
2. Zhirmunsky, V.M. (1974) *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [Turkic heroic epic]. Leningrad: Nauka.
3. Meletinsky, E.M. (1963) *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaischeskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments]. Moscow: Vostochnaya literatura.
4. Propp, V.Ya. (1989) *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore and reality]. Moscow: Nauka.
5. Illarionov, V.V. (2016) *Epicheskoe nasledie naroda sakha* [The epic heritage of the Sakha people]. Novosibirsk: Nauka.
6. Maak, R.K. (1994) *Vilyuyskiy okrug* [Vilyui district]. Yakutsk: [s.n.].
7. Dmitrieva, A.A. (2003) Motiv *proiskhozhdeniya konya i obraz konovyazi v tyurko-mongol'skom epise* [The motive of the horse's origin and the image of the hitch in the Turkic-Mongolian epos]. *Proc. of the Fourth Regional Conference*. April, 2003. Yakutsk: Yakutsk State University. pp. 332–333.
8. Mirzaev, T. (1986) *Iskusstvo uzbekskikh narodnykh skaziteley i osobennosti ikh epicheskogo repertuara* [The art of Uzbek folk storytellers and features of their epic repertoire]. Philology Dr. Diss. Tashkent. [Manuscript]
9. Bazanov, V.G. (1949) A.F. Gil'ferding i ego "Onezhskie byliny" [A.F. Hilferding and his Onega Epics]. In: Hilferding, A.F. (ed.) *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Onega epics recorded by A. F. Hilferding in the summer of 1871]. 4th ed. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences. pp. 19–20.
10. Lord, A.B. (1994) *Skazitel'* [Story-teller]. Translated from English by Yu.A. Kleynner, G.A. Levinton. Moscow: Vostochnaya literatura.
11. Ivanov, V.N. (2004) *Yakutskiy epos v kontekste epicheskogo naslediya narodov mira* [The Yakut epic in the context of the epic heritage of the peoples of the world]. Yakutsk: SB RAS.
12. Hilferding, A.F. (ed.) *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Onega epics recorded by A. F. Hilferding in the summer of 1871]. 4th ed. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences.
13. Putilov, B.N. (1997) *Epicheskoe skazitel'stvo: Tipologiya i etnicheskaya spetsifika* [Epic Storytelling: Typology and Ethnicity]. Moscow: Vostochnaya literatura.
14. Chistov, K.V. (1986) *Narodnye traditsii i fol'klor. Ocherki teorii* [Folk traditions and folklore. Essays on the theory]. Leningrad: Nauka.
15. Popov, A.A., Tager, E.M. & Sergeev, M.A. (eds) (1937) *Dolganskiy fol'klor* [Dolgan folklore]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
16. Butanaev, V.Ya. (1996) *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov* [Traditional culture and life of the Khakassians]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo.
17. Anisimov, R.N., Savvinovoy-Otova, G.E., Pavlova, O.K. & Gabyshev, V.N. (2017) *Anketa informantov, znatokov fol'klornykh i epicheskikh traditsiy Vilyuyskogo ulusa* [Questionnaire of informants, connoisseurs of folklore and epic traditions of Vilyui ulus]. The Archive of the *Olonkho Institute*. Fund 1. List 5. File 3.
18. Efremov, P.E. (1984) *Dolganskoe olonkho* [Dolgan *olonkho*]. Yakutsk: Kn. izd-vo.
19. Sharakhshinova, N.O. (1959) *Buryatskiy fol'klor* [Buryat folklore]. Irkutsk: Kn. izd-vo.
20. Neklyudov, S.Yu. & Riftin, B.L. (1976) *Novye materialy po mongol'skomu fol'kloru* [New materials on Mongolian folklore]. *Narody Azii i Afriki*. 2.
21. Ulanov, A.I. (1974) *Drevniy fol'klor buryat* [Buryat Ancient Folklore]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
22. Revunenkov, E.V. (1992) *Mif – obryad – religiya* [Myth – rite – religion]. Moscow: Nauka.
23. Ungvitskaya, M.A. & Maynogasheva, V.E. (1972) *Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Khakass folk poetry]. Abakan: Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo.
24. Timofeev-Teploukhov, I.G. (1985) *Stroptivyy Kulun Kullustuur: Yakutskoe olonkho* [The obstinate Kulun Kulustuur: Yakut *olonkho*]. Moscow: Nauka.
25. Karryev, B.A. (ed.) (1983) *Ger-Ogly: Turkmenskiy geroicheskiy epos* [Koroghlu: Turkmen heroic epic]. Moscow: Nauka.

УДК 930.2+303.425.5:323.1(470)"18/20"
DOI: 10.17223/19988613/65/23

А.Н. Садовой, М.В. Белозёрова, В.П. Зиновьев, В.М. Кулемзин

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА XIX–XXI вв.

Очерчен круг методологических проблем в отечественной историографии этнонациональной политики. Анализируются тенденции изменения предметной области исследований, определяемые сменой научных парадигм, включением современных этнических процессов в контекст генезиса государственных институтов, политических, социально-экономических и культурных процессов и идеологических конструктов. Предложено качественное изменение предметного поля интеграционных исследований на стыке истории, этнографии, этнологии, социологии, политологии и культурологии.

Ключевые слова: национальная политика; методология; методика; этносоциальная обстановка; этнологические экспертизы; историческое мифотворчество.

Введение

Модернизация форм государственного устройства и социально-экономической инфраструктуры российского государства на основе воссоздания института частной собственности актуализировала внимание к историческому опыту регуляции межэтнических отношений. Возросший в среде историков, политологов и политиков интерес к этой проблематике во многом определяется этносоциальными последствиями распада СССР, сепаратистскими тенденциями начала 1990-х гг., формированием националистических политических режимов в ряде вновь образовавшихся на постсоветском пространстве стран, а также тенденциями, связанными с этнической идентификацией, национальным самоопределением и автономизацией различных этносов собственно внутри РФ. Объективно эти процессы однозначно можно отнести к категории «этнических», имеющих, как правило, латентную форму и выступающих фактором прямого или косвенного воздействия на ситуацию в субъектах РФ. Исторические прецеденты показывают, что в случае дестабилизации социальной обстановки этнические процессы могут способствовать углублению проявившихся в начале 1990-х гг. центробежных тенденций на региональном уровне. Проблема осознания среднесрочных последствий этнических процессов наиболее актуализируется в субъектах с полиэтничным составом населения.

В этой связи осознание рисков распада государственности в научном сообществе и политических кругах в какой-то мере способствует формированию социального заказа на информационное сопровождение проводимого политического курса, к выполнению которого привлекаются научные коллективы подразделений РАН и высшей школы. Это проявляется в попытках ввести в правовое поле предпринимаемые в субъектах РФ шаги по организации мониторинга этносоциальной обстановки и проведению этнологических экспертиз [1–4], отчасти направленные и на выявление «реакции» полиэтничного и поликонфессионального населения страны на проводимый политический курс.

Формирование социального заказа прослеживается и в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» (п. 32) [5], в которой предусматривается корректировка проводимого политического курса «...с учетом... мониторинга состояния межнациональных (межэтнических) отношений в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях...». Таким образом, очерчивается требование создать на региональном уровне иерархически соподчиненную систему сбора и анализа информации о системе межэтнических отношений и этнических процессах, проявляющихся на уровне не только областных и краевых, но и муниципальных образований.

Предложенный в Стратегии подход входит в определенное противоречие со сложившейся в России практикой коррекции проводимого курса, при котором мониторинг социальных процессов и этносоциальной обстановки подменяется экспертными заключениями, выводами пилотажных исследований (опросов) социологов и материалами массмедиа. Поэтому, с нашей точки зрения, необходимо акцентировать особое внимание на существовании грани между представлениями о динамично меняющейся системе внутри- и межэтнических отношений и научным прогнозом направлений, динамики и механизма этнических процессов, инициирующих межэтническую (вариант – межконфессиональную) напряженность, при этом не оспаривая необходимости комплексной, или системной, оценки сложившихся на местах представлений о текущей этносоциальной обстановке и права представителей органов региональной власти и экспертного общества на эту оценку.

Цель исследования – на основе анализа предметного поля исследований по национальной проблематике очертить апробированные и инновационные методологические подходы, используемые при выявлении и анализе социальных процессов в среде этнических меньшинств, а также при оценке эффективности национальной политики России на разных этапах исторического развития. В статье проанализирован опыт раз-

вертывания системы этносоциального и этнологического мониторинга на региональном уровне.

Методологические аспекты исследования национальной политики

Согласно мировой и отечественной практике, научное прогнозирование изменения характера межэтнического взаимодействия проводится на основе определенных по массовым (статистическим) источникам текущих процессов, их сопоставления с выявленными тенденциями этногенеза, социогенеза и культурогенеза (по этническим группам), очерчивания внешних факторов воздействия на эти процессы, включая проводимый государством курс социальной политики. В связи с этим и в соответствии с методологическими принципами системного подхода «суждения» и «оценки» не могут рассматриваться в качестве логического основания для определения направленности, динамики и содержания социальных процессов (включая этнические), охватывающих достаточно широкий хронологический срез. В лучшем случае на их основе можно очертить сферу столкновений групповых интересов на разных этапах этнической истории и сформировать рабочую гипотезу о механизме (комплексе причинно-следственных связей) формирования очагов перманентной межэтнической и межконфессиональной конфронтации.

Основой для прогнозирования изменения этносоциальной обстановки могут служить динамические ряды (результаты обобщения первичных статистических данных), отражающие качественные и количественные изменения в социальной структуре изучаемых сообществ, включая институт семьи и клановую организацию, содержание и структуру внутри- и межэтнических коммуникаций, процессы адаптации традиционных социальных институтов этнических меньшинств к проводимой государством социальной политике. Только в этом случае можно выявить и отразить направленность социального процесса, его глубину и внутреннюю противоречивость. При таком подходе проводимый курс национальной политики выступает одним, но далеко не единственным фактором прямого и косвенного воздействия на традиционные социальные институты (семью, родовые, хозяйственные, конфессиональные и т.д.), являющиеся объектом исследования. Подразумевается, что смена курсов национальной политики вследствие изменения форм государственного устройства, политических режимов, идеологием, рассматриваемых в качестве политических процессов, позволяет очертить механизм (комплекс причинно-следственных связей) и модели (локальную специфику проявления социальных процессов) трансформации традиционных общественных институтов и коммуникаций. Применение «моделирования» как методического приема поиска исторических аналогов при одновременном использовании техник историко-сравнительного (компаративного) анализа входит в научный инструментарий научного прогноза средне- и долгосрочных последствий текущей национальной политики.

Опыт мониторинга этносоциальной ситуации и научного прогнозирования

Следует отметить, что в среде современной западной политической элиты, в отличие от российской, восприятие необходимости научного обоснования прогнозирования последствий принимаемых политических решений на основе осознания механизма, природы и направленности этнических процессов у этнических меньшинств и титульных этносов сформировалось во второй половине XX в. В качестве примера можно привести национальную политику США на территории Аляски [6–13] и Канады. Там принятию в 1970–1980-е гг. нормативных актов, определяющих изопрямги этнической территории, системы местного (сельского) самоуправления, правовых основ регулирования и согласования на региональном уровне природопользования коренного населения, предшествовало комплексное обследование, а также анализ истории и характера взаимоотношений на уровне «сельские анклавы – правительство штата – федеральные органы управления». На основе материалов комплексного обследования, охватывающего каждый сельский анклав, была создана база данных, которая постоянно и осознанно обновлялась органами региональной статистики, и сформирована система правового регулирования природопользования сельского населения с учетом его этнического состава. В свою очередь, на основе уже обобщенной (по районам и этническим группам) базы данных, открытого доступа к материалам текущих обследований сельских населенных пунктов для социальных и прикладных антропологов США и Канады была сформирована фактическая основа оценки и научного прогноза изменения этносоциальной обстановки, направленная на анализ эффективности проводимой на региональном уровне политики.

Следует особо отметить, что в основу проводимой национальной и экологической политики изначально была заложена идея ограничения возможности доступа этнических меньшинств к подземным ресурсам. В ее концепции последовательно проводилась линия правового отчуждения той части этнической территории, на которой в перспективе могли быть развернуты предприятия горнодобывающей промышленности. Курс на консервацию традиционных социальных институтов и сохранение на этой основе «племенной» (субэтнической) самоидентификации и традиционной культуры, таким образом, стал проявлением не столько гуманитарной направленности социальной политики, учитывающей широкий спектр интересов этнических меньшинств, сколько проявлением политики протекционизма по отношению к крупным корпорациям, способным, в отличие от этнополитических объединений этнических меньшинств Аляски, обеспечить устойчивое развитие приполярных и полярных территорий при сохранении ландшафтов и биоразнообразия.

Особый интерес представляет то, что проводимый США курс региональной национальной политики в этом штате опирался на признание преемственности и непрерывности племенной (tribal) организации как

традиционного социального института, являющегося объектом политики и субъектом договорных отношений. При таком подходе территория традиционного природопользования рассматривается в качестве подконтрольной племенным лидерам (chiefs) этнической территории, отчуждение которой может проводиться только федеральными органами власти на компенсационной основе, а не властью штата. На этой основе структурами государственной власти признается правомерность национальных лидеров выступать субъектами договорных отношений с государством.

Этот подход, оформившийся только в конце XX столетия и только в границах одного достаточно специфического штата, обеспечивает, с одной стороны, социальную поддержку этническими меньшинствами центрального курса национальной политики и устойчивое противостояние проводимому администрацией штата курса на раскрытие рекреационного потенциала территории и организации контроля на этнических территориях деревенских корпораций. С другой стороны, снимает с центральных и региональных органов власти и бизнес-структур риски компенсаций за развертывание в будущем горнодобывающих предприятий на уже отчужденных этнических территориях. То есть ответственность за утрату этнической территории на предложенной государством правовой основе в долгосрочной перспективе возлагается собственно на национальную элиту, согласившуюся с этим отчуждением.

Приведенный пример достаточно ярко свидетельствует о наличии латентной взаимосвязи между искусственно формируемой центральными органами власти этносоциальной средой, направленной на консервацию традиционных институтов как социальной технологии ограничения доступа к ресурсам на «этнической территории», и механизмом (комплексом причинно-следственных связей) стремления сельских анклавов автохтонного населения сохранить этническую и социальную идентификацию в качестве фактора вхождения в государственные и региональные социальные программы. Оба процесса как проявление последствий применения социальных технологий (с обеих сторон) выступают объектом научного прогнозирования, при котором этническая история и культура рассматриваются в качестве перманентного фактора воздействия на современную этносоциальную обстановку.

Здесь следует отметить и то, что с позиции экспертного сообщества, ориентированного как на информационное сопровождение региональной национальной политики, так и на противодействие данному курсу со стороны оппозиционных сил, процедура исследования этнической истории меньшинств уже рассматривается в контексте анализа взаимосвязи широкого спектра политических, социально-экономических, этнических процессов. Динамика изменения структуры семей, экономической мощности хозяйств, компенсационных выплат и тому подобного прослеживается на основе не только описательных, но и статистических источников при последовательном расширении хронологических рамок исследования. Современные этнические процессы рассматриваются в контексте проводимого курса национальной политики в течение

нескольких столетий, что диктует формирование системы регионального этнологического мониторинга на основе формирования банка данных по всей совокупности результатов обследования сельских анклавов. На Аляске в библиотеке Университета Аляски (г. Фэр-бэнкс) создан фонд научных отчетов, которые позволяют рассматривать этническую историю каждой из локальных групп автохтонного населения штата как комплексно, так и дифференцированно с момента присоединения территории к США. При этом характерно, что курс национальной политики России на Аляске уже традиционно для англо-американской историографии подвергается резкой критике, исходя из геополитических интересов США, и не только в циркумполярной зоне.

Принимая во внимание изложенные тезисы, нелишним будет отметить, что методологические подходы американской историографии в области прикладной антропологии формируют предметное поле исследований за счет существенного расширения хронологических рамок спектра интеграционных исследований, к которым активно привлекаются историки, этнологи, социологи, экологи, политологи, экономисты, а также формируют основу для научной критики зарубежной историографии, включая и российскую. Одним из характерных признаков этой критики является грубейшее нарушение принципа историзма, когда оценка эффективности национальной политики государства-«противника» и в целом историографии осуществляется с позиций существующего постиндустриального общества и либеральных ценностей.

Вследствие этого инструментом для критики выступают нормы международного права, определяющие приоритеты коренных малочисленных народов в области природопользования и сохранения традиционной культуры, признанные международным сообществом во второй половине XX в. То, что эти принципы сформированы в ходе длительного социокультурного развития международных социальных институтов и, в сущности, не выдерживаются в полном объеме ни в одной стране мира, как правило, игнорируется.

Проблема заключается в том, что начиная с 1990-х гг. предлагаемые подходы критики социальной политики по отношению к этническим меньшинствам органически вписываются в содержание уставных документов многих институтов гражданского общества – экологических, природоохранных, национальных общественных организаций, – оказывая прямое или косвенное воздействие на отечественную историографию. В динамично меняющемся общественном (групповом) сознании в той или иной мере уже заложена концепция «вторичности» национальной политики российского государства по сравнению с зарубежным опытом.

Для определения обоснованности такой точки зрения, на наш взгляд, необходимо скорректировать предметное поле исследований, посвященных этнической истории народов России и проводимой государством национальной политики.

При сопоставлении логического основания разработок отечественной и зарубежной историографии особый интерес представляет то, что, например, в США, осо-

знанно или не осознанно, но с конца XX столетия используются стратегии и социальные технологии решения национального вопроса, апробированные с начала XIX в. в отдельных национальных районах Российской империи. Об этом свидетельствует отечественная историография, посвященная реализации принципов «Устава об управлении инородцами» М.М. Сперанского 1822 г. на территории Сибири. Объективно политика, проводимая Кабинетом его Императорского Величества в границах Алтае-Саянского экорегиона по отношению к этническим меньшинствам вплоть до начала административно-территориальных реформ конца XIX столетия, не имела принципиальных отличий от современной политики США на территории Аляски и Канады. Как известно, она основывалась на признании в качестве объекта и субъекта национальной политики традиционных социальных институтов, судопроизводства, систем природопользования, интеграции национальной элиты в структуру местного самоуправления, ограничения переселений на этническую территорию [14]. Более того, практика комплексного обследования этносоциальной обстановки этнических меньшинств, сохраняющих традиционные социальные институты, системы природопользования и жизнеобеспечения, перед проведением реформ в России сложилась уже к концу XIX в. и активно использовалась в первые десятилетия существования советского государства.

В качестве примера можно привести деятельность на территории Горного Алтая в конце XIX – начале XX в. комиссии С.П. Швецова, на территории Горной Шории и части Кузнецкого уезда – Переселенческой комиссии 1920-х – начала 1930-х гг. [15], проведение Полярной Переписи 1926–1927 гг., Всесоюзной переписи населения 1926 г., Всесоюзной школьной переписи 1927 г. и другие комплексные обследования национальных районов (к примеру, карточки населенных пунктов в сельской местности, поселенные похозяйственные списки, сводные поселенные списки и др.), позволяющие провести корректное сопоставление по этническому признаку демографических, социально-экономических и социокультурных показателей, полученных на основе материалов полевых обследований сельских территориальных образований. В основе этих работ лежало осознание со стороны органов исполнительной власти в центре и на местах, что при многоукладном характере экономики сельского населения, используя только обобщенные статистические данные на уездном (районном) и губернском (региональном) уровнях, достаточно сложно раскрыть функционирующую систему поземельных связей и эксплуатации природных ресурсов, в которой основным регулятором выступают нормы обычного права – социальный институт, имеющий четко выраженную этническую специфику.

Проводимая на территории России национальная политика во многом основывалась на принципах рационализма и морально-этической составляющей двух мировых религий – христианства (православия) и исламства, отрицающих широко распространенную в странах Европы и Америки практику решения наци-

онального вопроса за счет геноцида, этноцида или насильственной ассимиляции народов, находящихся, согласно господствующим там идеологическим установкам ранжирования народов, на «низших» ступенях политического, социально-экономического и культурного развития. Следует особо отметить, что диктуемые в настоящее время в европейских странах и США принципы «толерантности» по своему содержанию не имеют никакого отношения к политике «патернализма», основанной на принципах веротерпимости и консерватизма по отношению к традиционным социальным институтам, особенно к институту семьи. Изменение этого курса, обусловленное принятием в Советской России, а затем в СССР, теории марксизма-ленинизма в качестве идеологической основы с учетом более чем тысячелетней истории российской государственности, не является историческим казусом или отклонением от политической традиции. Это – стремление «ускорить» исторический процесс интеграции этнических меньшинств в политическую, социальную и социокультурную среду российского государства, что было связано с низкой плотностью населения, отсутствием развитой транспортной системы, многоукладностью экономики сельских анклавов, конфессиональной спецификой социальных регуляторов на значительной части территории Российской империи и затем СССР. Поэтому перед органами государственной, региональной и местной власти стояли те же самые системные проблемы, которые столетиями не были решены и во многих странах мира – сохранение государственного суверенитета, формирование условий для устойчивого экономического развития не только центра, но и периферии (национальных окраин), создание унифицированной системы управления и судопроизводства, развертывание системы и сети учреждений образования и здравоохранения, обеспечивающих расширенное воспроизводство и социальную мобильность.

Как показал опыт СССР, системное решение очерченных задач стало возможным только на основе централизованного управления ресурсами всей страны и проведения жесткого политического курса, диктуемых государством темпами «роста». В этом контексте научное прогнозирование изменения социально-экономической инфраструктуры национальных районов коррелировало с мониторингом исполнения принятых на союзном уровне решений. Стоит отметить, что исторических прецедентов проведения социальной модернизации в столь краткие сроки без применения мер государственного принуждения, что отразилось и в проводимом в СССР курсе национальной политики, в мировой истории не прослеживается. Этот тезис поддерживается и тем, что после распада СССР в конце XX в. союзным субъектам, за исключением РСФСР, достаточно трудно было сохранить созданную производственную и социальную инфраструктуру, контроль за ресурсами своей территории. Сложившаяся ситуация отражает общую тенденцию – реформативное изменение форм государственного устройства и политических режимов на основе идеологии национализма показывает в среднесрочной перспективе историческую несостоятельность.

Акцентируем внимание на том, что использованные российским государством социальные технологии решения национального вопроса на разных этапах истории, даже в своих крайних проявлениях (репрессивная политика, переселение и депортации и др.), характерны не только для России; в глобальном отношении они имеют универсальный характер. Их активное использование можно проследить в политической истории государств Европы, Азии, Америки. Общеизвестно, что Великобритания и США в своей внутренней политике в течение XIX–XX вв. активно использовали технологии депортации: Великобритания – при организации «трудовой миграции» для обеспечения рабочей силой своих колоний; США – при формировании резерваций автохтонного населения континента, концентрационных лагерей для японцев в годы Второй мировой войны. Контроль за этническим составом населения, ослабление позиций национальных элит на этнической территории посредством организации миграций – технологии, характерные для всех империй, не только российской. Что касается применения инструментов насилия и политики этноцида как составляющей курса по формированию моноэтнических государств, то эти технологии прослеживаются повсеместно в течение последних двух-трех столетий. В качестве примера можно привести страны Восточной Европы (Австро-Венгрия, Польша, Чехословакия и др.) с характерными проявлениями антисемитизма, геноцидом русинов, массовыми депортациями немцев уже в послевоенный период, сопровождавшимися конфискацией имущества, определившими высокие показатели смертности гражданского населения. Близкий по содержанию курс национальной политики, ориентированный на преференции титульным этносам, прослеживается и на постсоветском пространстве (страны Прибалтики, Средней Азии, в последнее время – Украина) начиная с 1990-х гг.

При аксиологическом подходе анализа содержания национальной политики России в отечественной и зарубежной историографии, как правило, игнорируется ее специфика, которую можно проследить по средне- и долгосрочным результатам. Ее следствием однозначно являются сохранение этнического состава государства и осознанное формирование институтов государственной власти, позднее институтов гражданского общества в среде этнических меньшинств, не имевших ранее опыта государственного строительства. Объективно эта политика и привела к выходу из состава СССР тех субъектов, сформированная политическая элита которых была уверена в дальнейшем устойчивом социальном развитии своих республик на основе декларации суверенитета. То, что правящая элита созданных на постсоветском пространстве государств формировалась в том числе и из представителей партийно-комсомольского актива, определяло идеологическое сопровождение этого процесса на основе исторического мифотворчества, выявившего основные тенденции развития региональной историографии [16]. Характерными признаками последней стали «очернение» истории нахождения различных этносов вначале в составе Российской империи, а по-

том – в СССР, четко выраженная русофобия, по своему содержанию идентичная антисемитизму в его крайних проявлениях. Следует акцентировать внимание и на ставшей уже характерной в отечественной историографии традиции критики как с марксистско-ленинских, так и с либеральных позиций проводимого курса национальной политики на всех этапах российской истории.

Следует подчеркнуть, что в отечественной историографии фактически нет работ, посвященных анализу национальной политики России с использованием принципов системного и компаративного анализа, позволяющего дать ее оценку на основе сопоставления с «историческим фоном», т.е. с национальной политикой сопредельных государств с позиции их идеологических и мировоззренческих установок. Крайне ограничен круг работ, рассматривающих преемственность национальной политики российского государства и этнической истории многонационального населения страны в имперский, советский и постсоветский периоды.

Аналогичная ситуация складывается в ходе определения меж- и внутрирегиональной специфики национальной политики на разных этапах исторического развития с учетом полиэтничного и поликонфессионального состава населения нашего государства. В основе современной критики национальной политики, широко представленной в специальной научной литературе и особенно в массмедиа, прослеживается присутствие в общественном сознании ряда составляющих. К таким можно отнести: бесконфликтное решение национального вопроса, этническое мифотворчество, определение «врага» по этническому признаку. Все они тесно взаимосвязаны. Рассмотрим их более подробно.

Тезис о возможности «идеального» и бесконфликтного решения национального вопроса базируется на тех отдельных исследованиях, посвященных этнической истории народов России, в которых проводятся элементы концепции «золотого века», периодов истории «национального расцвета» отдельных этнических групп, прерванных, по «оценкам» отдельных представителей экспертного научного сообщества, российской или советской «оккупацией» [17–19; 20. Л. 3; 21–24].

Другим фактором, на котором основывается критика современного курса национальной политики, стала попытка формирования исторической памяти этноса. Безусловно, обращение к тем или иным историческим сюжетам в региональной историографии, обсуждение их в Сети, как и в целом в СМИ, поддерживает историческую память народа, способствует развитию его этнической идентичности и консолидации, определению его места в истории этноса и страны в целом. Точкой отсчета может быть любое значимое историческое событие. От этого события или факта (группы событий и фактов) «отстраиваются» историческое место народа и его роль в происходящих процессах в стране и мире. Таким событием, например для северокавказских и западно-кавказских народов, является Кавказская война XIX в. Проблематика, связанная с ней, и, как следствие, формирование так называемого «черкесского вопроса» в историографии, его широкое

обсуждение в СМИ вплоть до настоящего времени актуальны для всего кавказского мира [25, 26]. В том и другом случае мы сталкиваемся с перманентными и накладывающимися друг на друга процессами исторического мифотворчества, прежде всего в среде научной и творческой национальной интеллигенции, которое может оказывать влияние на государственные институты, отвечающие за идеологическое обоснование национальной политики.

Этому есть и прецеденты, относящиеся к началу 1990-х гг. Так, в Республике Хакасия лидерами национально-общественного движения хакасского народа и Ассоциации хакасского народа «Тун» были подготовлены итоговые документы (например, проект положения «О статусе съезда и Народного Совета хакасского народа») для IV и V съездов хакасского народа. В них предусматривалось право уполномоченных съезда участвовать в работе органов государственной власти, право законодательной инициативы по вопросам, затрагивавшим интересы хакасского народа, за съездом закреплялось право veto на решения высших органов власти и управления Республики Хакасия на акты, «... ущемляющие интересы коренного народа...» [20. Л. 3, 10, 11]. Деятельность съездов и принимаемые ими документы хакасскими исследователями оценивались однозначно позитивно, трактовались в контексте «пробуждения национального самосознания» хакасов и их политической активизации, осознания факта, что хакасы являются «государствообразующим титульным этносом Республики Хакасия» [27. С. 105, 106]. И в то же время в региональной историографии не была отмечена нестабильность текущей политической и этносоциальной ситуации в республике в целом [21].

Другой пример отражает ситуацию уже на Черноморском побережье Западного Кавказа и связан с обострением «черкесского вопроса». В частности, это проявилось в региональной историографии в попытках возложить вину за начало Кавказской войны XIX в. полностью на российское правительство, в продвижении тезисов о «захвате», «завоевании», «колонизации», «порабощении» Россией кавказских горцев [24. С. 44; 28. С. 122–123]. В ряду работ с подобными оценками в региональной историографии резко выделяются разработки А.В. Сивера, связанные с анализом мифов о «золотом веке», «упадке» и «возрождении» адыгов и шапсугов (субэтнос адыгов, коренной малочисленный народ, проживают на Черноморском побережье). На основе анализа разнообразных источников исследователь приходит к выводу, что в случае с шапсугами эти мифы ориентированы на процесс этнополитической консолидации, проявившийся в лозунге о «возрождении» Шапсугского национального района. В начале 1990-х гг. лозунг автономизации стал решающим в давлении на региональные и местные органы власти [29. С. 135–136, 145–147]. Ярким проявлением конфронтации стал снос в августе 1990 г. памятника создателю Черноморской линии – адмиралу П.М. Лазареву – в пос. Лазаревском (агломерация Большого Сочи). Поводом было «мнение» шапсугской общности об «оскорблении национальных чувств» [Там же. С. 134].

С начала 1990-х гг. популярным стало определение «врага» по этническому признаку. По своему содержанию при проявлениях мифа мы имеем дело с латентным, многоуровневым и многокомпонентным этнокультурным процессом, составляющим этническую самоидентификацию, но не имеющим прямого отношения к процессу исторического познания [16]. Его деструктивный характер во многом определяется отечественной традицией «принижения» (в сравнении со странами Европы) своей страны, ее истории и культуры, опыта государственного строительства и т.д. Такая традиция отсутствует в зарубежной историографии и в государствах, имеющих опыт создания империй (Британия, Франция, Австрия, Турция и т.д.). Рассматривая феномен определения «врага» по этническому признаку, отметим, что формирование этнической идентификации и самосознания у некоторых малых народов РФ получило новое качество. Здесь следует подчеркнуть общеизвестное положение: принцип национального самоопределения направлен не только на обретение национальной независимости, но главное – на создание условий для развития национальной культуры, языка, традиций, включая и религиозные, как гарантий психологической безопасности и стабильности. С этой целью используется так называемая в социологической литературе стратегия «социального творчества» (А. Тэшфел и Дж. Тернер). В нашем контексте этнические меньшинства выбирают другую стратегию, определяемую как «самоидентификация с негативной оценкой группы», что ведет к прямо противоположному – формированию ощущения неполноценности своего этноса, обостренному восприятию дискриминации, занижению самооценки личности. Основными в исследованиях, отражающих эти тенденции, являются тезисы об «оккупации русскими (Россией)» и «геноциде» какого-либо этноса, его «искусственной русификации», «утрате» национальной культуры, традиций, родного языка, необходимости сохранения их уникальности, появления мотива восстановления этнической справедливости [26].

Обозначенными тенденциями во многом определяются проблемы современной отечественной историографии, ограничивающие возможности анализа российского и зарубежного опыта и научного прогнозирования изменений этносоциальной и этнополитической ситуации в современной России, и системы взаимоотношений государства и научных школ историографии. Прослеживается это в том, что накопленный нашей наукой опыт комплексного обследования полиэтнического и поликонфессионального населения страны, его социальных институтов и культуры как основы будущего реформирования, анализа элементов традиционной экономики с использованием методов клиометрии был полностью проигнорирован в ходе модернизации политической и экономической структуры РФ в начале 1990-х гг. Повсеместная ликвидация социалистических форм организации сельскохозяйственного и промышленного хозяйства, приватизация движимой и недвижимой собственности в национальных районах в этот период проводились без учета этнического состава населения, проявляясь на низовом уровне мно-

гоукладной сельской экономики, этнической и этносоциальной стратификации населения, определяемой ранее политической составляющей повседневной жизни. То, что на уровне субъектов РФ приватизация была синхронизирована с процессами формирования правового поля, оформляющими институт частной или акционерной собственности, придало этническим процессам стратификации латентный (скрытый) характер. Сложилась парадоксальная ситуация, когда в процессе переформатирования в 1990–2000-е годы в объект исследования практически не включалась система межрегиональных и внутрирегиональных территориальных связей, формирования региональных элит, институтов гражданского общества, включая национальные общественные и экологические организации. Во многом это было связано и с тем, что кризисное состояние Российской академии наук и высшей школы не способствовало проведению полевых исследований внутри- и межрегионального характера. Объемы финансирования краткосрочных проектов (не более трех лет) со стороны отечественных фондов (РФФИ, РГНФ) существенно ограничивали число привлекаемых специалистов, время экспедиционных работ, сроки обработки данных, включая архивные, в то время как при выявлении лакун в исследовании социально-экономической истории современной России в целом и «локальной», или региональной, истории в частности [30, 31] для адекватной оценки изменения этносоциальной обстановки был особо необходим максимально большой объем информации о процессах, инициированных проводимой государством политики. В этой связи объемы выборок, определяемые в ходе этносоциальных (полевых) исследований, как правило, имели ограниченный характер, а получаемые выводы репрезентативны только для выборочных полигонов и только на заданный хронологический отрезок. Формирование электронных библиотек, вывод на интернет-ресурс ранее труднодоступных источников по этнической истории народов Российской Федерации, формирование со стороны общественных национальных организаций «социального запроса» на исследование малоизученных периодов этнической истории, переоценка положений советской историографии, анализ современной этносоциальной обстановки в местах компактного проживания этнических меньшинств объективно способствуют формированию двух тенденций.

С одной стороны, создание информационного поля и социальный запрос инициировали появление работ (включая диссертационные исследования), базирующихся на вторичном анализе историографических источников. Эта тенденция имеет явно разноректорную направленность. Следует только приветствовать стремление отечественных исследователей закрыть «информационные лакуны»: этническая история народов России, последовательно выводится из контекста ее политической истории. Объективно формируются условия для наполнения региональных учебников, посвященных истории, культуре и современной жизни народов России, формирующих условия для «снятия обвинений» с академической исторической науки, якобы игнорировавшей национальную проблематику, вывода из предметной

области исследований сюжетов, связанных с механизмом формирования очагов перманентной межэтнической и межконфессиональной напряженности. В то же время нельзя не отметить, что при ограничении начиная с 1990-х гг. возможностей работы в центральных и региональных архивах, полевых исследований ориентация в большей степени на историографические источники резко сужает предметную область исследований и ограничивает возможность использования широкого спектра научного инструментария. В результате мы сталкиваемся с феноменом «нового» знания, полученного не столько путем выявления на базе источников и наблюдений, их анализа и описания социальных явлений и процессов, сколько на основе переоценки по заданным в зарубежной историографии лекалам более ранних выводов, сделанных предшественниками. К обозначенным в современной историографии методологическим подходам, как правило, не прилагается использованный алгоритм исследования – перечень технических операций, связанных с поиском, обработкой, определением репрезентативности вводимых в научный оборот источников: архивных (делопроизводственных), историографических, массовых (включая материалы полевых исследований и опросов населения).

Обозначенное нами мнение в полной мере относится, например, к проблематике, связанной с применением в исследованиях по этнической истории цивилизационного подхода, с отказом от формационного и позитивистского подходов, в рамках которых советской историографией и был выработан категорийнопонятийный аппарат [22]. Отторжение оценок, сформированных на основе этих методологических подходов, к сожалению, ведет в региональной историографии к моделированию социальных связей и институтов, существование которых сложно подтвердить, к примеру существование государственных образований у малых этносов, наличие у них государственности, органов государственной власти и др. В этом контексте выявление и характеристика исторического и этносоциального аспектов содержания (эффективности) национальной политики российского / советского государства последних двух столетий, формирование фактической основы для научного прогнозирования изменения этносоциальной обстановки на федеральном и региональном уровнях существенно затруднены.

С другой стороны, следует отметить, что в настоящее время предпринимаются первые, достаточно робкие попытки применения системного подхода, имеющего как в естественных науках, так и в социальной антропологии четко определенный алгоритм исследования, что дает возможность изучать политические, экономические, социальные, культурные, этнические и конфессиональные процессы во взаимосвязи. Особое внимание акцентируем на том, что в отечественной историографии прослеживается тенденция системного решения задач по введению в научный оборот нового корпуса источников и формализации применяемого инструментария исследования социальных процессов в национальных районах Российской Федерации. Речь идет о таком формате исследования, как этнологические экспертизы [32–38]. По своей структуре этот

формат не выпадает из отечественной традиции комплексного обследования локальных этнических групп, что позволяет проводить компаративный анализ (по строго заданному перечню индикаторов) эффективности национальной политики на разных этапах российской государственности в заданных предметным полем исследования территориальных рамках. Расчет и оценка демографических параметров, индикаторов обеспеченности движимой и недвижимой собственностью, этнической и этносоциальной стратификации, сохранения этнической и конфессиональной самоидентификации определяют алгоритм компаративного анализа эффективности российского государства по отношению к зарубежным странам, перед которыми стояли и стоят идентичные задачи. Реализация этой возможности обуславливается тем, что разработанный и апробированный в отечественной историографии инструментарий исследования не имеет принципиальных отличий от использованных зарубежными школами социальной и прикладной антропологии [39–42].

Исторический аспект анализа эффективности национальной политики в этой группе формируемых источников определяется тем, что исследование текущей этносоциальной обстановки осуществляется в контексте не только текущих политических, социально-экономических процессов. Объект исследования – локальные этнические сообщества – рассматривается в контексте социо- и культурогенеза, процессов, выявленных на основе широкого спектра источников, охватывающих достаточно длительный хронологический период – от нескольких десятилетий до столетий. Этот подход ориентирован на интеграцию этнической истории в контекст региональных исторических процессов и истории российского государства в целом, определение на этой основе очагов перманентной межэтнической напряженности, научный прогноз изменения этносоциальной обстановки, определение перечня апробированных органами государственной власти социальных технологий по нейтрализации средне- и долгосрочных последствий проводимой национальной политики.

Заключение

В условиях «информационного взрыва», проявившегося в резком увеличении количества научных, научно-популярных, публицистических работ по национальной проблематике, в отечественной историографии обозначилась проблема оценки не столько их новизны, которая часто определяется сменой научных парадигм, сколько степени обоснованности публикуемых суждений, выводов и рабочих гипотез. В отечественной историографии 1980–2000-х гг., посвященной анализу текущей этносоциальной обстановки, отчетливо прослеживаются тенденции поиска и апробации новых методологических подходов в исследовании социальных процессов в среде этнических меньшинств. Появился новый формат интеграционных исследований – этнологические экспертизы, позволяющий рассматривать современные этнические процессы в контексте региональных политических, социально-экономических, этнокультурных процессов за достаточно долгий хро-

нологический отрезок (одно-два столетия). Спецификой подобных исследований является их ориентация на включение современных этнических процессов в контекст генезиса государственных институтов, политических, социально-экономических и культурных процессов по всей территории страны вне зависимости от форм государственного устройства, политических режимов, идеологических конструктов. В процессе исследований формируется новая источниковая база. Использование массовых статистических источников позволяет придать процедуре выявления латентных процессов четко заданную последовательность (алгоритм).

В то же время спектр используемых методологических подходов и научного инструментария, ограниченное количество исследований интеграционного характера на стыке естественных, общественных и гуманитарных исследований отражают сопутствующую проблему – качественной подготовки кадров, необходимых органам государственной власти и отвечающих за реализацию национальной политики в субъектах РФ. Проявляется это прежде всего в ограниченном числе научных коллективов, ориентированных на мониторинг текущей этносоциальной ситуации, на проведение этнологических экспертиз, исследование этнической истории народов России. В отличие от англо-американской историографии в Российской Федерации пока не сформировались школы прикладной антропологии, ориентированные на реализацию проектов по проблематике, актуальной как для органов власти, так и для институтов гражданского общества – общественных, экологических, национальных общественных организаций.

Резюмируя, отметим, что смена научной парадигмы формирует возможность «наполнить» этническую историю народов России, создав непрерывную связь между имперским, советским и постсоветским периодами путем отражения характера трансформации традиционной системы социальной организации, природопользования, жизнеобеспечения, адаптации этнических меньшинств к политической истории страны через механизмы этнической и социальной стратификации, формирование этнических секторов экономики, а также позволяет схематизировать квалификационные уровни проводимых исследований этносоциального характера: на начальном этапе методической подготовки (магистратура, аспирантура) сконцентрировать внимание на уже накопленном опыте проведения исследований в национальных районах – процедурах выявления, обработки, научной критики на основе принципов системного подхода работ предшественников, на следующем (докторантура) – на освоении и использовании современных методик прикладной антропологии, направленных на выявление и анализ латентных социальных процессов, определяющих социо- и культурогенез изучаемых этносов, систему внутри- и межэтнических коммуникаций, динамику изменения этносоциальной обстановки в субъектах РФ.

Предлагаемый подход объективно инициирует динамичное и качественное изменение предметного поля исследований, определяет возможность проведения интеграционных исследований на стыке истории,

классической этнографии, этнологии, социологии, политологии и культурологии, а также адаптации прово-

димых исследований к стоящим перед российским государством задачам устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурашко О.А. «Этнологическая экспертиза» в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы. М., 2006. 107 с.
2. Садовой А.Н. Этнологическая экспертиза в системе регионального этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири. Механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. Кемерово, 2013. С. 67–83.
3. Садовой А.Н. К закону об этнологической экспертизе в Российской Федерации // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 2 (42). С. 6–23.
4. Новикова Н.И. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Казань, 2010. Ч. 1. С. 76–80.
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года : принята Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 04.02.2020).
6. Robert D. Arnold Alaska Native Land Claims. Anchorage : Alaska Native Foundation, 1976. 348 p.
7. Mc Beath G.A., Morehouse T.A. Alaska native self-government : study for Department of Indian and Northern Affairs. Ottawa, NA, 1980. 125 p.
8. Case D. Alaska natives and American laws. Fairbanks, 2012. 586 p.
9. Hippler A.E., Conn S. Tradition Athabaskan Ways and Their Relationship to Contemporary Problems of «Bush Justice». Some Preliminary Observations on Structure and Function // ISEGR Occasional Papers. 1972. № 7, August.
10. Садовой А.Н. Опыт землеустройства в зонах сохранения традиционных систем жизнеобеспечения (Аляска - Южная Сибирь, XX в.) // Сибирь в панораме тысячелетий : материалы междунар. симпозиума. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 433–440.
11. Садовой А.Н. Технично-экономическое обоснование правовой регуляции традиционных систем жизнеобеспечения (Прикладная антропология. Аляска – США) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы годовой сессии ИАиЭт СО РАН. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 594–599.
12. Садовой А.Н. Традиционная система жизнеобеспечения гвйтчин бассейна р. Чандалар и региональная национальная политика США на Аляске // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 78–99.
13. Садовой А.Н. Коренные народы Аляски: проблемы межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 13. С. 83–90.
14. Садовой А.Н. Народы Южной Сибири в XIX–XX вв. Этносоциальные аспекты патернализма : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 2000. 48 с.
15. Белозёрова М.В. Переселенческая политика и некоторые проблемы хозяйственного освоения Сибири в 1910–1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9). С. 118–124.
16. Садовой А.Н. Историческое мифотворчество в структуре этнологической экспертизы // Миф в истории, политике, культуре / под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь : Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Севастополе. Севастополь, 2019. С. 398–402. URL: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik-_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf (дата обращения: 04.02.2020).
17. Грошева Г.В. Хакасский этнос в системе российского федерализма (1990-е – 2000-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 27 с.
18. Касьянов Г. Украина-1990: «бои на историю» // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83> (дата обращения: 10.04.2019).
19. Туужекова В.Н., Карачакова О.М. Межнациональные отношения в Хакасии в конце XX века. Абакан, 2005. 103 с.
20. Центральный государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 96.
21. Белозёрова М.В. К проблеме проявления национального сепаратизма у коренных народов Южной Сибири: XX столетие // Вестник Томского госуниверситета. 2008. № 312. С. 69–73.
22. Белозёрова М.В. Цивилизационный подход в исследованиях общества Западного Кавказа: методологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 43. С. 27–35.
23. Кривенюк А. Ответит ли Россия на «черкесский вопрос»? // «Грузия сегодня». 2012. 22 мая. URL: <http://www.georgiatimes.info/articles/76175-1.html> (дата обращения: 16.06.2014).
24. Кудашва С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2006. 59 с.
25. Кавказская война (1817–1864): между памятью и историей : онлайн-дискуссия // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3100> (дата обращения: 12.06.2014).
26. Белозёрова М.В. Историческое мифотворчество и проблемы этнической идентичности у коренных народов юга России (конец 1980-х – 2010-е гг.) // Миф в истории, политике, культуре / под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Севастополе. Севастополь, 2019. № 3. С. 344–349. URL: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik-_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf (дата обращения: 10.04.2019).
27. Карачакова О.М. О значении первых съездов хакасского народа (1990–1992 гг.) // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая. Абакан, 2003. Вып. 4. С. 99–106.
28. Белозёрова М.В. Интеграционные процессы в Сочинском Причерноморье во второй половине XIX – первой трети XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 122–132. DOI: 10.17223/15617793/447/15
29. Сивер А.В. Шапсуги. Этническая история и идентификация. Нальчик, 2002. 216 с.
30. Зиновьев В.П. Локальные исследования и большая история // Томск советский : материалы гор. науч.-практ. конф. Том. регион. отд-ния Общерос. обществ. объединения «Российские ученые социалистической ориентации». Томск : Издательство ИОА СО РАН. 2003. С. 95–98.
31. Зиновьев В.П. Экспертиза скрытой социальной напряженности и проявлений экстремизма, ксенофобии // Археология и этнография Приобья : материалы и исследования : сб. тр. каф. археологии и этнологии. Томск : Том. гос. пед. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 46–55.
32. Мурашко О.А. Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера. М., 2002. 131 с.
33. Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Поддубиков В.В., Белозёрова М.В. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации МО «Город Мыски». Кемерово, 2005. Вып. 1. 216 с.
34. Бойко В.И., Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Поддубиков В.В., Белозёрова М.В. и др. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского района Кемеровской области. Новосибирск, 2008. Вып. 2. 232 с.

35. Удыгейцы: охотники и собиратели реки Бикин : (этнологическая экспертиза 2010 года). М., 2010. 163 с.
36. Василькова Т.Н., Еврай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики : (этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М. ; Шадринск, 2011. 267 с.
37. Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М., 2012. 133 с.
38. Новикова Н.И. Охотники и нефтяники. Исследования по юридической антропологии. М. : Наука, 2014.
39. Садовой А.Н., Пруель Н.А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика : науч.-метод. комплекс. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1996. 168 с.
40. Методы этнологической экспертизы / под ред. В.В. Степанова. М., 1999. 207 с.
41. Ямсков А.Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу / под ред. С. В. Чешко. М., 2006. С. 10–63.
42. Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов : методы прикладной этнологии. Кемерово, 2014. 358 с.

Alexander N. Sadovoy, Subtropical research center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

Marina V. Belozherova, Subtropical research center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: mbelozherova@mail.ru

Vasily P. Zinoviev National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Vladislav M. Kulemzin National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bersa@sibmail.com

HISTORICAL AND ETHNOSOCIAL ASPECTS OF ANALYSIS OF THE EFFICIENCY OF THE RUSSIAN STATE NATIONAL POLICY OF THE XIX–XXI CENTURIES

Key words: national policy, methodology, methodology, ethnosocial situation, ethnological expertise, historical myth-making.

The authors of the article indicate a circle of methodological problems that have emerged in historiography, devoted to assessing the Russian national policy effectiveness in the 19th and early 21st centuries. The main trends in the subject area of research, determined by the inclusion of modern ethnic processes in the context of the genesis of state institutions, political, socio-economic and cultural processes and ideological constructs.

The article notes the interdependence of the problems: a limited circle of methods used by researchers, integration studies at the intersection of social and natural sciences, as well as specialists involved as experts by executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation responsible for the implementation of national policy. This tendency is manifested in a limited number of research teams, focused on the current ethnosocial situation monitoring and Russian peoples' ethnic history studying.

At the same time, it was noted that scientific paradigm change and conducting integration studies makes it possible to adjust the concept of the native's Russian peoples' ethnic history through the determination of the mechanism of continuity and interdependence of the Russian government regional national policy in the imperial, Soviet and post-Soviet periods. It's proposed to identify the interdependence of political courses through the identification of processes: a) the environmental management, native's traditional social organization and subsistence systems transformation; b) ethnic minorities adapt to the country's political history through ethnic and social stratification, economy ethnic sectors formation.

The article suggests schematizing the qualification levels of ongoing ethnosocial studies.

At the initial stage (master's program, postgraduate) it's proposed to focus on the accumulated experience of national regions researching procedures for identifying, processing, scientific criticism, based on the principles of a systematic approach to the predecessor works. At the next stage (doctoral studies) it is proposed to focus on the modern techniques of applied anthropology development. To focus on methods for identifying and analyzing latent social processes that determine: a) the socio-cultural genesis of the studied ethnic groups; b) a system of intra- and interethnic communications; c) the dynamics of changes in the ethnosocial situation in the constituent entities of the Russian Federation.

The proposed strategy of abandoning the axiological approach to assessing the effectiveness of national policies objectively initiates a dynamic and qualitative change of the research subject field; the formation of the possibility of integration studies at the intersection of history, classical ethnography, ethnology, sociology, political science and cultural science. Changing the training system for ethnologists and historians of national politics in the Russian Academy of Sciences and higher education systems will allow us to adapt our research to the sustainable development of national regions of Russian Federation.

REFERENCES

1. Murashko, O.A. (2006) *"Etnologicheskaya ekspertiza" v Rossii i mezhdunarodnye standarty otsenki vozdeystviya proektov na korennye narody* [Ethnological expertise in Russia and international standards for assessing the impact of projects on indigenous peoples]. Moscow: Association of Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation.
2. Sadovoy, A.N. (2013) Etnologicheskaya ekspertiza v sisteme regional'nogo etnologicheskogo monitoringa [Ethnological expertise in the system of regional ethnological monitoring]. In: *Prikladnaya etnologiya i aktual'nye problemy gosudarstvennoy etnonatsional'noy politiki v regionakh Zapadnoy Sibiri. Mekhanizmy vzaimodeystviya vlasti, nauki, obshchestvennosti* [Applied Ethnology and Actual Problems of the State Ethno-National Policy in the Regions of Western Siberia. Mechanisms of interaction between government, science, and the public]. Kemerovo: [s.n.], pp. 67–83.
3. Sadovoy, A.N. (2018) To the law on ethnological expertise in the Russian Federation. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy – Historical and Cultural Problems of Northern Countries and Regions*. 2(42). pp. 6–23. (In Russian).
4. Novikova, N.I. (2010) Etnologicheskaya ekspertiza: na perekrestke istorii, etnologii i yuridicheskoy antropologii [Ethnological expertise: at the crossroads of history, ethnology and legal anthropology]. In: Tomilov, N.A. (2010) *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Part 1. Kazan: RT AS. pp. 76–80.
5. Russian Federation. (2012) *Strategiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskogo Federatsii do 2025 goda. Prinyata Ukazom Prezidenta RF ot 19.12.2012 g. №1666* [The strategy of state national policy of the Russian Federation until 2025. Adopted by Decree No. 1666 of the President of the Russian Federation of December 19, 2012]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (Accessed: 4th February 2020).
6. Arnold, R.D. (1976) *Alaska Native Land Claims*. Anchorage: Alaska Native Foundation.
7. Mc Beath, G.A. & Morehouse, Th.A. (1980) *Alaska native self-government (study for Department of Indian and Northern Affairs*. Ottawa, Ontario, Canada: [s.n.].
8. Case, D.S. & Voluck, D.A. (2012) *Alaska natives and American laws*. Fairbanks: University of Alaska Press.
9. Hippler, A.E. & Conn, S. (1972) Tradition Athabascan Ways and Their Relationship to Contemporary Problems of "Bush Justice". Some Preliminary Observations on Structure and Function. *ISEGR Occasional Papers*. 7.

10. Sadovoy, A.N. (1998) Opyt zemleustroystva v zonakh sokhraneniya traditsionnykh sistem zhizneobespecheniya (Alyaska – Yuzhnaya Sibir', XX v.) [Land management experience in conservation zones of traditional life support systems (Alaska – South Siberia, 20th century)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the panorama of millennia]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS. pp. 433–440.
11. Sadovoy, A.N. (2001) Tekhniko-ekonomicheskoe obosnovanie pravovoy regulatsii traditsionnykh sistem zhizneobespecheniya (Prikladnaya antropologiya. Alyaska – SShA) [Feasibility study of the legal regulation of traditional life support systems (Applied Anthropology. Alaska – USA)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (ed.) *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 7. Novosibirsk: SB RAS. pp. 594–599.
12. Sadovoy, A.N. (2000) Traditsionnaya sistema zhizneobespecheniya gvitchin basseyna r. Chandalar i regional'naya natsional'naya politika SShA na Alyaske [The traditional life support system of the Gvitchin river basin. Chandalar and US Regional National Policy in Alaska]. In: Sadovoy, A.N. & Gemuev, I.N. *Traditsionnye sistemy zhizneobespecheniya i regional'naya natsional'naya politika* [Traditional Life Support Systems and Regional National Policy]. Issue 1. Novosibirsk: SB RAS. pp. 78–99.
13. Sadovoy, A.N. (2010) Alaska Natives: Problems of Intercultural Communication. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 13. pp. 83–90. (In Russian).
14. Sadovoy, A.N. (2000) *Narody Yuzhnoy Sibiri v XIX-XX vv. Etnosotsial'nye aspekty paternalizma* [The peoples of South Siberia in the 19th – 20th centuries. Ethnosocial aspects of paternalism]. Abstract of History Dr. Diss. St. Petersburg.
15. Belozerovala, M.V. (2010) Pereselencheskaya politika i nekotorye problemy khozyaystvennogo osvoeniya Sibiri v 1910-1920-e gg. [Migration policy and some problems of the economic development of Siberia in the 1910-1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal*. 1(9). pp. 118–124.
16. Sadovoy, A.N. (2019) Istoricheskoe mifotvorchestvo v strukture etnologicheskoy ekspertizy [Historical myth-making in the structure of ethnological expertise]. In: Gabrielyan, O.A., Stavitsky, A.V., Khapaev, V.V. & Yurchenko, S.V. (eds) *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in history, politics, culture]. Sevastopol: Branch of MSU. pp. 398–402. [Online] Available from: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf.
17. Grosheva, G.V. (2008) *Khakasskiy etnos v sisteme rossiyskogo federalizma (1990-e – 2000-e gg.)* [Khakass ethnos in the system of Russian federalism (1990s – 2000s)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
18. Kasyanov, G. (2007) Ukraina-1990: “boi na istoriyu” [Ukraine-1990: “battles on the history”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 83. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83> (Accessed: 10th April 2019).
19. Tuguzhekova, V.N. & Karachakova, O.M. (2005) *Mezhnatsional'nye otnosheniya v Khakasii v kontse XX veka* [Interethnic relations in Khakassia at the end of the twentieth century]. Abakan: [s.n.].
20. The Central State Archive of the Republic of Khakassia (TsGARKh). Fund R-782. List 1. File 96.
21. Belozerovala, M.V. (2008) K probleme proyavleniya natsional'nogo separatizma u korennykh narodov Yuzhnoy Sibiri: XX stoletie [On the problem of manifestation of national separatism among the indigenous peoples of Southern Siberia: the twentieth century]. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta – Tomsk State University Journal*. 312. pp. 69–73.
22. Belozerovala, M.V. (2018) The civilizational approach in the Western Caucasus society study: methodological aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 43. pp. 27–35. (In Russian).
23. Krivenyuk, A. (2012) Otvetit li Rossiya na “cherkesskiy vopros”? [Will Russia answer the “Circassian question”?]. *Gruziya segodnya*. 22nd May. [Online] Available from: <http://www.georgiatimes.info/articles/76175-1.html> (Accessed: 16th June 2014).
24. Kudaeva, S.G. (2006) Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskego obshchestva (XIX v.) [Adygs (Circassians) of the North-West Caucasus: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society (19th century)]. Abstract of History Dr. Diss. Makhachkala.
25. Neflyasheva, N. et al. (2014) *On-layn diskussiya – Kavkazskaya voyna (1817–1864): mezhdru pamyat'yu i istoriey* [On-line discussion – The Caucasian War (1817–1864): between memory and history]. [Online] Available from: <http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3100> (Accessed: 12th June 2014).
26. Belozerovala, M.V. (2019) Istoricheskoe mifotvorchestvo i problemy etnicheskoy identichnosti u korennykh narodov yuga Rossii (konets 1980-kh – 2010-e gg.) [Historical myth-making and problems of ethnic identity among the indigenous peoples of the south of Russia (late 1980s – 2010s)]. In: Gabrielyan, O.A., Stavitsky, A.V., Khapaev, V.V. & Yurchenko, S.V. (eds) *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in history, politics, culture]. Sevastopol: Branch of MSU. pp. 344–349. [Online] Available from: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf.
27. Karachakova, O.M. (2003) O znachenii pervykh s'ezdov khakasskogo naroda (1990–1992 gg.) [On the significance of the first congresses of the Khakass people (1990–1992)]. *Aktual'nye problemy istorii Sayano-Altaya*. 4. pp. 99–106.
28. Belozerovala, M.V. (2019) Integration processes at the Sochi coast of the Black Sea in the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 447. pp. 122–132. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/447/15
29. Siver, A.V. (2002) *Shapsugi. Etnicheskaya istoriya i identifikatsiya* [Shapsugi. Ethnic history and identification]. Nalchik: Poligrafservis i T.
30. Zinoviev, V.P. (2003) [Local studies and the big history]. *Tomsk sovetskiy* [The Soviet Tomsk]. Proc. of the Conference. Tomsk: SB RAS. pp. 95–98. (In Russian).
31. Zinoviev, V.P. (2008) Ekspertiza skrytoy sotsial'noy napryazhennosti i proyavleniy ekstremizma, ksenofobii [Examination of hidden social tension and manifestations of extremism, xenophobia]. In: *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya* [Archeology and Ethnography of Priobye]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 46–55.
32. Murashko, O.A. (2002) Opyt provedeniya etnologicheskoy ekspertizy: otsenka potentsial'nogo vozdeystviya programmy OAO “Gazprom” poiskovo-razvedochnykh rabot v akvatoriyakh Obskoy i Tazovskoy gub na komponenty ustoychivogo razvitiya etnicheskikh grupp malochislennykh narodov Severa [Experience in conducting an ethnological examination: assessing the potential impact of the Gazprom program of exploration in the Ob and Taz Bay on the components of sustainable development of ethnic groups of Northern small peoples]. Moscow: [s.n.].
33. Sadovoy, A.N., Nechiporenko, O.V., Poddubikov, V.V., Belozerovala, M.V. et al. (2005) *Etnologicheskaya ekspertiza. Otsenka vozdeystviya OOO “MetAL” i UK “Yuzhnyy Kuzbass” (stal'naya gruppa “Mechel”) na sistemy zhizneobespecheniya avtokhtonnoy i russkogo naseleniya Chuvashskoy sel'skoy administratsii* [Ethnological expertise. Assessment of the impact of LLC “MetAL” (OJSC MMK – Magnitogorsk Iron and Steel Works) and UK “Southern Kuzbass” (steel group “Mechel”) on the life support systems of the indigenous and Russian population of the Chuvashinsky rural administration]. M.O. Myski. Kemerovo.
34. Boyko, V.I., Sadovoy, A.N., Nechiporenko, O.V., Poddubikov, V.V., Belozerovala, M.V. et al. (2008) *Etnologicheskaya ekspertiza. Etnopoliticheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede teleutov Belovskogo i Gur'evskogo rayona Kemerovskoy oblasti* [Ethnological expertise. Ethnopolitical, socio-economic and ethno-demographic processes among the Teleuts of the Belovsky and Guryevsky districts of the Kemerovo Region]. Novosibirsk: [s.n.].
35. Zvidennaya, O.O. & Novikova, N.I. (2010) *Udygeytsy: okhotniki i sobiratel' reki Bikin (Etnologicheskaya ekspertiza 2010 goda)* [The Udege: hunters and gatherers of the Bikin River (Ethnological Expertise 2010)]. Moscow: Strategiya.
36. Vasilkova, T.N., Evray, A.V., Martynova, E.P. & Novikova, N.I. (2011) *Korennyye malochislennyye narody i promyshlennoe razvitiye Arktiki (Etnologicheskii monitoring v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge)* [Indigenous peoples and industrial development of the Arctic (Ethnological monitoring in the Yamalo-Nenets Autonomous District)]. Moscow; Shadrinsk: [s.n.].

37. Martynova, E.P. & Novikova, N.I. (2012) *Tazovskie nentsy v usloviyakh neftegazovogo osvoeniya* [Taz Nenets in oil and gas development]. Moscow: RAS.
38. Novikova, N.I. (2014) *Okhotniki i neftyaniki. Issledovaniya po yuridicheskoy antropologii* [Hunters and oilmen. Studies in legal anthropology]. Moscow: Nauka.
39. Sadovoy, A.N. & Pruel, N.A. (1996) *Etnosotsial'nyy monitoring: printsipy, metody, praktika* [Ethnosocial monitoring: principles, methods, practice]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
40. Stepanov, V.V. (ed.) (1999) *Metody etnologicheskoy ekspertizy* [Methods of ethnological examination]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology.
41. Yamskov, A.N. (2006) Etnoekologicheskie ekspertizy v mezhdunarodnykh organizatsiyakh [Ethno-ecological expertise in international organizations]. In: Cheshko, S.V. (ed.) *Etnologiya obshchestvu* [Ethnology for society]. Moscow: Orgservis-2000. pp. 10–63.
42. Poddubikov, V.V., Sadovoy, A.N. & Belozerova, M.V. (2014) *Ekspertiza i monitoring traditsionnykh form prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoy etnologii* [Examination and monitoring of traditional forms of environmental management of indigenous minorities: methods of applied ethnology]. Kemerovo: Praktika.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 551.501.9"18"
DOI: 10.17223/19988613/65/24

Т.Ю. Феклова

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕНИ. Г.А. ФРИТШЕ – ОРГАНИЗАТОР МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ В СИБИРИ

На основании анализа многочисленных архивных материалов, находящихся в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук и Российском государственном архиве, и впервые с привлечением китайских источников доказывается приоритет директора Пекинской обсерватории Т.Ю. Фритше в развитии метеорологии на Дальнем Востоке и Сибири. Впервые приводятся полные списки метеорологических приборов, направленных Главной Физической обсерваторией Санкт-Петербурга в учреждаемые в Сибири станции.

Ключевые слова: Академия наук; Пекин; метеорология; экспедиции.

Человек жив, пока про него помнят. Однако часть исследователей, внесших неоценимый вклад в науку, остается неизвестной и большинству населения, и даже узким специалистам. Иногда их имя лишь вскользь промелькнет в отдельной работе. Кто не слышал о Н.М. Пржевальском, но мало кто знает о директоре Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории Г.А. Фритше, в Пекине исправившем инструменты Н.М. Пржевальскому перед его экспедицией в 1870 г. в Центральную Азию. Цель данной статьи – показать существенную роль Г.А. Фритше в развитии метеорологии в Сибири.

История исследования

История метеорологии в общем и в Сибири в частности часто привлекала внимание исследователей. Первой обобщающей работой по истории климата стал труд В.А. Воейкова [1], в котором дается комплексная характеристика климатических факторов. Истории климатологии в Томском университете посвящена работа В.И. Слущкого [2]. В ней немалое внимание уделяется предыстории возникновения и развития метеорологии в Томске.

Большое значение для становления метеорологии в Сибири имела Пекинская магнитно-метеорологическая обсерватория, работавшая в Пекине с 1848 по 1888 г. Именно она стала координирующим центром для развития метеорологии в Сибири. Отдельные сведения из истории Пекинской обсерватории, а также большой материал по истории метеорологических исследований в Китае содержится в работе П. Кевина МакКоуна (Р. Kevin MacKeown) [3], а также в обобщающем труде по истории метеорологии Китая китайских исследователей Цочинг Чу (Coching Chu), Джон Ли (John Lee) и Пао-Кунь Чан (Pao-Kun Chang) [4]. Данная статья призвана уточнить отдельные вопросы становления сибирской метеорологии.

История Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории

К середине XIX в. Российская империя занимала огромную территорию, куда входили земли Финляндии, Польши, Средней Азии и Северной Америки. Неофициальное же влияние России (включая религиозное и политическое) простиралось значительно дальше. С начала XVIII в. на территории Пекина (столица Китая) располагалась Российская Духовная миссия, осуществляющая религиозный патронаж русских, проживающих в Китае. Миссия выполняла также функции торгового представительства России и ее неофициального дипломатического консульства, являясь одновременно и научным центром по изучению Китая. Сотрудничество с главнейшим научным учреждением в России – Академией наук – посредством направления от последней инструкций, обучения сотрудников миссии и отправления собственных ученых в Китай превратило миссию в уникальную базу по исследованию закрытой Китайской империи. Статус миссии и ее права были закреплены в российско-китайских договорах, в частности в Кяхтинском (1727), Айгунском (1858) и Пекинском (1860).

Научная составляющая деятельности миссии только укрепилась после основания в 1848 г. на территории ее Северного подворья магнитно-метеорологической обсерватории. Первоначально обсерватория находилась под управлением Департамента горных и соляных дел Министерства финансов, а в 1862 г. была передана под юрисдикцию Императорской Академии наук и вошла в сеть станций и обсерваторий Главной Физической обсерватории Санкт-Петербурга (ГФО) [5. Л. 12 об.]. Сеть включала в себя линию станций от Хельсинки в Финляндии до Тайваня в Китае. Пекинская обсерватория, прежде всего при ее последнем директоре Г.А. Фритше, стала координирующим пунктом для развития метеорологии во всем дальневосточ-

ном и сибирском регионе. Директор основывал новые станции, проводил проверку инструментов в уже имеющихся, снабжал инструментами отдельные экспедиции.

Первым директором Пекинской обсерватории в 1848 г. стал К.А. Скачков, назначенный на эту должность Азиатским департаментом Министерства иностранных дел. Скачков активно занимался метеорологическими исследованиями, а также интересовался историей китайской астрономии. Изучив китайский язык, он написал несколько работ по истории китайской астрономии [6]. Слабое здоровье не позволило ему долго оставаться в Пекине, и в 1857 г. он уволился с должности директора Пекинской обсерватории.

Шесть лет, с 1856 по 1862 г., директором обсерватории был Д.А. Пешуров. Д.А. Пешуров 17 сентября 1856 г. в личном прошении на имя управляющего Азиатским департаментом Министерства иностранных дел Е.П. Ковалевского просил принять его в члены Духовной миссии для выполнения метеорологических и магнитных исследований. Указом императора Николая I от 27 октября 1856 г. он был назначен на должность директора Пекинской обсерватории. Пешуровым впервые были определены астрономические координаты ряда северных китайских городов. В связи с открытием консульства России в Пекине в 1861 г. Д.А. Пешуров был переведен туда в качестве переводчика.

Департамент горных и соляных дел Министерства финансов просил Академию наук подобрать достойного преемника на должность директора Пекинской обсерватории. Директор ГФО А.Я. Купфер 21 марта 1862 г. предложил на эту должность К.К. Неймана, уже прошедшего краткосрочное обучение в Главной Физической обсерватории. Кандидатура Неймана была одобрена как Императорской Академией наук, так и Горным департаментом. Перед отправлением в Китай Нейман получил от Академии наук задание провести инспекторскую поездку по Сибири для осмотра основных метеорологических станций. Однако в Екатеринбурге К.К. Нейман принял решение отказаться от поездки в Пекин и остаться в России. В 1866 г. он был уволен с поста директора Пекинской обсерватории.

14 февраля 1867 г. директор Главной Физической обсерватории в Санкт-Петербурге Л.М. Кемц представил на заседании Академии наук кандидата на должность следующего директора Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории Г.А. Фритше, работавшего вычислителем в ГФО. Кандидатура Фритше была одобрена Императорской Академией наук в ходе голосования большинством голосов (20 из 21 проголосовавших). 24 марта 1867 г. Л.М. Кемц представил доклад министру народного просвещения Д.А. Толстому, в котором рекомендовал на должность директора Пекинской обсерватории Г.А. Фритше [7. Л. 1]. Приказом министра народного просвещения за № 8 от 20 мая 1867 г. Фритше был назначен на должность директора обсерватории [8. Л. 11 об.]. На этом посту Фритше много сделал для развития метеорологии и магнитных исследований в Китае и на Дальнем Востоке. 14 января 1868 г. Г.А. Фритше приступил к исполнению своих обязанностей в Пекине. В этом ему помогали двое помощников-албазинцев (этноконфессиональная

группа) П. Сян и И. Дун. В 1873 г. Фритше был командирован из Пекина в Санкт-Петербург для ознакомления и закупки новейших метеорологических и астрономических инструментов.

Основание метеорологических станций в Сибири

Директор Главной Физической обсерватории Г.И. Вильд 3 июня 1874 г. представил доклад товарищу (заместителю) министра народного просвещения А.П. Ширинскому-Шихматову о необходимости инспектирования уже имеющихся и создания новых магнитно-метеорологических станций. Основной целью было создание сети станций, способных проводить метеорологические исследования на современном оборудовании и самыми современными на тот момент методами, что позволило бы перейти от простого наблюдения к прогнозированию краткосрочных и долгосрочных климатических изменений. Предполагалось, что осуществлением данного проекта займется вновь назначенный директор Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории Г.А. Фритше на своем обратном пути из Санкт-Петербурга в Пекин, так как почти все города находились вдоль большой почтовой дороги из Санкт-Петербурга, через Кяхту в Пекин. Пекинская обсерватория должна была выслать в города, в которых планировалось основывать новые станции, инструменты, установкой и налаживанием которых должен был заниматься Г.А. Фритше. Он же должен был обучить местных метеорологов работе с современными приборами и методами проведения исследований, превратив самоучек-любителей в профессиональных исследователей.

Уже 5 июня А.П. Ширинский-Шихматов утвердил проект расширения сети метеорологических станций на территории Сибири и разрешил использовать для этой цели 800 руб. из сумм Главной Физической обсерватории, назначенных по § 17 ст. 3 сметы Министерства Народного просвещения за 1874 г. на ученые путешествия и на поездки для осмотров метеорологических станций [Там же. Л. 157]. К тому же еще 18 января 1868 г. император Александр II утвердил положение о том, что под юрисдикцию Императорской Академии наук должны были входить все вновь учрежденные метеорологические станции, что позволило бы сосредоточить все метеорологические наблюдения в стране в одном центре. На содержание этих станций из Государственного казначейства ежегодно выделялась сумма в 4 000 руб. Главная Физическая обсерватория с одобрения Академии наук должна была назначать специальное вознаграждение наблюдателям за труды по метеорологии [9. С. 256–257].

В 1869 г. была опубликована инструкция директора ГФО Г.И. Вильда для метеорологических станций Российской империи. Данная инструкция стала основой для современных метеорологических исследований. Своей инструкцией Г.И. Вильд ввел постоянство, единообразие и цикличность наблюдений (во всех станциях наблюдения стали проводиться строго в 7 ч. утра, 1 ч. дня и в 9 ч. вечера), провел унификацию приборов и методов наблюдений, ввел строгую регла-

ментацию учета. Именно Вильд способствовал тому, что измерения температуры стали проводить в градусах Цельсия. Благодаря деятельности Вильда и распространенной им инструкции метеорологические наблюдения перешли от любительского состояния к полноценным научным исследованиям, перестав быть лишь формой досуга.

Правильности снятия показаний способствовало новое расположение приборов. Именно в инструкции Г.И. Вильда впервые было указано на необходимость изолирования приборов для получения более точных показаний. Для предотвращения воздействия внешних факторов ряд приборов, прежде всего термометры и барометры, стали помещать в специально построенные деревянные будки, приподнятые над землей на два метра и снабженные решетчатыми стенками, свободно пропускающими воздух, также унифицированные для всех станций. Данные метеорологические будки применяются и в современных исследованиях. Для скоординированности исследований и получения точных данных, единовременных на всей территории России, Вильдом рекомендовалось сверять собственные часы с наиболее точными часами в городе. Чаще всего такие часы находились на телеграфных станциях. Таким образом, в ходе экспедиции Г.А. Фритше было необходимо привести уже имеющиеся и вновь построенные станции к единым стандартам измерений и наблюдений, что позволило бы включить их в уже функционирующую сеть метеорологических станций.

Для создания новых станций были выбраны города Ишим, Каинск, Омск, Томск, Красноярск, Троицкосавск (Кяхта). В каждый из этих городов, а также в города, в которых уже были станции, но требовалось обновить инструменты, из Главной Физической обсерватории в Санкт-Петербурге были высланы следующие приборы: железный флюгер с указателем силы ветра; два дождемера с метрическим стаканом; два ртутных барометра системы Г.И. В. Гейслера, спиртовой минимум-термометр и полосной гигрометр (прибор для измерения влажности); жестяная клетка для трех упомянутых термометров; не наполненный ртутный барометр новейшего устройства, к нему 5 фунтов чистой ртути, а также aneroid (прибор для измерения давления, действующий, в отличие от барометра, без помощи жидкости); солнечные часы [10. С. 126].

Инструменты были высланы директором ГФО Г.И. Вильдом в Сибирь в указанные города в начале 1874 г. через общество «Двигатель», сам же Г.А. Фритше выехал по маршруту из Петербурга только в конце июня.

Для проверки и настройки всех инструментов Г.А. Фритше взял с собой инструменты, предварительно настроенные в ГФО. Среди них были: новейший сифонный барометр, сделанный только из металла и стекла (по наблюдениям Фритше, данный барометр мог служить в качестве как походного, так и стационарного); карманный aneroid работы немецкого мастера Г. Гольдшмидта; прибор для наполнения барометрических трубок; около 10 фунтов чистой ртути; несколько запасных трубок для барометра; спирт, дистиллированная вода, серная кислота и механические

инструменты; 3 хронометра системы Б. Пиля и 2 карманных хронометра системы Дж. Арнольда; небольшой астрономический универсальный инструмент; инструменты для определения элементов земного магнетизма (те же, что были использованы Г.А. Фритше в путешествии из Пекина в Санкт-Петербург) [Там же. С. 125].

Первую остановку Фритше сделал в городе Ишиме, куда прибыл 29 июля 1874 г. Ученому пришлось ждать 18 дней в связи с тем, что инструменты не прибыли в Ишим вовремя. Полагая, что инструменты не успели прибыть и в Каинск, Фритше решил учредить метеорологическую станцию в Омске, который лежит на полпути от Ишима до Каинска. Отдельные и нерегулярные метеорологические наблюдения в Омске выполнял старший адъютант окружного штаба И.Ф. Соколов. Обратившись к Соколову с вопросом о его дальнейшем намерении продолжать метеорологические исследования, Фритше получил ответ, что тот готов «возобновить наблюдения» [Там же]. Заручившись согласием Соколова на производство наблюдений, Фритше решил обустроить метеорологическую площадку рядом с новой квартирой И.Ф. Соколова. Новая казенная квартира Соколова располагалась в северо-западной части города в крепости, на правом берегу Оми и Иртыша. Около дома находился обширный сад, в котором Фритше и расположил необходимые приборы. Сверка инструментов и времени исследований проводилась Соколовым по часам телеграфной станции как наиболее точным. Для психрометрических наблюдений на обустроенной Фритше станции находились два термометра со шкалами, разделенными на целые градусы Цельсия. Поправка одного барометра составляла $-0,3^{\circ}\text{C}$, другого $-0,4^{\circ}$. Барометрические исследования велись ртутным барометром со шкалой, разделенной на полулинии (1 русская полулиния равна 1,27 мм). В своем письме к директору ГФО Г.И. Вильду директор Пекинской обсерватории Г.А. Фритше просил прислать в учрежденную станцию все недостающие инструменты, такие как флюгер, дождемер и минимум-термометр для полноценных метеорологических исследований. В дальнейшем на станции велись наблюдения над температурой, осадками и ветром [11. С. 8].

26 июля директор Пекинской обсерватории покинул Омск и через Каинск и Барнаул (выехал оттуда 31 июля) направился в Томск. По пути в Томск Г.А. Фритше решил заехать в Салаир (современная Кемеровская область), чтобы проверить инструменты на метеорологической станции, основанной энтузиастом-любителем, доктором Салаирского завода Ф.Е. Зассом. Завод находился на одном из северных отрогов Алтайских гор. Согласно плану, разработанному в ГФО для организации постоянно действующей сети метеорологических станций, в Салаир из Санкт-Петербурга были направлены инструменты. Установкой инструментов в соответствии с инструкцией ГФО занимался Г.А. Фритше. Термометр, как и во всех остальных станциях, в связи с новой инструкцией был помещен Фритше в специальную деревянную будку, расположенную на открытой местности, и к будке был прикреплен также флюгер с указателем силы ветра и дож-

демером. Помимо этого, на станцию были присланы ртутный термометр и волосной гигрометр (для определения относительной влажности воздуха). Поправка барометра была найдена Фритше в +0,39 мм [10. С. 130]. По мнению директора Пекинской обсерватории, наблюдения, сделанные в Салаире доктором Ф.Е. Зассом вполне соответствовали науке и приносили немалую пользу метеорологии.

В Томск Г.А. Фритше прибыл 8 августа (20 августа по старому стилю). Периодические метеорологические исследования в Томске начались в 1830 г. и проводились благодаря усилиям отдельных работников учебных заведений. С 1830 по 1843 г. наблюдения проводил И.Г. Новотроицкий (директор училищ Томской губернии); с ноября 1846 по июнь 1873 г., но с небольшими пропусками, – С. Эльснер (учитель гимназии) [12. С. 192].

Метеорологические наблюдения Г.А. Фритше попросил выполнять П.А. Буткеева, инспектора томских народных школ. Для удобства наблюдений Г.А. Фритше решил расположить новую метеорологическую станцию за городом, в так называемом «малом лагере», около дома П.А. Буткеева [13. С. 137] (современная ул. Усова в Томске).

Для проведения необходимых барометрических и астрономических исследований необходимо было иметь точные часы. Буткеев, как и И.Ф. Соколов, сверял время для наблюдений по часам телеграфной станции, находящейся в трех верстах от его дома. Однако для удобства Фритше установил во дворе дома Буткеева простые солнечные часы, которые в полдень были способны показывать правильное время с погрешностью в 1–2 минуты.

Все инструменты были установлены лично Фритше в соответствии с инструкцией директора Вильда. Как и на предыдущих станциях, во дворе дома П.А. Буткеева по распоряжению Г.А. Фритше была устроена деревянная будка, предохраняющая термометр от влияния внешней среды. На будке также были установлены флюгер и дождемер. Фритше передал метеорологической станции сифонный барометр. По утверждению самого директора Пекинской обсерватории, «инструменты этой станции были присланы из Главной Физической обсерватории и предварительно были тщательно исследованы, они установлены в соответствии с инструкцией, поэтому наблюдения, производимые по ним столь старательным и искусным наблюдателем, будут вполне исправны» [10. С. 131].

Инспекторская поездка Г.А. Фритше по Сибири в 1874 г. ознаменовалась появлением ряда новых метеорологических станций. На давно действующих станциях были заменены или проверены инструменты. Фритше проводил также обучение персонала новых и старых станций, объясняя принципы действия современных приборов и методы наблюдений (так, впервые, им была введена специальная деревянная будка, предотвращающая воздействие внешних факторов на измерительные приборы). Бывшие самоучки-любители, проводившие метеорологические исследования, скорее, для собственного интереса отныне были включены в жесткую государственную систему научных органи-

заций. Станции были поставлены на бюджетное финансирование, что обеспечило своевременное обновление приборов и наличие жалованья у наблюдателей, однако потребовало соблюдения всех норм работы. Близость указанных городов к телеграфной линии помогло наладить быструю передачу данных в центральную обсерваторию в Санкт-Петербурге, что позволило перейти, в связи с накоплением достоверных данных, от простого наблюдения к прогнозированию погоды. Благодаря действиям Г.А. Фритше исследования стали проходить на регулярной и постоянной основе, с четким соблюдением времени наблюдений (7 часов утра, 1 час дня и 9 часов вечера). Это позволило определить суточные колебания температуры, влажности и силы и направления ветра. В дальнейшем именно через Пекинскую обсерваторию сибирские станции получали новые инструменты и книги, обменивались данными с Главной Физической обсерваторией в Санкт-Петербурге. Наличие современных приборов, установленных специальным образом для уменьшения воздействия внешней среды, обучение персонала, возможность быстрой передачи данных в центральную обсерваторию для формирования общей сводки погоды позволили включить новые станции, созданные Г.А. Фритше в Сибири, в работающую линию метеорологических станций по всей территории России.

Заключение

В XIX в. в России наблюдался существенный интерес к метеорологическим исследованиям. К концу XIX в. именно в Российской империи метеорология достигла наивысшего для того времени расцвета. Отчасти это объясняется огромной территорией, необходимостью учитывать климатические особенности различных биогеографических зон для прогнозирования сельскохозяйственных работ и технических разработок. Внимание правительства к этому вопросу, выраженное прежде всего в достаточном финансировании исследований, привело к тому, что было построено большое количество метеорологических и магнитных обсерваторий, а также региональных станций, в которых велись систематические наблюдения.

Наличие в Китае Российской Духовной миссии позволило основать магнитно-метеорологическую обсерваторию и на территории Пекина. Последний директор этой обсерватории оказал большое влияние на развитии метеорологии в Сибири и на Дальнем Востоке. Проект экспедиции директора Пекинской обсерватории по Сибири был задуман и осуществлен при поддержке Главной Физической обсерватории, Императорской Академии наук и Министерства народного просвещения. Директором ГФО Г.И. Вильдом была разработана специальная инструкция, заложившая основы современной метеорологии в плане регулярности и постоянства наблюдений и унификации приборов и методов. Руководствуясь данной инструкцией, Г.А. Фритше в ходе экспедиции по Сибири в 1874 г. основал или значительно реформировал метеорологические станции в Салаире, Омске, Семипалатинске, Каинске, Барнауле, Томске и Иркутске. Он обучал пер-

сонал, проверял старые приборы и устанавливал новые. В 59 пунктах им были сделаны географические, магнитные, гипсометрические и другие наблюдения. Благодаря его деятельности как организатора и исследователя новые станции существенно дополнили уже

существовавшую сеть метеорологических обсерваторий, значительно повысив качество и достоверность наблюдений. Таким образом, метеорологические исследования в Сибири вышли на новый, более профессиональный уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воейков В.А. Климаты земного шара, в особенности России. СПб., 1884. 640 с.
2. Слуцкий В.И. История метеорологии в Томском университете: учеб. пособие. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 1998. 112 с.
3. MacKeown P.K. Early China coast meteorology. The role of Hong Kong. Hong Kong, 2011. 289 p.
4. Coching Chu, John Lee, Pao-Kun Chang. The temperature of China. National Research Institute of Meteorology. Academy Sinica, 1940. 934 p.
5. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 337. Оп. 1. Д. 30: 1858–1869. 135 л.
6. Скачков К.А. Судьба астрономии в Китае // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Т. CLXXIII, № 5. С. 23–58.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 142. Д. 336. 185 л.
8. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 4. Оп. 4. Д. 622. 301 л.
9. Рыкачев М.А. Исторический очерк Главной Физической обсерватории за 50 лет ее деятельности. 1849–1899. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1899. 415 с.
10. Фритше Г.А. Отчет об учреждении в Сибири в 1874 г. новых метеорологических станций и о состоянии прежних станций // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1876. Т. 28, кн. 1. С. 125–138.
11. Климат Омска / под ред. Ц.А. Швер. Л. : Гидрометеиздат, 1980. 244 с.
12. Крюкова К.А., Пинаева Н.В. Биологический институт Томского государственного университета (г. Томск). История фенологических наблюдений в Томске и Томской губернии // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2013. № 1 (21). С. 191–197.
13. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 347 с.

Tatyana Yu. Feklova, St. Petersburg branch of the Vavilov Institute of history of natural science and technology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: tat-feklova@yandex.ru

THE NAME'S RETURN. G.A. FRITSCHÉ – THE FOUNDER OF METEOROLOGICAL STATIONS IN SIBERIA

Keyword: Academy of Sciences, Beijing, meteorology, expeditions.

The article is devoted to an understudied theme of meteorology development in Siberia, primarily to its start-up period, specifically to the Academy of Science and the Beijing Magnetic-Meteorological observatory's role in foundation of meteorological stations.

The research is based on archival data from St. Petersburg branch of the Academy of Science's archive, the Russian State Historical archive, and also on the works of Chinese authors. The article's methodological base is objectivity concept, systematicity of scientific analysis, complex using of different sources.

Weather observations were always of great interest among scientists. By the end of the 19th century in Russia a network of meteorological observatories and stations had been opened. It provided getting constant and adequate data. The territory extension, lack of transport development, adverse environment made this process very difficult. However, thanks to the work of scientists, separate stations were combined into a functioning network. It extended from Helsinki to Beijing, where in 1848 a magnetic-meteorological observatory was built. The Observatory's last director G.A. Fritsche contributed much to meteorology development in Siberia and the Far East. In 1874 a director of the Main Geophysics observatory in Saint-Petersburg, H. Wild, suggested to the Russian Imperial Academy of sciences a project of foundation of several meteorological stations in Siberia.

The project was supported by the Academy of Sciences and the Ministry of Education. The realization of the plan was delegated to the Beijing Magnetic-Meteorological observatory's director – G.A. Fritsche. In the same, 1874, year G.A. Fritsche during his journey from St. Petersburg to Beijing founded several meteorological stations in such cities as: Ishim, Kainsk, Omsk, Tomsk, Krasnoyarsk. He chose places for stations and observers, installed and checked instruments, taught the staff. Time synchronization of observations was according to clocks, located on telegraph stations. The staff also had to send regularly reports and synoptic tables of temperature, pressure and humidity to the Main Physical observatory in Saint-Petersburg. All the instruments on new stations were installed according to the director's new "Instruction", published in 1869. Due to this instruction there were set new rules of instruments' location, their maximum isolation from environmental conditions, regularity and constant observation, universal coordinated time of observations (7 a.m., 01 p.m. and 09.p.m.).

Thus, G.A. Fritsche's activity on organization of new meteorological stations in Siberia led to foundation of functional line of stations, which provided taking a quantum leap in professional observations.

REFERENCES

1. Voeikov, V.A. (1884) *Klimaty zemnogo shara, v osobennosti Rossii* [Climates of the globe, especially Russia]. St. Petersburg: A. Ilyin
2. Slutsky, V.I. (1998) *Istoriya meteorologii v Tomskom universitete* [The history of meteorology at Tomsk University]. Tomsk: TsNTI.
3. MacKeown, P.K. (2011) *Early China coast meteorology. The role of Hong Kong*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
4. Coching, Chu, Lee, J. & Pao-Kun Chang. (1940) *The Temperature of China*. National Research Institute of Meteorology. Academy Sinica.
5. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF AРАН). Fund 337. List 1. File 30.
6. Skachkov, K.A. (1874) Sud'ba astronomii v Kitae [The fate of astronomy in China]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. CLXXIII(5). pp. 23–58.
7. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 142. File 336.
8. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 4. List 4. File 622.
9. Rykachev, M.A. (1899) *Istoricheskiy ocherk Glavnoy Fizicheskoy observatorii za 50 let ee deyatelnosti. 1849 – 1899* [The historical outline of the Main Physical Observatory for 50 years of its activity. 1849–1899]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
10. Fritsche, G.A. (1876) Otchet ob uchrezhdenii v Sibiri v 1874 g. novykh meteorologicheskikh stantsiy i o sostoyanii prezhnikh stantsiy [Report on the establishment of new meteorological stations and the state of former stations in Siberia in 1874]. *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk*. 28(1). pp. 125–138.
11. Shver, Ts.A. (ed.) (1980) *Klimat Omska* [The climate of Omsk]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
12. Kryukova, K.A. & Pinaeva, N.V. (2013) History phenological observations in Tomsk and Tomsk province. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya – Tomsk State University Journal of Biology*. 1(21). pp. 191–197. (In Russian). DOI: 10.17223/19988591/21/15
13. Dmitrienko, N.M. (2003) *Den' za dnev, god za godom: khronika zhizni Tomska v XVII–XX stoletiyakh* [Day after day, year after year: a chronicle of the life of Tomsk in the 17th – 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(570)

DOI: 10.17223/19988613/65/25

Л.И. Шерстова

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МОЗАИКА ГОРНОЙ ШОРИИ

Публикация посвящена оценке новой монографии А.И. Копытова и В.М. Кимеева «Горная Шория: от древней металлургии до современной горнодобывающей промышленности. Исторические очерки». В ней особо отмечается проработанность сюжета о возможности сосуществования элементов традиционной культуры и индустриального общества.

Ключевые слова: Горная Шория; шорцы; «неотрадиционная культура»; горнодобывающая промышленность.

Новое исследование А.И. Копытова и В.М. Кимеева «Горная Шория: от древней металлургии до современной горнодобывающей промышленности. Исторические очерки» (Кемерово : Примула, 2020) [1] является своеобразным продолжением монографии «Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки», вышедшей в 2018 г. [2] Поэтому неудивительно, что присутствуют многие общие сюжеты, но они рассматриваются в несколько иных аспектах. Главная идея монографии заключается в попытках поиска путей для разрешения глобальной проблемы современности – как совместить традиционные культуры, вписанные в природное окружение, и развитие индустрии, которая разрушает этот естественный ландшафт.

Ставится и не менее важная задача сохранения и создания условий для воспроизводства этнокультурного своеобразия Горной Шории с ее древними могильниками и плавильными печами древности и средневековья, с бытующими анимистическими представлениями и легендами о различных природных объектах – реках, горах, скалах, о героях и богатых прошлого с современными горнодобывающими предприятиями, угольными шахтами, металлургическими заводами: как совместить мудрую вечность и суетливую современность...

Исторический путь Горной Шории – это история развития России в миниатюре, это опыт, как позитивный, так и негативный, который отразился в современных проблемах данного региона. Это иллюстрация такой ситуации, при которой нерешенные в прошлом незначительные проблемы или опора в практической деятельности на какие-то идеологические «истины» негативно влияют на реальность. И самое важное – это понимание того, что все исторические процессы не абстрактны – они наполнены человеческими судьбами.

Монография начинается с шокирующей этнолингвистической характеристики Горной Шории – только 3,3% ее коренных жителей свободно говорят на род-

ном языке. Существенно изменилась за последние столетия и демографическая картина – 80% современных шорцев – это жители городов. Такая этносоциальная ситуация складывалась постепенно, получив резкий скачок в XX в.

Коренное население Сибири с момента ее присоединения к Московскому царству составляло органичную часть сибирского социума. Все преобразования – реформы, революции, войны – приводили в движение и сибирских аборигенов. После революции и гражданской войны, с возникновением Комитета содействия народам Сибири и Крайнего Севера в 1924 г., любые социальные или экономические преобразования, хозяйственная деятельность на землях аборигенов должны были получить разрешение этого органа. Сам Комитет и его сотрудники во многом были носителями эволюционистской концепции, но при этом сохраняли в себе глубокую гуманистическую традицию. Поэтому свою главную задачу Комитет видел в том, чтобы как можно безболезненнее привести «отсталые народы к социализму».

Социально-экономические преобразования конца 1920-х – начала 1930-х гг. – коллективизация и индустриализация страны, коснувшиеся и аборигенного населения Сибири, вступили в противоречие с деятельностью Комитета, и он в 1934 г. был ликвидирован.

В этой связи показательна судьба Горно-Шорского района, образованного для национально-территориального устройства тюркоязычного населения верховий Томи – шорцев. Однако, являясь сырьевой базой развития промышленности Кузбасса, этот район становится территорией быстрого роста населения за счет внешней миграции. Если в 1926 г. здесь проживали 24 395 человек, то на 1 января 1931 г. – 51 166 человек, их которых в промышленности вместе с семьями были задействованы 21 397 человек. Следствием развития индустриальной базы Кузбасса стало изменение национального состава Горно-Шорского района – доля шорцев постепенно уменьшалась, что в конечном итоге привело к ликвидации автономии шорцев в 1939 г.

Авторы вышли на очень важный вопрос об истоках советской государственности сибирских народов. В монографии достаточно полно показано национально-территориальное строительство в этом сибирском регионе. Как известно, сразу после Февральской революции национальный вопрос обострился, но в разных регионах он имел свою специфику. В Южной Сибири в 1920-е гг. предпринималась попытка объединить все тюркоязычное население Саяно-Алтайского нагорья (за исключением Тувы) в одну – Ойротскую – автономию, что было следствием выхода за пределы Горного Алтая бурханистских идей о перенесении «своего великого прошлого» – Ойратского (Джунгарского) государства – в новую историческую канву. В монографии подробно описывается ситуация вокруг создания этого «государства».

Авторская позиция, вопреки концепции конструктивизма, которая предполагает «создание нации» в результате активизации этнического самосознания, утверждает другое: несмотря на активность национальной элиты, актуализацию исторического мифа, относительную независимость от центральной власти, этого не произошло. Отсутствие общей консолидации тюрков Южной Сибири, их культурная неоднородность, бытование различных норм традиционной культуры не позволили воплотиться идее Ойротского «государства», в которое вошли бы предки современных алтайцев, хакасов и шорцев. Оптимальным вариантом, как показано в монографии, было образование в 1926 г. на юге бывшего Кузнецкого уезда Горно-Шорского национального района, где и было сосредоточено родственное население.

Можно согласиться с мнением авторов о том, что это событие важным своим следствием имело усилившуюся этническую консолидацию тюрков верхней Томи, распространение и укрепление этнонима «шорцы» как общего для всех местных этнических групп. Однако, как уже отмечалось, этот процесс был прерван в связи с ускорением горнорудного освоения Кузбасса, усилением внешней миграции, аккультурации и ассимиляции. Таким образом, начавшийся в рамках Горно-Шорского автономного района процесс формирования устойчивого шорского этноса был прерван, ускорив его культурную маргинализацию. Из этого следует, что наличие собственной автономии – важное условие сохранения этнокультурной уникальности.

Распространение в 1930–1980-е гг. упрощенного понимания культуры, отсутствие осознания сложности механизмов взаимодействия «человек–природа», «человек–общество», политика нивелирования и унификации культурного разнообразия народов Сибири своим обратным действием создавали ситуацию, при которой не только полностью решались прежние проблемы, но возникали и новые.

Так, создание в 1930–1940-х гг. индустриальной базы на востоке страны привело к тому, что обострился вопрос о сохранении производственных угодий сибирских аборигенов. Кузбасс, Колыма, Норильск, Чукотка и другие районы, где создавалась промышленность, интенсивно осваивались природные ресур-

сы, одновременно были частью территорий, находившихся в распоряжении туземных советов, согласно документам Комитета содействия народам Сибири и Крайнего Севера.

В рамках политики «советизации» усилились этнокультурные процессы, содержание которых было направлено на ликвидацию культурного разнообразия народов Северной Азии. То, что давалось им взамен – система образования, здравоохранения – не могло компенсировать разрушавшейся системы жизнеобеспечения.

Нужно отметить, что в 1930–1950 гг. политика советского руководства по отношению к сибирским аборигенам не противоречила тем немногочисленным международным документам, которые касались традиционных культур. В 1956 г. ООН была принята Конвенция, суть которой заключалась в скорейшей интеграции коренных народов в современное индустриальное общество. Более того, советские правовые акты, касавшиеся народов советского государства, все-таки во многом были более прогрессивными, чем законодательство западных стран. Народы СССР, независимо от национальной, расовой и культурной принадлежности, имели равные права, могли развивать свой национальный язык и культуру, что было зафиксировано в Конституции СССР 1936 г.

Чтобы понять, что потеряли шорцы, да и другие народы Горной Шории, нужно погрузиться в ту эмоциональную атмосферу, которую приобретает монография, когда авторы, описывая разнообразный ландшафт, приводят многочисленные легенды о реках и горах, скалах и пещерах. В этом, безусловно, нашла отражение длительная полевая работа по сбору этнографического материала, которой занимался В.М. Кимеев. Но вопрос в том, насколько это понятно и близко современным шорцам, не знающим своего языка и в основной своей массе не желающим его изучать из-за узости социальной сферы его применения... И это вопрос дальнейшего существования шорцев как самостоятельного этноса. Но истории известны и примеры, когда забытый язык мог возродиться на волне мощного национального подъема, как это было в Израиле или Ирландии.

Интересным для научного изучения является вопрос о том, насколько «городские шорцы» смогут, выезжая из городов к священным местам для проведения обрядов, сохранить и передать потомкам историческую память, тем более что последняя подвержена мощному конструированию. В результате проводятся, как отмечают авторы, «неотрадиционные мероприятия», на которых «изобретаются» или вносятся традиции, принадлежащие другим народам. В этой связи следует отметить, что В.М. Кимееву как профессиональному этнографу не составило труда выделить этот «неотрадиционный комплекс», в частности его атрибутику – коновязь, ленточки-чалама, обо. Важно отметить и то, что только часть предложенных национальной элитой праздников более или менее вошла в праздничную культуру шорцев. Интересно будет следующим поколениям этнографов наблюдать, насколько эти новации станут традицией или уйдут вместе со своими создателями.

Следует подчеркнуть, что и традиционная, и современная культура воспринимают новации, но механизмы их внесения разные [3]. В традиционных культурах они становятся частью импровизации и должны совместиться с привычностью обряда или мифа. Конструирование же опирается на другое – чтобы стать фактом культуры народа, ему нужно уничтожить традицию и заменить ее новацией, которая не проверяется опытом народа.

Важным фактором сохранения и поддержания этничности, как верно считают авторы, является организация Шорского национального парка, на территории которого расположены как культурные, так и природные достопримечательности (г. Таштагол), музейного комплекса Тазгол (пос. Усть-Анзас), а также деятельность музеев в городах Мыски и Новокузнецк. В монографии подчеркивается, что это не просто музеи, это музеи, тесно связанные с природной средой, в которых история шорцев и история их земли переплетены – экомузеи. Поэтому совершенно логичным продолжением являются те разделы монографии, которые посвящены изучению природных богатств горной Шории и их разработке. Нужно понимать, что за каждым геологическим открытием, трудом в шахтах и рудниках также стоят судьбы людей, деятельность которых стала частью истории Горной Шории.

Хотя о природных богатствах верховий Томи науке стало известно еще в 1721 г. благодаря экспедиции Д.Г. Мессершмидта, их планомерное освоение приходится на советский период в связи с созданием индустриальной базы в Сибири. Особую роль в этом процессе сыграли томские геологи, и прежде всего М.А. Усов и его ученики. Совсем еще молодые люди, часто студенты, они отправлялись в геологические и топографические экспедиции, имея минимальное оборудование, слабое знание местных условий. Не нужно думать, что природные богатства лежали «на поверх-

ности», а маршруты были легкими прогулками. Они испытывали множество трудностей, но благодаря их труду Горная Шория приобретала новые черты, а их профессиональная культура дополняла ее этнокультурную мозаику.

Развитие современной горнорудной промышленности тесно связано с одним из видов хозяйства местного населения – не случайно в XVII в. и позже эту территорию в русских документах называли «Кузнецкой землицей». Но тогда русские мало воспользовались опытом и знаниями местного населения по металлообработке. И самая важная причина этого, помимо указанных авторами, заключалась в том, что русские власти не были заинтересованы в ее развитии, так как ясак железом могли получать не только они, но и их противники в Южной Сибири – енисейские киргизы и джунгары.

Отсюда и стремление переориентировать местное хозяйство в «пушном направлении», и запреты на сдачу ясака железными предметами. Никакой конкуренции с русскими кузнецами не было. Согласно русским документам даже середины XVIII в., их катастрофически не хватало в русских селениях и уездах. А тем временем уже в начале этого века облик культуры «кузнецких людей» все более архаизировался под влиянием специализированной пушной охоты, и в начале XX в. их уже описывали как типичных охотников тайги.

Следует заметить, что, как и предыдущее издание, новая монография имеет множество иллюстраций, фотографий, рисунков, схем, что, безусловно, обогащает текст и усиливает крайне благоприятное от нее впечатление. Это издание представляет интерес не только для исследователей Горной Шории, но и для всей Сибири, благодаря полноте источниковой базы и многочисленной литературы, использованной при ее написании, но прежде всего благодаря глубине поставленных в ней вопросов и проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копытова А.И., Кимеев В.М. Горная Шория: от древней металлургии до современной горнодобывающей промышленности. Исторические очерки. Кемерово : Примула, 2020. 440 с., 24 с. цв. вкл.
2. Кимеев В.М., Копытов А.И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки. Кемерово : Примула, 2018. 600, 24 с.
3. Кулемзин В.М. От бересты к пластмассе // Записки этнографа. Жизнь прожить – не поле перейти. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2017. С. 21–54.

Lyudmila I. Sherstova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sherstova58@mail.ru

MOUNTAIN SHORIYA ETHNOCULTURAL PATCHWORK

Keywords: Mountain Shoriya, Shorians, “neotraditional culture”, mining industry.

Review of monograph “Mountain Shoriya: from ancient metallurgy to modern mining industry. Historical sketches” (Published by Primula, 2020) by A. I. Kopytov and V. M. Kimeyev. The review states, that the monograph profoundly researches issue of traditional culture elements and industrial community’s coexistence. The book reveals mechanisms of actualization of traditional culture of Siberian indigenous people, Shorians. The monograph looks carefully on ways of neotraditional reconstruction of ethnic culture, the depth of its penetration into Shorian society, researches role of city-based ethnic elites in its creation. Research shows historical connections between ancient ways of mining in the territory and modern development of Kuzbass and explains the place of industrial society in ethnic patchwork of Mountain Shoriya.

REFERENCES

1. Kopytova, A.I. & Kimeev, V.M. (2020) *Gornaya Shoriya: ot drevney metallurgii do sovremennoy gornodobyvayushchey promyshlennosti. Istoricheskie ocherki* [Mountainous Shoria: from ancient metallurgy to modern mining. Historical essays]. Kemerovo: Primula.
2. Kimeev, V.M. & Kopytov, A.I. (2018) *Gornaya Shoriya: istoriya i sovremennost'. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Mountainous Shoriya: History and Modernity. Historical and Ethnographic Essays]. Kemerovo: Primula.
3. Kulemzin, V.M. (2017) *Zapiski etnografa. Zhizn' prozhit' – ne pole pereyti* [Notes of an ethnographer. Living life is not like crossing a meadow]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 21–54.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЯНДИН Владимир Ильич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: ilan-sib@rambler.ru

БЕЛОЗЁРОВА Марина Витальевна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Субтропического научного центра Российской академии наук (Сочи). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

ВЕСЕЛОВА Анна Петровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк). E-mail: avspectr@mail.ru

ВЛАСОВА Виктория Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Сыктывкар). E-mail: vv505@hotmail.com

ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск); профессор Хэбэйского педагогического университета (Шицзячжуан, Китай). E-mail: dazishen@mail.ru

ГАРРИ Ирина Регбиевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, религиоведения и культурологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ). E-mail: irina.garri@imbt.ru

ГЕРАСИМОВА Виктория Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: gerasimova@bk.ru

ГЕРШ Ксения Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: bambizova@mail.ru

ГРИГОРЬЕВА Наталья Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права Юридического института Забайкальского государственного университета (Чита). E-mail: ashatan-75@mail.ru

ЗАЙКОВ Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, директор Арктического центра стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск). E-mail: k.zaikov@narfu.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КАТИОНОВ Олег Николаевич, доктор исторических наук, директор Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: korolek1953@gmail.com

КИРИЧЕНКО Светлана Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии, социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ). E-mail: l-a-n-a@mail.ru

КЛЮЕВА Вера Павловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: vormpk@gmail.com

КОРКИНА Татьяна Александровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Челябинского государственного университета; заведующая лабораторией «Управление развитием персонала» ООО «НИИОГР» (Челябинск). E-mail: kort2005@mail.ru

КРАСИЛЬНИКОВ Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета. E-mail: krass49@gmail.com

КУЛЕМЗИН Владислав Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: bersa@sibmail.com

КУТИЛОВА Лариса Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск). E-mail: kutiloval@rambler.ru

ЛОЙКО Ольга Тимофеевна, доктор философских наук, профессор, профессор Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: olgaloyko@tpu.ru

МАЙНИЧЕВА Анна Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск); главный научный сотрудник Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств. E-mail: annmaini@gmail.com

МАРХАНОВА Татьяна Фридриховна, кандидат исторических наук, переводчик ООО «Бест Плюс» (Улан-Удэ). E-mail: tatiyaba@mail.ru

МИХАЙЛЕНКО Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета (Екатеринбург). E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

НАГОРНЫХ Ольга Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета (Нижний Новгород). E-mail: aldan12@yandex.ru

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета. E-mail: dimario86@rambler.ru

ПЛЕХАНОВА Анна Максимовна, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ). E-mail: plehanova.am@mail.ru

РОЖКОВ Анатолий Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, директор по науке АО «Росинформуголь»; профессор кафедры государственного и муниципального управления в промышленных регионах Института экономики и управления промышленными предприятиями им. В.А. Роменца Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (Москва). E-mail: raa@riu.ru

РОМАНОВА Виктория Валентиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук Института политических наук Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова Министерства здравоохранения РФ. E-mail: victoriyarom@yandex.ru

САВВИНОВА Гульнара Егоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, заведующая сектором «Язык эпоса» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск). E-mail: savgul6767@mail.ru

САДОВОЙ Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией этносоциальных проблем Субтропического научного центра Российской академии наук (Сочи). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

СВЕШНИКОВ Антон Вадимович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: pucholik@rambler.ru

СОЛОВЕНКО Игорь Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, профессор Юргинского технологического института (филиал) Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: solovenko71@mail.ru

ТАЛАПОВ Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры кадастра и территориального планирования Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск). E-mail: talapoff@yandex.ru

УМНОВ Егор Евгеньевич, аспирант кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: istfak16@gmail.com

ФЕДОРОВ Сергей Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и историографии исторического факультета Курганского государственного университета. E-mail: serg.georg@mail.ru

ФЕКЛОВА Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук. E-mail: tat-feklova@yandex.ru

ХАКИМОВ Азизджон Шухратович, аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: Akhiles-92@bk.ru

ЧУРКИН Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета; ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: sherstova58@mail.ru

ШОК Наталия Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета (Нижний Новгород). E-mail: shok.nataliya@gmail.com

ЯНГУТОВ Леонид Евграфович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, координатор работ отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ). E-mail: yanguta@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2020 № 65

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 10.06.2020 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 23,7. Тираж 50 экз. Заказ № 4327. Цена свободная.

Дата выхода в свет 19.06.2020 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru